

В. Л. Дуров

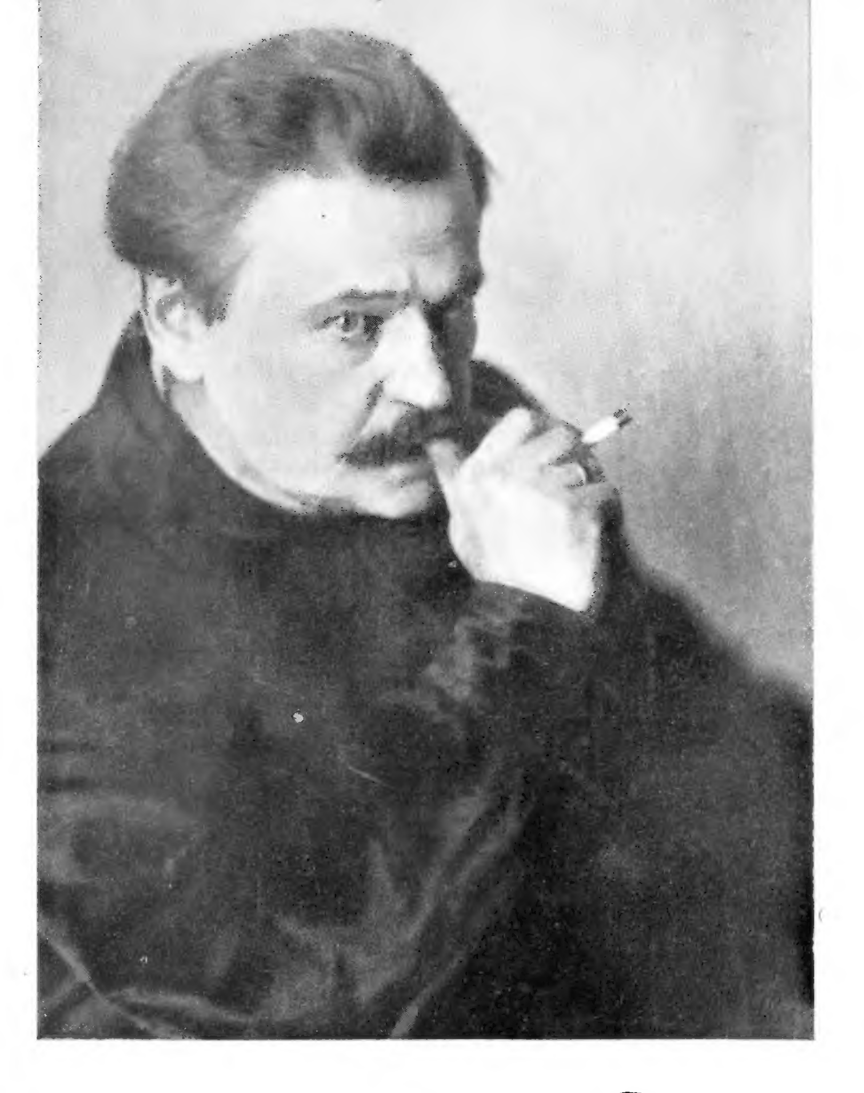
ДРЕССИРОВКА ЖИВОТНЫХ

Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу (40-летний опыт)

НОВОЕ в ЗООПСИХОЛОГИИ

Универсальное издательство
Москва — 1924

В. Л. Дуров

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Обширная работа В. Л. Дурова содержит богатый и разнообразный материал, который можно разделить на три группы. Во-первых, мы имеем здесь весьма большой материал по подробным наблюдениям за повседневным поведением разнообразных животных, с которыми В. Л. был в тесном общении в течение долгих лет своей работы над ними, а также материал по технике дрессировки.

Поведение некоторых животных изучалось В. Л. в форме ведения дневника, в который заносились с большим терпением, с протокольной подробностью все данные, которые удавалось подметить при повседневном наблюдении животного. Дрессировке подвергались разнообразные животные, принадлежащие к разным отрядам, при чем она производилась собственным оригинальным методом, без каких-либо побоев или насилий. Все своеобразные приемы дрессировки описаны автором весьма подробно, так что книга эта в этой своей части могла бы быть использована как своего рода руководство к дрессировке.

Дрессировка представляет несомненный интерес для зоопсихологии, и мы можем утверждать, что до сего времени такого подробного описания процесса дрессировки, без применения механического насилия, в литературе не существует.

В. Л. Дуров обладает большой наблюдательностью, и изложение им материала по поведению и дрессировке животных отличается большей детальностью, при чем им сообщаются новые факты из области зоопсихологии.

Вторая группа материала, собранного в этой книге, представляет собою описание некоторых наиболее выдающихся эпизодов из цирковой деятельности выдрессированных В. Л. Дуровым животных. Здесь автор затрагивает своеобразный мир цирковой арены, стоящей далеко от научной зоопсихологии, но в виду того, что сообщаемые факты иллюстрируют результаты дрессировки, они имеют определенный интерес, как зоопсихологический материал, показывая нам, до какой

прочности можно довести приобретенные навыки животных, так что они проявляются в самой далекой от естественных условий обстановке. Эта часть материала иногда изложена языком, необычным для научного сочинения, что можно отнести к тому, что речь идет не о лабораторной зоопсихологической работе, а о цирковых представлениях.

Третья часть материала представляет собою теоретические толкования автором сообщенных фактов в связи с существующими зоопсихологическими теориями. В настоящее время, как известно, работами школ И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, а также американской школы зоопсихологов (Behaviorism) вопрос о психологии животных поставлен на путь так называемого объективного изучения ее, как комплекса своеобразных рефлексов, характерных для высшей нервной деятельности. Эта точка зрения, давшая уже весьма ценные научные результаты, намеренно игнорирует внутренний мир животного и его переживания. Подход В. Л. Дурова к животному несколько иной. Он старается учесть внутренний мир животного, внутренние мотивы его поступков, любовно обращаясь с животным, как с чем-то человекоподобным, но со своеобразной психикой, применяя при этом даже приемы гипноза. В опытах так называемого мысленного внушения животным В. Л. Дурову принадлежит, как нам кажется, несомненный приоритет.

Своеобразные толкования поведения животных В. Л. Дуровым имеют несомненный интерес для зоопсихологии. Вообще можно приветствовать появление в печати этой книги, которая явится ценным вкладом в зоопсихологическую литературу и сделает общим достоянием и предметом научной критики результаты многолетней оригинальной работы, зоопсихологическая сторона которой была до сего времени известна только тесному кружку специалистов.

Написанная живым языком книга эта будет, несомненно, прочтена с интересом не только специалистами, но и широкой публикой, возбуждая любовь к животным и интерес к вопросам зоопсихологии.

Проф. Г. А. Кожевников.

Проф. А. В. Леонтович.

ВВЕДЕНИЕ.

Цель моей книги состоит в том, чтобы на основании моего полувекового опыта, как это ни странно, указать на громаднейший пробел в мировой человеческой культуре, состоящий в том, что человек прошел мимо своего богатства, т.-е. мимо животного мира. Из множества различных видов животных человек приблизил к себе только около сорока. Если предположить, что это случайность, что человек по пути своего развития уклонился от животного мира и пошел по пути механических изобретений, то опять-таки становится обидно за то, что человек не прогрессировал параллельно в том и другом направлении, ибо эти направления могли бы великолепно пополнять друг друга, и получился бы грандиозный плюс к усовершенствованию жизненных удобств человека.

Все это произошло только потому, кажется, что не было так много тысячелетий науки зоопсихологии. И вот в эту-то молодую науку, в этот будущий грандиозный храм я и хочу вложить свой кирпичик.

Этот мой кирпичик состоит, прежде всего, из моего способа дрессировки (описание его составит первую часть моей книги), который откроет нам новые горизонты.

И вот эти мои знания и добытые результаты я хочу отдать народу, как долг за то, что он своим посещением моих представлений и своим сочувствием и моральной поддержкой дал материальную возможность вести мою работу.

Поперхнувшись славой и употребив последний лавровый лист в минувшее голодное время в суп (простите за шутку), я спешу собрать все мои литературные труды, заметки, читанные мною лекции по психологии и зоопсихологии, секреты (которые мы, артисты, скрываем друг от друга из-за конкуренции и от публики, дабы продать подороже, т.-е. поэффектнее свою работу) и принести их на общественный алтарь.

По-моему, это будет не просто книга, а зеркало моей жизни и трудов. В ней я коснусь и психологии людей, так как эпоха, обстановка и соприкосновение с различными личностями, отражались различно на моей дрессировке животных, напр., эпоха мировой войны дала моей дрессировке совершенно новое, иное направление: я забросил показную дрессировку для увеселения и просвещения народа [1]) и обратил ее на спасение человеческих жизней и на дьявольские способы массового уничтожения, как радикальную меру для прекращения самоистребления. А теперь мои мысли направлены иначе: дрессировку применить, как живую силу, для культуры и просвещения на благо трудящихся всего мира.

Побудительным стимулом зоопсихологической работы моей жизни явилась внутренняя уверенность в том, что психология животного также доступна воздействию путем сугестии, путем восстановления нити взаимного понимания между психологией животного и человека. Эту точку зрения я положил в основу дрессировки, в основу волевого воздействия на психику животного. Таким образом, я раз навсегда отказался от метода воздействия на животную психику путем насилия, метода, легшего в основу дрессировки во всех странах. Путем ласки, путем установления взаимного доверия, я старался довести психику животного до состояния обезволивания.

Когда таким путем проникновение в подсознательный мир животного уже не встречало препятствий в волевом самостоятельном противодействии животной психики, я имел возможность путем внушения свободно сугестировать мою волю с соответственной животной психикой. Короче говоря, в основу моей дрессировки была положена проповедь любви, проповедь, отрицающая всякое насилие, проповедь методов, переносящих космическую борьбу между отдельными организованными индивидуумами из мира физического насилия в мир интеллектуального, психофизиологического взаимодействия. Я стремился мобилизовать этот мир, как идеальный мир для мироздания будущего.

Я шел, таким образом, с моими животными, с моими друзьями к великому царству справедливости, которое в человеческих отношениях грядет, как конечный идеал социализма.

Для меня было само собой понятно, что моей аудиторией не может быть соответственный научный институт, в тесном смысле этого слова. Ведь для моей работы необходимо верить в взаимодействие крупных комплексов людей (посетителей цирка), с одной сто-

[1]) Политической шуткой, сатирой и популяризацией естествознания.

роны, собственная психика—с другой, и, наконец, мои дрессированные животные—с третьей. Здесь, в этой аудитории, я широко ставил мои опыты, здесь я выступал с широкой пропагандой моего психологического миропонимания, и в этой аудитории, в которой были цирк и сама жизнь, я углублял, доказательно проводил то, что явилось целью всей моей жизни.

На первых же порах моей жизни я убедился, что для фиксации внимания моей аудитории необходимо в первую очередь отказаться от официально—научных методов популяризации; для живого интереса слушателей необходимо воспользоваться демократическими приемами шута русского балагана, этого самобытного художника, который достигал великого счастья, психологического симбиоза с широкими массами демократии. Поэтому я отказался от официального фрака лектора и одел шутовской костюм. Я могу засвидетельствовать лучшими моментами моих научно-артистических переживаний, что обе протянутые мной руки: одна—к демократической аудитории, другая—к миру моих животных друзей,—обе не оставались в воздухе. Мне удавалось достигать моментов нечеловеческого счастья претворения идеала в действительность. Между нами—тремя элементами, упомянутыми выше, устанавливался контакт единого психологического переживания, а стало быть и взаимопонимания. Вот почему моя работа доселе была своеобразною, шла своими путями, в стороне от официальной психологической экспериментальной работы. Вот почему между мною и академическим миром кадровой профессуры будут всегда существовать пункты и тезисы противоречивых научных заключений, ибо методы и цели нашей работы были различны.

Ныне, на старости лет моей мечтою было бы дополнить мою деятельность путем воссоздания соответственных зоопсихологических лабораторий и правильно обоснованных зоопарков с показательными выставками.

Близко соприкасаясь с жизнью, реагируя на нее, как артист и естествоиспытатель, я бы хотел, чтобы учреждения, мною проектированные, имели научное, общественное и экономическое значение. Меняясь взглядами с работниками советской общественности в области продовольствия и животноводства, мне удалось выяснить возможность проведения в жизнь учреждений, имеющих как научное, так и серьезное прикладное значение. Основание такого учреждения при Зоологическом саде могло бы дать возможность в ближайшем буду-

щем создать рассадники и резервуар правильно поставленного животноводства и в других местах, где это необходимо. Возможно было бы создать учреждение, имеющее научное, популяризационное и прикладное значение.

Во второй части моей книги я представлю разработанный проект такого учреждения. При правильной постановке дела, оно может стать центром дальнейшей плодотворной разработки науки о психологии животных, не говоря уже об огромном практическом значении такого учреждения.

В части I моего труда я поделюсь с читателями теми наблюдениями над психикой животных, которые я сделал.

Мне хочется, чтобы животные перестали быть для человека какими-то ходячими машинами [1]), которые он может эксплоатировать, как ему угодно, и по отношению к которым он не чувствует никаких нравственных обязательств.

Пусть он почувствует в животном личность, сознающую, думающую, радующуюся, страдающую. Понимая и уважая психику животного, он будет лучше понимать и уважать психику человека, а от этого взаимного понимания лучше станет жить.

Изучение психики животных с этой точки зрения приучит человека не только понимать, но и любить животное и вызывать его любовь к себе и тогда пользоваться его услугами часто и с его же желания; как проявление этого в некоторой степени мы часто встречаем у охотничьих собак в настоящее время. А при таких условиях пользы будет, конечно, значительно больше. Для изучения психики животных полезно было бы прежде всего решить следующие вопросы. Мы отлично знаем все душевные переживания наши, как-то: чувства, представления в мозгу, желания, стремления, влечения,—все это, мы, люди, называем психическим внутренним миром нашим.

Имеют ли животные свой внутренний психический мир? А если имеют, то какой? Такой ли, как наш, или особый другой? Если другой, то похожий ли на наш? Если похожий, то чем?

Для того, чтобы ответить на все эти вопросы, мы должны тщательно изучить психику животных.

Ученые, занимающиеся разрешением этих вопросов зоопсихологии делятся на два мира: на субъективистов и объективистов.

---

[1]) Взгляд, установленный со времен Декарта, и спорный еще до сих пор.

Первые изучают эти вопросы с своей точки зрения, сравнивая личные душевные переживания с переживаниями животных.

Объективисты отвергают подобный метод, а судят о психике животных только по поведению его, по наружным, видимым проявлениям этого поведения. Спору и критике нет конца.

Я в своем труде не придерживаюсь никаких заранее предвзятых направлений и тем не ставлю себя в ограниченные рамки, описывая в I части так, как могу, знаю и понимаю, а потому для критики обоих лагерей могу служить хорошей мишенью; но прошу меня щадить, ибо я многого и многого не знаю: я практик, самоучка и только. Как я уже говорил выше, в последующих частях настоящего труда, я коснусь также психики не только животных, но и людей, а также и своих собственных переживаний, начиная с моего детства. Считаю, что душевные переживания как человека, так и животного в значительной степени подвергаются влияниям окружающей обстановки, воспитывающей все переживания индивидуума.

Физические явления, а с ними и психические переживания каждого живого существа со дня своего зачатия, зависят от эволюции окружающей жизненной обстановки. Изменение этой физической обстановки в свою очередь изменяет и психические явления, а с ними и душевные переживания индивида. Я, одна из песчинок животного мира, благодаря меняющейся жизненной обстановке, воспитавшей мои психические переживания, создал этот труд, как синтез всех моих переживаний, хотел бы назвать его просто: „Я". [1]) У меня создалась особая жизненная обстановка, особые условия; у другого эти условия—другие, у третьего—третьи и т. д. Каждый из нас пишет по-своему, и в каждом отдельном случае труды будут отличаться друг от друга; но для того, чтобы труд каждого был достаточно усвоен и понят с точки зрения автора, который написал его, соответственно своим переживаниям, необходимо, по-моему, ознакомиться с обстоятельствами, вызвавшими эти переживания, т.-е. читателю должна быть известна возможно большая часть жизни автора.

Вот почему я считаю возможным коснуться биографических данных из своей жизни во II части.

---

[1]) Обстоятельства заставили меня изменить это мое намерение. Большинство моих близких, при обсуждении названия „Я", признали его не соответствующими научному содержанию книги. Я подчинился.

(*Автор*).

Да послужит это общим введением ко всей моей книге, а каждая часть ее будет иметь свое отдельное предисловие.

В заключение считаю своим приятным долгом принести глубокую признательность инж. Б. Б. Кажинскому, много потрудившемуся в деле систематизации того обширного материала из моих работ, который составляет теперь текст предлагаемой вниманию читателей книги.

В. Л. Дуров.

Москва, 6 декабря 1923 г.

ГЛАВА I.

Взаимоотношение психики человека и животного.

В первой части моей книги я опишу возможно полнее мой способ дрессировки, коим мне удалось достигнуть таких результатов, которые не были достигнуты общепринятыми способами. Полагаю поэтому, что мой способ заслуживает внимания, и особенно в виду того, что мне не приходилось нигде больше встречать применения таких приемов дрессировки, как мои. Они созданы и разработаны мною. И мне хотелось бы, чтобы они сделались достоянием общества и послужили бы ко благу человека как практическими результатами, к которым они приводят, так и теми интересными теоретическими выводами, которые из них вытекают.

Но мой способ есть способ живой; чтобы вполне усвоить его, нужно бы работать вместе со мной, изо дня в день, наблюдая животное и методически действуя на него. Я боюсь, что изложенный в виде короткого сухого описания, он не будет понят в достаточной степени. А потому я решаюсь помимо, более или менее краткого систематического изложения метода, поместить в этой книге и целый ряд подробностей, мелких фактов, различных случайностей, протоколы опытов, а также мои мысли по поводу их и т. п. Иногда я буду делать большие отступления в сторону. Но все это в конце-концов будет направлено к одной общей цели. Пусть читатель как бы сам присутствует при моей работе, и пусть из этих подробностей и второстепенных фактов он восстановляет для себя полную картину моего метода.

Начну рассказом о том событии моего детства, которое толкнуло меня к тому, чтобы большую часть моей жизни посвятить миру животных.

Я воспитывался в московской военной гимназии (впоследствии кадетский корпус). У нас, воспитанников, была любимая собачка „Жучка“, с которой мы ходили на стрельбу, играли на плацу и кор-

мили ее, уделяя кое-что из своего казенного стола. Дядька наш завел себе другую собаку, а нашу как-то обварил кипятком. Мы, воспитаники, в числе восьми человек, собрались на совет, решили отомстить дядьке и присудили принадлежащую ему собаку к смертной казни через повешение. Кинули между собою жребий, кому привести в исполнение приговор. Жребий пал на меня. Подманив предательски собаку к себе и накинув на нее петлю, я повел ее в сарай. Собака, помахивая хвостом, доверчиво пошла за мной. Перекинув конец веревки через балку, я начал ее тянуть. Хрип собаки, какой-то незнакомый мне страх, заставил сильно биться мое сердце. Холодный пот выступил у меня на лбу. Я чувствовал, что совершаю что-то необыкновенное, что-то из ряда вон выходящее. Мысли мои проносились в голове одна за другой. Имел ли я право отнимать жизнь, которую не давал? Почему я так волнуюсь, что скажут товарищи? Я трус? Нет! «Но честь мундира», жребий, все это заставило меня крепче зажать в руке веревку и сильнее ее тянуть к низу. Не глядя на собаку, я сделал над собою усилие и сразу потянул верёвку. Тяжесть дрыгающего тела, хрип собаки, сильно бьющееся мое сердце, дрожь всего тела, мысль, что я совершаю преступление,—все это заставило мою руку выпустить веревку. Тело упало. У меня как будто что-то внутри оборвалось.

В этот миг я полюбил умирающую собаку. Первая мысль была скорей прекратить ее страдания, т.-е. добить. «Бедная! Она сейчас мучается, скорей, скорей". Я хватаю первый попавшийся на глаза камень и, не глядя, бросаю в собаку. Глухой удар во что-то мягкое, я с ужасом оборачиваюсь и смотрю на собаку. Полные глаза слез, с выражением страдания и глубокой тоски, укоризненно, кротко смотрят на меня, как бы спрашивая: «За что? Что я тебе сделала?» Ноги мои подкосились и я упал без чувств. Когда я очнулся, то уже лежал в нашем лазарете (заболел нервной горячкой). Первое, что я увидел у подошедшего ко мне фельдшера, это глаза собаки страдальческие, укоризненно вопрощающие. Куда бы я ни смотрел, всюду видел эти тоскливые печальные глаза. С тех пор я понял, что и животные, также как и мы, люди, любят, страдают, радуются и наслаждаются. Я понял, что они такое же имеют право на жизнь, как и мы. На мое счастье, камень, брошенный мною, попал в глину. Собака осталась жива и потом попрежнему доверчиво подходила ко мне, помахивая хвостом. Ее ласки еще больше заставляли мучиться мою совесть. С тех пор со мной случился полный переворот: я ни одного животного не пропускал мимо себя без особого к нему вни-

мания и даже уважения. Я узнал тогда то, чего люди обычно не знают. Человек, царь земли, в своей гордости не желает снизойти к животным и принудить себя хоть немного понять их. Между человеком и животным вечное недоразумение.

Человек не понимает психики животного, а животное психики человека.

И от этого часто человек не может добиться от животного того, чего он хочет.

Мой способ дрессировки основан на изучении и понимании психики животного. Искусство этого обучения животных в том и состоит, чтобы правильно понимать психику животного.

Но каким образом познается животное? Для этого, кроме длительного наблюдения и тщательного изучения индивидуальных особенностей данного животного, необходимо прежде всего, во-первых, знакомство с естественной средой, среди которой рождается животное и где протекает его жизнь (ибо внешние условия его жизни накладывают отпечаток на внутренние его свойства), и, во-вторых, научное знакомство с его «историей», а также с теми явлениями, в его поведении, которые объясняются атавизмом. Атавизм, т.-е. проявление у потомков особенностей их предков, помогает нам разобраться в иных поступках животных, которые не вызываются данной обстановкой, но которые с первого взгляда, могут вызывать резко-несправедливое заключение об уме животного. Например, собака, перед тем, как ей лечь на диван, вертится несколько раз, свертывается в клубок и затем уже ложится на этом месте. С первого взгляда вам кажется, что с собакой что-то случилось. Вы при всем желании не можете найти объяснения ее действиям и называете собаку глупой. Вот тут-то вам и приходится воспользоваться вашим знанием истории происхождения данного животного. Закон проявления атавизма помогает вам разъяснить многое, на первый взгляд неразъяснимое. Отдаленные предки собак, жившие в диком состоянии в степях или на полях в высокой траве, кружились на одном месте, дабы своим телом смять траву и устроить таким образом себе логовище для спанья. Еще пример несправедливого заключения об уме животных.

Лошадь испугалась бумажки, лежащей на дороге, понесла и разбила вдребезги экипаж. Вы говорите, какая глупая лошадь и чего она испугалась? Человек обвинил лошадь, назвав ее глупой. Давайте же попробуем разобраться. Глупа ли она на самом деле? Природа,

которая умнее всех вместе взятых, устроила так: одним животным подарила прекрасное зрение, но зато слабое обоняние,—другим, наоборот, слабое зрение и превосходное обоняние. Лошадь имеет по природе слабое зрение и хорошее обоняние. Она, вледствие своего природного недостака, пугается какой-то бумажки, зато в туманную погоду, когда ни зги не видно, она вас довозит до самого дома. Итак, лошадь испугалась и понесла. Почему понесла?.

Природа распределила животных на убегающих и защищающихся. Убегающие: лошади, олени, лани, газели и др., защищающиеся: быки, коровы, буйволы, бизоны и др. Первобытное место нахождения лошади—степь, простор, где она всегда могла спастись от опасности бегством.

Человек взнуздал лошадь, впряг ее в экипаж, стянув со всех сторон, и в городах по узким переулкам заставил возить тяжести. Но вот испуг (прирожденное чувство) и... проснулось прежнее забытое, заглохшее чувство свободы. И лошадь, ничего не видя, бросилась как вихрь вперед, ломая все на своем пути, и часто разбиваясь сама. Виновата ли лошадь и можно ли за это назвать ее глупой? Лошадь, как было выше упомянуто, по природному инстинкту ищет спасения от опасности в бегстве.

У меня часто спрашивали дети: «Как это вы выучили глупых скотов?» Да глупы ли они, спрошу я вас? С точки зрения животного мы, люди, может быть, иногда бываем куда глупее их. И у них может быть такой же односторонний взгляд на нас, как и у нас на них,—шутил я. Кошка, может быть, в душе смеется, когда увидит, как люди мечутся одни с железными кочергами по комнате, а другие вскакивают на стол или падают в обморок, при виде малюсенького мышенка. А маленький зверек с сильно бьющимся сердечком ищет только выхода, куда бы удрать от вооруженных «великанов». Кошка смотрит и удивляется: «Стоит, мол, мне лапой цап,—и нет мышенка». Кто здесь умнее из троих: человек, кошка или мышенок? Судите, дети сами.

Боязливое чувство к крысам и брезгливость, ни на чем разумном не основанная, к в высшей степени чистоплотным грызунам по-моему, у человека происходит вследствие неправильного понимания. Подробнее о крысах я скажу ниже.

Часто мне задают вопрос: «какое, по-вашему, самое умное животное»? Самый вопрос я считаю неправильно поставленным. Каждое животное умно по-своему Я даже не скажу, как это ни будет парадоксально, что человек «умнее» животного: он умен по-своему,

а оно по своему. Это не поддается сравнению. Не поддается сравнению и ум различных животных, ибо невозможно установить общий критерий, которым можно бы измерить ум животных. Но если вы меня спросите, «какое животное легче поддается дрессировке»?, то этот вопрос будет задан правильно.

Из нескольких сотен различных пород животных, которых мне приходилось дрессировать, конечно, поддаются скорее и легче те, которые ближе стоят к человеку и более обезволены отбором и воспитанием (доместикацией), например, собаки.

Но различные породы собак также различно реагируют на приручение и воспитание.

Какие породы наиболее восприимчивы к дрессировке? Вполне прав Брем, когда он говорит: «Одного мы не должны забывать—влияния воспитания на характер животного». Животные точно так же, как люди, могут быть образованными, благовоспитанными, или необразованными и грубыми, невоспитанными.

Воспитатель имеет очень сильное влияние на животное и, без сомнения, наилучший для него воспитатель это человек. Для примера возьмем наше лучше всего воспитанное животное—собаку. С течением времени она становится во многих отношениях похожей на своего господина. Она усваивает, так сказать, его характер: охотничья собака усваивает характер охотника, собака моряка—его характер, собаки лопарей, эскимосов, индейцев—характер их владельцев, и действительно: ограниченный круг мыслей у борзой направлен почти исключительно в сторону охоты, пудель тратит значительную часть своих способностей на то, чтобы угадать намерение и желание хозяина.

Каждая порода обладает свойственными ей особенностями характера.

Универсальнее всех, по-моему, дворняжка, у которой все стороны характера развиты более равномерно, и которую тяжелая жизнь и самостоятельная борьба за существование наделили богатым опытом.

Первая из дрессированных мною собак была дворняжка «Каштанка». Один эпизод из ее жизни послужил сюжетом для рассказа незабвенного Антона Павловича Чехова.

Итак, изучив индивидуальные особенности животного, с которым вы имеете дело, среду, его воспитавшую, и считаясь с явлениями атавизма, вы, как в открытой книге, можете читать в его душе. Вот самый простой пример:

Речь собаки.

1) Собака отрывисто один раз (приподняв одно ухо) лает—«Ам»—это означает вопрос.

2) Поднятая кверху морда, протяжное, горловое—«Ау-у-у-у»—тоска.

3) Несколько раз повторенное нытье—«Мм-Мм-Мм»—просьба.

4) Рычание с оскаливанием зубов—«Рррр»—угроза.

5) Рычание с лаем—«Ррр-ам»—вызов на бой.

6) Виляние хвостом—радость.

7) Особое оскаливание зубов, похожее на смех у некоторых собак—благорасположение к хозяину и радость.

8) Переступание с ноги на ногу—выражает нетерпение.

9) К низу опущенные голова и хвост—горе, виноватость (а иногда и просьба ласки).

10) Тяжелый вздох—грустное настроение, м. б., воспоминание, мысленное переживание неприятного.

11) Зевота с визгом—тоска.

12) Гордо поднятая голова и задранный кверху качающийся хвост—кокетство, заигрывание, сознание силы перед противником, и т. д.

Все это: мимика, движение, голос, взгляд, составляют как бы своего рода речь собаки.

Как теперь дать животному понять себя?

Собака, положим, просится из комнаты в сад. Царапает дверь и вопросительно оглядывается на меня. Ясно, что она выражает желание, чтобы я встал из-за стола и открыл ей дверь. Я встаю, подхожу к двери и произношу с одной и той же интонацией слово: «гулять, гулять», и выпускаю ее.

После нескольких повторений стоит мне произнести слово «гулять», как она бежит к дверям. Я понял язык собаки, и она начинает меня понимать. Сначала запечатлевается в голове животного однообразная интонация, с которой произносится известное слово. А потом уже это слово запоминается собакой, как таковое.

Произносите со временем это слово, другой интонацией—собака его узнает и поймет. Это действие я назову «интонировкой». Приучить интонацией—«интонировать».

Вот вам первоначальная азбука дрессировки животных. Чем больше вы будете «разговаривать» с собакой, тем лучше для нее. То же самое и с ребенком. При рождении он маленькое животное,

которое не умеет говорить и учится этому от нас. Незаметно, все больше и больше он развивается и приобретает все больше и больше слов и понятий.

Приведу теперь пример взаимного непонимания человека и животного.

Собака натворила что-нибудь в комнате. Вы приходите и замечаете это.

Собака спокойно лежит под диваном. Вы приходите к ней с выговором, вам одному понятным, и ударяете ее. Она недоумевает, за что вы ее бьете, ибо между совершением ее «проступка» с вашей точки зрения и вашим приходом прошло продолжительное время, в течение которого она успела позабыть свои действия, так как в ее поступке была лишь естественная необходимость.

Следущий раз опять та же история. Вы приходите, хватаете ее уже за шиворот, причиняя боль, тащите к месту преступления. Собака, не понимая ваших действий, инстинктивно упирается лапами и старается освободиться от мучительной боли. Вы тоже как бы теряете рассудок и, не помня себя от озлобления, бьете ее куда и как попало. Собака визжит, недоумевая, за что любимый ею человек причиняет ей такую боль. Но вот новый удар сильнее прежнего заставляет ее уже не рассуждать, а в страхе избежать болевых ощущений. Собака теряет рассудок. Умолкает. Но на нее сыпятся вновь удар за ударом. Страх, заставивший ее вырываться, притупляется и уступает место уже чувству самозащиты. Она начинает инстинктивно огрызаться. Еще удар, и собака на вас бросается. Вы разжимаете руку, ее державшую, и злость у собаки немедленно опять заменяется трусостью. Тяжело дыша, высунув язык, она забивается в угол, избитая и угнетенная, с полным непониманием всего происшедшего. Так человек и животное не сближаются, а расходятся, не понимая друг друга. Виноват, конечно, прежде всего человек.

Как же я поступаю, когда собака провинится? Если собака ведет себя неучтиво не в моем присутствии, я на это совершенно не реагирую.

Если же это происходит при мне, то я, во время совершения собакой «проступка» (с человеческой точки зрения), произношу протяжный звук «тссссс»..., при чем смотрю ей прямо в глаза и делаю угрожающее движение всем туловищем. Можно применять для порицания и другие звуки и движения, но необходимо, чтобы они всегда были одни и те же. По глазам собаки, по их выражению, по движению ушей и хвоста, я вижу, поняла ли меня собака, и затем одно-

тонно повторяю какое-нибудь слово несколько раз подряд, предположим: «нельзя». Собака поджимает хвост, опускает низко голову и виновато отходит. Это значит, она поняла. Я продолжаю ее укорять: «как тебе не стыдно», или какой-нибудь другой фразой. Если собака совершила «проступок» во второй, третий раз, даже не в моем присутствии, я указываю ей на «место преступления» и восклицаю: «Это что значит?», производя в то же время звук «тссссс...». И опять укоризненный выговор с прежней интонацией, и мы уже друг друга понимаем. Это не все. Ранее или одновременно приучают собаку ходить на дворе, выводя ее через некоторое время после кормления.

Многие люди не только не понимают психологии животных, но не понимают даже души ребенка. За примерами ходить недалеко.

Няня ведет за руку ребенка. У ребенка есть потребность поднести камушек ко рту. Няня резко вырывает из его рук камушек, причиняя тем невольно боль ребенку. Хотя слегка, но все же бьет по ручкам. Ребенок начинает реветь и не слышит причитаний няньки. Подымающийся шум нежелателен няне. Она старается перекричать ребенка, заглушить его плач. Ребенок уже хрипит от крика. Няня и ребенок друг друга не поняли.

Я решительно отказываюсь понимать тех дрессировщиков, которые во многих случаях прибегают к насилию, желая научить чему-нибудь животное.

Дрессировщики мучают себя и животное. В этом случае они мне напоминают няньку с ребенком. И если животные все-таки у них исполняют что-нибудь, то не из сознательного повиновения, а механически.

Механическая дрессировка. (Общепринятый способ).

Я разделяю искусство дрессировки животных на два способа: поощрительный и болевой—механический. Первым способом я называю способ, который, к несчастью, исключительно применяю, пока только я один—способ основанный на тщательном изучении психики животного, и ему, этому способу [1]), посвящается большая часть моей книги.

Но чтобы виднее были все его преимущества, я считаю необходимым сначала познакомить читателя со старым общепринятым

---

[1]) Способ закрепления эмоций, путем поощрения стремлений к природным движениям у животного с использованием этих движений для моих целей.

механическим способом, основанном на причинении животному боли и механическом вызывании этим путем нужных движений, которые связываются с определенными словами.

Возьмем, например, обыкновенную упряжную лошадь. Кучер, или извозчик ударяет лошадь кнутом по спине, при этом произносит «но-о». Понятно, что лошадь идет вперед, как бы уходя от удара. Если это действие происходит часто, то лошадь достаточно привыкает. Довольно уже произнести «но-о» и замахнуться кнутом, как лошадь уже бежит вперед. Извозчик тянет за вожжу и гнет лошадиную голову направо, при этом ударяет кнутом, лошадь бежит направо. Здесь поощрительной дрессировки и помину нет.

Возьмем цирковую лошадь. Предположим дрессировщику нужно выучить лошадь «маршировать». Дело происходит на арене. Учит дрессировщик и два кучера. Первый кучер держит лошадь под уздцы, стоя у барьера. При малейшей попытке рвануться вперед, дергает лошадь за узду, причиняя боль губам. Лошадь пятится назад. Второй кучер ударяет сзади шамбарьером[1]), а дрессировщик методически бьет лошадь хлыстом по левой стороне груди.

Кончик хлыста сечет одно и то же место. Лошадь, желая освободиться от боли хлыста, рвется вперед, получает удар от первого кучера по носу и боль от уздечки, пятится назад, получает удар шамбарьером от второго кучера. И ровные, методические, как часы, удары хлыста, не переставая, секут левую сторону груди. Лошадь вся в мыле, топчется на одном месте.

Дрессировщик же продолжает бить хлыстом по одному и тому же месту до тех пор, пока она рефлективно, сокращая мускулы, не поднимет левую ногу, чтобы закрыть и защитить наболевшее место. Хлыст сразу перестает действовать, опускается, но... не на долго. Лошадь, тяжело дыша, стоит как вкопанная, но вот опять хлыст поднимается и сечет по прежнему месту. Опять старая процедура. Лошадь рвется вперед (боль от уздечки) и назад (от шамбарьера), а хлыст делает свое дело. Лошадь опять поднимает ногу и опять временно прекращается сечение. Чем дальше, тем чаще лошадь поднимает ногу, с силой ударяя копытом о землю, как бы этим движением прекращая мучительное сечение. Дрессировщик хлыстом бьет ее уже по другой стороне груди до тех пор, пока лошадь не поднимет правую ногу. И это происходит каждый день в одно и то же время методически, аккуратно. Лошадь вся в мыле. Дрессировщик и

[1]) Цирковой бич.

кучера устали. Короткий отдых и опять лошадь, при виде поднятого хлыста, вздрагивает и, не дожидаясь удара, поднимает моментально левую ногу, затем хлыст опускается, приближаясь ближе к лошади, снова приподнимается, как бы для удара по правой стороне груди, и... лошадь быстро поднимает правую ногу и т. д.,—получилась ассоциация по смежности.

Когда лошадь твердо усвоит движение хлыста и безошибочно поднимает то правую, то левую ногу, тогда, при щелкании языком дрессировщика, первый кучер делает шаг вперед так, чтобы поднятая нога лошади ступала на землю на аршин вперед. При опускании правой ноги проделываете то же самое. И вот номер маршировки почти готов. Лошадь по движению хлыста марширует сначала с помощью кучеров, а потом уже и одна.

В этом же роде производятся в цирках почти все манипуляции с лошадьми и другими животными. Школа эта с различными вариациями введена очень давно во всех цирках преимущественно немцами и итальянцами. Дрессировщик, чем больше сам превращается в машину, тем успешнее его работа.

Главный помощник такого дрессировщика—шамбарьер.

Кончик шамбарьера указывает, куда лошади бежать. Если конец древка сзади лошади, находящейся у барьера, лошадь бежит от него вперед. Если впереди лошади появляется шамбарьер, лошадь делает шанже, т.-е. перебегает на другую сторону манежа. А если конец древка шамбарьера появляется почти одновременно и сзади и спереди и опять сзади лошади, то она делает вольтс (пируэт).

Бич для диких зверей играет почти ту же самую роль, что шамбарьер для лошади, только он грубее и примитивнее. Шамбарьером можно тушировать [1]), а бичем это очень трудно сделать.

«Тушировка» на цирковом жаргоне значит такой удар шамбарьером, чтобы лошадь почувствовала боль совершенно с другой стороны от дрессировщика а именно: если дрессировщик ходит в центре манежа правым плечом вперед, лошадь бежит у барьера вправо, то дрессировщик бьет шамбарьером так, чтобы кончик бича попал по правому боку лошади. Шнур шамбарьера обвивается кругом зада лошади и конец его врезывается в кожу лошади с противоположной стороны от дрессировщика. Получая удар сзади, лошадь подбегает к дрессировщику на средину арены. Он бьет хлыстом лошадь по ногам

[1]) „Туше“—трогать.

ниже колен, и лошадь подгибает ноги, становится на колени, желая тем защитить наболевшие места от нового удара. Все это относится к механической дрессировке.

Укротители зверей. Еще пример: в *Гамбурге*, в зоологическом парке известного поставщика зверей на все мировые рынки, Карла Гагенбека, каждый год в известные периоды нарождаются новые поколения диких животных. Гагенбек составляет заранее намеченную им группу зверей: из молоденьких львят, тигров, белых медвежат и др. К каждой такой группе назначает одного из своих испытанных служащих. Выбранный и законтрактованный на несколько лет служащий должен в будущем играть роль укротителя зверей, разъезжать по всему земному шару с животными Гагенбека как бы самостоятельно, давать представления. Укротитель ежедневно аккуратно является в клетку к своей группе, состоящей из молоденьких, четырехмесячных котят, и первая обязанность его—бить и гонять из одного угла клетки в другую, методически *одним и тем же бичом* всю свою группу молоденьких зверенышей. Звери растут под постоянным впечатлением и с одним сознанием, что человек, приходящий к ним ежедневно, держит в руке сильного, страшного зверя, бич, от которого они должны бегать из одного конца клетки в другой, чтобы избежать ударов. При появлении укротителя со своим хлопающим бичом, звери, как шальные, шарахаются в отдаленный конец клетки.

Укротитель подходит к ним, звери от него—в другой конец клетки. Первый номер готов. Теперь дальше. Снаружи в клетку вдвигается глухой барьер. Звери сначала, боясь нового предмета, сбиваются в кучу, но вот приходит в действие бич, и котята, забыв все на свете, прыгают волей-неволей через препятствие. Группа, перелезая и прыгая через барьер, удирает от самого ужасного с их точки зрения—от бича. Второй номер готов. Сам укротитель не так страшен, но бич в его руках--это «все». Когда укротитель, бросая бич, грубо и больно ласкает зверей, так, чтобы зверь чувствовал тяжесть и силу руки, они неохотно, но по привычке терпят эту якобы ласку. Стоит появиться бичу в руках укротителя, как звери прижимают уши и удирают подальше в угол, или жмутся к стенкам клетки.

Под таким впечатлением, не сознавая своей силы, и растет хищник. В последующие дни к сдвинутому барьеру сверху прикладывают железный обруч, обвернутый войлоком, пропитанный керосином или спиртом. Сначала бич заставляет зверей прыгать в обруч, иной ведь дороги нет, а затем обруч зажигается, и звери, как сума-

сшедшие, прыгают в горящий обруч—«мимо не пробежишь, попадешь под бич. А бич для нас страшней огня, страшней всего на свете».

Бич—это тот же кнут для извощичьих лошадей и шамбарьер—для цирковых животных; бич—гроза для хищников, делает свое дело до тех пор, пока звери беспрекословно, поджав трусливо хвосты и опустив головы, не садятся на свои места. Но этот номер не готов. Таких покорных и трусливых зверей показывать публике не годится: забитые, запуганные, послушные хищники произведут неприятное впечатление. Надо продать номер иначе, т.-е. заставить публику дрожать за жизнь укротителя и тем именно произвести известный эффект. Для этого некоторые дрессировщики поступают так: чтобы обмануть публику, надо раньше обмануть животное. Укротитель берет в левую руку (в правой у него бич) железную короткую вилку. Этой вилкой укротитель на репетиции слегка колет хищника, который сначала убегает, или уходит прочь.

Укротитель медленно подвигается к хищнику и опять слегка колет.

Лев, видя бич опущенным, без действия, открывает пасть, как бы угрожая железной вилке—новому предмету, появившемуся впервые в клетке. При рычании и открытой пасти, вилка принимается прочь. Через несколько времени опять легкое покалывание—опять угроза со стороны хищника, и вилка бросается в сторону. В следующий раз дрессировщик более чувствительно покалывает хищника, на что зверь иначе реагирует: грозно рыча, ударяет лапой по железной вилке, что и требовалось доказать. Этот прием назову «трусо-обман». И так, исполняя приказание, лев все-таки изредка рычит и машет лапой, как будто на укротителя, а на самом деле только на железную вилку. Возможно, что в сознании животного, вилка—это самостоятельное существо, которого оно боится, но от которого можно отмахнуться, или его поцарапать, пока бича нет.

Животное обмануто—обманут и зритель, но все-таки этого мало. Надо показать еще нагляднее и убедительнее, что укротитель подвергается смертельной опасности. Во время представления со зверями публика уже наэлектризована тем, что львы злобно рычат и замахиваются на проходящего мимо укротителя. Когда же кончается номер, и он, выскакивая из клетки, быстро захлопывает за собой дверцу, звери разъяренные бросаются вслед за укротителем к закрывшейся двери, ревут и когтями царапают железные прутья решетки. Публика ахает и облегченно вздыхает, когда невредимый, спокойный, торжествующий укротитель победоносно раскланивается вне клетки.

Шумное нервное «браво» провожает укротителя. Произведен известный фурор. Как же достигается этот эффект? А вот как: на репетиции, когда посторонних не пускают, мы видим укротителя, находящегося в клетке, со своей группой. Но обыкновенно он гоняет зверей бичем, грубо ласкает так, чтобы зверь чувствовал тяжесть и силу руки. Затем быстро выходит из клетки, и как только за ним захлопывается дверь, помощники укротителя просовывают в клетку длинные деревянные пики, дразнят ими зверей, колют острым древком до тех пор, пока животные не бросятся на древки и не станут их грызть. Тотчас же служащие убирают пики. Больше всего стараются дразнить животных через дверцы, поэтому то хищники, по уходе укротителя, бросаются к дверце авансом. Ревут, дабы напугать пики, а не укротителя, который здесь не при чем.

Обман á la дрессировка.

Укрощения горячим раскаленным железом или электрическим током я за всю долгую жизнь в цирках никогда не видал. Это ни на чем не основанное предположение публики. Да этого и не требуется. Правда, некий X и еще У когда-то устраивали нечто подобное, даже, пожалуй, и хуже, но эти два субъекта остались за всю мою жизнь, к счастью, без подражателей. Но иногда под видом особенно изумительных результатов дрессировки публике показываются фокусы, ничего общего с дрессировкой не имеющие.

Вот два примера:

Клоун X афишировал свой номер так: «Дрессированная лягушка, которая по приказанию под музыку будет канканировать». При этом X распустил слухи косвенно через прессу, что за слишком вульгарные позы лягушки, одно время был запрещен этот номер. Номер состоял в следующем: на арене помещался экран, на котором посредством волшебного фонаря отражалась живая лягушка в увеличенном виде. По команде X оркестр играл какой-то танец и лягушка начинала отчаянно дрыгать своими лапами. Музыка останавливалась и лягушка одновременно приходила в неподвижное состояние.

Номер этот исполнялся так: в волшебный фонарь вставлялся маленький узкий стеклянный аквариум с крохотной лягушкой. В аквариум был пропущен электрический ток. По желанию X замыкал и размыкал его, и лягушка, страдая, дрыгала ногами.

Клоун У несколько лет тому назад в Петербурге показывал кошачий концерт. На столе, закрытом со всех сторон, был посажен ряд котов, тоже закрытых сверху особым футляром. Стол вносился на арену, футляр поднимался и по приказанию У каждая кошка поочередно издавала душу раздирающие звуки. Затем, как бы по мановению палочки клоуна, все коты сразу вместе кричали. Закулисная сторона этого номера следующая: в столе под каждым сидящим котом (самок среди них не было) были сделаны незаметные отверстия, в которые продевались жильные струны. Каждый кот был заранее привязан струной к тестикулам, другой конец струны прикреплялся под столом к перекладине, на которой была изображена номерация. Человек, сидящий под столом и скрытый от глаз публики скатертью, дергал по очереди за струны, производя тем страшную, неописуемую боль котам, которые, не будучи в состоянии оторваться, издавали душу раздирающие звуки, прежде поодиночно, а потом и все вместе, согласно желанию истязателей. Все вышесказанное на цирковом жаргоне тоже называется дрессировкой.

Если поглубже посмотреть, то все эти механические способы одинаковы, разница между ними в более или менее сильном или слабом причинении страданий и разного рода неприятных ощущений животным. Это все, между прочим, считается профессиональной тайной дрессировщиков.

Не могу не отметить, что эти тайны фактически причиняют громадный вред, вводя в заблуждение иногда даже серьезных ученых. Вот пример: в своей книге „Социальная жизнь животных", опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии А. Эспинаса (пер. с франц.), на стр. 158, «Случайные общества», ученый пишет в примечании:

«Мы не говорим о слишком случайных обществах, устанавливающихся между жвачными животными и человеком, и которые, не переживая первого поколения сообщников, по большей части исключают возможность воспроизведения или уничтожают его плоды. Нет ни одного животного, которое страхом, лаской, настойчивостью или уходом за ним нельзя было бы покорить и довести до того, что оно будет нам оказывать какие-либо услуги. Типом этих животных может быть слон. Известно, каких результатов достигают некоторые укротители свирепых животных, «заклинатели» змей, обучатели птиц, и всякий из нас еще помнит дрессированных блох, выделывающих разные штуки. Лебок показывал осу, которую ему удалось приучить, а Руже приучил к себе целое гнездо шершней. Эти

единичные или по меньшей мере отрывочные факты, конечно, не заслуживают изучения в качестве социальных явлений, но на них можно указать, как на добавочные штрихи, служащие к уяснению первых шагов по пути приучения. Нет ни одного умственно одаренного вида, который бы неподвергался подобным опытам, производившимся с большей или меньшей настойчивостью, смотря по ожидаемой выгоде и полученным результатам».

Не буду вдаваться в критическую оценку сущности проводимых идей маститого ученого, но не могу не остановиться с горькой улыбкой на факте введения в заблуждение ученых профессиональными тайнами дрессировщиков.

Здесь на-лицо один из этих фактов. Обращаю ваше внимание на приводимые примеры А. Эспинасом приручения и дрессировки блох, осы и шмелей. Если считать, что приручение есть дрессировка (нач. стадия), то глубоко ошибается ученый, прочитав афишу «Цирк дрессированных блох».

Позволю осветить сущность процесса «дрессировки блох». Предприимчивый немец, а он, как говорят, выдумал обезьяну, предварительно берет осторожно блоху, благодаря случайному обществу, установившемуся между насекомым—блохой и предпринимателем-человеком, осторожно, с помощью увеличительного стекла, пинцетиком придерживает ее за талию, а затем тонким металлическим волоском привязывает блоху к бумажной карете. Пущенное на стеклянной поверхности насекомое, не имея возможности прыгать, старается освободиться от навязанной ей ноши и продвигается своими лапками,—номер готов, блоха приручена и выдрессирована. Волею судеб сделалась артисткой.

Номер второй: надо заставить танцовать госпожу «блоху». Опять применяются инструменты часовых дел мастера и на блоху надевается бумажная юбочка. Шевелится «счастливая» блоха по стеклу, крутится на одном месте в бурном вальсе, и не падает, благодаря устанавливающей баланс бумажной конусообразной юбочке. Второй экстраодинарный номер цирковой программы готов.

Перейдем к третьему: немец с теми же материалами привязывает за талию «мадемуазель» блоху спиной к шляпной булавке, за острый конец булавки держится немец, на другом конце ее вертикально висит «мадемуазель» блоха. Своими длинными и цепкими ножками перебирает она по воздуху, как ученик пальцами в первом упражнении на рояле. Тут немец подносит к цепким ножкам «счастливой» блохи заранее приготовленную бумажную мельницу, и

блоха с радостью, почуяв опору, начинает вертеть крылья в бумажной ветряной мельнице.

Третий номер воздушной гимнастики готов. Пора открывать цирк. И вот на вывеске магазина красуются саженные слова: «Цирк блох». Первый раз в России «дрессированные» блохи. Цена такая-то. И идет весь мир людской и ученые сего мира в магазин, становясь в очередь, а потом в своих уважаемых и ценных в высшей степени трудах уделяют место в миг испеченным черным артистам, приписывая им смышленность и разумность, обеспечивающие за человеком их добровольное сотрудничество, и не могут никогда забыть, благодарные профессора «дрессированных» блох, выделывающих разные штуки, для удовольствия и науки.

Не могу не вспомнить имевший место в одном из таких магазинов «дрессированных» блох случай с одним из недавно вымерших типов, замоскворецким купцом. Протиснув себя поближе к стеклянному столу, к арене блох, купец в длиннополом засаленном сюртуке, с отвисшим пузом и с трехэтажными складками на жирной шее, сопя, перегнувшись, с любопытством следит за медленно двигающимися по стеклу усталыми артистами. На губах у купца показалась слюна, с трудом разогнувши спину, купец спрашивает предпринимателя: «Немец, почем блоха»? Антрепенер сначала уверяет, что блохи ученые и он ими не торгует, а затем, видя оттопыренный лежащий в боковом кармане толстый бумажник купца, съезжает тоном ниже и на настойчивое требование продать, отвечает: я их кормлю собственной своей кровью, а потому менее ста рублей за штуку взять не могу. Оценивая свою кровь в сто рублей, немец упорно стоял на своем. Поторговавшись по привычке, купец вытащил свой бумажник и, отсчитав сто новеньких рублевок, бросил их на стеклянную арену. Окружающие посетители с возрастающим интересом следили за оригинальной торговлей, ожидая с нетерпением разрешения вопроса: для чего нужна купцу блоха? Купец Тит Титыч осторожно пухлыми пальцами правой руки взял блоху и положил ее на ноготь большого пальца левой руки. Прихлопнув другим ногтем большого пальца блоху, сказал: «умри, окаянная», и, подобрав обратно повисшие слюни в рот, удовлетворенный и облегченный вышел из магазина, мимоходом стерев о задний карман сюртука немецкую кровь.

Так погибла одна из знаменитых артисток.

И с тех пор, блохи всего мира носят по ней траур. Вот почему все блохи черные.—Извиняюсь за мою шутку.

Эмоциональная дрессировка [1])

(*мой способ дрессировки*).

Основание его. Мой способ дрессировки, который я называю эмоциональным, т.-е. воздействующим непосредственно на разум, сознание животного, построен на другом принципе. Принцип этот, наталкивание животного на определенное движение,—творчество, то активное, светлое творчество, которым жизнь идет вперед по пути своего развития. Но творчество задерживается страданием. Оно возбуждается радостью. Поэтому мой способ не допускает болевых ощущений, ибо боль заставляет тупеть сознание, что ни в коем случае не допустимо. Малейшее отступление в сторону меняет мое эмоциональное поощрительное на механическое и желаемый результат не достигается.

Вся суть в том, чтобы сознание, ум животного был свободен от чувства подавленности, проистекающего часто от внешнего давления. Старое человеческое бурсачье воспитание говорит за это: учеников били по темени линейкой, пороли и т. п. Они задалбливали непонятное и, не перерабатывая затем в мозгу, отвечали несуразное, а сами впоследствии тупели.

Наоборот, следует создавать бодрящую, светлую обстановку, вызывающую чувство подъема [2]). Мои ученики, почти каждый раз за исполнение задания, в виде поощрения, получают лакомство, что и заставляет их охотно, несколько раз подряд, исполнять заданное. Назовем это действие вкусовым поощрением или сокращенно: вкусопоощрением.

Некоторые наблюдатели, интересующиеся моим способом, ложно предполагают, что можно воздействовать на животное голодом, видя, как я, за каждый сделанный трюк, угощаю чем-то животное.

Голод, как и боль, одинаково отрицательно действуют на психику животного. Внимание голодного животного будет направлено исключительно на еду, что опять-таки, как и чувство боли, громадный минус для моего способа.

---

[1]) Моя терминология (*автор*).

[2]) Я не смотрю на животное, как на машину, я их понимаю, как своеобразно мыслящее и часто тонко чувствующее существо.

Я не допускаю, чтобы переполнение желудка тоже содействовало развитию внимания. Голод вреден не только животному, но и человеку, трудящемуся и работающему мозгами. Голод или жажда, например, у крыс, совсем недопустимы. Один мой подражатель, поверхностно узнав мой прием дрессировки крыс, вздумал завести себе таких крыс и их не кормил и не поил несколько часов и получилось следующее: крысы бросились на слабейших, загрызли их и выпили кровь у товарищей, утолив свою жажду. Попробуйте не кормить собаку, предположим, двое суток и начинайте дрессировать. Возьмем хотя бы несложную задачу, задачу первоначально азбучную. Нужно выучить, чтобы собака по слову «садись» опустила бы зад и села у ваших ног.

На столе стоит тарелка с мясом, вы ее берете. Собака охотно бегает за вами. Тогда вы ставите тарелку на стол, и приказываете: «Трезор, садись!» Собака с жадностью смотрить не на вас, а на тарелку с мясом и как бы не слышит, что вы ей говорите. Вы возвышаете голос, поднимаете руку, топаете ногой, собака не спускает глаз с тарелки, внимание ее направлено на мясо, слюнки текут и она как бы глуха и слепа. Вы для нее—ничто. Напрасно вы сердитесь на нее, наконец, пробуете спрятать мясо и ставите его на шкаф. Собака следит за вашим малейшим движением и начинает прыгать на шкаф, жалобно визжа. Вы пробуете прятать мясо в карман. Собака не спускает глаз с вашего кармана. Ваш возглас: «Трезор, садись!»—напрасен. Вы делаете шаг назад, собака за вами, вы начинаете приближаться к ней, она пятится задом от вас, не спуская ни на секунду глаз с вашего кармана. Тогда вам приходит в голову насильно, посредством нажима рукой на спину, заставить Трезора сесть. Трезор, как только вы прикоснулись к его спине, считает ваше движение за ласку, моментально бросается к вашему карману и тычет мордой или рвет когтями ваш карман. Вы толкаете его ногой и насильно кладете на пол. Тут уже конец вашему терпению, и начался болевой, механической способ дрессировки. Вот вам голод не помог, а наоборот.

Итак, основным условием моего метода является бодрое, творческое настроение животного. Ни боль, ни голод, ни переутомление не допустимы.

Таков основной тон. Но что же дальше?

Животное находится в требуемом творческом настроении. Но как же теперь заставить его слушаться, т.-е. творить в нужном для нас направлении?

Исходная форма воздействия.

Я убежден, что основанием воздействия на животное в моем способе является то еще не достаточное изученное нами влияние, которое мы называем внушением, а иногда гипнозом.

Когда мы разговариваем с людьми и стараемся передать им наши мысли, то мы тоже в сущности внушаем им. Но не об этом сознательном словесном внушении я говорю здесь.

Помимо того внушения, исходящего из наших сознательных центров и передаваемого словами, существует другая форма психического воздействия, психического общения между живыми существами, часто не сознаваемая ясно и совершающаяся не через посредство слов, а каким-то еще неясным для нас способом. С одной стороны, можно предположить, что здесь воспринимающий как-то автоматически угадывает мысль воздействующего по его мимике, жестам и т. п. Некоторые психологи думают, что в этом случае психическое состояние одного существа передается другому при помощи лучистых колебаний эфира, т.-е. как бы нервных волн, которые, подобно электрическим волнам в беспроволочном телеграфе, выходят из одного сознательного организма и входят в другой. Может быть, оба эти механизма действуют вместе, это, разумеется, только гипотеза. Но самая эта непонятная, чудесная передача психики, мыслей, чувств, желаний несомненно существует. Из нее-то я и исхожу при работе и она-то и кладется в основание моего метода дрессировки. Животное, благодаря радостной, творческой обстановке, вступает со мною в психический контакт и уже заранее смутно предчувствует, предугадывает, что мне от него нужно, что оно должно сделать. И вот на этой-то подготовленной почве безотчетного предугадывания я начинаю действовать техническими приемами моего метода (см. описание ниже), вследствие чего и достигаю своих общеизвестных результатов.

Но читателю нужно удостовериться, убедиться в том, что такой способ психической передачи действительно существует.

Я приведу три случая в моей жизни, когда, при некоторых исключительных обстоятельствах, мне удалось воздействовать на животных при помощи одного лишь внутреннего моего духовного напряжения, не применяя технических приемов, заставить их делать то, что мне нужно. Эти случаи, думается мне, довольно ясно обнаруживают существование этой таинственной формы психической передачи мысли от одного мыслящего существа другому.

Первый случай был в начале моей артистической деятельности. Я временно жил в селе Богородском. Это дачное место близ Москвы, за Сокольниками. Мне было тогда 14 лет. Играя на биллиарде в ресторане с товарищами, мы разговорились о том, кто трус, кто храбрый. В нашей компании был молодой Ланин. Его родители имели в Богородске несколько лучших дач. Отец имел завод минеральных вод (знаменитая ланинская вода). Молодой Ланин рассказал нам, что у них одна дача пустая и в ней живет только собака—злой ульмский дог. Сначала собака жила на свободе, но неоднократное составление протоколов за его укусы проходящих обывателей, заставило Ланина запереть дога в отдельную небольшую дачу. Собаке передавалась пища через окно на веревке. Живя в одиночестве, вечно на запоре, собака совсем одичала. Я предложил следующее пари. если я войду в дом один и дог меня не тронет, то я выигрываю пари. Мое предложение было подхвачено, и Ланин принял пари. Тотчас же во главе с ним мы отправились к даче ульмского дога. По дороге я предварительно изложил мое требование, которое еще более заставило товарищей удивляться и считать меня первым храбрецом в мире, хотя это мое предложение далеко не было доказательством моей храбрости. Зная еще тогда, хотя и смутно, психику собак, я предупреждал своим заявлением могущие быть нежелательные явления, ставя в обязанность нашего пари следующее: как только я войду в дачу, тотчас же товарищи должны запереть дверь за мной на ключ. Понятно, на первый взгляд это еще более казалось опасным и рискованным. Условие было принято, и вот за запираемой дверью ключ щелкнул, и я один в комнате. Товарищи снаружи прильнули к стеклам окон смотреть через спущенные сломанные жалюзи и ждали, когда дог будет меня грызть. Без мебели, пустая, состоящая из пяти комнат дачка! В одной, самой отдаленной от входа комнатке стоял на трех ножках сломанный диван. При моем появлении ульмский дог лежал под ним на тряпье и мочале, выдернутой из того же дивана. Звон замка, и дог с лаем бросился через все комнаты ко мне навстречу. При виде спокойно стоящего незнакомого человека он замедлил шаг и оскалив зубы, злобно зарычал. Я сделал легкое движение к нему навстречу, вытянул вперед шею и не спускал глаз с его глаз. Дог медленно приближался ко мне, все сильнее и сильнее рыча, слюна бежала из открытой пасти, глаза налились кровью. Я, согласно темпу движения вперед дога, тоже придвигался к нему тем же темпом. Он остановился и я остановился. Мы впились друг в друга глазами, началась предугадка; только рычанье с захлебыванием нарушали тишину,

но вот дог остановился как бы на стойке, вытянул хвост палкой и растянувшись немного, смотрел мне яростно в глаза своими небольшими, с красными веками, немигающими, бесцветными глазами. В такой выжидательной позе стояли мы оба друг против друга не шевелясь. Вот дог чуть подвинулся ко мне, ближе передвинул свои ноги, я тоже подвинулся к нему и опять мы оба неподвижно замерли.

Проходят томительные секунды, кажущиеся вечностью. Но вот в глазах моего врага предугадкой заметил я что-то дрогнувшее. Зрачки дога как будто сузились, глаза слились с мордой в одно что-то неопределенно-серое (дог был дымчатого цвета), глаза его как будто отделились от серого и поплыли в сторону, вверх. Я делаю едва заметное движение вперед,—глаза удаляются, плывут назад,—еще мое движение вперед,—глаза дога на минутку остановились, как бы прилепились опять к своим местам, зубы дога защелкали. Моя вытянутая вперед голова и морда дога были друг от друга на расстоянии аршина, но при моем чуть заметном движении вперед глаза пошли назад. Я вперед,—глаза назад, я еще больше вперед,—дог отступил немного назад. Теперь я уже быстро приближаюсь к нему,—он уже боязливо пятится назад; я за ним,—он от меня, я уже переступил порог другой комнаты, а дог повернулся ко мне задом и бежит от меня. Я смело шагаю за ним, он от меня, и в последней комнате трусливо, поджав хвост, подполз под сломанный диван. Гром аплодисментов за окнами заставил меня очнуться. С триумфом был я выпущен через дверь моими товарищами наружу. Они шумно выражали свое удивление и восторг. Пари было выиграно.

Второй случай имел место в августе 1918 года. Мой цирк функционировал на берегу Рижского залива в городе Дуббельн. Я за грубое обращение с животными уволил от службы одного из моих служащих Александра, последний знал, что без него трудно будет обойтись, когда наступит время моих дебютов, ибо он ухаживал за медведем и изучил все его привычки. Александр рассчитывал, что я его возьму обратно, думая, вероятно: «Придет время, начнутся дебюты Дурова, и он пришлет за мной, иначе не придется показывать ему Топтыгина, кто без меня оденет цепь медведю и подаст на арену?» Я, однако, решил не брать его обратно на службу; грубое обращение с животными равносильно уничтожению результатов моей длительной работы. Но пришло время выступать в цирке. На четвертый или пятый дебют, хорошо не помню, стояло на афише первый раз «дрессированный медведь», большими буквами красовались на афише следующие номера: «Первый раз в городе

Дуббельн выступит директор цирка знаменитый и т. д. и т. д. В. Л. Дуров со своим великаном Мишкой Топтыгиным, который будет исполнять следующие номера: трудное гимнастическое упражнение—хождение по бутылкам под куполом цирка; Мишка-танцор; Мишка-пьяница выпьет бутылку водки из горлышка за здоровье публики; в заключение триумфальная поездка Топтыгина в экипаже на тройке остяцких, сибирских собак».

Александр, видя, что его не берут, что он навсегда потерял место, вздумал зло отомстить мне. В то время гостил у меня со своей женой мой старый друг, известный литератор Владимир Алексеевич Тихонов [1]). Он знакомился с нашим цирковым бытом. Впоследствии написал рассказ, назвав его «Заколдованный круг».

В роковой день В. А. и я за самоваром разговорились по поводу моего вечернего выступления. В. А. почему-то стал меня уговаривать, чтобы я не рисковал и отказался от медвежьего номера. В. А. говорил, что у него какое-то предчувствие, и он ни за что не пойдет в этот вечер меня смотреть. Я уверял, смеясь, что ничего не может произойти — мой Миша милое, добродушное животное, он не имеет понятия, что значит кусаться, за пять лет своей жизни у меня Топтыгин ни разу никого не укусил. Наступил злополучный вечер. Я во время первого отделения (мой выход был всегда третьим) ходил кругом цирка и проверял сторожей. Цирк стоял в саду и уличные мальчишки, балуясь, влезали на крышу, курили и могли нечаянно поджечь цирк.

Сторож тоже был ненадежный—алкоголик. Я, проходя по не освещенному сзади саду, заметил какую-то темную фигуру, сидящую на корточках у входа в конюшню. При моем приближении фигура выпрямилась, побежала от меня и скрылась. Я узнал Александра. Ничего не подозревая, я вошел в конюшню.

Меня поразил рев Мишки. Я думал, что бы это могло значить? Наверное, новый служитель забыл его напоить. Затем я был чем-то отвлечен и, войдя в уборную, стал завиваться, забыв о Топтыгине.

Далее, я на арене по обыкновению читаю монологи, показываю собачку, козла, кошку с крысами и т. д. Дошла очередь до Мишки. Служащий в конюшне передал мне цепь. Миша спокойно, как всегда, пошел за мной на арену. Влез по гладкому шесту наверх и, балансируя, ловко прошел по бутылкам; комично спустился, обняв гладко

---

[1]) Псевдоним его Луговой.

выструганный шест всеми четырьмя лапами; быстро съехал на землю, растянувшись на арене, на бархатном ковре, мило под музыку протанцовал вальс, кружась на задних лапах.

Но вот и последний номер. В заключение медведь должен сесть в коляску, взять из рук моих бутылку с молоком, якобы с водкой, и, везомый собаками, пить из горлышка бутылки. Подали тройку остяцких собак. Я по обыкновению подвожу медведя к экипажу. Он садится в него, и я одной рукой закидываю цепь за спину Мишки, а другой рукой даю ему бутылку с молоком.

И вот в первый раз, сверх ожидания, вместо бутылки он схватил мою левую руку и вцепился зубами немного ниже плеча, Общий крик ужаса огласил цирк. Медведь, не выпуская руки из пасти, обнял меня своими могучими лапами и подмял под себя. Очутившись в мягком душном мешке, я употреблял все усилия вырваться. Служащие растерялись настолько, что один из них, старший, бросился наверх к музыкантам и оттуда начал бросать маленькие кусочки хлеба на арену, словно как бы птичкам. Публика бросилась в разные стороны: из партера полезли на ложи, из лож на галлерею; с галлереи публика бросилась вниз, стремясь к главному выходу. Там образовалась давка. Городовой влез на галлерею и, вынув свою селедку (шашку), махал ею по воздуху.

Дамы, забыв все на свете, сидели на барьерах лож верхом. Ужас на всех лицах. Медведь не выпускал меня из своих крепких и цепких лап, зубы его, благодаря хорошему, плотному шелку моего костюма, скользили по руке сверху вниз и мяли мои мускулы. Один из артистов моих, режиссер Ферони, взял в конюшне вилы, чем загребают навоз и, подбежав к медведю, ткнул вилами в зад. Оставив тут же вилы, он бросился бежать из цирка. Медведь от боли оставил меня и, в свою очередь, бросился в публику. Моментально толпа очистила всю правую сторону цирка. Медведь, видя, что здесь уже нет публики, пошел на другую сторону. Тут я вскочил на ноги и прежде всего закричал во все горло: «успокойтесь, успокойтесь!» Зная, что паника опаснее зверя, я бросился к медведю и изо всей силы ударил Мишку ногой в первый раз в жизни. Моя нога, одетая в туфельку, потонула в мягкой шубе великана.

Медведь встал на задние лапы и медленно пошел на меня. Я впился в его глаза своими глазами и стал отступать, ведя его за собой. Началась игра в предугадку. Я пятился, желая за собой вывести медведя в конюшню, дальше от паники. Чувствую по глазам медведя его желание бросить меня и уйти в сторону. Мой грозный голос

«Алле», и медведь снова шел на задних лапах за мной с налитыми кровью маленькими глазами, с пеной у рта.

Громадный медведь был страшен: вот-вот он хочет уйти опять от меня, с предугадкой ловлю его желание. Мой грозный оклик «Алле» и угрожающие движения снова заставляют медведя итти на меня.

Расстояние с одного конца арены до другого и в конюшню— довольно большое. Медведь ясно выражает желание меня оставить и броситься туда, откуда слышался визг женских голосов и плач детей. Это видимо его раздражало. При более резких звуках он особо рычал, глотая слюни, и косил глаза. Но я, напрягая всю свою энергию, глазами фиксировал чрез зрачки медведя как бы в его мозг. Мысленно приказывая не отрываться от моих глаз, я пятился назад. Получилось знакомое чувство. Знакомое мне ощущение при внушении. Медведь как будто уплыл куда-то вверх и только одни глаза его следовали за мной. Глаза то увеличивались, то уменьшались, но плыли медленно за мной. Наконец, мы в конюшне. Ощущаю под ногами другую почву. Тревожный топот лошадиных копыт по полу в стойлах донесся до моего слуха. Последний грозный мой крик «Алле на место», и медведь покорно, поджав уши, опустился на лапы и бросился в свою клетку. Я подскочил к клетке и одним движением закрыл ее, опустив решетку вниз. Наступила реакция: закружилась голова, я чуть не потерял сознание. Тут только в первый раз я почувствовал боль во всей руке. Привожу газетную заметку, появившуюся после этого инцидента, как пример субъективной оценки переживаний присутствовавшего свидетеля происшествия.

„Рижский Вестник“.

Понедельник 10 августа 1898 года.

О прискорбном случае, имевшем на-днях место в Дуббельнском цирке Дурова.

«Новое Время» пишет: «Когда Дуров в последнем отделении уж заканчивал демонстрацию животных, медведь, бывший на арен и только-что проделывавший замысловатые кунстштюки, вдруг осви репел, бросился на своего дрессировщика, в одно мгновение подмя его под себя, и вцепился ему зубами в плечо. К счастью, подоспел служащие цирка и вилами отбросили зверя. Не растерялся и Влади мир Дуров. Помятый и израненный, вскочил он с земли и кинулс снова на медведя, бросившегося уже было в места для зрителей.

Дуров все время, успокаивая страшно перепуганную публику, усмирял разъярившегося медведя и сам водворил его в клетку и только после этого, зашатавшись, едва не лишился чувств. Публика с горячим сочувствием отнеслась к израненному Дурову, который, несмотря на боль и опасность, сохранил настолько присутствие духа и смелости, что заботился о других больше, чем о себе. Бывшие в публике врачи подали Дурову немедленную помощь и сообщили, что состояние его здоровья не внушает особых опасений, хотя исхода поранений определить еще нельзя».

Что заставило медведя броситься на меня, почему получилась такая метаморфоза? А вот почему: по найденному около медвежьей клетки пузырьку и по исследовании в нем остатков содержимого выведено следующее заключение: Александр перерезав горло живому голубю, влил в пузырек кровь и напоил медведя за час до его выступления. Кровь, как конфертатив, возбуждающе подействовала на зверя. Еще до моего выхода рев его был мною замечен. Поднесенная с молоком бутылка произвела на него особенно возбуждающее действие, что и вылилось в безумном поступке.

Ему, по всему вероятию, инстинктивно захотелось не молока, а еще крови, так как такая маленькая порция, которой его угостил Александр, оказалась недостаточной и только раздразнила его. Мишка всегда стонал и рычал, когда кто-нибудь из публики давал ему маленький кусочек сахара и удалялся от клетки. Медведь, проглотив сахар, раздраженно рычал и метался недовольный, требуя еще.

Громадный медведь, когда он становился на задние лапы, был выше меня на целую голову, сила его была необычайная. Один раз медведь, услыша мой голос, бросился ко мне на арену раньше нужного времени. Служащий, стоя в конюшне, в ожидании выхода, замотал руку цепью. Когда Мишка побежал ко мне, служащий не успел пустить сразу цепь и упал. Медведь потащил его как щепочку. Служащий был высокий и полный. Он сначала упирался, стараясь свободной рукой за что-нибудь задержаться, но быстро Мишка протащил его по земле.

Получилась необычайная картина—появился на арене медведь. таща громадного человека в грязной рабочей блузе по блестящему освещенному электричеством ковру.

В настоящее время чучело Мишки Топтыгина находится в моем музее (см. рис. 1)[1]).

---

[1]) Москва. „Уголок“ В. Л. Дурова. Старая Божедомка, д. №4.

Полтора года спустя после дуббельнского случая он околел от ожирения сердца.

Теперь приведу последний, более яркий факт. Уже четвертый раз комиссия, состоящая из докторов, профессора и представителей

Рис. 1. Чучело дрессированного медведя „Мишки", в музее В. Л. Дурова.

печати, посетила мой дом. Я пригласил всех присутствующих в нижний этаж. Мы, между прочим, пройдя в зимний зверинец, подошли к большой клетке, где в это время мой служащий кормил львов

кониной. Лев и львица были мною приобретены 7-месячными котятами. Чудный экземпляр—африканский лев «Принц», влюбленный по уши в свою «Принцессу», мирно жил три года в своей просторной клетке, занимающей три четверти громадного сарая. «Принц» и «Принцесса», часто играя, развивались и росли, как говорится, не по дням, а по часам.

Присутствующие любовались величественным видом моих питомцев. С каким спокойствием и достоинством львы получали свою порцию мяса из рук находящегося с ними в клетке. Служащий не спеша вынимал из ведра сырую конину и делил между «Принцем» и «Принцессой». Львы медленно с чувством, толком и с расстановкой жевали, хрустя костями, свежую конину.

В это время редактор А. А. Суворин предложил мне произвести следующий опыт. «Попробуйте, В. Л.—сказал А. А.—внушить что-нибудь льву. Ну хоть, например, чтобы он бросился на свою львицу». Я возражал, приводя мною уже заявленные раннее доводы: внушать можно только обезволенному. «Принц» и «Принцесса» мирно живут со дня рождения. Мое воспитание было направлено на то, чтобы убить все дикие инстинкты.

Но г. Суворин настаивал, и комиссия как один присоединилась к нему. Я уверял, что ничего не выйдет. Я не знал даже, как это внушить.

Мне предложили все-таки попробовать. Процесс внушения должен быть следующий: смотря в глаза льву, я должен представить в своем воображении мясо, лежащее у передних лап «Принца»; затем последовательно вообразить, что львица подходит к воображаемому мясу и хочет у льва отнять его.

Затем производится внушение—броситься на нее. Я согласился, заранее предполагая, что ничего не выйдет. Я уставился в глаза спокойно облизывавшемуся и лежавшему около самой решетки «Принцу». «Принцесса» лениво потянулась и разлеглась, вытянув лапы. Тишина... В моем мозгу проходили мысли: какая досада, ничего из этого не выйдет. Я предупреждал, что только обезволивание и особое воспитание должны вызывать восприятие моих внушений. Возьмите постороннюю собаку—да она вам и в глаза-то не будет смотреть. В то время, как в моей голове протекали эти мысли, я заметил, что лев смотрит тоже в мои глаза. Несколько секунд, и он уже тоскливо зевнул (признак нервного раздражения, встречается часто у собак и обезьян), еще раз зевнул, перевел глаза на решетку, опять повернул голову и устремил уже тревожно своей

взор на меня. Тишина и напряженное внимание окружающих. Я начал забываться, т.-е. увлекаться, мысль моя вся у «Принца». Воображение рисует только-что съеденное мясо. Я вижу кусок конины у ног льва. «Принц» облизывается. Он опустил голову, не спуская с меня глаз, вниз и как будто бы дотронулся носом до воображаемого мяса. Я ушел сам в себя, напрягая мысль. Рисую в своем воображении «Принцессу», освещенную светом, проникающим со двора в дверь.

Она пригнувшись крадется. Ее желтая лапа, с выпущенными когтями, приближается к мясу. Страшный рев огласил сарай. «Принц», как сумашедший, на самом деле бросается моментально к львице. «Принц» в пёрвый раз в своей жизни вцепился зубами в «Принцессу», которая не осталась в долгу. Они моментально слились в один катающийся громадный клубок, решетка шаталась и гудела от ударов. Мы в страхе выскочили из сарая, взволнованные, горячо рассуждая; поднялись в верхний этаж в греческий зал и не переставая делились своими впечатлениями. Я был более поражен, чем посетители. Все происшедшее расстраивало мои логические выводы, построенные на результатах долголетних наблюдений. Когда все разошлись, я, желая скорее успокоиться, лег в постель. Через несколько минут встревоженная прислуга доложила мне, что лев разорвал руку служащего, изранив от плеча до кисти. «Принц» поймал лапой через решетку проходящего мимо М. Первый раз в своей жизни «Принц» вел себя как дикарь.

Мне пришло в голову тотчас же спуститься к нему и попробовать взглядом успокоить его. При моем появлении лев ходил беспокойно взад и вперед по клетке, а «Принцесса», как только он приближался к ней, оскаливала зубы и фыркала. Я пробовал успокоить интонировкой, но лев как бы меня не замечал и продолжал беспокойно ходить мимо меня. Я сделал незнакомое ему раньше угрожающее движение—замахнулся на «Принца» рукой. Лев на время остановился. Глаза его скользнули только по моему лицу и он, высоко подняв голову и глядя куда-то поверх моей головы, ходил по клетке взад и вперед,—я стоял и выжидал. Но вот он со стуком лег в углу клетки. Я подошел и поймал его взгляд. «Принц» оскалил зубы и отвернулся. Я еще ближе придвинулся к нему и вторично поймал его взгляд.

Лев, открыв пасть, вскочил. Как только его глаза встречались с моими, он каждый раз поднимал свои щеки, показывал зубы и фыркал, обдавая меня горячим дыханием. Вот он все дольше и злобнее стал всматриваться в мои глаза. При моем малейшем

движении в сторону, «Принц» вдруг с рычанием бросался к решетке и царапал передними лапами гладкий пол клетки. Теперь стало ясно для меня,—лев не переносил хладнокровно моего взгляда.

Отдохнув от напряжения, я переводил свой взор на «Принцессу». «Принц» начинал еще тревожнее ходить, метаясь со стороны в сторону. Резкое мое движение и пристальный взгляд моментально заставили «Принца» броситься к решетке. Он быстро, стоя на одном месте, передвигал передними лапами по полу, как бы бежал ко мне. Глаза его горели зеленым фосфорическим светом. Теперь он уже их не отрывал от моих глаз. Лег с открытой пастью, выпустив когти (см. рис. 2). Но чем дальше, тем все тише и покойнее. Перестав бить по полу

Рис. 2. Лев „Принц“ лег с открытой пастью, выпустив когти. Успокаивается под взглядом В. Л. Дурова.

хвостом, «Принц» щурил глаза, как бы засыпая. Лев мягко произнес: «мияу-мияу», облизнулся и полузакрыл глаза. Я продолжаю не отрываясь глядеть на льва, мысленно ласкаю его, пальцами шевелю гриву «Принца», чешу у него за ухом и все это—мысленно. Его «мияу» как бы застряло в горле, глаза крепко закрылись на несколько секунд. Я отошел от клетки. Лев лениво, но уже более спокойно поднялся с пола и аппетитно потянулся.

После злополучного опыта, когда мы ушли из зверинца наверх, мне и в голову не пришло разъяренного льва успокоить таким же путем, путем внушения.

Около 3-х недель спустя после описанных случаев редакция одной газеты прислала своего фотографа с просьбой заснять льва «Принца» во время внушения.

Несмотря на присутствие фотографического аппарата и чужих лиц, я заставил «Принца» смотреть мне в глаза, что и зафиксировано фотографом (см. рис. 3).

Приведу одну из газетных заметок о случае с «Принцем»:

МОСКОВСКАЯ КОПЕЙКА.

Москва. Понедельник, 24 февраля 1914 года.

В „Уголке" Дурова.

Третьего дня, мне в компании нескольких журналистов удалось посетить „Уголок Дурова", помещающийся на Божедомской улице.

Собственно говоря, это не уголок, а целый дворец.

— Животных у меня здесь пока немного—сказал В. Л.—Девять вагонов находятся в провинции. Здесь у меня музей, театр, в котором я читаю лекции для учащихся и показываю чисто научные опыты с животными.

Прежде всего В. Л. познакомил нас с превосходно выдрессированной крысой.

— Осталась от толмачевского погрома,—шутил он. Это у меня превосходный эксперт. Я, например, не могу отличить маргаринового масла от настоящего, а крыса может.

Крыса в это время бегала по руке хозяина, забиралась на плечо, по приказанию вертелась кругом и целовала своего хозяина.

Затем был продемонстрирован „Карл", „Ванька-Встанька", с которым производились опыты мнемоники, т.-е. проявление необычной памяти.

— Это фокус,—сказал В. Л.—А вот я покажу вам опыты гипноза с собакой.

— Пик, поди сюда!

На зов прибежала небольшая собачка, с умной мордочкой.

— Господа, дайте мне-какие нибудь предметы, которые мы положим в определенное место, и я заставлю Пика найти и принести их.

Пик был посажен на стул. (Предметы были положены без него).

Г. Дуров взял Пика за голову и начал пристально всматриваться в его глаза, напрягая всю силу воли, чтобы умственно заставить собачку выполнить задание.

— Алле!

Пик как-то нерешительно соскочил со стула, повертелся на месте и затем подошел к положенному предмету и принес его в зубах нам.

Хозяин и Пик удостоились наших аплодисментов.

Сильное напряжение воли не прошло бесследно для гипнотизера. На лбу его выступил пот, а пульс бился со скоростью 120.

Пик затем произносит слово: мама.

После этого мы прошли в музей, где размещены чучела различных животных.

— Это мое кладбище печальных воспоминаний,—с грустью промолвил В. Л.

— Вот медведь, у которого мне однажды пришлось быть в лапах; вот страус, на котором я ездил.

И о зверях, которых уже нет в живых, В. Л. Дуров рассказывал с такой же нежной любовью, с какой отец рассказывал бы о своих детях.

— Люблю зверей, в них вся моя жизнь,—говорил он.—Если бы все так любили их, поверьте, что всем жилось бы значительно лучше.

Спустившись в зверинец, мы натолкнулись на умилительное зрелище: в одной клетке мирно сожительствовали кошка с крысой, а в другой—козел с волком.

Разрушение инстинкта полное.

Видели мы необыкновенно большую морскую свинью [1]), которая, по словам хозяина, великолепно ходит на задних ногах.

В заключение В. Л. подвел нас к железной клетке, в которой помещался свирепый царь зверей с своей супругой.

При нас происходило кормление этой достойной четы. Сторож без всяких предосторожностей вошел прямо в клетку и начал раздавать мясо льву и львице.

— Попробуйте загипнотизировать льва, — предложили мы. — Внушите ему, чтобы он бросился на львицу.

В. Л. впился глазами в глаза царя пустыни.

Через некоторое время раздалось грозное рычание, и лев яростно набросился на львицу.

---

[1]) Водяная свинья, или водосвинка „Капибара"—самый большой вид грызунов. Автор.

За чаем начались долгие разговоры о гипнозе, монтевизме и уме животных. К сожалению, за неимением места, я не могу в данный момент поделиться с читателями своими впечатлениями об этих интересных разговорах.

Добавлю лишь, что гипноз со львом окончился самым печальным образом.

После нашего ухода, поздно вечером, мне позвонил В. Л. Дуров и сообщил, что лев набросился на его сторожа и сильно ободрал ему руку».

Случай со львом представляется мне особенно интересным. Здесь было не простое бегство, как в первом случае, с собакой, и не автоматическое следование за мной, как во втором случае, с медведем.

Нет, здесь лев выполнил определенное сложное задание; сделал то, чего никогда не делал, и на что не могли натолкнуть его никакие другие обстоятельства, а только мое внушение, переданное без слов, без жестов, одним лишь напряженным моим взглядом.

Итак, я полагаю, что такая же передача моих мыслей, то в большей, то в меньшей степени, существует всегда в моем способе дрессировки. Животное, таким образом, уже предчувствует, предрасполагается к совершению того, что мне нужно.

Техника моего метода.

Основной принцип техники моего способа внушения эмоциональных рефлексов—апеллирования к разуму животных—по существу тот же, что и принцип техники старого, механического способа.

Задача всякой дрессировки сводится к тому, чтобы приучить животное по данному сигналу производить какое-либо нужное действие, например, чтобы при слове „хоп“ животное прыгало, при слове „садись“—садилось, при звуке дудочки—вертелось и т. п. Поэтому техника всякой дрессировки сводится к трем основным исходным моментам:

1) Заставляют животное, так или иначе, сделать нужное движение.

2) Делают так, чтобы это движение доставляло животному удовольствие или избавляло от боли.

3) Одновременно дают нужный сигнал.

Если это удается проделать несколько раз в одной и той же форме, то у животного образуется ассоциация по смежности (соче-

тательный рефлекс). Оно как бы думает: „Если я слышу такой-то сигнал и при этом произведу такое-то действие, то я получу такое-то удовлетворение“. Раз ассоциация установилась, цель достигнута. Животное теперь всякий раз, при данном сигнале, будет производить нужное движение. Для примера возьмем вышеописанные приемы механической дрессировки лошади.

Нужно добиться, чтобы при соответствующем движении шамбарьером лошадь маршировала, т.-е. особенным образом переступала ногами. Для этого прежде всего вызывают соответствующее движение при помощи сечения (как это было описано мною раньше). Сечение, в конце концов, заставляет лошадь автоматически поднимать ногу требуемым образом. Цель достигнута, требуемое движение вызвано. Но теперь нужно, чтобы лошадь почувствовала очевидную выгоду от этого движения. Для этого ее перестают сечь. Движение шамбарьера, как уже говорилось, является сигналом. И вот у лошади устанавливается ассоциация, она как бы думает: „если соответствующим образом движется шамбарьер и я поднимаю ногу,—меня не секут“. И теперь лошадь аккуратно делает нужное движение. Цель достигнута.

Мой способ отличается от вышеописанного механического, как я уже говорил, тем, что я не применяю боли. Я стараюсь вызвать требуемые мне движения каким угодно приемом, только не болью, отсюда и награда у меня другая, в награду я кормлю и ласкаю животных. Одновременно даю нужный сигнал, и у животного создается ассоциация: „если я при данном сигнале сделаю такое-то движение, то получу вкусную награду“. И животное делает то, что мне нужно.

Преимущество этого метода не только в его гуманности, но, как уже было сказано, в том, что он не подавляет психики животного, и оно, находясь в повышенном, активном состоянии психики, оказывается способным выучить гораздо более сложные вещи, благодаря чему я и достигаю моим методом таких результатов, каких нельзя было достигнуть старым методом.

Из трех вышеупомянутых моментов: 1) вызывание действия, 2) награда и 3) сигнал, наиболее важным является, конечно, первый.

Самое трудное состоит именно в том, чтобы первоначально заставить животное сделать то, что нужно. Связать это движение затем с наградой и сигналом уже легко. Поэтому на первом моменте нужно остановиться особенно внимательно.

Основной технический прием, которым я заставляю животное первоначально делать то, что мне нужно, есть *жестикуляция*. Жестикуляция есть комплекс таких моих движений, которые наводят

животное на нужное мне его движение. Но жестикуляцию на практике все время приходится связывать с наградой, которою у меня являются: прикармливание, ласка, или одобрение словом: „браво". Эту награду я называю вкусопоощрением. Таким образом, на практике, первый и второй моменты идут рука об руку и не отделимы друг от друга.

Жестикуляция и вкусопоощрение составляют одно целое и играют главную роль при моем способе дрессировки.

Как жестикуляция, так и вкусопоощрение друг без друга не могут быть полезными; они друг друга дополняют.

Самое главное—это уменье почувствовать время и момент применения вкусопоощрения. Пропущенный момент портит часто все заранее добытое.

Чувствовать момент и подхватывать его во-время—этому, думаю, научиться трудно, требуется особое чутье, особый талант. Чем больше нервного чутья, тем поразительней результаты. Приблизительное чувство пользования во-время вкусопоощрением можно, по-моему, в себе развить, как можно развить музыкальный слух у человека, а слух ведь есть талант.

Третий момент—подача сигнала—на практике в сущности также тесно связан с двумя первыми. Я буду называть его интонировкой.

Впрочем интонировка употребляется не всегда. Во многих случаях я обходился без нее.

Жестикуляция обнимает собою очень много всевозможных действий, посредством которых можно заставить животное понять ваше желание.

Вкусопоощрением и интонировкой закрепляется каждый раз вызванное движение животного, и затем оно охотно повторяет заученное бесчисленное количество раз.

Итак, в сущности на практике все три момента, жестикуляция, вкусопоощрение и интонировка, применяются одновременно. Но повторяю, главное внимание прежде всего приходится обращать на первый момент, на жестикуляцию. И он представляет из себя и наибольший теоретический интерес [1]).

[1]) Здесь обратите внимание на тот факт, что чем далее животное дрессируется, тем легче оно выучивается новым штукам. Развивается желание понять дрессировщика, и уроки начинают доставлять животному все большее удовольствие. Но для успешности дрессировки необходимо предварительно сжиться с животным.

Теперь приведу несколько примеров, показывающих, как жестикуляция, подкрепляемая вкусопоощрением и интонировкой, наталкивает животное на нужные действие.

Первый пример: **собака.**

Допустим, вы хотите приучить собаку садиться при слове: „садись“.

Как уже говорилось выше, животное не должно быть голодным, но и нельзя брать его вполне сытым, ибо в этом случае вкусопоощрение перестало бы действовать. Мы берем собаку полусытою.

Вы окликаете ее: „Трезор“! При этом оклике уши ее поднимаются. Собака вопросительно смотрит на вас. Вы ласково повторяете „Трезор, иси“; она, не спеша, встает и подходит к вам с немного опущенной головой, готовой к вашему поглаживанию, но, не видя и не чувствуя поглаживания, собака вопросительно смотрит вам в глаза и ждет... Вы берете кусок мяса, собака внимательно следит за движением вашей руки; вы держите мясо немного выше головы собаки, вертикально, так, чтобы голова ее была загнута (немного назад, на туловище, собака невольно садится), ей так удобнее смотреть на мясо. Когда она опускает зад, вы, не спуская с нее глаз, говорите: «Садись, садись, Трезор, садись»! Зад коснулся пола. Собака села и тотчас получает мясо. Ласковое поглаживание по голове довершает действие; вы опять, не спеша, берете другой кусок мяса. Собака съела, встала и опять смотрит за вашей рукой. Опять прежнее движение со словом: „садись“. Собака умильно, помахивая хвостом, смотрит то на мясо, то в ваши глаза. Мозг ее спокойно работает. Она шевелит ушами, когда слышит одно и то же слово „садись... садись“... несколько десятков раз.

Движение руки с мясом, положение ее головы, неприятное ощущение в шее опять заставляют опустить зад, и тотчас же она получает мясо и слышит слово: „браво“. Так надо повторять несколько раз, и если в это время вам никто не помешает, т.-е. не будет отвлекать внимание собаки, то Трезор при слове: „садись“ быстро и охотно сядет, ожидая лакомства и ласки.

Необходимо произносить слово с одной и той же интонацией. А затем это становится ненужным, собака будет воспринимать слово, как таковое, сознательно и навсегда. Память у животных удивительная, в особенности слуховая.

Второй пример: **морская свинка.**

Как можно движением руки и дыханием выдрессировать свинку, т.-е. заставить ее по команде „перевернись“ быстро перевертываться вокруг себя на одном месте, затем при слове „вальсе“ заставить долго вертеться вокруг себя под музыку, как бы вальсировать и по приказу „целуй меня“ прикасаться своей мордочкой к вашим губам?

Предварительно прирученная лаской и кормом к руке, морская свинка сажается на особо приготовленный для нее пьедестал. Вы берете морковку и даете свинке отгрызть хвостик ее. Вы не отнимаете морковки до тех пор, пока она жует и держите зелень так, чтобы свинка все время видела ее перед собой. Как только свинка проглотит „жалованье“ и потянется к сладкой морковке опять, вы тотчас же начинаете двигать морковкой направо мимо носа, кругом свинки, как бы приглашая ее следовать за морковкой, т.-е. заставляете этим движением свинку перевернуться вокруг себя. Если свинка, переворачиваясь, на полдороге останавливается, то вы не даете ей награды. И только тогда свинка получает возможность откусить морковку, когда перевернется на своем месте вокруг себя один раз. Вы, не зевая, тотчас же суете ей морковку в рот, при этом говорите слово „перевернись“, делая усиленное ударение на первом слоге, т.-е. на „пе“, но так, чтобы воздух от произнесенного вами „пе“ попадал на свинку.

Вы наверное знаете одну из шалостей детей с горящей свечей: мальчик балуясь, приближает свой рот к пламени свечи, приблизительно на четверть и громко произносит, с особым выдыханием, слово „поп“—чем и тушит свечу.

Так вот, так же каждый раз, при движениях вправо перед носиком свинки руки с морковкой, надо говорить „пе-ревернись“. Сначала морковка медленно ведет свинку за собой, затем все быстрее и быстрее двигается рука вокруг свинки, а затем только быстрое движение делается вправо морковкой. Свинка, думая, что морковка по прежнему делает круг, переворачивается и тотчас же получает награду. Затем, привыкнув несколько раз получать при однородном движении подачку, свинка, услыхав интонированный звук с знакомым дуновением, тотчас же перевертывается, дабы получить награду. Свинка настолько привыкает получать при перевертывании свое лакомство, что даже, не видя быстрого движения вправо, не ... звука и не чувствуя дуновения сама по себе вертится, несколько

спеша как бы навертеть себе пищу. Предположим, вам в настоящую минуту не нужно, чтобы она вертелась. Вы в этом случае, кладете к ней морковку позволяя жевать столько времени, сколько вам надо. Морковка лежит перед ней свинка отгрызывает своими острыми резцами по маленькому кусочку и быстро жует. Время демонстрировать. Вы берете с пьедестала морковку и произносите „перевернись“. Она тотчас же перевертывается. Вы говорите еще раз „перевернись“; она исполняет. Теперь вы платите ей морковкой, давая один раз откусить. Наконец, командуете „вальсе“, и свинка, не видя движения вправо и не чувствуя дуновения, вертится вокруг себя до тех пор, пока вы не остановите ее морковкой. Теперь приказ—„поцелуй меня“. При этом вы приближаете ваше лицо как можно ближе к пьедесталу, держа губами кусочек, заранее откусанный вами, морковки (понятно, это только на репетиции). Свинка лезет к вашим губам, так же как и к руке, за пищей. Вы громко чмокаете губами, как бы поцеловались со свинкой. Номер готов.

Еще один прием выделяется мною из всего большого количества приемов жестикуляции. Я называю его повадка, или повадко-приманка. Он состоит в том, что с приманкой в руках я веду животное в нужном мне направлении, и не только движениями руки, но и всего моего тела.

С повадко-приманкой надо быть очень осторожным, т.-е. предположим, в начале надо животное выучить выходить из своей клетки и следовать за вами. При этом берется в руку любимое лакомство данного животного и этой приманкой вы ведете животное за собой. Животное получает из вашей руки лакомство, сначала трусливо, а потом свыкаясь, смелее тянется за приманкой и следует осторожно за вами. Если в вас нет нервного чутья и вы вовремя не дадите приманку, то животное будет реагировать иначе на вашу повадко-приманку и ни за что не пойдет за вами, не только в данный момент, но и надолго после, животное не будет обращать внимания на вашу протянутую руку с лакомством и будет считать ваш обман за постоянное действие, т.-е. не получив вовремя несколько раз из вашей руки награду, оно будет думать, что это уже будет происходить всегда и что не стоит обращать внимания на корм, так как при его, животного, приближении к корму, он будет вечно удаляться: «я, мол, только вижу, а не получаю». [1]).

---

[1]) То же самое чувство является у животного, когда оно видит дерево с фруктами, отражаемое в воде, как в зеркале: хоть видит око, да зуб неймет.

Повторяю, что с повадко-приманкой нужно быть очень осторожным. С маленькими животными приходится иногда удерживать даже свое дыхание.

Каждое нужное вам движение животного вами подчеркивается, как бы ловится, и во время, интонировкой, жестикуляцией, или вкусопоощрением закрепляется в его сознании.

При моем способе, в связи с вышепоименованными действиями, при условии уравновешенного состояния психики животного, в изолированном, от внешнего шума, помещении можно достигать высокого единения психики человека и животного.

Борьба с инстинктом.

В приведенных случаях нам пришлось решать простейшие задачи. Гораздо сложнее обстоит дело, когда приходится натыкаться на сопротивление инстинкта.

Одним из основных инстинктов жизни является инстинкт нападения, храбрости и, дополняющий его, противоположный инстинкт бегства, трусости. Эти инстинкты часто являются большой помехой для дрессировки и очень важно уметь подавлять их.

Мне удалось справиться с этой задачей. Опишу, как я этого достиг.

Прежде всего всмотримся внимательнее в условия проявления этих инстинктов и вот мы в конце концов подметим такой закон:

Все, удаляющееся от животного, заставляет следовать за собой, преследовать, нападать. И, наоборот, все приближающееся к животному, заставляет его отходить, удаляться, бежать.

Примеры: лай собаки на проезжающую телегу. Проезжая по деревне, вам наверное приходилось видеть, как за вами вслед бросаются с лаем собаки и провожают вас далеко по дороге, захлебываясь от злости. Все быстро удаляющееся: бегущая лошадь, вертящееся колесо, больше интересует и раздражает собаку, чем вы, сидящий в экипаже.

Вы входите в чужую калитку во двор. Собака бросается с лаем к вам навстречу и, если вы испугаетесь, вздрогнете и отступите, будьте уверены, что собака храбро бросится на вас и даже может укусить. Бывали случаи, когда человек, входящий в чужой двор, храбро идет навстречу собаке и вдруг, едва заметно для самого

себя, вздрогнет, собака как-то своим нутром чувствует это и смело бросается на него, но если вы, не меняя положения, спокойно, равномерно, двигаетесь навстречу собаке и идете вперед, как бы не замечая ее, то собака тотчас же останавливается, хотя и продолжает лаять, но уже с другой интонацией. Она пропускает вас, идущего прямо на нее и поджав хвост, доругиваясь, отходит прочь.

Еще примеры:

Кошка бросается на убегающую мышь. Вспомните дубельнский случай с медведем, когда мне пришлось вывести с арены разъяренного медведя, обращая его гнев на меня, или случай с ланинским ульмским догом.

Этим законом я пользуюсь, когда нужно, для подавления инстинкта, искусственно извращая естественные условия. Обычно убегающее от животного, я заставлял приближаться к нему и наоборот. И в результате реакции животного оказываются иными. Так, если взять искусственного механического мышенка и заставить его бежать от кошки—кошка будет нападать и погонится за ним. Наоборот, если заставить мышенка бежать к кошке—кошка сама обратится в бегство.

То же можно наблюдать, просто играя с котенком бумажкой, привязанной на ниточку. Когда бумажка удаляется от котенка, он бросается на нее.

Если тянуть за ниточку бумажку по направлению к котенку, он убегает в сторону и часто не желает больше играть.

По словам Моргана, „новорожденные птенцы инстинктивно хватают червя не потому, что это червь, а потому, что это маленький, движущийся предмет. Ибо, если двигать пищу перед новорожденными птенцами, они скорее обратят на нее внимание". Я добавляю: если пищу двигать к птенцу, он не будет хватать ее. Пусть червяк поползет к новорожденному птенцу, и малыш попятится от него назад. Если вы будете двигать пищу к птенцу, то он не будет ее есть, и наоборот, движения от него заставят после первого обращения на нее внимания, преследовать и желать схватить ее.

Животное обманывается. Совершает поступки, противоположные тем, которые оно нормально совершило бы под влиянием инстинкта. Этот метод я назову методом обмано-инстинкта. В частности, случай, когда обманывая инстинкт трусости, я заставляю трусливое животное переходить в наступление, я называю трусообманом.

Повторение создает привычку. И нужное мне действие, противоречащее инстинкту, закрепляется в психике животного. Инстинкт в результате подавлен.

Вышеописанный мною способ обычной механической дрессировки, когда маленьких детенышей хищников бьют с раннего детства и приучают на всю жизнь панически бояться маленького хлыстика, относится собственно к этому приему обмана инстинкта.

Закон преследования, нападения и т. п. берет свое начало, по моему мнению, от мимических движений: у человека от призывного движения к себе рукой. У животных же, как то: у собак, обезьян и других существует это же призывное движение выражающее желание—„поди сюда"—приглашение следовать за собой всем своим туловищем, что мы видим часто, напр., у собак, просящих отворить дверь.

Собака, подбегающая к вам и обратно, как бы сама собой, зовет вас к двери Обезьяна, сидящая в клетке, отскакивает в глубь как бы, приглашая вас своим движением, приблизиться ближе к дверце клетки и ее открыть (смотри мои наблюдения за Гашкой, глава: выражение ощущений у животных).

Все эти движения, родственные моему приему в дрессировке, повадке-приманке, в дальнейшем переходят в инстинкт преследования и нападения.

Уже при вкусопоощрении многих животных—отдергивание руки с пищей заставляет животное быстро хватать пищу вместе с рукой. Это невольное отдергивание от рта животного оживляет следы преследования и нападения. Вот почему я часто даю в таких случаях особым способом пищу. Я быстро подношу мясо к морде такой собаки, которая имеет эту привычку и, как бы насильно, всовываю в самую пасть руку с мясом.

Это грубое, резкое движение, после некоторого повторения, отучает собаку хватать пищу с рукой. Даже и при явных нападениях и укусах, эти резкие и грубые движения руки и всего тела парализуют самые укусы животного.

Собака, волк, лев и др., открыв пасть и скаля зубы, приближаются к вам с явным намерением нападения, моментально меняют его, когда вы вместо удаления сами приближаетесь к нему и суете свою руку в глубь пасти.

Животное, будь оно самое хищное, меняет намерение и, языком отталкивая вашу руку из своего рта, отворачивает морду в разные стороны. У редких животных я этого не замечал, например, варан

доставленный мне в мой зверинец из Закаспийского края, в диком состоянии хватал пищу без рассуждений, правильнее, без участия задерживающих центров.

И мне стоило громадных усилий приучить это странное, стоящее особо со своей психикой, животное к нереагированию на ползающих по нему мышей.

Все-таки кончил он свое существование печально, только благодаря отсутствию развитых задерживающих волевых центров. Он схватил своей мертвой хваткой за заднюю ногу лошадь. Она била его о стенку, как бьют сухой воблой о косяк двери. После такой операции варан испустил дух и труп его с трудом был освобожден. Зубы варана, составляющие одно целое с челюстями, остались не поврежденными даже, когда мой служащий, с трудом просунув между зубами железный прут, гнул изо всей силы, упирая одним концом в небо. [1]).

Трудно мне приходилось еще бороться и с барсуками, которые долго хватали мясо с пальцами моей руки. Вилка помогала мне слабо. Колет себе барсук вилкой десна, язык и небо до крови, а все-таки продолжает хватать без разбора пищу. Только мой испытанный наступательный способ и привел к цели.

Приведу теперь примеры, как я систематически пользовался приемом обмана инстинкта для достижения нужных мне действий животного.

Трусообман.

Начнем с трусообмана. Опишу, как я этим приемом учу зайца барабанить. Прежде всего надо, чтобы заяц из пугливого превратился в храброго. Для этого сначала, пойманного зайку, приручают к рукам. Опасайтесь причинить ему когда-либо боль. Ежедневно по несколько раз необходимо кормить из рук, ласкать осторожно и обращаться с ним предупредительно-нежно. Наконец, заяц не пугается вашей руки, он видит ее постоянно с пищей и с лакомством: зеленым салатом и сладкой морковкой. Постепенно приучаете к прикосновению вашей руки, которою слегка сжимаете его бархатные уши и спинку. Затем постепенно, не спеша, поднимаете зайку за шкуру спинки, подставляя другую руку под передние лапки зайки. Надо осторожно и быстро перенести его таким образом к себе на колени.

[1]) Чучело варана находится у меня в музее.

Он у вас на коленях и тотчас же получает вкусный хлеб или сахар. К такой переноске он быстро привыкает, конечно, если это производится ловко и безболезненно. Нежное поглаживание по головке и по прижатым к спине ушам заставляют зайку закрывать от удовольствия глаза. Сердечко его при этом не усиленно, а нормально бьется, что вы чувствуете легким прикосновением руки. Не одну неделю зайка поддается приручению. Надо терпеливо повозиться с ним. Наконец, заяц ручной.

У меня устроен высокий пьедестал с верхней доской, обшитой кругом в два пальца высоты бортиком. Заборик предохраняет зайку от падения на пол. Часто раз пять, шесть в день, я ловко и быстро за кожу спины (самое безболезненное место у зайцев и кроликов) поднимаю и, подставляя другую руку под брюшко, переношу его на пьедестал. Здесь его ждет угощение. Когда зайка осмотрится кругом и, обнюхав края своей площадки, примется жевать салат, я осторожно и медленно подношу к мордочке маленький детский барабан. Заяц вопросительно поднимает уши и косо смотрит на него. Я делаю вид, что барабан боится зайца и отодвигаю его от зайки (начинается применение трусообмана). Заяц, спеша, уплетает нежный салат листок за листком. Барабан опять медленно, как будто крадучись, приближается к салату, лежащему кучкой на площадке. Заяц уступает, отодвигается, выпучив пугливые глаза и шевеля вопросительно ушами. Барабан в свою очередь боится этих глаз и ушей. Он также отодвигается от салата и зайца в другую сторону. Заяц встал на задние лапки и смотрит, то на барабан, то на салат. Молодой, зеленый салат манит его взор и раздвоенная губа зайки скосилась в сторону пахнущего свежестью салата. Зайка потянулся к нему, не переставляя задних длинных своих ног. Тельце его вытянулось и он с трудом, не спуская глаз с барабана, достал листок салата.

Барабан еще пуще испугался и еще дальше ушел от салата. Заяц передвинул задние лапы ближе к корму, съел еще листок и вытер передними лапочками морду. Но вот заяц вздумал шагнуть, т.-е. передвинулся, ставя сразу две короткие передние лапочки и подвигая к ним обе вместе длинные задние. Барабан тут как тут и уже близко к салату. Заяц моментально повернулся к барабану и сел, подняв морду, в ожидании. Барабан лежит неподвижно до тех пор, пока заяц не потянулся к нему, нюхая воздух. Барабан поехал по воздуху назад. Заяц, не обращая внимания на салат, уже смелее делает прыжок к удаляющемуся незнакомцу-барабану. Барабан заходит с другой стороны зайца и, как только трус перевертывается

к нему, опять быстро удаляется и скрывается. Заяц гордо поднимает морду и передние лапки, тряхнув ими, как бы стряхивая с них воду. Это значит, что он начинает стращать. Барабан полторы минуты не показывается совсем. Зайка уплетает за обе щеки зеленый салат, который быстро листок за листком исчезает у него во рту. Но вот левая моя рука, давно знакомая зайке, подносит к его мордочке длинную, тонкую морковку. Заяц спеша откусывает и жует. Морковка лежит перед ним сочная, сладкая, и вдруг опять барабан медленно приближается к морковке. Заяц уже смело поднимает угрожающе передние лапки, загнув вперед крепкие, длинные уши. Барабан струсил и удрал.

Заяц самодовольно опять, тряхнув передними лапками, принимается есть морковку. Но тут опять несносный барабан. Смелое движение зайца к барабану и его уже нет. Заяц продолжает уплетать уже не спеша, не боясь, что ее может отнять у него какой-то блестящий барабан. Заяц ему не даст. Он ему покажет, какие у него крепкие, длинные когти на передних лапках! Заяц знает силу и быстроту движений своих лапок. Он не забыл еще, как ими быстро рыл землю, чтобы закопаться в нору и скрыться, таким образом, от идущего по полю человека. Он покажет этому, трусливому барабану, что значит он, заяц!.. Барабан медленно подвигается к кончику оставшейся морковки. Заяц сидит в полуоборот к барабану и делает вид, что будто не видит приближающегося барабана. Но вот барабан уже близко. Барабан около самого зайчика. Заяц моментально делает пируэт и сильно ударяет лапкой по барабанной шкуре. Барабан исчез, заяц гордо и воинственно посматривает по сторонам, шевеля ушами, как ножницами. Он даже от радости на момент закачал, как маятником, своим коротким хвостиком. Антракт. Зайчику кладется для возбуждения аппетита сдобный сухарь. Серый грызет и ждет врага. Опять появляется желтый барабан и заяц успевает быстро, мелкой дробью побарабанить по шкуре. Ура! Номер готов. Заинька обманут.

Зайка воображает, что он сильнее всех. Он даже потом в следующий раз фыркает и ворчит, когда долго и громко выбивает трель лапками по барабану. Мой прием «трусообман» помог ввести зайца в заблуждение.

Еще самообман, наглядный пример, как можно заставить слабое существо воображать о себе совершенно иное. Что может быть нежнее голубки? Голубь—символ чистоты, доброты и красоты. Посмотрите, как я его обманул—заставил его воображать, что он

сильнее меня и он, как разъяренный хищник, бросается на мою руку. Смотрите, как он бьет ее крылом и как рвет кожу на руке клювом. Несмотря на его слабое тельце, он всетаки делает мне больно. Вот что значит самообман. Вот что значит в дрессировке «трусообман».

Моя рука во время дрессировки вздрагивала и быстро удалялась при его, голубя, приближении и вдруг он преображается. Я на руку надеваю черную перчатку. Что же происходит с голубем? При первом знакомстве голубь испугался. Затем, видя, что новое черное существо не делает ему зла, голубь быстро привыкает ее видеть и не бояться, а затем садится на эту же руку, как на ветку дерева и не подозревая, что эта та самая рука, которая его так боится.

Примирение кошки с крысами.

Трусообман составляет часть жестикуляции. Очень хорошим примером применения тех же приемов может служить примирение кошки с крысами, которого мне удалось достигнуть. Механическим путем этого добиться нельзя, а только воздействием на психику кошки можно уничтожить это прирожденное желание задушить и съесть крысу.

Прежде всего в натуре кошки есть черта, схожая с другими животными: все быстро движущееся раздражает нервы и возбуждает аппетит.

Родится котенок и, чуть-чуть освоившись с передвижениями своего слабого тельца, шатаясь, уже начинает играть с клубком ниток или с собственным кончиком хвоста. У него является органическая потребность ловить и непременно поймать. Все быстро удаляющееся особенно раздражает его. Летящая и бьющееся о стекло муха, до тех пор интересует и вызывает аппетит у котенка, пока лапка не прекращает жизнь мухи. Она неподвижна,—интерес пропал.

Итак, кошка, охотясь за крысой, часто, задушив ее, тотчас же перестает обращать на нее внимание.

Сыта ли, голодна ли кошка, ее раздражает, главным образом, быстрое движение убегающего животного.

Прошу заметить: *бегущего от кота, а не на кота.*

Очень давно я делал опыты с механической, заводной мышкой, которую в одном случае пускал от кошки и мышь бывала моментально

поймана, и в другом случае—на кошку, и кошка быстро удирала от деревянного мышенка. Впоследствии я выдрессировал живую крысу бежать на кошку и кошка удирала вскакивая на меня (см. рис. 4).

Рис. 4. Кошка взбирается на В. Л. Дурова, спасаясь от преследования.

Это чувство кошек однородное с уже описанными опытами укрощения собак.

Применяя во время игры с кошкою трусообман, вы можете довести кошку до исступления.

Для того, чтобы убить у кошки чувство ложной храбрости, надо ее поставить в другие условия. Я ставлю большую клетку, наполненную крысами, на подоконник; крысы чувствуют себя хорошо: играют, дерутся и поминутно прихорашиваются, облизывая свою шкурку и ища насекомых.

Но вот—замирают! Розовые носики задвигались в одном направлении, прозрачные ушки насторожились, маленькие глазки выпятились и вот-вот выскочат из орбит и покатятся по полу, как гладко блестящие бусы.

Пришел кот... Запах для крыс неприятный.

Кот прыгнул на подоконник. Крысы все одновременно шарахнулись в противоположный конец клетки и прижались к стенке друг к другу, образовав из себя горку живых, неподвижных тел. Только усы шевелятся, да шерсть на боках от усиленного биения сердца.

Кот обежал несколько раз вокруг клетки и сел перед крысами.

Быстрое движение, испуг крыс,—все это не скрылось от внимания кошки.

Но вот одна из самых ближайших к нему крыс быстро полезла на товарок, пряча свою голову между телами своих полумертвых от страха трусих.

Кота движение прыгнувшей крысы раздражило. Он, в свою очередь, бросился на клетку и обнял ее своими бархатными лапками.

Крысы плотно прижались друг к другу. Кот еще раз обошел вокруг клетки, не спуская с крыс глаз, и сел на прежнее место, обернув хвостом свои лапки.

Зажмурив глаза и отвернув голову от клетки, он как будто забыл о крысах, но кончик хвоста говорит за него. Он выдает душевное волнение.

Кривые когти в бархатных лапках судорожно высовываются и прячутся обратно.

Вот одна крыса, плохо державшаяся на верху кучки, сорвалась, соскользнула вниз и опять поползла на гору тел. Это движение заставило кота вздрогнуть. По шкурке его пробежала как бы волна. Шкурка на спине нервно подергивалась и уши прижались плотнее к макушке.

Я поставил перед носом кота блюдечко с молоком. Кот—ноль внимания.

Все его помыслы в клетке у крыс. Проходит четверть часа в неподвижном созерцании. Крысы все чаще и чаще начинают переменять положение своих уставших туловищ и все более и более привыкают к запаху и присутствию кота.

Кот замер! Кот совсем закрыл глаза, как будто говорит: «вас здесь нет... я вас не вижу». Но каждое движение крыс производит в душе кота особое чувство—раздражение.

Я кладу перед мордой кота парное, сырое мясо. Кот даже не посмотрел на него.

Некоторые из крыс, посмелее, начинают двигаться. Начинают приводить себя в порядок — причесываться и быстро, перебирать своими лапками вспотевшую шерстку.

Одна крыса, скатившись с верху, с горы тел своих товарищей, раздумала подниматься вновь и тоже занялась причесыванием. Наконец крыса, находившаяся в средине живой горы, стала с усилием выбираться из своего плена, стала освобождаться. Им жарко и трудно долго находиться в таком положении. Кошачий запах уже принюхался,—не так страшно, да и долгое выжидание потеряло остроту первоначального страха. (Начало привычки. Привычка — вторая натура).

Кот нагнул голову. Не сводя глаз с крыс, кончиками своих усов, он попал в блюдечко с молоком.

Кот встряхнул головой, отодвинулся дальше от клетки и снова сел, обернув себя хвостом.

Крысы смелее и уже с любопытством стали протягивать свои розовые носики, нюхать воздух и становиться на задние лапки.

Кот обошел клетку и опять сел уже полубоком к клетке.

Крысы сначала сделали прежнее движение, желая собраться в кучу, но на пол-дороге раздумали и стали по-старому прихорашиваться. Одна даже, из храбрости, подошла к решетке и тихо, спокойно полезла по ней наверх.

Там она начала втягивать в себя воздух с запахом молока и парного мяса. Через минуту ее примеру последовали другая, затем третья, четвертая и т. д.

Грызуны постепенно, бесцеремонно стали в клетке лазить по потолку, становясь все храбрее и храбрее.

Движение кота на секунду заставляло крыс застывать в одной позе, но момент проходил и они снова, уже мало обращая внимания, стали перебегать с места на место, ища на дне клетки в сене оставшиеся подсолнухи.

Наконец, коту, видимо, надоело наблюдать. Он при моем приближении встал и, подняв хвост трубой, запел свою обычную, едва слышную песенку.

При прикосновении руки к спине он поднимал выше свой зад,

повертывался несколько раз и, потеревшись своей мордочкой о мой рукав, как бы прося еще ласки, принялся есть мясо.

Крысы облепили сетку клетки, смотря с любопытством на кошку.

На второй день—то же самое. Кот с аппетитом съев мясо и выпив молоко, влез на клетку и улегся на ней спать, теперь уже на самом деле не обращая внимания на крыс,—разве, если только очень быстрое движение одной из играющих крыс заставляет кота шире открывать глаза и настораживать уши, но это только на минутку, затем кот уже не обращает внимания и сам облизывает своим шершавым языком свою шубу.

Но вот пришло время знакомить ближе старых врагов.

Я открываю дверь клетки и, взяв обеими руками кота, насильно просовываю его голову вперед, в клетку. При этом крысы опять шарахаются в противоположный конец клетки.

Коту не нравится мое действие. Он упирается лапками в край клетки, но голова и передняя часть туловища уже внутри. Своими руками я придерживаю на всякий случай его лапы. Но случай никогда не приходил.

Кот в тот момент зло прижал уши к затылку и, щурясь, полузакрыл глаза.

Крысы не долго в куче...

Я губами произвожу писк, писк, на который крысы так реагируют. Этим писком я раздражаю крыс. Они, как по команде, все до одной поднимаются на задние лапки и тянутся по направлению к коту.

Кот делает движение, желая освободиться от моих рук, втискивая свою голову в туловище, сокращая шейные мышцы. Крысы смелее тянутся к коту. Вот они уже со всех сторон, осторожно обнюхивают кота. Одна нахалка-крыса влезла на мою руку и, сидя на ней, тихонько трогает зубами коготь кота.

На первый раз довольно.

На следующий раз кот сажается в клетку уже весь и дверцы клетки быстро за ним закрываются.

Коту это неприятно. Он моментально поворачивается и показывает желание убежать, но дверцы закрыты и кот ложится, приготовляясь терпеливо перенести совместное заключение. Крысы подходят к нему со всех сторон, тянутся, сидя на задних лапках, к его шерсти и, обнюхав ее, уже мало обращают внимания, начиная ухаживать за собой и грызть только что посыпанные мною жареные подсолнухи.

Кот трусит и, чем ближе подходят к нему крысы, тем более он прячется сам в себя.

Крысы уже нахально влезли на кота и в его шубе чувствуют себя недурно. Только кончик хвоста у кота говорит, что это ему не дешево стоит.

Но привычка—вторая натура и кот привыкает и постепенно до того свыкается с крысами, что вместе с ними ест хлеб, моченый в молоке и часто, крысы вырывают прямо изо рта у кота пищу, и он уступает.

Мой кот, проснувшись и потягиваясь, вылезает из кроватки, где на нем и под ним спали крысы, начинает заигрывать с товарищами, тихонько, нежно трогает их своей бархатной лапкой, будит их, как бы приглашая играть с ним.

Здесь воздействие непосредственно на психику кота заставляет забывать раздражающее чувство убегающего.

Трусообмана нет, нет и проявления инстинкта у кота.

Единичное быстрое движение сильнее бы влияло на психику кота, но массовое движение разбивало это раздражение на многие части и потому каждая часть ослаблялась, не была так остра и не действовала на душевные, мозговые явления кота рельефно, сильно.

Видимо, мысли кота и его сознание были подавлены массовым движением крыс, за которыми одновременно он не мог уследить, что действовало на него угнетающе.

Движение в его сторону, к нему, производило обратное действие жестикуляций, противоположных трусообману.

В данном случае не было инстинкта истребления, а скорее инстинкт самосохранения—чувство, появившееся вначале у крыс, а затем у кота.

Страх перед массой у кота был не напрасен. Рассказывали случай, когда крысы побеждали и съедали кота.

Хождение кота по канату через крыс не требует обстоятельного пояснения. Этот номер совсем не труден.

Раз кот уже свыкся с крысами, а крысы с котом, то главное уже сделано. В моей практике тогда я смог дать несколько интересных цирковых номеров. Я их опишу целиком, так как теперь читатель легко отделит «психологическую» суть дела от артистического подбора интересных для публики ситуаций.

Прежде всего сажают крыс на туго натянутый канат. Кот приносится на руках и сажается на канат, при этом нашим глазам представляется следующая картина: кот смотрит на крыс, выпускает когти и злобно ими царапает по канату, как бы угрожая и готовясь броситься на крыс.

Я говорю, обращаясь к зрителям: «Крысы изображают белых рабов, телеграфных и почтовых чиновников, а кот—начальника телеграфного округа. Чиновники, у кого жена молодая, подходи к начальству».

В это время крысы, находящиеся ближе к коту, смело бегут к нему и протягивают свои мордочки.

При этом я говорю: «Обратите внимание, господа, как кошка целуется с крысами».

После виденного вы можете задать вопрос: «почему кошка, при виде крыс, злобно зацарапала когтями канат и почему, видя это угрожающее движение, крысы смело подбегают к коту и целуют его в мордочку»?

Очень просто. Секрет заключается вот в чем: при дрессировке, на репетиции, я, вынимая крыс из ящика, где положен их корм, сажаю их на канат, где им не так удобно, как в их клетке, а потому каждая из них и стремиться скорее попасть опять в клетку, а издаваемый мною призывный писк и пронесенная мимо клетка, дают им направление и служат им повадко-приманкой, и вот крысы бегут по канату в подставленную клетку.

Значит крысы знают, что при знакомом им писке и по запаху принесенной клетки, им надо бежать в этом направлении. Кот им мешает и они, как старые его знакомые, предварительно обнюхивают его, а затем подлезают под него, дабы попасть, как на репетиции, к себе домой, в свою клетку.

Кот перед своим выходом на арену сладко спит, свернувшись калачиком, в своей клетке, специально приготовленной для этого дня. Мой помощник, когда это требуется, вынимает спящего кота и сажает его на край каната.

Кот первым долгом начинает расправлять свое тело, потягиваясь и царапая канат, вид же получается такой, как будто кот точит когти о канат, приготовляясь броситься на крыс. Мои слова добавляют иллюзию. Я всегда в этот момент говорю: «Смотрите, господа, как у кота разыгрывается аппетит! Но, Васька, укроти свой нрав, не бери примера с людей, будь добрым!» При этом приказываю крысе подойти и поцеловать кота. В это время, почти всегда, крыса подбегала к коту и нюхала его мордочку. Тогда я говорил: «Смотрите, как кот целуется с крысой! Я таких непримиримых врагов, как кошка с крысой, примирил, а люди до сих пор помириться не могут. Не стыдно ли это нам!».

Несколько другими, но подобными приемами, я помирил козла с волком, а впоследствии, уже на арене я показывал с успехом сцену «Мирная конференция», где за общим столом восседали тесно, почти касаясь друг друга, лиса, петух, орел, медведь, свинья, козел, собака (рис. 36 и др).

На праздник Рождества я мог устроить моим дрессированным зверькам елку. На фотографии (см. рис. 5) вы видите, как разместились мои звери. На елку вместо фруктов были повешены: картофель, капуста, морковь и т. д., и все звери держали себя чинно не хватая того, что не нужно.

Теперь, для того чтобы практическое применение только что изложенных приемов было для читателей еще яснее, я приведу описание двух случаев более сложной дрессировки. В первом я выучил свинью летать, пользуясь воздушным шаром и парашютом, а во втором, обучил слона парикмахерскому искусству.

В обоих случаях читатель может видеть, как известным выбором приемов и соответственным соединением их в одну стройную систему, возможно добиваться очень эффектных результатов.

Свинья-аэронавт.

Одна свинья была у меня аэронавтом. В то время погиб Шарль Леру, поднимавшийся на воздушном шаре и опускавшийся на парашюте. Его сменил Гордон, разъезжавший по крупнейшим русским городам.

Я заказал воздушный шар из бязи, 28 аршин в диаметре и парашют из шелка. Шар был системы Монгольфье, т.-е. поднимался посредством нагретого воздуха.

Перед представлением выкладывалась из кирпичей печь, в ней сжигалась солома, а шар привязывался над печью к двум столбам и держало его человек тридцать солдат, которые его постепенно растягивали. Шар сильно увеличивался в объеме; наконец солдаты отпускали канат и он подымался ввысь.

Теперь предстояло приучить свинью восседать на площадке, привязанной к шару.

Для этого я прибег к следующему: на Крестовском острове в Петербурге, где я жил на даче, я ввинтил в балкон блок и устроил кожанные ремни, обшитые войлоком. Свинью я на этом подвешивал. Сначала, не чувствуя под собой почвы, она визжала, но когда я начал давать ей любимое кушанье, она успокаивалась и, наконец,

настолько освоилась со своим положением, что, наевшись в воздухе, тут же засыпала.

Привыкла она также к постепенному подъему на блоке и быстрому спуску вниз.

Далее, я подвел под висящую свинью площадку, на которой находился будильник. Подносил свинье пищу, но сейчас же убирал ее подальше от площадки.

Свинья тянулась за пищей и, желая до нее добраться, соскакивала с площадки, повисала на ремнях и брала из моих рук пищу. Как только свинья должна была получать пищу, трещал будильник. И вот, затрещит будильник, свинья соскакивает с площадки и раскачивается в воздухе в нетерпеливом ожидании любимого лакомства. Таким образом, она привыкла к тому, что со звоном будильника следовало броситься с площадки в воздух.

Все было подготовлено для воздушного путешествия свиньи.

Первый полет был назначен в дачной местности «Озерках». Афиша гласила: «Свинья в облаках». Дачные поезда были переполнены.

Нагрели шар. Поставили на площадку свинью. К свинье привязали нижний конец парашюта, а верхний прикрепили к верхушке шара такими бечевками, которые выдерживали тяжесть парашюта, но не больше. К верхушке привязали мешок с песком.

На площадку был поставлен будильник, заведенный так, что через 2—3 минуты начал трещать.

Шар поднялся очень высоко. Когда, через несколько минут, зазвонил будильник, свинья, привыкши по звонку бросаться с площадки, бросилась в воздух с шара. Парашют оторвался от шара, конечно, одновременно с свиньей, которая впервые несколько секунд ринулась камнем вниз, но сейчас же раскрылся сложенный парашют и свинья, парящим полетом, мерно и плавно покачиваясь, благополучно спустилась на землю, побывав в небесах.

Таких полетов свинья совершила впоследствии четырнадцать; не обходилось, конечно, без приключений.

В Тифлисе парашют опустился на крышу женской гимназии и там зацепился. Свинья болталась перед гимназическими окнами. Пришлось пригласить пожарных, которые ее выволокли.

В Саратове парашют угодил на двор колбасного заведения, что тоже едва ли могло быть приятно моей воздушной путешественнице и послужило для местных газет поводом незлобливо посмеяться.

Теперь перехожу к слону.

Слон-парикмахер.

Я выучил моего слона «Бэби» разыгрывать сценку, которую я назвал: «Сценка в парикмахерской».

Сначала опишу, как она представляется. Я на арене. Я зову карлика Ваньку-Встаньку и говорю ему: «Как тебе не стыдно являться небритым перед публикой. Надо тебя побрить. Отправляйся в конюшню и надень подобающий костюм, а я устрою здесь парикмахерскую».

На арену ставится большая кровать с большой подушкой, набитой сеном. К кровати подставляется тумба со свечею в легком подсвечнике; на другой половине арены стол с лежащими на нем длинными железными щипцами и с громадной деревянной бритвой. К столу пододвигается стул с высокими ножками, а против барьера помещается горн с тлеющими угольями, точила на высоких ножках, и ставится у входа, декорация, изображающая заднюю часть комнаты с дверью: нарисовано окно, на подоконнике которого изображены болванчики в париках, вывеска с надписью: «Парикмахер из Парижа Слонов—стрижка и брижка, бритье́ и стритье». Когда все, поставлено, открывается декоративная дверь и по зову появляется мой «Беби». Я представляю его публике, слон раскланивается на три стороны. Затем я обращаюсь к «Бэби»: «Господин парикмахер, приведите все в порядок: будте чистоплотны, смахните пыль и ложитесь спать, завтра надо рано вставать и принимать посетителей».

Слон быстро подходит к столу, берется хоботом за точеную ручку ящика, выдвигает его и вынимает салфетку. Этой тряпочкой он якобы стирает пыль со стола, при чем, как бы случайно, сметает щипцы и бритву на пол. Держа хобот высоко над головой, «Бэби» с салфеткой подходит к декорации и начинает водить тряпкой по нарисованному окну, делая вид, что протирает стекла.

При моем предложении улечься спать, «Бэби» подходит к кровати, шарит под подушкой хоботом и вынимает оттуда большого, в поларшина, клопа (бутафорский клоп—надутый свиной пузырь, выкрашенный в коричневую краску), кладет его на землю и наступает на него. Клоп громко лопается. Затем под смех публики раздавив клопа, «Бэби» становится четырьмя ногами на свою кровать. Я предлагаю «Бэби» перед сном потушить свечу. Слон берет подушку и делает вид, что хочет ее бросить в подсвечник. Мой окрик останавливает слона; я вырываю подушку и кладу на

место. По команде «т у ш и»! «Бэби» вытягивает хобот по направлению свечки и сильно дует. Свеча, вместе с подсвечником, со стола летит на землю. «Вот кого бы следовало пригласить в пожарные»— замечаю я.—Ну, «Бэби», ложись спать. Завтра надо рано вставать». Слон осторожно ложится головой на подушку. Минута... и слон сам вновь поднимается и осторожно слезает с кровати. На мой вопрос: «что ты забыл?» «Бэби» в ответ хоботом шарит под кроватью и, найдя вазу, вытаскивает ее на средину арены. Затем, перешагивая через нее передними ногами, при громком хохоте публики, садится на вазу. Раздается сильный стук в декоративную дверь. «Бэби» быстро поднимается на ноги. Является Ванька-Встанька в пестром пальто и лысом парике. Я с «Бэби» почтительно кланяемся ему и приглашаем садиться. Карлик усаживается на высокий стул, я подвязываю ему салфетку. На мой вопрос: «Что прикажете»? Ванька, показывая на свою плешивую голову, приказывает ее завить. «В уме ли вы? Что у вас завивать?—говорю я. Ну-ка, «Бэби», освидетельствуй голову посетителя!» Слон свертывает хобот улиткой, осторожно стучит по лбу карлика. Я беру щипцы и предлагаю слону нагреть их. «Бэби» подходит к горну, берется за рычаг и начинает накачивать воздух. Я подсыпаю бенгальский огонь, который освещает цирк красным светом. Затем предлагаю слону наточить бритву. Слон вертит ручку точила. Затем я заставляю «Бэби» взбить мыло для бритья. Подставляю к нему ведро, из которого торчит ручка от мочальной швабры, изображающей кисть. Слон хоботом обхватывает кисть и взбивает мыло в ведре. По слову: «д о в о л ь н о», он вынимает кисть с мылом и тащит ее по земле и бьет ею по голове карлика. Ванька-Встанька кричит, болтая своими коротенькими ручками и ножками—публика смеется. Кончив процедуру намыливания, «Бэби» сбирает хоботом с лысой головы пену и кладет ее в рот. Я подаю ему бритву, он водит ею по голове карлика. Тот кричит благим матом: «Ой, довольно! Пустите меня домой!» Ванька-Встанька срывается со стула и бежит к выходу. Слон догоняет и тащит его назад. Ванька-Встанька, при слове «плати» лезет в карман и, вытаскивая кусок сахару, сует в хобот слону. Слон и я кланяемся публике и скрываемся за занавес.

Вот та комическая сценка, которую, между прочей своей работой, охотно исполняет мой «Бэби».

Познакомлю теперь вас с приемами, которые я употреблял при обучении слона этой сцене. Предупреждаю, что слон уже ранее мной был обучен аппортировке, по жесту моему передвигался вперед и

назад, ложился, вставал, кланялся и знал вообще все первоначальные трюки. Я, заранее составив себе план этой сценки, начал так: подведя слона к столу, на котором лежали салфетка, щипцы и бритва, насыпал мелкие кусочки хлеба между реквизитом на стол. «Бэби», ощупывая хоботом стол и вещи, охотно подбирал крошки хлеба Таким образом он знакомился с вещами. Затем, выдвинув из стола. ящик и не вдвигая его обратно, я положил туда салфетку и несколько кусков сахара. Все это делалось на глазах у «Бэби» Возобновляя несколько раз корм в ящике, я постепенно вдвигал его в стол. «Бэби» просовывал в узкую шель ящика хобот, нащупывая салфетку, вытаскивая ее, как мешающий ему предмет, и снова лез за кормом. Но вот я наглухо вдвинул ящик. «Бэби» сначала нащупывал хоботом точеную, круглую ручку. Когда он дотрагивался до нее, я давал ему подачку. Слон долго приноравливался, как бы удобнее взяться за ручку хоботом. Я, для ускорения и упрощения обучения, привязал к ручке кусочек материи. Тряпка эта напоминала слону салфетку. Слон потянул за нее и получил награду. Так повторялось несколько раз, покамест не установилась ассоциация. Через две репетиции «Бэби» быстро подходил к столу, брался за ручку и, выдвигая ящик, вынимал оттуда салфетку.

Я моментально, не теряя времени, клал ему сбоку в рот кусочек сахара. «Бэби» жевал сахар, не выпуская из хобота салфетку, и держал ее до тех пор, пока я сам не вырывал ее у него.

Когда ассоциация установилась и зазубрилось это действие, то я приостановил вкусопоощрение, и «Бэби», держа в хоботе салфетку и не получая ничего, нетерпеливо опускал и поднимал хобот с салфеткой, касаясь ею поверхности стола. Как только конец хобота и салфетки касались стола, так тотчас же я клал сбоку сахар. Хобот опущен, лежит на столе. Слон получил сахар, я слежу в оба... Вот он сдвинул бритву, я тотчас же поощряю. Слон хрустит зубами, раздавил сахар и, в ожидании повторения, минутку стоит без движения. Я тоже не шевелюсь. «Бэби» поднимает хобот и опускает. Я не шелохнусь. Слон бьет салфеткой по столу и тотчас же получает вкусопоощрение. Съел,... ждет,... я тоже жду, но делаю движение в сторону. «Бэби», следя за мной, тоже делает маленькое движение в бок и тем опять сдвигает салфеткой деревянную бритву. Бритва падает на землю. Слон получает сахар. Я снова кладу бритву на стол—опять повторяется тоже самое и так до тех пор, пока твердо не устанавливается ассоциация. Я не успеваю класть на стол щипцы, бритву, как он тотчас же смахивает со стола. При

каждом таком его движении я говорю одной и той же интонацией— «стирай пыль». На пятый день, в семь репетиций, слон великолепно, без ошибки, выдвигал ящик, вынимал салфетку и ею смахивал со стола и бритву и щипцы. Затем на шестой день, когда он проделал все по порядку, я отошел от стола к декорации, изображающей окно, зовя его. «Бэби» подошел ко мне и получил вкусопоощрение. Не отходя от меня и опустив хобот с салфеткой, он несколько минут стоял неподвижно, затем, не дождавшись вкусопоощрения, поднял хобот кверху и невольно коснулся им декорации. Тотчас же получил морковь, съел и опустил хобот вниз, ведя салфетку по полотну декораций. Понятно, тотчас же получил половину морковки. Съел, и снова поднял хобот. Пауза... опустил хобот, получил другую половину. Так продолжалось с полчаса. Иногда он получал вкусопоощрение, когда водил салфеткой снизу вверх, а иногда и сверху вниз.

На второй репетиции он уже охотно, не останавливаясь, водил салфеткой по декорации, как будто стирая пыль. Я каждый раз, все реже и реже, давал ему вкусопоощрение, т.-е. не за каждое движение, а за несколько их, и таким образом «Бэби», не дожидаясь приказаний, стирал пыль и часто водил салфеткой по декорации вверх, вниз и в стороны.

Малейшее мое движение вправо или влево, и «Бэби», передвигаясь, стирал якобы пыль с тех мест, которые мне были нужны. Таким образом, получилась полная иллюзия стирания окна, подоконника и вывески. Иногда, желая получить поскорее морковку или сахар, «Бэби» торопился и не водил салфеткой по декорации, а прямо ударял по ней. Получалось впечатление, как будто он не стирает, а смахивает.

Теперь дальше. Я беру у него салфетку и иду к постели. Он следует за мной, боясь отстать от меня. (Кроме желания вкусопоощрения, у него развилась с детства и боязнь остаться одиноким я помещении. Это очень помогало мне при дрессировке). Подойдя к постели, я разбросал по ней несколько кусков сахара и хлеба. «Бэби» сначала осторожно, а затем все смелее и смелей подбирал с постели корм и всасывал хоботом крошки. Ощупав постель, слон, таким образом, ознакомился с новым предметом. Но вот начинается более трудный номер. Нужно, чтобы «Бэби» вытащил из-под подушки бычачий пузырь и, положив на пол, наступив на него передней ногой, раздавил бы его. Надо знакомить с пузырем. Я кладу пузырь на землю. Под бок пузыря подкладываю морковь. «Бэби», обнюхав

хоботом пузырь, ощупывая его, сдвинул в сторону, но легкий вес пузыря, который слон не почувствовал своим прикосновением, ввел его в заблуждение. «Бэби» принял пузырь за живое существо, испугался, растопырил уши и попятился назад. Может быть, запах на него подействовал неприятно, только мой «Бэби» отошел от пузыря и не хотел к нему приблизиться, несмотря на лежащую около морковь. Я, зная опытом, что насилие не приведет к добру, а только измучает меня и слона, не пытался подводить слона к пузырю. Поднял с земли пузырь, попробовал подносить его самому хоботу, говоря «а п п о р т», но «Бэби», стал гудеть и топырить уши. Надо было временно бросить.

На следующий день, когда у «Бэби» был лучше аппетит, я репетировал сначала «сцену в парикмахерской». На столик к щипцам и бритве положил и пузырь, но выкрашенный в коричневую краску. «Бэби», по обыкновению, выдвинул ящик, вынул салфетку и начал смахивать все со стола, за щипцами полетел и пузырь. Это мне удалось. Но вот я кладу снова все на стол; вынимаю салфетку из хобота и бросаю на щипцы, бритву и пузырь, морковку и хлеб. «Бэби» принялся подбирать крошки и класть в рот. Но, прикоснувшись хоботом к пузырю, чуть поднял уши и на минуту остановился, но мое «бравшейн» и вкусопоощрение не дали ему задумываться. Опять положена салфетка в ящик, снова вещи на столе, и «Бэби» проделал все как следует, полетел вместе с реквизитом и пузырь на землю. Я подошел к лежащим на земле щипцам, заставил «Бэби» поднять их, взял из хобота, понятно, дал вкусопоощрение, потом заставил поднять бритву и, наконец, пузырь. Слон, тронув пузырь концом хобота, остановился на минуту и отвернулся. Опять неудача... Я настаивать не хотел, боясь вызвать у «Бэби» протест. На сегодня и то хорошо, что слон трогал его и спокойно проходил мимо пузыря, не пугаясь.

На следующую репетицию я привязал к пузырю морковь. Не спеша, положил на стол, на глазах «Бэби», бритву, щипцы и пузырь. Сегодня в первый раз я не положил салфетку в ящик. «Бэби» выдвинул ящик, пошарил в нем хоботом, не найдя салфетки, собрал со дна крошки хлеба, съел и стал шарить по столу. Наткнувшись на морковку, он взял ее хоботом, свернув конец улиткой, и понес ко рту вместе с пузырем. Положив морковь в рот, «Бэби» спокойно отгрыз ее от пузыря, который упал к ногам слона. «Бэби» был покоен. Все это хорошо, но далеко до цели. Привязывая к пузырю все меньше и меньше куски моркови, я клал его на землю под ноги

слона несколько раз. «Бэби» привык к пузырю, но как заставить раздавить его? Эту задачу я не мог решить сразу. Наблюдая за «Бэби», я заметил, как он, стоя в своем слоновнике, часто ощупывал лежащие под ногами у него щепки и камни ногтями передней ноги, отодвигал их, наступал на них пяткой, вдавливая в землю. Солому, положенную для подстилки, он часто свертывал жгутом и, наступив ногой и обернув хоботом, рвал ее и клал себе в рот. Все эти движения он проявлял, когда был сыт и баловался. Надо поймать эти моменты и воспользоваться ими. Пришло время такого момента, и я поспешил положить пузырь с большой привязанной морковью, но неудачно... Морковь была оставлена без внимания и пузырь отброшен носком правой ноги в сторону. Но я приготовил новый сюрприз для «Бэби».

К следующему разу была готова целая серия пузырей. Маленький свиной пузырь был привязан к сухарю—к корке черного хлеба. затем длинные кишки, как сосиски надутые и перевязанные в разных местах с корочками черствого хлеба, лежали в корзине наготове.

Я сижу у слоновника и наблюдаю. Поиграв хоботом с цепью, которая приковывала левую заднюю ногу слона к полу, «Бэби» стал тянуться ко мне, дуя теплым, влажным воздухом из хобота, как из трубы, мне в лицо. Похлопав его по хоботу рукой, я другой рукой подсунул ему связку дутых сосисок. «Бэби», нащупав корки хлеба, стал эти корки обвертывать концом хобота и возить по земле. Связка сосисок, видимо, на него не производила особого впечатления. Повозив их по полу слоновника несколько раз, «Бэби» бросил их без внимания и занялся стуканьем в стенку своим вниз свернутым хоботом.

Я взял сосиски с пола и старался, держа перед глазами «Беби», обратить его внимание на них. Но слон баловался, помахивал хвостом и обертывался ко мне боком. Но, наконец, и я дождался желанного момента. «Беби» видимо наигрался достаточно и начал обнюхивать хоботом пол, ища крошки сухаря. Я положил один конец надутых кишок на пол, а другой держал в руке. Все это я делал, стоя на корточках вне слоновника. «Беби» потянулся хоботом к кишкам, чуя запах хлеба; я тотчас же оттягивал кишки к себе. Как только слон поднимал хобот кверху, я бросал кишки на пол; как только он опускал хобот, чтобы их взять, я принимал прочь. Это, видимо, начинало сердить «Беби», ибо он согнул свой толстый хвост и спину. Когда «Беби» шарил по стене хоботом, я близко, к самым ногтям ноги слона, положил кишки.

Он сознательно наступил на конец сосиски и кишка лопнула не громко, сделав «пф». «Беби» не отнимал ноги, опустил хобот и начал работать, отрывая корочки. Произошло что и требовалось.

Повторив с различными изменениями эти манипуляции, я отложил продолжение до следующего раза. На следующий день, когда «Беби» был полуголоден, я также продолжал с ним эту игру. Слон, стремясь задержать удаляющуюся кишку, наступал на нее, при чем кишка лопалась, и я тотчас же совал ему в рот яблоко, или апельсин, глубоко кладя их на горбатый и скользкий язык. Слон уже не обращал внимания на привязанную корку, а ждал фрукт, подняв хобот кверху и раскрывая рот. Таким образом устанавливалась ассоциация движения, звука и вкуса. Привыкнув к тихому хлопанью и шлепанью сосисек, слон и не испугался шума от лопнувшего свиного пузыря.

От маленького свиного пузыря я перешел к большому бычачьему.

Перенеся эти действия из слоновника на арену, я, прежде всего, клал под подушку пузырь с привязанной коркой, и когда «Беби» по привычке обшаривал матрац, ища крошек, и залезал под подушку, то, найдя там корку, тащил наружу пузырь и тотчас же клал его на землю, наступал на него ногой, отрывая корку от пузыря. Впоследствии, он прямо смахивал из-под подушки пузырь и давил его ногой. Вот как создался номер с клопом.

Продолжаю дальше. Слон должен после убийства клопа встать всеми четырьмя ногами на постель и, взяв подушку, поднять ее высоко над своей головой. Этот номер не так труден. Хотя сначала вводить слона на сравнительно низкое возвышение и было трудно. Он делал это не сразу, а, ощупывая и надавливая передней ногой пробовал плотность и крепость кровати. Стоило чуть треснуть одной доске, как пришлось бы бросить этот номер. Заставить взять хоботом подушку—это обычное приказание аппорт, а поднимал он ее не высоко хоботом потому, что я не совал при этом с боку в рот вкусопоощрение, а приказывал, говоря «х о х», поднять хобот и открыть широко рот, чтобы получить вкусопоощрение непосредственно на язык. Теперь, когда я вырывал у него подушку, надо было заставить его дуть на свечку. Это училось так: опять в слоновнике, где прикованный цепью к стене «Беби», тянулся ко мне, начинал я свое ученье. Входя в конюшню и окликнув «Беби», я медленно подходил к слону и останавливался на известном расстоянии от него, куда он не мог достать своим хоботом.

«Беби», видя меня и мою протянутую руку с яблоком к нему, натягивал цепь до крайности, выдвигаясь всем туловищем ко мне и протянув хобот прямой линией, при чем задняя закольцованная нога висела в воздухе, натянув цепь как струну. Я держу яблоко на полуаршинном расстоянии от щупальцев хобота до тех пор, пока «Беби» не выпустит воздуха из хобота.

Сначала слон втягивает в себе хоботом дразнящий запах розмаринового яблока, а затем с силой дует в него. Как только дунул, тотчас же получил фрукт, при этом постоянно следовало мое приказание—«д у й».

В следующие репетиции слон уже не натягизал так цепи, как раньше, до боли, а дул только при виде протянутого вкусопоощрения и при слове «д у й».

Когда «Беби» стоял на кровати и тянулся к моей руке, я ставил между хоботом и моей рукой, державшей приманку, маленькую ночную тумбочку с гладкой полированной поверхностью и стоявшим на ней легким, аллюминевым подсвечником с зажженной свечкой. При слове «д у й», «Беби», выпускал из хобота струю воздуха, собственно на приманку, но благодаря моим движениям рукой, попадал на подсвечник, который, скользя по гладкой поверхности тумбы, летел вместе со свечой на землю—тотчас же «Беби» получал награду.

Таким образом, при сдувании подсвечника слон вознаграждался и получилась зазубренная ассоциация. Потом мне не надо было показывать рукой направление, куда дуть, и слон сознательно дул на свечку. Понятно, все это делалось постепенно и не спеша. После тушения свечи, слон ложился на кровать, так же как и на землю, но только медленней и с большей осторожностью, учитывая сознательно свою тяжесть.

Но вот мое малейшее движение к «Беби», и тихое «а л л е» заставляет слона встать и слезать с кровати. Тут «Беби» знает порядок своих действий.

Он должен, нагнув голову, хоботом искать под кроватью вазу и, нащупав ручку, обернуть за нее свой хобот, вытащить вазу наполненную до половины свинцом (свинец, как баланс и тяжесть, не давал падать на бок посуде).

В первые дни репетиции в вазу клался корм, который слон поедал, вытащив наружу вазу за ручку. Ваза ставилась под кровать только тогда, когда «Беби» уже лежал на постели, иначе он исполнил бы этот номер раньше, чем следовало бы. В первые уроки так

и было. Слон, подходя к постели, сразу уже искал хоботом под кроватью, но раза три, четыре прошарив напрасно, перестал. Затем, когда «Беби» вытащил на средину арены вазу и, вытащив свой хобот из ручки этой вазы, протягивал хобот за вкусопоощрением, я вел своим движением так слона на вазу, чтобы она приходилась под брюхом и, останавливаясь, заставлял его ложиться.

Слоны ложатся так: сначала животное, опуская свой зад, становится на колено задней ноги, потом ставит также и другую заднюю, а потом, передвинув их удобней под живот, опускает туловище и становится на колени передних ног. Лежа на всех четырех ногах, касаясь животом земли, оно начинает медленно наклоняться на бок и затем ложится на землю, вытягивая при этом ноги. Когда мне надо было заставить «Беби» садиться на вазу, я приказывал слону ложиться и, как только он опускался на одно из колен задней ноги, я тотчас же тормозил дальнейшее движение его вкусопоощрением и отвлечением его внимания на что-нибудь другое, или прекращал желание опустить другую ногу криком «б р а в ш е й н», или движением всего своего тела по направлению к нему, при этом клал ему в рот сахар. (См. рис. 6 и 7).

Рис. 6. Слон садится, дальнейшее движение (желание лечь) тормозится В. Л. Дуровым, путем отвлечения внимания слона (тростью).

Слон замирал в этой позе несколько минут. Получалось впечатление, что он сидит очень комично на вазе. Тут раздается стук

в декорацию, я делаю движение вперед и слон за мной тотчас же встает. Является мой карлик и, пока я с ним разговариваю, слон сзади меня стоит и кланяется Ваньке-Встаньке, выпрашивая у него сахар. Но вот карлик посажен на стул, и я с «Беби» подходим к мехам, где тлеются заранее приготовленные уголья. Там же лежит красный бенгальский огонь, который я незаметно должен сбросить на уголь. Надо, чтобы слон взялся за конец рычага и качал бы его вверх и вниз. Этому движению он учится легко, после того, как он знает кланяться. Я стою за мехами напротив слона, и «Беби» сначала ощупывает железную ручку, на которую кладу его хобот; затем обертываю ее концом хобота, придерживая левой рукой, а правой просовывая в рот сахар, при чем часто повторяю слово — «аппорт». Когда «Беби», взяв за рычаг начинает его тащить к себе, я удаляюсь от слона назад. «Беби», видя, что делает не то, начинает шевелить рычагом в разные стороны, но так как железо поддается только вверх и вниз, то и слон своим чувствительным хоботом, как мы рукой, двигает рычаг вверх и вниз. Я же не зеваю: то и дело подкладываю в рот хлеб, сахар и морковь.

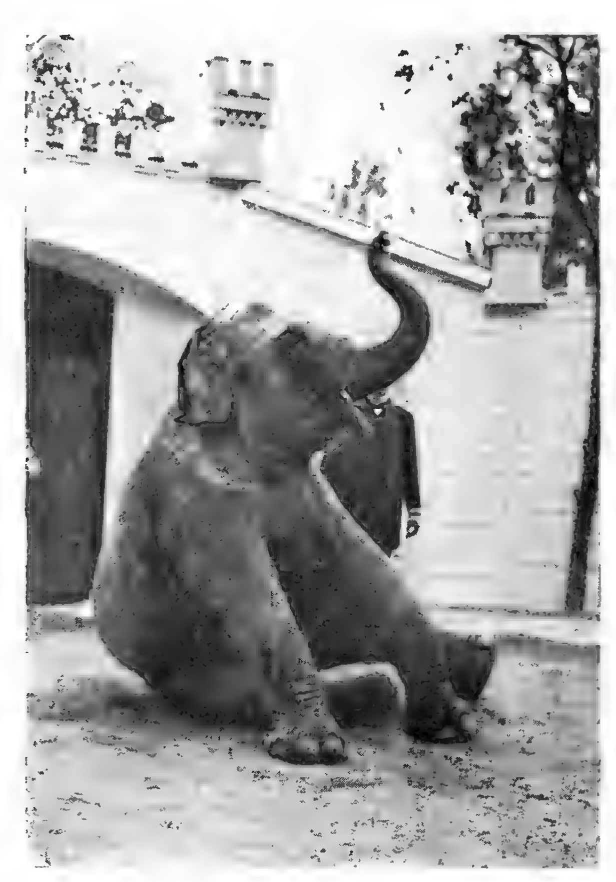

Рис. 7. Слон сидя ждет вкусопоощрения на язык—для чего поднимает хобот.

Вторая репетиция с жаровней была и последней. Когда слон взялся за рычаг, я стал напротив его, делая движения как при

поклоне и говорил слону: „Кланяйся, кланяйся, «Беби»." Слон, который лучше всего знал свои поклоны, не выпуская рычаг, кланялся, чем и помогал хоботу поднимать вверх и опускать вниз рычаг. Подкладывать щипцы в жаровню, это уже было мое дело. Покачав хоботом рычаг у жаровни, слон отправлялся за мной к точилам. Тут то же самое, что и у мехов. «Беби», нащупав ручку и обхватив ее концом хобота, поднимал и опускал голову. Так он вертел все быстрее и быстрее точило, спеша навертеть себе вкусопоощрение.

Но вот с ведром, наполненным сбитым заранее мылом, пришлось мне больше повозиться. Поставив ведро на землю перед слоном, я на глазах «Беби», положил в него большую кисть так, чтобы верхний конец кисти был наружу.

Приказав «Беби» словом «аппорт», взять за палку кисти, я, когда он это исполнил, тотчас же положил в рот сахар. Следовало заставить слона болтать кистью в ведре. «Беби» привык раньше пить из ведра; вынув кисть и выбросив ее, полез хоботом в мыльную пену и стал подбирать ее к себе в рот. Это не входило в мою задачу и мне пришлось повозиться с «Беби». То крича на него, то тормозя его движения вкусопоощрением, то совсем уходя от него, я все-таки заставил слона оставить в покое мыло.

Напоив слона предварительно водой из другого ведра, принесенного на арену, я словом, аппорт, приказал поднять кисть с земли и, подведя слона к ведру, своим движением тела направлял «Беби» так, чтобы хобот с кистью попал в ведро. Как только кисть коснулась ведра, тотчас же следовало вкусопоощрение. Так много раз.

Наконец, «Беби» догадался, что требовалось от него. Не выпуская ручку кисти из хобота и крепко обхватив ее, слон получал поминутно награду и как только он оставлял ее, то прекращалось вкусопоощрение. Я, отходя от ведра, подходил к Ваньке-Встаньке и обратно. Слон следовал за мной, таская кисть по земле и, как только приближался к ведру и кисть попадала в ведро, тотчас же получал хлеб.

Усвоив себе все это, «Беби» следил за каждым моим движением, боясь, что я его оставлю. Передвигаясь со слоном от ведра к карлику и обратно несколько раз, я остановился около ведра, на несколько минут задержав вкусопоощрение. Я стоял не шевелясь. «Беби» терял терпение и начал хоботом с кистью шевелить в ведре, стукая о стенки посуды кистью, тотчас получал сахар. Я следил за движением хобота в ведре и, когда видел подходящее движение, тотчас же закреплял вкусопоощрением. Таким образом получилось, то, что мне нужно: «Беби» болтал кистью в ведре в разные стороны.

На следующую репетицию, повторив все сначала, я дошел и до головы карлика. «Беби», сболтав кистью мыльный порошок, нес за мной к Ваньке-Встаньке кисть. Я стал к сидящему на высоком стуле карлику так, что бы слону было удобно, подняв хобот, коснуться кистью головы карлика. Сказав — х о х! и сделав подобающее движение рукой вверх, я заставил «Беби» поднять кисть и стукнуть по голове карлика. Тут, применяя вышеописанный прием (при стирании пыли), «Беби», как салфеткой водил по столу, точно так же стал водить мыльной кистью по голове карлика. Когда мне надо было прекратить, я делал только чуть заметное движение назад и слон отворачивался назад. Кончив намыливание я совал в хобот бритву держа ее в одной руке, а в другой хлеб. «Беби» выпускал кисть и брался за бритву. То же самое движение и с бритвой, как и с кистью, а затем бритва таким же образом заменялась салфеткой, которой «Беби» стирал мыло с головы карлика. При этой сцене Ванька-Встанька вначале должен был сидеть смирно, но постепенно, при, устанавливании этих ассоциаций, он делал различные движения, чтобы не испугать слона. Соскочив со стула и удирая с арены, я заставлял его, на глазах у «Беби», класть себе в карман яблоко. «Беби» тянулся к карлику, но Ванька-Встанька пятился назад и когда слон хоботом, схватив его за руку выше локтя, притягивал к себе [1]), то карлик тотчас же вынимал из кармана и давал «Беби» яблоко.

Несколько репетиций и «Беби»—не зевал... Как только Ванька-Встанька соскакивал с табуретки и направлялся к декоративной двери, слон ловил его хоботом, притягивал к себе и получал вознаграждение. Затем я и следовавший за мной слон оборачивались лицом к публике и кланялись в разные стороны.

Так заканчивалась сценка в парикмахерской.

Добавляю, что при подготовке этой сцены должна сначала соблюдаться тишина, дабы не развлекать животное и не затормозить нужные мне движения. Вкусопоощрение применяется различно. Когда надо, чтобы хобот был поднят, кладется вкусопоощрение на язык, глубоко в рот; (см. рис. 8) когда надо, чтобы хобот был опущен, просовывается приманка сбоку за клыками у основания губ. Когда надо, чтобы был выпущен предмет из хобота, дается вкусопоощрение в щупальцы хобота, или кладется сбоку на конец

---

[1]) Это притягивание к себе есть чисто прирожденное движение, образовавшееся само собой у слона.

и внутреннюю часть хобота. Дрессировщик все время, передвигаясь с места на место, должен водить и ставить, как ему надо, слона, положением своего туловища, своими движениями. Каждое движение дрессировщика должно быть рассчитано.

Слон зорко следит своими маленькими глазами за вами. При выражении одобрения рекомендую поглаживать между глаз и похлопывать ладонью за ухом; при порицании—произносить однородный звук с одним и тем же движением тела, например: сссс... и резко наступательный шаг к животному.

Рис. 8. Когда надо, чтобы хобот был поднят, кладется вкусопоощрение на язык.

Никогда нельзя, не добившись своего от животного, откладывать до следующего раза. Не закрепив ассоциацию, нельзя оставлять, иначе, в следующий раз, снова надо наталкивать животное на нужное действие сначала.

Когда требуется сделать торможение какого-либо действия, надо не забывать, что оно, уже будучи раз заторможено, не проявится в первоначальном виде. При применении в дрессировке какихлибо реквизитов, надо сначала дать их слону обследовать. Неожиданное для слона прикосновение, или появление предмета—пугает слона. Надо сначала дать ему успокоиться, а затем продолжать дальше.

У всех животных есть свои движения, приобретенные ими опытным путем. Эти движения при дрессировке должны закрепляться вкусопощрением, дабы ими пользоваться. Вкусопоощрение, смотря по состоянию аппетита, может быть разнообразно, а в некоторых случаях его даже должно менять, давать вперемежку яблоко, хлеб, сахар, морковь и т. д.

При дрессировке надо знать и привычки животного. Чувство страха, одиночества у слонов, как у стадного животного, в некоторых случаях помогает. Изучив выражения животного, можно знать и его настроение во время урока и согласоваться с этим; например, если слон спокоен, то уши его и хвост висят без напряжения мышц.

Рис. 9. Выражение радости у слона—качанием в разные стороны головой.

Испуг и беспокойство выражаются оттопыриванием вперед ушей и напряжением и оттопыриванием хвоста. Недовольство и, в очень редких случаях, злоба выражаются у слона крепко прижатыми к телу ушами и хвостом. Радость и игра выражаются у слона—похлопыванием ушами, вилянием хвоста и качанием в разные стороны головой (см. рис. 9 и 10). Плач выражается—слезами, обильно текущими из глаз, и вялостью ушей и хвоста. При всем описанном, различные интонации гуденья, рев и трубный звук—хоботом, а также движения хоботом и всем телом ясно выражают желание и настроение слона.

Скучающий, прикованный к стойлу слон часто выражает тоску, болтающимся вправо и влево хоботом, монотонным и однообразным покачиванием его из стороны в сторону. Во время игры слон оригинально свертывает и развертывает хобот, размахивая им во все стороны. При испуге или злобе, когда слон убегает, он свертывает хобот плотно, изображая улитку. При начале недовольства, имея намерение ударить, он конец хобота подвертывает и, ударяя или отталкивая, развертывает его. Ласкает слон хоботом, ощупывая и водя щупальцем по спине, голове и т. д., при чем особую ласку выражает тем, что он своим чувствительным щупальцем водит по глазам, как бы целуя их.

Мой «Беби» пытался несколько раз щупать и мои глаза. Но, несмотря на то, что он старался это сделать нежно, для меня было нестерпимо, и я к сожалению должен был отстраняться от таких ласк.

Доместикация [1]).

Я изложил основные приемы моего способа дрессировки. Теперь я хочу еще указать на одно условие, которое в высшей степени облегчает работу дрессировки и при котором мои приемы приводят к наиболее значительным результатам. Условие это—доместикация, одомашнивание, которое приводит к обезволиванию животного и делает его послушным выполнителем желаний хозяина.

Доместикация есть постепенное, длительное приучение животного к человеку, благодаря чему происходят очень существенные изменения его психики, помогающие дрессировке, которых нельзя добиться одним применением вышеизложенных приемов.

Постепенно у животного создаются ассоциации, на чем затем будет строиться дрессировка.

Весьма важно, чтобы животное стало объектом дрессировки с самого раннего его возраста. Понятно, что для одомашнивания самое лучшее, когда животное, в первый раз открывая глаза, видит ту окружающую его обстановку, при которой ему придется продолжать свою жизнь. К сожалению, с некоторыми животными этого сделать невозможно; например, ластоногие (за очень редкими единичными исключениями) не плодятся в неволе, другие же, так называемые дикие животные в зоологических садах и зверинцах плодятся, но

1) Под словом „доместикация", совмещая, подразумеваю: акклиматизацию, подавление инстинктов и полное приручение воспитанием.

отделить детенышей от матери в нужные моменты для полной доместикации редко удается. Например, львица, тигрица, леопард, рысь и вообще звери кошачьей породы в неволе при малейшем неумелом обращении со стороны ухаживающих за ними, затаскивают своих детенышей и даже поедают их. Когда мне приходилось получать норниковых животных и класть их под суку, то все-таки впоследствии наблюдалась резкая разница между норниковыми, принесенными с воли, и зверями, родившимися во втором, третьем поколении, в зверинце. Например, волченок, принесенный мне из Муромских лесов в Ярославль, был выкормлен одновременно с Тещей (так звали волчицу, которую я получил из зверинца от волчицы, родившейся в том же зверинце). Оба они росли в одинаковых условиях, но разница в этапах дрессировки резко проявлялась. При первоначальном приручении повадко-приманкой волченок на целых полтора месяца отстал от Тещи. Теща ласкалась уже и играла со мной на четвертом месяце от рожденья, а волченок, несмотря на то, что я ему уделял больше времени, чем Теще, долго забивался в угол и боялся ко мне подходить. По прошествии трех лет, когда я уже выезжал на паре моих волков в санях по улицам Самары, Теща весело бежала, подняв кверху хвост, а волченок прижимал уши и поднимал хвост при встрече с проезжающими. Теща ездила у меня в цирке на лошади и на северном олене, стоя на пано, а волчка пришлось отставить от этого номера, так как он очень боялся лошади. И так, несмотря на то, что животные однолетки находились в одной обстановке и увидели одновременно мир, разница все-таки давала себя знать. Но если взять животное слепым и воспитать его, то эта разница на много уменьшается, а потому желательно для успешной доместикации брать экземпляры с первых дней их рождения.

С собакой я поступал так. Если у суки имелось несколько щенков, то ради сохранения здоровья самки я с 3-хнедельного возраста начинал прикармливать щенят из рук; если же самка имела одного или двух детенышей, то я начинал применять повадко-приманку на пятой недели их жизни. Повадко-приманку я сопровождал звуком чмоканья, напоминающим им сосанье молока матери. Этот звук впоследствии переходил в короткий, похожий на воздушный поцелуй, общепринятый призывной звук для собак. Чмоканье с присасыванием было первым звуком, который щенок слышал от самого себя, и звук этот ему раньше всех звуков знаком. И вот этот самый звук устанавливал ассоциацию его со вкусом, что и заставляло детеныша итти на повадко-приманку. С птицами я поступаю, понятно,

иначе. С голубями, утками, гусями, индюками, павлинами, горными курочками (см. рис. 11) и другими я устанавливаю слуховую ассоциацию со вкусом—постукиванием пальцем по полу или по столу, подражая звуку стучания клювом. Я помню два случая, когда моя горная дрессированная курочка стучала своим клювом по покрытому линолеумом чистому полу, призывая своих цыплят к месту, где должен быть по обыкновению насыпан корм. Мои вороны и галки на этот звук не реагировали. Только что взятые из своих гнезд птицы были мною кормлены особым способом.

Рис. 11. Слуховая ассоциация у птиц со вкусом. Птицы сгруппировались вокруг дочери В. Л. Дурова—А. В. Дуровой.

Я клал на кончик пальца кусочек мяса и когда они, крича—«кааа», широко раскрывали свои клювы, я этот кусок мяса пальцем пропихивал в горло. Мной выращенный ворон Карп (как я его называл), впоследствии говорящий очень ясно: «кто там», раньше галок, грачей и ворон отзывался на зов (см. рис. 12). Я думаю, это происходило оттого, что самый звук слова «Карп», напоминал ему им же произносимый звук «карр»... Он даже при звуке шагов, очевидно, ожидая пищи, кричал своим низким гортанным, похожим на человеческий голос, свое «кто там», «кто там» (в тоне: «до»—кто, там—«фа» нижнее). Привожу такой случай. В Кишиневе в цирковую конюшню ночью забрались воры. Разбив окно, они проникли в пустующее стойло, где висели на стенке седла и сбруи, и сняли их. Кучера спали крепким сном. Когда жулики в полной темноте, нагруженные награбленным, проходили мимо клетки моего ворона, и вдруг услышали гру-

бый голос—кто там?—воры побросали вещи и скрылись через разбитое окно.

Первая в жизни объекта слуховая ассоциация остается у живот-

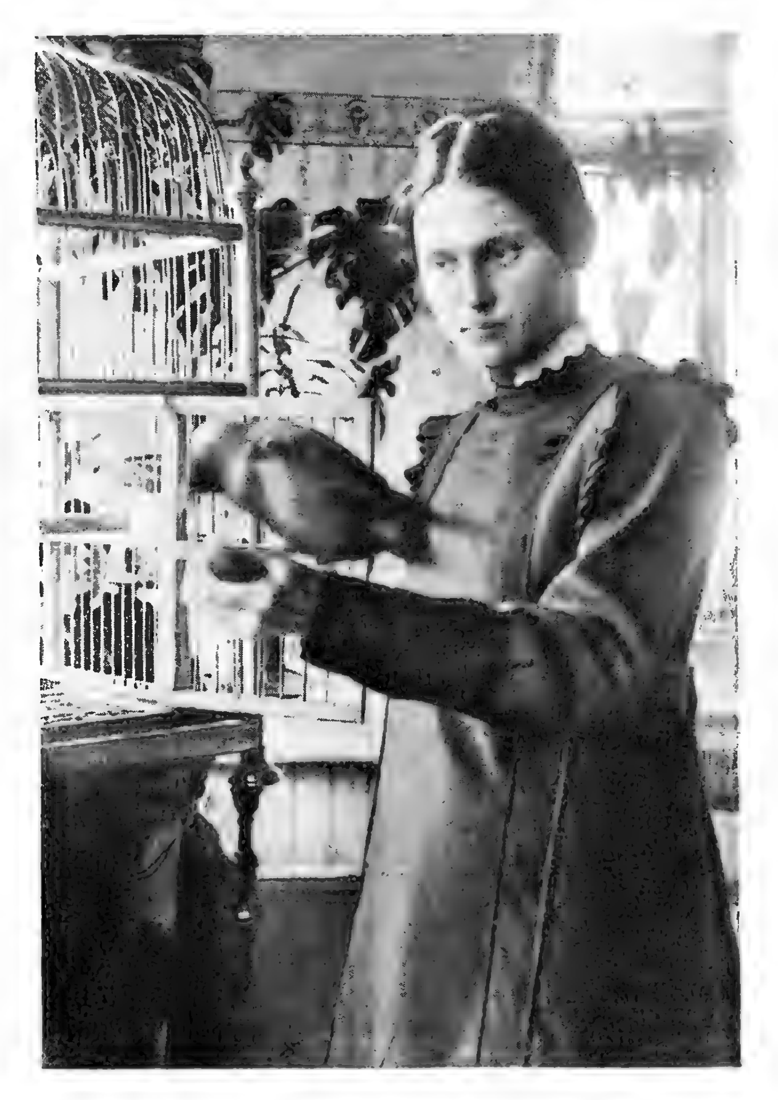

Рис. 12. Аня Дурова приручает ворона „Карпа".

ного до конца его жизни, если она вначале же умело закреплена в памяти его. Но бывает и обратное. Общепринятым чмоканьем люди зовут молоденьких щенят, протягивая к ним руку, как бы маня пи-

щей, но обманывают животное, не давая пищи. Этим они заставляют животное через несколько таких опытов не реагировать на этот призыв и делают о собаках ложное представление, говорят, что они нелюдимые, приписывая им дикость, глупость и т. д. Я не позволяю себе никогда этого делать, зная, что это вредит доместикации.

Приманивая животное призывным звуком и пантомимой, я немедленно даю ему приманку; если же животное не идет на приманку, я во что бы то ни стало добьюсь того, чтобы оно подошло ко мне. Это и есть начало воспитания обезволиванием. Со звуком родного чмоканья ассоциируется и слово, предположим, «иси», и если животное проявляет упорство, то мое слово «иси» переходит не в призывной звук, а в приказательный, и я настойчиво повторяю его в различных интонациях до тех пор, пока животное не подойдет.

Собака, предположим, подойдя ко мне, хотя и неохотно, не принимает пищи; я все-таки лаской и поглаживанием выражаю ей одобрение и оставляю ее на некоторое время в покое.

Прогрессивное одомашнивание параллельно идет с постепенным обезволиванием [1] (иногда приходится прибегать к механическому способу).

Механический способ применяется в особо исключительных случаях и очень осторожно, по возможности без болевых ощущений, но с насилием. Например, собака, несмотря на то, что уже много раз подходила ко мне по первому слову: «иси», вдруг ни с того, ни с сего уходит прочь. Я, испробовав все средства обращения непосредственно к психике животного, был принужден применить механический. Привязав к ошейнику длинную веревку, снова призывал, подтягивая веревкой к себе. Животное, неохотно и слегка упираясь, все-таки было принуждено подойти ко мне. К таким мерам, повторяю, приходилось прибегать только в крайних случаях, и делал я это по возможности без всякой боли. Вся процедура механического воздействия на животных напоминает меры, допущенные нашей современной педагогикой. Предположим, ребенок не хочет есть и не садится за общий стол; его тащат за руку насильно и заставляют сидеть со старшими. Если ребенок вырывается, то его еще и нашлепывают, чего я не допускаю с животными, так как удары в момент дрессировки притупляют сознание и действуют обратно.

---

[1] Обезволивание следует считать не в буквальном смысле, а как постепенное подавление воли животного.

Такое механическое обезволивание применяется очень редко и весьма осторожно. Главное же—это непосредственное воздействие на психику лаской, интонировкой и вкусопоощрением. Применяю к интонировке, как поощрительное слово—«б р а в ш е й н» (сокращенное с немецкого—bravschön) и порицательный звук: «тссс»... Вот те два звука, которые в моем несложном лексиконе применяются с самого начала дрессировки и не изменяются до самого конца.

Намеренно играя со щенком, вы все-таки должны играть с ним, как старший с младшим, и быть постоянно на чеку. Предположим, собака, разыгравшись, начинает проявлять очень резко свое «я»; увлекаясь, кусает вас сильнее, чем бы это следовало. Вы сейчас же должны останавливать звуком «тссс», а потом и прекращать совсем игру. Это порицание впоследствии играет громадную роль. У обезволенной собаки короткое «тссс» сразу меняет настроение и из веселой собака сразу становится серьезной и внимательной, а иногда и угнетенной. Звуком «тссс» даже у проголодавшейся собаки во время кормления подавляется аппетит, и она даже бросает пищу. У молодых щенков приходилось вырывать насильно изо рта, разжимая челюсти, пищу, и всегда это механическое действие приходилось сопровождать продолжительным «тссс» Впоследствии обезволенному животному достаточно было короткое «тссс»..., чтобы оно меняло свое намерение. Звук «тссс» производит магическое действие на психику животных. Только в редких случаях это порицание не производит желательного действия, а именно, когда проявляются у животного инстинктивные чувства, как-то: чувство страха, полового возбуждения, при нападении на убегающего. Это последнее чувство особенно проявляется у чистокровных и полукровных животных. Например, такса. Как бы она ни была воспитана обезволиванием, но при виде убегающей дикой крысы, теряет всякое самообладание и никакое продолжительное «тссс» на нее не действует. Даже мои вполне обезволенные собаки-премьеры, как-то: «Запятайка» (полутакса) и «Пик» (чистокровный фокс-терьер), в момент пробуждения инстинкта выходят из подчинения и, хотя на короткое время, проявляют свою самостоятельность. Только одна моя дворняжка «Бишка» при звуке «тссс» моментально сокращалась и опускала голову, прижимая уши и поджимая хвост. Самое подавление звуком «тссс» инстинкта есть, по-моему, очень сложный психологический процесс. Моя покойная «Бишка» отличалась от полукровки «Запятайки» (у которой было более крови таксы) и от «Пики»—чистокровного фокс-терьера—тем, что была дворняжка, и потому обезволить ее было

сравнительно легче. Чистокровные собаки—каждая порода имеет свои характерные особенности и инстинкты, которые при дрессировке доместикацией обезволиванием приходится ломать и итти, как говорится, наперекор природе. Инстинкт бывает в некоторых случаях большой помехой для обезволивания, а в иных и непреодолимым препятствием; например, мой слон «Бэби», купленный мною у Гагенбека в Гамбурге 4—5-месячным, в течение 3-летней последующей жизни у меня часто проявлял свое «я».

Так, напр.; сначала слон, не желая итти в свой слоновник, шел, куда не следует, и, как капризный ребенок, упираясь, когда его насильно вели, тянулся хоботом к огню—к электрической лампочке. Несмотря на приказание, упрямо продолжал делать по-своему и, когда приходилось применять насилие, ревел со злости, резко, громко и настойчиво пытался делать по-своему. Потом, с летами, он становился все послушней, терпеливей и сдержанней и только потому, что я не был ему слепой матерью, а был разумным отцом; ни разу не позволил я себе махнуть рукой и предоставить его самому себе—делай, мол, что хочешь, а обязательно ставил себе законом переламывать его упрямство. Один раз я нарочно, как урок, дал ему волю поступить по-своему. «Бэби» было уже три с чем-то года. Проходя из конюшни на арену со мной для репетиции мимо хода под галлереей, «Бэби» вдруг вздумал повернуть налево и пойти в тускло освещенный проход под галерку. Я успел загородить собой дорогу, но он не смотрел на мои замахивания и на мое громкое приказание: «алле!», отворачивая голову в разные стороны, стоял, как вкопанный, и сделал попытку сдвинуть меня лбом. Я был принужден взять его за ухо и с силой тянуть в сторону. «Бэби» заревел и, вырвав ухо, опять повернулся к проходу. Я снова схватил за ухо более крепко и, громко приказывая, повернул его назад. Но «Бэби» упрямо стоял на своем. Я, не выпуская из рук уха, уговаривая, сунул ему в рот сахар. «Бэби» сильнее заорал, выбросив языком изо рта сладкий кусок. Что будешь делать? Очень не хотелось применять насилие, хорошо зная, что боль может отозваться на моей дрессировке губительно и надолго затормозить ученье. Но тут мне пришла мысль, что боль должна происходить по крайней мере не от меня. От служащего—тоже не хотелось бы, ибо слон будет бояться его; да и вообще очень и очень не желательно, если «Бэби» будет пугаться людей, между которыми ему приходится жить и перед которыми ему надо работать (давать представления). К моему счастью и несчастью, под галлереей в это время топилась железная печь, кото-

рая отходила от стены приблизительно на $1^1/_2$ аршина и «Бэби», с его толстым и надутым, как пузырь, животом, не мог пройти под галлерею, не задев боком горячей печки. Я и пустил его, предварительно выпустив ухо, когда он менее сильно тянул его из моей руки, затем, отступив два шага назад, я отошел в сторону, давая ему дорогу. Я стоял молча и неподвижно. Слон, не ожидая такого исхода, на минуту постоял на одном месте, а затем упрямо двинулся вперед. Сунувшись между стенкой и печкой, слон сразу попятился назад— он обжег правый бок. Я пошел на арену, и мой «Бэби», поджав свой короткий и толстый хвост, побежал за мной, как ребенок. Я стоял молча. Бедный «Бэби» остановился около меня, опустив хобот, как плеть, и, тихо качая его, гудел, как бы жалуясь. Я не спеша погладил ладонью его глаз и, потрепав за ухом, начал репетицию.

Но вот был случай в Елизаветграде такой. Наш летний цирк стоял на возвышенном месте, на площади. Крыша на временном здании цирка была парусиновая. После представления, когда публика вышла из цирка, поднялся сильный ветер. Рванул шквал один раз шапито[1]), затрещали кругом доски, к которым оно было привязано. Другой раз налетел сильнее и, разорвав парусиновую крышу пополам, перервал электрические провода. Наступила сразу тьма. Крики людей, топот лошадей, треск ломающихся досок, весь этот хаос покрыл собой оглушительный, резкий рев моего «Бэби». Я, пробираясь ощупью в конюшню, как-то случайно попал в уборную и руками нащупал керосиновую лампу. Зажечь ее была одна минута и, я бросился в конюшню. Осветив ту часть, где было стойло и где был прикован «Бэби», я увидел следующую картину: столбы, за которыми лежала раньше балка, служившая для удержания цепи, валялись, вырванные из земли вместе с досками, а «Бэби», подняв высоко хобот и растопырив уши, ревел и рвал ногу с цепью, желая ее освободить от балки. Разбив стойло и протащив на цепи несколько шагов за собой балку, которая, к счастью, застряла между денником и уборной, слон продолжал до-нельзя натягивать цепь, рваться вперед, ревя во все горло. Лошади в стойлах становились на дыбы и били задними и передними ногами во что попало. Я, рискуя быть убитым, подошел с тускло светившейся закоптелой лампой в руке к слону и, крича во все горло «Бэби», «Бравшейн»,—старался заслонить собою брыкающихся лошадей и бегущих мимо людей. Я гладил слона на все манеры, чесал ему живот и за ухом. Обнимая его, как это делал при игре,

[1]) Парусиновая крыша цирка.

целовал в хобот—ничего не помогало. Он рвал ногу, причиняя тем себе еще сильнее боль. Цепь впивалась в кожу все глубже и глубже. Упав на колени передних ног и чуть не задавив меня, слон загребал хоботом землю, выворачивая камни... Постепенно цирк стал наполняться слабым светом запасных ламп. Ветер, хотя тише, но все еще рвал и бил брезентом по жидким доскам цирка. Мои служащие, боясь подойти близко к слону, издали бросили ему хлеб, овощи и подставили ему ведро с отрубями. Слон ничего не замечал. С большим трудом удалось освободить ногу от цепи и «Бэби», почуяв сразу облегчение, стоял и дрожал всем телом. Долго не мог слон успокоиться: поминутно вздрагивая, поворачивал по сторонам голову, топырил уши и с шумом выпускал воздух из хобота. Хорошо, что балка застряла удачно. Много было бы несчастья. Ломая на своем пути все, что ни попало, и таща тяжелую балку по земле, обезумевший от страха слон натворил бы так много бед, что его пришлось бы только пристрелить.

Чувство страха затемняет рассудок и слепой инстинкт самосохранения в этих случаях ведет к гибели самого животного. Обезволивание пасует и доместикация остается не при чем. Животное делается невменяемым.

Чувство безумного страха, сильных болевых ощущений, полового возбуждения и т. д.—все эти чувства, как бы животное ни было одомашнено, мешают в сильной степени моему третьему способу дрессировки. Устанавливать в такие моменты сложные сочетательно-условные рефлексы, ассоциации идей, совершенно невозможно. Успех дрессировки зависит от настроения животного и дрессировщика.

Очень часто в моей странствующей артистической деятельности мешали мне дрессировать частые административные высылки из города в город. Неприятности с полицией и столкновения с губернаторами, не говоря уже о том, что заставляли отрываться среди процедуры установления контакта с животными (что очень вредило цели), так подавляли мое настроение, что оно отражалось вредно и на животных. Мое психическое состояние передавалось, помимо моей воли, животным. Едва заметное мое движение улавливалось ими. Мое скрытое от всех волнение как-то воспринималось зверями и заражало их. Не говоря о моих солистах, премьерах моей труппы, но и на статистов-животных действовали мои скрытые переживания.

Я помню, как в Одессе, во время царствования Каранкозова, когда я показывал в цирке номера с животными под названием—«Пожар гостинницы «Старый режим», где пожарных изображали

свиньи и обезьяны, лошадей—собаки, появился в переднем проходе пристав с портфелем, в котором лежала бумага о запрещении мне играть и о моем аресте (мне заранее дали знать, чего надо было каждую минуту мне ждать). Я, не останавливаясь и не показывая вида, продолжал говорить мою сатиру и командовать животными. Но одно появление пристава, взволновавшее меня и передавшееся животным, заставило животных спутаться и разбежаться во все стороны: поросята полезли в первые ряды, а обезьяны на галлерею, собаки, запряженные в пожарные бочки и линейки, лезли друг на друга, ломая свой реквизит.

После этого случая в другом городе с большим трудом пришлось восстанавливать прежний порядок действия. Животные, если раз собьются и испугаются, то долго не забывают. У них память великолепная, совершенно недооцененная людьми. Прекрасная память животных одновременно опасна и полезна при доместикации и обезволивании. Вот почему необходимо, в особенности при опытах установления сложных условных рефлексов, заставлять животных частым повторением зазубривать их вплоть до привычки. Привычка—главный враг угасанию условных рефлексов, а потому ею надо дорожить.

Главное подспорье в доместикации—обоюдная жизнь человека с животным, постоянное общение, игры, ссоры, в которых дрессировщик должен одерживать всегда верх, что в высокой степени помогает обезволиванию животных (см. рис. 13). Но надо и не пересаливать. На это требуется опять внутреннее чутье дрессировщика. Настаивая всегда на своем, не надо доводить животное до того, чтобы оно теряло рассудок. Ибо тогда мы получим все недостатки механического способа. Этот последний тоже обезволивает животное, но он настолько подавляет психику, что животное превращается в машину. И о творчестве животного тогда не может быть и речи.

Из дикого животного можно сделать домашнее, как из домашнего сделать дикое. Пойманное, запуганное и озлобленное животное, поставив в особые исключительные условия и затратив на него максимум своей энергии, можно в довольно непродолжительное время доместицировать и отчасти обезволить. Акклиматизированное и привыкшее к обстановке, животное привыкает к совершенно несуразным якобы действиям, противным его инстинктам. Например: пойманная с трудом в лесу пустельга была мною так выдрессирована, что, когда я стрелял в нее из ружья, она тотчас же слетала с дерева и летела на выстрел, садилась на дуло ружья, которое еще дымилось, и преспо-

койно чистила клювом свои перышки [1]) (см. протокол № 17). Варан, пойманный в Закаспийском крае [2]) и привезенный ко мне в Москву, через 7 недель брал у меня с вилки мясо, а под конец года настолько привык к виду белых мышей (которые жили в одной клетке с вараном, но перегороженной сеткой), что потом они лазили по нем смело и даже, был случай, играли на его спине. Тут сила привычки сказалась как на варане, так и на мышах. Мой волк настолько был одомашнен и так привык к козлу [3]), что мне без особого труда уда-

Рис. 13. Доместицирование поросенка и крысы В. Л. Дуровым.

лось подавить его инстинкт и заставить их проводить долгие ночи в одной клетке в моем зверинце (см. рис. 14). Мой лев и львица— „Принц“ и „Принцесса“, хотя и родились в неволе, но содержались в бродячем балагане зверинца, как и все дикие звери. Живя у меня в особых условиях, они очень скоро привыкли к обстановке, к другому обращению, к моей семье и в особенности ко мне. Я часами сидел у них в клетке на стуле и читал газеты, совершенно покойно, забывая о их присутствии.

---

[1]) Чучело пустельги, сидящей на ружье, находится в музее „Уголка“.
[2]) Чучело варана находится в музее „Уголка“.
[3]) Чучела их и фотографии—в музее „Уголка“.

Полной доместикации с дикими, крупными животными нельзя добиться, по-моему, лишь потому, что сами люди из ложного страха не допустят этого. Уже, кажется, что может быть добродушнее молодого медведя, нашего российского муравейника, который не знает даже вкуса мяса, а и то публика трусливо бежит от него, когда я веду его по улицам на цепи. Своим любопытством и пугливым отбеганием от него они, в отношении одомашнивания, очень портят животное, давая право медведю догонять трусов. Как вам покажется ни странно, но я не признаю существования диких животных. Звери не дикие по существу, а дикими их делают обстановка жизни, человек и голод. И прежде всего тех зверей, которых мы видим, дикими сделал человек. Не диким ли делается человек, когда он сидит в клетке голодным и притом его поминутно злят (испытал на себе, когда сидел за мой язык в тюрьме)?

Когда мне случилось высадиться на Новую Землю, мне пришлось увидать стадо лисиц, которое подходило к нам на самое близкое разстояние, совершенно нас не дичась. (Книга В. Л. Дурова II часть). Обстановка, все окружающее почти такую же роль играют в приручении, как и голод. Звери на свободе разве не меняют место и не попадают в различную обстановку? Не проходят ли мимо их поминутно разнообразные картины—лес, поле, море, рвы и т. д.?

Видя что либо в первый раз, звери сначала боятся, а потом привыкают. Так и город, сад, комнаты, арены, театр—сначала пугают зверей, а потом привычка делает свое дело. Разве крестьянин, попавший первый раз в город, не боится всего? Не будь борьбы за существование в лесах, морях и т. д., не гони царь-голод зверей друг на друга, мы смело остались бы со зверями и жили бы, как с младшими братьями.

Изменились бы со временем все их привычки и инстинкты, и мы, люди, живя с ними в городах, эксплоатировали бы те их природные способности, которых у нас нет, на благо всего трудящегося человечества, а подавлять вредные инстинкты у животных куда легче, чем у человека. Да и у человека их больше, чем у зверей. У животных инстинкты держатся долго, благодаря тому, что они, ничем не подавленные, переходят в привычку, например: посмотрите на моих дрессированных животных. В настоящее время, когда я пишу эти строчки, у меня имеется группа лисиц, пойманных в разное время и в разных местах. Я их приучил к домашней обстановке и к рукам и выдрессировал проделывать различные упражнения совместно с другими дрессированными животными, вплоть до аппортировки. Номер-

этот заканчивается общим пиршеством: ставится стол с явствами; садятся за ужин, каждый на свое место, кот рядом с собакой, собака со свиньей, затем кролик с лисицей. Все они спешат наполнить свои желудки. Кот ест из своей тарелки мясо сдержанней, чем бульдог; свинья, погрузив свое рыло глубоко в миску, забыв все на свете, чмокая, спешит пожрать все сразу—в этот момент не оттащить ее от стола; кролик с чувством, с толком, спокойно жует свою морковку, а лисица, не смотря на то, что сидит рядом бок о бок с любимым, вкусным, живым мясом (с кроликом), жадно хватает кусок за куском сырую лежалую конину из своей миски и только зрачками вращает на всех едящих, в том числе и кролика, вздрагивая и боясь, чтобы у нее не отняли куска. Я поминутно подкидываю в миску конину, постоянно пополняя порцию. Лиса первые куски проглотила целиком, вторые стала спеша пережевывать, а затем, насытившись совсем, она забрала остальные куски в рот, напихивая их, на сколько позволяла пасть, затем с полным ртом, метнув зелеными глазами на соседей, соскочила со своего стульчика и бросилась по углам искать, куда бы спрятать остатки. Видя, что за ней никто не следит, она положила мясо к стенке и стала носом водить по полу к мясу, как бы зарывая его. Потом, вздрогнув, подхватила снова мясо в рот и, перенеся на другое место в угол, опять поспешно завозила носом по полу, по стенкам к мясу. Не смотря на то, что каждый день лисица питалась вволю и постоянно, живя у меня, была сыта, привычка голодать раньше оставила по себе настолько яркие воспоминания, что она уже не верила действительности.

Набегавшись вволю и полакав воды, лиса улеглась на мясо, прикрывая его туловищем. При приближении к ней, она не вставая тявкала, показывая свои зубы. Прошу прочитать газетную заметку и сделать сравнение.

В «Известиях» от 16 декабря корреспондент пишет, что сам видел крестьянина, который жадно глотал сырые куски мяса своей лошади, павшей от голода по дороге в Самару.

Вы видели, с какой жадностью мои хищники глотали сырое мясо дохлой лошади. Все делает голод. Он дрессирует все живущее на свете—и людей и животных.

Вы видели, как у меня кошка с собакой, лисица с кроликом пируют за общим столом. Отнимите от них пищу, и царь-голод заставит их съесть друг друга и человека.

Мои лисы, наголодавшись на воле и зная по опыту теперь, что кто работает, тот и ест, утолив свой голод, заботятся о

завтрашнем дне и прячут недоеденное мясо в землю, боясь, что его отнимут.

Подобное рассказывает нам тот же корреспондент:

На койке в углу—девочка, лет 7-ми. Вздувшийся горой живот.

— Ты сыта?—спросили ее.

Испуганно взметнулся взгляд и в ответ какое-то нечленораздельное, полуживотное слово: угу!

— Смотрите,—говорит заведывающий детским домом. Поднимает подушку, а там корки хлеба, каша, еще что-то.

Наголодалась и теперь не верит, что завтра будет тоже сыта.

Девочка поспешно собрала в кучу свой запас и легла на него грудью.

Мы, сытые, не понимаем голодных.

Так встряхнитесь же, люди, делитесь, кто чем может, с голодными.

Не удовлетворяйтесь тем, что, купив сегодня билеты в театр, вы принесли свою лепту голодающим. Не только для очистки совести, но и для своего спасения мы должны делиться с голодными.

Злейший и сильнейший из царей—царь-голод...

Кого он боится? Кто его может победить?

Единственный опасный для него враг—это любовь. Во имя этой любви, во имя нашего чувства будем делиться с голодными. Этим мы намного ослабим зло царя-голода: и если искренне будем любить друг друга, и если любовь восторжествует, то царь-голод будет на веки побежден.

Человек ест мертвого человека, а лисица лисицу есть не будет. Я бы много привел примеров, но остановлюсь на этом. Повторяю, что привычка—большой друг доместикации и от нее зависит и успех доместицирования.

В заключение приведу выдержку из газеты „Новь“ от 6 апреля 1914 года, № 70, где рисуется впечатление, произведенное достигнутыми мною результатами на комиссию, которая пожелала ознакомиться с моим „Уголком“.

„Раскрывающийся мир“.

Сезам откройся!
(Из арабских сказок).

Внимание массы ученых было привлечено удивительными явлениями, обнаруженными в Германии. Я говорю о лошадях Краля, о собаке Рольф, принадлежащей Г. Мэкель, в Мангейме. Горячие споры,

доклады, лекции, обширная литература были порождены несколькими четвероногими. Редкий из людей может быть таким центром внимания, но в этом не было ничего удивительного. Перед умами возникла возможность соединить разошедшиеся русла реки жизни, образовав снова единую семью людей и животных—наших младших братьев. Но неужели Россия с ее колоссальной территорией не может обнаружить того, что обнаружила Германия? Разве только Германии принадлежит монополия на мыслящих животных? Если животные мыслят, то мы должны искать гениев животного мира и, конечно, прежде всего в той стране, где мы живем.

Наука, это—олимпийские игры, и каждый из нас в праве стремиться к победе, которая одновременно есть своя победа и победа родного города, родной нации.

Но как было искать в России то, что было найдено в Германии? Рыться в гуще жизни, обратиться прежде всего к ученому миру? Мы пошли новым путем.

Кто из нас не помнит, какой восторг вызывал у нас в детстве цирк! Но если у младших из нас спросят: кого вы лучше всех помните? Чьими зверями вы больше всего восхищались, о ком говорили и взрослые, и говорили, не третируя как клоуна, а ценя как артиста?—ответ будет один: мы помним Владимира Дурова и его животных, имеющих на название людей больше права, чем иные люди.

Мы знаем, как нежно любит он животных и как животные возвращают ему эту любовь. Мы знаем, что животные для него не автоматы. Это почти люди, а иногда даже больше, чем люди. Мы знаем, что он понимает животных, как мать лепет ребенка. Он, очеловечивая животных, поднимает их до себя. Он не человек науки, но в той таинственной близости, которая существует между ним и его животными, можно найти больше значительного, чем в лаборатории, именно: он легче всего мог бы образовать, создать животное, переходящее черту между животным и человеком. Животное, вступающее в новую фазу развития,—иллюстрацию к нашей собственной эволюции.

Вот какие мотивы побудили нас—А. Суворина и меня—[1]) обратиться к Владимиру Леонидовичу Дурову. С чрезвычайной любезностью он предоставил себя в наше распоряжение.

---

[1]) Статью писал Свенторжецкий. Примеч. автора.

Я не знаю ничего более странного, чем его дом. Вместе с тем, редко где я бывал с таким свежим и живым чувством, как там. Мне хочется сказать о нем, что это что-то вроде санатория: вы приходите желчно и резко настроенным, но выздоравливаете в этом доме и уходите с тихой улыбкой, словно вы прочитали „Дафниса и Хлою“ или „Рейнеке-лиса“.

Вот крыса, простая крыса—предмет человеческой ненависти, но—боже мой!—что может быть милее этого зверька, когда вас знакомит с ним хозяин дома? Крыса ходит по вашей руке, исследует карманы вашего пиджака; как добрый бурш, пьет пиво из вашего стакана. Ее шкурка мягка, как атлас, вся она опрятна и не издает ни малейшего запаха. Хотите доставить ей удовольствие—почешите ей ушко, она зажмурится и прижмется к вам.

И знаете ужасную биографию этого милого и кроткого зверька (это чумная „толмачевская“, по рекомендации Дурова, крыса). В Одессе была чума и крыс жгли. Ее выхватил Дуров из рук крысоистребителей, уже облитую керосином. Она теперь вегетарианка и эксперт: ее зовут пробовать сливочное масло. Если в масле есть малейшая примесь маргарина, „Фимка“ его не ест.

Вот в комнате за стеклом на кроватке спит почтенная белая кошка. В ее меху что-то копошится... вы думаете, котята? Вовсе нет! Это мыши, которые стараются поудобнее устроиться под боком у кошки, и можете быть уверены, что это не будет их последний час. Дуров ласково поднимает кошку вверх за спинку. Под кошкой оказывается лежит угревшись рыжий крысенок.

В клетке живет галка, большая приятельница дочери В. Л. Дурова, Ани. В аквариуме—колония лягушек, и забавно видеть, как девушка сажает на руку какого-нибудь квакуна и тихонько гладит его.

И о лягушках открыты некоторые их лягушечьи тайны: если особым образом нежно гладить их по бокам—они начинают квакать.

В нижнем этаже дома зверинец. Пара прекрасных львов, оленей, барсуки, гигантская морская свинья и в одной и той же клетке волк с козлом, при чем козел часто обижает волка, если волку достается больше внимания от гостей, чем это кажется правильным козлу. Он прегрубо пыряет волка в бок рогами, волк отпрыгивает, ощеривает зубы и уступает. Если в клетку протягивает руку Дуров, с какою лаской и нежностью начинает тереться о нее этот зверь—серый дикарь лесов, и щекою и глазами и шеей, счастливый этим прикосновением. Посетители уходят. Козел и волк остаются в темноте в клетке и без надзора, и ничего—братья.

Выражение ощущений у животных.

Наблюдая и изучая выражение ощущений у людей и животных, я заметил следующее: повседневно люди, разговаривая друг с другом, сами того не замечая (за собой и за другими), передают и воспринимают одинаковые, однородные выражения во время интересующего их разговора.

Эти однородные выражения или, лучше сказать, одинаковые сокращения и изменения мышц лица—часто как бы застывают на лице и некоторое время, независимо от перемены слов, или, точнее сказать, от образов, проносящихся в мозгу слушающего, остаются, как бы застывая на лице несколько минут. Затем постепенно сглаживаются и исчезают, или иногда переходят в другое положение, и получается иное выражение в зависимости от смысла разговора.

Представления, образы отпечатываются на лице и некоторое время удерживаются на нем только тогда, когда внимание сосредоточено до забвения, т.-е. человек слушает интересный разговор, например, об убийстве его знакомого. Подробности рассказа вызывают выражение ужаса на лице слушающего, и когда рассказчик переходит на какие-нибудь мелочи, не имеющие непосредственного отношения к фактам убийства, то слушающий все-таки не меняет выражения лица и остается с ним некоторое время. Но вот заговорили о другом и у него постепенно сглаживается выражение лица. Момент забвения проходит, он как бы очнулся и следит уже за собой и придает лицу своему другое выражение - деланное и часто подобающее данному моменту, т.-е., иначе говоря, симулирует.

Итак, анализируя самого себя, я не могу не сказать следующего,

1) Ужас на лице отраженный, помимо моей воли, есть рефлекс обыкновенный. Чувство и мимика слиты воедино: образ убитого проносится в мозгу с быстротою молнии, я вижу его таким, каким он был со мной в последний раз. Образы сменяются как в калейдоскопе, воспринимаются подробности убийства и тем как бы закрепляется положение мышц лица (поднятые брови, полуоткрытый рот и т. д.). Я несколько секунд не слышу разговора, затем короткое мое: „Как, или что?“ отрезвляют меня и я напрягаю себя, дабы поймать новую мысль. Мимика дает возможность судить о состоянии (душевном) живого существа. Объективная психология этого не допускает, но не отрицает полезности для психологии субъективных наблюдений и самоанализа. А. Нечаев утверждает, что хорошим психологом

может быть только тот, кто умеет хорошо наблюдать над самим собою, а В. Бехтерев прибавляет: „и кто умеет хорошо воображать“ (В. Бехтерев, „Объективная психология“. 1907 г., стр. 5).

Рассказчик своими словами зарождает в моем мозгу новые образы, и старый след оставшегося впечатления сглаживается; с ним сглаживаются и приходят в нормальное положение мышцы лица. Отсюда предварительный вывод, что обыкновенным рефлексом (или безусловным) мы будем считать мимику ужаса (испуга) человека.

2) Вторая стадия наблюдается, когда тот же самый испуг изображает актер на сцене, не переживая его, а лишь сокращая мышцы лица (лба) и открывая рот,—внутренне, психически не переживая испуга.

Рис. 15. Обезьяна „Джипси“. Рефлекс „боязливой защиты“.

3) Третья стадия: та же мимика, но с переживанием воображаемого состояния. От актера (мимиста) зависит сократить мышцы лица по своему желанию и ничего не переживать, но от него и зависит уметь воображать, представить в своем мозгу образы испуга и мгновенно его пережить.

Изучая выражение ощущения у обезьян, я подражал мимике лица обезьян, стараясь в этот момент воображать то, что могло вызвать у меня надлежащую мимику (см. рис. 15—20). Обезьяну

сердили во время процесса фотографирования; сердился и я, вызвал и я в себе ощущение злобы и т. д. Значит, переживание обезьян и выражение ощущения на ее лице соответствует моим „произвольным“ переживаниям, выражающимся в моей мимике. Отсюда следующий вывод: мы в праве думать, что внешнее выражение животного соответствует его внутренним психическим процессам. За такое предположение объективисты, вероятно, готовы будут решительно высказываться против меня.

Объективисты утверждают, что по внешнему поведению и мимическому выражению ощущений животного нельзя судить о его внутреннем состоянии (психическом), т.-е. мы не имеем научного права сказать, что в данный момент животное радуется, страдает, спокойно и т. д.

Я пытаюсь доказать противное путем сопереживания, сопоставления переживаний человека и животного, исходя из того, что даже объективисты придают громадное значение самонаблюдению и самоанализу. Перед фотографической съемкой служитель злит обезьяну, которая, по моему, приходит в ярость и огрызается. Я стою рядом с ней и пытаюсь привести себя путем воображения в аналогичное состояние злобы. Фотограф фиксирует на пластинке выраженные состояния у нас обоих (см. рис. 16 и 17). Я анализирую себя и нахожу, что в данный момент довел себя силою воображения до состояния истинной злобы, которая внешним образом запечатлелась в моей мимике. А раз наша мимика, как видно из фотографии, почти до точности идентична, то я считаю себя вправе предположить, что обезьяна чувствовала почти то же самое, что и я заставил себя чувствовать. Понятно—перемены в различных чувствах происходят у нас, людей не до тонкости одинаково—злоба, радость и т. д. у каждого в отдельности, наверное, протекает по своему, в зависимости от предшествующих представлений в мозгу, и от сцеплений образов и т. д., но сущность одна и та же, а потому и выражения и мимика сходны у всех; даже и у некоторых животных, в особенности тех из них, строение которых походит на человека,. проявляется это сходство мимики. Даже у собаки, строение черепа которой далеко разнится от человеческого, и то у нее мимика и пантомима дают некоторые сходства. Возьмем, например, оскаливание зубов во время злобы, растягивание губ при смехе, сосредоточенное внимание, сопровождаемое часто особым поворотом головы и т. д. „Даже некоторая мимика“, как пишет Дарвин, „у человека имеет свое атавистическое начало от животных“.

Не у всех собак мы видим одинаковые выражения ощущений. У одних пород некоторые ощущения выражаются в особой степени; у других те же самые ощущения выражаются резче и с некоторыми прибавлениями, например, у борзых, английских гладкошерстных и у обыкновенных густо псовых. Из 19 штук, перебывавших у меня в дрессировке, я ни у одной из них не замечал характерных частых движения виляний задом и хвостом, как у французских бульдогов, фокстерьеров или в особенности у тойтерьеров.

У последних моих выводков—редкостных карликовых тойтерьеров или репинчеров, эти движения, при выражении радости, настолько производились быстро и учащенно, что даже послужили, мне кажется, неправильному развитию задних ног. Постановка задних ног у карликовых тойтерьеров, в особенности у старых, резко отличалась своею неустойчивостью, вследствие чего задние ноги отстояли друг от друга шире, чем у молодых, с очень заметными искривлениями. Затем, при выражении особо сильной радости, эта порода тойтерьеров, быстро виляя задом, улыбалась, поднимала свои верхние губы и показывала зубы вперемежку с вилянием задом и улыбкой; прерывисто чихала от радостного волнения, чаще дышала, вследствие чего и раздражала слизистую оболочку носа. У борзых и у многих пород, этих явлений, при проявлении радости, я никогда не видал. Хотя выражения радости, горя и других чувств у собак проявляются не совсем одинаково, а в других случаях и совсем не проявляются наружу, но все таки общий корень есть у всех животных, не исключая и человека.

Природа выражения ощущений во многих случаях одинакова. Возьмем, хотя бы, виляние задом. Я часто наблюдал, в особенности на балах, как молодой человек подходил к даме, виляя довольно заметно своим задом, изгибая позвоночник в разные стороны, при этом самодовольная улыбка играла на его лице. Эти виляния задом, если играла в это время музыка, большею частью попадали в такт. Эти движения у человека встречаются часто, хотя и не выражаются так резко, как у животных.

Человек извивается перед начальством, подлизываясь, как говорат; извивается перед женщиной, стараясь обратить на себя ее внимание, а грация движений тела разве не зависит большею частью от развития позвоночника?

Природа этих движений одна у всех позвоночных. Мой дрессированный варан сильным хвостом резко выражал свое настроение, и если конец хвоста его двигался в стороны спазматически и неровно, я в этот момент никогда не подпускал к нему моих беленьких мышек.

По движениям хвоста у кошки я знал ее настроение и не рисковал пускать ее работать совместно с крысами. По хвосту животных я узнаю многие душевныя переживания, а у безхвостых—по их движениям задом, сиречь по изгибанию позвоночника. Собака ярче всего выражает свои ощущения головой и хвостом. Последим немного: собака спит, лежит, свернувшись калачиком. Все мышцы тела ослаблены, но вот одно ухо двинулось чуть-чуть, поднялось. Ухо—первый проводник из внешнего во внутренний мир животного, при закрытых глазах. Хвост в своей основе слабо напрягся, и собака, не меняя позы, поднимает чуть-чуть от пола конец хвоста и вновь опускает на пол. Пауза. Уши, сначало одно, а вслед за ним и другое, напрягаясь, поднимаются и оборачиваются чуть - чуть в вашу сторону. Хвост через несколько секунд начинает шевелиться и уже ясно выраженным движением бьет равномерно по полу; махнул хвост взад и вперед, как половая щетка, и учащенно забился о пол, собака открыла глаза и поднимает медленно голову.

Разве во всех движениях хвоста не чувствуется целая гамма ощушений?

Глаза ваши встретились с глазами собаки. Собака медленно, не спеша, встала. Хвост перестает двигаться, уши напряженно торчат вверх. Встав на ноги, собака замерла: хвост опускается немного ниже спины. Собака, не спуская глаз с ваших, после короткой паузы, перекашивает голову на сторону, как бы желая поставить свои глаза и уши вертикально (выражение сосредоточенного внимания), при чем хвост чуть напрягается, благодаря этому, поднимается выше. Пауза... Но вот вы улыбнулись. Моментально меняется выражение у собаки: голова опускается ниже уровня спины, хвост тоже, опускаясь, начинает качаться, как маятник, равномерно из стороны в сторону.

Собака, приложив уши к затылку, подходит к вам, подставляя голову, как бы приглашая вас погладить ее.

В этой короткой сцене ясно выражается то, что внутренние душевные движения сопровождаются игрой позвонков почти каждого в отдельности, в общем всего позвоночного столба, начиная с шейных, грудных и кончая последним позвонком конечности хвоста. Приблизительно можно нарисовать движение и положение позвонков и ушей так (рис. 21).

Обласканная собака тотчас же усиливает движение хвоста в стороны, при чем учащает темп и начинает шевелить спинными позвонками.

Повторяю, что гамма позвоночной музыки, если можно так выразиться, неразрывно связана с душевными переживаниями животного. Это для меня аксиома. Теперь остается расшифровать каждое малейшее движение всего позвоночника, согласовать эти движения с переживаниями и получится ясная картина выражения ощущений у собаки и их определение. Понятно, уши, глаза и другие части тела, так же, как и позвоночник, добавляют и дополняют друг друга. Допытываться происхождения и природы движений животных, доискиваться их начальных проявлений не входит в мою задачу, тем более, что

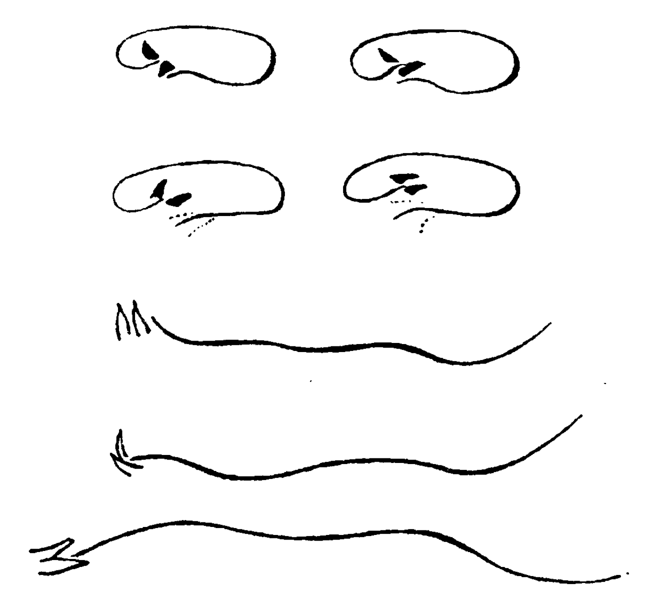

Рис. 21.

великий естествоиспытатель и ученый Чарльз Дарвин сам признается в несовершенстве своего труда, даже в рациональном объяснении выражений [1]).

---

[1]) Чарльз Дарвин. „О выражении ощущений у человека и животных". С.-Петербург. 1896 г., стр. 10.

В своем введении он пишет: „Мне казалось более вероятным, что способность выражать наши чувства известными движениями, хотя и прирожденная нам теперь, развилась однако в начале, только весьма постепенно. Но большая трудность состояла в том, чтобы добиться, каким образом приобреталась эта способность. Приходилось взглянуть на весь предмет с другой точки зрения и всякое выражение требовало рационального объяснения.

Убеждение это заставило меня попытаться составить предложенную книгу, хотя я вполне уверен, что многое в ней будет очень несовершенно.

Познакомившись с трудом маститого ученого, я, признаюсь, остался неудовлетворенным, тем более, что со многим я не могу согласиться.

Моя практика и постоянное общение с животными, во время установления различных ассоциаций, показывают на неточности, которыми обильно насыщена та часть книги, которую он озаглавил— «О выражении ощущений у человека и животных».

Не премину указать на некоторые из них: (Глава IV «Способы выражений у животных», стр. 41). „Кролики и зайцы, например, почти никогда не употребляют своих голосовых органов, как только при сильном страдании, как например в тех случаях, когда раненый заяц добивается охотником, или молодой кролик пойман хорьком".

Мои прирученные кролики издают крики при обычной драке, которая у них часто происходит, в особенности в период спаривания. Пользуются своими голосовыми органами кролики и зайцы при игре и ссоре друг с другом, издавая особый, тихий, гортанный звук одновременно с фырканьем, похожий на короткое ворчание. Часто добавляют к ворчанию стук о землю задней лапой, служаший им как выражение нетерпения, или недовольства и угрозы. Крольчата в период обростания пушком издают писк, как и крысы, когда их тревожит мать своим не совсем ловким передвижением в гнезде. Короткое ворчание у зайцев замечалось мною во время дрессировки в трусообмане. Короткое ворчание кроликов и зайцев часто дополнялось стуканьем об пол задней ногой. Это же движение—нетерпения, смешанное со злобой, я встречаю и поныне у различных животных. При долгом неполучении от меня вкусопоощрения, мой верблюд бьет задней или передней ногой о землю, ясно выражая злобу, или нетерпение. Эти движения вначале были мною вызваны моими способами повадкоприманкой и трусообманом. Произвольное выражение нетерпения постепенно переходило в привычное движение уже без чувства досады, злобы и нетерпения. Во-время данное вкусопоощрение тормозило развитие чувства досады и нетерпения и оставляло одни движения ногами, которые, благодаря частому повторению (зазубриванию), ассоциировались с вкусопоощрением и моими движениями и интонацией моего голоса. Такими же приемами я дрессировал козла, теленка, баранов и т. д. Мой барашек сердито ударял передней ногой сначала об пол, а потом я подставлял и музыкальный мех. При повторных вызываниях этого движения все меньше и слабее выражалось чувство недовольства и под конец совсем пропадало и заменялось только желанием получить вкусопоощрение. Природа этих нетерпеливых дви-

жений для меня вполне ясна, и я не могу согласиться с Ч. Дарвином, который приписывает им другой смысл.

Он пишет: «Жвачные—рогатый скот и овцы замечательны по своей слабой способности выражать свои ощущения и чувствования, исключая, может быть, чувствительной боли». Остановлюсь пока на этом. А разве жвачные не выражают, как и собаки, удовольствие помахиванием хвоста, трением своего тела, игру—символическим призывным мычанием и лизанием рук и т. д.?

Мой козел, когда я заставляю его исполнить требуемое, получает вкусопоощрение, и тотчас же выражает удовлетворение частым движением хвоста. Это движение мне всегда и безошибочно дает возможность авансом говорить на сцене: «Ну, Васька, перевернись и хвостиком замахай!» В редких случаях мне приходится краснеть за неисполнение моего предсказания, и то только тогда, когда перед этим движением происходило торможение. А мой поющий бык, не давал ли мне материал для установления ассоциаций? Его мычанье в конюшне-стойле, ассоциированное мною вкусопоощрением, дало возможность заставлять его петь на арене. А мой осел, кричащий по команде во всякое время и т. д.? Да многие животные выражают ясно свои ощущения и мимикой движений, и голосовыми связками, и блеском и тускнением своих глаз. Можно ли вообще сравнивать, какие животные больше имеют выразительной мимики, а какие меньше! Собака, курица, заяц, черепаха, крыса и слон—каждый имеет свои природные данные для выражения своих ощущений.

Как их классифицировать? Мне кажется, можно только разделить на позвоночных и беспозвоночных. Ведь дело-то главное в позвонках, если принять во внимание, что каждый позвонок (сегмент) имеет свою частицу мозга и свои нервы, сливающиеся в общий спинной мозг—в общий позвоночный столб со своими двигательными мышцами и управляются головным и спинным мозгом. Посмотрите на кошку, повидимому лежащую спокойно, ни один член ее тела не напряжен, и только кончик хвоста, как червяк, изгибается. Кошка что-то переживает, и эти переживания выражаются движением тела чуть не двумя, тремя конечными позвонками... Вся пантомима собаки выражается главным образом позвоночником с его покровами. Центр внимания для определения ощущений главным образом должен быть обращен на движение и положение позвонков.

На всей поверхности позвоночного столба мы видим, в зависимости от переживаний животного, изменение положения волос у млекопитающих и перьев у птиц. При помощи мышц, мышечных

волокон, их сокращением и ослаблением, волосы и перья подымаются и опускаются. Сокращение, вследствие напряжения и ослабления, понятно происходит благодаря чувствованию. Я посредством воображаемого холода заставляю шевелиться и вставать волосы на моей руке (гусиная кожа, смотри протокол № 11/Е, от 29/VI 1920 г.). Это может служить доказательством, что не только местное внешнее раздражение заставляет сокращаться мышечные волокна, в данном случае холод, а и воображаемый холод. Силой моей воли я вызываю заранее определенное ощущение. Животные обладают более развитой способностью владеть своими внутренними органами, чем человек, как то: перистальтикой кишек (смотри опыт с морской свинкой, протокол № 1, 5/а), сокращением мочевого пузыря по своему желанию и т. д.

Все это я привожу, как пример потому что для определения выражений ощущений у позвоночных, необходимо главным образом обратить внимание на позвоночный столб, не как на один скелет его, а на весь позвоночник в целом, т.-е. со всеми его мышцами, нервами, покровами и т. д., начиная с черепа (который считают одним из позвонков) и кончая последним позвонком хвоста.

В психике животных позвоночник играет роль, как половой возбудитель. Собаки, а в особенности кошки, при желании ласки, подставляют свой позвоночный столб под вашу руку, при этом особенным образом изгибают его и постоянно норовят одними и теми же позвонками коснуться вашей руки, приятными для них, одними им понятными, местами поверхности позвонков.

А разве вы не замечали, обратно, неприятные ощущения, выражаемые на позвоночнике, это сдвиг кожи на спине у кошек.

Собака спит спокойно, но вот моя музыка на рояле ее раздражает, и кожа на спине у нее порывисто сдвигается взад и вперед [1]).

Начало всех выражений вы видите в большинстве случаев на позвоночном столбе и близ прилегающих к нему ушах. У слона, когда он начинает сердиться, первым долгом сокращается позвоночник, изгибается горбом, затем поднимается хвост, и уже потом его хобот свертывается улиткой под нижней челюстью. Кролик, перед тем как от злобы и нетерпения или угрозы стукнуть задней ногой о землю, сокращает и сгибает спину.

---

[1]) В сильных страданиях от физической боли животное катается по земле, изгибая во все стороны позвоночник (человек и червяк). Собаки, лисы, волки, кошки делают эти движения и во время сильного удовольствия—радости.

Совершенно не могу согласиться с Ч. Дарвином и относительно выразительных стуков кроличьих лап. Ученый пишет [1]): «Кролики стучат громко лапами по земле, призывая своих товарищей и, если человек умеет хорошо подражать этому стуку, то в тихий вечер кролики станут отвечать ему со всех сторон».

Имея в настоящее время более ста кроликов и несколько зайцев, для которых я создал целую сложную пьесу, где мои статисты, грызуны, изображающие рабочих, не говоря уже о солистах, исполняют целый ряд действий, как то: бегут по хрустальному мосту на звук гудка с фабрики, перескакивая друг через друга; толпятся у работающей паром машины, часто обрызганные горячими каплями переработанного пара, выбегают, играют и ссорятся. Мои школьники, малюсенькие крольчата, бегут по молу [2]) в городские ворота, якобы в школу. По барабанному бою зайца беляка моментально на крепости появляются солдаты кролики и становятся в ряд, прижавшись друг к другу своими боками, а во время пожара, когда раздается в городе набат, мои статисты, старые и молодые кролики, при бенгальском огне бегут вместе с пожарными к месту пожарища, перегоняя друг друга, ссорясь и злясь, при чем стучат задними ногами. Все эти номера статистов: перемещение с одного места на другое, перелезание через всевозможные препятствия и т. д.,—все эти движения мне приходилось пробовать учить следующим образом.

Мне надо, чтобы кролики перебежали почти аршинное расстояние из одной клетки в другую. Одна клетка—у маяка, другая—за воротами дома. В первой клетке—группа статистов, вторая—пустая. Открыть первую клетку с кроликами и ждать, когда они соблаговолят из нее выйти, нельзя. Публика и ход пьесы не ждут. Надо вынимать из клеток по одному. Беру первого попавшегося за шкурку спины (самое безболезненное место у зайцев и кроликов) и ставлю головой по направлению к цели, на мол. Сидит кролик неподвижно, прижав уши к спине, но вот позвонок растягивается, уши поднимаются, и кролик, сделав нерешительно от меня несколько шагов и видя, что он на свободе, поворачивается ко мне мордочкой, сгибает спину горбом, наклоняет уши вперед и, стукнув задней ногой, садится и умывается. Вся фигура его говорит за то, что он был недоволен моим обращением. Кролики, сидящие в куче в клетке и ожидающие

[1]) „Способы выражения у животных". Глава IV. Стр. 46.

[2]) На переднем плане сцены изображен мол с маяком; с левой стороны — дом с воротами.

такого же насилия, при стуке ногой плотнее прижимают уши к спинкам и жмутся к противоположной стенке клетки. Вытащен насильно другой, посажен у дверцы, также мордочкой вперед. Сидит, не шелохнется довольно долго. Первый уже освоился и обнюхивает пол. Я тихо толкаю второго в зад. Кролик все плотнее и плотнее прижимает уши и начинает упираться передними лапками. Я оставляю осторожный механический способ воздействия и предоставляю кролику действовать самостоятельно. После паузы первый кролик, освоившийся со своим новым местом, приближается ближе ко второму, садится близ него и стучит вторично ногой; второй тотчас же съеживается еще больше и замирает. Я наблюдаю, что будет дальше. Первый подошел вплотную ко второму и стал его обнюхивать, как будто видит его в первый раз. Затем и второй зашевелил ушами и вытянул шею по направлению ворот. Но вот он встал на задние ноги, высоко подняв голову и уши, а затем пополз пугливо и осторожно от меня, выгибая спину, по молу к воротам. Первый уже прыгает смелей и, подбежав к воротам, стал своим подбородком тереться о декорацию, изображающую городские ворота. За открытой дверцей стоит клетка, в которой положен салат и морковь. Почуяв запах свежей зелени, первый смело подошел к клетке и через решетку стал с жадностью уплетать листья салата. Второй, освоившись с положением и видя, что я от него далеко, прыгнул за ворота к первому. Первый кролик стукнул сердито лапой, и второй повернулся от него и побежал прочь, назад ко мне. Я стучу, подражая кролику, по доске мола рукой, и второй тотчас же, поджимая уши, удирает от меня на середину мола. Посидев несколько секунд неподвижно, он вновь поднимает уши и голову, смотрит то в мою сторону, то в другую, затем опять, выгибая спину, касаясь брюшком пола, ползет к первому. Первый, уплетая зелень, при приближении кролика, снова стучит сердито лапой, и снова второй, не смея приблизиться, останавливается на месте. В это время вылезают кролик за кроликом из клетки и, обнюхивая пол, решаются отойти несколько шагов от нее, но, услышав стук первого кролика, тотчас же возвращаются в свою клетку назад. Это не входит в мои планы. Я вынимаю первого попавшегося за спинку, ставлю его на мол, приблизительно на аршин от клетки. Та-же процедура: сидит несколько секунд неподвижно и, услыша стук первого, ползет опят в свою клетку, не боясь меня. Я меняю тактику: вываливаю из клетки всех кроликов на мол, клетку убираю совсем; преграждаю им путь фанерой (впоследствии устраиваю в начале мола дверь) и перехожу на другую сторону—

к клетке с салатом. Кролик продолжает есть уже в клетке морковь, второй еще не решается подойти к салату и сидит на полпути на молу. Я сзади клетки начинаю барабанить по доске мола пальцами, сначала тихо, потом все сильнее и громче. Кролики трусливо расползаются по молу. Но вот мой первый, под звуки моих пальцев, досыта наедается и выпрыгивает из клетки. Я прекращаю барабанить. Он смело бежит навстречу к трусливым товарищам, стучит лапой и начинает умываться. Кролик за кроликом подползают к клетке с кормом и начинают есть зелень. Первый, как хозяин, бегает смело взад и вперед по молу между товарищами. Когда кролики почти все освоились и подошли к корму и стали спеша есть зелень, я барабанил пальцами по доске, устанавливая, таким образом, слуховую ассоциацию.

Кролики наелись, отошли от клетки и бегают по молу. Я прекращаю репетицию. В следующий раз почти та же история. Теперь я уже не применяю механического способа—подталкивания, а прямо мой помощник вываливает статистов на пол мола, а я с другой стороны, за воротами, у клетки с едой барабаню пальцами. Кролики с каждой репетицией все смелее и скорее перебегают мол и скрываются за воротами, где и находят пищу и едят под мой барабанный стук пальцами. Но стоит какому-либо кролику во время перебегания поссориться с товарищем и стукнуть лапой, как этот стук тормозит передвижению—некоторые кролики на минуту останавливаются. Впоследствии я применил подражательный стук, как отпугивание, а мой барабанный стук четырьмя пальцами правой руки, как призывной. Почти то же самое происходит у меня и на крепости с солдатиками. Мой помощник, стоя за кулисами за крепостью у клетки с кроликами, первоначально обращает их внимание, т.-е. как бы будит их постукиванием о клетку. Кролики встрепенувшись ждут, когда забарабанит беляк заяц на крепости в настоящий барабан и когда откроется клетка, чтобы выскочить поскорее на крепость и получить вкусопоощрение. То же самое и во время пожара: посаженные на пожарные автомобили и машины черные кролики, изображающие пожарных, влезают на мол и, несмотря на весь шум и грохот ломающегося железа, свистков, набата колоколов и т. д., слышат призывной барабанный стук пальцами по полу и тотчас же соскакивают с машин и бегут на призывной звук туда, где получают вкусопоощрение.

Объясняю я это себе так: всякие различные шумы кролики чувствуют только своими ушами, т.-е. слышат, а призывной барабан-

ный стук пальцами по доскам передается их тельцам, сотрясением пола, на котором они находятся.

Приведу еще один из многочисленных примеров. Из ворот по молу двигается кролик, запряженный в телегу с мешками. Роль его: перевезти из города на маяк муку, но вдруг на полпути он вздумал остановиться; тотчас же служащий, поджидавший его у маяка с кормом, начинает барабанить пальцами, по полу слышится стук и передается кролику. Он знает, что со стуком связана вкусная пища, спешит на зов. Его за маяком встречает рука с морковкой. Кролик-лошадка ест морковку. Голова и передняя половина туловища кролика не видны публике, зад и телега с мешком—на молу, на глазах у зрителей. Вот вылезает из ворот кролик, изображающий жулика. Его роль должна быть такова: он должен не спеша, крадучись, появиться из ворот на мол; сесть, подняться на задние ноги, осмотреться кругом, вернуться обратно в ворота, посмотреть, не следит ли кто из города, потом вновь появиться на молу и затем осторожно, крадучись, подползти к заду телеги и, схватив один мешок в зубы, повернуться и удрать с ним, скрываясь в ворота. Все это он проделывает каждый раз более или менее одинаково, почти с одними и теми же движениями. Здесь уже более тонкая дрессировка и вот в чем она заключается: предварительно ставится клетка с жуликом, в которой он постоянно живет, на свое место за кулисами. Перед тем, как ему надо выйти, открываются ворота и затем открывается его клетка. Это происходит постоянно во время кормления. На противоположном конце мола ставится тележка, на которой лежат мешки, набитые сеном. К одному из мешков привязывается морковка. Я, стоя смирно за маяком, барабаню по доске мола, призывая жулика. Кролик знает время обеда и место нахождения пищи; бежит к тележке и начинает грызть морковь. Тут я не зеваю и отнимаю от него мешок с привязанной морковкой, стучу другой рукой по доске мола, подражая стуку кроликов. Жулик оставляет морковку и бежит обратно в свою клетку—испугался и сидит смирнехонько у себя. Но время обеда напоминает о морковке. Опять вылезает жулик из ворот и бежит к тележке, но теперь более осторожно и медленно. Опять сел у телеги и ест морковку; опять стук и вырывание мешка, снова приходится удирать к себе, но, попробовав морковку, на полдороге раздумывает и возвращается вновь к мешкам, хватает морковку; вновь стук, угрозы; жулик, не выпуская мешка изо рта, оттаскивает его дальше от телеги и принимается есть. За мешком тянется моя рука, и снова стук. Сначала, бывало, он бросал мешок и удирал в

клетку, но вот, привыкнув к угрозе стуком, он уже не так боится его, как прежде, и теперь уже не выпускает мешок из зубов и тащит к себе в клетку, где и доедает начатую морковь. Затем мешок со свежей морковкой кладется на прежнее место, снова призывной стук пальцами руки и снова отпугивание стуком и т. д.

Все это проделывается много раз и долгое время. Теперь, чтобы продать, как говорится, работу хорошо, надо следить в оба за действием жулика, а именно, при первом появлении в воротах жулика, вы видите его настроение: если он очень смел и не крадется, а прямо хочет бежать к морковке, то вы предварительно предупреждаете его, легким кроличьим стуком напоминая ему об опасности. Он останавливается на полпути, поднимает уши, а иногда и весь приподнимается на задних ногах и, уже нагибая спину, крадется к мешку. Если жулик делает намерение удрать к себе, не выполнив роли, я тотчас же даю призывной стук. Если он спешит к мешку, или не спешит его уносить, в этих случаях применяю стук кроличьих ног.

Итак, я надеюсь, что из вышеописанного ясно, что стук кроличьих ног есть выражение злобы, нетерпения, угрозы, но отнюдь не призывной стук, как его понимал Ч. Дарвин, и если кролики и отвечают на стук стуком, то только в свою очередь сердясь или угрожая, причем, предварительно сократив мышцы позвоночного столба и поджав хвост. Как похожи сердитые, нетерпеливые удары о землю ногой кроликов на движение ног капризных детей и избалованных женщин.

Символическое, призывное мимическое, как у нас у людей, движение рукой заменяется у животных передвижением всего тела. У птиц, в особенности у попугаев, это движение выражается иногда, когда они сидят в клетках, более резко и более похоже на человеческое. Как человек делает движение рукой, призывая вас к себе, так и попугай это движение делает головой, вытягивая шею и сокращая ее, кивает головой, что очень похоже на наше призывное кивание. Мой попугай «Жако» после установления ассоциации (теплоты руки с токованием), когда желал повторения этого ощущения, обыкновенно призывал меня свистом. Я из другой комнаты входил на свист к нему. Придвигаясь ближе, в небольшом расстоянии от него я останавливался, в ожидании дальнейшего призыва. «Жако», бывало, повторял свист, и я приближался к нему еще ближе и протягивал свой указательный палец. «Жако» тянулся ко мне и, беря своей цепкой лапкой за мой указательный палец, притягивал его к себе, при некотором сопротивлении с моей стороны. Он, не выпуская из лапы пальца, как

бы добавляя, делал движение к себе, сокращая шею и голову. Я тотчас же поддавался ему, и он влезал на мою руку и начинал свое токование. Проделывая с разными вариациями с ним эти опыты, я вполне убедился в существовании как символического призывного свиста, так и символической призывной мимики у лазящих птиц [1]).

Рис. 22. Выражение ощущений у пеликана. Удивление и недоумение.

Мой пеликан, ожидая меня на арене, сидя на тумбе, когда я подходил к нему без рыбы в руке, всегда вопросительно, чуть склонял голову в сторону и расставлял крылья, как бы спрашивая мимически: «что это значит»? И здесь я нахожу признаки сходства выражения ощущений у пеликана и у человека (см. рис. 22) если принять во внимание похожее положение крыльев (рук) и головы.

[1]) Токование у лазящих птиц и символическая мимика, связанная с токованием, до меня не были отмечены в литературе.

Я не могу не подчеркнуть громадного сходства выражения и ощущения с человеком у моего зеленого попугая. Попочка, как мы его назовем, находится в приемной. По целым часам он болтает, говорит много слов, живет у меня довольно давно, великолепно подражает голосу человека и т. д. Когда слышит звуки рояля, охотно поет. Его пение заставило меня особенно наблюдать за ним. Я утверждаю, что мой зеленый попугай ощущает ритм мелодии, ибо он в такт производит движения всем своим телом и отдельно крыльями, головой и хвостом. Очень часто мимирует под звуки рояли, под струнные звуки моего инструмента [1]) и под свое собственное пение. Мотив музыки он безусловно чувствует, что наглядно доказывают все его движения и пение. Он ни разу не диссонирует, а наоборот, поет, как бы фантазируя. Слыша знакомые мотивы, он как бы переделывает их по-своему: то забегает вперед и берет правильно последующие ноты и всегда в тон; то ясно, сознательно в том же тоне, в каком слышит аккорд, берет низкую ноту, подражая человеку.

Несмотря на умышленное сбивание его переменой мотива и такта, переменой тона, он всегда попадал правильно и не фальшивил. Часто попугай, слыша знакомый мотив на рояле, начинал фантазировать, подражая сопрано и вставляя в мотив щелкание на подобие кастаньета и свист. Кроме ритмических движений головой, крыльями, лапками и шеей, я заметил у попугая во время его пения сокращение зрачков. При высоких нотах зрачки суживались и расширялись, причем, как мне кажется, все эти действия зрачков происходили как будто согласно переживаниям попугая, т.-е. согласованно с мелодией. Ясно и определенно можно сказать, что мой зеленый попугай обладает и управляет пластикой и ритмом. При этом можно предположить, согласно его поведению во время пения, что он ощущает наслаждение. По вышеприведенным данным, согласно выражению ощущений у птицы, можно сделать заключение о большом сходстве с ощущениями человека. Без ритма нет гармонии. Человек, ощущая гармонию, наслаждается.

Все поведение птицы, в данном случае попугая, во время музыки и пения представляется нам жизнерадостным, отнюдь не угнетенным, или злобно раздраженным. Злоба ясно выражается у него резким, неприятным, слишком громким, скрипучим, однотонным криком с нахохливанием перьев (а у белого какаду и поднятым хохлом) и угрожающим движением туловища и головы.

---

[1]) Инструмент моего изобретения пока без названия. Звуки похожи на виолончель.

Окончив эти строки, я пошел проверить себя: находясь близ клетки «Жако», я дождался его призывного свиста, подошел к нему, открыл клетку и протянул свою руку. Он немедля спустился и сел на нее (см. рис. 23). По обыкновению, я поднес его к моему лицу.

Рис. 23. Процесс токования серого попугая „Жако", вызванный В. Л. Дуровым. (Редкий случай). Мимика покоя.

«Жако» стал нежно перебирать волосы на моих усах (см. рис. 24), затем он начал свое токование (см. рис. 25). Я следил за зрачками: черные зрачки его едва заметно для глаза сокращались и, чем сильнее он токовал, тем движение зрачков яснее выражалось (см. рис. 26). При реакции зрачки совершенно сузились до едва заметной точки (см. рис. 27).

Для меня вполне было ясно, что при наслаждении зрачки у попугая суживаются.

Могу добавить, что при своем пении попугай явно переживает наслаждение. Его фантазия в пении, не будет смело сказано, есть своего рода творчество.

ис. 24. Процесс токования серого попугая „Жако“, вызван-й В. Л. Дуровым. (Редкий случай). Первое проявление токования (опускание крыльев).

Рис. 25. Процесс токования серого попугая „Жако“, вызванный В. Л. Дуровым. (Редкий случай). Рефлекторная мимика полового раздражения (топтание на месте, приподымание и опускание попеременно обоих крыльев, сопровождаемое особыми звуками).

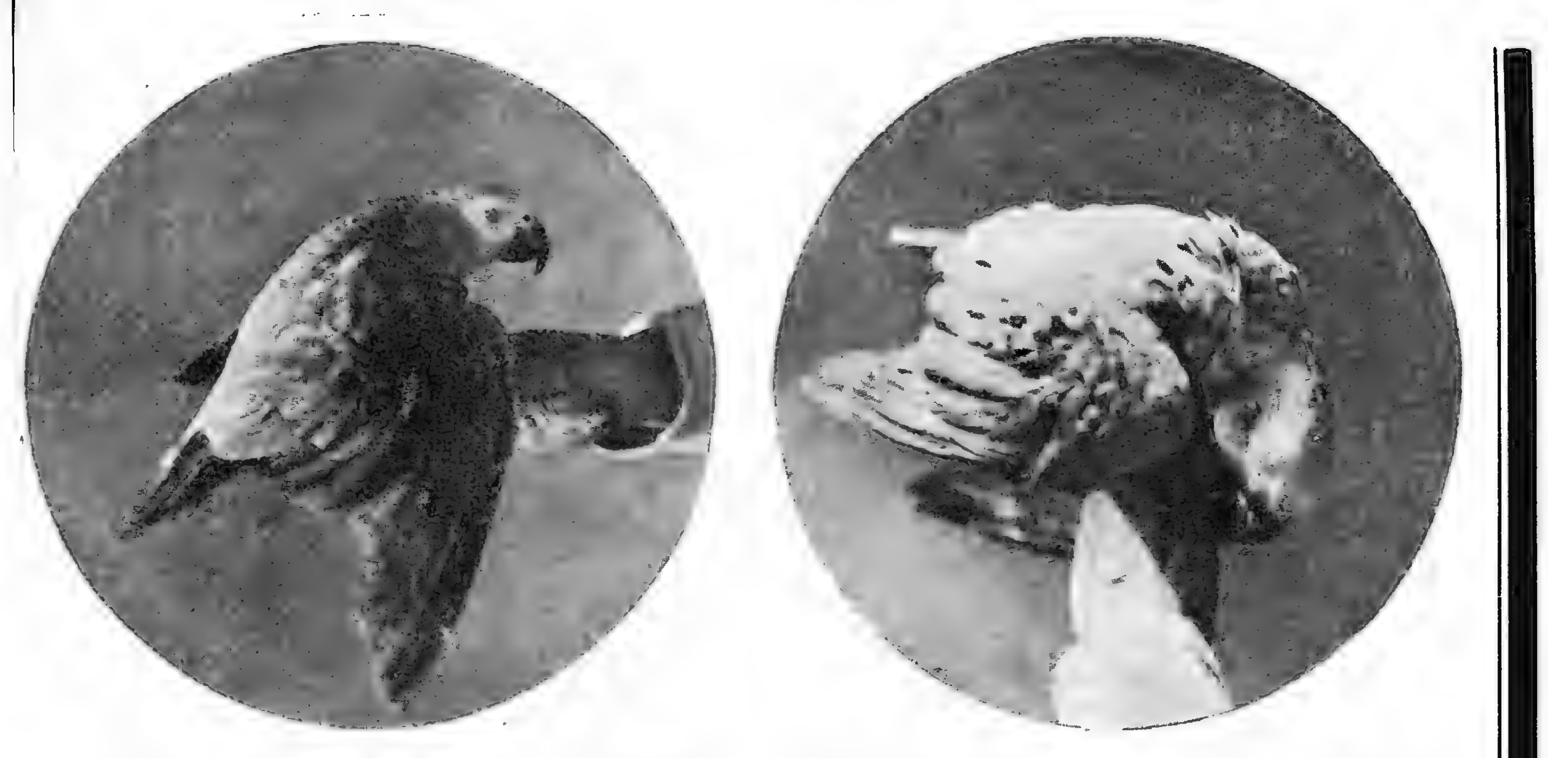

Рис. 26. Процесс токования серого попугая „Жако“, вызванный В. Л. Дуровым. (Редкий случай). Рефлекторная мимика положения (обнимание руки низко опущенными крыльями), сопровождаемая особыми звуками в учащенном темпе.

Рис. 27. Процесс токования серого попугая „Жако“, вызванный В. Л. Дуровым. (Редкий случай). Рефлекторная мимика полового раздражения (акт спаривания, сопровождающийся прекращением особых звуков, учащенным дыханием, спазматическими движениями крыльев и хвоста и прижиманием брюшка к руке).

Ассоциации и сны у животных.

«Точные исследования серьезных ученых»,—пишет В. Вагнер (Сравнительная психология, том 2, стр. 369),—«устанавливают, что дрессировка ничего другого, кроме ассоциаций по смежности звука с действием, не представляет». Так ли это? Точные исследования, да еще серьезных ученых—вот эти то слова меня в особенности заставляют удивляться. Если понимать, что звук производится дрессировщиком, а действие перципиентом,—то у меня делается и наоборот: я произвожу нужные движения, а животное, ассоциируя, делает звук, да не один, а несколько различных: поющий по команде свое: «кукареку» петух; осел—ревущий во все горло; собака, воющая на разные голоса с различными переливами; слон, трубящий корнетом; гусь, говорящий «что такое»; морские свинки, хором свистящие; ворон, точно выговаривающий «кто там?»; говорящие скворцы, попугаи; морской лев, ясно произносящий подряд гласные: а, э, и, о, у; собаки, которые по моему желанию произносят во всякое нужное время букву рррр, эф, выговаривающие слово «мама» и, наконец, поющий мой бык, который тянет своим мягким баритоном ноты: до, ми, фа и соль.

Ассоциации по смежности (буду придерживаться пока терминологии В. Вагнера), можно классифицировать приблизительно так: звук с действием (интонировка) (см. рис. 28); действие со звуком (см. рис. 29), (пантомимой, движением тела я вызываю рев слона, быка и т. д.); звук со звуком (вызывается музыкой вой собак), шелестом—свист морских свинок и т. д.; вкус с действием (вкусопоощрение) (см. рис. 30 и 31); осязание с действием (механические способы болевые; мой прием: дуновение на крыс, свинок, а также ласка и половое раздражение); действие с действием (повадко-приманка и механическое воздействие и т. д.).

Внушение [1]) со звуками и движениями вызывают у перципиента проявление различных чувств, как-то: зевоту, чихание, потягивание, чесание, сон, злобу, радость и т. д. (ассоциация идей).

Ассоциативных актов так много и так они разнообразны, что в сущности представляют из себя самую жизнь.

Вот как я представляю себе этот закон ассоциации по смежности.

---

[1]) Внушение надо понимать как действие, наталкивающие на оживление следов в мозгу.

При частом повторении (как я выражаюсь, при зазубривании) одних и тех же ассоциативных актов—животное настолько привы-

Рис. 29. Ассоциация по смежности у бычка, действие со звуком. Пантомимой, движением тела вызывается мычание.

кает, что с его действиями и являются у него свои представления в мозгу. При слове «гулять», собака радостно бежит к двери, пред-

ставляя себе двор, сад, улицу. При слове «чихни», собаке передается нервное раздражение носоглотки; по команде «потянись!» собака это делает, аппетитно расправляя свои лапки и туловище. Все это происходит у нее не деланно и не механическим, пантомимным заученным путем, а она переживает приятные чувства потягивания. что в каждом движении ее мускулов ясно выражается. При слове «зевни», она с характерным визгом зевает, как это делают обыкновенно собаки Ассоциативные акты накопляются и, между собой соединяясь, образуют целую цепь переживаний. Моя кинематографическая картина: «И мы как люди. Как хороши, как свежи были розы» исполняемая одними только животными, говорит за то, что звери могут тоже играть, как актеры. По крайней мере пес «Пик», исполнявший главную роль в этой картине, переживал естественно то, что мне требовалось по смыслу постановки, напр., в начале картины «Пик», изображавщий молодого денди, влюбленного в свою соседку по дому, в болонку «Мими». Все это так представляется публике. Когда бы вы увидели эту картину, то наверное вам пришла бы мысль, что собаку фотограф снял в тот момент, когда она на самом деле спала, и что все последующие ее действия случайные, и что оператор только поймал момент—как это часто и практикуется в кинематографическом мире. Но у меня в данном случае этого не было. «Пик» играл натурально, переживая, как хороший актер, истому от потягивания, зевания и т. д. Когда «Мими» была увезена своим родителем сан-бернаром на курорт Гав-Гав (так по пьесе), «Пик» очень натурально волновался, отыскивая якобы свою возлюбленную. Он бежал как сумасшедший по полям, по оврагам. по крышам домов и когда добежал до моря, где только-что отплыл от берега пароход с «Мими», «Пик» в отчаянии стал грызть скалу, завыл и бросился в море вплавь, где и погиб. Конечно, собака не знала, кого она изображает, но все производила очень естественно и натурально (понятно, по моему режиссерскому приказанию). Я играл ее чувствами, как, струнами гитары, меняя по желанию ее настроение: радость сменялась тоской и отчаянием и обратно.

Если бы серьезные ученые свои точные исследования направили на моих зверьков, в особенности на морских львов, да исследуя пожили бы с ними несколько лет, то я думаю, они не сказали бы тех слов, которые заставили меня это написать.

Вот определение Вундта, как его описывает тот же проф. В. Вагнер: „Вундт называет ассоциации по смежности законом ассоциации чувственных представлений“, оно будет ближе к истине.

Кстати о представлении в уме животных. Видят ли животные сны? Проф. В. Вагнер пишет («Сравнительная психология», стр. 391): «что касается до способности высших животных к представлению, т.-е. способности вспоминать об ощущениях, полученных в свое время вследствие раздражения органов чувств факторами среды, то самыми «разительными» и едва ли не единственными являются соображения о снах, которые будто бы видят животные»...

«Что касается до снов у собак, то мне не один раз приходилось наблюдать описанное Дарвином явление: собака во сне продолжительно и сдержанно лает; при этом она вздрагивает, двигает ногами и пр. Картина ее действий может получить толкование, которое ей дает Дарвин. Но мне ее смысл представляется иным. Я полагаю, что и звуки, напоминающие сдержанный лай, и движения ног являются выражением не психических, а физиологических процессов, испытываемых собакой. Известно, что очень многие из них заражены глистами, которые в течение дня хотя и беспокоят собаку, но ей не до них. Во время сна, когда окружающий ее мир явлений перестает ее беспокоить, ощущения, испытываемые во сне собакой, являются внешним выражением испытываемых ею болевых ощущений. В справедливости этого мнения убеждает то обстоятельство, что выражаемые упомянутыми действиями сны мне приходилось наблюдать у собак, зараженных паразитами, и не приходилось наблюдать вовсе у собак вполне здоровых». Специально посвятив для разрешения этого вопроса много времени, я вынес следующее впечатление. У меня на постели «Нета», карликовый той-тер-ер, кормила своего трехнедельного щенка «Малыша». «Малыш» подползал к брюшку матери и упирался передними лапками в наполненную молоком грудь «Неты», хватал ртом сосок и втягивал в себя жидкость. Достигнув цели, радостно помахивал хвостиком. По мере сосания «Малыш» переставал двигать хвостом, щеки щенка все реже и реже втягивались в полость рта и, наконец, «Малыш» засыпал. Мать отодвигалась в сторону, и я сонного переносил с одного места на другое. Для того, чтобы было удобней наблюдать, я положил щенка себе на руку. Малютка спал крепким сном. Но вот я замечаю, как верхние веки у собачки чуть-чуть вздрагивают и приоткрываются. Глазные яблоки вращаются и тельце немного втягивается. Спящий «Малыш» задрыгал ногами, как он это делал при подползании к матери. Желтые пятнышки над глазами попеременно то поднимаются, то опускаются. Передние лапки вытянулись вперед и задвигались точно так же, как он это делал при выдавливании молока. Хвостик часто, часто зави-

лял, ясная картина—выражение радости, затем характерное чмоканье. как при сосании. Все виденное мною ясно рисовало картину акта сосания. Трехнедельный щенок не мог иметь глисты, питаясь только молоком матери. На пятой неделе своей жизни «Малыш» вылезал из своего ящика, поднимал свои ушки и лаял, а затем, струсив, поджимал хвостик и прижимался к стенке ящика. Слыша не раз такой же лай у спящего «Малыша», я одновременно замечал и то же движение ушей и хвоста. Все эти движения во сне являются внешним выражением испытываемых чисто психических переживаний. Во всяком случае радостное виляние хвостом не могло вызываться глистами.

Рис. 32. Собака „Бишка", якобы курит папиросы.

Я часто замечал, как мои особо избранные дрессированные собаки лаяли во сне. Они спали всегда со мной, растянувшись, когда было жарко, и свернувшись, когда было холодно, под одеялом у меня в ногах. И что мне особенно бросалось в глаза—это разница характера сна. Чем больше собака была мною дрессирована, т.-е. чем интеллигентнее она была, тем становилась нервнее и тем чаще ночью она во сне вздрагивала и бредила. Мой старый покойный друг «Бишка», моя очень нежная интеллигентная «Запятайка» и тогда здравствовавший «Пик», вели себя разнообразно. «Бишка», который во время представления курил папироску (см. рис. 32) («Бишке», сидящему

на задних ногах, я вкладывал между пальцами передней правой лапы папиросу, которую он сам, подняв лапку, брал в рот. Я спичкой ее поджигал, и собака несколько секунд сидела с тлеющей папироской), при чем перед курением лаял, как бы прося у меня папиросу, и после курения комично чихал, — во сне видимо переживал то же самое, что и наяву. Глухо лаял и чихал, ноздри его нервно вздрагивали. «Запятайка», у которой был желудок всегда в порядке, на что указывали анализы, спящая, часто вздрагивала и как-то особенно визжала, как это она делала и в бодром состоянии, радуясь чему-нибудь. «Пик» хотя и страдал глистами, бредил гораздо реже, чем «Бишка» и «Запятайка». «Пик» во сне больше бегал, чем лаял, что выражали его двигающиеся четыре лапы. У других животных редко приходилось подмечать бредовые явления. Только у молодых медвежат да у морских львов ясно выражались эти явления. Медвежата во сне нередко складывают трубкой язык и с булькотанием сосут и чмокают, втягивая и выпуская постепенно воздух из ноздрей. Это тоже говорит за то, что они во сне переживают удовольствие. Во всяком случае, при глистах это должно бы иначе выражаться.

У ластоногих (см. рис. 33) способность к представлению в уме выражалась очень ярко. Вот мои наблюдения: в цирке во время антрактов публика заполняла весь проход из арены в конюшню; в проходе стоял аквариум с морскими львами. Публика толпилась около клетки. Ластоногие обыкновенно лениво потягивались, зевали и как-то равнодушно, вскользь глядели на публику. Я часто нарочно, далеко от клетки, громко начинал говорить. Заслышав мой голос, морские моментально поднимались на ласты и высоко поднимали головы, стараясь отыскать меня. Я медленно двигался с толпой мимо клетки. Львы не спускали с меня своих глаз и, по мере моего удаления, беспокоились и ревели. Когда я скрывался за портьерой, ластоногие снова лениво ложились и продолжали дремать. Антракт кончался, публика занимала свои места, а львы, прижавшись плотно друг к другу, лежали неподвижно до следующего антракта. Я в своей уборной спешно надеваю костюм. Номер за номером идет по программе. Музыка то играет, то останавливается, меняя мотивы для разных артистов. Но вот пришла моя очередь, грянул мой выходной марш, и львы преобразились. Метаясь по клеткам, они бросались в бассейн, ныряли, вылезали быстро на площадку и снова шлепались в воду. Брызги летели во все стороны. Артисты строились в проходе попарно, приготовляясь выходить в две шеренги, устраивая

тем парад. Я появляюсь из уборной и прохожу между построившимися в две линии артистами. Львы, увидя меня, бросаются к дверце клетки и, становясь на задние ласты, прилипают к решотке. Глаза горят у них зеленым фосфорическим светом. Вся фигура—одно ожидание. Мои помощники снуют взад и вперед мимо аквариума, подавая и принимая разных животных и реквизит. Львы, волнуясь, то ныряют, то вылезают на площадку и зорко следят за ними. Раздается призывной трубный звук в оркестре (специально написанное вступление для морских львов), и ластоногие при первых звуках оркестра совершенно преображаются. «Лео», «Пицци» и «Васька», перелезая друг через друга, стремительно бросаются к дверце клетки, нетерпеливо хватают зубами за железные прутья решотки, кусают друг друга и до такой степени отчаянно ревут, что постороннему делается страшно. Служащий отпирает решетчатую дверцу, и львы, сбивая его с ног, быстро бегут на арену...

Рис. 33. Морской лев.

Разве все поведение львов не говорит за то, что в уме у них происходит ясное представление о своем хозяине, о месте работы и о вкусопоощрении за свою работу? Даже при первых звуках знакомого мотива у них в воображении рисуются все последующие действия. Для меня совершенно ясно, что ластоногие обладают способностью к представлению, т.-е. обратное тому, что пишет В. Вагнер, отвергая способность вспоминать об ощущениях, полученных в свое время. Что касается сна, наличие которого проф. Вагнер не допускает у животных, то вот

мои наблюдения: в обыденное время, когда работа ластоногих изо дня в день проходит шаблонно, львы безмятежно спят, обнявшись друг с другом или, поджав под себя ласты, кладут друг на друга головы. Но вот в цирке начинаются сборы в путь. Запаковываются ящики, свертываются и укладываются в бочки ковры, связываются барьеры и реквизит. Все это происходит на глазах у ластоногих. К утру готовится все цирковое имущество к нагрузке на ломовых. Морские львы тревожно спят эту последнюю ночь. Беспокойство выражается в необычайных позах. Спят они эту ночь каждый отдельно, и то один, то другой издают тяжелый вздох. Часто просыпаясь, лежа, поднимают головы и тревожно-вопросительно всматриваются в темноту конюшни. Снова опускают головы и со вздохом закрывают глаза. Тело их часто вздрагивает. Ласты судорожно прижимаются к бокам. Под самое утро они засыпают, видимо, крепко. Мне пришлось упаковываться в одну из этих ночей, и я, отдыхая, в полуоткрытую дверь моей уборной наблюдал за львицей «Пиции», которая на этот раз лежала в необычайной позе. Загнув голову назад и уперев шею в решотку, она повернулась на бок и в этой позе долго лежала неподвижно. Сначала меня эта поза встревожила. Я подумал, не околела ли она, но вижу, что ласты зашевелились. «Пиции» как-то характерно во сне смеялась. Короткие отрывистые звуки, следующие один за другим, были очень похожи на человеческий хохот (между прочим, эти звуки выражают нетерпение и злобу). Этим хохотом я пользовался в моих выступлениях. «Смейся, Пицци!», говорил я, «и затем проси публику аплодировать». Львица произносила эти звуки и затем, лежа на груди на ящике, свободно болтающими ластами шлепала ими, как люди ладонями. В момент моего наблюдения я отчетливо слышал, как она сначала произнесла несколько похожих звуков, а затем, благодаря этой случайной позе, свободными ластами начала аплодировать. Без сомненья, «Пицци» переживала во сне то же самое ощущение, как и на представлении, т.-е. сновидения и бред у нея были налицо. По моему мнению, это может служить доказательством способности высших животных вспоминать о пережитых ощущениях.

О трансе.

Я случайно в Гамбурге наткнулся на агента продавца животных, который, путешествуя и охотясь, собирал редкостные экземпляры, скупал и продавал их Гагенбеку. Он только-что возвратился из Южной Америки и привез водяную свинью капибару. Это животное,

в высшей степени пугливое, было с большим трудом привезено в особой клетке и доставлено в Гамбург. Клетка состояла из полотняных стенок для того, чтобы животное не могло разбиться и погибнуть. Капибара до того пугливое и нервное животное, что, теряя рассудок, от страха она по временам как сумасшедшая кидалась и билась об стенки. Я приобрел эту свинью за солидные деньги, и ничуть не раскаялся. Благодаря изучению особенностей животного я еще раз убедился в существовании особого транса. Охотники на капибар рассказывали следующее: в Южной Америке в болотистых местах, в высокой траве близ рек, капибара, осторожно пробираясь, питается сочной травой. Ходит свободно в воде по дну реки, превосходно плавает. Капибара принадлежит к самому большому виду грызунов. Во время охоты на них охотники, местные жители, замечали следующие факты. Громадная змея аноконда охотится за капибарой, при чем у нее своеобразный способ ловли: змея, подняв голову, смотрит в глаза капибаре и как бы зачаровывает ее своим взглядом, заставляя это трусливое животное оставаться на месте неподвижно. Охотники описывают, как змея, высоко подняв переднюю треть тела, не спуская глаз смотрит на водяную свинью, долго, приблизительно минут пять, и капибара замирает на месте, как каменное изваяние; зачарованная, она сидит неподвижно, вытянув шею и подняв свою тупую морду почти вертикально. Сидит капибара, не шелохнется и ждет своей неминуемой смерти. Аноконда, приковав взглядом и обезволив животное, бросается на свинью, обвивает ее своим могучим телом и душит, затем долго мнет своими железными кольцами и проглатывает. Рассказы охотников, переданные мне агентом, заставили попробовать испытать силу моего взгляда на животном, и вот я приступил к опыту. Опыт увенчался неожиданным успехом. Легким поглаживанием я заставлял обращать внимание капибары на мои глаза и затем фиксацией глаз я быстро приводил ее в состояние транса (см. рис. 34). На арене цирка я это свойство водяной свиньи применил к следующему трюку, я сначала давал капибаре морковь, которую грызун с удовольствием принимался жевать, двигая нижней челюстью во все стороны, затем легкими пассами и быстрым улавливанием ее взгляда я сразу приводил ее в транс, капибара замирала и переставала жевать, я переводил мой взгляд незаметно для зрителей ниже или выше глаз, немного полузакрывая их, при чем громко произносил: ж у й.

Капибара опять приходила в свое естественное состояние— моментально принималась аппетитно дожовывать несъеденную мор-

ковку. Опять легкое прикосновение рук, пронизывающий взгляд и повелительное слово «довольно», заставляли капибару моментально приходить в состояние столбняка. Конечно, в этом случае «жуй» и «довольно» не были результатом внушения дрессировки,

Рис. 34. Капибара в трансе.

так как этих слов она не понимала и не связывала их с действием; я только воспользовался фиксацией взгляда и пассами для того, чтобы производить известный эффект.

Очень и очень жаль, чистосердечно признаюсь, что для эффекта мы, артисты, почти всегда прибегаем к фокусам, афишируем, рекламируя и преувеличивая факты и этим служим часто во вред научной истине. Часто заставляем смешивать настоящее проявление внушения с фокусами, ничего общего с наукой не имеющими, чем и отдаляем изучение и искание начал и разрешение задач еще не разрешенных. Много вреда сделали этим путешествующие факиры, фокусники, которые простые физические законы и химические соединения применяли к трюкам, ничего общего не имеющим с гипнозом. Приведу пример хождения по остроконечным саблям голыми ногами, прыгания с возвышенностей на битые стекла или гвозди, часто вбитые и смотрящие кверху острыми концами, при чем голые подошвы остаются неуязвимыми. Неуязвимому факиру приписывают силу внушения или гипноза. Сначала приписывала сама публика, а потом уже и факир, т.-е. фокусник, присваивал себе название гипнотизера. Фокус же просто открывается: чем чаще набиты гвозди, тем опыт безболезненнее. Они представляют из себя площадь для ног факира, на всей площади точек соприкосновения с телом, так много, что сила давления каждого гвоздя в отдельности уменьшается в десятки раз, а потому и исключает какую-либо опасность повреждения кожи. Вот если бы факир прыгнул на один, или два гвоздя голыми подошвами, то, поверьте, гвозди, благодаря тяжести его тела, пронзили бы кожу, как бы она у него ни была толста и груба.

Хождение по остро отточенным саблям и по битым стеклам все то же самое, основано на этом же законе.

Приведенный пример есть грубый сознательный обман, но вот приведу и другой, бессознательный, скорее не обман, а самообман.

Некоторые ученые предполагают один из видов гипноза в том, что можно курицу, или какую-нибудь другую птицу известными приемами заставить принять то или иное положение и пребывать в нем до тех пор, пока этого пожелает экспериментатор. Случается даже, что птицы теряют тогда болевую чувствительность.

Опыты эти известны уже давно. Еще Афанасий Кирхер рассказывает (в своей «Ars magna lucis et umbrae». Рим, 1646) о чудесном эксперименте, который состоял в следующем. Курицу со связанными лапками клали на пол и проводили от каждого ее глаза меловую черту в косом направлении. Курица тогда даже после снятия повязок с лапок долгое время находилась в неподвижном состоянии.

Чешский ученый физиолог Чермак, исходя из этого опыта, вызывал у животного состояние оцепенения уже без меловой черты,

а просто клал что-нибудь на основание клюва. Он полагает, что внимание животного приковывается к этому предмету и, наконец, животное достигает такой степени нервного утомления, что даже засыпает.

Полагают даже, что колеблющийся, «шатающийся» полет поднятого с гнезда чибиса и других птиц не есть результат хитрости и разумного расчета, а в большой степени явление окоченения, вызванного потерей, вследствие страха, самообладания.

Рис. 35. Явления оцепенения. Птица в трансе.

Прахер различает два состояния животных, над которыми производились опыты по системе Чермака: состояние под влиянием действия страха (каталепсия) и состояние, вызванное гипнозом. Пример, опыт с петухом. И я полагаю, что ошибаются те люди, которые в явлениях оцепенения курицы усматривают один из видов гипноза. Тут нет гипноза, как нет гипноза в неуверенном полете чибиса. Я в этом убедился, ибо часто проделываю такие опыты с разными птицами. (См. рис. 35). Тут скорей случай самовнушения. У курицы произошел просто обман чувств,—«субъективное ощущение», которое случается и у людей. Вам в глаз попала песчинка, вы ее удаляете, но после удаления вам все-таки кажется, что песчинка в глазу.

Я беру петуха и быстро, не давая ему опомниться, кладу спиной на стол, одной рукой прижимаю тело его к столу, а другой придерживаю двумя пальцами за клюв. Сначала петух естественно протестует, старается высвободиться из рук, но, чувствуя свое бессилие, со страхом от неожиданности, невольно покоряется.

Не меняя положения рук, я постепенно ослабляю нажим. Едва заметно для петуха я отнимаю руки. У него остается ощущение от надавливания. Обман чувств. Субъективное ощущéние. Петух, во избежание повторения болевых ощущений, смирно лежит и закрывает глаза, скорее от страха, чем от фиксации.

Состояние оцепенения у животных проходит так же скоро, как скоро теряется ощущение на коже от прикосновения и давления пальцев. Петуху кажется, что вы его все еще держите. (Петух обманут,—обманут и ученый, приписывая опыт гипнозу). Физиолог Чермак клал на клюв птицы камешек, чем еще более вводил птицу в заблуждение. Она, чувствуя тяжесть на клюве, предполагала, что это не камень держит клюв, а все еще человеческая рука, и что против силы человека бороться немыслимо,—своим напрасным протестом вызовешь только боль.

И лежит петух, закрывая от опасения боли глаза до тех пор, пока вы не отнимете камня и не пройдет совсем ощущение надавливания.

Я пробовал осторожно делать так: клал птицу на мягкую подушку кверху ногами, долго ее придерживал руками, слегка нажимая, и затем, когда петух, чувствуя свое бессилие, переставал двигаться, успокаивался, я, не отпуская его, одной рукой под крыло клал свинцовую пломбу, затем тихо вытягивал лапу и гнул шею на сторону,—придавал неестественную позу (см. рис. 36). Петух долго лежал, закатывая глаза, закрывая их; получалось, как будто птица спит. К горячему телу прикасался холодный свинец, который обманывал чувство петуха.

Кирхер, проведя меловую линию, придерживал клюв. Меловая линия здесь ни при чем, и это-то придерживание и служило главной причиной якобы гипнотического состояния. Затем, прежде завязанные ноги, после освобождения от повязок продолжали нести на себе ощущение как бы оставшихся повязок, как это случается в глазу после вынутой песчинки, что и служило самообманом, скорее самовнушением.

Транс, это есть, по моему, состояние временного оцепенения, при подавлении психики различными агентами, в большинстве отри-

цательного свойства, как, напр., испугом, страхом или др. нервными потрясениями, вплоть до обморочного состояния. Зачаровывание взглядом, по моему мнению, следует отнести к чувству страха от внезапной и длительной фиксации взглядом.

На ряду с этим должно существовать состояние не подвижности, вызываемое агентами положительного свойства и достигаемое, напр., во время экстаза, радостного движения, чрезмерного восторга и т. п.

Рис. 36. Птица в оцепенении.

Транс, получаемый в результате воздействия нейтральных агентов, как, напр., путем внушений с пассами, или без пассов, или одними пассами без внушения, отличается от транса, описанного в первых двух случаях, тем, что в то время как положительные и отрицательные агенты заставляют сознание подопытного резко суживаться на внимании к одному предмету или явлению, в третьем случае, при нейтральных агентах, получается полное рассеяние сознания.

Примеры (фот.) см. рис. 37 и 38.

Прот. № 5 (неподвижное состояние свинок).

Прот. № 44 (каталепсия м. свинки).

Эмоции, внушенные животным.

При очередной лабораторной работе, после прочтения моего доклада («Ассоциации и сны у животных») возник вопрос, переживают ли животные различные состояния, вызванные моей дрессировкой.

Собрание, признавая мои наблюдения весьма ценными, все же нашло вопрос о повторных актах чихания спорным.

Подвергается критике мое положение в первом докладе о переживаниях и представлениях у животных.

Рис. 37. Вызывание неподвижного состояния верблюда фиксацией взгляда.

1) Мнение проф. Ф. Е. Рыбакова: «Чиханье—акт чисто рефлекторный и психика тут ни при чем».

2) Проф. Г. А. Кожевников: «О переживаниях у животных речи быть не может, даже и люди-актеры—и те не все переживают. У животных мы имеем дело с заученными жестами».

Я возразил, что животные сознательно играть роль не могут, на что я в своем предыдущем докладе и указывал, но в отдельности различные проявления чувств, как в моих представлениях, так и

зафиксированные моей кино-картиной «И мы как люди», некоторые животные, в особенности «Пик», переживают и повторяют эти переживания, по моему приказанию, несколько раз, например: собака лениво вылезает из своей корзины, естественно, аппетитно потягивается, радуется, плачет, т.-е. воет, при чем у нее появляются на глазах слезы и т. п. Все это она проделывает во всякое время, когда мне надо.

Рис. 38. Собака „Бишка" в трансе.

3) Проф. М. П. Садовников: «Какими данными докажете, что животное радуется?» Было высказано предостережение против увлечения антропоморфизмом.

К моему возражению, что проявление чувств у собаки выражается наружными движениями, т.-е. пантомимой, мимикой, свое-

образным положением хвоста и т. д. И. А. Лев, высказывал предположение, что животные могут действительно чувствовать и переживать в состоянии гипноза, что им и наблюдалось при моих опытах внушения собакам «Лорду» и «Пику» (собаки бросались со злобой на известный объект), но в вопросе о повторных чиханиях И. А. Лев присоединяется к остальным оппонентам.

Все возражения и предположения заставили меня остановиться на этом спорном вопросе и детально разобраться в нем.

Полагаясь на практическое свое знание и понимание «духовного» мира животных, а также ссылаясь на ученые труды Дарвина, академ. В. М. Бехтерева, академ. Тарханова и других, я осмеливаюсь вновь настоящим возразить моим уважаемым оппонентам, тем более, что поднятый вопрос считаю научно важным, как вопрос, отчасти освещающий дрессировку, как метод в зоопсихологии.

Акт чихания может быть естественным и искусственным.

Естественный делю на две части:

1) Механическое раздражение слизистой оболочки носа, и

2) Рефлекторное движение, проявляющееся, как следствие этого раздражения и состоящее из расширения ноздрей, сморщивания носа, одновременного поднятия головы и втягивания воздуха, прищуривания глаз и прижимания языка к гортани, быстрого, с шумом, выпускания воздуха, зигзагообразного опускания головы, как бы встряхивания.

Все эти последовательные движения составляют целую гамму сложного рефлекса.

Искусственный акт чихания есть подражание наружному виду перечисленных движений.

Человек актер-мимист может скопировать всю гамму движений, но для этого требуются некоторое усилие и упражнение. Рефлекторное чихание доступно животным, как и людям. Искусственное, деланное чихание недоступно ни одному из животных, кроме человека, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Такого искусства оно достичь не может.

Нет в мире такого дрессировщика, который мог бы выдрессировать, например, собаку чихать, зевать, потягиваться так естественно и натурально. Он был бы величайшим гением на земле. Так подражать животное ни в коем случае не может.

Заучить последовательно все движения, применяя мимику, пантомиму и звукоподражание, для животного положительно недоступно, а потому считаю это предположение, как антропоморфное, отпадающим.

Остается для животных естественный акт.

Могут ли рефлекторные, видимые нами движения, самостоятельно проявляться без механического местного раздражения?

От разрешения этого вопроса зависит весь смысл настоящего доклада, а потому я на нем остановлюсь более подробно.

Вызванные, как и самостоятельные чихания, бывают различной степени, т.-е. сильные и слабые. При естественном чихании количество и качество рефлекторных движений тесно связаны с сильной или слабой степенью местного первоначального механического раздражения. Это мы отлично знаем. Чем сильнее раздражение слизистой оболочки, тем резче выражаются рефлекторные движения. Те же самые изменения и колебания мы видим и при моих вызванных актах чихания.

Если я дрессированную собаку застаю в спокойном состоянии и ей приказываю чихнуть, она чихает естественно, нормально, с выделением слизи из носа. Когда собаку заставляю повторять много раз под ряд, то чихание слабеет и собака не дочихивает, т.-е. не дает полную гамму движений. То же самое получается, если собака волнуется, спешит получить обычную награду, или развлекается. Все эти данные говорят за то, что от настроения животного зависит качество и количество рефлекторных движений. Ясно, что существует связь между внутренним сосредоточиванием внимания и раздражимостью слизистой оболочки носа.

Моя задача—вызвать у животного особое внимание на ту часть тела, на то или другое его движение и главное на собственное, животного, ощущение, которое обыкновенно бывает причиной движения. Вот та задача, от разрешения которой зависит нужный мне эффект.

Подробно опишу, как я дрессирую, т.-е вызываю повторные акты чихания.

Заранее извиняюсь за длительное изложение и частое повторение деталей, считаю долгом обратить ваше внимание на все мелочи.

Разделю свое описание на две части:

1) как это видит объективно наблюдатель, и

2) мои субъективные переживания.

Собака, с которой я произвожу данный опыт, должна быть *сравнительно обезволенной воспитанием*, вполне сформировавшейся, достигшей зрелого возраста, находиться в данный момент в спокойном, полусытом состоянии. Окружающая обстановка не должна отвлекать ее внимание, желательна полная тишина.

Я приказываю собаке сесть на стул, становлюсь против нее, и на ее глазах вынимаю из кармана кусочек мяса. Несколько секунд проходят в неподвижном состоянии, собака не сводит глаз с мяса, потом начинает тянуться к приманке. Я делаю шаг назад, собака принимает прежнее положение, т.-е., двигаясь назад, садится. Я передвигаюсь вперед. Это повторяется несколько раз. Во все время дрессировки я с одинаковой интонацией произношу слово—«чихни!», при чем «чихни» я говорю громче, или тише, в зависимости от движения животного.

Я предугадываю желания собаки (предугадка см. главу: внушение, как техн. прием). Собака смотрит то на карман, то на руку с мясом и, начиная терять терпение, подымается, топчась на одном месте, и снова садится.

Но вот она вопросительно смотрит на меня; в этот момент я, не спуская глаз с глаз собаки, делаю движение всем туловищем вперед и тихо говорю: «чихни!» Собака опять переводит глаза на руку с мясом, которую я тотчас же медленно отодвигаю. Собака подымает уши, направляя их вперед, встает на все лапы (я чуть-чуть отодвигаюсь), собака опять садится и опускает уши к затылку, я снова приближаюсь к ней. Животное вновь смотрит на меня; сгибая голову на бок, как это делают некоторые породы при напряжении внимания. Я приближаюсь еще ближе и снова шепчу: «чихни». Собака, нетерпеливо топча передними лапами, смотрит то на мясо, то на карман.

Я снова немного отхожу. Собака начинает тихо повизгивать, заметно отделение слюны. Животное облизывается, я подхожу к ней. Собака жадно втягивает носом воздух. Я придвигаюсь совсем близко, она облизывает языком свой нос; рука моя приближается к морде; ноздри ее и верхняя губа вздрагивают, начинается слюнотечение и выделение из носа. Это снова заставляет ее облизываться. Она снова смотрит вопросительно в глаза и тихим визгом как бы жалуется мне на длительность процедуры. Мой взгляд и слово «чихни» повторяются вновь. Собака, потеряв терпение, порывисто двигается к мясу, я быстро отодвигаюсь назад. Собака беспокойно отворачивается в сторону.

Я произношу привычные ласкательные слова и снова привлекаю ее внимание на себя. Собака переводит глаза с моих глаз на мясо и обратно. В моменты встречи наших взглядов, я головой делаю движение вперед и ближе придвигаю мясо к морде. Собака уже не отворачивается от моего взгляда (у нас устанавливается какой-то

молчаливый союз, какой-то контакт). Она начинает морщить нос и приоткрывать рот, облизывая нос и не сводя глаз с моих, слегка чихает. Тотчас же я даю ей мясо. Собака быстро его проглатывает. Достаю другой кусок. Те-же движения—взгляд на карман, на руку и т. д. Все движения короче предыдущих, кроме смотрения в глаза; наши взгляды как бы сливаются, губы и нос собаки нервно подергиваются и она полностью вторично чихает. Сейчас же получает вкусо-поощрение. Опять повторяются наши обоюдные движения, но уже они едва заметны, только глаза собаки долго не отрываются от моих. Слово «чихни»—и животное чихает не раз, а два, три раза подряд и ждет, как должное, вознаграждения. Понятно сейчас же получает. Я даю ей отдых. Поглаживаю ее, приговаривая обычное ободряющее слово—«бравшейн». Если у собаки не удовлетворен еще аппетит, то через полчаса я опять приказываю чихать. Снова слияние наших взглядов и едва заметная игра движений. Собака охотно исполняет.

Вот все те несложные действия, которые видят наблюдающие.

Теперь опишу внутренние мои субъективные переживания. Прежде всего перед опытом я должен быть уверен в положительном исходе его.

С момента дрессуры все свое старание прилагаю к тому, чтобы сосредоточить внимание собаки сначала на мясе, которое, по мере нужных мне движений, то удаляется, то приближается. Варьируя этими движениями, я стараюсь вызвать у животного вопросительный взгляд. При этом сам я должен не отвлекаться ничем. Чувство «предугадка» должна играть все время свою роль.

Когда я замечаю по глазам, что собака старается разгадать мое желание, я пристально смотрю ей в глаза и, напрягая свою энергию, мысленно приказываю чихнуть, т.-е. не думаю о слове, как таковом, а о движении при чихании или, лучше сказать, о чувстве при чихании, как я его себе представляю. Если животное переводит свой взгляд на мою руку или карман, то я, оставляя напряжение, снова ловлю ее глаза своими. По мере повторения сконцентрирования сосредоточенного внимания, я усиливаю свою энергию. Во время хода процесса, когда собака достаточно долго не отрывает своего взгляда от моего, я особенно усиленно думаю приблизительно так: сейчас начнет подниматься нос; вот он уже сморщивается, ноздри раздуваются и т. д.

По мере хода течения моего воображения, делаются мною почти невольно и мои, едва заметные для меня движения и сливаются

с движениями животного. Я, смотря напряженно в глаза, одновременно вижу и нос собаки, но больше воображением, при этом, как бы сам переживаю в своем носу щекотание и чувствую движение своих ноздрей. По мере того, как мое внимание направляется на раздражение в носу, собака как бы заражается от меня, и едва заметное движение ее ноздрей, больше моим внутренним чутьем, чем зрением, улавливается мной. Я напрягаю свою энергию, как бы толкаю: ну, ну, еще сильней, дальше и т. д. При этом мысленном приказании, не отрываясь от глаз собаки, двигаю чуть-чуть головой вперед.

Все вышеописанные мои психофизические напряжения, смотря по заданию, часто вызывают у меня усиленное сердцебиение (120 пульс). На лбу выступает пот. Во время сеанса с «Пики» в 1916 году присутствующий Владимир Михайлович Бехтерев между прочим заметил. что такое напряжение с моей стороны излишнее, можно и без волнения внушать... и вот предо мной стал вопрос: нужны ли все эти переживания во время дрессуры? И я пробовал. Но без участия моей энергии при внушении и без моего особого сосредоточенного внимания мне никогда не удавалось вызвать у животного нужные мне эффекты.

Все мои наружные, видимые движения во время дрессуры без внутренних невидимых, если так можно выразиться, не дают полных, скорых, нужных результатов и наоборот. Одни только внутренние движения, одно только психофизическое напряжение тоже самое во время дрессурсы бессильны, как таковые, за исключением чистых опытов.

Чистыми я, по моей терминологии, называю те опыты с животными, которые я производил с «Бишкой», «Запятайкой» и «Пики», т.-е. опыты «телепатии», непосредственное внушение вполне обезволенным животным. Вот почему я упомянул и подчеркнул в начале моего разбора слово сравнительно обезволенных животных. От качества обезволивания зависит и длительность и трудность дрессировки.

Стараясь проанализировать акт дрессировки, я ни под каким видом не приписываю всего успеха тем или иным внешним моментам. вроде мимики, понижений и повышений голоса и т. д.

Основной особенностью моих опытов над животными, на ряду с тем или иным внешним актом, т.-е. жестикуляцией, является психофизическое напряжение, которое необходимо с моей стороны для достижения желаемого эффекта. Пытаясь осознать вышесказанное.

я принужден в виде рабочей гипотезы предположить какое-то лучеиспускание, какую-то эманацию, исходящую во время акта дрессуры из моего организма.

Мне кажется, что в психофизическом существе объекта, подвергаемого дрессировке или излучению, исходящие из моего организма лучи концентрируются, как в фокусе[1]), подобно свету и создают эффект, обусловливающий тот или иной суггестивный акт со стороны под опытного животного. Сильное мое психофизическое напряжение я считаю главной причиной всех успехов в дрессуре, в особенности при чистых опытах внушения и отчасти в дрессировке, при вызывании повторных ощущений у животных. Понятно, от степени обезволивания зависит и степень эффектов. Недостаточно обезволенному животному, например, щенку, как бы сильно ни применял я свою психофизическую энергию, ничего внушить нельзя. При полной картине вполне обезволенного животного, когда задерживающие центры ослаблены и животное не пытается вам противиться и, любя вас, доверяется вам, тогда опыты дают поразительные результаты. В повторении акта чихания, зевания и т. д., также, как в чистых актах внушения, доверие животного играет важную роль. Без доверия объекта нельзя вызвать и его внимание к себе и затем направить, сконцентрировать внимание на внутренние его же ощущения и пробудить их.

Я вынес определенное впечатление, что у некоторых животных психофизиологические явления некоторого рода резче и примитивнее проявляются, чем у человека. Сосредоточивать внимание на свои внутренние органы животным легче, чем человеку, уже потому, что других высших чувств и мыслей у них несравненно меньше, чем у человека.

Вот что пишет академик И. Р. Тарханов[2]): «Внимание, подкрепляемое верою в могущество того или другого приема и сосредоточиваемое на той или другой части тела, по мнению Фехнера, ведет как бы к пробуждению тех ощущений, которые возникают в этой части. Каждое же отвлечение внимания от этих частей ведет как бы к засыпанию этих чувств и ощущений. Грюитгуйзен прямо указывает, что, сосредоточивая внимание на концах пальцев, мы начинаем ощущать в них какое-то щекотание, как бы бегание мурашек, а сосредоточивая внимание на слухе, даже при полной тишине, начинаем слышать различные более или менее неопределенные звуки,

[1]) Написано было до 1916 г.

[2]) „Дух и тело", стр. 158.

шумы и т. д. Впрочем и Джон Гентер говорил, что он может сосредоточивать внимание на любой части тела до тех пор, пока у него не явится в этом месте некоторое ощущение.

На важность внимания, в этом отношении, указывали также Гельмгольц, Винслоу, Гольланд и другие. И знаменитый Дарвин строит даже свою теорию о способности краснеть на том, что внимание, направленное на известную часть тела, ведет к расширению в данной части сосудов».

Я предполагаю, что и в данном случае при внушении чихания, зевоты, потягивания, чесания и т. д. происходит то же самое. При чесании, например, прилив крови к слизистой носовой оболочке своим давлением может дать первое механическое раздражение.

«Внимание, дальше пишет И. Р. Тарханов, строго направленное на какую-нибудь часть тела и подкрепленное убеждением и верою в то, что в ней должно произойти то или другое действие, имеет могучее значение, как это прямо следует из вышеприведенных фактов. Колебания и сомнения в исполнимости желаемого явления предрасполагают к его невыполнению и к появлению даже противоположных результатов. Чарльз Дарвин дает в этом отношении следующее интересное наблюдение над влиянием внимания на отраженное движение человека. Он держал пари с 12 молодыми людьми и утверждал, что понюхав нюхательного табаку, они ни в каком случае не чихнут. Они же, на основании прежних наблюдений, утверждали совершенно противное, но Дарвин выиграл пари, хотя молодые люди нюхали до того, что глаза их начали слезиться. В этом случае внимание молодых людей было обращено на возможность неудачи, и она действительно осуществилась. Сила внимания сказывается и в сфере сосудистой системы. Дарвин показал, что сосредоточение внимания на какой-нибудь части тела обыкновенно вызывает расширение просвета кровеносных сосудов, и к этому же мнению присоединяются Гольланд, Тюк и многие другие авторы. Этим объясняются и явления стигматизации у экзальтированно религиозных женщин, т.-е. явление гиперемии или даже выступление крови в определенные дни на тех местах тела, где были вбиты гвозди у Иисуса Христа. То же сосредоточивание внимания может также усиливать отделение желез».

«Внутреннее сосредоточение, как пишет профессор Бехтерев, состоит в постоянных оживлениях известных следов». При возможном устранении всех других следов и при подавлении всех вообще внешних реакций у обезволенных животных, добавлю я, ярче выражается сосредоточение, чем у человека, потому что воля и задерживающие

центры подавлены воспитанием, т.-е. упражнением, дрессировкой и внушением.

Сила психических влияний на физиологические отправления доказана давно. У некоторых животных, как-то: у собак, лисиц, медведей, барсуков, россомахи, сильное волнение, радость, испуг и т.д. вызывают понос, послабление мочевого пузыря.

Человек, направляя в известном смысле свое внимание на течение различных болезнетворных процессов в организме, может вызывать и видоизменять их. Это доказано. Животное, по-моему, легче вызывает различные физиологические акты, например: рвоту, перистальтику кишек вплоть до родовых потуг и сокращения матки (опыты с Муаровой) [1]); за отсутствием сомнения, животное легче вызывает реакцию. Вот почему без повторных пробуждений ощущений, без особого усилия своей воли, скорей и ярче выражается у животных акт произвольной рвоты, т.-е. по желанию животного, например, у барсуков (Meles taxus), происходящий очень быстро. Наблюдая за ними, я видел несколько раз факты, при одновременном кормлении из одной чашки двух барсуков (самка «Сурка» и самец «Борька»). Они кусали друг друга за морды, спеша каждый забрать из супа мясо с хрящевыми частями. «Сурка» успевала чаще вытаскивать из жидкости куски мяса и быстро проглатывала их один за другим, потом отходила в угол комнаты, изрыгала целиком проглоченное и тут же спеша пережевывала и глотала кусок за куском. При приближении самца, она недоеденные куски вновь проглатывала, как бы пряча в желудок и бежала, ворча, в другой угол комнаты, затем вновь вырыгала и поедала без остатка. То же самое я заметил и у россомахи, когда порция мяса была увеличена. Почти то же самое делали и мои собаки, при этом остатки вырванного мяса собаки как бы прятали, водя носом по полу по направлению к куску, как бы зарывая его землей. Произвольный акт рвоты ясно выражается у моего верблюда «Чижика» (так называется верблюд). Привязанный на дворе, не имея возможности уйти от уличных мальчиков, которые его часто дразнили, он отгонял их, изрыгая зеленую жидкость и оплевывая их с ног до головы. Часто потом во время езды (я на нем ездил в экипаже), при одном виде проходящего мальчика, у него появлялась отрыжка. Само собой разумеется, что без внимания, направленного на известные части своего организма, повторные акты не могли бы производиться. То же самое относится к вызыванию мною у животных повторных ощущений потягивания, зевоты, чихания, чесания и т. д.

---

[1]) Страничка. Дрессирование, как метод к зоопсихологии, В. Л. Дурова.

При ослаблении внимания эти акты наполовину не доделывались, что ясно выражено в моей картине «И мы, как люди» в первой ее части у собаки «Пик», когда он по приказанию, лениво вылезая из своей корзины, потягивается. В первый момент исполнения своей роли, мы видим, как он аппетитно расправляет мускулы, потом садится (так надо по ходу пьесы), повторяет потягивание, но на пути отвлекается и не доигрывает до конца. Очевидно, внутреннее сосредоточение было прервано внешними ощущениями. То же самое происходит при повторном вызванном чихании, чесании и зевоты и т. д. Мой «Пик» в спокойном состоянии чихал полностью, как говорится с аппетитом. Волнуясь—спешил, не дочихивал, а когда его внимание было обращено на что-нибудь другое, на мое требование—чихни—едва кивал головой. Спокойное сосредоточенное внимание необходимо для полного переживания, вызванного ощущениями, при этом замечу—большое значение имеют общие условия состояния организма, возраст животного и т. д. При ослаблении же внимания ряд сочетательных рефлексов задерживаются и совсем прекращаются. «Под названием сочетательных рефлексов мы понимаем»—пишет профессор Бехтерев[1])—«тот многочисленный ряд реакций, которые, в отличие от простых рефлекторных реакций, не находятся в прямой и непосредственной зависимости от внешнего раздражения, а вызываются оживлением одного из прежних следов, обусловленным установившимся сочетанием между данным внешним впечатлением, оставившим по себе известный след. Таким образом, в этом случае внешняя реакция,—хотя и развивается под влиянием известного внешнего повода, но не в зависимости от данного внешнего воздействия. Она является результатом прошлых воздействий, обусловливаясь сочетанием следов этих воздействий, с данным впечатлением».

Бехтерев пишет дальше: «Опыт показывает, что сочетательные рефлексы могут быть воспитываемы искусственно в условиях лаборатории, что дает возможность изучить все их особенности более полным образом. В этом отношении рядом работ, произведенных в нашей лаборатории (моей и Спиртова, Протопопова, Молоткова, Израельсона, Голанта, Валькера, Бондыревой, Бронна, Платонова и мн. др.) был разработан, как метод воспитания сочетательных двигательных рефлексов, так и изучены всесторонне самые рефлексы и притом, как на животных (собаках), так и на человеке. Кроме того, в целом ряде работ из лаборатории И. П. Павлова изу-

---

[1]) „Об'ективная психология", академика В. Бехтерева, стр. 336.

чалось развитие и особенности так называемых условных рефлексов на слюноотделение. К сожалению, методика исследования этих рефлексов применима почти исключительно к животным». Скажу от себя, что в нашей лаборатории, имея много данных от многолетних моих опытов и в сотрудничестве с различными учеными, можно методику исследования различных рефлексов на специально для этого выдрессированных животных довести до нон-плюс-ультра. В. М. Бехтерев пишет, что «опыт [1]) показывает, что сочетательные реакции легко могут быть искусственно воспитываемы и у животных. Вся дрессировка собак и других животных основана на упрочении сочетательной связи между данным раздражением и двигательной реакцией, вследствие чего последняя является сложной сочетательной реакцией. Такой сочетательной реакцией может быть у собаки простая подача лапы на протягиваемую руку, вертикальная поза животного при слове «служи», или известные танцы собак, или же бросание собаки на куски пищи при известном возгласе «пиль», и остановка ее при слове «цыц».

Как известно, Гольц обратил внимание на то, что собаки с удалением обширной передней области полушарий утрачивают приобретенную ими с помощью дрессировки способность подачи лапы на руку. Мои опыты показали, что этот рефлекс, а равно и приобретенная путем дрессировки способность собак ходить на задних лапах, утрачивается с постоянством после удаления одних корковых двигательных центров на противоположной стороне, чем доказана роль этих центров в отношении упомянутых рефлексов [2]). Позднее Franz воспользовался дрессированными движениями у животных для исследования функций лобных долей, а в последнее время O. Kalischer [3]) воспользовался дрессировкой собак для исследования тонкости их слуха, а также для выяснения роли проводников в корковых центрах. Путем многократных упражнений он достиг того, что приучал собак хватать куски мяса при определенном тоне, который он называет Fresston, и воздерживаться при другом тоне, который он называет Gegenton. Оказалось, что Fresston действовал даже тогда, когда он был комбинирован с массой других звуков и когда даже музыкальные люди не могли различать Fresston'a. Точно также оказалось возможным приучить собаку хватать куски мяса только при погружении лапы в теплую воду, или при подгибании ее передней лапы и т. п.

[1]) Страница 340—341. „Об'ективная психология". 1907 г. Вып. I.

[2]) Бехтерев. Физиология двигательной площади мозговых полушарий. Архив психиатрии. 1886—1887 г.

[3]) O. Kalischer loco cit.

Неудобство этого метода заключается в том, что он требует предварительной дрессировки, зависящей в значительной мере от искусства экспериментатора.»

Мне кажется, что я вполне обладаю этим искусством, тем более, что этот метод я применяю почти во всех видах моей дрессуры. К несчастью, из всех профессионалов-дрессировщиков я—единственный, применяющий метод непосредственного воздействия на психику животного. Мое искусство предполагаю применить к будущим нашим работам в большом масштабе. Все сложные сочетательные реакции, все комбинации ассоциаций по смежности, воспитанные искусственно, путем дрессировки, дадут нам обильный материал, который еще раз подтвердит, что дрессировка есть необходимый метод в зоопсихологии.

Возвращаюсь к сути моего настоящего доклада о повторных чиханиях по приказанию. Могут ли рефлекторные, видимые нами движения, проявляться самостоятельно, без механического местного раздражения слизистой оболочки? Из всего моего доклада ясно вытекает, что в данном случае при повторных актах, как то: чихание, зевание, потягивание, чесание, при всяких выражениях чувств радости, горя, злобы и т. д. получается у животных раздражение на раздражение, т.-е. психофизическое на механическое, путем последовательного воспитания сочетательных условных рефлексов на различные раздражения, получается обобщение этих сочетательных рефлексов, вызываемых безразлично на какие угодно раздражения.

Для настоящего сегодняшнего нашего заседания я специально в этот десятидневный промежуток подготовил следующие акты моей дрессуры. На мои слова, что чихание есть целая гамма движений. Вы, мои уважаемые сотрудники, предложили разделить искусственно эту гамму на части, т.-е. пусть собака не чихает, а только дует носом. Это будет служить доказательством. Мои опыты ясно показали, что путем дрессировки обезволенных можно целую гамму сложного рефлекторного движения разделить, так сказать, на отдельные ноты и заставить под—опытное животное проявлять и переживать по желанию экспериментатора ту или иную часть движений.

Управляя вниманием животного, можно на полпути какого-нибудь рефлекторного движения прервать, т.-е. отвлечь внимание и заставить повторять (зазубрить) только одну часть движения, например: вызывая потягивание, можно заставить животное только вытянуть передние лапы, пригнуть часть тела книзу и остановиться на этом. Аналогичное, не самостоятельное движение у «Пика» в предыдущем

Рис. 39. У собаки „Дези“ вследствие частого дутья в рожок получилась эмфизема легких и отек.

заседании вы видели на моей кино-картине, когда он вторично хотел потянуться, но чем-то отвлекся. Дрессируя на этих днях собаку «Дези» потягиваться, я умышленно прервал вкусопоощрением

дальнейшее желание докончить потягивание, т.-е. дал расправить мускулы спины и задних ног.

Это движение я намереваюсь в предстоящих представлениях применить к реверансу, т. е. к поклону с приседанием.

Второй мой подготовленный опыт с той же собачкой «Дези» связан с интересующим нас в настоящее время актом чихания. Дрессируя «Дези» чихать, согласно вашему заданию, я не дал ей произвести всю гамму движений и остановил, прервал ее внимание после первых нот гаммы, т.-е. после выпускания воздуха из ноздрей и остановил дальнейший ход рефлексов. Получился только выдых воздуха. Я этот выдых утилизировал следующим образом: при слове «дуй» собака выпускает воздух с особым усилием в музыкальный рожок—пищик, который производит звук. В дальнейшей разработке этого номера, я выучил «Дези» вкладывать свой нос в резиновый наконечник инструмента в каком бы положении и месте он не находился. Вызвав ассоциацию чувств осязания (прикосновение трубы) с чувством раздражения слизистой оболочки, я соединил все это в один акт. Таким образом опыт с рожком является иллюстрацией начального акта чихания.

Итак, подтверждение моего положения о переживаниях и представлениях у животных, я надеюсь, согласно вашему заданию, доказал фактами.

К сожалению, факты эти привели к печальному концу «Дези». Собака пала жертвой науки.

Установив ассоциацию дутья в рожок, я стал применять для опытов мысленного внушения это музыкальное действие, т.-е. собака дула в рожок столько раз, сколько я желал. Я и мои сотрудники, очевидно, злоупотребили этим, не предугадывая последствий, часто применяя опыт для вывода разных статистических данных. У «Дези» пополучилась энфизема легких, как у многих музыкантов, играющих долго на духовых инструментах. (См. рис. 39 и 40).

Вследствие энфиземы получился отек в легких и смерть «Дези».

Искусственное затормаживание внушенных эмоций.

Моя методика.

Я вам сейчас, по возможности, подробно, изложу, как получить сложные—внушенные эмоциональные рефлексы с ассоциацией идей у животных, т.-е., как выдрессировать, например, собак произносить буквы: еф, рр, выговаривать—мама, дуть носом в музыкальный ро-

жок, выдыханием тушить свечу, делать реверансы, выть известным образом, подражательно пению; как заставить быка брать правильно голосом ноты: ре, фа, соль; как заставить лисицу произносить букву—а и т. д.

Рис. 40. Жертва науки. Больная энфиземой собака „Дези" в день смерти.

Я уже писал о способах дрессировки—об общепринятом механическом и о моем эмоциональном. Не буду повторять, но напомню только вам о моем способе непосредственного воздействия на психику животных, когда животное желает творить и само творит, когда,

предугадывая ваши желания, идя вам навстречу, самостоятельно проявляет нужные реакции. Понятно, общепринятым механическим способом достичь этого нельзя. Без предварительного установления известного духовного контакта между мною и животными, невозможно натолкнуть на проявление нужной реакции, а потому при установлении ассоциаций идей без контакта, понятно, нельзя обойтись.

Возьмем моих вполне одомашненных, почти обезволенных воспитанием собак. Бишка-дворняжка, можно сказать, вполне была под конец своей жизни, обезволена, например, короткое мое «с» действовало на нее моментально и она беспрекословно, тотчас-же отвечала на это своим поведением. Запятайке-полукровке (такса с дворняжкой) приходилось давать более продолжительно звук «ссс», а Лорду—чистокровному сан-бернару, Моки и Малышу-чистокровные тойтерьеры, Пику-фокстерьеру, Дези—французскому бульдогу и Марсу—немецкой овчарке, часто приходилось даже повторять и довольно продолжительно произносить звук «ссссс».

Индивидуальные особенности каждой собаки, а также и степень обезволивания играли большую роль в установлении контакта, а потому и устанавливать ассоциацию по смежности невозможно было у всех одинаково, по одному шаблону. Степень сосредоточенного внимания у всех вышеупомянутых собак была различна: у одной—сосредоточенность проявлялась в любой момент и держалась довольно долго; у другой—вызывалась с некоторыми усилиями с моей стороны и продолжалась недолго; у других—с некоторым трудом, различными приемами вызывалась и устанавливалась непрочно [1]). Поэтому достижения установления контакта и сами контакты были различны. Вот почему, сначала, я хочу обратить ваше внимание на примеры, которые я буду приводить.

Прошу не считать возможным учить каждое животное одинаковыми, по одному шаблону, приемами. Возьмем, например, Марса. Как я его учил говорить «м а м а»?

Достаточно обезволенного Марса я заставлял сесть в кресло, помещался против него и фиксацией моего взгляда внушал ему сон. Собака в начале противилась, отворачивала голову, нарушая тем свое вначале сосредоточенное внимание, но ранее обезволенная собака не решилась соскочить с кресла и уйти. Потом, как протест,

---

[1]) Самым ценным и почти постоянным сосредоточенным вниманием при дрессировке обладают морские львы. Вот почему по уму они ближе всего, по-моему, подходят к человеку.

как бы отталкивая меня от себя, махала лапой, а затем, встречаясь с моим пристальным взглядом, не могла уже оторвать своих глаз и постепенно стала закрывать их. Впоследствии, в течение пяти минут собака спала крепким сном. В последующие сеансы, все слабее и слабее протестуя, в течение 2 минут крепко засыпала, теряя обоняние (см. протокол № 15 о Дэзи). Когда у Марса внушение идеи о сне прочно ассоциировалось с фиксацией моего взгляда, я приступил к дрессировке, т.-е. (заставлял говорить «мама»), к установлению другой ассоциации по смежности. Сажая в кресло, как перед внушением и фиксируя глазами, я вызывал у Марса зевоту. Как только собака начинала зевать, я тотчас же тормозил вкусопоощрением. Не успел Марс закрыть рот, как получил мясо; проглотив его, он снова встречал мой фиксирующий взгляд и снова открывал рот для зевоты—тотчас же получал вкусопощрение, так несколько раз подряд. Когда собака естественно зевает, то обыкновенно в это время полузакрывает глаза. Марс, после двух-трех раз торможения, уже зевал, не закрывая глаз, а следил ими за движением моей руки с мясом. Это дало ему возможность сосредоточить свое внимание только на мясе и отвлечься от сна. Мясо, по мере движения челюстей, при зевоте то приближалось, то удалялось, т.-е. как только пасть собаки раскрывалась, сейчас же я делал движение рукой вперед—к морде, вследствие этого прекращалось, тормозилось желание зевать, и он, на полпути, следя за мясом, закрывал рот.

Рот закрывается, принимается рука назад, челюсти разжимаются, рука с мясом делает движение вперед и назад. Эти упражнения постепенно принимают вид предугадки, описанной выше. Собака зорко следит за мной, я за ней, и оба, сливаясь в одно целое, как бы играем в ловитки. Я не пропускаю момента вкусопоощрять после двух раз открывания и закрывания рта. Вкусопоощрением расчленяю, т.-е. делаю 10 секунд антракт, т.-е. при открывании и закрывании челюстей получается немое «мам». Сейчас же повторяется второй раз «мам», после этого дается вкусопоощрение. Пока собака жует и проглатывает мясо, получается приблизительно 10 секундная пауза; затем опять вызывается «мам—мам», вкусопоощряю и т. д. Я ловлю движение челюстей с помощью предугадки и не даю закрывать плотно рот при первом и втором соединении губ так, чтобы не получилось впоследствии «мам-мам», а было ясно слышно—ма-ма.

Дальше надо, чтобы немое «мама» было дополнено голосом. Надо вызвать у собаки горловые звуки. Когда, после заторможения зевоты, устанавливается прочно ассоциация двойного закрывания и

открывания челюстей, я перестаю давать за каждым разом вкусопоощрение, а с известными пропусками, но не давая сложным, условным рефлексам угасать, от времени до времени даю мясо, но так, чтобы собака проявляла в паузах нетерпение голосом.

«Марс» в этих случаях то садился, то вставал в кресло, принимался визжать, и я, напрягая свою энергию, не спуская глаз с его глаз, как бы вкладывал в него мое желание и при нужном мне более подходящем звуке, давал вкусопоощрение. Вначале, устанавливая визг с движением рта и мясом, я, не дав ему укрепиться, затормозил его звуком—ссс—и отвлек внимание собаки поглаживанием, а затем уже раз вызвав желание получить мясо звуком, я добился того, что «Марс», постепенно угадывая мое желание, то лаял, то снова визжал и, наконец, стал глухо издавать, одновременно открывая и закрывая рот, тихие, хриплые горловые звуки. Получилось ясное, но как бы произносимое шепотом слово: ма-мам. Закрепив это частым повторением и без пропусков вкусопоощрением, я принялся за дальнейшее: мне надо было вызвать более громкие и басовые ноты. Для этого, не меняя положения своего тела, с теми же движениями руки, я вызвал у собаки звукопоощрением вой [1]). «Марс» вначале визжал и лаял и, наконец, завыл, одновременно стараясь открывать и полузакрывать рот—в миг—и получил награду. Повторяя несколько раз—то получая порицание, то поощрение, наконец остановился на начальных нотах воя. Так получилась полная иллюзия человеческого голоса, говорившего «мама». «Бишку» к сожалению, я не учил говорить «м а м а», «Дези» тоже, но «Лорд» и «Пик» исполняли этот номер. При чем, как я ему внушал, вы уже знаете из прочитанного выше. Писал про это я очень давно, много лет тому назад, и писал я так, как мне в то время этот акт представлялся, но в настоящее время, при сравнении с «Марсом», я вспоминал, что «Пик» более обезволенный, чем молодой «Марс», поддавался внушению куда скорей и легче, и этот номер «м а м а» был вызван не торможением сна («Пику» я не внушал идею сна), а торможением особой тоскливой зевоты.

Собаки в естественном положении, скучая и перед сном, не дождавшись чего-либо желаемого, часто зевают особенно. Эта зевота проявляется одновременно с визгом, т.-е. акт зевоты заканчивается

---

[1]) Задолго до дрессировки „Марса" говорить—м а м а, я, часто, играя с ним, подражал вытью собаки, при этом „Марс" раздражался и начинал сначала визжать, затем отрывисто с визгом лаять, потом скулить и кончал на низких нотах баритоном с переливами, продолжительно выл, подняв голову кверху, и тотчас же поощрялся.

им. «Пик» зевал неестественно, т.-е. не так, как зевают перед сном, а так, как зевают под влиянием тоски, т.-е. тоскливо, поэтому у него не так получалось «м а м а,» как у «Марса», а более на высоких нотах, более натурально, жалобнее и как-то иначе. «Лорд» выговаривал «м а м а» очень плохо, потому что какими-то странными комбинациями мышечных движений поднимал и опускал верхнюю челюсть, а не нижнюю, как «Пик». Так установился сочетательный рефлекс, благодаря слабому сосредоточению и вялому контакту, потому и торможение не делало своего дела в нужный момент, а несколько позднее.

Затормозить не штука, но как затормозить и как оживить торможение в мозгу животного — это дело, мне кажется, зависит от внутреннего чутья дрессировщика. Можно затормозить так, что и от торможения ничего не останется и эмоциональный рефлекс пропадет. Много значит, чтобы во время вашего искусственного торможения не появилось какого-либо внешнего, постороннего торможения. Этого надо бояться и обставлять себя так, чтобы не было какого-либо шума, неожиданного появления постороннего и т. д. Пролетавший на улице голубь мимо окна испортил мне акт торможения с обезьяной, и пришлось бросить почти установившийся контакт до новых трудных работ.

Когда вы в особых условиях производите опыт торможения над установившимся ранее эмоциональным рефлексом, то должны оценить этот рефлекс как следует: не перешел ли он в привычку, иначе вы можете лишиться его навсегда и не получить ни того, ни другого. Например: мой «Марс», по моему желанию, во всякое время аппетитно потягивается. Потягивание и расправление тела происходит почти всегда полностью, от начала до конца, т.-е. прежде туловище собаки подается назад, при чем передние лапы напрягаются, принимая почти горизонтальное положение, при этом голова и шея опускаются к земле, затем туловище, изгибая позвоночник, двигается медленно вперед, задние ноги вытягиваются и тянутся за туловищем; голова и шея принимают вертикальное положение. Такое состояние и сопровождаемое движение вошло у него в привычку, и я ими дорожу. Предположим, я пожелал бы изменить, т.-е. сократить искусственным образом это потягивание; для того стоит только в какой-либо момент потягивания дать ему вкусопоощрение, как собака, не дотянувшись, перестает желать расправлять свои задние ноги и спешит уже получить мясо. Это торможение уже будет и в следующий раз вызывать недотягивание, и, как бы вы ни задерживали потом вкусопоощрением

полное и точное потягивание, вряд ли вам опять восстановить, чувства неги, желания расправить тело уже не будет у собаки и может даже пропасть навсегда. Таким образом, как я сейчас описал, я сделал с французским бульдогом «Дези». Мне надо было торможением из рефлекса потягивания сделать реверанс. Как только по моему приказанию, потягиваясь, «Дези» подала туловище назад и хотела его уже передвинуть вперед, так тотчас же я затормозил, и она, сделав короткий книксен, остановилась—прекратилось и чувство неги. В последующие повторения «Дези», стремясь поскорее получить вкусопоощрение, спешила сделать реверанс и поэтому пятилась назад больше, чем при естественном потягивании,—получилось новое движение туловища; везя за собой правую переднюю ногу, собака пятилась назад. Я, понятно, не пропустил момента и закрепил его вкусопоощрением и частыми повторениями. Получилось очень похожее на глубокий реверанс, как в старину делали его в менуэте.

Теперь объясню, как из внушенного и закрепленного эмоционального рефлекса чихания я торможением заставил «Дези» только выдувать воздух из легких, так как этот опыт очень характерен и был произведен мною в первый раз в жизни, и, так как он чреват своими последствиями, я считаю нужным познакомить с ним читателей подробнее.

Не буду повторяться описыванием акта первоначального установления внушенного эмоционального рефлекса на чихание у «Дэзи», но отмечу только то, что собака «Дэзи», как чистокровный французский бульдог, голова которого, как и курносый нос, отличаются особенностью своего строения и резко отличаются от борзых овчарок и др., резче мог чихать по своей природе, чем собаки другой породы. При слове: «чихни», у него все движения были сильнее и ярче выражены[1]). После критики моего доклада в наших заседаниях по поводу чихания (см. протоколы № 3 и № 5), я должен был доказать, что чихание Дэзи есть чисто психологический акт. Для этой цели я чихательный рефлекс затормозил и перевел его на рефлекс выдувания.

Я посадил против себя собаку и обратив ее внимание на кусок мяса, заставил чихать. Как только «Дэзи» поднимала нос, чувствуя раздражение в слизистой оболочке и уже намеревалась чихнуть, то в этот момент получала вкусопоощрение. Первоначально у нее получился, как говорится, недочех, и собака, хотя и держала кусок мяса

---

[1]) Благодаря особенности строения носа собак породы бульдогов французских, английских, мосек, они при крепком сне громко храпят.

во рту, но тотчас же вторично чихнула. Удовлетворенная, быстро разжевав мясо, проглотила его. Вторично было почти то же самое, но с малым изменением: мясо выпало у нее изо рта и она чихнула с неполным выдыханием—акт чихания был слабо выражен. Третий, четвертый, пятый разы собака уже не чихала, как всегда, а получихала, если можно так выразиться, но в шестой раз я уже мясо не давал во время акта, а, наоборот, удалял от носа на более далекое расстояние, насколько позволяла рука. Это движение заставило во время начала акта чихания не опускать голову к низу, а, наоборот, поднимать ее, следить за рукой с мясом. Варьируя несколько раз до полного насыщения собаки, я напал на чистый выдых из носа без ее движения головой. Так, закрепляя только этот акт вкусопоощрением, я и добился желательного результата; ассоциируя этот выдых со словом «дуй», я уже движение моей руки все сокращал до минимума. В конце-концов одно слово «дуй» без всяких моих движений и без обильных при чихании своих собственных движений, собака носом дула. Началась вторая стадия дрессировки. Я приставлял к носу собаки резиновый наконечник в виде воронки и одновременно другой рукой давал в рот мясо. Когда собака привыкла к резине, то теперь сюда присоединилось мое слово «дуй». Сначала собака делала это плохо, но постепенно привыкла. Если подставленная близко к морде резина не касалась носа, то собака хотя и чихала, но без вкусопоощрения. Такое мое действие заставило собаку ассоциировать ощущение нажима резины на окружность носа и губ с получением вкусопоощрения. Когда и эта ассоциация крепко установилась, то я нарочно перед дутьем собаки держал резину то вправо, то влево, то выше, то ниже ее морды. «Дэзи» сама ловила момент, спеша всунуть нос и губы в резину так, чтобы ощущать на прежнем месте нажим воронки, тогда она дула снова и получала мясо. Но это еще не все. В резиновую воронку, в узкий конец ее я вдел игрушечный рожок с пищулькой, т.-е. с медным пищиком, употребляемым в гармониях. Пищик был тонкий и легко поддавался давлению воздуха, но был далеко не по силе выдыха собаки, тем более, что выдых ее был неодинаковый: то «Дези» дула сильней, то слабей. И вот, когда пищик издавал звук, а не только шипение, то тогда только «Дэзи» получала вкусопоощрение. У собаки таким образом установился рефлекс на силу выдыха и на звук. Чем сильнее выдых, чем громче звук—тем скорей вкусопоощрение. Чем слабее, тем медленнее выдача вкусопоощрения, а если был только слабый выдых, не дающий звука, то вкусопоощрение не производилось. К следующему нашему засе-

данию этот номер был готов. Впоследствии, когда крепко установился этот ассоциативный акт у «Дэзи», собака сама охотно прыгала на сидение своей ученической парты, становилась передними лапами на крышку парты и всовывала морду в пристроенный к парте рожок в его резиновый наконечник и сильно дула не только что носом, но и ртом, при чем ее висячие верхние губы от воздуха поднимались, точно оттопыривались в стороны, получалось при этом фырканье. Это фырканье пригодилось мне и для тушения свечи. Я таким образом, как и рожок, вначале подставлял горящую свечу в подсвечнике. Сначала слово «дуй» мне помогало, а потом «Дэзи» великолепно исполняла это даже в мое отсутствие. Я устроил такую сценку: у стены привязывалась цепочка с ошейником. Предварительно выучив «Дэзи» надевать и снимать ошейник и тушить электричество (собака подходила к электрической кнопке, к которой для удобства была устроена особая ручка, передней правой лапой царапала эту ручку и тем передвигала ее вниз). Электрический ток выключался. Я зажигал свечу и ставил на стол и тотчас же, как будто шел за книгой, уходил со сцены. «Дэзи» моментально прыгала на стул и тушила свечу. Я, возвращаясь, замечал это и в наказание сажал «Дэзи» в ошейник, на цепь; снова зажигал свечу и уходил. «Дэзи», выждав когда я скрывался, освобождала голову из ошейника, подбегала к столу, тушила свечу и поспешно возвращалась к ошейнику и всовывала голову в него—садилась как ни в чем не бывало. Эту сцену она проделывала довольно быстро и охотно. В дальнейшем я уже закрепленное и перешедшее в привычку дутье вызывал внушением любое количество раз. (См. протоколы о «Дэзи»).

Гораздо легче без заторможения удалось мне установить ассоциацию—тушение свечи у слона «Беби», благодаря его природной особенности через хобот вдыхать и выдыхать воздух. (Об этом я писал в начале моей книги).

Собак тойтерьеров «Моки» и «Малыша» я выучил выговаривать букву «р», следующим образом: играя с «Моки» я доводил его до незлобливого рычания. Когда «Моки», увлекаясь игрой с моей рукой, скалил зубы и начинал рычать, кончая лаем, т.-е. произносил—ррр-ам, я тормозил ам и укреплял «ррр», одновременно говоря: «скажи ер». А когда собака просила у меня хлеб и видя, что я не даю, начинала нетерпеливо лаять, я тормозил лай звуком «ссс» до тех пор, пока собака поняла, что громко лаять нельзя, а ей все-таки хочется вкусопоощрения—она сдержанно произносит сначала «ррр-еф», смешанное рычание, как приготовление к лаю и заторможенное чихание до

звука «еф». Потом с трудом, дальнейшим торможением я разделил «ррр» от «еф», ассоциируя с различной интонировкой и словами—скажи букву «ер»—говори «еф».

Продолжительный визг лисицы (кличка «Певунья») я тормозил вкусопоощрением до тех пор, пока она не сделала этот визг коротким до начального открывания пасти со звуком «а».

Теперь опишу, как я заставил моего быка брать правильно ноты: ре, фа и соль. В примерах, вышеприведенных с «Моки» брать «рр» и лисицей брать «а», я затяжные звуки сокращал торможением, а у быка это делалось наоборот: я заставлял растягивать его мычание с короткого «мм» в продолжетельное «мууу», при чем, чем сильнее и громче мычал мой бычок, тем выше поднимался тон; чем сильнее напрягался бычок, вытягивая шею и поджимая бока, тем тон становился выше и выше. Сначала короткое, глухое, низкое «ммм» вызывалось мной у бычка во времи нахождения его в конюшне, в стойле. Бычок тянулся за хлебом, но не получал его, и когда я бесплодно то подходил ближе, то удалялся от стойла, бычок тоскливо произнес свое чуть слышное «ммм»,—тотчас получил вкусопоощрение. Это вызывание тянулось довольно долго, но когда установилась ассоциация на короткое «ммм»—я стал реже вкусопоощрять, бдительно прислушиваясь к повышению и понижению тона его мычания. Я заметил, что чем бычок становился нетерпеливей, желая получить морковку или хлеб, тем он сильнее и продолжительнее мычал. Я ловил эти усилия, развивая их повадко-приманкой и закрепляя вкусопоощрением. Через несколько уроков мой бычок при слове «пой», которое мне пришлось во время всей процедуры говорить сотни раз, тотчас же, не заставляя ждать, вытягивая шею и подбирая в себя бока, громко мычал. Я запомнил основной его тон мычанья: он подходил близко к нотам: до, до диез и ре. Когда манера мычать установилась у бычка и тон ре окреп, я дал ему отдых. Через две недели я снова принялся за быка и, как говорится, взял быка за рога, т.-е. ежедневно по часу и более стоял над ним с лакомством. Первый звук он давал мне уже ранее установившийся «ре». Затем я, давая ему прожевать хлеб, стал вызывать, растягивая время и повадко-приманку, большие усилия на мычание; получилась нота выше и даже перескочила за «ми» на ми диез... Еще, еще усилие и бык тянул почти правильно «фа». Заставир быка зазубрить ре и фа, я впоследствии довел его до предела напряжения, при чем он мог только дотянуть до ноты соль. Итак, получив ре, фа, соль, я на арене цирка для большого эффекта прибегал к следующему обману:

Заставил бычка проделать все его трюки, как-то: стрелять из пушки, нажимать нижней челестью музыкальные меха (их было два) по моему желанию то первый, то второй, согласно нужному аккомпанименту для моей игры на дудочке, или моему пению; затем мой бык вскакивал на бочку, вальсировал на ней и в заключение пел. Предварительно перед тем, как заставить его мычать ноту ре, я обращался в оркестр с просьбой дать мне ноту «до». Один из музыкантов на корнете играл ноту якобы «до» (заранее условленную и не по камертону, а какую было мне надо для того, чтобы последующая «ре» подходила под мычание быка). Я благодарил музыканта и просил вежливо бычка дать следующую. Понятно, бык мычал свое первое «ре», затем я предложил сам себе взять следующую ноту «ми» и брал ее, подражая бычачьему мычанию. Следующая очередь была за бычком. Он сильнее напрягался и брал ноту «фа» и, при взрыве хохота публики, брал последнюю ноту «соль», напрягая все свое старание. «Вот в этом-то и есть соль», говорил я, «что мой бычок берет ноту «соль». (См. рис. 27).

В своем труде „Биопсихология" В. Вагнер пишет [1]:

„На VI Международном конгрессе психологов в 1909 году в Женеве устами одного из самых выдающихся своих представителей Robert Arces'а проф. Haward-ского университета Северо-Американских Соединенных Штатов, Конгресс высказал, между прочим, что научные исследования психологии животных должны производиться в двух направлениях, двумя методами исследования: один из них ученый называет method naturaliste, другой—method experimentale. Под первым из них он разумеет изучение животных в их естественных условиях жизни, под вторым—изучение их в искусственных условиях. Оба эти метода—по мнению автора—должны дополняться (completter) и контролировать друг друга".

Я думаю, что успешнее других могу заняться вторым, экспериментальным методом изучения животных, тем более, что некоторые мои животные находятся в совершенно противоестественной обстановке, в исключительных условиях. Ярким примером может служить мой дрессированный шестиполосный армадилл, который, несмотря на биологические и физиологические противоречия, большую часть своего дня проводил за работой, т.-е. по длинной доске перевозил в тачке кирпичи, идя на задних ногах и упираясь передними лапами на верхнюю перекладинку тачки, напрягал свои мускулы, развивая свои

[1]) Биопсихология В. Вагнера, т. 2 Введение, стр. XI.

короткие крепкие пятипалые задние ноги, ходил на задних ногах, удачно балансируя, несмотря на свой сросшийся с телом костяной панцырь. (В настоящее время мой покойный броненосец—армадилл—Dasypus sexcinctus находится в моем музее—„Уголок Дурова“ - Москва, Ст. Божедомка 4, в спирту).

Повторяю, мой живой материал представляет из себя уже готовых одомашненных прирученных дрессировкой животных. Для успешной работы, мне кажется, я имею много данных. Почти полвека, проведенного непосредственно с моими любимцами, говорят за себя. Через мои руки прошло много разнообразных экземпляров, начиная с крыс и кончая слоном.

Соприкасаясь ежедневно с животными, мне кажется, я должен их лучше знать, чем ученые, работающие только у себя в кабинете. Смею надеяться, что мне удастся внести в науку и что-нибудь свое, оригинальное, новое. Может быть, я найду и еще ошибки ученых, как это мною было сделано не раз, тем более, что сам уважаемый профессор В. Вагнер признает их существование в науке, вообще. Вот что он пишет по этому поводу: „В области психологии традиционное заблуждение продолжает пребывать во всей своей поучительной неприкосновенности; наука, развиваясь и повторяя одни и те же этапы развития, повторяет, к сожалению, одни и те же ошибки“. Почему бы, думал я, не поступиться людям науки своими традициями ради той же науки и не пригласить нас, артистов-дрессировщиков, для некоторых совместных работ. Мне кажется, что я имею на это право, тем более, что в области дрессировки у меня свой оригинальный метод—непосредственное воздействие на психику животных. Этим самым я вхожу в область психологии. Мой метод, как за границей, так и у нас в России, до сих пор не применялся и не применяется. Близкое знакомство с животными дает мне возможность легче, чем кому-либо, проникнуть в тайники их психики. Непосредственное сближение играет первую роль. Наша современная педагогика говорит за то. Кто лучше знает душу ученика? Тот ли педагог, который только учит, или который живет с ним? Из прочитанных мною книг и из разговоров с зоопсихологами я вывел такое заключение, что ученые разделились на два главных лагеря: одни приписывают антропоморфные качества животным, другие же, и большинство, отрицают у животных способность к логическому мышлению и умозаключению, оставляя им только память, ассоциацию по смежности и природное подражание. Я, приступая к опытам, поставил себе за правило быть вполне индифферентным, не примыкая

ни к тому, ни к другому лагерю, и решил изыскать сам способ подхода к разрешению этой задачи. Для этой цели начал я свои опыты с морскими свинками.

Выбрал я это животное для начальных работ потому, что свинку с ее несложной психикой легче разгадать, а частое оплодотворение дает обильный материал для выбора, отбора и наблюдения по наследственности. Из установившихся моих понятий о свинках я могу сказать следующее. Морская свинка очень скоро после своего появления на свет проявляет свою самостоятельность, а с ней и способность опытным путем учиться, как жить на свете. Родившийся, уже одетый в свою пеструю шубку, с открытыми глазками малыш первые часы сидит, нахохлившись на одном месте, а через несколько дней он носиком разбирается в куче сена и выбирает стебелек более удобный для пережевывания. В этом акте уже виден первоначальный опыт. При накоплении жизненных опытов развивается и способность *к выбору*. „По определению одних авторов“,—пишет профессор Вагнер,—„способность к выбору представляет собой такой сложный психологический прецесс, который *без логической мыслительной способности является неосуществимым*, а по определению других, представляется таким простым, что его можно наблюдать даже у инфузорий“. Вот этот коренной спорный вопрос, я думаю, можно разрешить экспериментальными опытами при посредстве дрессировки. Свинка, как я сказал выше, по своей несложной и простой психике, для дрессировки ассоциативным путем, является очень подходящим материалом. Вызвать ассоциацию по смежности гораздо легче у тех животных, которые отличаются природным добродушием, мягкостью нрава и податливостью к приручению. В этом отношении свинка благодарный материал: она, если приручена заранее, не проявляет активного сопротивления. Соверщенно иное выказывают во время дрессировки ассоциативным путем другие животные, как-то: обезьяны, лисы, кошки. У них есть много своего самостоятельного, но о них после.

Итак, для успешной дрессировки нужен вполне прирученный экземпляр. Люди редко делают свинок ручными и, я думаю, лишь только потому, что при первом знакомстве натыкаются на некоторые неудобства. Беря первый раз черезчур осторожно свинку в руки, позволяют ей тем самым выскальзывать из рук. Испуганное животное выскальзывает из рук только потому, что человек боится своими руками причинить боль нежному животному. Благодаря этому у многих составилось ложное понятие о неспособностях к приручению,

а отсюда и о слабых умственных качествах свинок. Брем ошибается, говоря в своем сочинении «Жизнь животных», что «морские свинки никогда не могут совершенно освободиться от своей боязливости, а при своих незначительных умственных способностях редко доходят до того, чтобы уметь отличить от других людей своего сторожа».

По моему, человек—как таковой—для нее роли не играет; свинка различает только соприкосновение с ней, как ее берут, а не кто берет, а постоянное одинаковое обращение с ней постепенно уменьшает ее природную боязливость. Постоянное общение с животными и частое перемещение зверьков с одного места на другое, мне кажется, развивает умственный кругозор животных, приобретаются новые опыты жизни, благодаря прогрессивному при этом увеличению количества новых впечатлений. Я замечал громадную разницу между свинками, сидящими постоянно на одном месте, и теми, которые часто переезжают из одного места на другое. В Зоологическом саду, несмотря на более благоприятные условия жизни, свинки, имеющие постоянное место жительства—дичее и пугливее, чем мои, путешествующие из одного цирка в другой. Я нашел особый способ приручения свинок: это делали за меня обезьяны. Мой павиан (Cynocephalus) потерял своего детеныша, и я вскоре после смерти посадил в клетку к тоскующей матери свинку. Собакоголовая носилась с ней целыми днями, бережно таскала свинку на руках и с видимой любовью нежно прижимала ее к своей груди. (Обезьяны отличаются повышенным материнским чувством). Мой павиан любил свинку, няньчился с ней и, как заботливая мать, перебирая своими длинными пальцами густую шерсть свинки, искал в ней паразитов. Свинка через несколько дней совместной жизни с обезьяной настолько привыкла, что совершенно безбоязненно, сидя на руках у своей воспитательницы, вырывала изо рта ее морковь, а когда к клетке подходил кто-либо из посторонних, обезьяна, подхватив свинку и пряча ее у себя под мышкой, быстро влезала по решетке к потолку клетки и оттуда стремительно прыгала на пол. Свинка была совершенно покойна. Где же приписываемая Бремом природная боязливость свинок, от которой они никогда якобы не могут освободиться? Содержатели зверинцев зимой, при неудовлетворительном отоплении, ради сохранения от простуды туберкулезных обезьян сажают к ним в клетки по нескольку морских свинок. (Свинки служат в кочующих зверинцах не как показательный материал, а как согревающий компресс для обезьян и как корм для змей). Подтверждаю, что развитие умственных способностей этих животных

зависит от суммы впечатлений: вот почему дрессировка животных, частое общение с ними расширяют их кругозор, а с ним и развивают умственные способности. Долголетний опыт говорит, что при спокойной 6—7 летней жизни в зоологических садах на одном месте морские свинки глупее, чем те, которые путешествуют с цирками. Все это говорит против заключения доктора Мильса, а также свидетельства Моргана, что свинки после одного месяца перестают развиваться, т.-е. двигаться вперед в каком-либо отношении. Но возвращаюсь к Брему. Ученый там же, на стр. 474, пишет: „свинки обнаруживают действительно замечательное равнодушие ко всем внешним предметам". Бывают, однако, исключения, поясняет он и ссылается на Фриделя, который рассказывает: „Морская свинка, принадлежащая моим детям, приветствовала моего сына, услышав его шаги, громким взволнованным писком, а когда он относил ей пищу, то обыкновенно выражала свое довольство благодарственным громким бормотаньем. Мою меньшую дочь она приветствовала не писком, а только таким бормотанием. Жену и меня она, напротив, никогда не встречала громким бормотанием. Если случалось моей жене поздно вечером проходить по комнате, где жил зверек, то он жалобным писком всегда выпрашивал у нее лакомый кусочек. При мне он молчал, зная, что так поздно я не даю ничего. Значит, зверек мог точно различить четыре лица". Весь рассказ Фриделя для меня представляется сплошным заблуждением, вследствие чего выведенное Бремом заключение об особенной талантливости свинки не имеет основания. Ложное представление родит ложное заключение. Но постараюсь быть последовательным. Вот что говорит мое долголетнее знакомство с этим зверьками. Все свинки вместе, и каждая отдельно, выражают одинаково нетерпеливо призывной звук, похожий больше на свист, чем, по Брему, на писк, а характерное булькотанье, по Фриделю «бормотанье», выражает чувство недовольства и угрозу. Я для моих представлений воспользовался этим характерным свистом и вот как: во время чистки клеток мой служащий вносил в помещение, где находились свинки, сено. Когда он только еще проходил через соседнюю комнату в зверинец, свинки уже хором свистали. Обыкновенно интонация была точно такая, какою они выражали свое нетерпение перед кормлением. Свинки, благодаря устройству клеток, не могли видеть сено, и я предполагал, что они, как и другие звери в зверинцах, волнуются, чувствуя время обеда. Чтобы проверить мое предположение, я велел внести сено двумя часами раньше, но свинки, услышав приближение шагов служащего, несущего тюк сена, попреж-

нему засвистали. Тут явилось у меня несколько другое предположение—не вызывают ли свист знакомые шаги? На следующий день, подражая походке служащего (так же шмыгая, как и он), я подходил к клеткам; свинки совсем на это не реагировали, следовательно, звук шагов в этом случае никакой роли не играл. Пришлось искать новую причину, вызывавшую свист свинок. Я еще раз проверил, позвав в предобеденное время служащего к клеткам. Он пришел без сена. Свинки даже не переменили своих мест и на присутствующих даже не обращали никакого внимания. Тогда у меня явилось новое предположение: не играет ли здесь роль обоняние? Зрение, думал я, здесь не причем, тем более, что я почти вплотную прикрыл досчатую дверь. О слухе тоже, по моему предположению, не могло быть и речи, так как служащий несколько раз входил в комнату без сена и свинки оставались покойны. И вот, благодаря благоприятному устройству окон и дверей в помещении зверинца, я мог проверить роль обоняния. Устроив сквозняк, я против течения воздуха пустил служащего с сеном. Он подходил к свинкам из-под ветра. Запах сена ни в каком случае не мог проникнуть к свинкам, тем более, что я смочил пол раствором креолина. Свинки на этот раз, при первом же появлении в дверях служащего, хором засвистали. Я положительно ничего не мог понять. И только случай открыл мне секрет. На пустой клетке лежал мешок, набитый сеном, служивший служащему постелью. Я облокотился на него и этим произвел шелест. Свинки принялись свистать и протягивать свои мордочки ко мне. Тут все стало для меня ясно: не шаги служащего, а шелест сухого сена вызывал у свинок нетерпеливо-призывной свист. Этим шелестом я и воспользовался для нового моего трюка. Заранее положив себе в карман сухое сено и подходя к группе спокойно сидящих на пьедестале свинок, я незаметно рукою шуршал, предварительно скомандовав: „пойте“. Зверки тотчас же громко свистали. Присутствующие были поражены и всецело приписывали это моей дрессировке. Впоследствии я сено заменил капустным листом, хруст ломающегося листа вызывал такой же свист. Слуховая ассоциация с вкусопоощрением вполне установилась. Иногда прислуга, подметая пол, щеткой производила шелест сорной бумагой. Свинки ошибочно принимали этот шелест за шелест сена и свистали. (Нетерпеливый призывной звук издают львы в зверинцах перед кормлением. Рыканье царя зверей служит всему зверинцу призывным сигналом, и когда служителя несут лоток с мясом мимо клеток, то сидящие в них хищники начинают прыгать в клетках, ударяя лапами в боковые стенки клеток.

Этот стук устанавливает слуховую ассоциацию с вкусовыми ощущениями и вызывает у хищников выделение слюны и нетерпеливое метанье по клеткам). Призывом служит и свист у морских свинок. Самцы, сидя в разных клетках, часто перекликаются, не видя друг друга. Природные стадные подражательные действия морских свинок также сослужили мне службу. Во время сцены миниатюрной железной дороги свинки друг за другом бежали с вокзала по трапу вниз на платформу, а затем по сходням входили в свой товарный вагон. Я достигал этого так: выбрав в общей клетке вожака, как я шутя называл его „свинского начальника“, я учил его сначала одного. Повадко-приманкой и вкусопоощрениями в 5—7 репетиций я заставлял его пробегать все пространство к корму. Когда мой „свинский начальник“ безостановочно пробегал весь путь, я к нему сажал остальных. Почти все, как бараны, следовали за ним. Стадное подражание ясно выражалось. В этих случаях я неоднократно замечал, как вожак своим призывным свистом и сердитым булькотанием (бормотаньем) командовал своим стадом. Характерное булькотанье я слышал у самцов во время ухаживанья за самками. Особенно это было заметно при столкновении с другими самцами. Самец как-то боком заходил к самке, как бы прикрывая ее собой от конкурентов. Эта манера напоминала ухаживающего за курами петуха. Более ручных свинок я пробовал поглаживать по спинке и также вызывал такое же бормотанье, как ясно выраженный протест. Когда я проводил ладонью вдоль всего тельца, начиная с кончика мордочки, свинка, бормоча, подковыркивала мою ладонь, как бы освобождаясь от видимо неприятного прикосновения. С точки зрения человека поглаживание служит лаской, но не все животные принимают это за ласку. Даже собаки, которых приучают к поглаживанию с детства, впоследствии иногда отвечают укусом. По всему вероятию, Брем, а с ним и Фридель были введены в заблуждение, приняв бормотание, как благодарность за ласку. Не могло быть и представления у свинок о четырех различных лицах. Я учу своих сотрудников вынимать свинок из клеток безболезненно и всегда одним и тем же приемом. Когда служащие исполняют это ловко, как я, то свинки нас не различают, несмотря на различные запахи рук и одежды. Можно смело утверждать, что здесь играет роль только движение, как я уже говорил выше. Приписывание учеными свинкам антропоморфных качеств, по крайней мере в этом случае, неосновательно, и заключение Фриделя о своей свинке, различающей четыре лица и связанное с ними (с этиим лицами) время, по-моему, ошибочно. Различают ли вообще свинки

по форме похожие предметы и окраску их и в какой степени? На этот вопрос я ответить в положительном или отрицательном смысле затрудняюсь до более тщательного его исследования. Укажу, напр., на один такой случай, как на один факт. Как-то раз мне пришлось перед очередным представлением выкрасить товарный вагон в более яркий цвет и добавить новые поперечные белые полосы. Свинки по обыкновению шли смело с вокзала в вагон, но около него приблизительно на 10 секунд остановились. Вожак, понюхав воздух, пошел по знакомым сходням в вагон. Свинки последовали за ним. Десятисекундную задержку я склонен объяснить новым для них запахом свежей краски. Перемена цвета и рисунка едва ли оказала здесь влияние. Если бы свинки способны были различать изменения в подробностях, то, наверное, они долго стояли бы около вагона, пока освоились бы с новым для них рисунком. Различать лица членов семьи Фриделя, по-моему, было бы недоступно для нелюдимой психики этого животного.

За много лет в моих руках перебывало несколько сот свинок, и я вынес такое впечатление, что свинки по своей психике мало чем отличаются друг от друга, одни более, другие менее пугливые, и то в зависимости от времени их воспитания, мне же кажется, что свинка Фриделя была самая обыкновенная свинка.

Простейшие пути и способы к познаванию психики животных.

Способность к логическому мышлению у животных и сознательное проявление последовательных действий у морской свинки мною замечены в последующих опытах с ними.

Опыт 1-й.

Выучив морскую свинку звонить в колокольчик, то-есть, говоря яснее, дергать за веревочку, я стал искать новое применение к выученному уже движению. Беря своими длинными резцами веревку и дергая ее книзу, свинка получала капусту. Ассоциативное действие настолько удачно и часто повторялось, что моя ученица в течение одной недели великолепно вызубрила и звонила без помощи интонировки и повадко-приманки. Единственно применялось вкусо-поощрение. Я свинку дрессировал четыре раза в день. На каждом уроке ей приходилось дергать от 16—25 раз, считать в среднем 20 усилий. В течение 7 дней это составит $20 \times 4 = 80 \times 7 = 560$ раз;

перед тем, как она выучилась дергать, надо было раз 30 заставить повадко-приманкой дотрагиваться до шнурка сначала губами, потом зубами; итого в недельный срок дрессировки моя свинка производила манипуляцию со шнурком 560 + 30 = 590 раз.

Принимая во внимание великолепную память у животных, этот срок был достаточен, и свинка навсегда выучилась дергать шнурок.

Надо было придумать что-нибудь другое. Я устроил аппарат или, проще назвать, пьедестал. Он состоял из длинной металлической трубки, ящичка, изображавшего стол, и палочки с блоком; трубка служила ножкой столику. В столик вставлялась палочка с блоком, через блок проходил шнур, на одном конце которого была привязана дощечка-плакатик, а на другом конце — оловянный груз. Груз входил в ножку, то-есть в трубку, и по мере того, как свинка тянула шнур, груз опускался по трубке, служа балансом, а дощечка-плакатик, скрытая в столике, поднималась до самого блока. Я сажал на пьедестал грызуна, мордочкой к шнурку, и командовал: «подымай». Свинка, вытягивая шейку, поднимала кверху головку, брала шнур зубами и тянула его вниз на себя, затем выпускала его изо рта и, вновь вытягивая шею, перехватывала выше и тянула вниз. Так повторялось до тех пор, пока свинка не получала капустного листка или моркови. На арене во время действия я одновременно показывал двух свинок. Одна свинка, розетовая (кличка «Муаровая»), подымала дощечку-плакатик (см. рис. 41), а другая, разновидность «Агути», танцевала вальс, т.-е. повертывалась вокруг себя. Когда «Муаровая» свинка дотягивала до самой верхушки плакат, я, давая ей морковку, говорил: «кто работает, тот и ест, а теперь отдыхай, больше не подымай», и переходил на другой конец арены к другой. Пока я заставлял «Агути» вальсировать, «Муаровая», быстро съев капусту, без приказания торопливо поднимала плакатик, как будто боясь, что не успеет и я могу заметить. Я оборачивался, делал вид, что сержусь, и, подбегая с выговором к проказнице, снова опускал дощечку. Эта сценка повторялась 3—4 раза. Публика смеялась, *понятно ошибочно приписывая разумные действия животному*. Другая свинка научена была опускать плакат (см. рис. 42).

Я дома в своей лаборатории. Решаю произвести первый опыт с «Муаровой». Заранее не предрешаю, чему буду ее учить, а хочу испытать, что она будет делать сама, сидя на пьедестале, не видя перед собой шнурка. В комнате тихо. Я один с ученицей. Предварительно сняв шнурок, сажаю свинку на пьедестал. «Муаровая» по

обыкновению тянется к месту, где всегда находилась веревка. Я, затаив дыхание, наблюдаю. Свинка, обнюхав весь верх стола и не найдя ничего, долго сидит, не двигаясь; я тоже не шевелюсь и не спускаю с нее глаз. Но вот она задвигалась по столику, подняла несколько раз мордочку, вытянула шею, как она это делала перед

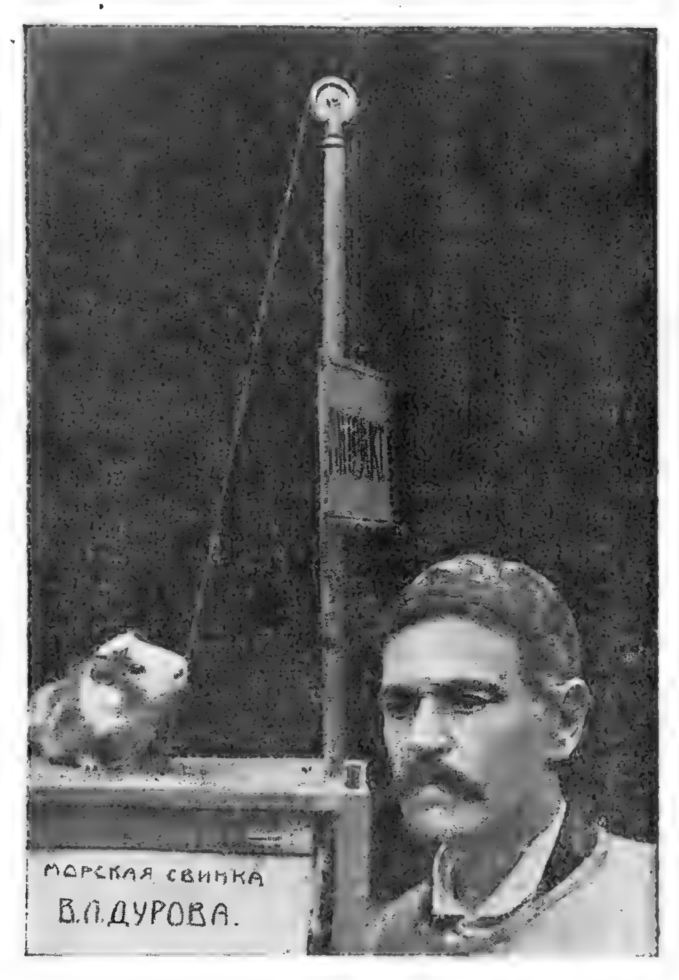

Рис. 41. Свинка „Муаровая“ поднимает плакат.

тем, как взяться за шнур, но, не видя его, не находя на столе ничего, свинка ни с того, ни с сего один раз грызнула гладкую поверхность стола. Опять присмирела. Слежу, не шевелясь, дабы не развлечь движением. Жду терпеливо какого-либо случайно проявлен-

ного действия. Жду самостоятельного движения, которое бы я мог уловить и вкусопоощрением заставить повторить. Потом при помощи интонировки или дуновения на шкурку (механического воздействия)

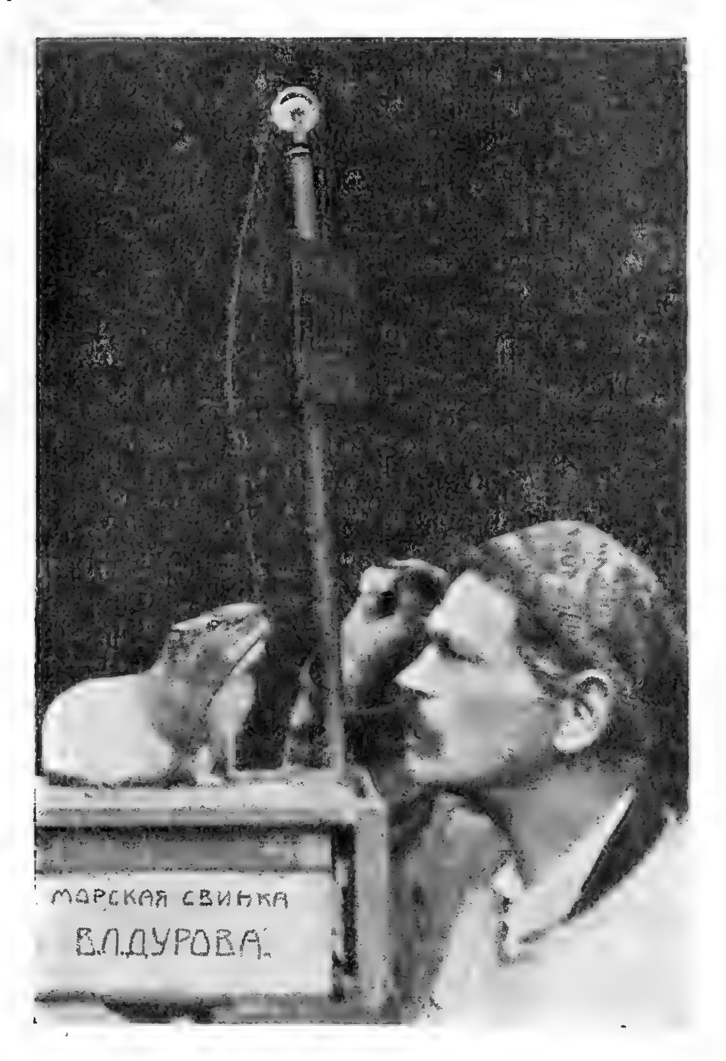

Рис. 42. Другая морская свинка опускает плакат.

я мог бы заставить повторять еще и еще раз, так до полного зазубривания. Грызун поднял переднюю лапку и вытер свой носик. Я не успел во время дать морковку, а потому пропустил это движение и стал ждать какого-либо другого. Ждать пришлось недолго;

видимо, наскучило «Муаровой» сидеть без дела, да, видно, она и есть захотела, только свинка вышла из своего оцепенения и, нагнув головку под свое брюшко, стала его зубами чесать. Так обыкновенно чешутся почти все грызуны. Когда она кончила заниматься куафюрой, я тотчас же дал ей откусить кончик морковки. Губки быстро заходили, и когда челюсти перестали работать, свинка, к моему удивлению, тотчас почесала брюшко. Получила морковь, съела и опять, на этот раз ненадолго, впала в неподвижное состояние.

Снова как-то натужилась или, лучше сказать, надулась, секунды три посидела пыжом и нагнула головку под брюшко. Осторожно поднесена мною морковка. Закипела работа челюстями. Тем временем, пораженный невероятно скорым успехом, я обдумывал, к чему это движение применить для представления. Оно вполне похоже на очень низкий поклон. Так и буду говорить, решил я: «кланяйся, свинка, да пониже кланяйся, с поклоном и в люди выйдешь...»

Одной и той же интонацией я говорил ей: «кланяйся» и по исполнении аккуратно платил. Свинка безошибочно кланялась, поражая меня. Это был первый случай в моей долголетней практике, когда животное без ошибки, как бы сознательно, с самого начала процесса ассоциации по смежности исполняло безукоризненно точно одно и то же движение. Обыкновенно вся процедура продолжалась несколько часов. Повторяю, куда легче и скорее вызвать нужное заранее намеченное движение посредством повадко-приманки, дуновением, движением; но когда ждешь от животного произвольного, могущего пригодиться для сценической работы, движения, тогда приходится много тратить и времени и труда, и зачастую напрасно. И вдруг в этот раз наоборот. Свинка исполняла как будто уже старое, зазубренное,—без заминки. Только с одной странностью: с короткими промежутками, в которые она надувалась, как бы тужилась. Правда, думал я, долголетняя практика выработала во мне большой навык к общению, но не настолько же, чтобы я мог сообщаться с животными моментально, без всякого напряжения энергии. Совершенно верно и то, что я развил в себе (как развивают музыкальный слух люди, родившиеся без оного) нервное чувство общения с животными и инстинктивное ощущение момента, когда надлежит порицать и поощрять. В данном опыте что-то происходит новое. Надо разобраться, думал я, продолжая наблюдать; я заметил, что перед свинкой лежат ее экскременты; в другое время я, понятно, не обратил бы на это внимания. Мне показалось, что количество кала слишком велико сравнительно с коротким временем.

Нормальное испражнение свинок представляет из себя полумягкие темно коричневые шарики, похожие на кедровые орешки. Я сосчитал—орешков было 14. Приблизительно столько же раз свинка кланялась, что привело меня в начале опыта к неправильному заключению о действиях, похожих на почесывание брюшка. Что бы это значило? Наблюдаю дальше. После поклона «Муаровая» выбросила что-то изо рта; оказывается, свежий орешек. Свинка, к моему удивлению, не чешется, как я предполагал, а берет по одному орешку. Вот почему свинка сразу стала повторять поклоны. Беру игрушечный столик, перевертываю его ножками вверх, кладу на них стекло, сажаю свинку на стекло, заставляю кланяться, а сам слежу снизу за брюшком через стекло. Свинка берет своими длинными резцами непосредственно из заднего прохода каждый раз по одному орешку. Предположение мое сводится к следующему: «Муаровая» привыкла что-то брать в зубы, а потом получать пищу. Обнюхав стол и не найдя ничего, что можно было бы взять в рот, вместо отсутствующего шнурка, свинка попробовала грызнуть стол. От этого у нее в зубах ничего не оказалось. И, понятно, чувство неудовлетворения заставило ее искать чего-то. Предполагаю, что она случайно наткнулась на свой кал, лежавший тоже случайно под брюшком, когда она пожелала брюшко почесать. Она его берет и бросает—получает морковку. Быстро проглотив пищу, она уже сознательно ищет орешек и, не находя его на прежнем месте, непосредственно вынимает из прохода. Натуживание каждый раз перед поклоном находит тоже свое объяснение. Во всем этом новом для меня поведении морской свинки я ясно вижу подход к логическому мышлению ее. На этом я заканчиваю свой первый опыт и перехожу на другой день к следующему.

Опыт 2-ой.

Приготовляясь к продолжению исследований, я для более удобного наблюдения положил на дно перевернутого столика зеркало. Раньше мне приходилось очень низко нагибаться, чтобы видеть через стекло брюшко свинки. Нагибаясь, своими движениями я развлекал внимание свинки Устранив неудобство, я с громадным интересом продолжал свой опыт. Посадив свинку на тщательно вытертое стекло, я прекрасно мог видеть в зеркале отражение всей нижней части тела «Муаровой». Повадкой - приманкой я заставил двигаться свинку и искать морковку. Она вспомнила свои еще не заученные

поклоны и нагнулась,—на этот раз без результата, без выделения калового орешка. Выпрямив и подняв мордочку кверху, свинка ждала подачки. Не дождавшись—надулась, и я ясно заметил в зеркале, как брюшко спазматически сократилось. Свинка тотчас же нагнулась и подала свежий орешек. Теперь я понял, что значили те движения, которые я отметил выше. Короткое неподвижное состояние, описанное мною выше, было тем моментом, когда свинка перед испражнением как бы прислушивалась к перистальтике своих кишек.

Не следует смешивать долгое неподвижное состояние свинки с коротким. Долгое сиденье без движения я делю на четыре различных состояния. Первое—спокойное полусонное, второе—вызванное страхом, третье—состояние сосредоточенного внимания и четвертое—в трансе. Состояние это описано в моей главе о трансе.

Затем следовали ясно выраженные потуги и выделение кала. Наблюдаю дальше. Подавая орешек за орешком, свинка один не донесла и выронила, оставив его под брюшком; разогнувшись «Муаровая» не получила жалованья. Вторично нагнувшись без предварительной потуги и не получив свежего орешка, она взяла забытый и положила его перед собой, как она это делала с другими. Быстро поднесенный за это листочек капусты был моментально съеден. Съев с аппетитом, «Муаровая» запросила еще. Поклонилась. Опять без результата. Еще поклонилась, а кала нет. (До этого момента «Муаровая» в продолжение 17 минут дала почти под ряд 38 орешков). Свинка сидела с полминуты без движения, а затем, повторив безрезультатно поклон, она неожиданно для меня взяла свою правую заднюю лапку зубами за палец и подняла ее. Подождав секунду, выпустила изо рта лапку и потянулась за жалованьем. Получив должное, свинка повторила то же самое. Звонок в передней и затем лай собак, бросившихся навстречу пришедшим, заставили свинку вздрогнуть и впасть в неподвижное состояние. Опыт был прекращен.

После этого исследования я еще увереннее могу утверждать, что инстинктивного, рефлекторного и бессознательного действия здесь не было. Прибавлю, что аналогичных действий, т.-е. непосредственного вынимания кала из заднего прохода, я у других свинок никогда не замечал. Подражательных действий здесь быть не могло, и вся эта манипуляция не была плодом долгих изучений, а была получена путем индивидуального опыта. Ассоциации по смежности здесь тоже нет места, и я смело могу утверждать, что свинка первый раз в жизни проявила это, совсем для нее новое действие, результат ее собственного «творчества». Все эти как бы логически последовательные действия «Муаровой» гово-

рят, что без некоторого умозаключения с ее стороны здесь обойтись не могло. Проявленные свинкой разумные способности наводят на более глубокие размышления. Попробую проанализировать самого себя, как я понимаю самый процесс и вытекающие из него факты.

Начну с поднимания плакатика. Предварительно посадив свинку на заранее приготовленный пьедестал, я дал ей время осмотреться и обнюхать поверхность стола. Затем я постепенно подводил, маня капустой, «Муаровую» к веревочке. Когда она подходила к ней, то тотчас же получала лакомство. Потом я заставлял свинку тянуться вдоль веревочки кверху за морковкой. Свинка вытягивалась, насколько позволяла длина ее тела. Постепенно движением руки с морковкой я как бы наталкивал на то, чтобы свинка взялась за нее зубами. Когда свинка касалась мордочкой веревки, я тотчас к этому месту прикладывал морковку. Свинка, желая откусить морковку, невольно ошибалась и бралась зубами за веревку. Потянув и выпустив веревку, она тотчас же получала кусочек морковки. Шаг за шагом вызывал я у свинки нужные мне движения. Свинка смело подходила к веревке и, вытянув шею, бралась зубами за нее и тянула веревочку книзу, точь в точь, как она делала это с морковкой, когда я держал морковку чуть выше ее головы. Все это повторяла она охотно, пока не удовлетворила аппетита. Итак, дрессируя «Муаровую» повадко-приманкой и вкусопоощрением, я установил постепенно ассоциативные чувства в одно нужное мне ассоциативное действие. Эти движения были не случайные и не волевые, а заранее предрешенные мною. Когда же я отнял веревочку прочь, я этим самым заставил свинку проявить собственную инициативу, заставил ее, полагаю, призадуматься. Тут же должны были получить толчок психические проявления, связанные с сознательными действиями, и, как говорят факты, они вполне проявились.

Я старался понять каждое малейшее движение животного и понять их особым чувством, своей интуицией. Продолжаю наблюдать далее. «Муаровая» сидит неподвижно. Я чувствую, что она в этот момент что-то переживает. Постараюсь определить все по предыдущему и по последующему поведению животного. Не видя знакомой веревочки и не ощущая ее у себя в зубах, но чувствуя желание есть, свинка, недовольная и удивленная создавшимся из ряда вон выходящим положением, сидит на одном месте, чуть-чуть расширив глаза и вытянув немного вперед шею, как бы в состоянии сосредоточенного внимания и удивления. Но вот шея и глаза пришли в спокойное состояние. «Муаровая» сидит попрежнему, не шевелясь. Все-таки что-то пережи-

вает. Как будто придя к какому-то решению, она зашевелилась и нагнула голову. Сразу грызнула поверхность стола. Предполагаю, что свинка, не чувствуя знакомого ощущения в зубах при дергании за веревку, захотела чем-нибудь заменить его, грызнула, но зубы скользнули по полировке, нужного ощущения не получилось. Следовательно, надо найти что-либо другое, которое она могла бы взять и потянуть, как веревочку, даже хотя бы только взять. Понюхав еще раз воздух, она как бы проверила себя: не ошиблась ли, не висит ли веревочка на старом месте. Удостоверившись, что ее нет, она съежилась и замерла. Тут более трудно определить процесс ее мышления. Как пришло ей на мысль воспользоваться своим калом? Можно предполагать, что момент прохождения мысли в голове о веревочке совпал со случайной перистальтикой кишек и что все это слилось в одно представление о кале и недостающем ощущении в зубах. Это представление и натолкнуло на последующее действие. Допускаю и другое. Почесав зубами брюшко, свинка увидела вываливающийся орешек и у нее тотчас явилась мысль взять его, как потребность что-то подержать в зубах. Факт налицо. Свинка взяла свой кал и положила его перед собой. Если предположить, что это произошло случайно, то последующие ее действия говорят обратное. Положив орешек, свинка привычно тотчас же потянулась за кормом, как за чем-то должным. Вот на это-то явление я и обращаю особое внимание. Факт, доказывающий, что свинка вполне сознавала, что за это получит вознаграждение, а также и доказывающий, что орешек был взят не случайно. Получив пищу, она уже не задумываясь, сразу берет следующий орешек. Понятно, дальше при однородных актах устанавливается прежняя ассоциация по смежности. Продолжаю наблюдения. Потуги все продолжительнее, а кала все меньше и меньше. Аппетит продолжает давать себя знать. Свинка напрасно несколько раз касается мордочкой заднего прохода. Орешков нет. Нет и морковки. Случайно попадается на глаза один забытый. Она вполне определенно берет его в зубы и сознательно кладет перед собою. При других обстоятельствах свинка, наверное, не взяла бы в рот вызывающий отвращение предмет. Обычно свинки не обращают внимания на свой кал. Продолжаю дальше. Полученное за орешек съедено. Аппетит еще не прошел, а материала нет. Наступило хорошо мне знакомое неподвижное состояние. В этот момент «Муаровая» без сомнения раздумывала, что бы ей предпринять дальше, дабы получить морковку. Последующее совсем неожиданное действие подтверждает, что свинка что-то сообразила. «Муаровая» после минутного

неподвижного сидения сразу подгибает головку под себя и берет себя за лапку и тотчас же лезет за морковкой, как за своим заслуженным. Не могу найти другого объяснения всего происшедшего перед моими глазами, как только то, что свинка размышляла, решила и привела решение в исполнение. Нет ли здесь налицо в ее последовательных действиях логического мышления? Понятно, не надо слово «логическое» понимать в прямом смысле. Свинка не рассуждает так: я, предположим, хочу сделать то-то, но для этого необходимо сначала сделать вот это, а когда я сделаю это, то должно получиться то, чего я желаю, и поэтому мне необходимо поступать так-то, и т. д. Такого процесса логического мышления и умозаключения и человек в обыденной жизни не проявляет. Он в такой форме не рассуждает. Его логическое мышление происходит в мозгу просто, быстро, сокращенно. У свинок я допускаю способность к логическому мышлению. Надеюсь, что мои дальнейшие объективные опыты с большим количеством свинок дадут мне возможность не сомневаться в моем предположении. Несмотря на очевидную для меня способность свинки к логическому мышлению, я все же причисляю ее, в сравнении с многими другими животными, в умственном отношении к животным, стоящим на низкой ступени.

По моему распределению способов дрессировки свинка должна стоять на низшей ступени. Привожу мою схему классификации способов дрессировки:

1. Механический.
2. Ассоциативный.
3. Доместикация обезволиванием.

Соотношение прирожденного ума к способам, по моему, следующее:

а) к механическому—безразличное (все равно, умное или глупое животное);

б) к ассоциативному—чем глупее, тем и лучше, т.-е. чем глупее животное, тем легче дрессировать, и получаются лучшие результаты;

в) доместикация обезволиванием—чем умнее животное, тем труднее, но зато лучше для цели, т.-е. получаются лучшие результаты.

При дрессировке вторым ассоциативным способом приходится заключить, что свинка довольно глупое животное, т. к. свинок легко обманывать. Лисица или кошка во время приманки будут долго сидеть неподвижно, отворачивать голову и не смотреть на вкусопо-

ощрение. Будут щурить глаза и делать вид, что не замечают лакомства. У кошки много своего личного „я“, а свинка просто идет на приманку, и ассоциация по смежности без труда устанавливается. Теперь остается мне самому себе ответить: не играл ли какую-либо роль в действиях «Муаровой» рефлекс или инстинкт. О простом рефлексе в данном опыте не может быть и речи: все действия морской свинки после удаления веревочки начинаются последовательным стремлением к одной и той же цели, т.-е. к получению пищи.

«То, что называется инстинктом, представляет дальнейшее усложнение деятельности нервных центров по сравнению с простыми рефлексами»—пишет уважаемый акад. Бехтерев [1]) и также указывает, что понятие об инстинкте, достигающем особого развития у различных животных, далеко не может быть признано установленным. Различные натуралисты и философы слову «инстинкт» придают не одинаковые толкования, на что справедливо указывает Рибо. По Е. фон Гартману это есть целесообразное действие без сознания цели.

В моем случае «Муаровой» проявлено целесообразное действие— неопровержимое стремление к одному ясно выраженному желанию есть.

Молль с некоторыми ограничениями держится того же определения, как и фон-Гартман. Он не включает, впрочем, знания цели, если только оно не служит мотивом действия. Это тоже подтверждает, что в данном случае ни рефлекса, ни инстинкта нет, а есть мотивированное действие животного. Остается сознательное волевое мотивированное стремление к известной ей, свинке, цели. Последовательное сцепление действий, это и есть подход к логическому мышлению. Этот подход я называю способностью морской свинки к умозаключению.

Опыт 3-ий.

В науке очень мало разработан вопрос о влиянии разнородных психических состояний на пищеварительную систему. Не могут ли пролить свет на этот вопрос мои первые опыты с морскими свинками, где перистальтика кишек сыграла особую роль? (Опыт с «Муаровой»). Тем более, что сокращение кишечных петель было очевидно произведено непосредственно по воле «Муаровой», несмотря на то, что сами же ученые, указывая на самостоятельную работу кишечного канала, без участия центральной нервной системы, все-таки допускают влияние

[1]) „Объективная психология“, академ. В. Бехтерева, выпуск 1, стр. 253, а.

головного мозга. В подтверждение могу привести несколько случаев. Страх у животных часто выражается в послаблении желудка. Мне часто приходилось это наблюдать в первоначальной дрессировке у диких лисиц. Испуг действует на ослабление мочевого пузыря у забитых собак. Если собака ложится на спину и мочится при первом вашем прикосновении, то эта собака не годится для дрессировки. По крайней мере надо потратить много лет, принимая во внимание великолепную память животных, для исправления этого громадного недостатка. Животные долго помнят болевые ощущения. Мочевые и пищеварительные каналы, благодаря ослаблению задерживающих центров (находящихся в серой коре головного мозга), дают этот эффект и, наоборот, нормально задерживающие центры по воле животного удерживают работу сокращений кишечных петель. Это мы отлично знаем по опыту на себе. Воля играет здесь первенствующую роль. Морская свинка, как показал опыт, напряжением своей воли, сознательно заставляла работать кишечник в нужный для нее момент. Насильственное сокращение кишек у морских свинок оказывается более развито, чем у человека. Ветеринарный врач Московского зоологического сада П. М. Иловайский видел случай, как одна обезьяна, будучи сильно раздражена на стоящих около ее клетки, сначала трясла изо всей силы железную решетку, потом бросала в присутствующих всем находящимся в клетке, и когда в клетке нечего было брать, обезьяна вызывала из себя выделение кала и бросала им в дразнящих ее. Подобный же случай был мною наблюдаем у африканского льва. В цирке Никитина выступала известная укротительница диких зверей Зинида. Клетка-вагон с ее группой африканских львов до ее выступления стояла вблизи конюшни и служила для обзора публики. В антрактах посетители гурьбой теснились около вагона. Я видел несколько раз, как один из восьми великанов, при приближении публики к решетке, скрывался за своими товарищами у задней стенки, подальше от любопытствующих, как бы боясь их. Но когда по звонку публика спешила занимать свои места и отходила от клетки, то львица делалась смелее, и приближаясь к самой решетке, становилась к ней задом и метко пускала струю мочи в зазевавшегося одного из посетителей. Направление своей воли на внутренние органы часто замечается нами у собак в повседневной жизни. Мы видим, как кобеля, обнюхивая на улице стенки домов, выпускают каплю мочи. Это действие животных я объясняю желанием оставить после себя след, который помогает им ориентироваться в пути.

Один ученый даже приписывал собакам целые сложные действия, называя такое поведение собачьей почтой, телеграфом. Якобы собаки посредством этого переписывались между собою, назначая друг другу свидания и т. д., и т. д. Во всяком случае влияние психики на внутренние органы здесь несомненно. Выбрасывание кала, мочеиспускание и вызывание по желанию рвоты у животных сильно в ходу. У людей эти способности мы очень редко встречаем. В нашей артистической деятельности, например, вызывание рвоты за всю мою жизнь мне привелось видеть только в трех случаях. Это так-называемые люди-аквариумы. Артист среди арены на глазах у публики выпивает 30 стаканов воды (конечно, не под ряд,—такое количество воды не поместилось бы в желудке). Артист, наполнив до максимума желудок жидкостью, незаметно выбрасывает ее, наклонившись к цветам, декоративно стоящим сзади, и затем начинает наполнять желудок снова. Опорожнив таким образом все 30 стаканов, стоявших тут же под ряд на столе, он начинает эффектно выпускать фонтаном воду изо рта кверху, при чем один из троих ухитрился класть на струю целлулоидный шарик, который быстро вертелся, то опускаясь, то поднимаясь, по желанию экспериментатора. Человек-аквариум, как он именовал себя на афише, проделывал очень ловко еще следующее. Около артиста ставился аквариум с рыбками и лягушками. Экспериментатор ловил из аквариума живых рыбок и лягушек и тут же на глазах публики клал поодиночке себе в рот и проглатывал. Затем задавал вопрос публике: «Что желаете получить ранее, рыбку или лягушку?» И вот по желанию публики во рту артиста появлялась то лягушка, то рыбка. Публика аплодировала, хотя у большинства посетителей это представление вызывало чувство отвращения, а у некоторых даже позыв к рвоте, но, конечно, без фокуса со стороны экспериментатора тут не обходилось. Выпускалось со струей воды содержимое желудка предварительно в закрытый рот и уже путем ощущения в полости рта языком выпускалось по требованию то или другое, т.-е. рыбка, или лягушка.

«В вызывании, по желанию, акта рвоты»,—пишет академик И. Р. Тарханов [1]),—«главным действующим аппаратом является механизм брюшного пресса, а действие последнего, как известно, состоит в том, что начинают сильно сокращаться мышцы брюшной стенки при сокращенной, т.-е. опущенной и фиксированной грудо-брюшной

[1]) Брокгауз - Эфрон. Библиотека самообразования, академика К. Н., Р. И. Тарханова „Дух и тело“.

преграде. Последствием подобной игры мышц является сильное надавливание на органы брюшной полости и преимущественно на желудок, из которого и выдавливается имеющееся в нем содержимое. Мышечные стенки самого желудка если и принимают, то лишь самое слабое активное участие в акте рвоты и в пользу этого говорит, повидимому, тот факт, что если заменить у животных желудок каким-либо пузырем, наполненным водою, то действием брюшного пресса можно и при этих условиях вызвать типичный акт рвоты.

Впрочем, в желудке происходит одно важное, активное явление при акте рвоты. Это расширение входа его, т.-е. того места, которым он соединяется с пищеводом.

Понятно, что если бы это место было сильно сжато, то как бы ни было сильно давление мышц брюшного пресса на желудок, содержимое его не могло бы быть выведено из него в направлении пищевода, а отсюда ко рту. Возможно, что воля влияет на эту малую, но зато важную часть всего механизма рвоты и что эта способность бывает развита у людей лишь в очень редких случаях". Зато у животных, добавляю я, эту способность мы очень часто замечаем. Собаки, лисы, барсуки часто прибегают к рвоте, дабы освободить желудок от неудобоваримых веществ, на минуту облегчить работу желудка и вновь съесть вырванное. Моя дрессированная россомаха, обжора в полном смысле этого слова, как-то умела и выбрасывать изо рта и почти одновременно выдавливать из желудка через задний проход, прибегая для последнего к надавливанию живота, путем пролезания между клеток и ящиков из-под реквизита.

Третий опыт с «Муаровой» заставляет меня предполагать у животных и еще новые способности проявлять свою волю на внутренний половой орган.

Заставляя очень часто свинку последовательно вынимать свой кал, тянуть себя за лапку, я получил неожиданный результат: утром в клетке у «Муаровой» мы нашли выкидыш.

Мало развитой, приблизительно недельный недоносок лежал на дне клетки с поранениями верхних покровов.

Морда и лапки у «Муаровой» были в крови. Повидимому, «Муаровая» сама себе сделала аборт. Так как самого акта, к сожалению, никто не видал, то и утверждать в положительном смысле я не решаюсь.

Наружный вид у свинки до выкидыша не давал возможности предполагать, что она носит детеныша. И ночью она ни разу не пискнула. Обыкновенно я, лежа в постели, долго пишу; каждый

шорох из соседчей комнаты, где находится «Муаровая», мне слышен. И в эту ночь я позднее обыкновенного заснул. И в то время, когда служащий пришел убирать комнату, он тоже ничего не слыхал и не видал. Могу только предполагать, что вследствие утрированных действий, очень частых наклонений и потуг для доставания кала, «Муаровая», бывши беременной, могла вызвать и родовые потуги, а затем, при появлении плода, «Муаровая» помогала себе, вытаскивая зубами мертвого детеныша, о чем свидетельствовала кровь на мордочке и лапках «Муаровой».

Во всяком случае, я этот вопрос для себя оставляю открытым.

Вот, приблизительно, те знания и вытекающие из них понятия, которые я составил себе о морских свинках. Но для того, чтобы изучить их детально, проверить себя в своих выводах, а также искать новое в психике животного, я и решил приступить сначала к субъективному, а потом и к объективному исследованию.

Предполагаю, что путем искусственного отбора, по заранее определенному плану, при помощи дрессировки, возможно производить со свинками опыты по наследственности различных психических явлений, связанных с поступками.

Исследование психики при посредстве дрессировки недрессированных и уже дрессированных животных, по моему, есть новый оригинальный путь к познанию природы наследственности.

Куда этот путь приведет — покажет будущее. Если мой новый способ и не приведет к желанной цели, то во всяком случае пропасть бесследно мой труд в этом направлении не может и должен оставить хотя бы какой-нибудь след на общей дороге к знанию.

Мнения других ученых о подходах к познаванию психики животных я привожу далее. В особенности интересными являются суждения по этому вопросу акад. В. М. Бехтерева.

Из книги „Общие основания рефлексологии“ В. Бехтерева.

(Глава XVII. Глава VII, стр. 62).

«Значение метода дрессировки в исследовании соотносительной деятельности. Исследование поведения животных при искусственно создаваемой обстановке. Целенаправляющий рефлекс».

В последнее время вновь получает особое значение и метод дрессировки [1]), которым мы первые воспользовались для выяснения

[1]) Метод не В. Л. Дурова, а общепринятый (автор).

локализации в мозговой коре заученных движений, представляющих собою вид тех же двигательных сочетательных рефлексов.

Сравнительно недавно были произведены по этому методу обширные исследования Гаше-Супле. [1]).

Недостатки этого метода заключаются в том, что самая дрессировка, в виду ее сложности и хлопотливости, зависит в значительной степени от искусства, к тому же метод этот не поддается точной регистрации и, наконец, он применим лишь на животных и неприменим по вполне понятным основаниям у человека. В виду этого мы должны были разработать вышеуказанный метод исследования двигательных сочетательных рефлексов с помощью электрического раздражения, который в одинаковой степени может быть применяем как к человеку, так и ко всем вообще животным.

Гаше-Супле при своих исследованиях над животными отчасти пользовался и нашим методом и также с полным успехом.

Тем не менее, метод дрессировки для животных не лишен ценного научного значения, и как мы знаем, с помощью этого метода были получены данные, заслуживающие нашего внимания.

Гаше-Супле в особенности широко воспользовался методом дрессировки для изучения развития инстинктов. Под дрессировкой понимается искусство приучать животных повиноваться словам, знакам или другим раздражениям, которые прежде не имели на них никакого влияния. Иначе говоря, дело идет о заученных движениях, выполняемых по определенному сигналу. Эта выучка животных достигается либо привлечением их к определенному объекту с помощью приманки, либо возбуждением к выполнению действия с помощью бича или иного, напр., резкого электр. раздражителя. При этом можно различить дрессировку в собственном смысле слова, когда получаемые эффекты суть явления привычки. Другие же процедуры, хотя и имеют отношение к привычкам, но в них человек участвует только в общей подготовке эксперимента, не пользуясь приемами действительной дрессировки.

Так, например, краб идет на свет свечи через маленькие ворота, приобретая постепенно привычку их проходить, и делает это все скорее и скорее. В сущности эти приемы не представляют дрессировки в собственном смысле слова, ибо световое раздражение не заменено какими-либо другими сигналами.

---

[1]) Hachet-Souplet. „La genese des instincts". Paris.

Здесь дело идет об установлении сочетания без повиновения человеческому сигналу и, следовательно, не относится к дрессировке в истинном смысле этого слова. Такие примеры можно найти и в самовоспитании. Вот, например, голубь, летая вокруг головы лошади, в первый раз испугал лошадь взмахом своих крыльев и тем заставил ее высыпать зерна из мешка, привязанного к морде лошади. Он, руководствуясь случайным опытом, повторяет затем тот же маневр и с тою же целью много раз.

Точно также известен пример щуки в опыте Moebius'а, которая, будучи отделена от рыбок стеклом, каждый раз, когда хотела схватить последних, ударялась своим носом в стекло. В конце концов она отвыкла бросаться на рыб, после чего, будучи посажена в один акварий с рыбками, уже их не трогала.

В первом примере с голубем дело шло о самостоятельно воспитанном действии, во втором случае—о воспитанной задержке действия. Обращаясь к нашей терминологии, мы скажем, что в первом случае образовался естественный сочетательный рефлекс, во втором случае задержался естественный сочетательный рефлекс, благодаря искусственно созданному условию.

По Гаше-Супле элементарная дрессировка состоит в раздражении, вызывающем эффективное динамогенное возбуждение, которое ассоциируется посредством механизма «возврата» с представлением, при чем последнее становится в свою очередь динамогенным.

То же явление происходит в естественных условиях жизни животных. Как дрессировщик управляет порядком раздражений, смотря по желанию, руководясь определенным планом, так и внешний мир управляет тем же порядком раздражений, получаемых свободными животными.

Нечего говорить, что рассматриваемый метод для рефлексологии животных имеет огромное значение в смысле изучения тех явлений, которые автор почему то относит без достаточных оснований к порядку инстинктов. Термином «инстинкт», или «инстинктивные действия» автор повидимому пользуется не в нашем смысле, а в смысле обычного в зоопсихологии противоположения этих действий тем, которые заведомо относятся к порядку так-называемых разумных. Этим самым его понятие инстинкта расширяется до той степени, что включает в себя и все сочетательные рефлексы, за исключением личных рефлексов.

Самый метод исследования Гаше-Супле в принципе является совершенно аналогичным нашему методу. «Предположим, говорит

автор, что животное приучено путем дрессировки выполнять реакцию вслед за чувственным раздражением. Если мы хотим выяснить существование чувствительности к раздражениям слуховым, обонятельным, зрительным и пр., то мы будем многократно вызывать при данных чувственных раздражениях эффективные состояния, сопровождающиеся определенной двигательной реакцией. Когда в данный момент чувственные раздражения, которые в первоначальном применении не производили реакций, в конце концов ста́нут ее вызывать без возбуждения эффективного раздражения, то этим будет доказано, что образовалась связь между двигательным импульсом, с одной стороны, и ощущением, вызванным раздражением, эффект которого желательно было узнать—с другой стороны. Если, наоборот, при этих условиях субъект остается инертным, то этим доказывается, что не существует соответствующих ощущений.

Ясно, что мы имеем здесь в субъективных терминах изложение основы того самого метода, которым мы пользовались в наших прежних работах.

Между прочим, автор при дрессировке животных, как мы уже и говорили, на ряду с приманками пользуется и электрическими разрядами, как способом вызывать угнетающий эффект в развитии того или иного инстинктивного действия.

Установив чувственную способность, экспериментатор, для определения ее остроты, будет повторять те же опыты, уменьшая интенсивность раздражения с каждым испытанием. Минимальная интенсивность раздражений, необходимая для заметной реакции, и обозначит низшую степень ощущения.

Надо заметить, что предисловие к книге автора помечено январем 1911 года, следовательно книга несомненно вышла много позднее наших трудов по объективной психологии. Да и в ней сделано указание на наш метод, как и на методы Павлова. Отсюда естественно, что методика Гаше-Супле представляет собою заимствование из работ русской школы.

Ясно, что со стороны своей сущности самый метод Гаше-Супле с нашей стороны не может возбуждать какого-либо упрека.

К сожалению, Гаше-Супле стоит вообще, как это видно из приводимых выше выдержек, на субъективной точке зрения. Так, на стр. 112 он говорит:

«При своей организации человек не может никогда признать в области субъективной ничего проще ощущения». «Когда стремятся объяснить его объективно, это не что иное, как грезы».

Затем автор говорит об аффективных ощущениях, resp. чувствах, и о чувственном представлении и, конечно, распространяет эти явления на животных. В другом месте он говорит: «Мы думаем и так, что Loeb ошибается, когда он создает бесполезную гипотезу, если, говоря о низших животных, отвергает ощущение, как необходимое промежуточное звено между внешним возбуждением и эффектом Низшие животные испытывают боль и удовольствие».

Далее в труде Гаше-Супле речь на каждом шагу идет о сознании и интеллигентности животных.

Равным образом и в опытной своей части автор не обходится без субъективизма. Эти «субъективные» толкования, естественно, вводят автора в заблуждение. Так, напр., касаясь вопроса об ассоциациях, он говорит, напр., о способе исследования путем дрессировки при участии самонаблюдения. Между прочим, в отношении закона ассоциации автор находит, руководясь самонаблюдением, что воспроизведение у человека всегда происходит в порядке исследования раздражения. У высших животных, интеллектуально развитых, например обезьян, он предполагает возможность того же процесса, но у огромного большинства животних ассоциации происходят будто бы в порядке, обратном последовательности событий.

Нечего говорить, что это одно из тех заблуждений, без которых не обходятся психологи «субъективисты», произвольно наделяющие мир животных заимствованными из собственного душевного мира переживаниями.

«Допустим, говорит автор, что животное дрессируют приходить на слово «сюда». Первоначально оно индифферентно и не выказывает реакции. Но затем ему предоставляют приятную пищу в виде приманки, которая заставляет животное приходить, что и составляет естественную реакцию. Но позднее можно устранить приманку, и слово «сюда», которое всегда предшествовало приманке, вызывает в свою очередь ту же реакцию».

Автор называет это законом «возврата», который в своей объективной сущности изучен гораздо раньше автора у нас в России и который нами обозначается законом сигналов.

При этом говорить о противоположности между человеком и низшими животными уже потому нельзя, что и у человека мы имеем при одинаковой постановке опыта те же явления. Этим мы не хотим умалить в общем очень ценных методологических указаний автора в области проявлений тех рефлексов у животных, которые он называет инстинктивными.

Но все же субъективное направление его работ выделяет его из целого ряда других авторов, держащихся, в отношении изучения поведения животных, строго объективного метода.

В Америке за последнее время сильно упрочилось объективное изучение зоопсихологии и почти каждый крупный университет образовал у себя кафедру animal Behavior, или науки о поведении животных. Издан даже ряд руководств в этой области Хельмса, Дженингса, Иошбери, Устеона и др., и вместе с тем издается специальный журнал «The Journal of Animal Behavior». Общий характер исследований основан на поведении животного при достижении им пищевой приманки в то время, как это достижение встречает то или другое затруднение на всем пути. Преодолевание этих затруднений, выраженное временем, необходимым для достижения пищи, и количеством уклонений, сделанных животными для достижения цели, и служит мерилом умственных способностей животных.

Одним из употребительных приборов для этого рода исследований является лабиринт. Это ящик, разделенный коридорами и слепыми тупиками, в середине же лабиринта устроена кормушка, где животное, впущенное в коридорную систему, получает пищу.

В этом лабиринте животное, после более или менее длинного ряда опытов, научается быстро и безошибочно находить свою пищу.

Выяснение вопроса о том, какие органы в этом отношении служат руководителями для нахождения пищи, может быть достигнуто или с помощью операции удаления тех или других органов, или с помощью введения тех или других нервных раздражителей. Уотсон, напр., этим путем доказал, что крысы, при добывании пищи в лабиринте, пользуются главным образом кинэстетическими чувствами и отчасти осязанием, при чем слепые и лишенные обоняния крысы достигают цели в общем так же быстро, как и нормальные.

Однако, зрение не остается без влияния в отношении достижения цели. Это доказано работой Стелли Винцент, которая для своих опытов с лабиринтом окрашивала стенки и полы коридоров лабиринта разным способом, напр., правильный путь был окрашен блестящим белым, а тупики в черный цвет. Выяснилось, что в таком лабиринте крысы скорее находят свою пищу, чем в простом лабиринте. Так, если, напр., при обучении в обыкновенном лабиринте крысам в первом опыте требуется для достижения цели 1804 сек. и они делают сначала 149 ошибок, то в окрашенном цилиндре крысы достигают той же цели в 1342 сек., при 7 и 5 ошибках. Также и число ошибок быстрее сокращалось в последующих опытах. Однако,

руководство зрением не оказывало особого влияния на конечные результаты, ибо в конце обучения крысы проходили требуемый путь безошибочно в одинаковое время. Автор отсюда заключает, что зрение помогает лишь в периоде обучения, в конце же обучения вырабатываемый автоматизм руководится главным образом кинэстетическими импульсами. Подобную же вспомогательную роль играет у крыс, как показали аналогичные опыты, обоняние, а позже и осязание.

Опыты с крабами Шварца и Сафир показали, что и с беспозвоночными животными удаются опыты с лабиринтом, хотя относительно их способности к обучению был проявлен скептицизм со стороны.

Другого рода опыты с иными аппаратами применялись для исследования воспринимающих органов, напр., слуха у собаки и крыс Джонсоном и Гентером. Оба автора пришли к выводу, что собаки и крысы не различают чистых тонов. Опыты же Гентера привели к выводу, что крысы руководятся шумами и скоро приучаются к локализации их.

Опыты с собаками на чистые звуки, однако, стоят в противоречии с опытами, произведенными в Петрограде докт. Зеленым и у нас докт. Протопоповым, применявшими более точные методы, и потому нуждаются в соответствующей проверке.

Интересны также опыты над различением цветов животными. Задача эта, видимо, одна из труднейших в опытах этого рода.

В прежнее время не было и сомнения в отношении различения животными цветов. На этом факте строилась теория покровительственной окраски или мимикрии и теории полового подбора. Также и симбиоз насекомых с цветками основывался на предположении различения насекомыми ярких цветов. Но вот ученый немец Иессе на основании опытов стал доказывать, что беспозвоночные совершенно не различают цветов в той или иной степени. Однако Фриш решительно высказался против взглядов Иессе и пришел к выводу, что пчелы, напр., отлично различают цвета. В лаборатории И. Павлова доктором Орбели, на основании опытов со слюнными рефлексами, утверждалось, что собаки не обнаруживают различных реакций на цвета, тогда как в нашей лаборатории докт. Вашикер убедился с помощью сочетательно-двигательного метода, что собаки не одинаково реагируют на цвета. Также и другие авторы пришли к результатам противоположным д-ру Орбели.

Не очень давно Jerkes в Америке потратил немало труда на выяснение способности различать цвета дикими голубями с помощью

особого, устроенного им аппарата. Автор после долгих опытов пришел к выводу, что голуби определенно выбирают красный цвет из двух цветов, красного и зеленого. Однако автор не решает вопроса, не зависит ли это различение от различной яркости того или другого цвета.

Дополнением к этой работе может служить исследование Лешли, ученика Уотсона, работавшего над молодыми бентамскими курами. Прежде всего выяснилось, что цыплята представлялись с самого начала позитивно фототропичными.

Автор первоначально воспитал сочетательный рефлекс на яркость света, после чего он перешел к выяснению влияния хроматических стимулов. В конце концов автор приходит к выводу, что куры различают от четырех до шести различных цветов, как напр., зеленый, красный, красновато-оранжевый и желтый.

Де-Вос и Рода Гансен, работавшие над кошкой, пришли к выводу иного рода неспособности кошек различать цвета. Кошки в этом случае были на свободе, стимулом же служил не спектральный свет, а цветные бумажки, которыми закрывалось отверстие ящика. В конце концов автор пришел к выводу, что кошки реагируют на яркость света, а не на цвета.

Возможно, что причина разноречия такого рода опытов заключается ни в чем другом, как в самой методике исследования

Наконец заслуживают внимания исследования по методу естественного выбора Jerks'a. Этот метод состоит в том, что из серии механизмов исследуемые животные должны научиться выбирать один, при чем правильный выбор дает ему, то или другое удовлетворение, напр., пищу. При этом вслед за достигнутым выбором число или положение механизмов подлежащих выбору, подвергаются изменению. Опыты производились над птицами и млекопитающими до человекообразных обезьян включительно. По мнению автора его метод дает возможность сравнительной оценки умственного развития животных.

Заслуживают также внимания исследования относительно подражательной способности животных, произведенные первоначально проф. Торндайком и с отрицательным результатом, и позднее д-ром Барри в лаборатории Jerks'a над кошками с положительным результатом, и опыты Киннамана над обезьянами, также с положительным результатом.

В подробности этих и других работ, выгодно отличающихся строго объективным направлением, мы входить здесь не будем.

Во всех только что указанных опытах, не исключая и последних, авторы пользовались приманкой на пищу, которую животные должны были себе добывать. Таким образом, в приведенных исследованиях над животными дело шло о целенаправляющем рефлексе. У человека, у которого преобладающими являются более высшие интересы, вышеуказанная постановка опытов, по вполне понятным основаниям, неосуществима. Но для человека цель может быть создана либо путем предоставления ему тех или других призов, либо путем предварительного соглашения с экспериментатором. Так, он может выполнять, то или иное задание, напр., выбор тех или иных объектов из целого ряда других, производить умственный счет, складывать сложные рисунки из отдельных частей, разрешать определенные задачи, составлять фразы при определенных условиях и т. д.

При такого рода опытах должно быть подсчитываемо время, необходимое для выполнения задания, при чем должно принимать во внимание и качество самого выполнения, выражаемое количеством сделанных ошибок.

Нечего говорить, что целенаправляющий рефлекс представляется более сложным по сравнению с иными сочетательными рефлексами, ибо мы видим в нем соподчиненную связь целого ряда сочетательных рефлексов, направленную для достижения определенной цели. Но в этом случае мы встречаемся с большой зависимостью от индивидуального положительного или отрицательного отношения к производству опытов со стороны самого испытуемого, что должно быть всегда учитываемо экспериментатором, тем более, что человек не может ставиться в положение животного, вынужденного голодом стремиться к добыванию пищи [1]). С подобным отношением мы можем встречаться в особенности в случаях заинтересованности лица противодействовать правильному получению результатов. Вот почему эксперимент в этом случае должен пополняться еще и соответствующим наблюдением над испытуемым, которое само по себе, как и самый эксперимент, должно быть строго объективным.

Все дрессировки животных механическими способами, как я уже ранее упоминал, составляющие тайну профессионалов дрессировщиков, повидимому воспроизводятся различными учеными для достижения результатов в разных научных опытах. Разве не есть это та же самая

[1]) В свою очередь и при опытах над животными нельзя не учитывать того обстоятельства, что исследование производится в состоянии умеренного голода, ибо оно, очевидно, дало бы другие результаты, будучи производимо в сытом состоянии животного.

механическая дрессировка, как, напр., у Jerkes и Dodson [1]), которые научили крыс различать белый и черный цвета следующим образом: если она устремлялась в окрашенное черной краской помещение, то она получала электрический удар. По прошествии некоторого времени она стала избегать черного цвета.

Акад. Бехтерев применяет к животным тоже раздражение электричеством, холодом, теплом, особо приготовленной шеткой и т. д. Акад. Павлов, производит на собаках со слюнными фистулами, опыты посредством хирургических операций, при чем собаки устанавливаются в особый станок, применяется вкусопоощрение. Признаком наличия условного рефлекса служит отделение слюны. Путем разнообразных комбинаций раздражений разного рода, торможений, а иногда и тех и других операций на мозгу животных, получен весьма разнообразный и богатый материал по условным рефлексам.

Все эти опыты, суть одни сложные, другие попроще, но сама сущность от этого нисколько не меняется, так как неизменно при этом животное испытывает либо боль, либо другое какое-нибудь неприятное ощущение, являющееся громадным тормазом.

Одна из главных целей ученых—вызывание простых условных и сочетательных рефлексов, но самый способ вызывания тоже механический, насильственно болевой, он производит во многих случаях торможение вызываемых рефлексов, отчего не получается чистоты и точности. Вот что писал по этому поводу сам акад. Бехтерев, тогда еще не ознакомленный с моим методом (в его книге: «Объективная психология», стр. 358). Акад. Бехтерев при этом основывается на опытах как своих, так и акад Павлова, главным образом по получению рефлексов, воспитанных у животных путем различных раздражений, как напр., действие кислотой, электротоком, чесание, тепловые или холодные раздражения, звук, свет, запах и т. д Разделяя метод акад. Павлова и свой, акад. Бехтерев называет первый—методом вызывания сочетательного слюнного рефлекса у собак, второй—методом исследования искусственных двигательных, сочетательных рефлексов. Об этом акад. Бехтерев говорит следующим образом: «Приводя все вышеуказанные данные, мы не можем не оговориться, что самый метод вызывания сочетательного слюнного рефлекса у собак не обладает такой чистотой и точностью, как метод исследования искусственных двигателей сочетательных рефлексов».

---

[1]) В. Вагнер. „Сравнительная психология". СПБ и Москва. 1913. Стр. 369.

Но, принимая во внимание, что, как метод акад. Павлова, так и метод акад. Бехтерева оба являются механическими, для животного часто болевыми, оба эти метода не лишены сопутствующих им явлений торможения, вредно отражающихся на чистоте и точности их, в то время, как мой метод внушенных эмоциональных рефлексов, не будучи по своей природе ни механическим, ни болевым, повидимому, не должен вызывать этих отрицательных явлений торможения.

Я уже говорил выше, что ассоциативных актов очень много и они крайне разнообразны. Как яркий пример ассоциации идей приведу следующие три опыта: с курицей, с крысой и с морскими львами.

Опыт IV. Мне нужно было получить рефлекторную мимику курицы, дабы показать ее публике, как танцующую—выделывающую ногами па. Я сначала приучил ее настолько, что она смело брала из моих рук кусочки мяса, затем повадко-приманкой я заставлял ее повертываться кругом на одном месте, как я это учил и других животных (морских свинок, крыс, пеликана и др.). Когда она усвоила это верчение, научилась «вальсировать», я насыпал на стол слой земли и у нее на глазах зарывал в эту землю кусочки мяса, зерна, овса, крошки и т. д. Курица делала привычное движение ногами, разбрасывала землю и, желая схватить пищу, порывалась клюнуть. Я предупреждал это движение, давая ей тотчас же пищу из руки, закапывая вновь эту пищу, которую она успела откопать. Каждый раз тормозя желание курицы клюнуть зарытую пищу, я добился того, что она зазубрила движение только ногами, и у нее естественный рефлекс разрывания земли перешел в условный. Закрепив у нее в памяти этот условный рефлекс, я постепенно повадко-приманкой переводил ее на гладкий, незасыпанный землею край стола. Впоследствии она привыкла перебирать ногами на гладком столе без земли, а затем и на полированной поверхности музыкального ящика, где она прекрасно производила все движения под музыку. Я не давал угасать условным рефлексам, заставляя курицу шаркать ногами без вкусопоощрения все большее и большее количество раз, пока не достиг нужного предела.

Вследствие постоянного поедания курицей мяса, у нея на верхней части клюва прилипали остатки пищи. Естественное чувство чистоплотности заставляло ее, вытирая клюв, двигать им часто вправо и влево по столу. Движение это я также постепенно закреплял вкусопоощрением, а когда она долгое время не производила их, то я, давая ей мясо, старался искусственно вымазать мясом клюв, чем добивался вновь чистки его, таким образом этот рефлекс также перешел в условный.

Таким путем закреплены были последовательно 3 рефлекса:

1) вальсировать—вертеться,

2) шаркать ногами—делать па,

3) водить клювом—чистить его.

Два первых рефлекса закреплялись еще звуками музыкального ящика, пускаемого в действие и останавливаемого в нужное мне время. С прекращением звуков музыки у курицы прекращались главные два рефлекса.

Вслед за этим была приставлена к краю крышки музыкального ящика цитра под наклоном к поверхности крышки.

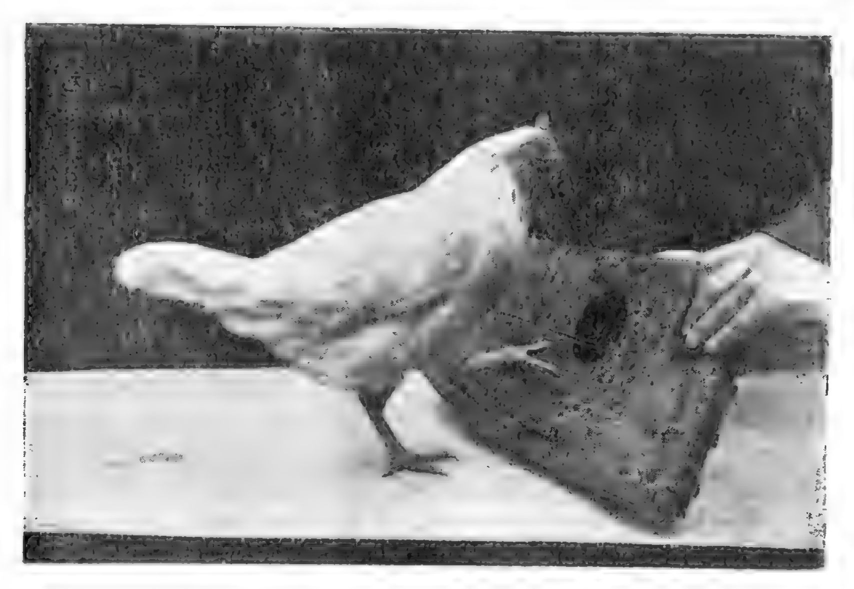

Рис. 43. Дрессированная курица, играющая на цитре.

В цитре имелось обычное круглое отверстие. В это отверстие мною просовывалась пища с задней стороны цитры. Курица раза три получала пищу даром, а затем подача пищи мною прекращалась. Курица начинала искать пищу и производить свои па по столу. Не дождавшись за эти па пищи, она сделала движения третьего рефлекса, то есть повела клювом по сторонам вправо и влево, за что и получила сейчас же вкусопоощрение. Воспитав и это движение достаточно прочно, я временно прекращал вкусопоощрение и курица тогда вместо третьего установленного рефлекса сделала по струнам нетерпеливое движение па—второго рефлекса, которое и было закреплено мною, как и все предыдущие. Получился такой эфект.

Как только раздавались звуки музыкального ящика, курица начинала делать пируэты на одном месте, повертываясь и как бы вальсируя, затем делала правой и левой ногой движение в разные стороны, изображающие балетные па, похожие на „pa de pas“, а при прекращении музыки прекращался и танец. Тогда подставлялась цитра и курица тотчас же водила клювом по особо настроенным струнам, а затем делая правой ногой движение по всем струнам и цепляясь когтями за них, производила как будто бы заключительные аккорды. (См. рис. 43).

В своей обыденной жизни эта курица вывела цыплят и гуляла с ними по саду. При моем появлении в саду однажды с тарелкой мяса в руках курица моментально устремилась ко мне, зовя за собою цыплят. Остановившись у моих ног и подняв к верху голову, в ожидании вкусопоощрения, она поспешила сделать свое па на песке дорожки сада и тотчас же по получении мяса она передала его своим цыплятам, которые тут же стали вырывать его друг у друга. Курица же вновь стала повторять па и, вновь получив пищу, снова передала ее цыплятам. Это продолжалось долго и курица только тогда сама съела мясо, когда цыплята, наевшись отошли в сторону.

Аналогичный случай у меня был с крысами.

Опыт V. В клетке с сетчатыми стенками, с открывающейся вверх глухой крышкой, моя альбиноска крыса «Пеночка» родила шесть крысят. В устроенном ею из сена гнезде слепые малыши лежали в куче. Я поставил клетку на середину большого обеденного стола и открыл крышку. «Пеночка» вылезла наружу на крышку, соскочила на стол, обнюхивая его, подбежала к краю стола ко мне. Получив от меня подсолнух, она тут же его съела. Затем я заставил ее сделать заученное ею ранее движение перевернуться и дал ей подсолнух. А затем я дал ей кусочек газетной бумаги. Она взяла его в зубы, бросила около себя, обнюхала его, а затем, взяв вновь его в зубы, побежала с ним в клетку и, спустившись по стенке вниз, положила бумажку в гнезде, и сейчас же тем же путем выскочила и снова подбежала ко мне. Я поднес к ее мордочке бумажку, она к ней потянулась, но я не дал ей, отняв руку с бумажкой, тогда через 2—3 секунды «Пеночка» сама перевернулась кругом и, получив бумажку в зубы, сейчас же побежела к гнезду, где и сложила клочек. Так продолжалось несколько раз. Крысята ее выросли большими, гнездо было быстро ими же разорено. Прошло $2^1/_2$ месяца и моя «Пеночка», пересаженная в другую клетку, принесла новых крысят. Я продолжал наблюдения за ней, чтобы проверить, не забыла ли «Пеночка» этот первый случай. Приведу выписку из дневника 7 ноября 1922 года.

«Пеночка» сидела в гнезде со своими крысятами. К гнезду было собрано все, что находилось в клетке, т.-е скорлупа подсолнуха, у основания гнезда из сена, окаймляющего полукругом все гнездо, которое в углу между двумя стенками возвышалось более чем на 3 вершка от пола. Одна стенка этого угла глухая деревянная, другая боковая сетчатая металлическая, эта стенка позволяла наблюдать близко гнездо. В гнезде, кроме положенного аккуратно сена, были клочки бумажки. Сбоку гнезда лежала, полуприкрывая внутренность, кверху дном, железная поилка. Служащий ворчал, что каждый раз, как он поставит поилку с водой, крыса проливает всю воду и тащит жестянку к гнезду. Корм, т.-е. кусочки хлеба, все находится в гнезде, кроме овса, который рассыпан, и частью мокрый лежит по всему дну или полу клетки. Я отворил дверцу клетки. «Пеночка» тотчас же покинула гнездо и вылезла наружу, находясь на крышке на пороге дверцы Я взял в руку клочек ваты и сделал движение вправо, сказав «перевернись». «Пеночка» не забыла и перевернулась и взяв из моих рук вату, поспешно отнесла ее в гнездо, где и положила на детей. Тотчас же возвратившись обратно, снова перевернулась уже сама, без приказания и получила другой кусок ваты, который, как и первый был отнесен в гнездо. Я повторил этот опыт несколько раз.

Из этих двух случаев у курицы с цыплятами на свободе в саду и у крысы с ее крысятами проявились движения, ясно доказывающие наличие ассоциации идей, т.-е. эмоциональные чувства материнства ассоциировались с рядом движений, заученных прежде, т.-е. в первом случае желание накормить цыплят, во втором случае инстинктивное желание создать уютное гнездо для крысят—заставили курицу шаркать ногами, а крысу поворачиваться.

Повидимому, у крысы налицо проявление атавистической привычки—ассоциация инстинктивного рефлекса к строительству гнезда с чувством материнства, и вместе с тем ассициация с идеей заученных движений, в данном случае переворачиванием на одном месте. У курицы аналогия проявляется в движении ног, якобы разрывающих землю для добывания пищи цыплятам—ассоциация идей врожденного инстинкта и заученного движения, с идеей кормления детей.

И в том и в другом случае три идеи ассоциируются в одну.

Опыт VI. С ластоногими. Предлагаю вниманию читателей раньше познакомиться с выдержкой из следующей моей книги:

«Мои четвероногие и пернатые друзья». Зоопсихологический очерк Владимира Леонидовича Дурова. Морские львы.

Несколько лет тому назад я был в Гамбурге и купил там, в зоологическом парке Карла Гагенбека, многих животных, а в их числе двух морских львов «Лео» и «Пицци». (См. рис. 39).

Особенно интересным оказался молодой морской львенок «Лео». Наблюдения, которые я произвел над ним, и которые будут описаны ниже, я рекомендую вниманию лиц, изучающих зоопсихологию.

«Лео» в очень короткое время научился расставаться со своей стихией — водой и подолгу пребывать на арене цирка. Он по команде кувыркался. Прекрасно балансировал мячом. На мой вопрос, где находится съеденная рыба, он хлопал по животу своим ластом. Стрелял из пистолета. Кланялся. Произносил первую букву азбуки. Впрягался сам без всякой посторонней помощи в тележку и увозил меня с арены.

В конце 1909 года я купил в Петербургском зоологическом саду еще одного морского льва «Ваську». Он прожил в саду 7 лет. Дрессировать его никто не пытался. Ухаживающий за ним приучал Ваську лишь брать рыбу из рук. И только. Я начал приучать его к себе, но все было напрасно. «Васька» был свиреп, пуглив, нелюдим. Когда я к нему приближался, он стремительно погружался в воду. Высовывал из воды голову только тогда, когда голод заставлял его схватить плававшую на поверхности рыбу.

Я пришел к заключению, что, вероятно, с ним в зоологическом саду обращались очень сурово, и поэтому он так угрюм и озлоблен.

«Ваську» я поместил в один бассейн с «Лео». Сначала они дрались, но потом помирились. При моем приближении «Лео» выскакивал на площадку, которая была устроена в бассейне, кричал и приветствовал мой приход. «Васька» только боязливо высовывал голову и несмело оглядывал меня. Когда «Лео» получал рыбу через прутья клетки, «Васька» оскаливал зубы. После еды «Лео» кидался в бассейн с площадки, а «Васька» находясь еще всем телом в воде, клал голову на площадку.

Прошло еще некоторое время. «Васька» уже решался сидеть на площадке. Тогда я начал подумывать и о его дрессировке. Клетка открывалась, к ней приставлялся скат из досок, который вел на арену. «Лео» мигом выскакивал из воды, сползал по досчатому наклону вниз, бежал прямо к своей тумбе на арене, садился на нее и терпеливо ожидал. «Васька» же только вылезал на скат, усаживался на пороге клетки и с завистью поглядывал на «Лео», не решаясь следовать за ним.

Насытившись рыбой, Лео спокойно возвращался к себе в бассейн, и поглядывая на Ваську, отстраняя его с пути и погружался в воду. Клетка опять запиралась. Так шло несколько дней. В одну из

репетиций и «Васька» наконец, решился опуститься по скату на арену. Видя, что никто не обращает на него внимания, он подполз к тумбе, приготовленной для него (на другой, рядом, уже сидел Лео), но сесть на нее не решался. В это время «Лео» соскочил с тумбы, ткнул носом «Ваську» и опять вскочил на свое место. Я бросил «Ваське» любимую рыбу, он поймал ее на лету. Но мой неосторожный шаг вперед спугнул «Ваську», и он повернулся, чтобы удрать назад в клетку. Тут «Лео» опять быстро соскочил с тумбы, пересек «Ваське» дорогу и, несмотря на свой гораздо меньший рост и меньшую силу, остановил его, упершись в него шеей.

«Васька» в раздумьи остановился на полпути. «Лео» еще с минуту придерживал его шеей, затем задорно повернулся и побежал на свое место, как бы говоря всем своим существом «Ваське»: «Видишь»...

Я был поражен. Первый раз в жизни я был свидетелем того, как одно животное дает «предметный урок» другому (я, конечно, исключаю те случаи, когда мать учит своих детенышей).

Получив рыбу, «Лео» оглянулся на «Ваську» и коротким лаем словно приглашал его—«не бойся, иди, получишь рыбу»...

«Васька» смелее двинулся к тумбе, а «Лео» с высоты своей тумбы выказывал признаки большого удовлетворения по поводу успехов «Васьки»... Я положительно не мог удержаться, чтобы не расцеловать «Леочку».

Другой такой же случай. В Петрограде, после представления, когда вся публика разошлась, я решил сделать репетицию моим морским львам, зажег электрический свет и приступил к делу. «Васька» уже важно восседал на тумбе, как и «Лео», и спокойно глотал рыбу. Я решил продолжать дрессировать «Ваську», задавая ему еще более сложные задачи.

Беру мячик и бросаю его в «Лео». Он превосходно знает свое дело и отбрасывает мордой мяч назад. Я меняю направление мяча и бросаю его в сторону «Васьки». «Васька», как ужаленный, срывается с тумбы и стремится через барьер в места публики. Рушатся кресла. Он перелезает уже второй ряд кресел. Находившиеся на репетиции две дамы сидевшие неподалеко, бросаются в разные стороны. Вдруг «Лео» опять соскакивает с тумбы, бежит в проход между рядами и преграждает Ваське путь, (см. рис. 39). Васька стоял с разинутой пастью, словно потеряв рассудок от всего этого происшествия.

Тогда «Лео» стал осторожно, нежно тереться своей мордой о шею «Васьки». Ласки эти сделали свое дело, «Васька» пришел в себя. «Лео» с коротким лаем «а-а-а» стал пробираться обратно на арену.

За ним последовал все еще возбужденный «Васька», переваливаясь и спеша, словно боясь отстать от «Лео». Громадный «Васька» рядом с маленьким «Лео» казался теперь очень смешным. «Лео» дошел до своей тумбы и спокойно взобрался на нее в ожидании награды. А «Васька» прижался к тумбе «Лео» и дальше не двигался. Тут «Лео» стал отпугивать его своими зубами. «Ваське» ничего не оставалось, как пойти и сесть на свою тумбу.

В следующий раз я бросил мяч сначало в «Лео», а затем через «Ваську», чтобы он привык хотя бы к пролетающему мячику. «Васька» опять сделал попытку удрать, но «Лео», следивший за ним, сделал в свою очередь попытку преградить ему путь к бегству, и «Васька» одумался. Но вот мяч пролетает уже совсем близко от «Васьки». «Васька» оскаливает зубы. Наконец, мяч налетел прямо на него. Васька быстро хватает резиновый мяч в пасть редкими, но острыми зубами, прокусывает его и с остервенением бросает в сторону...

Сильное угощение вкусной рыбой опять восстанавливает утраченное «Васькой» душевное равновесие. Я начал пробовать приучать его к поглаживанию рукой. Правой рукой я подносил животному рыбу, а левой чуть-чуть прикасался к шеи. Так раз двадцать. Наконец он кое-как привык к прикосновению левой руки, и я рискнул даже прикоснуться к «Ваське», не имея в руках рыбы. Сошло, «Васька» снисходительно позволил себя погладить и даже слегка похлопывать. При такой наличности маленькой дружбы я опять принялся за опыты с мячом.

В правой руке у меня была рыба, а в левой мяч. Рыбу „Васька“ с аппетитом уничтожил, но приближение мяча его опять рассердило, и он толкнул мячик зубами. Мяч упал на арену. Тут пришел мне на помощь опять мой милый «Лео». Он слез с табурета, деловито побежал к валявшемуся в песке мячу и приткнулся к нему носом, не отнимая его от мяча с полминуты. Этим он вне всякого сомнения показывал «Ваське», что мяч не следует кусать и что его нечего пугаться.

Таким образом я убедился, что у животных имеются свои педагоги. В конце-концов, «Васька» постиг учение и выполнял почти все то, что проделывал даровитый, удивительный «Лео», хотя и не с таким совершенством. И я начал показывать «Ваську» вместе с «Лео», на публичных представлениях. Во время второго представления случилась неприятность. Все еще таивший в себе дикость «Васька» прокусил мне своими острыми зубами ногу [1]). От рыбного яда могло бы

[1]) Так как морские львы питаются только рыбой, то у них между зубов остается остаток пищи, которая гниет, укус же хищника вследствие этого опасен.

произойти у меня заражение крови. Находившийся здесь же мой друг детства А. И. Куприн (известный писатель) безжалостно выдавил из раны кровь и промыл ее водкой. Может быть, это спáсло меня от опасности.

Еще до этого случая знаменитый писатель подружился с моими морскими львами, и у нас имеется фотографическая карточка, изображающая А. И. Куприна и меня в обществе королей морской бездны, снятая в Московском зоологическом саду во время акклиматизационной выставки в 1909 году.

Александр Иванович Куприн подарил мне свою книгу со следующей подписью: «Милому и талантливому Владимиру Дурову. В память нашего детства и в воспоминание об Антонио, о котором сказано на 258 стр.

А. Куприн.

Как поживают «Лео» и «Пицци». Браво—им. Об уме и логическом мышлении Лео я еще буду писать».

Вот как отнесся к случаю с морскими львами известный критик Перцов.

Привожу отзывы печати о книге моей «Мои четвероногие и пернатые друзья». «Новое Время, от 3 марта 1912 года.

«Мои четвероногие и пернатые друзья» очень интересная книжка не только для детей, но и для взрослых, и даже для читателя, склонного к философии: для такого, может быть, даже всего интереснее, потому что редко можно найти что-нибудь из области зоопсихологии столь непосредственно «эмпирическое», как наблюдения и выводы из долгой практики известного г. Дурова. Он не только любит животных, как редко кто, но и умеет следить за их психологической жизнью, которую сам вызывает. Под руководством умелого наставника «дума» животных как бы просыпается от своего природного сна, и перед нами открывается зрелище ну, в роде того, какое представлял Ломоносов, когда он из Холмогор попал в столицу. Вот, например, ластоногое—«морской лев». Кажется, чего можно ожидать от этого неуклюжего парадоксального животного? Но, пройдя любящую школу своего просветителя, ластоногий Ломоносов дошел до того, что не только кувыркался по команде и балансировал мячом, но даже на вопрос, где находится съеденная рыба, хлопал себя по животу своим ластом и «произносил первую букву азбуки», т.-е. издавал звукоподражательный звук на «а». Это шуточная сторона дела, и уже чем-то больше шутки звучит в рассказе как тот же

«гениальный» «Лео» обучал своего младшего сотоварища, некультурного «Ваську» всем пройденным им самим этапам дрессировки. Искренний тон рассказа (как и всей книжки) исключает всякое подозрение в фантазировании или преувеличениях. Вам остается только признать, что если «душа» животных есть «пар», то отличается этот пар от нашего собственного лишь степенью давления.

Об интеллигенции животного мира, как собаки и слона, уже и говорить нечего. Собаки, например по утверждению г. Дурова, умеют считать до четырех (предел счета и для многих дикарей) и имеют ясно выраженные музыкальные способности. Они также в высшей степени поддаются гипнозу, кошки, наоборот, «скрытны и самостоятельны».

Даже такие звери, как крысы, свиньи, барсуки и ежи проявляют совершенно неожиданные дарования. Еноты у г. Дурова пьют чай из самовара, как московские купцы, цапля шествует по шпалам, изображая прогоревшего актера, а баба-птица танцует, подражая знаменитой босоножке Дункан.

Неудивительно, что г. Дуров категорически отказывается признать психическое превосходство человека над животными и предпочитает условный вывод «он умен по своему, оно—по своему, это не поддается сравнению». Что сказал бы о таком резюме великий Декарт, утверждавший серьезно (на основании своего философского априори, разумеется), что животные суть не более как «оживленные машины», а визг и вой побитой собаки считавший не выражением боли, а лишь психически издаваемыми звуками. Так далека была от реальной природы человеческая мысль на своем выходе от отвлеченного средневековья. За три прошедших столетия мы несомненно приблизились к окружающему нас миру и вместе с тем настолько же потеряли «афронт» в нашей человеческой гордыне. Повторяю, книжка г. Дурова гораздо интереснее, чем может показаться с первого раза. П. Первов».

Логическое мышление у ластоногих. Можно ли обойти молчанием—сообразительность Лео,—что это за процесс мышления, не есть ли это логическое построение мыслей, отвергаемое учеными—у животных.

Разве можно назвать случайностью факт проявления ума у моего морского льва – Лео, который помогал мне дрессировать своего собрата «Ваську» «Лео» соображал рассуждал и взвешивал свои действия и их последствия. Он действовал совершенно сознательно, а не инстинктивно-бессознательно. Вполне понимая, что после нужных мне движений, Лео получает по одной рыбке, а потом,

когда это движение сливается и образует нужное целое действие, то он получает много рыбок, «Лео» во время процесса внимательно следит за мной и за каждым моим движением. Сосредоточенность у него была невероятная. У нас с ним устанавливается после долгих репетиций особый внутренний контакт, изредка нарушаемый побочными причинами. Когда контакт прерывается,—Лео старается его восстановить, делаясь особенно внимательным, о чем говорит вся его поза (мимика, глаза) и вытянутая шея и т. д. В тех случаях, когда Лео бывает нетерпеливым, спешит получить рыбку,—он теряет нить, т.-е. наш контакт, но тотчас же начинает самостоятельно производить различные движения, заранее выученные им. Торопливо заменяя одно движение другим, он как бы спрашивает меня, не это, не это ли.—И видя мое неподвижное стояние, понимая его, как отрицание, он начинает терять терпение, зевает, что у львов, как и у собак, выражает нетерпеливое, тоскливое чувство. Но вот, я не даю чувству тоски и недовольства перейти в злобу или апатию, передвигаюсь, чем заставляю переместиться льва, и снова, показав ему рыбку, возбуждаю его деятельность. Он снова следит за моими движениями,—я опять стараюсь вызвать у него нужное мне действие или позу. Наконец, в одном случае случайно, или в другом умышленно, «Лео» производит нужное движение. Я тотчас же даю ему рыбку. Он повторяет это движение нерешительно—получает рыбу, в третий раз он уже более уверенно производит его—получает рыбку, и контакт восстановлен.

Все время, пока «Лео» работает, он следит за мною и я за ним. Но вот что-то внешнее мешает нам (в данном случае испуганный «Васька» соскакивает с тумбы и удирает), я прерываю общение с «Лео», бегу за «Васькой». «Лео» понял, что «Васька» причина... Видя «Ваську» испуганного, убегающего и зная, что контакт со мною благодаря этому прерван, «Лео» идет мне навстречу, соскакивает со своего места, тоже бежит за «Васькой» и шеей своей его останавливает. «Васька» испуган—«Лео» движением и трением своей морды по шее его успокаивает. В этом случае ясно выражается у «Лео» последовательный процесс мышления и яркое представление нужных ему действий. Разумный акт налицо, ход умозаключения у ластоногого продолжается логическими действиями. Успокоив «Ваську» поглаживанием своей мордой его шеи, «Лео», немного выждав, начинает грудью и шеей напирать на «Ваську», толкая его по направлению арены к тумбе, (см. рис. 44). Потом отправляясь от него и делая несколько шагов к тумбам, «Лео» опять возвращается и

опять толкает шеей «Ваську». Этими движениями он сознательно приглашает «Ваську» возвратиться назад и занять прежнее место (показательный урок). Наполовину успокоенный и толкаемый на арену, «Васька» нерешительно, но все-таки подчиняется своему собрату. Я во-время и осторожно даю рыбу, чем окончательно восстанавливаю душевное равновесие льва. «Васька» снова на своей тумбе, падающий мяч опять вызывает испуг у «Васьки». Он делает движение бежать, (см. рис. 45), но «Лео» зорко следит за нами обоими (за «Васькой» и за мной), моментально соскакивает со своей тумбы и стремится пересечь путь к отступлению «Ваське». Образ действий «Лео» ясно говорит за последовательность рассуждений и умозаключений ластоногого. А когда катившийся по ковру мячик испугал «Ваську», тогда «Лео» подбежал к мячу и ткнул его носом и, догнав мяч, снова носом своим прижал к земле. Он этим всем, разве не ясно говорит: «смотри, мол, «Васька», этот движущийся предмет не страшен и безвреден».

Все последовательные разумные движения морского льва, фактами доказали нам, по моему, что здесь не инстинкт бессознательный, а в полном смысле сознательное разумное действие животного. Я не хочу преувеличивать. Все эти переживания «Лео» я, конечно, описываю с субъективной точки зрения. Наблюдая таким путем много лет выражения при различных ощущениях у животных, я в данном случае с львами изучил целый ряд выражений и поступков у морских львов, которые только потому получили субъективную оценку, что никакие объективные методы тут не могли быть применены. Я не монист сверху. Старому опытному артисту, дрессировщику, как мне, стыдно было бы увлекаться и обманываться. О, нам артистам и фокусникам представляется вводить в заблуждение публику (ради эффектов), а не самим заблуждаться.

Я отлично знаю, что «Лео» не для того все вышеописанное проделал, чтобы мне помогать специально учить «Ваську», для меня ясно, что главная цель у него получить рыбу и как можно чаще, скорее и больше. Но я не монист и снизу, и рассуждаю так: благодаря именно конечной цели удовлетворения требования желудка и только для этой цели мозг «Лео» работал и работал логично. Здесь чувствуется ясно сознание и обдуманная воля. Попробуем разберемся подробнее... Инстинктивные, бессознательные действия в данном случае, или сознательно-разумные. Вот что пишет профессор В. Вагнер в своей книге «Биологические основания сравнительной психологии» (Биопсихологии) на стр. 270 в главе VII том II-й. Разум животных и его отличие от инстинкта:

...«Целый ряд фактов дает нам основание думать, что определенные сферы головного мозга стоят в связи с определенными чувственными ощущениями».

...«Основной признак разумной деятельности Эдингер формулировал так: о разуме может итти речь только там, где налицо имеется кора головного мозга».

А так как у ластоногих, как и у человека, налицо кора головного мозга, раз все это имеется, то как говорит Эдингер: «о разуме может итти речь». Протокол вскрытия свидетельствует причины смерти «Лео»—в нем о повреждении мозговой коры не говорится, значит о каких либо патологических явлениях при жизни «Лео» не может быть и речи, и также целость всех частей головного мозга доказывается еще и тем, что при жизни «Лео» прекрасно владел всеми своими органами. Мой «Лео» был вполне взрослым уже тогда, когда я его приобрел и по прошествии пяти лет совместной жизни пал, и потому здесь не может быть и речи об обнаруживании способностей рефлекторных или инстинктивных, которые не являются врожденными. По анатомо-физиологическим данным «Лео» действовал и в настоящем случае разумом. Его мозг находится ныне у меня в музее и поражает количеством своих извилин.

К несчастию в литературе очень и очень мало посвящено внимания ластоногим, в особенности их психике. Все что мне пришлось заполучить, я прилагаю здесь [1]). Richard Owen („On the Anatomy of Vertebrates". London, 1868) пишет, что мозг достигает наибольшей относительно величины и сложности строения среди других хищников в семействе тюленей.

N. S. Shaler („Domesticated Animals", London. 1896) утверждает, что, из всех хищных животных, тюлени имеют наибольшую долю смышленности. «Вряд ли есть другие дикие животные, за исключением разве обезьян, которые были бы так человекоподобны в своих умственных качествах, как эти морские создания».

Вот те скудные данные ученых, свидетельствующих об исключительных интеллектуальных способностях ластоногих. Жившие у меня морские львы погибли во время продовольственных затруднений в начале мировой войны, а один был отравлен [2]).

Ныне я списался с Гагенбеком,—сыном основателя всемирноизвестного зоологического парка в Стеллингене, моего друга; под-

[1]) Очень благодарен уважаемому профессору Г. А. Кожевникову, который доставил мне материал из обширной библиотеки Московского Университета.

[2]) В моем музее хранится желудок и кишки м. л. с признаками отравления.

несшего мне свои мемуары с надписью „Meister der Tierdressur“—по вопросу о возможности получения из-за границы морских львов.

Гагенбек-сын мне сообщил, что он готов, памятуя о дружбе моей с его покойным отцом, продать 3-х морских львов, несмотря на то, что у него не остается никакого запаса таковых.

Понятно, я при первой возможности приобрету морских львов и посвящу для изучения их психики максимум моего времени [1]).

Психический контакт—обоюдное понимание человека и животного.

Ссылаясь на протокол за № 53, где конспективно и сжато описано поведение «Мартышки», я нахожу нужным настоящим очерком более подробно изложить мои наблюдения и соображения.

Как вызвать у животного желание установления обоюдного понимания?

Как натолкнуть животное на мимический разговор с человеком?

Я уже писал ранее, что между человеком и животным стоит вечное недоразумение: человек не понимает психику животного, а животное—человеческую. Как же сломать эту преграду? Я обвиняю прежде всего человека. Мы, люди—высшие животные, почему-то игнорируем своих младших братьев и проходим мимо них, не желаем вникнуть в их психику, понять животное, чего оно хочет, что оно в настоящее время тем или другим движением выражает, и итти ему, животному, навстречу, чтобы тем вызвать и у него желание общения и разговора с вами. Вполне понимаю горе и досаду моей обезьянки «Гашки», когда она, вися на сетке своей клетки и издавая минорное свое... «э» (по-французски), с тоской и досадой провожает глазами проходящих мимо равнодушных людей. Вполне понимаю и ярость ее, когда она смотрит на нас, говорит нам глазами, мимикой и голосом—«выпусти меня наружу, мне надоело сидеть в тюрьме», а мы не понимаем ее языка и смотрим на нее, рассматриваем цвет шерсти, хвост и т. д. Понятно, придешь в ярость и невольно покажешь зубы и начнешь трясти изо всей силы решетку, а затем, видя свое бессилие, отойдешь в угол своей тюрьмы и там постараешься отвлечь свое внимание от человека бездушного, безжалостного и ничего непонимающего, стоящего около клетки и про-

---

[1]) В настоящее время все три морских льва мною приобретены и с большими трудностями лично мною доставлены в Москву; находятся в моем Уголке, я их успел уже многому выучить. Они также смышлены. Имена их: „Паша“, „Бэби“ и „Томи“ (Автор).

совывающего в клетку кусочек чего-либо съестного. «Ведь я ясно говорю: выпусти меня, а ты суешь мне хлеб! Видишь, что я на него только вскользь посмотрела, а ты опять другой кусок просовываешь в сетку, стараясь в самый нос мне ткнуть коркой, как будто я не вижу. Я все вижу, даже то, чего ты не видишь. Вот сейчас я вижу сзади тебя окно и вижу, как пролетела птица Я завидую ее свободе, я залаяла на нее, произнесла свое «к а р х», а ты, человек, принял этот звук за кашель и жалеешь, боишься меня потерять... бедная, мол, заболеет туберкулезом, стонет, не ест хлеба, кашляет»...

Здесь в комнате накурили, это ей вредно, надо приоткрыть дверь. Открыл, из двери дует; отошел, не понял и ушел, «а мне стало холодней и на теле и на душе».

Описывая переживания обезьяны, я понятно приписываю ей свои чувствования, представляя себя на ее месте, навязываю ей свои субъективные ощущения, да иначе и никак нельзя. Но если строго проследить за каждым движением, пантомимой, выражением мимики, за блеском и потускнением глаз и, наконец, за поведением, сопровождающим все эти выражения ощущений обезьяны, то вы увидите, что я далеко не фантазирую. (См. мой дневник книги № 7, стр. от 17 до 43 и от 119 до 155, от 463 до конца книги). Я в своем дневнике описываю опыты и наблюдения над животными, из которых вполне ясно видно, что между мною и обезьяной, попугаем и собакой установилась особая связь. Связь, как бы духовная, связь символическая, разговорная, основанная на общей любви и понимании. Из долголетней моей практики с различными животными я много бы мог привести примеров, но это заняло бы много времени и места. Остановлюсь на одном из многочисленных—на первоначальном опыте, где человек и животное явно начинают понимать друг друга. Пропущу описание первого знакомства с моей маленькой обезьянкой-мартышкой «Гашкой», когда мне приходилось урывками общаться с ней [1]).

Начну с того момента, когда я специально шел к обезьяне для установления контакта. Вхожу в контору, где помещались две обезьяны. В первой клетке—«Джипси», во второй—«Гашка». Обе сидят, покрывшись одеялами. Слежу за «Гашкой». Обезьяна, при моем приближении к клетке, чуть приподнимает над головой одеяло и высовывает мордочку наружу, скользнув своими глазами мимо моих. Она вылезла из-под одеяла, потянулась, изогнув позвоночник

---

[1]) Дневник книги №5—подробное описание первого знакомства с обезьянами.

и подняв хвост, зевнула, показав свои зубы и десны и полезла по сетке к передней стенке клетки. Я делаю шаг вперед (к клетке), «Гашка» на секунду остановилась, посмотрела куда-то в сторону, потом на меня и прыгнула к передней стенке, повисла на ней, уцепившись всеми лапами. Повернув голову сначала вправо, потом влево, она взялась зубами за железную сетку и в таком положении замерла. Через несколько секунд я делаю движение вперед. «Гашка» повернула голову, не выпуская сетку из зубов, на бок, коснувшись проволоки левой щекой (поза мне знакомая, часто проходя мимо клетки, я видел «Гашку» в таком положении). Я протянул руку к ней—не шевелится. Просунув палец через сетку, я нежно чешу ей за ухом,—обезьяна не двигается. Я, прекращая ласку, делаю шаг назад. «Гашка», с минуту подождав, шевелит головой и смотрит мне в глаза, затем переводит их в сторону и смотрит направо, куда-то на стенку. Пауза. Я делаю движение вперед. «Гашка», не меняя позы, вращает зрачками и опять останавливает их, смотря на стену конторы. Я двигаюсь назад. «Гашка» смотрит на меня. Я удаляюсь в левую сторону и отхожу от клетки, «Гашка» произносит жалобно «ээ» в нотах соль и фа диез и, выпустив из зубов железную сетку, перелезает влево по ней и при моем приближении вновь замирает, вися и не двигаясь, только голова повернулась в сторону стены направо с моей руки. Для меня ясно, что обезьяна или желает, чтобы я ее почесал, или чтобы выпустил из клетки. Я близко приближаюсь к ней. «Гашка» делает прыжок к задней стенке на свою полку и следит за всеми моими движениями. Я стою, не двигаясь. Она секунду смотрит на меня и затем снова лезет по решетке к передней сетке ближе к дверце и затем опять берется зубами за сетку и замирает в прежней позе. Пауза... Снова протягиваю палец к ней—чесать левое ухо. «Гашка» поворачивает голову вправо и смотрит на стенку. Я стараюсь определить точку, на которую она смотрит и вижу на стене висит ключ (ключ от висячего замка клетки). Я делаю движение вправо к стене, «Гашка» чуть заметно прижимается плотней к сетке. Висящий хвост пошевельнулся... Я протягиваю руку к ключу. «Гашка» зашевелила зрачками. Я снимаю медленно ключ с гвоздя и держу его в руке перед «Гашкой». Обезьяна опять прыгает на свою полку и тотчас же лезет обратно, своим движением как бы приглашает меня двигаться, а не стоять. Я отвечаю ей неподвижностью. Пауза... Смотрю в глаза. Глазные яблоки как бы подернуты слезами [1]), бле-

[1]) Обезьяны не плачут слезами.

стят; зрачки беспокойно двигаются и не останавливаются. «Гашка» произносит свое минорное «ээ», висит в прежней позе, но голову повернула направо. Я делаю движение направо. Секунды три, четыре... и «Гашка» шевелится и подвигается по сетке в сторону дверцы. Я двигаюсь тоже ближе к дверце. Снова «Гашка» прыгает на полку и ждет. Я стою без движения. Обезьяна медленно переходит к передней стенке, влезает на сетку и передвигается по ней ближе к дверце. Я чуть-чуть наклоняюсь в правую сторону. «Гашка» перемещается еще ближе к дверце и, посмотрев куда-то в сторону, протягивает правую лапу через сетку к замку. Я еще ближе подвигаюсь к замку, останавливаюсь. «Гашка» опять отпрыгивает от решетки, ждет... Смотрит тоскливо по сторонам, приближается к дверце, лезет на сетку и, просунув лапу, трогает замок. Я тотчас же отпираю замок, вынимаю его и вешаю на стенку. «Гашка» одновременно отпрыгивает на полку и обратно к дверце, напирает всем туловищем на дверцу, открывает ее и выскакивает из клетки на шкаф, произнося свое победное «рр ер», при чем уши при каждом «ер» чуть-чуть оттягиваются назад и брови поднимаются и опускаются.

Остановлюсь на этом. Не ясно ли, что между мной и обезьяной устанавливается общий контакт? Я слежу и изучаю все ее движения и мимику, как выражение ощущений, так и выражение желаний, вытекающих из этих ощущений, а она в свою очередь старается понять мое настроение и желание, мои движения, за которыми она так следит. Не наталкивают ли они ее на работу мысли, на познание моих желаний и вместе с тем на общий язык пониманий? Проследите за каждыми нашими движениями и вы поймете, как устанавливается наш общий психический контакт.

Да разве я не имею права делать вышеописанные субъективные заключения, когда так ясно совпадают наши общие движения и желания? Как можно в науке игнорировать субъективизм при устанолении психического контакта! Объективный метод может помочь мне в изучении зоорефлексологии, но вычеркивать субъективизм, это значит вычеркнуть при точных исследованиях самого себя, свои духовные переживания, а потому и вычеркнуть психический контакт. А между тем от установления этого контакта с животными зависит различное понимание психики животных и не только понимание, но и внушение желаний животным.

Вот почему мой метод дрессировки путем непосредственного воздействия на психику животного дает такие поразительные результаты, каких никогда нельзя добиться механическим общепринятым методом.

Ни болевая дрессировка, ни болевые опыты не могут дать таких сложных ассоциаций по смежности и сочетательных и условных рефлексов, как мои. Как можно отрицать представление в уме животного и умозаключение? А, между прочим, В. Вагнер указывает на ряд ученых, да и сам он склоняется на их сторону, которые отвергают на основании своих точных исследований и опытов способность к абстрагированию[1]). Профессор В. Вагнер утверждает, что высшие животные не имеют способности к представлению. Он пишет: «что касается до способности высших животных к представлению, т.-е. способности вспоминать об ощущениях, полученных в свое время, вследствие раздражения органов чувств факторами среды, то самыми «разительными» и едва ли не единственными являются соображения о снах, которые будто бы видят животные».

Я уже подробно описал мои наблюдения и опыты в этой области и, мне кажется, доказал, что животные, как-то: собаки, медведи и морские львы, видят сны[2]). Для меня ясно, что животные имеют представления в мозгу, а раз это так, то способность к умозаключению вытекает уже сама собой, в данном случае с «Гашкой».

Наблюдения и установления контакта с мартышкой, собакой Марсом и др. животными, в настоящее время, когда я пишу эти строки, в сотый раз убеждают меня, что многие ученые в настоящее время очень и очень ошибаются, делая такие смелые заключения из своих наблюдений и опытов. (Надо бы до опытов по изучению психики животных все силы употребить на установление контакта с животными и тогда уже делать выводы). Разве не ясно в поведении «Гашки», что, имея определенную цель[3]) уйти из клетки, она трясет сначала решетку, потом, видя бесплодность усилий, после известной паузы висит на ней и только грызет сетку и просит, как она обыкновенно просит еду, жалобным «ээ» (как просится выйти собака своим «мм», кошка мяуканьем и т. д.) и когда один прием не приводит к желанной цели, она заменяет его другим, а затем и третьим, отскакивая назад, как бы ведя за собой и глазами, и голосом, и наконец, рукой шевеля замок. Разве это не убедительный факт, что животное показывает вам ясно свое желание: сними ключ, подойди к замку и отопри его. Кроме того «Гашка» ясно выражает, показывая

---

[1]) Биологические основания сравнительной психологии (био-психология) Владимира Вагнера, том II. „Инстинкт и разум". 1913 г. Стр. 390. Глава X. О высших умственных способностях у животных.

[2]) См. Сны у животных.

[3]) Целенаправляющий рефлекс, по терминологии объективистов.

пальцами на то место, где она желает, чтобы я почесал. Обезьяна определенно выражает желание, чтобы ее чесали, царапая лапой по моей коленке ногтями несколько раз, а в другой раз с большим нетерпением, как бы приказывая, или же произносит свое просительное... «э».

Способность к умозаключению у животных должна быть признана, раз так ясно это выражается. Между прочим, В. Вагнер пишет, выделяя особым шрифтом (Сравнительная психология, стр. 393): «*стремления освободиться, как цели, у обезьяны нет, она ее не понимает*». Ну как можно с этим выводом согласиться? Кинеман, напр., пишет: «В. Вагнер там же (стр. 393), на основании своих наблюдений жизни обезьян макак, пришел к заключению, что они способны заменять одни действия другими, если первоначально употреблявшиеся не привели к цели». С этим я вполне согласен, а Вагнер сейчас же добавляет: «*Но эта замена действий отнюдь не предполагает способности обезьян к построению такого, напр., силлогизма: клетка держит меня в неволе; чтобы выйти, я попробую такую-то меру*». Понятно, обезьяна не рассуждает так, расчленяя мысли, как человек. Да и мы, люди, например, встречаясь и пожимая друг другу руки, не рассуждаем при этом, что пожать руку надо потому, что это принято, что не пожмешь—обидишь и т. д., а просто пожимаем и только.

Проникнуть в тайну мышления, в самый процесс мышления, в порядок сцепления мыслей, понятно невозможно, как у человека, так и у животного. Но действия животного, внешние выражения ощущений при этих действиях не оставляют ни малейшего сомнения в известном мозговом процессе, а приблизительный ход мыслей у животного может быть только понятен человеку, если установлен между ними контакт. Этот психический контакт с применением моих приемов: повадко-приманки, интонировки, трусообмана и т. д. дает мне возможность устанавливать ассоциации по смежности, закреплять их в памяти, изменять их искусственным торможением и т. д. и т. д.

Контакт с «Гашкой», описанный мною, произошел как бы сам собою, без всяких научений. На следующий день я опять пошел по проторенному пути. Из этого контакта вытекающие действия закрепляются, а затем, при последующих упражнениях постепенно переходят в действия уже заученные, т.-е. устанавливается сочетательный рефлекс (по Бехтереву).

Вагнер пишет (ibidem, стр. 395): «Торндейк категорически утверждает, что психическая деятельность обезьян сполна исчерпывается памятью и ассоциациями по смежности. Автор полагает, что обезьянам недостаточно, хотя бы много раз видеть (слово «видеть» напечатано курсивом. В. Д.), чтобы научиться самому простому действию».

Мне очень понятно, почему делает такое заключение ученый исследователь жизни обезьян, более точный, как его именует Вагнер, и осторожный, чем Киннеман. Да потому, что не был установлен контакт, а было только сухое наблюдение. Вы хотя бы миллионы раз делали перед обезьяной одни и те же движения, и она не будет на них реагировать, раз не установлен контакт. Никаких подражательных действий нельзя добиться, без желания самого животного («творчества»), а желание можно вызвать только установившимся контактом.

Животное желает и подражает. Возьмем, например, моего попугая белого «Какаду». Я подхожу к клетке каждый день в продолжение нескольких месяцев и даю ему сам кушать. «Какаду» сыт, кричит, лазает по клетке, садится на свой шест. Его хохол лежит на голове, он покоен..., но вот я начинаю качать головой из стороны в сторону. Попка смотрит на мои движения сначала с удивлением и беспокойством, так как хохол чуть-чуть поднимается и тотчас же опускается, принимая прежнее покойное положение. Я даю попке сладкое. Он берет и не ест, а кладет в свою кормушку, лезет, играя по клетке вверх и вниз. Опять садится и снова видит мое качанье. На следующий день то же самое и т. д. Но вот, в один из дней, я подхожу, по обыкновению, к клетке и не успеваю протянуть к сытому и веселому попке руку с лакомством, как он поднимает хохол и начинает качать голову, как и я качал. Что же это значит? Да дело вот в чем. Играя с попкой, я смотрел ему в глаза через решетку клетки то справа, то слева. Этими движениями я вызывал птицу играть со мною. Попка посмотрит на меня, повернув головку вправо, посмотрит налево и опять направо и, невольно, следя за мной входит в контакт. Как крысу я заставляю царапаньем ногтя по дивану играть, так и попку маню на игру качаньем головы. Понятно, здесь только играет роль желание самого животного. Сами попугаи, без всяких наших вызываний, по своей природе подражают и любят подражать, начиная со звуков и кончая движениями своего тельца, крыльев, головы и т. д.

Но нельзя же ставить попугая, благодаря его природным особенностям подражать, выше обезьяны по уму. По-моему, чем развитее

умственно животное, тем труднее у него вызвать подражание..., уже потому, что у него задерживающие центры более развиты. Вы, играя с ребенком в прятки, т.-е. закрывая ладонями свое лицо и вдруг сразу его открывая, или пряча свою голову за стул, заставляете ребенка радоваться и смеяться. А попробуйте это сделать с более взрослым—получится иной результат. Обезьяна умна, самостоятельна в своих действиях, положим, очень нетерпелива и быстра в своих движениях и в перемене настроений, что ей очень мешает сосредоточиваться, но зато, раз она начинает входить с вами в контакт, попутно сосредоточивается, то с этого момента за ней больше прав на способности к умозаключениям, чем у попугаев. А поэтому, сколько бы раз обезьяна ни видела перед собою самые простые действия человека, она без контакта не пожелает, если можно так сказать, подражать человеку.

Признаться, я никак не могу делать какие-либо сравнения, т.-е. не признаю классификации умственных способностей разнородных животных, не исключая и человека. Каждый умен по-своему.

И такие доводы, которые допускает Торндейк (цитировано по Вагнеру), т.-е. «если бы нужно было дать место обязьянам в классификации умственных способностей животных, то они заняли бы в этой классификации высшее место, и тем не менее высота эта ничто по сравнению с человеком, ибо имеются положительные доказательства, устанавливающие полную неспособность обезьян к мышлению, хотя бы самому элементарному».

Такие выводы, мне кажется, очень смелы и преждевременны. Подражание не есть качество ума и умалять умственные способности обезьян, по-моему, не следует. С обывательской точки зрения выходит иначе: люди считают обезьяну за вечно подражающую человеку и даже поговорка установилась: «ты съобезьяничал у меня»—или «передразнивает, как обезьяна» [1]), а между прочим этих качеств у обезьян нет и в помине. Вероятно, похожее телосложение и движения у обязьян с человеком и породили это ложное представление об обезьяне. Обывательские, поверхностные заключения настолько прививаются в общежитии, настолько прочно укрепляются в сознании людей, что даже ученые исследователи не могут (как от гипноза) совсем отрешиться от них и потому убежденно делают такие выводы, как в данном случае В. Вагнер, который, лишая животных способностей

[1]) Даже некоторые писатели характеризуют попугаев, как оперенных обезьян.

к представлению и умозаключению, просто объясняет, не установив контакта с животными, по первому наружному впечатлению и ссылаясь на Киннемана (ibidem, стр. 393), так: «Дело, как это свидетельствуют факты, обстоит подобно тому, что мы видим у собак и кошек». Обезьяна, постоянно подвижная, делает усилие итти вперед, по данному направлению; наталкивается на препятствие, пробует его преодолеть, усилия не увенчиваются успехом; она идет на другое место и т. д. В каждом из них она употребляет разные приемы устранять препятствия, похожие на те, к которым в аналогичных условиях прибегают на свободе, смело делает ученый заключение, отмечая курсивом: «Стремление освободиться, как цели, у обезьяны нет. Она ее не понимает и те действия, которые она производит для освобождения, превосходно это доказывают».

Я отлично понимаю, почему слагается такое убеждение. Наблюдая со стороны и не входя в оценку субъективного состояния обезьяны в данный момент, по наружному виду и поведению, делается такой ложный вывод. Животное стремится выйти из клетки, бросается в разные стороны и т. д. Да и я, ваш покорный слуга—человек, во время пожара метался в своей комнате и напирал не в ту сторону всеми силами на дверь, желая ее отворить, чтобы выйти наружу, а ведь я выходил миллион раз. То же самое и наблюдаемая обезьяна. Без контакта, судить только по наружному виду животного о его душевных переживаниях нельзя, а потому и делать чисто субъективные выводы в данном случае не логично; не логично и отвергать логику у животных.

В настоящем очерке я коснулся слегка этого вопроса, но коснулся с определенной целью. Цель моя—предложить моим уважаемым сотрудникам остановиться на решении вопроса, как нам продолжать работу и как применять в работе субъективизм и объективизм, смотреть на животных как на механизм, или заглядывать «в душу», применяя сравнительную психологию.

В данный момент, совместно работая над моей собакой «Марсом», мы ставим опыты с различением цветов, объективно отмечаем голые факты в протоколах, т.-е. «принесла, взяла; красный бросила, взяла зеленый, принесла» и т. д. Но я считаю это недостаточным для каких-либо выводов. Это только узко-односторонне нам освещает поведение собаки, а главное, как она это делает, т.-е. какими движениями выражает свои ощущения при задании.

Как нам понимать эти движения, согласно сравнительной психологии или чисто объективно, отбросив психику, и признать только

рефлекс? Если же применять то и другое, т. е. слить обе гипотезы в одно целое, назвав «зоопсихорефлексом» все поведение животного, то какие дальнейшие изменения должны произойти в постановке наших опытов?

Эти вопросы я ставлю на ваш суд. Мне кажется, что общая согласованность подвинет нашу работу, тем более, что я придумал к данной постановке опытов новую вариацию. Дело в том, что, производя опыты с «Марсом», я во многих случаях убедился, что мое субъективное ощущение передается непосредственно «Марсу». Делая часто опыты с различением цветов, глаз на глаз с собакой, устанавливая все прочнее и прочнее психический контакт между нами, я заметил громадную разницу в поведении животного—она ведет себя совершенно иначе при сотрудниках, нежели один на один со мной. Видимо, мое неуравновешенное поведение на наших заседаниях отражается и на ее, собаки, поведении, поэтому я придумал следующее: пусть каждый из нас отдельно делает то, что делаю я с «Марсом». Удаляясь из комнаты, мы оставляем двух сотрудников с «Марсом», Один записывает, другой ведет опыт, но предупреждаю, что экспериментатор должен так же вести наружно себя с собакой, как и я, ибо малейшее незнакомое движение может просто сбить собаку, т.-е. затормозить установившиеся ассоциации.

Каждому экспериментатору предлагаю устанавливать и укреплять психический контакт. Отсюда могут получиться очень интересные выводы—во-первых: как будет реагировать собака на различные индивидуальные особенности экспериментаторов и как она выразит это своим поведением? Во-вторых, совпадут ли наши субъективные ощущения в понимании поведения животного?

Подготовляя настоящий доклад, я предварительно попробовал и подготовить животное для экспериментирования другими экспериментаторами.

Я попросил известного артиста Прова Михайловича Садовского помочь мне. Он, как прекрасный артист, понял меня и скопировал мои движения точно. Марс не сбился, и мое индиферентное отношение прошло незаметно для собаки. Переход совершился без торможения. Началу такого подхода я приписываю важное значение, иначе, при постановке коллективного нашего опыта, могла бы собака сбиться, и тогда устанавливать вновь контакт было бы невозможно, а в контакте-то вся суть. В обоюдном контакте собака сосредоточивается на известной идее, и мозг ее работает в известном, нужном нам направлении.

Добавлю к настоящему докладу-очерку следующее, интересующее меня в настоящее время. Профессор В. Вагнер в той же книге «Сравнительной психологии», там же на стр. 395, обвиняя Ромэнса в грубых ошибках в области сравнительной психологии, пишет так: «Ромэнс, ссылаясь на Ливингстона, утверждает, что способность собак к умозаключению несомненна. Вот тому доказательства: собака, потеряв из виду своего хозяина, бежит за ним по следу до места, где путь разветвлялся на три улицы. После того, как она обнюхала две из них и не нашла следа, она побежала по третьей, не останавливаясь для обнюхивания. Следовательно, говорит Ромэнс, мы имеем здесь дело с настоящим опытом умозаключения. Если на А и В нет следа, то он должен быть на С, так как другой альтернативы не может быть.

Васман совершенно основательно считает все это заключение вздорным. Он пишет: «Что здесь возбуждает наше удивление, так это не ход умозаключения собаки, а таковой у психолога.

Из фактического наблюдения вытекало только то, что собака после того, как безрезультатно обнюхала два пути и затем при повороте на третий путь нашла снова след своего господина, пустилась теперь поспешно по этому пути, бросивши дальнейшие поиски направления следа. Конечно, человеческий разум способен обосновать этот образ действия собаки при помощи следующего силлогизма: след находится либо на А, В, либо на С, но его не оказывается ни на А, ни на В, следовательно, он на С, но с поспешностью утверждать на этом основании, что собака сама думала таким образом, это совершенно произвольное очеловечение».

Может быть, и прав Васман в своем заключении, но только в описанном данном случае, а именно на примере с «Марсом» мы ясно увидим, что Ромэнс прав. Если вы признаете природу контакта, то при экспериментальном опыте с различением цветов вы, заранее говорю, сами убедитесь в правоте Ромэнса, когда увидите, что, при установлении в контакте желания «Марса» подавать разные мячи, он поступал следующим образом (что и зафиксировано в протоколах): показываю красный—он берет зеленый, приносит; видит в руке красный, относит зеленый обратно, бросает его и берет красный, подносит его, садясь на свое место, и держит в ожидании вкусопоощрения. Эти манипуляции он производил много раз с разными вариациями. Отсюда ясно следует: собака, если допустить, что не различает цветов, а видит только одинаковые шары, то никак нельзя исключить сознательного действия собаки, т.-е. если этот шар не тот, то, значит, этот. Тут мы видим

настоящий акт умозаключения собаки и ничуть не согрешим против антропоморфизма и далеко этим не очеловечим собаки.

Я давно убедился в этом, ставя опыты с высшими млекопитающими, как собака, обезьяна и т. д., а так же и с морскими свинками, у которых, по-моему, есть ясно выраженная способность к умозаключению (см. оп. I, II и III).

Заканчивая мой доклад, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой раз навсегда установить наш общий взгляд на этот вечно спорный вопрос и не блуждать между двух сосен.

Внушение, как технический прием.

Я уже говорил, что основанием воздействия на животное в моем способе является внушение. Устанавливается какая-то своеобразная психическая связь между мною и животным, благодаря чему животное предрасполагается к тому, чтобы понимать меня наилучшим образом. Жестикуляция, вкусопоощрение и интонировка благодаря этому производят наивысшее действие.

Но во многих случаях приходится пользоваться внушением не только как основанием применения технических приемов (жестикуляции и пр.), а как самостоятельным приемом.

Главнейшее применение внушения, в этом смысле, сводится к вызыванию первоначальных движений; внушение, таким образом, до известной степени заменяет жестикуляцию. Я наталкиваю животное на движение моей мыслью. При этом получается в сущности огромное различие во всем процессе дрессировки. Применяя жестикуляцию, мы все-таки механически наталкиваем животное на нужные нам действия, которые затем автоматически же закрепляются памятью. При внушении же мы вызываем у животного нужные настроения, стремления и, наконец, образы и идеи самих движений, при чем движение совершается животным уже как собственный волевой процесс.

С применением внушения в этом смысле лучше всего можно познакомиться на примерах. Опишу несколько случаев применения этого приема к «Пику», собаке породы фокс-терьер, молодому, энергичному псу.

Я постараюсь, хотя бы приблизительно, разъяснить, как я выучил «Пика» по моему желанию чувствовать и выражать свои чувства.

Я приказываю моей собаке чихнуть, и она чихает, не притворяясь, а естественно, по моему желанию, и в любой момент «Пик» чувствует

раздражение слизистой оболочки носа и тотчас же чихает. Пример: смотрите, я ему приказываю — зевни! и он, как видите, зевает аппетитно, заразительно, а вот я, смотря на собаку, говорю: — вообрази «Пик,» что ты только что проснулся, подойди ко мне, потянись и расправь свои передние и задние лапки. — «Пик» моментально исполняет мое желание, соскакивает со стула и начинает потягиваться так, как будто бы он на самом деле долго и долго спал. У него явилась потребность расправить свои члены. И все это «Пик» может повторить несколько раз.

Я ему приказываю, почешись! — и он чешет задней лапой правый бок. Теперь почеши левый! — Он тотчас же начинает усиленно чесать левый бок, как будто его только что укусила блоха.

Все эти чувства: раздражение в носу, зевота, потягивание и раздражение кожи правого и левого бока, вызваны малопонятным мне влиянием, особой внутренней передачей, называемой внушением.

Затем, раз уже внушение вызвано, я моими приемами даю «Пику» понять, что мне желательно повторение. Вкусопоощрением с интонировкой движение зазубривается, и уже потом животное исполняет его сознательно.

Для того, чтобы добиться от собаки таких поразительных, из ряда вон выходящих результатов, сначала необходимо особо воспитать собаку, а именно: обезволить. Мы видели, что в некоторых случаях можно внушать и не обезволенному животному. Я вам описал три случая, но это можно считать исключением. Такое внушение удается в высшей степени редко. За всю мою долгую жизнь я имею лишь четыре случая (четвертый случай будет описан ниже). Обыкновенно животное предварительно нужно обезволить.

Обезволить, т.-е. подчинить его волю себе настолько, чтобы оно не могло вам противиться ни днем, ни ночью и ни при каких обстоятельствах. В каждый момент ваше приказание, конечно, понятное животному и удобоисполнимое, должно быть выполнено тотчас же, ни в коем случае не откладывая на завтра. В этом и заключается обезволивание. Это достигается тем, что, отдавая какое-либо приказание, я всегда добиваюсь того, чтобы собака его исполнила, и прилагаю к этому все усилия, так как считаю совершенно необходимым добиться своего; так например: «Пик» залез под диван. Я зову его: «Пик», поди сюда»! Он не идет, раздумывает. Я, меняя интонацию, зову его то ласково, то громко приказываю, никоим образом не позволяя собаке сделать по-своему, ибо это чрезвычайно важно. Самостоятельное разумное противодействие «Пика» — это громадный

минус в подготовке обезволивания животного. «Пик» подошел ко мне. Я, погладив его, отпускаю удовлетворенный, и так всегда и при всяком случае. Таким образом постепенно я его обезволиваю.

Он у меня, вырастая с каждым месяцем, делается все более и более исполнительным и послушным. При этом собака отлично усваивает себе, что если какое-либо действие ее мне не нравится, то она слышит звук тсссс.., а если, наоборот, нравится, то тотчас же применяется вкусопоощрение: собака получает шоколад или мясо.

Теперь я начинаю учить и ставлю непременным условием, чтобы никто не мешал и не отвлекал внимания ни «Пика», ни моего. Ни я, учитель, ни «Пик», мой ученик, не должны думать о постороннем. Предположим, я хочу, чтобы Пик дал мне не переднюю лапу, как все собаки шаблонно делают, а заднюю.

Я сажусь перед «Пиком», смотрю ему в глаза, показываю шоколад и разговариваю с ним, хотя бы, например, так: «Пик», смотри на меня! Видишь шоколад? Я тебе его дам. Дай лапку!» При этих словах я держу в правой руке шоколад, левую руку протягиваю к его морде, как бы прося лапу. «Пик» нюхает мои пальцы. Я произношу звук— тсссс.., он смотрит на меня вопросительно. Я опять повторяю: «Дай лапку!» Он поднимает переднюю правую, я произношу—тсссс... он правую опускает и дает левую (подавать передние лапки он знал раньше), я повторяю—тсссс... и руку приближаю к задней левой ноге. Пик смотрит вопросительно на меня. Опять интонирую—«дай лапку», опять движение руки к его морде и к его задней ноге. «Пик» раздумывает: «это что-то новое»! Собака пробует опять подавать передние лапки, но звук—тсссс... останавливает его. Я тихо глажу рукой заднюю ногу и слегка поднимаю ее. «Пик» еще не понял, но хочет понять. Его хвост говорит, глаза просят шоколада, нос торопится втягивать воздух с запахом молочного шоколада. Мое терпеливое «Пик», дай лапку» и дотрогивание ладонью до ноги, наконец, заставляют собаку чуть-чуть поднять ногу. При этом действии «Пика» моя левая рука с шоколадом приближается ближе к морде, но вот он ставит на пол заднюю ногу, и конфекта дальше удаляется. Приподнимает ногу, конфекта приближается и наоборот. Применяется вкусообман с жестикуляциею и с интонировкой. Удаляющаяся конфекта раздражает «Пика». Он пробует облаять руку с конфектой. Нетерпеливый звук его ам—встречает мой звук—тсссс... и собака отбрасывает эту мысль в сторону. Взгляд его переходит с конфекты на руки и на мои глаза. Опять нетерпеливое движение всем туловищем вперед и назад, топтание на одном месте всеми четырьмя ногами; опять

вопросительный жест наклонения головы на бок. Я легко поглаживаю заднюю ногу, тихонько беру ее, при этом правая рука опять приближается к носу «Пика». Собака легко протестует, тянет заднюю ногу из руки. Я отпускаю и одновременно удаляю шоколад. Нога поднимается, шоколад приближается. Наконец, нога коснулась моей руки, шоколад коснулся носа. «Пик» понял. Он уже поворачивается боком ко мне и дрыгает задней ногой по воздуху. Моя подставленная под ногу ладонь завершает операцию. Шоколад во рту у «Пика», который ест его с двойным аппетитом. Потом несколько раз повторенное движение ладонью, слова: «Дай лапу», жестикуляция и интонировка, уже без показывания шоколада, заставляют «Пика» охотно поднимать заднюю ногу, при этом собака смотрит на ваш карман. По ее соображениям там лежит шоколад. Здесь внушение соединено с жестикуляцией. Выше описанные приемы заставляют собаку думать и догадываться, заставляют отгадывать ваше желание. Эти приемы далеко не объяснят нам последующего. Частица процесса мышления и стремление по глазам уяснить или почувствовать ваше желание и есть лишь звено к «таинственному» восприниманию животным моего желания.

Часто соединяясь с собакой как бы в одно целое, забыв все окружающее, мы по глазам друг у друга начинаем как бы понимать что-то внутреннее, происходящее в нас.

Например, обезволенная собака, когда я пристально смотрю ей в глаза, знает, что я чего-то хочу, чтобы она исполнила, и знает, что я от нее не отстану до тех пор, пока она не исполнит этого «что-то». Она чувствует, что только тогда я ее отпущу и она будет свободна, когда она исполнит мое приказание и желание, отражающееся как бы в моих глазах. Я устремляю мои глаза в ее глаза или, лучше сказать, дальше глаз, глубже глаз, ну как бы вам объяснить?.. Приходилось ли вам играть в ладоши? Эта игра состоит в следующем: вы вдвоем садитесь друг против друга, смотрите пристально друг другу в глаза и, положив ладони на ладони вашего противника, как на горячие уголья, стараетесь по глазам почувствовать и уловить, когда он ударит по вашим рукам. Я всегда почти угадываю по глазам приближение того момента, когда надо отдергивать руки.

Вот это-то чувство предугадывания часто, в особенности чутко развито у супругов, живущих долго вместе, как говорится душа в душу, и составляет одно звено к тайному в природе, как некоторые люди в науке называют—«внушению».

Это нервное чувство, чувство предугадывания—звено к внушению; это чувство, которое появляется на секунду и моментально изчезает, я назову «предугадка».

Я приложу все старания описать мои ощущения подробно, но заранее предупреждаю, что за правильное изложение не ручаюсь, так как я не раз пробовал объяснить себе все это и всегда чувствовал неудовлетворение.

Есть некоторые волевые процессы, которые вы никак не сможете описать, приблизительно стараетесь объяснить ваши ощущения, приводя примеры. Так я и попробую, но прошу и читателя приложить усилие с своей стороны к уяснению моих переживаний.

Я один, предположим, с собакой «Пик», глаз на глаз. Никто и ничто нам не мешает; полная изоляция от внешнего мира. Я смотрю в глаза «Пика». Маленький протест. «Пик» отворачивается, смотрит искоса на меня, но все-таки смотрит. Его белки, поджатый коротенький хвостик и согнутая спина говорят: «мне не нужно, мне не хочется, я убегу». Желание соскочить со стула в его глазах улавливается мною, как какое-то неясное движение. Предугадка помогла. Я рукою останавливаю его. Поглаживая по голове, заставляю обратить на себя его внимание. Сажусь перед ним. «Пик» недоволен, «Пик» что-то ожидает, что-то старое, уже не в первый раз с ним проделываемое, ему неприятное. Он хочет избежать моего взгляда, у него появляется, мне знакомое по опытам с обезьянами, чувство боязни смотреть мне в глаза.

Обезьяны страшно боятся смотреть вам прямо в глаза. Они, если невольно принуждены смотреть чужим в глаза более, чем им это нужно, сейчас же оскаливают зубы, тоскливо зевают и стараются перевести ваше внимание на что-либо другое, постороннее. Сначала обезьяна зевает, открывая широко рот и показывая крепкие зубы, как бы предупреждая: «смотри, какие у меня огромные клыки, смотри на мое оружие», а затем, видя ваше желание продолжать искать ее взгляда, она уже издает гортанное ругательство и с угрожающими движениями шеей и головой, показывает зубы, намереваясь вас укусить. Если вы нарочно, как и она, переведете ваши глаза на другой предмет и сделаете вид, что вы ее, обезьяну, не замечаете, то она моментально успокаивается. То же, видимо, чувство, только в меньшей мере, являлось и у «Пика,» но чем дальше, тем меньше протеста; и, наконец, когда собака стала обезволенной (выше описанным мною способом), она только чуть-чуть выказывала свой протест.

Я произвожу пассы, т.-е. легкое поглаживание своими руками по сторонам головы сверху морды и до плеч собаки, чуть-чуть ка-

саясь шерсти. Этими движениями я заставляю ее полузакрывать глаза. Собака вытягивает морду вертикально, впадая в какой-то транс.

Мне приходилось переживать, повидимому, начало этого состояния у парикмахера. Он меня причесывал, нежно водя гребешком по голове. Я в спокойной позе, не напрягаясь ни одним мускулом, полулежа в мягком кресле, ощущал во всем теле приятную истому. Легкий озноб в спине и непреодолимое желание не двигаться и дальше, и дальше испытывать это своеобразное ощущение, вызванное поглаживанием по волосам. Чем дальше, тем приятнее и тем сильнее было желание продолжения этого ощущения. Я невольно закрываю глаза и впадаю в такое состояние, которое страшно боюсь нарушить, несмотря на то, что мне нужно спешить по делу. Я не хочу двинуться, я боюсь вызвать движение, дабы не прервать этого блаженного состояния, и вдруг в этот момент я слышу голос парикмахера: «потрудитесь опустить голову»—и я, как автомат, беспрекословно исполняю приказание.

Я объясняю себе вышеописанное так: легкое поглаживание—«пассы» заставляют меня впадать в состояние обезволивания, называемое трансом. Под таким трансом мой мозг требует отдыха, т.-е. вследствие фиксации внимания на определенном ощущении, у него является желание неделания, т.-е. нефункционирования и как бы сна.

У нас, по словам ученых, существует, кроме обычного верхнего сознания, еще нижнее сознание—подсознание. Мне кажется, что в этот момент мое верхнее сознание уходит куда-то, отделяясь от моего «я», и замещается нижним «я», т.-е. подсознанием, которое связано с влиянием человека, вызвавшего такое состояние. Верхнее и нижнее сознание нормально составляют как бы одно целое, и вот пассы как бы разделили их: верхнее сознание куда-то уплыло, а нижнее подсознание осталось.

При словах «опустите голову» верхнее, как эхо, где-то говорит «нет», а нижнее—«да» и пересиливает. Все это происходит в течение секунды.

Я убежден в том, что и от моих поглаживаний собака впадает в подобный транс, хотя она полузакрывает глаза, но не сводит их с моих и, против своего желания, не может их оторвать.

Мои пассы как бы выбирают весь остаток воли у собаки, и она представляет из себя часть моего внутреннего «я». Между моими мыслями и подсознанием «Пика» уже установилась связь.

Я повторяю, что понимаю это так: гипнотизер воздействует на гипнотизируемого какой-то своей силой, и этой специфической силой можно нижнее сознание, или подсознание, заставить действовать по желанию гипнотизера, хотя доктор Каптерев и утверждает, что пассы или фиксация взгляда не нужны. Я же по опыту знаю обратное. Применяя пассы, я привожу собаку в транс, а транс, сам по себе, приводит ее в неподвижное состояние, и это заставляет ее воспринимать мою силу.

Прошу обратить ваше внимание, после демонстрации перед вами опыта гипноза, на движение «Пика», когда он, исполнив заданное, встряхнется, как бы освобождаясь от чего-то.

Применяя легкое поглаживание животного, я тем заставляю его более подчиниться мне. При гипнотизировании я воображением представляю предмет и действия, а не воображаю слова, как таковые, т.-е. смотрю через глаза как бы в мозг и представляю, например, не слово «иди», а действие, с помощью которого собака должна исполнить задание (предмет, место и направление). Затем последний нервный приказ, как бы толчок в мозгу, и подсознательный, полуусыпленный мозг собаки заставляет ее исполнить заданное. Собака, исполнив, отряхивается и радуется, как бы освободившись от чего-то гнетущего.

Возвращаюсь к вопросу о внушении. Когда вы уяснили мои приемы, я прошу еще раз вместе со мной как бы переживать переживаемое мною... Предположим, хочу выучить собаку «Пик» говорить «мама». Я сажусь против собаки. «Пик» догадывается, что я хочу с ним заниматься; пробует слабо протестовать, т.-е. отворачивается, но я пассами заставляю его подчиниться и смотреть мне в глаза. Стараюсь забыть все на свете, смотрю в глаза и только представляю в своем воображении, что будто бы «Пик» открывает медленно рот и произносит «ма-ма». Вот тут-то и начинается то неясное в моем существе. Мне кажется, что я что-то улавливаю в животном и что передаю этому внутреннему, непонятному, мое желание. Я, как-то для себя незаметно, начинаю передавать желание, как говорят, нутром чувствую, что сливаюсь в одно целое с учеником и что у нас что то родное, давным-давно знакомое, общее; ну, как будто бы я это животное раньше знал, до его рождения, или как будто бы я его только видел раньше во сне; кто-то во мне другой знаком с ним, не с видимым, а с другим таким же внутренним.

Страшно досадно, что никак не могу объясниться яснее... Я старался в моменты, когда начиналось знакомое чувство общения,

запечатлеть, уяснить это и запомнить, но потом все сразу исчезает и появляется реальная, повседневная жизнь. Я как будто бы очнулся от глубокого сна, снова вижу все мелочи, мне ненужные; мозг мой иначе работает и мысли мои опять старые и ненужные... и записанные впечатления переживания кажутся уже пустыми, бессодержательными.

Я продолжаю учить. Тишина... никто не мешает. Начинаю увлекаться... Вот все окружающее вновь забыто, у меня перед глазами—глаза! Глаза одухотворенные! Не такие глаза, которые повседневно я у него, у «Пика», вижу, а другие... мыслящие... глубокие, вдумчивые, с особым выражением. Вот в такие-то минуты, а порою и часы, я с животным прямо молча говорю. Говорю не словами, а чувством, говорю то, что заранее задумал. Я хочу сейчас, чтобы мой «Пик» сказал «ма-ма». Впиваясь в его глаза, я ушел от всего мира. Не чувствую, как машинально дал ему шоколад. Я не замечаю, что ласкаю его рукой... Он смотрит тоже мне в глаза. Чувствую, что он у меня сидит внутри где-то..., вижу по его глазам, что он хочет сказать «ма-ма», но что-то ему мешает, что-то или кто-то невидимый здесь между нами присутствует... Он фыркает, я отрываюсь от его глаз, замечаю опять всю старую обстановку и откуда-то приплыл ко мне мой «Пик» и сделался опять прежним, согнутым, подавленным и как будто в чем-то передо мной виноватым, угнетенным. Я сдерживаю злобу на кого-то, мне неизвестного, но мешающего сблизиться, слиться мысленно с собакой.

Снова беру его голову в свои руки, смотрю в глаза, произвожу короткий пасс, пристальнее вглядываясь в дно глаз, как бы в мозг, смотрю моей душой в его душу, смотрю и желаю, смертельно желаю услышать «мама». Я хочу! Мне необходимо, без этого я не могу, я не отстану. «Пик» близок мне, он любит меня, но он смотрит в меня и как будто бы насмешливо. Или это мне показалось? Или это он немного прищурил глаза и получилось выражение насмешки?

Я всем моим существом ушел к нему. Я хочу слышать и сейчас, я в этом уверен, услышу, как «Пик» скажет «мама», и вдруг... как будто где-то далеко, так тихо, неясно, но я слышу голос «Пика» и растяжимо первый слог слова «мама»—мааа.

Я замираю, замираю в страхе и в восторге вижу—«Пик» закрывает рот, это он произнес. Дрожь пробежала по моей спине... Медленно, не торопясь, боясь испугать или, лучше сказать, развлечь моим лишним движением, подношу «Пику» шоколад—плату за произнесенное. Прошу повторить, всем моим существом требую. Повторяет «маааaa». «Шоколад, шоколад, скорей шоколад»!

кричит мозг. Я с силой сдерживаю себя, чтобы медленно, по-старому, не сделав нового лишнего движения, подойти и дать шоколад. Теперь говорю, притворяясь покойным, говорю и слышу свой голос— «Пик», скажи мама»! Он еще хочет шоколаду и спеша говорит «мамамам». Теперь уже имею, готово... выучил!

Обливаясь потом, с сильно бьющимся сердцем, бессильно опускаюсь в кресло, чувствую себя разбитым, как будто бы я что-то совершил не по своим силам, как будто бы я перелез через какое-то препятствие, был временно там, в другом мире, в другом пространстве. Все эти мои ощущения, все, что я сейчас описываю, как будто происходило не так долго, как я вам рассказываю, а в несколько секунд. Удивительное, необъяснимое переживание производило действие, которое я уже как бы осязал. Это переживание, это новое чувство выливалось в реальную форму: мы видим и слышим, «Пик» ясно произносит «*мама*». Желая получить еще и еще шоколаду, он все чаще и чаще повторяет «*мама*».

Профессор Бехтерев видел мои опыты и называл их *внушением наяву*, руководясь внешними условиями самых опытов, не предрешая сушности самого явления. Доктора: Риг, и сын его производили с моим «Лордом» опыты внушения, что им и удавалось. Называли эти опыты *гипнотизмом*. И так я учу, внушая, а потом уже разумным способом, закрепляя внушенное; животное заучивает, как бы зазубривает заданное и исполняет уже каждый раз по словесному приказанию.

Теперь покажу арифметические и географические познания «Пика». Сначала будем его экзаменовать как будто бы на представлении, а потом и разберем, как это все происходит. У меня есть десять цифр, наклеенных на твердом картоне. Цифры написаны черной краской, начиная с одного и кончая нулем, т.-е. девять—нуль. Эти картонки с цифрами я сначала даю желающим смешать вразбивку, затем кладу их на землю в виде большого круга так, чтобы собака, обходя их кругом, могла каждую цифру видеть отдельно. Затем я спрашиваю публику, не желает ли кто-либо из присутствующих задать задачу на сложение, т.-е. сказать две цифры так, чтобы при сложении итог не превышал девяти, так как цифры десять у меня нет, и якобы собака далее девяти считать еще не научилась.

Предположим, один из публики задает следующую задачу на сложение: пять плюс три, а я смотрю на «Пика» и говорю вслух: «Ну, «Пик», подумай и скажи, сколько будет пять плюс три»? Собака соскакивает со своего табурета, обходит вокруг лежащих

цифр и, поровнявшись с цифрой восемь, берет плакатик зубами и садится с ним на тумбу. Задают задачу на вычитание, например: из девяти вычесть четыре. «Пик» бегает кругом несколько раз, затем берет цифру пять. И т. д. Получается полная иллюзия, якобы собака в уме складывает и вычитает. Возможно ли это на самом деле? О, далеко нет! Собака в своем уме имеет представление только один, два, три и еще сколько-то. Она имеет ясное представление только о трех, смутное о четырех, которые сливаются у нее в неопределенное «много».

У меня было несколько собак (о других животных пока не говорю), производящих кажущиеся арифметические действия (сложение и вычитание) таким образом. Многие из публики полагают, что перед ними действительно обдуманные действия собак, складывающих и вычитающих в уме. На самом же деле тут внушение. Я просто внушаю мысленно и приказываю собаке принести, например, в зубах плакатик, на котором напечатана та или другая цифра, требуемая публикой. Собаки это безошибочно выполняют. И, таким образом, создается видимость обдуманного решения собакой предложенной задачи.

Иные дрессировщики, тоже, как и я, вначале прибегали к приемам, ничего общего с внушением не имеющим. Когда их собака, обходя разложенные на земле плакатики, приближается к требуемой цифре, они щелкают пальцами—собака тогда берет цифру.

Область познания одной, умершей уже теперь, моей собачки «Запятайки» была обширнее. Она была не только математиком, но и географом (понятно, только для афиши и для моих комических представлений на арене цирка).

Я раскладывал на песке арены большую, составленную из раскрашенных деревяшек, карту Европейской России. Особенно бросались в глаза моря: Белое, Балтийское, Черное, Азовское и Каспийское. Кто-либо из публики просит показать какое-либо море, «Запятайка» немедленно направлялась к этому морю и усиленно демонстрировала его мордочкой и лапкой. Конечно, в этом случае нельзя говорить о географических способностях «Запятайки», а исключительно об ее сильной восприимчивости к предугадке и к внушениям и об удивительной силе ее воображения. Я мысленно рисовал в ее мозгу очертания заданного моря, которые там, так сказать, отпечатывались.

Внушать, понятно, можно не только собакам, но и другим животным. В Австрии, например, по газетным сведениям, официально

принят в армии способ «балассировки» лошадей при ковке (его ввел ротмистр Баласса): стараются взглядом внушить лошади покорность и т. д.

Для того, чтобы дать более разностороннее описание моих опытов с внушением животным, я приведу окончание газетной статьи Свенторжецкого (начало которой я приводил ранее).

«Из собак В. Л. Дурова обращают на себя внимание две: первая—фокстерьер «Пик», нервный и подвижной, как все представители его породы, и сен-бернар «Лорд», пушистый, добрый пес с прекрасно оформленными чертами головы.

Сперва показывались обычные номера «Пика»: он, гримасничая, повторяет за В. Л. слово «мама», танцует под дудку, чихает по команде и проч. Потом переходим к другим опытам, к тем, собственно, ради которых мы и приехали.

В. Л. сажает на стул «Пика», берет в руки его мордочку и напряженно, пристально смотрит в его глаза, рисуя в своем уме с наивысшей яркостью и ясностью то, что должен сделать «Пик». А он должен взять с дивана положенную там трубочку с кольдкремом. Проходит минута, полторы, Дуров отпускает морду собаки, продолжая внимательно смотреть на нее, и собака, щурясь и вздрагивая, соскакивает со стула, прыгает на диван и берет намеченную вещь.

Затем опыт с «Лордом». Я беру свой носовой платок и закладываю его себе в жилет. «Лорду» внушают таким образом, как и «Пику», подойти ко мне и взять зубами платок, что он делает быстро и немедленно.

Начинается опыт счета. В. Л. говорит: «Ну, «Лорд», два и четыре»? и «Лорд» лает шесть раз. Три и пять? Ответ—восемь. Два и семь? Ответ—девять.

Мы просим В. Л. уйти в другую комнату и оттуда задавать вопросы. «Лорд» беспокоится, но все же отвечает, однако с ошибками, возможным следствием беспокойства. Тогда, заперев дверь за В. Л., задаем вопросы мы сами, собака отвечает несколько раз, из них первую половину верно, далее ошибаясь.

В. Л. вбегает из другой комнаты:

«Но это... Я не ждал этого... это невозможно...»

Дело в том, что В. Л. до сих пор объяснял ответы собак исключительно воздействием внушения, сами собаки были лишь механические исполнители внушения человека. Но вот мы, а не он, спрашивали собаку без всякого внушения, и она отвечает верно.

— Значит, она понимает! Она понимает!—повторял В. Л., пораженный и, видимо, в сильнейшей мозговой работе.

— Задайте «Пику» что-нибудь необыкновенное. Пусть он царапнет лапкой по колену столько раз, сколько будет единиц в заданном числе.

Дуров берет «Пика», сажает его перед собой и, пристально смотря ему в глаза, говорит: «Три и четыре, сколько будет? Покажи лапкой!»

Собака нервно и виновато мнется, вытягивает голову, с забавной робостью смотря на хозяина, видимо и желая и не решаясь сделать что-то слишком новое и самостоятельное.

— Ну, царапни, царапни лапкой...—говорит Дуров, нервно делая жест царапанья пальцем по своему бедру.

И... «Пик» робко протягивает лапку к колену хозяина и царапает его—раз, два, три... пять... семь раз...

Все были поражены невольно. Собака, видимо, понимает и может гораздо более того, что для нее считается возможным.

Но самое «человеческое» в этот день дал все-таки «Лорд».

«Пик», когда ему говорят—скажи «мама», вытягивает морду, приопускает нижнюю челюсть и, хлопая ею снизу по верхней, дает низкий двойной звук, в роде мычания, и действительно слышится— «ма-ма».

Тоже приказано было «Лорду». И нужно было видеть борьбу собаки с физической невозможностью для нее исполнить человечески понятое ею приказание.

Она напряженно вытянула морду, разевая пасть, вертя и челюстями и языком, и всей шеей, еще и еще раз сделала усилие, но бесплодно—и нервно остановилась...

— «Вы сами видите, и хочу и не могу!»

Перед нами был человек, желающий, старающийся, но не могущий, а не животное.

— Он ошибается и не понимает еще своей ошибки... «Пик» опускает нижнюю челюсть, «Лорд» открывает верхнюю—звука у него не получается,—замечает нам Владимир Леонидович.

Когда приходим в столовую пить чай, я полушутя говорю: «А можете ли внушить «Пику» вскочить на стул и ударить лапкой по клавишам рояля, но только по белым?»

К крайнему изумлению нашему, «Пик» исполняет это, хотя и не сразу.

При тщательном наблюдении нельзя заметить, чтобы В. Л. давал собаке какие-либо указания. Да и как можно давать такое, как

«удар по белым клавишам», приказание, которое поймет не всякий человек?

Мы уходим, еще не смея верить, но уже смея надеяться. Мы сознаем, что видели нечто изумительное, но естественный скептицизм заставляет нас говорить одно: будем изучать. Пока же мы ничего не знаем.

В четверг, 3-го апреля, мы устроили сеанс, который начинает собой серию научно поставленных опытов.

Присутствуют: д-р П. В. Каптерев, д-р Е. Б. Риг с сыном, молодым врачом, А. А. Суворин и я. Мы находимся в зале музея В. Л.

На нижнюю полку этажерки кладут граммофонную пластинку, а на нее карандаш, взятый у одного из присутствующих. Вышеописанным способом «Пику» делается внушение, и он отчетливо выполняет его.

Затем, по предложению доктора Каптерева, «Пика» удаляют из комнаты, уславливаются, что он должен взять бумагу, лежащую на кресле в углу. Как указал д-р Риг, всякий новый предмет, да еще пахнувший чужим человеком, естественно, привлекает особенное внимание собаки, поэтому предметом опыта избирается вещь незаметная, давно бывшая в комнате, ей как бы присущая.

Зовут «Пика», делают внушение и—снова удача. Собака точно и быстро идет и берет бумагу. Тогда приступают к третьему опыту.

Собака должна подойти к д-ру Ригу и тронуть его лапками за цепочку от часов. По предложению д-ра Рига все садятся и около него—его сын, имеющий похожую цепочку. Все поставлено так, чтобы ничто в позе и месте д-ра Рига механически не привлекало внимание «Пика». Сидят все общим рядом вокруг.

Этот опыт не удается в той форме, в какой был задуман, но он является самым поучительным из всех и, пожалуй, самым доказательным.

Собака то подбегает к граммофонной пластинке, на которой при первом опыте лежал карандаш, то упорно, не обращая внимания на остальных, бегает около д-ра Рига, прыгает около него, потом возвращается к В. Л. и, вскочив на стул, прикасается к обшлагу его пиджака. Нужно заметить, что там приколот золотой жетон и шла до этого речь, чтобы собака взяла зубами именно этот жетон. Возможно допустить, что собака путается потому, что в сознании самого В. Л. путаются предметы внушения (предложенные перед тем в разное время [1]).

---

[1]) Примечание автора.

Он и раньше предупреждал, что, когда ему задают предметы, которые он должен указать собаке, называть их должно сразу и окончательно, иначе ему трудно достаточно ярко сосредоточиться на выбранном предмете: память о первом—вмешивается, и сосредоточение рассеивается. Это отзывается и на собаке.

Однако, поведение собаки в этом по форме «неудавшемся» опыте заставляет ценить его даже выше, чем два удавшихся.

Было так очевидно, что под влиянием таинственных воздействий «Пик» метался все около цели, такой трудной и сложной.

В виду нездоровья хозяина (у него была ангина), после трех сеансов работы с «Пиком», у В. Л. появилась обильная испарина и и пульс ускорился до 126. Опыт с «Пиком» оставлен; занялись с «Лордом». На вопросы, задаваемые В. Л.—складывание до десятка, он давал в общем верные ответы; на вопросы же, задаваемые нами, часто ошибался.

По предложению д-ра Рига, В. Л. стал за нами и, скрытый таким образом от «Лорда», стал задавать вопросы. На них собака отвечала с частыми ошибками.

На этот раз опыты с «Лордом» дали сомнительные результаты, но нужно заметить, что он совсем недавно вернулся из тяжелой для него поездки (переезд по железной дороге всегда расстраивает), а для «Лорда» он был еще и оскорбителен: железнодорожное начальство требовало, чтобы на него надели намордник.

«Вы понимаете, моему ребенку надеть намордник!»—нервно кричал В. Л.—А пришлось!

Нервная система не автоматический аппарат, а талантливое животное впечатлительно и нервно, как талантливые люди.

В заключение было трогательно видеть, как «Лорд» опять пытался вслед за В. Л. повторить слово «мама». Мускулы его громадной пасти ему не повиновались, он делал отчаянные, но напрасные усилия, чувствуя совсем почеловечески и желая заговорить почеловечески, но это оказалось невозможным. Было больно видеть эти умные, огорченные глаза и думать:

«Какая небольшая, но громадная вместе с тем преграда отделяет мысль этого человекоподобного от выражения ее на нашем языке».

Какой вывод можно сделать из того, что мы наблюдали? Мы не хотим пока делать никакого. Не может быть сомнения только в том, что время подобных опытов пришло, и было бы стыдно для нас, если бы мы прошли мимо того, к чему призывает сама жизнь.

К разрешению приближаются глубочайшие задачи по психологии, и среди них вопрос о передаче мыслей от одного разумного существа к другому.

Великая и плодотворная область раскрывается перед нами, и мы вступаем на новую почву. Как пахарь свой плуг, мы погружаем в нее свой интеллект и не оставим начатого дела, пока нива не покроется радостною зеленью всходов».

Итак, гражданин Свенторжецкий [1]) совершенно справедливо отметил мое смущение. Я не ожидал, чтобы «Лорд» мог правильно отвечать другим—посторонним. Я объяснял себе его способность останавливаться во-время, когда мне надо, тем, что «Лорд» был нервный и чувствительный к моему флюиду [2]). Я мысленно останавливался, и «Лорду» это передавалось: он тоже останавливался. Дрессируя «Лорда», я так часто предлагал ему задачи на сложение не свыше десяти, что отчасти интонировка и слова врезались в превосходную память «Лорда». Я повторял одно и то же по тысяче раз, и при этом нервный флюид мой довершал все.

Вот вам мнение одного из присутствовавших. Мне по крайней мере кажется, что это получается так: собака воспринимает нашу мысль, на которой мы сосредоточиваемся, так же, как беспроволочный телеграф—«радио-телеграф» воспринимает волны другого телеграфа, настроенного на одинаковое число колебаний, и по этому для собаки в этом случае лицо, задающее ей вопросы, не играет роли, или же, если и играет, то очень мало. И то смотря только по тому, как мысли этого лица сосредоточиваются—сильнее или слабее. В первом случае собака, конечно, скорее ответит, а во втором—возможна с ее стороны и ошибка.

Я пробовал задавать «Лорду» известную задачу вслух и при этом умышленно заставлял себя думать о другом итоге, т.-е. задача вслух такая: пять плюс два, и в то же время, когда «Лорд» отлаял семь раз, я мысленно продолжал считать: восемь, девять. «Лорд» отвечал лаем девять, или ошибался. Это ясно доказывает, что только нервная передача здесь играет роль. Я же невольно поразился тому именно, что другие умели мысленно передавать «Лорду», как и я. Оказывается, это делалось ими невольно. Они, следя за лаем «Лорда»,

---

[1]) Автор газетной рецензии.

[2]) Понятие о флюиде существовало у меня (автора) тогда, когда писались эти строки; слово флюид было тогда общепринятым термином для обозначения излучений.

в уме считали и при последней цифре невольно останавливались, что делал за ними и «Лорд».

Для большей ясности картины внушения, приведу здесь один подлинный протокол этих опытов с «Пикки».

Москва, Дворец Искусств.

ПРОТОКОЛ

сеанса В. Л. Дурова 3-го мая 1919 года.

11 ч. 20 минут вечера.

В. Л. Дуров выступает со словом, в котором характеризует общепринятые методы дрессировки, называя их механически-болевыми и указывая на свой способ—не механический, к сожалению, единственный до сих пор, без подражаний, с непосредственными воздействиями на психику животного. Благодаря особому методу дрессировки и доместикации получается обезволивание животных, которые поддаются внушениям наяву. Этими своими открытиями В. Л. Дуров и предлагает поделиться с присутствующими. Проводя параллель между людьми и животными по вопросам воспитания обезволиванием и внушением различных идей в школах, В. Л. Дуров подчеркивает расхождение ученых по вопросу зоопсихологии и различные взгляды психологов на процессы мышления у позвоночных. Лектор говорит, что с особым удовольствием выступает сегодня среди художников в помещении Дворца Искусств, самая обстановка которого носит особый колорит интимности и уюта, располагающего к мыслям о таинственном, и в особенности после концерта, который произвел на гипнотизера прекрасное впечатление. Душевное состояние играет громадное значение для хода опытов гипноза. Кроме того, производя опыты среди художников, которые должны, как лектор надеется, отнестись иначе к тонкой психологической работе, чем сухие ученые и педагоги, достигается особый душевный подъем. Все это вместе взятое сулит удачу опытов с подсознанием.

В. Л. Дуров просит занести в протокол, что в этом зале собака «Пикки» будет находиться в первый раз в своей жизни (в настоящую минуту она ждет в нижнем этаже), что подтверждает художник Я. Н. Милькин. В. Л. Дуров предлагает всем присутствующим самим

выработать три задания перципиэнту, но не более, т. к. уже после 3—4 опытов у него повышается пульс до 120 в минуту, что вредно для его сердца (В. Л. Дуров страдает Angina pectoris).

В. Л. Дуров просит присутствующих, выработав задания, передать их ему сразу, не меняя; в противном случае, помимо воли гипнотизера, в его подсознании отпечатываются ненужные картины и действия, что и мешает точному исполнению задач.

Присутствующие предлагают следующие три задания: 1) собака «Пикки» должна сесть за рояль и бить лапками по клавишам, 2) у одной из сидящих в первом ряду дам взять из руки конфекту и передать композитору Гречанинову, при чем, не желая усложнять задание, отменили передачу конфекты, оставив первую половину задачи, 3) собака должна соскочить со своего стула, подлезть под рояль и там залаять. Некоторые же из присутствующих пожелали изменить это задание, предложив следующую вариацию: собака должна, соскочив со стула, броситься с лаем на студента Н., сидящего в кругу других. Это предложение принимается всеми. В. Л. Дуров просит обратить внимание на трудность задачи, т. к., внушая собаке броситься на человека, он должен внушить также во-время остановиться, чтобы не довести до кусания, что трудно исполнимо. Все-таки третье задание с поправкой остается в силе. В. Л. Дуров добавляет, что если собака не доделает задания, то он вторично должен повторить внушение, т. к. не всегда можно угадать время и силу процесса внушения достаточного, чтобы собака исполнила задуманное.

Собака впускается в зал. В виду возможных предположений, что здесь может сыграть роль чутье собаки, В. Л. Дуров указывает, что он не дотрогивался до предметов, как-то: клавишей, конфекты и проч., и предлагает строго следить за его движениями, дабы не могло возникнуть подозрения в подаче условленных знаков. Просит также обратить внимание, что собака не будет оборачиваться и смотреть на своего учителя.

В 11 часов 40 минут собака впускается в зал и садится на указанный стул. В доказательство, что собака понимает слова, она по команде экспериментатора чихает, вытирает нос, зевает, отдает честь, потягивается, чешет правый и левый бок, делая все это непринужденно и естественно. В доказательство, что собака понимает слова как таковые, а не догадывается по интонации, В. Л. Дуров просит указать на рояле любую ноту. Нота дается. В. Л. Дуров однотонно, без интонации отдает различные приказания, и собака все

точно исполняет. Композитор Гречанинов вносит предложение испытать собаку иным способом, а именно: пусть незнакомый прикажет собаке исполнить что-нибудь из уже проделанного. Предложение принимается. Гречанинов заставляет собаку чихнуть, та исполняет. Заставляет зевнуть, она развлекается и не зевает. В. Л. Дуров заставляет говорить собаку «мама». Собака говорит похожее.

В 11 ч. 50 минут приступают к опытам внушения.

1) В. Л. Дуров сажает «Пикки» на стул, напряженно смотрит в глаза, делает пассы. Собака как бы застывает на несколько секунд, затем срывается со стула и бежит под рояль. В. Л. Дуров возвращает ее назад и снова смотрит в глаза. Собака снова бежит уже к роялю, прыгает на стул и лапками несколько раз ударяет по клавишам. Задача исполнена.

2) В. Л. смотрит в глаза «Пикки». Собака бежит по направлению дамы с конфектой, сворачивает и начинает кружиться на одном месте. В. Л. зовет ее обратно несколько раз, но «Пикки», не обращая внимания на зов хозяина, подбегает к даме и хватает из рук конфекту. Отходит несколько шагов по направлению к Гречанинову и начинает жевать конфекту. Задача выполнена.

3) В. Л. внушает третье задание. После нескольких секунд собака бросается по направлению намеченного студента, сидящего на стуле среди других, но без лая и возвращается назад. Вторично В. Л. Дуров внушает более продолжительное время и «Пикки» бросается на студента с лаем. Опыт удался блестяще.

Двое из присутствующих устанавливают, что у В. Л. Дурова пульс 126 в минуту. Все три опыта вполне удались.

Присутствующими установлено следующее:

1) Во все время сеанса В. Л. Дуров не давал каких-либо знаков собаке, как-то: глазами, мимикой или движениями всего туловища произвольными или непроизвольными.

2) Не смотрел в присутствии собаки на вещи, заранее намеченные.

3) А также обоняние собаки не играло роли, что и закрепляется подписями всех присутствующих на сеансе.

Как один из присутствовавших на сеансе В. Л. Дурова во Дворце Искусств 3-го мая 1919 года, удостоверяю, что сия копия соответствует подлиннику составленного протокола и что прилагаемый при сем список 22 подписей лиц, присутствовавших на опыте, относится к сему протоколу.

Художник И. Т.

В виду своеобразности моей точки зрения, для установления фактической правильности и действительного существования внушения, я привожу выдержки из статей проф. Бехтерева, из которых читатель усмотрит, что я имею полное основание признавать влияние внушения на животных.

Выписка из брошюры акад. Бехтерева.

«Об опытах над мысленным воздействием на поведение животных».

(Доклад, сделанный в конференции института по изучению мозга и психической деятельности в ноябре 1919 г.).

Возможность использования в этом отношении животных мне представляется тем более осуществимой, что, как известно, они легко поддаются гипнозу, и мне самому неоднократно приходилось гипнотизировать с легкостью ящериц, свинок и кур на лекциях перед студентами. Как известно, даже дикие звери простым упорным взглядом могут быть в такой мере укрощаемы, что они, опуская взор, с опущенным хвостом отходят от человека.

К тому же животные, например собаки, могут быть легко приучаемы путем дрессировки к беспрекословному повиновению, а это условие весьма благоприятно для постановки такого рода опытов.

Как бы то ни было, вопрос о непосредственном, бессловесном или так-называемом мысленном воздействии на животных заслуживает особого внимания, и я долгое время искал случая подвергнуть этот вопрос выяснению с помощью соответствующих экспериментов. Случай к этому мне представился несколько лет тому назад, незадолго до великой войны, и вот по какому поводу.

Совершенно случайно, после долгих лет совершенного индиферентизма к цирковым представлениям, я посетил цирк Модерн на Петроградской стороне. Оказалось, что на ряду с другими представлениями в этот вечер показывал публике своих дрессированных животных В. Дуров. Между прочим, им демонстрировалось небольшое животное *свиной породы*[1]), которое под взглядом Дурова засыпало и по его же внушению начинало жевать и продолжало жевать столько времени, сколько ему внушалось. Далее была представлена большая собака из породы сен-бернаров, которая считала до 9. Собака по имени «Лорд» казалась очень спокойной и солидной по своему нраву.

---

[1]) Профессор по ошибке принял Капибара (из породы грызунов) за животное свиной породы. Мой курсив—В. Д.

Обстановка демонстрации заключалась в следующем: Дуров предлагает кому-нибудь из публики писать любые слагаемые с тем, чтобы цифра их не превышала 9, ибо, по его заявлению, его «Лорд» не умеет правильно считать свыше 9 [1]). Два или три слагаемых пишутся кем-либо на бумаге или на грифельной доске, что показывается Д., который при этом стоит к собаке спиной. После этого собака по внушению Д. тотчас же начинает лаем отмечать сумму слагаемых. Опыты производились много раз и всегда имели полный успех: собака мерно, точно и громко отлаивала сумму слагаемых. Не было сомнения, что собака в пределах задания выполняла свою роль безупречно.

Случилось так, что Д. заметил мое присутствие в цирке и, подойдя ко мне, заявил, что, будучи рад встретиться со мной, он просит моего участия в совместной разработке его опытов в дальнейшем. Мы условились осуществить сеансы на моей квартире.

В условленный день Д. привел ко мне двух собак: того же «Лорда» и другую маленькую собачку из породы фокс-терьеров «Пикки». Пока я скажу об опытах с «Лордом». Собака была усажена на диван, на котором она спокойно оставалась в обыкновенной сидячей позе собаки. Затем Д. предлагает показать собаке написанные на бумаге те или другие цифры, так чтобы их общая сумма не превышала 9. Безразлично можно применить и вычитание, лишь бы разность была в пределах до 9. Цифры эти показываются Д. и тогда, немедленно отвернувшись от собаки и стоя к ней спиной, дается собаке сигнал словами: «Ну, «Лорд», считай», и «Лорд» начинает лаять столько раз, сколько составляет сумма или разность двух чисел, будет ли это 5, 6, 7, 8 или 9. Опыты были повторены много раз и всегда с одинаковым успехом. Заметим, что самое показывание цифр собаке тут ни при чем, ибо «Лорд» считать и складывать цифры по письменным знакам на самом деле не умеет, в чем легко было убедиться путем проверочных опытов. Если же «Лорд» дает лаем в результате цифру, составляющую сумму или разность двух цифр, то лишь потому, что всегда за словами: «Ну, «Лорд», считай», делается собаке соответствующее мысленное внушение. Если же такового внушения не сделать, то при одном показывании цифр опыты не могут быть удачными. И действительно, произведенные в этом отношении опыты привели к следующему: написанные втайне и пока-

---

[1]) Понятно, это только цирковая шутка.

Автор.

занные собаке две означенные цифры с крестом между ними, хотя и вызывали у «Лорда» приступы лая, но число лаев ни в одном случае из трех раз не совпадало с суммой слагаемых. Моя попытка сопровождать цифры живым представлением самых написанных цифр также не дала соответствующих результатов, тогда как опыты, произведенные с так-называемым внушением самого лая, были выполняемы собакой всегда вполне правильно. Отсюда ясно, что только сосредоточение экспериментатора на последовательном ряде лаев, начиная от первого до 9, приводит к осуществлению правильного счета [1]).

Надо заметить, что с собаками удаются и другие опыты «мысленного внушения». Сам Д. («Мои четвероногие и пернатые друзья») описывает эти и другие опыты следующим образом:

«Предположим, пред нами такая задача: внушить собаке, чтобы она подошла к столу и принесла лежащую на нем книгу.

Я подзываю «Лорда», он подходит; я беру его голову в свои руки как будто символически подчеркиваю ему, что она всецело в моей власти, что он должен стать автоматом, быть только не рассуждающим исполнителем моей воли. Для достижения этого я впиваюсь строгим взглядом в его глаза, которые словно срастаются с моими. Воля собаки парализована. Я собираю все силы своих нервов, сосредоточиваюсь до полного забвения окружающего меня внешнего мира на одной мысли. А мысль эта состоит в том, что я должен запечатлеть в своей голове очертание интересующего меня предмета (в данном случае стола и книги) до такой степени, что когда я оторвусь взглядом от данного предмета, он все-таки должен стоять предо мной, как живой. Я это и делаю. В течение приблизительно полминуты я буквально «пожираю» предмет глазами, запоминаю малейшие его подробности, складки на скатерти, трещины в переплете, узор скатерти и т. п. Довольно, запомнил.

Я властно поворачиваю к себе «Лорда» и смотрю ему в глаза, вернее—дальше глаз, куда-то внутрь, вглубь. Я фиксирую в мозгу «Лорда» то, что сейчас зафиксировал в моем мозгу. Я мысленно спокойно рисую ему часть пола, следующую к столу, затем ножки стола, затем скатерть и наконец книгу. Собака уже начинает нервничать, беспокоиться, старается высвободиться. Тогда я ей мысленно

---

[1]) Невозможность собаке оперировать с большими числами, повидимому, можно объяснить тем, что при многократном лае собака уже сбивается в счете в силу развивающегося у нее автоматизма в лае.

даю приказание, мысленный толчек: «Иди». «Лорд» вырывается как автомат, подходит к столу и берет зубами книгу. Задание исполнено. «Лорд» чувствует себя облегченным, как будто с него свалилась давившая его огромная тяжесть, и постепенно успокаивается».

Ряд такого именно рода опытов был произведен в моей квартире над небольшой собачкой «Пикки», мужского пола, из породы фокс-терьеров, очень бойкой и шустрой по натуре. Опыты были произведены в послеобеденное время в присутствии нескольких членов моей семьи, в том числе двух врачей—О. Бехтеревой-Никоновой и Е. Воробьевой. Всего было произведено шесть опытов, из которых четыре первые опыта были осуществлены Д. и два опыта произведены лично мною. Задание первого опыта состояло в том, чтобы «Пикки» подбежала к обеденному столу, который еще не был убран, и схватила зубами лежащую близ его края одну определенную салфетку, ничем в остальном не выделявшуюся из ряда других лежащих на том же столе салфеток. После установления этого задания собака приглашается вскочить на стул, стоящий около стены. «Пикки» немедленно исполняет приказание и усаживается на сиденье обыкновенного венского стула. Тогда Д., стоя спиной к обеденному столу, придерживает голову собаки обеими руками и сосредоточенно смотрит ей в глаза, думая о том, что она должна сделать. Так дело продолжается с $^1/_2$ минуты, не более, после чего морда собаки, уже начинающей беспокоиться, освобождается от рук, и маленькая шустрая собака стремглав бросается к обеденному столу, схватывает условленную салфетку зубами и торжествующе несет к экспериментатору.

Второй опыт по общему соглашению должен был состоять в следующем: собака должна была снять зубами книгу с этажерки, стоявшей у стены комнаты. Снова «Пикки» на стуле. Опять Д. придерживает своими ладонями ее мордочку, сосредоточивается на задуманном предмете не более $^1/_2$ минуты. После этого «Пикки» срывается с места, бежит прямо к этажерке, зубами берет задуманную книгу и тащит по назначению.

Третий опыт по моему предложению должен был быть выполнен следующим образом. Собака должна вскочить на предрояльный круглый стул и ударить лапой в правую сторону клавиатуры рояля. Снова прежняя процедура. «Пикки» на стуле. Дуров сосредоточенно смотрит в ее глаза, некоторое время обхватив ее мордочку ладонями с обеих сторон. Проходит несколько секунд, в течение которых «Пикки» остается неподвижным, но, будучи освобожден, стремглав бросается к роялю, вскакивает на круглый стул, и

от удара его лапы на правой стороне клавиатуры раздается громкий трезвон нескольких дискантовых нот.

Четвертый опыт по моему предложению должен был состоять в следующем. Собака должна была после известной процедуры внушения вскочить на один из стульев, стоявший у стены комнаты позади от собаки, и затем, поднявшись на стоящий рядом с ним круглый столик, должна была, вытянувшись вверх, поцарапать своей лапой большой портрет, висевший на стене над столиком. Казалось бы, это еще более сложное действие по сравнению с предыдущим нелегко выполнимо для собаки. А между тем, после обычной процедуры сосредоточения и смотрения в глаза в течение нескольких секунд «Пикки» спрыгивает с своего стула, быстро подбегает к стулу, стоящему у стены, затем с такой же быстротой вскакивает на круглый столик и, поднявшись на задние лапы, достает правой передней конечностью портрет, поцарапав его немножко своими когтями. Если принять во внимание, что оба последние опыта были осуществлены по заданию, известному только мне и Д. и никому больше, что я был все время рядом с Д. и неотступно следил как за самим Д., так и за исполнением собакой задуманного задания, то нельзя было более сомневаться, что собака способна при вышеуказанных условиях опыта проделывать какие угодно сложные действия, доступные ее выполнению.

Чтобы иметь полную уверенность в этом, я решил сам проделать аналогичный опыт, не говоря никому о том, что я задумаю. Задание же мое состояло в том, чтобы собака вскочила на стоявший сзади меня, в расстоянии около 2 саженей, неподалеку от рояля, круглый стул и осталась на нем сидеть. Как в предыдущих опытах, приглашается собака подняться на стул, я же, сосредоточившись на форме круглого стула, некоторое время смотрю собаке в глаза, после чего она стремглав бросается от меня и много раз кружится вокруг обеденного стола. Опыт я признал неудачным, но я вспомнил, что я сосредоточился исключительно на форме круглого стула, упустив из виду, что мое сосредоточение должно начинаться движением собаки к круглому стулу и затем вскакиванием собаки на самый стул. В виду этого я решил повторить тот же опыт, не говоря никому его задания, не сообщая никому о своей ошибке и поправив лишь себя в вышеуказанном смысле. Я снова приглашаю собаку сесть на стул, обхватываю ее мордочку обеими ладонями, начинаю думать о том, что собака должна подбежать к круглому стулу, находившемуся позади меня в расстоянии около $^1/_4$ сажени, и, вскочив на него, сесть.

Сосредоточившись так около $1/2$—$3/4$ минуты, я отпускаю собаку, и не успел я оглянуться, как собака уже сидела на круглом стуле. Задание, которое выполнила в этом случае «Пикки», как упомянуто, не было известно никому, кроме меня самого, ибо я ни с кем по этому поводу не советовался, и тем не менее «Пикки» разгадала мой секрет без малейшего затруднения.

Этой серией опытов день был закончен. К сожалению, это был последний день, когда мы могли осуществить совместные с Д. опыты, ибо на другой день Д. уезжал из Петербурга, а предполагаемое продолжение опытов, по возвращении Д. в Петербург, не осуществилось в виду того, что вскоре разразилась великая европейская война, и встреча наша не могла состояться. Уже по окончании войны я посетил Д. в Москве, где я вновь проделал несколько опытов над «Пикки». «Лорда» я уже не застал. Он погиб от травмы, нанесенной им самим себе случайно, после чего он долго болел и затем умер. Что же касается «Пикки», то он пользовался прежним здоровьем и был, как прежде, очень бойкой и шустрой собачкой. Меня интересовало, конечно, самому проделать над последней несколько опытов с «мысленными» внушениями. Это и удалось осуществить в две различные мои поездки в Москву. Во время первой поездки я мог лично осуществить пять опытов, произведенных тем же самым методом и состоявших в подобных же заданиях, какие брались для первых опытов с «Пикки». При этом каждый раз задание менялось в том или ином отношении и было известно только мне самому. Все пять опытов, из которых два произведены в присутствии Д., а другие три в его отсутствии, с заданием исполнения собакой задуманных действий, должны быть признаны удачными, ибо собака неуклонно исполняла данное ей задание. Лишь в одном опыте собака была близка к цели, но ее не достигла, что однако могло зависеть от недостаточности моего предварительного сосредоточения на определенных действиях собаки. Все опыты, проделанные самим Д. в моем присутствии, были также вполне удачными. Убедившись снова в действительности такого рода опытов, я решил при первой возможности во время следующей поездки в Москву снова проделать такого же рода опыты, но с тем, чтобы вводить в них те или другие контрольные условия для возможного выяснения механизма, с помощью которого достигается успешность в осуществлении задания при такого рода опытах.

На этот раз опыты производились мною с Д. в присутствии одного из моих сотрудников по институту по изучению мозга и

психической деятельности, Н. М. Щелеванова. Первый опыт я предоставил над «Пикки» сделать Д., дав ему от себя задание для опыта. Задание состояло в том, чтобы собака вскочила на диван и достала лежавшую на мягкой спинке дивана кружевную салфетку. Д. берет собаку на стул, охватывает ее морду своими руками, пристально смотрит ей в глаза, все время думая сосредоточенно, что она должна сделать. Все это продолжается, как всегда, около $^1/_2$ минуты или несколько более, после чего собака, будучи отпущена, быстро бросается к дивану, вскакивает на него в направлении салфетки, схватывает салфетку зубами, после чего ее оставляет. Исполнение опыта надо было признать удачным, но лишь не вполне завершенным.

Другой опыт, произведенный Д., имел следующее мое задание: собака должна была наброситься на стоявшее в правом углу комнаты чучело небольшого волка. Опыт проделан обыкновенным порядком. Собака была взята на стул, мордочка взята в обхват руками, затем пристальный взор, направленный на ее глаза, продолжавшийся с $^1/_2$ минуты, после чего собака, предоставленная самой себе, тотчас же набрасывается на чучело с лаем и так яростно, что, казалось, она разорвет его, вследствие чего пришлось даже собаку отнимать от чучела. 3-й опыт принадлежал мне. Задание, лично мной придуманное и никому не переданное, состояло в том, что собака должна была подняться на стул и взять лежавший на его спинке платок. Те же условия опыта в отношении методики внушения путем сосредоточения над действием, долженствовавшим последовать, и на самом предмете при смотрении животному в глаза. После того, как я выпустил голову собаки из своих рук, она тотчас же стремительно бросилась к задуманному стулу, но, поднявшись на него, повернулась к чучелу и, подбежав к нему, стала лаять и набрасываться на него с прежнею яростью. Было ясно, что прежнее внушение относительно чучела, как внушение эмоционального характера, оставило после себя столь глубокий след, что он еще недостаточно ослабел ко времени следующего за ним внушения.

И действительно, оказалось, что и следующие два опыта с «мысленным» внушением привели к тому же результату, т.-е. собака вместо того, чтобы выполнять внушенное, направлялась к чучелу и начинала на него лаять с остервенением.

Следующий опыт должен был делать Д. Задание состояло в том, чтобы собака взяла лежавшую на окне сзади экспериментатора мокрую тряпку и принесла ему. После сделанного обычным путем внушения собака в точности исполнила задуманное. Следующий опыт

был произведен мною. Задание для внушения состояло в том, чтобы собака вырвала из правой руки Щ., стоявшего поодаль сзади, носовой платок. Самое задание было известно только мне одному. Внушение, по обычному способу, не более как в течение $^1/_2$ минуты. После сделанного внушения собака мгновенно бросается к правой руке Щ. и вырывает удерживаемый им платок.

Предположено было, что собака в первом опыте—с внушением броситься на чучело, руководится выражением лица самого Д. в период внушения. Поэтому решено было, чтобы этот опыт был повторен таким образом, что при внушении Д. будет смеяться или по крайней мере им будет сделана гримаса смеха. Это и было осуществлено Д. Находясь под беспрерывным нашим наблюдением, Д., несомненно, во время внушения сделал гримасу смеха и в то же время никакого шевеления губ, как и ранее, не производилось. Несмотря на это, собака тотчас же после сделанного внушения с прежнею яростью набросилась на чучело с громким лаем. Было сделано предположение, что собака при делаемых внушениях руководится движением глаз внушающего лица. В виду этого предложено было Д. повторить опыт с вырыванием платка из правой руки Щ., но с тем, чтобы внушение было произведено при завязанных глазах. С этим мы перешли в другую комнату. Опыт был сделан таким образом, что предварительно глаза Д. были завязаны наглухо платком. Собака «Пикки» была им приглашена сесть на стул и затем обычным путем сосредоточение на процессе действия, долженствующего состоять в том, чтобы животное подбежало к Щ. и взяло платок из его рук. Никакого шевеления губ при этом не производилось и тем не менее внушение при завязанных глазах осуществилось, как и в первый раз. Собака тотчас же соскочила со стула, подбежала с быстротой молнии к Щ. и выхватила зубами платок из его рук.

К приведенным опытам я не делаю особенных пояснений. Сами по себе эти опыты настолько поразительны, что они заслуживают внимания безотносительно к тем или иным комментариям.

Одно могу сказать, что после приведенных опытов мне не кажется более удивительным очарование взглядом диких зверей, отступающих перед человеком, который легко мог сделаться их жертвой, как это бывало с христианскими мучениками в Римском Колизее, и роковое стоическое подчинение своей участи мелких птиц, являющихся жертвами алчности змеи в то время, когда они спокойно могли от нее улететь.

Прежде всего необходимо указать на некоторую аналогию опы-

тов, произведенных с собакой «Лордом», с теми опытами, которые производились над лошадьми. Аналогия заключается в том, что у Кралля лошади отбивали результат определенного арифметического действия соответствующим количеством постукиваний копытами, тогда как в опытах с «Лордом» дело шло о подсчете арифметического действия с помощью лая. Разница, кроме этого способа обозначения, заключалась однако в том, что у Кралля дело шло не только о простых арифметических действиях, но и об извлечении корней, но нельзя не принять во внимание, что при недопустимости для собаки извлечения корней она оказалась бы в одинаковом положении, как и при недоступности для нее счета, и потому, хотя опытов извлечения корней с «Лордом» не ставилось, но более чем очевидно, что если б эти опыты были поставлены таким же точно образом, они несомненно удавались бы, как они удавались и в опытах с лошадьми Кралля, ибо самый результат задачи экспериментатору все равно был бы известен, количество же отбиваний копытами лошадьми в конце-концов было сравнительно невелико, как невелико было и количество отлаиваний «Лордом». Пока мы ограничимся этими сопоставлениями и не пойдем дальше в наших рассуждениях.

Что касается опытов, проделанных с собакой «Пикки», то они представляют совершенно иную постановку. Дело идет здесь о выполнении животным определенных заданий в форме более или менее сложных действий, при чем ему делались соответственные мысленные внушения, которые и выполнялись животным согласно заданию.

Разница ясна. Если в первом случае дело идет об опытах, в которых может итти речь о математических способностях животного (по отношению к краллевским лошадям это объяснение и применялось самим Краллем), то во втором случае опыты могут относиться только к мысленному внушению, если исключить гипотезу пользования теми или иными знаками, которая опять-таки исключалась соответствующими контрольными опытами, как, например, завязывание глаз экспериментатора и др. Вот почему эти опыты показались мне с самого начала и более интересными, как осуществляемые в новой обстановке, и более ценными в научном отношении. Сколько мне известно, других таких же опытов над животными не производилось. И так как опыты мысленного внушения над людьми в общем были мало плодотворны и до сих пор дали, вообще говоря, не вполне решительные результаты, то естественно, что осуществление этих опы-

тов на животных открывает новые возможности в исследовании вопроса о мысленном внушении чисто лабораторным путем.

Спрашивается, что следует сказать по поводу этих опытов, как следует их понимать. Прежде всего я хотел бы установить, что разговорами о заданиях собака не могла руководиться, ибо, не говоря о том, что все разговоры на эту тему происходили с особыми предосторожностями, и вообще мы избегали всего того, что дало бы возможность собаке руководиться в этом отношении какими-либо знаками или словесными указаниями, *все опыты, произведенные лично мною, осуществлялись без всякого предварительного разговора* о том или другом задании опытов и без посвящения в сущность задания ни Д., ни кого-либо другого. Таковы, например, два опыта, произведенные первоначально на моей квартире, и все опыты, осуществленные мною же в Москве и даже в отсутствие самого Д., за время двух моих поездок. Таким образом, это объяснение отпадает само собой.

После первой серии опытов мне представлялась возможность допустить лишь одно объяснение,—это то, что собака «Пикки» отличается поразительной способностью примечать. Так, возможно было предположить, что собака, приученная к опытам исполнения задуманного действия после того, как в ее глаза всматривался в течение известного времени экспериментатор, думая о подходе собаки к предмету, о форме самого предмета и т. д., он невольно соответственным образом смещал свои глазные оси, что и улавливалось собакой. Последняя, будучи приучена ранее дрессировкой к исполнению и послушанию, еще оставаясь под взором экспериментатора, начинает проявлять некоторые признаки беспокойства, а освободившись, тотчас же приступает к выполнению заданий. Интересно при этом отметить, что собака «Пикки» по исполнению внушения бросается стремглав со стула и проявляет все признаки волнения в своих действиях, пока не выполнит задания, после чего тотчас же успокаивается.

На самом деле вышеуказанные автоматические движения глаз вполне допустимы, ибо, например, при опытах с сосредоточиванием на определенном действии, связанном с известным интересом, как доказано у нас опытами, могло быть констатировано автоматическое смещение пальца руки в приборе Sommer'а в сторону представляемого движения, хотя для самого лица это смещение остается незамеченным. Отсюда казалось бы естественным признать такое объ-

яснение вполне удовлетворительным для вышеуказанных опытов. Под это объяснение можно было бы, пожалуй, подвести и проделанные у меня опыты с собакой «Лордом». Что эта собака простого счета в смысле сложения показываемых цифровых знаков не знала— это факт, который вытекал из деланных мною опытов в этом отношении, не давших никаких положительных результатов. Но стоило только сосредоточиться экспериментатору на умственном счете, хотя бы обратясь к ней спиной, как собака начинала считать верно. Можно предположить, что сосредоточение на умственном счете приводит к незамечаемым самим считающим лицом движениям головы, которые без особого обращения внимания на этот предмет не замечаются посторонними, тогда как дрессированная собака, готовая к выполнению определенного ей знакомого задания, их легко могла бы приметить.

При этом нельзя не принять во внимание особой чуткости и наблюдательности собак вообще, быть может значительно более выраженной, нежели у человека. Известно, например, что домашняя смышленая собака, никогда не учившаяся человеческой речи, начинает в зависимости от разговоров и тона угадывать даже малейшие намеки человека. Словом, дело могло итти здесь о тех же явлениях, которые известны при условиях опытов с так-наз. отгадыванием мыслей при соприкосновении индуктора с отгадчиком. Разница лишь в том, что при последних опытах дело идет об улавливании движений с помощью осязаний, тогда как при опытах с мысленным внушением дело сводилось бы к улавливанию движений с помощью зрения.

Не отрицая допустимости такого объяснения, однако нельзя забывать, что этим путем нельзя объяснить того обстоятельства, что собака «Лорд» не могла считать более 9, а между тем казалось бы вполне естественным, что если бы собака в этом случае руководилась едва улавливаемыми движениями головы, то она должна бы считать точно таким же образом и далее 9, чего однако не происходило. С другой стороны, приняв во внимание это объяснение, нельзя было бы понять, каким образом собака «Пикки», не имевшая возможности пользоваться подобными знаками в форме незамечаемых самим экспериментатором движений глаз в том опыте, который производился с завязанными глазами экспериментатора, тем не менее выполняла задание вполне удачно. Необходимо при этом исключить и предположение о том, что в опыте с внушением наброситься на чучело собака руководилась мимикой лица индуктора, ибо тот же

опыт был повторен спустя некоторое время таким образом, что Д. намеренно во время внушения искажал свое лицо искусственной улыбкой, и, несмотря на это, опыт оказался вполне удачным, ибо собака в точности выполнила внушаемое задание.

То, что все мои опыты были произведены по заданию, известному только мне одному, некоторые же были произведены в отсутствии Д. и др. посторонних лиц, должно быть в свою очередь учтено скептиками соответственным образом.

Дабы устранить предположение о руководстве собакой при выполнении определенного задания какими-либо невольными знаками со стороны экспериментатора, я предложил вновь командированным с этой целью в Москву д-ру Смоленскому-Иванову вместе с д-ром Флексор произвести еще опыты над собакой «Пикки» при таких условиях, чтобы не только не было при опыте владельца собаки, но чтобы собака в комнату вводилась непосредственно перед опытом, чтобы сам экспериментатор, сделав мысленное внушение, устранялся от собаки либо путем ширмы, либо как иначе, а за выполнением задания собакой следил бы ассистент, который задания экспериментатора не должен знать. К сожалению, собака в период, когда можно было осуществить такого рода опыты, была больна и к тому же переживала период полового возбуждения, вследствие чего опыты не могли быть вполне удачными. Тем не менее, из сделанных опытов здесь могут быть приведены два следующих опыта в описании самого экспериментатора: «Д. (владелец собаки) отсутствует. В комнате «В» я записываю задание: собака должна взять комок бумаги, лежащий под столом в комнате «А». Доктор Флексор, не знающий задания, впускает в комнату «А» собаку, сажает ее на стул, фиксирует ее голову. Я стою на пороге двери, собака перед мной в расстоянии около аршина. При первой попытке животного вырваться из рук, быстро отступаю в комнату «В», захлопываю при этом дверь. По рассказу д-ра Флексор, «Пикки», соскочив со стула, подбегает к назначенному мною бумажному комку, лежащему под столом [1], тычет в него носом, затем бежит поочередно к двум другим комкам, проделывая с ними то же самое». Другой опыт состоял в следующем: «Внушаю я: собака должна пробежать из комнаты «А» в комнату «В» и вскочить там на кресло. Собака бросается в другую комнату, за ней следует д-р Флексор, не знающий задания, и запирает за собой дверь. По его

[1]) Всех таких же бумажных комков, разбросанных в разных местах, было семь.

заявлению, «Пикки» вскакивает на соседний с назначенным мною креслом диван и царапает лапой стену».

Несомненно, что в обоих случаях задание было выполнено если не с абсолютной точностью, то все же в основных своих пунктах и прежде всего в направлении своего движения согласно с мысленным желанием. Притом же, при личном выяснении условий этих опытов я убедился, что конечная цель задания ни в том, ни в другом опыте— комки бумаги в одном опыте и кресло и соседний с ним диван в другом опыте—не находились в поле зрения экспериментатора. Все бумажные комки были сделаны экспериментатором приблизительно одинаковой величины и помещены в разных местах комнаты, при чем, хотя комок, к которому должна была направиться собака, ничем не выделялся из других и был третьим по порядку, но собака, вбежав в комнату, прямо бросилась прежде всего к нему, не ища ничего по сторонам. То же было и в опыте с диваном, стоящим рядом с креслом.

В заключение следует добавить, что на собаке «Пикки» удаются хорошо мысленные внушения таких движений, как, например, облизывание, а чихание она выполняет по одному словесному приказанию.

Все приведенные опыты, осуществленные по моему заданию, как и опыты, проделанные мною самим над двумя дрессированными собаками, из которых «Пикки» подвергалась опытам с положительными результатами уже со стороны многих экспериментаторов, дают возможность сделать следующие выводы:

1) Непосредственное воздействие путем так-называемого мысленного внушения на поведение животных осуществляется крайне легко на специально приученных к послушанию собаках.

2) Оно осуществляется и при отсутствии всякого непосредственного контакта индуктора с перципиентом и при одновременном разъединении их путем преграды, находящейся между взором индуктора и взором собаки, в виде завязывания глаз индуктора, установления между ним и собакой деревянного или металлического экрана, парафиновых консервов и т. п., и даже тогда, когда экспериментатор лишен возможности следить за выполнением собакой мысленного внушения.

3) Отсюда, как и из опытов с надеванием на лицо индуктора бумажной маски, несомненно следует, что на дрессированных собаках непосредственное воздействие осуществляется без каких-либо знаков, которыми животное могло бы руководиться при такого рода опытах.

4) Благодаря этому, весь вопрос в непосредственном воздействии в форме мысленного внушения ставится в условия лабораторного физиологического эксперимента и может быть разработан всесторонне в смысле выяснения условий как передачи, так и перципирования мысленного внушения.

5) Приведенные опыты не оставляют сомнения в том, что на дрессированных собаках отлично удаются опыты с мысленным внушением определенных действий и мимико-соматических (эмотивных) реакций.

6) Мысленно внушенная, мимико-соматическая реакция или эмоция, оставляя длительный след в мозгу собаки, может затормозить осуществление следуемого за ней внушения, взамен которого та же реакция может возбуждаться без новых попыток к внушению данной реакции.

7) Если однажды задуманное внушение заменяется другим внушением, то эта замена может привести к тому, что, несмотря ни на что, т.-е. несмотря на попытку вызвать действие второго, т.-е. заменяющего внушения, осуществляется первоначально задуманное внушение. То же происходит и при перестановке порядка двух внушений. В последнем случае, при новой попытке вторично выполнить первоначально задуманное действие, осуществляется последующее внушение.

8) Отсюда следует, что не только остается длительный след в мозгу собаки от неразрешенного первоначального внушения, могущий, как и в случае внушений мимико-соматических реакций, вызывать соответствующие действия при последующем каком-либо внушении, тормозя в то же время осуществление нового внушения, но и осуществление действия при новых попытках внушения может следовать порядку задуманных внушений, хотя бы этому желали воспрепятствовать новыми внушениями иного рода.

Вряд ли нужно говорить о желательности дальнейших опытов в разнообразных направлениях над собаками, при чем будет иметь особое значение выяснение при этих дальнейших опытах не одних только условий передачи мысленного внушения от индуктора к перципиенту, но и всестороннее изучение условий торможения и осуществления такого рода внушений, что должно представить собой как теоретический, так и практический интерес.

В виду того, что приведенные опыты исключают предположение, что животное при осуществлении внушения пользуется какими-либо незамеченными самим

экспериментатором знаками при осуществлении мысленного внушения, а два последние опыта ставят этот вопрос вне сомнения, приходится допустить возможность передачи мысленного воздействия одного индивида на другого с помощью какого-то вида лучистой энергии. Не говоря о том, что лучистая энергия есть та энергия, которая и в других случаях создает условие для передачи на расстоянии влияний одного тела на другое, необходимо иметь в виду, что при прохождении нервного тока в мозгу мы встречаемся с электроотрицательными отклонениями стрелки гальванометра, что говорит нам за участие в отправлениях самой системы *лучистой энергии* [1]).

Но если нервный ток сопровождается электроотрицательным колебанием, то ясно, что при нем дело идет о разложении молекул и атомов, вместе с которыми отрицательные ионы и электротоны, как заряженные отрицательным электричеством, освобождаются из связанного состояния. Таким образом, надо представить себе, что восприимчивость наших органов при внешних воздействиях проявляется лишь в том случае, когда внешний толчок того или иного рода приводит к разложению нервные молекулы воспринимающего органа путем их ионизации, чем и начинается возбуждение соответствующего неврона. Происшедшая разница в напряжении электрического потенциала, вследствие начавшегося разложения, за которым естественно следует фаза восстановления, приводит последовательно таким же образом к разложению, а следовательно, и к возбуждению следующих соприкасающихся невронов. Таким образом, возбуждение распространяется до мозговой коры и через нее в виде обратной центробежной волны, идущей по отводным проводникам к периферии, т.-е. к мышцам и железам, с тем же темпом колебаний [2]). В виду того, что различные воспринимающие аппараты неодинакового строения, есть основание думать, что при раздражении того или другого органа, хотя всюду мы имеем один и тот же процесс разложения нервных молекул, самая волна этого разложения в смысле силы и темпа времени может быть неодинаковой, при чем развившаяся на периферии органа волна определенного характера естественно должна

---

[1]) См. по этому предмету вышедшие из моей лаборатории диссертации: д-ра Кауфмана: „О двусторонней проводимости периферических нервов", д-ра Тривуса: „Токи действия в мозговой коре" и д-ра Ларионова: „О слуховых центрах мозговой коры".

[2]) См. мою теорию разрядов в „Обозрении психиатрии" за 1906 год и за тот же год, а также в моем сочинении „Психика и жизнь". Спб.

пробегать в таком же виде не только в центростремительном, но также и в центробежном направлении до самых мышц и желез, составляющих отводящий периферический аппарат.

В основе того процесса, который мы называем мыслью, являющейся в сущности заторможенным рефлексом, очевидно, лежит тот же нервный ток, но лишь задержанный в самой мозговой коре. Благодаря этому напряжение энергии, обусловливающее нервный процесс, достигает в коре наибольшей степени, обусловливая в то же время распространение тока по ассоциационным связям.

Но если в основе нервного процесса в коре лежит не что иное, как лучистая энергия, то и в передаче непосредственного воздействия одного индивида на другого должна участвовать та же энергия.

Вопрос о сущности самой энергии на основании вышеприведенных данных не может быть решен с положительностью. В одной газетной заметке по поводу наших исследований, от 2 апреля 1920 г., было сказано следующее: «Повидимому, скоро можно будет говорить, что мысль—особого рода энергия, подобно волнам беспроволочного радиотелеграфа исходящая как бы от «станции отправления»— от мозга одного человека и при благоприятных обстоятельствах могущая непосредственно, без помощи слов и знаков, быть воспринятой «станцией назначения»—мозгом другого человека и даже не только человека, но и животного». Здесь, конечно, допущены уподобления, но не может быть сомнения в одном, что мысль человека, как задержанный рефлекс, о чем я говорю в своей книге «Общие основания рефлексологии», есть в сущности проявление энергии в виде нервного тока, достигающей, вследствие своей задержки, внешнего напряжения.

С каким видом энергии мы здесь имеем дело? Этот вопрос, конечно, требовал бы детального разъяснения, ясно, имея в виду, что нервный ток сопровождается электроотрицательным колебанием или током действия, и что этот ток действия сам по себе проявляет колебания, вследствие сопровождающейся ионизацией фазы расположения и следующей за нею фазы восстановления нервного вещества, есть основание полагать, что и здесь мы имеем дело с проявлением **электромагнитной энергии, более всего вероятно, с лучами Herz'а.**

Ко времени печатания настоящей работы мной были осуществлены уже и удачные опыты на людях с передачей мысли на расстояние, изложенные мной в докладе на конференции института по

изучению мозга и психической деятельности в июле 1920 г., но эти опыты будут изложены мною в другой работе».

На ряду с приведенной выше выпиской, считаю необходимым сделать выписку из позднейшего труда акад. Бехтерева под названием «Коллективная рефлексология», Петроград, 1921 г., стр. 122—126, где акад. Бехтерев, кроме первых опытов с «Лордом» и «Пикки», описывает опыты и с моим французским бульдогом «Дэзи», впоследствии павшим жертвой науки.

...«В данном случае нас собственно интересует простой факт: возможно ли непосредственное индуцирование одного индивида другим, т.-е. влияние одного лица на другое без посредства каких-либо знаков или других посредников в этом деле. Вопрос, поставленный таким образом, как мне кажется, удалось разрешить в положительном смысле и притом как путем особых экспериментов на собаках, так и на основании экспериментов на человеке.

Первые опыты производились мною на дрессированных В. Дуровым собаках как в Петербурге в моей квартире в 1914 г., так и позднее в Москве в квартире Д. и в так наз. его «Уголке», и притом производились мною лично в присутствии и совместно с Д. и в отсутствии Д., с участием или в присутствии целого ряда ассистентов: Воробьевой, Никоновой-Бехтеревой, Щелеванова, Флексор, Триродова-Казаченко, проф. Фельдберга, И. Лева и др.

Опыты эти затем были в разное время продолжены моими учениками д-рами Перепелом и Кармановым, затем д-ром Флексором совместно с д-ром Эйнгорн, и д-ром Ивановым-Смоленским совместно с д-ром Флексором, при чем они осуществлялись с известной планомерностью, каждый раз согласно установленному мною плану. Затем они были повторяемы и мною самим в разных условиях.

Общее число сделанных, таким образом, в разное время опытов над собаками достигает от 50 до 75. Они были произведены над тремя собаками: «Лордом», «Пикки» и «Дэзи». Все эти собаки предварительно путем дрессировки приучались Д. к «обезволиванию» или послушанию («доместикации»), благодаря чему, когда собака взята на опыт, она остается спокойной и сосредоточивается в готовности осуществить то задание, которое ей предстоит выполнить. Так, «Лорд», из сен-бернаров, под влиянием мысленного внушения экспериментатора лаял столько раз, сколько задумывал экспериментатор. Число однако не должно было быть большим (не свыше 9), ибо иначе собака начинала путать, вследствие *развивающегося автоматизма в лае*. Эту же способность лаять определенное

число раз, согласно задуманному количеству, я открыл и у бульдога «Дэзи», с которым проделывались удачные опыты с «мысленным» внушением или индуцированием даже из другой комнаты при закрытых дверях. «Пикки», из фокс-терьеров, выполняла задуманные действия, отличавшиеся иногда довольно значительной сложностью, напр., вскочить на стул, стоящий у стены, со стула на столик, со столика подняться на задние лапы и поцарапать своей лапой висящий у стены портрет, или вскочить на стоящий у рояля стул и ударить лапой в правую сторону клавиш рояля, или, напр., побежать в другую комнату и направиться к одному из многих бумажных шаров, разложенных в разных местах комнаты и т. п.

Опыты эти подробно описаны мною и моими учениками (д-ром Ивановым-Смоленским и д-ром Флексором) и представлены конференции института по изучению мозга и психической деятельности в ряде докладов за 1920 г. [1]). Здесь же я хотел бы сказать кратко, что в части опытов с «Пикки» и «Дэзи» было сделано все, чтобы устранить возможность предположения, что животное при выполнении задания руководится какими-либо знаками, производимыми хотя бы невольно экспериментатором при этих опытах. Позднейшие опыты делались так, что задание было известно только самому экспериментатору (из врачей), который был разобщен с собакой, т.-е. к ней не прикасался, а лишь на расстоянии фиксировал ее взором, думая про себя задание, которое собака должна выполнить, после чего он закрывался дверьми от собаки; за действиями же последней следил ассистент, не знавший самого задания. В результате «мысленное» внушение и при этих условиях выполнялось с достаточной степенью точности.

Аналогичные опыты были производимы затем и над другими объектами при одинаковой обстановке и дали также положительные результаты. Они будут опубликованы в другом месте.

Все вышесказанное приводит к выводу, что опыты с так-наз. «мысленным» внушением или точнее—с непосредственным индуцированием удаются как на нервных людях, так и на животных. А это убеждает нас в том, что и в толпе, кроме взаимовнушения и так-наз. заразы, вызывающей непосредственное подражание, должен действовать еще особый фактор в виде прямого воздействия путем непосредственной передачи возбуждения центров одного индивида соответствующим центрам другого индивида. Входить в выяснение самого

---

[1]) См. „Вопросы изучения и воспитания личности", вып. 2. 1920 г.

способа передачи мы здесь не будем, ибо это выходит за пределы нашей задачи, но все же ныне намечаются уже и пути, по которым надо итти, чтобы найти правильное объяснение возможности упомянутой передачи в форме непосредственного воздействия [1]).

«Итак, убеждение словом, взаимовнушение, зараза путем подражания и прямая индукция—вот факторы, которые действуют в каждом собрании, как в едином коллективе, объединенном одним общим настроением или одним лозунгом»...

Как известно, для объяснения того, что я называю психологией животных, академик Бехтерев первый установил понятие сочетательных рефлексов, вызывая их у животных механическим способом, как-то: индукционным током, раздражая и возбуждая болезненные ощущения периферических чувствительных аппаратов кожи. Акад. Павлов поставил эти вопросы на еще более твердую почву, назвав Бехтеревские рефлексы условными и изобретя особый способ наблюдения их по слюноотделению у собак, при чем вызывал рефлексы эти опять-таки механическим путем.

Механические условные и сочетательные рефлексы наших маститых ученых уже дали много положительных данных в зоопсихологии.

Наш опыт, однако, дает нам основание утверждать, что вводимые мною приемы дрессировки животных, основанные на полном признании своеобразных психических процессов у животных, дают не механический, а чисто психологический подход к дрессировке животных, при чем достигается лучший результат, ибо механические, насильственные, а тем более болевые методы тормозят воспитание условных сочетательных рефлексов [2]), действуя отрицательным образом на психику животного, и ни в коем случае не дают столь важного духовного контакта с животным. Отсутствие же психического контакта с животным не позволяет достичь тех часто ценных по своему значению реакций, кои имеют место лишь при применении

---

[1]) Я имею здесь в виду новейшее исследование акад. Е. Лазарева (Recherches sur la theorie ionique de l'excitation) относительно ионической теории возбуждения, а также относительно доказанного еще ранее у нас колебания токов действия мозговой коры при ее функционираваниии (см. диссертационную работу д-ра Тривуса и работу д-ра Ларионова, вышедшие из моей лаборатории). При этом колебания электрической энергии, которыми сопровождается возбуждение коры и проводников, должны неизбежно сопровождаться развитием Герцовских лучей, которые, как известно, передаются в разных направлениях.

[2]) Описание тормозящих действий см. „Объективная психология" акад. Бехтерева, стр. 197 и 358.

моего метода. Работая как специалист дрессировщик в течение почти полувека, я не встречал, как в России так и заграницей, что либо подобного моим методам дрессуры, основанным на вышеупомянутых эмоциональных рефлексах.

Некоторые трудности представляют для нас обозначение коротким названием нашего приема дрессировки: подобно Бехтереву и Павлову мы считаем основой психической деятельности рефлексы головного мозга, употребляя старое выражение Сеченова; однако, наша точка зрения имеет не только черты сходства с воззрениями указанных ученых, но и черты различия.

Черты сходства: основой психической деятельности человека и животных мы считаем рефлекс, при чем для выяснения его, важным условием мы считаем заинтересованность человека и животного (едой, материнским инстинктом, чувством трусости или смелости и т. д.).

Черты различия: мы признаем непосредственное внушение животному определенных переживаний тем же путем, как это делают гипнотизеры у людей; при чем важным условием удачи мы считаем эмоции дружбы и любви животного к дрессировщику и происходящие отсюда обезволивание животного, поэтому наш метод мы называем методом эмоциональных внушенных сочетательных рефлексов.

Загадочные явления, именуемые гипнотизмом, с точки зрения рефлексологии [1]).

В настоящем очередном заседании, в связи с последними моими работами по гипнотическим внушениям животному и человеку, я коснусь вопроса, который навряд ли возникал когда-либо в печати, так как приоритет по внушению животным принадлежит мне [2]). Вопрос этот заключается в следующем: имеется ли общее в актах внушения животному с внушениями человеку и как мы должны понимать гипнотизм?

Занимаясь несколько лет изучением поведения прирученных, доместицированных, так называемых дрессированных животных, связанного с выражением ощущения их, стараясь ответить на главные

[1]) Доклад В. Л. Дурова, прочитанный 9/XI 1923 г. в заседании гипнологического общества в Москве.

[2]) Внушение животным понимать, как искусственное наталкивание на оживление следов в мозгу на определенные действия.

запросы зоопсихологии (имеют ли животные представления в мозгу, имеют ли способность к логическому мышлению и т. д.), мы наталкиваемся на особое поведение животных, которое вызываем гипнотическим влиянием, мысленными внушениями, внушениями на расстоянии и т. д.

Желая проникнуть в природу этих явлений, мы прибегаем к сравнительной психологии и пользуемся своими субъективными данными; тем невольно наталкиваемся и на сравнительную психологию человека и животного в области интересующего нас вопроса внушений.

Природа внушений человека человеку, самовнушение, массовые внушения и почти все вопросы, связанные с этими явлениями, известны с древних времен. Подобные явления в животном мире являются нам почти совершенно новыми как и сама молодая наука—зоопсихология. Слово—почти я сказал не случайно, ибо кое-что, относящееся к загадочным явлениям в животном мире, нам сравнительно известно давно.

Это «давно» надо считать половина 17 столетия. Первый патер Кюрхер описал опыт с курицей, назвав его удивительным опытом «экспериментум мирабилэ». Загадочные явления с людьми были известны в глубокой древности и объяснялись сверхъественной, божеской и дьявольской силой. Со временем фанатизм исчезает и непонятным явлениям дается уже другая научная окраска.

Во второй половине XVIII века первым является Мессмер, который этим загадочным явлениям дает свое опредение более естественное, упрощенное—магнетическую силу, происходящую якобы от планет; несмотря на необоснованность такой теории, общество особенно заинтересовалось загадочными явлениями и впервые проявило желание изучить эти явления, в чем и заключается особая заслуга Мессмера. Мессмер, убежденный в своей теории и облегчая больных минеральными магнитами, сам нечаянно замечает, что магнетическая целебная сила его жидкостей дает такие же результаты, как простые пассы и накладывание рук на больного. Месмер бросает магниты и лечит только пассами, приписывая им магнетизм. За изучение явления животного магнетизма берется впоследствии хирург Бред и приходит к заключению, что загадочные явления носят вполне реальный характер, но ничуть не зависят от магнетизера и доказал, что вся суть сводится к деятельности настроенного воображения, к сосредоточиванию мысли и внимания и к непосредственному влиянию воли самого субъекта, т.-е. носит субъективный характер. Бред назвал эти явления гипнотизмом, каковое название и сохранилось до нашего вре-

мени. Я напоминаю вам историю гипнотизма для того, чтобы нарисовать картину эволюционирования упрощений объяснения этих загадочных явлений. В настоящее время эти явления еще более становятся понятными и, сохранившемуся названию гипнотизм, придается характер рефлексов.

Академик Павлов в своей новейшей книге «20-летний опыт», вышедшей в нынешнем году (1923), пишет сообщение, сделанное на 3-м съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2-го января 1916 года о рефлексе цели.

В докладе в Петербургском Биологическом об-ве в 1917 г. о рефлексе свободы, там же всвоей замечательной книге он пишет: «При ближайшем анализе между тем, что называется рефлексом и тем, что обозначается словом инстинкт, не оказывается фундаментальной разницы» (стр. 209 в примечании).

Рис. 46. Немецкая овчарка „Марс“ (кобель).

При ознакомлении с его трудами перед нами развертывается картина ясного представления о сложной якобы психической деятельности. Он сам упоминает о простоте образования условного рефлекса и считает, что нет никаких оснований называть его особенно сложным процессом (стр. 17). На стр. 169 он отмечает, что при исследовании условных рефлексов совершенно сам собой восстал перед ним вопрос гипнотизма и сна. Тут загадочные явления уже начинают отпадать и гипнотические внушения рисуются нам как ряд условных рефлексов.

Рис. 47. Опыты усыпления „Марса“ внушением.
Первая стадия: внушение и протест „Марса“.

Рис. 48. Опыты усыпления „Марса“ внушением.
Вторая стадия: „Марс“ поддается усыплению.

Возьмем, как пример, гипнотический сон. Это явление, вызванное экспериментатором у перципиента, рисуется мне в связи с условными рефлексами так:

По Павлову внутреннее торможение условных рефлексов и сон— это один и тот же процесс (стр. 226). Если это так, то от качества торможения, т.-е. от сильной или слабой степени торможения зависит и качества сна. Значит искусственное слабое торможение условного рефлекса на сон может вызвать искусственный слабый сон, т.-е. гипнотический. Предположим первоначальная посадка в кресло «Марса», (см. рис. 46), тишина в комнате, ограничение движения, продолжительность фиксации взглядом составляют условные раздражители на безусловный рефлекс, на еду (вкусопоощрение). Эта ассоциация вызывает первоначально сонливость собаки. Она начинает закрывать глаза. Обезволенная первоначальной дрессировкой, она слабо протестует (отворачиванием головы в сторону и защитительным движением передней лапы (см. рис. 47) и невольно отдается желанию спать. Укладывается в кресло удобнее и уже впадает в гипнотический сон. Сначала в легкий, а затем по мере продолжительности и в крепкий, как бы в естественный (см. рис. 48—50). В гипнотическом сне некоторые органы чувств бодрствуют, т.-е. осязание, слух и обоняние функционируют, но постепенно теряют свою остроту и в конце-концов перестают реагировать на внешний мир: дыхание становится ровнее и полнее. В наших опытах обоняние у «Марса» первое перестает действовать (см. рис. 51). По пробуждении от внушенного сна собака приходит вновь в бодрое состояние (см. рис. 52). Я внушаю ей потянуться, что она и выполняет, аппетитно потягиваясь, расправляет свои передние и задние лапы (см. рис. 53). После этого я внушаю ей почесывание сначала правого бока, а затем и левого (см. рис. 54). Воля собаки, понятно, играет первоначально роль, так как она связана с авторитетом дрессировщика. Опыт усыпления пробовал поставить чужой человек для «Марса», и «Марс» не только не начинал закрывать глаза а тотчас же протестовал против фиксации взгляда, соскочив со стула, ушел в другую комнату, несмотря на приказание сесть на прежнее место для повторения опыта. Очень похожие явления получились в опытах внушения больному заике этот 3-й опыт в моей жизни опущения людям был также удачен, как и предыдущие ему два. Считаю нужным познакомить вас подробнее с обстоятельствами, которые вызвали с моей стороны опыты с больным Г. Я был приглашен вступить членом в Московское Гипнологическое об-во. На закрытом заседании, где присутствовало несколько врачей, был поднят вопрос о больном Г.,

Рис. 49. Опыты усыпления „Марса“ внушением.
Третья стадия: „Марс“ лег, поддаваясь усыплению.

Рис. 50. Опыты усыпления „Марса“ внушением.
Четвертая стадия: „Марс“ закрывает глаза, засыпает. Начало сна.

который не поддается внушению, при чем было отмечено, что вышеупомянутого Г. лечили неудачно три врача и четвертый д-р П. В. Каптерев, который пробовал внушать спать и поднять во сне руку, но признал, что опыт его был неудачен. Г. демонстрировался как человек, не поддающийся внушению. И мое предложение испробовать моим оригинальным способом, поддается ли перципиент внушению или нет, было охотно принято. Я предложил больному стать против меня и смотреть мне в глаза. Я сделал прием со сдвиганием пальцем с места, который я применял несколько раз и который вам известен. После удачного моего приема я категорически заявил, что этот субъект, наоборот, поддается внушению. Это сдвигание пальцем уже послужило установлением обоюдного контакта.

В один из дней после заседания Г. явился ко мне с письмом от нашего члена З., который подчеркнул в письме безуспешность лечения Г. и просил меня лечить Г., так как между мною и Г. восстановился рапорт. Вот та связь или, лучше сказать, мой авторитет послужил успешному внушению Г. Этот факт по аналогии похож на упомянутый мною контакт с «Марсом» и имевший место там же мой авторитет над ним.

Опыты усыпления Г. я старался производить одинаковыми приемами, как и с подопытными животными.

При этом бросается в глаза полнейшее сходство в поведении засыпающего перципиента Г. с поведением засыпающей собаки «Марса».

Если принять во внимание психофизический паралеллизм, т.-е. тесное нераздельное взаимоотношение психического и физического мира каждого живого существа, то и здесь должна быть налицо тоже полная аналогия между сонным состоянием человека и животного.

Как у человека, так и у животного химический состав крови, вырабатывающийся при неподвижном (во сне) положения тела, влияет на психику животного и человека однородно.

Физико-химические процессы в мозгу человека и животного, возможно, что могут быть по качеству и количеству различными, но в результате приводят к одному и тому же факту—сну.

И действительно, сон человека и сон животного имеют все одинаковые признаки.

Теперь, когда я фактами (см. описание раньше) установил наличие сновидений у животных, то само собою получается аналогия со сновидением у людей. Поэтому внушение как агент, наталкивающий на оживление следов в мозгу *человека* на какое-либо действие, точно так же будет действовать и на мозг *животного*.

Рис. 51. Усыпленный „Марс“ не слышит запаха мяса. Последняя стадия: притупление обоняния и слуха.

Рис. 52. По пробуждении от вызванного внушением сна.

Обычно при внушении сна человеку применяются слова. При внушении же животному слова вполне заменятся мимикой и движениями гипнотизера и обстановкой, окружающей животное. В особенности доместицированное животное быстро устанавливает и понимает пантомиму человека, заменяющую ей в этом случае речь. Не знаю, производились ли с людьми опыты многократного последовательного усыпления и пробуждения в один сеанс.

Я это делал со своими животными и мне удалось отметить, что с каждым разом от опыта до опыта время, потребное для усыпления животного сокращалось все более и более (до 2-х минут).

В опыте с Г. мною отмечено то же самое. Таким образом в этом получается еще одна аналогия между сном человека и животного.

В случае с Г. я предполагал произвести 6—7 сеансов по расчету времени, но в действительности из-за его отъезда я имел только 4 сеанса.

Из оставленной мне Г., автобиографии усматривается действие моих приемов. Вот его записи.

9-го октября 1923 г.

Я, Борис Николаевич Г., сын крестьянина села Вичучи, Кипликенского уезда, Иваново-Вознесенской губ., 19 лет, страдаю горловыми спазмами, которые ужасно затрудняют речь.

Болезнь эта началась (как рассказывали родители) с 7-ми лет, произошла она (по их же словам) от подражания моему старшему брату, который страдает такой же болезнию, но в гораздо меньшей степени.

Учение для меня было сплошной мукой, я не мог отвечать на задаваемые вопросы только потому, что не мог быстро (когда это необходимо) отвечать. И чем дальше, тем учение для меня становилось все труднее и труднее и в конце-концов я был принужден его оставить.

Доктора, к которым я обращался, говорили, что эту болезнь можно вылечить лишь только гипнозом. И вот полтора месяца тому назад я приехал в Москву к знакомому гипнотизеру В. И. З. и начал лечение. Но к великому моему прискорбию дело на лад не шло,—я не поддавался гипнозу. Когда я направился к другому, третьему, четвертому,—результаты были те же.

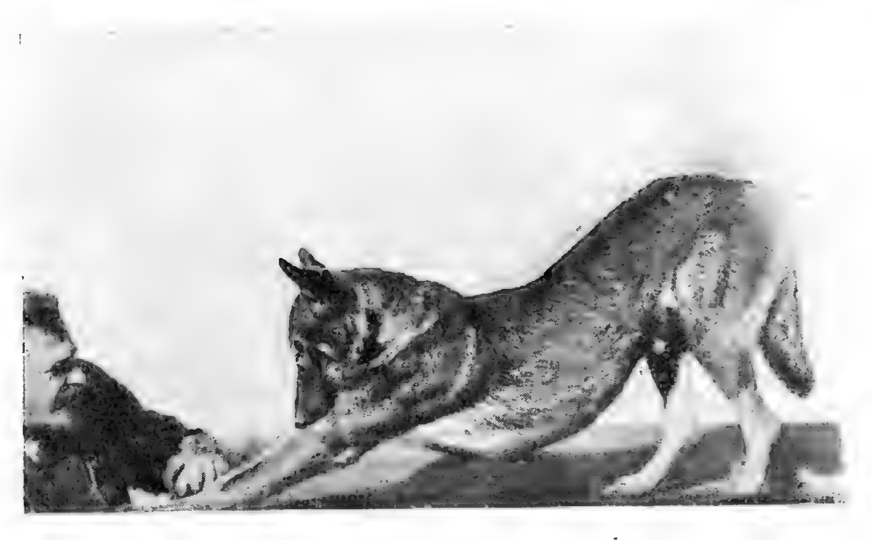

Рис. 53. „Марс“—внушение потягивания.

Рис. 54. „Марс“—внушение почесывания.

Моей последней надеждой был В. Л. Дуров, с которым я встретился в Гипнологическом о-ве и который на меня сразу подействовал, когда ему о-во предложило попробовать сделать мне внушение.

Владимир Леонидович начал лечение совершенно по иному методу, чем все предыдущие, т.-е. он начал усыплять постепенно.

В первый сеанс я только дремал, во второй я уже находился в полузабытьи, так что веки мог поднять с большим трудом, и мог открыть глаза только по приказанию В. Л.

Придя в себя, я чувствовал себя очень хорошо, т.-е. спокойно и уверенно, говорить я стал сразу гораздо лучше, несмотря на то, что в комнате были совершенно незнакомые для меня лица: дочь В. Л., артист П. М. С. и прислуга, которых я при усыплении не видал, находясь вдвоем с Владимиром Леонидовичем.

Дома этот день я также чувствовал себя хорошо.

9-го, т.-е. сегодня, я пришел на 3-й сеанс.

Борис, Г.

В начальный I-й сеанс Г. уснул в течение 13 минут. Во II сеанс—в 10 минут. В тот же день состоялся III сеанс, когда потребовалось лишь 7 минут (см. протокол). Но прежде, чем прочитать протокол, считаю необходимым обрисовать мои некоторые переживания во время усыпления, которые, по-моему, имели значение.

Дело в следующем: фиксируя взглядом Г. в присутствии моих сотрудников, проф. Кожевникова и проф. Леонтовича, я, желая как можно скорее привести Г. в сонное состояние, мысленно жалел, что перед сеансом не попросил сотрудников не разговаривать, так как помнил, что они часто разговаривали при усыплении животных, Прервать же фиксацию для того, чтобы попросить не разговаривать я не хотел, так как время было уже записано, и я каждую минуту опасался, что они нарушат тишину. Зачитаю теперь выписку из протокола научного заседания 9 октября 1923 г.

I. Произведен гипноз заики Бориса Николаевича Г. Владимиром Леонидовичем Дуровым (приложение к протоколу записки Г. с 9-го октября 1923 г. с автобиографическими сведениями и данными о болезни и 2 письма д-ра З.). (Г. не поддавался гипнозу врачей и вот в Гипнологическом Обществе предложили Владимиру Леонидовичу подвергнуть его гипнозу) 2 прежних сеанса дали некоторую удачу, сегодня 3-й.

В 9 часов 30 минут вечера начат сеанс. Владимир Леонидович усадил Б. Г. на диван—полулежа рядом с собою и стал говорить ему успокоительные слова: «Вы станете спокойны; ваша речь будет покойна, она будет литься свободно, беззаботно, без дум, подсознательно. Я внушаю вам так же, как своим животным.

Вы уснете спокойно. Вы еще смотрите, смотрите в одну точку. Вы уснете и будете слушать каждое мое слово».

9 часов 37 минут. Г. спит. По соседству кричит попугай. Г. спит.

9 часов 40 минут. Владимир Леонидович говорит: «Когда проснетесь, чувствуйте себя легко и здорово, не думайте о вашей речи, пусть она будет свободна».

9 часов 41 мин. «Открыть глаза».

Г. открывает глаза и встает. При расспросе говорит, слегка заикаясь. На вопрос, когда он спал лучше—теперь или в прошлые разы—сказал, что теперь. Говорит, что во сне слышал разговоры присутствующих (проф. Кожевникова и Леонтовича), хотя разговора и не было. В 9 часов 46 минут он ушел».

Смею предполагать, что мои навязчивые опасения и мысли о разговоре передались Г., если это только не было совпадение. Я тут же решил в следующий сеанс проверить это, внушая Г. без слов—как моим животным.

В 4-й сеанс в 7 часов вечера я приступил к внушению. Молча посмотрел в глаза Г. и мысленно приказал ему лечь на диван. Г. как бы догадался и также молча лег, не дожидаясь обычного приглашения. Фиксируя взлядом, я мысленно приказывал перципиенту отвечать отказом, если кто-нибудь станет его будить, и слушаться только меня. В течение около одной минуты дыхание у Г. становится ровнее; в 7 час. 4 мин. Г. закрывает глаза. На мой вопрос: «спите-ли»—отвечает вяло: «сплю, все слышу». Я мысленно приказываю поднять руку. Г. не реагирует. Смотрю на руку Г. и, напрягая свою, внушаю молча: «поднять, поднять». Рука Г. как будто напряглась, я заметил движение мускулов предплечия, но рука оставалась в прежнем положении. Я поднял ее сам и, согнув кисть, оставил в согнутом положении. При изгибании я заметил восковую подвижность мышц, характерную для каталепсии. Желая проверить, нет ли здесь симуляции, я поднял свою руку, и, согнув также кисть, держал ее до тех пор, пока мог вытерпеть: боль и ломота заставили меня ее отпустить. Постояв так некоторое время я, вышел из комнаты и позвал служащих, при этом шепнул одному из них: Е., ведите запись, а потом зовите Г. из комнаты к себе».

Вот что записано Е.:

«Половина восьмого В. Л. Дуров попросил меня, Е., в гостинную, где я увидел усыпленного Г. с поднятой рукой.

55 мин. восьмого В. Л. Дуров опускает руку усыпленного Г. в естественное положение, не нарушая его сна. В этом поло-

жении Г. пробыл 2 мин. 50 сек. В 7 час. 37 мин. 50 сек. В. Л. Дуров берет руку Г. и произносит следующие слова: «Я вам внушаю поднять руку». Действительно рука была поднята приблизительно под углом 60 градусов и оставалась без движения.

В. Л. Дуров продолжает: «У вас ваша рука немеет, вы не чувствуете изгиба вашей руки». После этих слов рука Г. приняла вид ломанной линии и особенно была согнута в запястьи, приблизительно под углом 120 град., при чем пальцы руки были направлены к низу и оставались в таком положении $2^1/_2$ минуты. Пальцы были синие, а особенно под ногтями. В 7 час. 40 мин. 20 сек. В. Л. Дуров сказал: «я приказываю вашей руке опуститься». Рука Г. опустилась. В. Л. Дуров берет очиненный карандаш и булавку и колет попеременно острием карандаша и булавки верхнюю часть руки Г. и спрашивает: «чувствуете ли боль?» Г. отвечает: «нет». Это продолжалось несколько раз. На все нанесенные уколы в руку Г. Г. отвечает, что он нечувствует никакой боли, хотя отвечал сквозь сон. После этого я, Е., подошел к месту, где лежал Г. и сказал: «Боря, идем отсюда!» Но он мне ничего не отвечал. Я второй раз и громко сказал: «Боря, идем!» Г. сказал сквозь зубы, что он не пойдет: «ему здесь хорошо». После этого В. Л., обращаясь к Г. сказал: «Я вам приказываю и внушаю не бояться никаких испугов. внушаю, чтобы ваша речь была свободная и последний раз внушаю, чтобы ваши спазмы освободили ваш разговор и внушаю вам проснуться». После всего сказанного Г. проснулся и сказал, что ему холодно, лихорадит, и что по нем пробегает как бы нервная дрожь. После этого я, Е., заметил, что Г. стал говорить гораздо свободнее.

1923 года 12 октября. Е.

В результате, следует признать, что не только проявления сна у людей и животных одинаковы, но одинаковыми являются и методы вызывания сна у человека и животного. Обстоятельство это заслуживает серьезного внимания и должно быть использовано в интересах научного исследования проблемы сна вообще.

Формулировка метода внушенных[1]) эмоциональных рефлексов при дрессуре животных.

Если считать открытие новых методов исследования прогрессом для науки, то выведенные мною законы эмоциональных реф-

---

[1]) Внушение считать действием наталкивания на оживление следов в мозгу животного.

лексов в настоящее время должны являться, именно, прогрессом в зоопсихологии.

Законы эти формулированы мною в сжатом виде так:

1. Эмоциональные рефлексы осуществляются без труда (в моем случае), если они передаются животному путем мысленного внушения при условии установления психического контакта между человеком и обезволенным животным.

2. Внушение эмоциональных рефлексов животным осуществляется независимо от наличия преград между взором человека и взором животного таких, как например: экраны тканевые, деревянные, металлические, парафиновые и др.

3. Внушенный эмоциональный рефлекс, оставляя следы в мозгу животного, может осуществить заторможение внушенного следом за ним рефлекса. В то же время первоначальный рефлекс может возбуждаться вновь при попытке к внушению последующего рефлекса, благодаря этим же следам.

4. Однажды задуманное и отмененное внушение оставляет следы в мозгу экспериментатора, благодаря чему, помимо его воли, при попытке нового внушения, животное исполняет первое внушение (отмененное). При второй попытке осуществить отмененное (первое) внушение, осуществляется второе.

5. Внушение эмоциональных рефлексов животному может осуществляться без применения со стороны человека каких-либо знаков, действий и др. обстоятельств, необходимых для руководства животному, но применение этих знаков и др. условностей значительно облегчает задачу внушения вначале и в то же время в значительной степени способствует успешности выучки, дрессировки животного впоследствии.

6. Применение болевых ощущений и длительных голодовок при механической дрессировке животных, доставляя физические страдания животным, в значительной степени уступает по своей успешности методу дрессировки путем применения внушенных эмоциональных рефлексов.

7. При дрессуре животных по методу внушенных эмоциональных рефлексов достигается прежде всего психический контакт с животным, затем получается ассоциация идей одинаковая у человека и животного. Вслед за этим животное выполняет последовательно внушенные закономерные движения—реакции.

8. При достаточно частом повторении искусственно воспитанного эмоционального рефлекса, таковой животным как бы зазубривается и затем переходит в привычку.

9. Привычка у животного со временем устанавливается настолько сильной, что искусственным торможением впоследствии можно ее лишь видоизменить, но для полного искоренения потребуется длительное время и значительные усилия.

10. Благодаря отсутствию механических воздействий при применении внушенных эмоциональных рефлексов, отсутствуют и явления торможения, отсюда метод вызывания внушенных эмоциональных рефлексов обладает максимумом чистоты и точности воздействия.

11. Новые рефлексы создаются из натуральных наличных у животного рефлексов путем парциального (дифференциального) затормаживания (и растормаживания) некоторых из частей этого рефлекса и путем закрепления, а и иногда последующего усиления или видоизменения полученной новой комбинации.

Что такое „внушение“.

Я привел факты. Теперь попробую дать этим фактам посильное объяснение. Над загадочной областью внушения, стараясь объяснить это явление, я думаю давно, начиная с 1894 года, когда впервые я случайно натолкнулся на способность животного без слов понимать человека.

Сильное мысленное желание, чтобы моя «Бишка», никогда не кусавшаяся, укусила за локоть жену, привело к тому, что «Бишка», хотя и не охотно, но исполнила это внушение, крайне удивив жену, которая не знала о внушении и заподозрела «Бишку» в заболевании бешенством. Подробное описание этого случая я привожу во второй части в моих воспоминаниях.

С тех пор я думаю над этим загадочным явлением, но до сих пор не пришел еще к определенному выводу. В разное время я останавливался на различных объяснениях. Приведу эти объяснения в том порядке, как я их записывал.

В эпоху около 1905 года было общее увлечение таинственными, невидимыми силами, спиритизмом и т. п. И вот, может быть, под влиянием царивших идей, я стал считать сущностью внушения— излияние особенного флюида, с помощью которого и передается внушение. Я думал тогда, что флюид, или энергия, во время внушения передается от внушающего воспринимающему прямо, непосредственно, помимо органов чувств, и с ним вместе передаются идеи, чувства и желания.

Так, я думал, что качество или количество флюида играет первую роль при внушении. Флюид или энергия также вырабатываются организмом, как и другие силы и качества, свойственные человеку. Но энергия бывает различная, т.-е. сильная и слабая. Слабое проявление энергии, или слабый флюид, также можно определять количественно, т.-е. флюида может быть очень много и очень мало. Это одно и то же—что качественно, что количественно; смысл один и тот же, и при внушении возможны уклонения в ту и другую сторону. От уклонения зависит и качество опыта: сильная энергия или большая энергия—и опыт яркий и точный, слабый флюид или малый—и опыт плохо, туманно, приблизительно выражен. Вот что пишет Ан. К., в журнале «Ребус»: 9-го января 1907 г. «Нормально душа и тело развиваются гармонически, параллельно, но гармония нарушается, часто проявляются уклонения в развитии и функциях души и тела. Наросты, отложения от увеличения продуктивной деятельности клеток, тканных элементов, в одной части организма нарушают целость и заставляют его функционировать анормально. Ничтожная нервная клетка, под влиянием случайной причины, может расстроить весь великолепный организм мозгового аппарата и дать начало своеобразным отправлениям. Лунатизм, истерия, галлюцинации и прочее—все это явления этого порядка; здоровый организм их не знает. Медики правильно поступают, изучая прежде здоровый организм, а потом больной. Прежде анатомия, физиология, психология, а потом патология, терапия и психиатрия».

Из этого я заключаю, что каждое отклонение от нормального дает нам что-то особенное, своеобразное, что при близком ознакомлении и изучении в свою очередь приводит нас к пониманию чего-то нового, из ряда вон выходящего, того что обычная норма скрывает от нас.

Флюиды могут быть разные: мой, ваш, их. «Убеждения людей придают соответствующее свойство их флюиду» (говорит Ан. К). Мы теперь знаем, что есть флюид отрицательный, парализирующий, флюид положительный, что интенсивность флюидов не одинакова, и в качестве их все дело. Может быть, что при случайном внушении «Принцу» был мною дан не столько качественно сильный флюид и его так было много в момент внушения, что он, не отклоняясь в сторону, прямо действовал непосредственно на подсознательный мозг «Принца», а затем при повторении опытов он был уже настолько слаб и мал, что действовал на «Принца», только раздражая его покой.

В первом случае, при гипнотизировании взглядом собаки Ланина, сила моего флюида была чрезмерная, качество энергии превосходное,—и я усмирил и покорил. Но попробуй я вторично,—наверное мне не удалось бы и я был бы изуродован, а может быть и умерщвлен. Инцидент с медведем тоже был только редким исключением, таким же случаем, как и со львом.

Все последующие опыты были слабые потуги проявления моего флюида.

Я в последнее время при моих опытах внушения и самовнущения уже ясно ощущаю в себе качество в данный момент энергии, т.-е. сильный ли был, или много ли было во мне флюида. При измерении моего пульса почти всегда после трех опытов он повышался до 120.

Опыты самовнушения в последний год (1908) моей ужасной болезни (ангина пекторис) настолько меня облегчали, что в сравнении с прошлым годом я почти здоров.

В конце сентября 1908 г., познакомясь с работами доктора Котика, я писал:

«Доктор Н. Г. Котик пишет, что психическое и физическое соединены между собою в виде мысли и мозга» (стр. 13—14) [1].

Многие данные экспериментальной психологии заставляют нас предполагать участие мысли, т.-е. психических процессов, в так-называемых бессознательных и даже рефлекторных актах, а такой основательный и осторожный психолог, как Джемс, принимает даже за «основной факт» своей науки то положение, что не только известные душевные состояния, как, например, волнение, но все вообще психические явления, как таковые, даже *чисто мыслительные процессы* и чувствования, по вызываемым ими результатам суть двигатели [2].

Раз мысль вызывает механическую работу, раз мысль есть двигатель, то она должна представлять собою форму энергии, которая вполне аналогична целому ряду других форм мировой энергии, способных также вызывать механическую работу и быть двигателями—иными словами, *мысль есть одна из многих форм мировой* единой энергии.

Отличительное свойство этой энергии есть способность *являться нам в виде представлений*, поэтому мы назовем ее *психической энергией* или *психоэнергией*.

---

[1]) Книгоиздательство „Современные проблемы". Д-р Котик. Непосредственная передача мыслей (Экспериментальное исследование). Москва, 1908 г.

[2]) У. Джемс. „Психология". Русск. перев. 1905 г., стр. 4.

Проникая в смысл написанного и в самого себя, я чувствую правоту научных определений д-ра Котика. Чем иным можно назвать, как не энергией, мое психическое напряжение во время опытов внушения животным! Я произвожу мысленное усилие, напрягаю, сосредоточиваю мою волю. Разве эти усилия не есть часть моей силы, затрата моей энергии? Сила, энергия и воля—вот те стимулы, которыми я произвожу мои эксперименты с животными и с самим собой (внушения и самовнушения); несомненно, что только посредством моей психической энергии я действую на обезволенных животных и на себя. Каждый раз после трех или четырех опытов у меня учащается пульс до 120 ударов в минуту, но затем наступает реакция в виде сильного переутомления.

Разве это не говорит за то, что психоэнергия есть двигающая сила?

Эту силу я беру как бы взаймы у природы и потом отдаю с процентами в виде ее упадка, иногда и головной боли, сердцебиения и болезненного сжимания сердца.

Как хорошо было бы проверить все это научными методами с свидетельством ученых.

Д-р Котик пишет: «Трата нервной энергии выражается в увеличении (усиленном выделении) продуктов распада нервно-мозговой ткани и сказывается в наступающем общем чувстве умственного утомления»[1]).

«Мы признаем,—говорит Оствальд,—что энергия, связанная с сознанием, есть наивысший и самый редкий вид энергии из всех нам известных; она образуется только в особенно развитых органах—даже мозг различных людей выказывает чрезвычайное различие в количестве и деятельности этой энергии» [2]).

Вот почему у многих, пробовавших внушать моим животным, ничего не выходило, или выходило наполовину. Мне самому не всегда удаются опыты, несмотря на то, что я частыми сеансами и контрольными опытами как бы развиваю в себе способность управлять мыслями. Я умею ярко, детально, с мельчайшими оттенками представить в своем воображении нужный предмет и действие. Напрягаю свою волю, как бы мысленно толкаю животное, и почти всегда одинаково, но опыты проходят не одинаково удачно. Часто, помимо моей воли,

---

[1]) Д-р Котик. Москва, 1908 г.

[2]) Почему психическая энергия является нам в виде мыслей, этого мы знать не можем, как не знаем и того, почему, например, энергия трения является нам в виде тепла и электричества.

незаметно для меня, в моем подсознании происходит какой-то процесс. Я приведу пример. Агент (загадыватель) задает мне в следующей форме задание (буквально): «Внушите вашей собаке, чтобы она подошла ко мне и взяла карандаш; нет, лучше, чтобы она взяла его со стола; впрочем, пусть подойдет к стулу и возьмет эту перчатку»... Я, по обыкновению, перед тем как внушать, смотрю на то место, по которому собака должна, соскочив со стула, пройти; затем перевожу мой взор на стул и уже потом на конечную цель—смотрю на перчатку. Все это я стараюсь зафиксировать в своем мозгу, т.-е. путь, по которому собака должна итти—пол, стул и перчатку.

Затем сажаю собаку против себя и, смотря ей в глаза, все это представляю в своем воображении, затем последний приказ мысленно «иди», и я отхожу в сторону, давая ей путь к исполнению. Собака соскочила со стула и направилась к загадывателю-агенту, тронула его руку своим носом... Я, видя, что собака идет не туда, и думая, что я недостаточно ей внушал и рано пустил для исполнения, невольно кричу: «Пик», «иси»! Тотчас же собака направляется к столу и нерешительно поднимает голову наверх, ходит около стола, описывая круг, а затем, попадая в полосу внушенного пути, быстро подбегает к стулу и так же быстро хватает перчатку.

Ясно, что помимо моей воли и совсем для меня незаметно, первое задание агента оставило след в моем мозгу, в моем подсознании как бы отпечатались вид руки агента с карандашом и стол.

Несколько раз я, раздосадованный, оставлял опыты, считая их неудачными, видя, как собака брала какой-нибудь предмет, о котором я и не думал. Но я ошибался, ибо невольно, бессознательно, как-то вскользь, все-таки я фиксировал предмет в моем подсознании. Эти результаты опыта с научной точки зрения были куда интереснее, чем эффектные исполнения заданного. В этих случаях ясно и доказательно представлялось, что другие иные побочные мысли или, лучше сказать, попутные представления картин и следы мимолетных впечатлений, тоже оставляют след и являются памятью в нашем подсознании.

Все эти явления необходимо проверить строго научно. Единственным средством я считаю, это продолжать работу мне не одному, а со специалистами и сделать не менее 100 последовательных опытов. Тогда цифровые данные нам укажут многое. Всю эту работу очень хотелось бы произвести как можно скорее, пока я еще жив».

Так писал я в 1908 г. Затем мне пришлось ознакомиться с работами акад. Бехтерева. Я обратил внимание на новые стороны во-

проса. В процессе внушения многое, что раньше казалось мне неясным, прояснилось. Взгляды мои стали определеннее, и я писал уже следующее:

У людей уже давно под словом «внушение» установилось понятие автоматической передачи мыслей одного другому, независимо от воли воспринимающего.

Под это слово подводят гипнотические явления, т.-е. внушение в особом дремотном состоянии, которое называют гипнотическим сном. Сюда же относят внушение в бодрственном состоянии при условиях особого подавления воли, например, в толпе, при сомнамбулизме и т. п. Сюда же относят и так-называемое мысленное внушение, т.-е. передачу мыслей на расстоянии, без слов.

Мои опыты являются опытами внушения животным без слов, при помощи одного напряжения мысли.

Часто скептицизм свидетелей моих опытов заставлял меня, по выражению проф. Ф. Е. Рыбакова, слоняться из угла в угол и не давал мне возможности определенно и ясно возражать и доказывать скептикам наличность явлений, вызываемых моей «интуицией», да и я, по правде сказать, много лет пользуясь этими явлениями на цирковой арене, не мог объяснить их сущности. В последние годы, отдавшись серьезно молодой науке зоопсихологии (вылившейся у меня главным образом в изучении психорефлексологии, которая в настоящее время делает свои первоначальные шаги), я стал отчасти понимать и расшифровывать эти загадочные явления, проходящие по всей моей работе.

С 13-летнего возраста, т.-е. 46 лет тому назад, я впервые начал пользоваться рефлексами у животных, что я называл тогда дрессировкой. На много позднее ученые, как-то: академики Бехтерев и Павлов, обратили свое внимание и стали изучать рефлексы, выявляя их в своих лабораториях механическим оперативным путем, как-то: электрическим током, кислотой, световыми раздражениями и т. п. Я же, наоборот, оперировал, вызывая рефлексы путем психического воздействия. Это есть уже совсем другой оригинальный, мой способ, не механический, какой практикуется до сих пор в лабораториях Бехтерева и Павлова, а непосредственное воздействие на психику животного. К механическим способам мой способ имеет только косвенное отношение постольку, поскольку болевые или насильственные приемы действуют на психику живых существ (розги на ученика, кислота на выделение слюны у собак и проч.).

Самый процесс выявления некоторых реакций очень разнообразен

и нами в нашем учреждении почти определен. Некоторые процессы подлежат дальнейшей разработке и определению экспериментальным путем.

К таковым реакциям относятся, по-моему, вызываемая мною у попугая «Жако» половая мимика, т.-е. токование, сопровождаемое символической мимикой (призывной свист), сопутственно-подражательная мимика белого какаду, вызванная психо-рефлекторная мимика у собак, отбрасывание ими задними ногами воображаемой земли, аналогичная психо-рефлекторная мимика у курицы (разрывание земли), использованная мною для ее игры на цитре, и ее символическая мимика передачи корма своим цыплятам, воображаемое зарывание лисицей корма носом, дутье в музыкальный рожок собаки «Дэзи», заданное количество раза лая, усыпление, почесывание, потягивание, зевота, чихание у собак и мысленное приказание им подачи различных предметов и т. д.

Я разделяю все ассоциации на 3 группы, мне известные, которыми я пользуюсь при так-называемой дрессировке.

1-я группа,—это простые, мне вполне понятные рефлексы, которыми посредством вкусопоощрения, интонировки и повадко-приманки (моя терминология) я заставляю животных брать, тянуть, толкать, передвигать по нужному мне направлению различные предметы, преодолевать препятствия на пути своего следования и т. д.

Ко 2-й группе я причисляю вызывание чувств у животных, т.-е. в любой момент вызываю у некоторых животных чувства, побуждающие их на чихание, зевоту, почесывание, потягивание, различные ощущения, связанные с духовной организацией животных, вызываю различные психические переживания, как-то: радостный лай, страдальческий вой, злобу, угнетение и т. д. (См. киноленту: «И мы, как люди», разыгрываемую моими животными).

К 3-й группе я отношу не совсем понятную для меня комбинацию ассоциаций, т.-е. представление в уме животного моих мозговых представлений, передаваемое в его сознание или подсознание. Эти ассоциации идей мы называем мысленным внушением.

Прежде чем рассматривать механизм внушения, постараемся определить, в чем состоит процесс обыкновенной передачи мыслей от одного к другому при помощи словесных символов.

Словесная передача мыслей есть действие, посредством которого происходит оживление следов в корковых центрах перципиента; внешние впечатления оставляют след в мозгу, способный к оживлению как у экспериментатора, так и у перципиента. Оживление

нужного следа в мозгу перципиента есть действие, наталкивающее на нужный след, который может, благодаря сцеплению одного следа с другими, привести к нужной реакции. Наталкивание на известную идею есть процесс установления ассоциаций и условных рефлексов.

У людей это наталкивание происходит посредством словесного символа, а у животных по-моему словесные символы заменяются иным языком, т.-е. пониманием движения всех живых существ, встречающихся на их пути.

Особенно обращаю ваше внимание именно на это чувство у животных, которое настолько сильно развито в особенности у доместицированных животных, что движения человека, для него самого незаметные, наталкивают животное на предугадывание последующих действий.

«Каждый след возбуждает,—пишет акад. Бехтерев («Объективная психология», стр. 328),—другой след, с ним связанный, и оживляет его. Поэтому и в повседневной жизни впечатление постоянно восполняется целым рядом других следов, заимствованных из прошлого опыта.

Что касается передачи мыслей, то дело идет здесь о прививании при посредстве словесного символа одним лицом другому того или иного следа».

Повторяю: разве нельзя допустить, что оживление и прививание следов у людей происходит посредством словесных символов, а у животных может происходить не только посредством слова, а и посредством движений произвольных и непроизвольных, заменяющих в этих случаях словесные символы, тем более, что животные одомашненные гораздо тоньше понимают мимику, как я говорил выше, и движения человека, чем его слова, как таковые. Естественно, что животное воспринимает, усваивает сопутствующее слову движение, мимику и интонацию раньше слова, и только долгая практика заставляет его ассоциировать это движение, мимику, интонацию с данным словом.

Одомашненные животные понимают мимику и движения человека несравненно тоньше самого человека, замечая то, что для нас проходит совершенно незамеченным, чем и объясняется так-называемое предугадывание животными желаний и действий человека. (См. мой зоопсихологический очерк «Мои четвероногие и пернатые друзья», стр. 46—53). В указанном очерке я описываю дрессировку моих морских львов. В нескольких случаях я был сам поражен, как морской лев «Лео» давал «предметный урок» другому, вновь приобретенному мною в то время морскому льву «Ваське». Его преду-

гадывание моих желаний настолько сильно меня поражало, что я даже имел поползновение быть согласным с монистами сверху и чуть не стал объяснять поведение «Лео» в этих случаях антропоморфным, но в настоящее время, точно анализируя и восстанавливая детально в своей памяти поведение «Лео», я вижу только ясный пример особой способности предугадывания у животных. Многократные движения моего тела были усвоены «Лео» до поразительной тонкости: по незаметным для меня моим движениям «Лео» догадывался, что рыбу—цель его стремления—он получит от меня только тогда, когда «Васька» будет сидеть на своей тумбе и не будет бояться летящего к нему мяча. Косвенно помогая мне дрессировать «Ваську», «Лео», понятно, только желал получить скорее рыбу. Да много еще и других примеров из моей практики доказали мне правдивость моих предположений, что животные обладают особыми качествами, как-то: особо обостренным зрением, слухом и предугадыванием. Предугадывание животных принимается людьми, не вникающими в их психику, за какое-то предчувствие и предсказание; от этого в народе и появились различные ложные поверья, как-то: вой собаки, предсказывающий покойника, и тому подобные вздоры. Благодаря вот этому предугадыванию можно объяснить и оживление следов в мозгу животного и наталкивание, как бы подсказывание во время передачи мыслей ему, а потому я в праве утверждать, что каждое незаметное для меня мое движение, вплоть до ритма дыхания и пульсации, может содействовать в данных случаях оживлению следов в мозгу собаки и, благодаря сцеплению других следов, наталкивать на действия, требуемые от животного. Благодаря этой-то способности животных и оказывается возможным сравнительно легко внушать им без слов.

Внушение отличается от простой передачи мыслей тем, что при внушении оживление следов совершается автоматически, помимо участия воли и критической мысли воспринимающего. Чтобы это произошло, необходимо, чтобы воля так или иначе была подавлена. При гипнотическом внушении подавление воли происходит через посредство наступающего гипнотического состояния. При жизненных случаях в бодрственном состоянии воля может быть подавлена влиянием авторитета, силой привычки и тому подобное. В моих опытах внушения животным воля подавляется главным образом при помощи доместикации, одомашнивания. Чем выше мой авторитет в глазах животного и чем более, говоря вообще, оно меня привыкло слушать, тем скорее осуществляется внушение.

Собака при этом как бы читает мои мысли, пользуясь своей способностью предугадывания, по моим непроизвольным движениям, по интонации голоса и т. п. Привыкнув вообще меня слушаться, она не оказывает внушению внутреннего сопротивления, и мысли непосредственно вызывают требуемые действия.

Однако для подавления воли животного мне обыкновенно приходится еще производить некоторое внутреннее волевое напряжение. Вот это-то внутреннее напряжение, желание мое во что бы то ни стало оживить у животного требуемый след, ведущее к подавлению воли животного, и составляет в сущности главный момент внушения.

Попробую проследить за одним из актов внушения: предположим, мне необходимо внушить собаке, чтобы она зевнула. Уловив момент спокойного состояния собаки, я прежде всего вызываю различными приемами ее сосредоточенное внимание на меня, без коего невозможно ни одно внушение (так же, как и у людей). Понятно, животное должно быть раньше воспитано для воспринимания внушения, т.-е. необходимо стать для него авторитетом, так же как и для гипнотизируемых людей.

Сосредоточенное внимание как у людей, так и у животных подготовляет почву для различных внушений, и если внушение есть действие, посредством которого происходит автоматически оживление следов в мозгу, и если внешние впечатления у животных так же, как и у людей, оставляют след в корковых центрах, способных к оживлению,—то животное так же, как и человек, должно поддаваться внушению.

Вернемся к акту внушения зевоты. Фиксируя собаку взглядом, я представляю в своем воображении акт зевоты, сам невольно и незаметно для себя сокращаю на своем лице мышцы, принимая вид, соответствующий этому акту. Как известно, очень часто у людей бывает особая мимика на лице, выражаемая в стискивании челюстей при подавлении зевоты. Собака напряженно смотрит на меня, старается уловить, угадать, предугадать мое желание и, видя, предположим, особенное сокращение мышц на моем лице и зная по предыдущим опытам все последующие движения лица при зевоте, невольно как бы заражается и воспринимает образы зевоты, оживляя тем у себя соответственный след, и, понятно, с его оживлением получает чувство от этого следа. Понятно, это только моя гипотеза. Затем получается ассоциация чувств, которая тотчас же и выразится в яркой реакции, т.-е. за навязанным чувством зевоты появляется и самая зевота. Эта реакция тотчас же мною закрепляется вкусопоощрением. После вто-

рого, третьего опытов реакция уже переходит в сложный эмоциональный рефлекс. На «процессе оживления следов основана, между прочим, и наклонность к повторению внешних реакций одного и того же рода, переходящих затем в привычку», как сказал Бехтерев в своей «Объективной психологии», стр. 295.

Итак, с точки зрения сравнительной психологии—если сопоставить внушение человеку с внушением животному—получится аналогия, но неполная. Животное поддается внушению легче, чем человек, и вот почему: как известно, важнейшие психические признаки во время внушения выражаются в подавлении воли. У человека воля в процессе внушения сопротивляется внушающему. Происходит борьба сомнений и вместе с тем внимание рассеивается, что сильно отражается на результатах внушения. У животных сомнений такого рода быть не может. Колебаний и рассуждений животное не знает, и воля его гораздо подавленнее, чем у человека, на что в большой степени влияет и доместикация. Внешняя реакция, переходящая в привычку у собак при внушении, настолько ярко видна, что не оставляет сомнений. Мы видим перед собой «Марса» после моих внушений, который постоянно почесывается, потягивается и т. д. Рисуется картина больше привычки, чем органической потребности. В подтверждение этого могу сказать, что тщательные исследования ветеринарным врачом П. М. Иловайским поверхности кожи у «Марса» не оставили ни малейшего сомнения о здоровьи его кожи; не оказалось и следа экзем, чесоток и т. п. И после двух ванн почти под ряд собака так же чесалась, как и до ванны. Наступающий зимою холод, во время которого паразиты проявляют себя гораздо слабее, ни на одну иоту не изменил частых почесываний собаки. Ясно—установилась привычка.

Приведу еще пример: предположим, усыпление собак. Приступая к усыплению (замечу—в первый раз) какой-либо собаки, я брал голову животного в руки и фиксировал ее взглядом. Естественно, собака протестует, стараясь освободить голову, но как только она делает усилие освободить ее, я тотчас же сильнее нажимаю пальцем ее кожу. По мере ослабления протеста с ее стороны, ослабляю и я свой нажим. Легкое придавливание пальцами на кожу помогает усыплению. Здесь наблюдается явление, подобное каталепсии. То же самое явление наблюдалось мной и у Капибары в свое время. При легком поглаживании и прикосновении моих рук, животное впадало в неподвижное сонливое состояние Эти физические, чисто механические воздействия напоминают пассы, применяемые к людям. Для той же самой цели, кроме пассов, служат и слуховые ощущения,

т.-е. наступающая перед опытом тишина. При вторичном опыте фиксация взгляда, пассы, тишина наталкивают на идею сна. Последующие за вторым опытом эксперименты служат уже установлением и закреплением ассоциаций идеи сна. Как у людей, слова: «Вы сейчас уснете!» служат стимулом к гипнотическому сну, так и у животных, вместо словесных символов, служат движения экспериментатора, посадка животного на определенное место, фиксация взглядом, наступающая тишина и т. д.—есть стимул сна.

При повторении различных опытов, для установления рефлексов,—стоит только мне бессознательно, как-то особенно посмотреть собаке в глаза (как я делал это при усыплении)—она уже начинает настораживаться, вопросительно приподнимает уши и почти тотчас же щурит глаза. Частые повторения усыпления, т.-е. вызывание оживления одних и тех же следов, переходит в привычку (см. ак. Бехтерев «Объективная психология», стр. 295).

На одном из наших запротоколированных заседаний я поминутно усыплял и будил «Марса» несколько раз.

Вызываемый мною искусственно сон «Марса», являющийся, по моему, одним из видов эмоциональных сочетательных рефлексов, все прочнее и прочнее устанавливается, переходя эволюционным путем в привычку. С людьми происходит то же самое. Первые сеансы усыпления требуют затраты более продолжительного времени; последующие же все менее и менее. Отсюда видно: вызванный сон первоначально ассоциировался со слуховыми эффектами (тишина), зрительными (фиксация взгляда) и осязательными (надавливание кожи—субъективное ощущение). При последующих опытах слуховые эффекты (тишина) исчезали, и собаки усыплялись при шуме и игре на рояле. Далее я переставал надавливать на кожу, и было только достаточно одного взгляда. Для оживления следов достаточно было вызвать хотя бы один из целого сцепления следов, чтобы получилась нужная реакция. Итак, наталкивание на оживление следов постепенно упрощалось, оставалось одно из раздражений, которое при частых повторениях настолько укреплялось, что один только намек на это ощущение вызывал нужную реакцию, переходящую в привычку.

Доказательством вышеприведенного может служить и следующее, недавно мною замеченное. Перечитывая протоколы наших заседаний, я невольно обратил внимание на следующие действия «Марса». В протоколе было отмечено, что собака после подготовительных приемов к внушению, т.-е. посадки на кресло и фиксации взглядом, вместо исполнения задания два раза соскакивала с кресла и оба раза

брала одно и то же место, укладываясь (как она это постоянно делает перед сном) «калачиком». Чем больше я вдумывался, почему собака не исполняет внушаемого, а тотчас же ложится, приготовляясь спать—тем понятнее мне становилось ее поведение. Ясно, что только после того, как собака замечала устремленные на нее мои глаза (как это я делал при внушении сна), у нее тотчас же проявлялся след на сон, и она, повинуясь, шла спать. Я сейчас припоминаю, что такого рода действие «Марс» проявлял и раньше, т.-е. сначала брал верное направление и вдруг уходил под стол и там ложился, приготовляясь спать. Это, мне кажется, происходило вследствие того, что я или слишком долго или слишком коротко фиксировал его взглядом. Тут невольно приходит на ум вывод, что первые опыты усыпления и частые повторения одинаковых внешних раздражений как бы выпирают последующее какое-либо внушение и несмотря на то, что я второй и третий раз понукаю словами и движениями, стараясь изменить неверное направление собаки, она не обращала на это никакого внимания и стремилась опять на то же место, чтобы уснуть. Я думаю, что это стало происходить после частых опытов усыпления (см. протоколы № 33 и 34).

В обыденной же жизни «Марс» всегда исполняет мои приказания и повинуется мне.

Предполагаю, что после этого сеанса «Марс» все хуже и хуже стал поддаваться внушениям, т.-е. исполнять различные наши задания. Частые внушения сна все время преобладали и мешали собаке в последующих внушениях. Напоминаю вам, что первые внушения «Марсу» выполнялись почти безошибочно до опытов над его усыплением. У людей наблюдается то же самое. Перед усыплением—спокойное, удобное положение тела, словесные символы: «Вы сейчас уснете»... «У вас уже тяжелеют веки»... «Вы не можете открыть глаз» и т. д. При повторении подобных опытов слова эти уже заменяются одним словом «спать», и пациент тотчас же впадает в сонное состояние.

Предлагаю в ближайшем будущем поставить следующие опыты: внушать до усыпления, после усыпления, и найти способ внушать в процессе усыпления, как это происходит у людей. Я думаю, что применяя вкусопоощрение и наталкивая на оживление другого следа, можно получить интересные результаты.

Вот, например, как установилась случайно ассоциация чесания у «Дэзи» в процессе усыпления. Летом, в жаркие дни, когда я в греческом зале на высокий стол сажал собаку, фиксировал ее взглядом и усыплял, отмечая продолжительность времени усыпления, стремясь

усыпить в наиболее короткий срок, как впоследствии и достиг в 2 минуты, я досадовал на то, что, впадая в сонливое состояние, собака часто просыпалась от укуса назойливых мух. «Дэзи» вздрагивала, открывала полузакрытые глаза и чесалась. Снова мне приходилось, напрягая энергию, усиленно фиксировать глазами. Прошли жаркие дни, изгнаны мухи, посажена собака на прежнее место и начался сеанс усыпления. Собака медленно опускает, качая в дремоте, голову. Я мысленно, следя за ней, приказываю: «Ну, спи скорей!» Моментально возникает опасение, как бы случайно не укусила муха. Вслед за моей мыслью собака начинает чесаться. Таким образом повторялось также и в другой и третий раз; к моей досаде, несмотря на то, что не было мух, мой фиксирующий взгляд заставлял ее моментально чесаться. Установилась крепкая ассоциация. Для меня непонятно одно: оказывали ли влияние мои мысли об укусах, или установилась ассоциация чесания с фиксацией взгляда. Для про верки себя я пробовал через дверь музея внушать чесание «Дэзи», находящейся на столе греческого зала, и она в большинстве случаев чесалась. Также для меня непонятными остались до сих пор опыты внушения собакам, когда они исполняли задания, не видя меня, входя в другую комнату. Загадочным является также для меня факт исполнения заданий при заграждении меня экранами.

Итак, мои тезисы таковы: явления внушения у животных существуют, как и у людей. Внушение можно определить как действие, автоматически наталкивающее на оживление следов, независимо от воли воспринимающего. Животные обладают особой способностью, недооцененной людьми, подмечать и предугадывать различного рода движения и изменения в окружающей обстановке, вплоть до атмосферических изменений, вследствие чего они и понимают внушение без слов. Необъяснимыми для нас являются, надеюсь, пока факты успешного внушения на расстоянии за экранами. Наука только не успела дать им своего объяснения. Будем работать и надеяться, что это «только» скоро будет вычеркнуто для нас навсегда.

К главе: «Что такое внушение».

Мои искания в этой области прошли целый этап. За время этих работ у меня составилось убеждение, что мозг человеческий в своих пониманиях, для каждого отдельного субъекта, имеет свои границы, а в коллективном творчестве границы эти неопределимы, и поэтому научные исследования при коллективной работе могут дать

больше того, чего можно ожидать от отдельного работника. Это мое убеждение получилось у меня после многих совместных работ с моими научными сотрудниками. В поисках за идеальной коллективно-творческой организацией я встретился с молодой Всероссийской Ассоциацией Натуралистов, в среде коей оказались также члены ее, работающие научно в родственной мне области исследования передачи мыслей.

Как бы в ответ на мои сокровенные желания работать коллективно, судьбе угодно было привести впервые в мой научный «Уголок» (летом 1922 года) президиум этой ассоциации, во главе с председателем ее А. П. Модестовым, который и просил меня принять звание члена Ассоциации, каковое предложение я принял охотно и убедился сразу, что я попал на правильный путь. Научный сотрудник Ассоциации Натуралистов, инженер-электрик Б. Б. Кажинский, первый пошел мне навстречу, увидев много общего в его и в моей работе по исследованию передачи мысли. Ознакомившись с этой стороной моих работ, он, работая сам практически в физиологическом кабинете П. С. Х. Академии, высказал свое суждение о моих работах. Вот оно:

«Общая формулировка излучений внутренней энергии во время процессов внушения п р а в и л ь н а и вполне современна, несмотря на свое давнее происхождение, за исключением, впрочем, несколько устаревшего понятия о «флюиде».

Между тем, правильный подход к объяснению «загадочных» явлений особенно ценен, давая доказательство наличия правильного понимания, вдумчивости и любви у автора исследований—моего друга В. Л. Дурова, к предмету его изысканий.

Ценность показаний о результатах опытов с а м о в н у ш е н и я заключается в подтверждении истинности факта участия нервной системы в работе внутренних органов тела (желез) по восстановлению сил выздоравливающего организма автора. На этом явлении, между прочим, должен быть основан новейший «психический метод» омоложения.

Следует вполне присоединиться к мнению автора о том, что «м ы с л ь   е с т ь   о д н а   и з   м н о г и х   ф о р м   м и р о в о й   е д и н о й   э н е р г и и». Я старался разобрать этот вопрос детально, как раз с точки зрения электротехники, и пришел к тому же выводу, а именно, что параллельно возникновению мыслей и настроений в нервной системе образуется электролитическим путем электромагнитная энергия, могущая излучаться наружу.

Крайне интересны мнения автора о природе «следов» в мозгу от отмененных заданий по внушению, они косвенным образом подтверждают электрическую сущность явлений, сопровождающих процессы мышления и передачи мысли.

Попытка автора извлечь из области мистического суеверия и позитивно объяснить явления предугадывания событий животными должна быть приветствуема, как вполне удавшаяся.

В заключение смею надеяться, что недостающее научное объяснение явлений внушения на расстоянии и через экраны станет вскоре возможным после логически построенной гипотезы о процессах мышления и передачи мыслей, основанной на свойствах герцевских волн».

Процесс мышления с точки зрения физики слабых токов.

(Гипотезы).

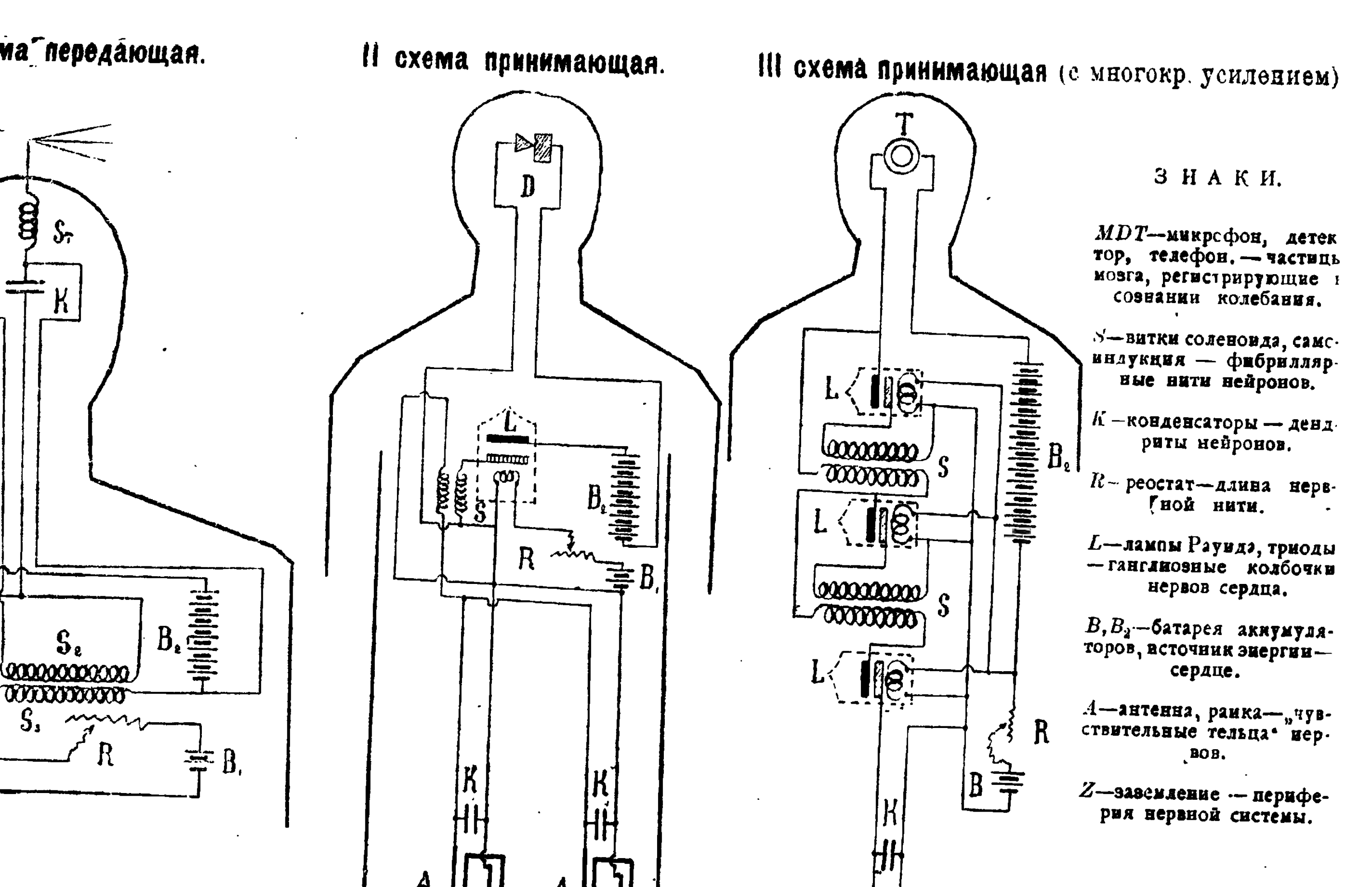
Мы, научные сотрудники Всероссийской Ассоциации Натуралистов, ваш покорный слуга В. Л. Дуров и его коллега инженер-электрик Б. Б. Кажинский, пришли к выводам, основанным на положениях, изложенных в научном труде Б. Кажинского под названием: «Передача мысли" (Москва, 1923).

Известно, что по исследованию Рамзая[1], основанному на опытах Томсона, масса электрона составляет $^1/_{1715}$ массы атома водорода. Но оказывается, что вращение электронов влияет весьма значительно на состав и жизнь материальной субстанции. Благодаря беспрерывному вращению электронов, действие их на вещество может оказаться решающим. Влияние малых электрических сил на почти невесомые частицы мозга может оказаться всесильным; мозг и вся нервная система, как и всякое другое сложное вещество в спокойном состоянии, это—мир мельчайших частиц, находящихся в вихревом движении и прорезанных электрической энергией.

Процесс мышления, очевидно, происходит следующим образом. Человек силой воли действует на молекулярное движение частиц мозга, управляет ими. Умение управлять дается опытом, привычкой, воспитанием. Частицы мозга под влиянием воли получают другое движение и другую группировку, и во время этой именно перегруппировки происходит передача мыслительной энергии наружу, при чем нервная система играет роль деталей радиостанции, внутри же мы ощущаем одновременное возникновение идей в виде образов и других

---

[1]) В. Рамзай. „Элементы и электроны". Москва, 1913 г.

ма передающая.
II схема принимающая.
III схема принимающая (с многокр. усилением)
S₁
K
S₂
B₂
S₃
R
B₁
D
L
S
R
B₂
B₁
K
K
A
A
T
L
S
L
S
L
B₂
R
B
K
З Н А К И.
MDT—микрофон, детектор, телефон. — частицы мозга, регистрирующие в сознании колебания.
S—витки соленоида, самоиндукция — фибриллярные нити нейронов.
K—конденсаторы — дендриты нейронов.
R—реостат—длина нервной нити.
L—лампы Раунда, триоды —ганглиозные колбочки нервов сердца.
B, B₂—батарея аккумуляторов, источник энергии— сердце.
A—антенна, рамка—„чувствительные тельца“ нервов.
Z—заземление — периферия нервной системы.

комплексных картин. Конечно, химический процесс имеет при этом место в полной мере. Мозг силой воли продолжает работать; мысли продолжают образовываться и излучаться до тех пор, пока не наступит приказание воли о перемене характера мысли, тогда частицы вновь меняют характер движений, группировок и скорости, изменяя тем самым характеристику излучаемых нервной системой колебаний. Во время этого процесса нервная система приобретает вид по схеме передающей радиостанции (см. рис. 55). Различные элементы нервов приобретают функции деталей радиостанции.

Действие колебаний излученной мысли на мозг другого человека.

Волны колебаний мыслительной энергии (электромагнитные колебания определенной частоты), излучаемые нервной системой, распространяются от нее во все стороны сфероидально, создавая в каждой точке окружающего пространства переменное энергетическое (электромагнитное) поле. Каждая точка этого пространства (поля) под влиянием волн мыслительной энергии будет обладать переменными потенциалами. Таким образом, если волны мыслительной энергии встретят на своем пути подходящий проводник-приемник (в данном случае нервную систему другого живого существа), то, сообщая разным точкам этого проводника различные переменные потенциалы, волны эти будут индуктировать во встреченном организме колебательные токи, характерные для излученной мысли. Индуктированные токи обладают обычно незначительными амплитудами колебаний, и поэтому обнаружить и почувствовать может их не каждая нервная система, а лишь скорее всего та, в которой период колебаний собственных волн совпадает с периодом колебаний излученной волны, т.-е. синхронно настроенная. Благодаря быстроте распространения волн, равной 300.000 км. в секунду (скорость света и электричества), практически колебания излученных мыслей появляются и исчезают в принимающей нервной системе одновременно с возникновением и исчезновением их в излучающей нервной системе, безразлично от расстояния, делящего эти обе системы. Однако, когда излученная мысль попадает в мозг одинаково настроенный, то, чтобы быть отмеченной в сознании его, необходимо условие состояния покоя его (сон, транс, гипноз, отсутствие собственных мыслей); тогда излученная мысль в виде колебательного тока проникает в среду мозговых частиц, пройдя перед тем через ряд приемников, после чего производит, по закону индукции, перемену движений и группировок частиц мозга

такую же, как это было в излучавшем мозгу в момент излучения данной мысли. Принимающий же мозгполучает тем самым рефлекс принятой мысли, толчек к работе, после коего он либо продолжает пассивно принимать следующие за первою мысли, если находится в трансе или под гипнозом, либо продолжает работать самостоятельно по данному ему направлению, если состояние транса не имело места. В качестве же эффекта от принятой мысли возникают в принимающем мозгу имагинации: оптические, звуковые, чувствительные, вкусовые, обонятельные и, наконец, просто мысли.

Такой интересный гипотетический взгляд на исследование процессов мышления с точки зрения физики слабых токов в настоящее время позволяет построить аналогию между действием радиостанций и нервной системы живого организма.

В частности Кажинским [1]) приводятся (в его работе) объяснения электрических свойств работы некоторых деталей нервной системы, имеющих большое сходство с электрическими приборами в схеме действующей радиостанции.

Ожидая положительных результатов от ведущихся сейчас научно-практических работ, мы в праве отметить все более и более укрепляющееся у нас убеждение в правильности избранного нами пути исследования процессов мышления с точки зрения физики слабых токов. Впоследствии мы узнали, что и акад. П. П. Лазарев пришел к тому же выводу об участии электромагнитной волны при передаче мыслей, что усматривается, например, из приводимых ниже выписок из его труда [2]).

«Мы должны таким образом считать возможным уловить во внешнем пространстве мысль в виде электромагнитной волны, и эта задача является одной из интереснейших задач биологической физики. Конечно, a priori можно указать на огромные трудности нахождения этих волн. Потребуется ряд лет напряженной работы для того, чтобы непосредственно открыть эти явления на опыте, но во всяком случае необходимость их предсказывается ионной теорией возбуждения. Передача процесса мысли в пространство дает определенные основания для объяснения явлений гипноза, внушения и медиумизма и представляется, несомненно, очень интересной с теоретической и практической точки зрения».

---

[1]) Инж. Б. Б. Кажинский. „Передача мысли“, Москва, 1923 г. Изд. Всерос. Ас. Натуралистов.

[2]) Академик П. П. Лазарев. „Текущие проблемы биологической физики“. Москва, 1920 г.

Мнение акад. В. Бехтерева по этому вопросу также соответствует нашим выводам (см. гл. XI выдержки из «Коллективной рефлексологии»).

По пути, намеченному теорией акад. Бехтерева (нейроны-конденсаторы), пошел и инженер Б. Кажинский, разработавший свою теорию в следующем виде:

«I. Химический процесс распада нервного вещества во время возбуждения нервов сопровождается образованием в нервах постоянного электрического тока (электролиз), идущего вдоль нервной нити одновременно с нервным током.

II. Дендриты нейронов—как конденсаторы, витки фибриллярной нити нейронов—как соленоиды (включенные последовательно в замкнутый колебательный контур), образуют вибратор, генератор колебаний переменного тока определенной частоты, излучающий наружу электромагнитные волны соответствующей длины.

Таким образом, мы неожиданно достаточно близко подошли к освещению вопроса о сущности передачи мыслей на расстояние. При этом сущность мыслей и чувствований, являющихся продуктом деятельности нервной системы, может быть формулирована так:

III. Всякая мысль, ощущение, настроение, будучи продуктом сложной деятельности всей нервной системы, сопровождается возникновением в ней электромагнитных колебаний, обладающих определенной амплитудой, числом периодов и следовательно длиною волны, излучающейся наружу».

Конечно, в пространство передается не сама мысль, как подлинный образ, или идея, а те электромагнитные волны, которые сопровождают мысль в процессе ее образования.

Для доказательства этих положений Кажинского мною и моими сотрудниками в Научном Уголке предпринимаются опыты внушения животным через специальное, запроектированное и сделанное инж. Кажинским приспособление (клетку), изолирующее животных от проникновения к ним электромагнитных волн, предположительно излучающихся от нервной системы экспериментатора. Ясно, что результаты этих опытов имеют громадное значение, но предугадывать эти результаты не будем.

Между прочим, я должен сказать уважаемому читателю, что нашему брату экспериментатору иной раз приходится попадать в совершенно необычайную обстановку. Если бы читатель имел возможность одним глазком заглянуть ко мне в лабораторию во время нашей работы, то ему представилась бы проволочная клетка, в которой вместо животного сидит ваш покорный слуга-дрессировщик, а животное, наоборот, разгуливает вокруг клетки на свободе.

Рис. 56. Опыты внушения В. Л. Дурова собаке через изолятор системы инж. Кажинского.

В. Л. Дуров сидит в закрытом изоляторе, соединенном проводом с землею. Собака „Марс“ вне изолятора. В. Л. Дуров внушает собаке задание, на тему, написанную на выбранной им карточке, т.-е. известную ему одному. Б. Б. Кажинский—автор устройства изолятора, стоит возле и передвигает рукоятку невидимого для В. Л. Дурова коммутатора, осуществляя в одном опыте заземление изолятора, в другом опыте прерывая это заземление.

Волей судеб наши роли переменились, к счастью не навсегда, но мы, фанатики, ради науки готовы на все (см. рис. 56 и 57). Из дальнейшего ясно видно значение этих опытов и способ их выполнения. Процитирую еще выписку из работы Б. Б. Кажинского:

«...Мы тем самым могли бы рассчитывать извлечь из полумистической области понятия о всех явлениях телепатии, гипноза, внуше-

ния и т. п. и поставить их на прочную почву исследования положительной наукой, из области коей они до сих пор ускользали самым упорным образом. Излишне говорить о том, какие заманчивые перспективы открываются тем самым для электрофизиологии и для науки вообще.

Поэтому является крайне важным подвергнуть все эти вопросы дальнейшему экспериментальному изучению.

Рис. 57. Опыты внушения В. Л. Дурова собаке через изолятор системы инж. Кажинского.

Коммутатор открыт. Собака „Марс" исполнила заданное внушение: принесла телефонный блокнот.

В этом направлении нами начаты экспериментальные работы в Москве совместно с зоопсихологом В. Л. Дуровым и научными сотрудниками зоопсихологической лаборатории НКП-роса (при научном и культурно-просветительном уголке имени В. Л. Дурова).

Целью этих работ является возможность установить сначала принципиально наличие электрической (электромагнитной) сущности явлений при передаче мыслей от человека животному, при помощи специального пока еще примитивного приспособления, осуществленного для этих опытов по нашей схеме. В этих опытах В. Л. Дуров экспери-

ментирует как внушающий, или, другими словами, как передающая станция, животное же, которому В. Л. Дуров внушает, представляет станцию принимающую. Опыты ведутся в присутствии и под контролем специалистов научных сотрудников, и всегда почти по их же заданиям.

Данные опытов протоколируются, но их сделано пока еще не так много, чтобы можно было с исчерпывающей полнотой судить о результатах, говорить о которых посему пока преждевременно.

Чистоте этих опытов много способствует то обстоятельство, что опыты ведутся над дрессированными животными В. Л. Дурова, с которыми последний достиг полного психического контакта, по собственному, найденному В. Л. Дуровым методу, внушенных эмоциональных рефлексов, на основании законов, выведенных им и нашедших описание в его замечательных, неизданных пока (писано в 1923 году. *Автор*) очерках по зоопсихологии.

Дело в том, что реакция от внушения, достигаемая без затруднений при опытах над его животными, является, по своей чистоте и несомненности, наиболее близкой к объективной реакции физического прибора, в то время, как реакция от внушения людям всегда почти связана с субъективной оценкой, критикой и пр. самого подопытного субъекта, и потому не так близка к объективной, как реакция у обезволенных животных, опыты над которыми, таким образом, приобретают особенную ценность.

С другой стороны, для осуществления регистрации мыслительных колебаний вполне объективным способом, нами давно была предложена схема приборов, могущих осуществить, по нашему мнению, улавливание мыслительных колебательных волн, если таковые будут действительно излучаться из нервной системы».

Очень отрадно то, что изучение явлений передачи мыслей, гипноза и т. д. составляет также центральную задачу Института Биологической Физики в Москве, как об этом говорит следующая выписка из «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 12 ноября 1922 года, № 248 (1687).

Достижение русской науки.

Институт Биологической Физики Наркомздрава.

«Академик П. П. Лазарев ознакомил нашего сотрудника с работой Института Биологической Физики Наркомздрава (Физический Институт).

Работой института руководит директор института академик П. П. Лазарев. Она распадается на работы по ионной теории возбуждения, на работы по химическому действию света и, наконец, на работы по молекулярной физике.

В области теории возбуждений были сделаны следующие работы. Известно, что вещества, введенные в воду, или сохраняются в ней в виде молекул, или же распадаются на заряженные электричеством части—ионы. К этой последней категории веществ принадлежат соли, кислоты и основания. Изучение явлений раздражения нервов и мышц растворами солей показало американскому физиологу Лебу, что только ионы действуют раздражающе. Основываясь на этом факте, Институту Биологической Физики удалось доказать, что возбуждение при явлениях зрения, слуха, вкуса также должно зависеть от ионов и должно обнаруживать законы действия этих ионов. Законы получились в виде математических соотношений (количественные), и их проверка опытом в точности подтвердила теорию. Далее было показано, что перенос возбуждения вдоль нерва зависит от химического процесса, аналогичного по типу с горением бикфордова шнура. И, наконец, было обнаружено, что нервные центры, в противоположность периферическим окончаниям, обнаруживают, при подведении постоянного возбуждения, периодический характер возбуждения, сопровождающийся периодическими электрическими явлениями. Эти явления могут зависеть от периодических химических реакций и должны сопровождаться появлением в окружающем пространстве *электромагнитной волны*, которая, доходя до центров другого индивидуума, обнаруживающего тот же период возбуждения и ту же реакцию, может его привести в возбужденное состояние. *Таким образом, представляется возможным понять передачу мысли, явления гипноза* и т. д. Изучение волн, испускаемых центрами, и составляет центральную задачу Института в настоящее время».

Для характеристики взглядов академика П. П. Лазарева на проблему передачи мысли, подтверждающих вполне принятые нами воззрения, мы сошлемся на его следующие слова [1]):

«Так как периодическая электродвижущая сила, возникающая в определенном месте пространства, должна непременно создавать в окружающей воздушной среде переменное электромагнитное поле,

---

[1]) П. П. Лазарев. „Ионная теория возбуждения". Госиздат, 1923 года, стр. 129.

распространяющееся со скоростью света, то мы должны, следовательно, ожидать, что наш двигательный, или чувствующий акт, рождающийся в мозгу, должен передаваться и в окружающую среду в виде электромагнитной волны.

Как бы то ни было, изложенные выше воззрения позволяют до некоторой степени понять механизм внушения, который должен состоять в том, что приходящая от деятельного центра одного человека электромагнитная волна вызывает в центрах другого импульс, являющийся началом периодической реакции в центрах и создающий возбуждение. Волна является, таким образом, толчком для начала пульсаций, и мы имеем здесь дело с хорошо понятным физико-химическим процессом».

Крайне интересным представляется отметить тот факт, что теория передачи мысли путем распространения электромагнитных волн получает все больше и больше признания со стороны деятелей науки. Вот, например, отрывок из речи академика Ферсмана на торжественном объединенном заседании съездов профсоюзов и совнархозов 29/V 1922 г., в театре б. Зимина в Москве:

«Самый великий источник энергии, говорит Аррениус,—это человеческая мысль. Электромагнитные колебания, которые возникают в клеточках человеческого мозга,—это величайшая сила, которая завладеет миром».

Наконец, нелишним считаем процитировать еще одно мнение С. А. Бекнева [1]) о способе передачи мысли:

«И наконец, нормальный в будущем способ, это непосредственная передача мыслей на расстояние. Действительно, человек в момент мышления излучает сам электромагнитные волны определенной частоты колебаний и определенной спецификации (излучаемых волн), при чем эти волны распространяются радиально во все стороны.

Таким образом установим, что излучения нервной энергии суть побочные при мышлении явления, долженствующие в дальнейшем несомненно служить способом непосредственной передачи мысли на расстояние».

Следовательно, и передачу моей мысли животным мы можем попытаться объяснить действием на их нервную систему электромагнитных волн моей нервной системы.

---

[1]) С. А. Бекнев: „Гипотеза о нервной энергии и ее значение в деле образования рабочих коллективов максимальной производительности труда“. Москва, 1922 г., стр. 18.

Выводы из обзора отдельных моих положений.

Читателям, ознакомившимся с содержанием этой части моей книги, вероятно интересным будет тот вывод, который можно было бы сделать их обзора отдельных моих положений. Прежде всего, каковы могут быть ответы на те вопросы, которые я поставил себе в своем введении к этой книге (имеют ли животные свой психический мир и т. д.??).

Конечно, суждения мои по этому поводу будут критиковаться об'ективистами, но я, опираюсь на некоторые суб'ективные мои аналогичные переживания и сопереживания с животными и, тем более, переживания животных, зависящие от моей воли (при помощи моего метода внушения и установления эмоциональных рефлексов). Вызывая их в любое время и любое количество раз, я наглядно, путем опыта, а значит уже также более или менее об'ективно могу судить о природе этих явлений.

Все вышеизложенное дает мне право с уверенностью сказать: да животные имеют свой внутренний психический мир! Самая постановка этого вопроса свидетельствует лишний раз о том, что человечество до сих пор шло мимо признания за животными права на их собственный душевный мир. Таким образом, декартовское воззрение должно быть отброшено раз навсегда.

Мой способ изучения внутреннего мира животных я описал, надеюсь, подробно. Из этого вытекает, что с одним общепринятым механическим способом (как-то: цирковой дрессуры и станками) мы не сумеем проникнуть в глубину психики животного, и только широкое применение предложенного мною метода внушенных эмоциональных рефлексов даст эту возможность. Ибо эмоциональная дрессура помогает выявлению наружу разнообразных выражений ощущений у животных, между тем как механическая подавляет, как бы выпирает и тормозит эти желания и явления страхом, болью и т. д. Эмоциональная дрессура, наоборот, достаточно убедительно говорит за себя, и техника моего метода может варьировать как угодно чувствами, а с ними и ощущениями у животных, вплоть до подавления инстинктов и проявления творчества у них.

Что бы сказал известный Гаше-Супле, если бы он был в то время, когда он писал свою книгу, знаком с моим методом—установлением эмоциональных рефлексов. Он своим чутьем подметил бы еще

большую связь, или аналогию, между дрессировкой и образованием новых инстинктов.

Наконец, как пишет В. Бехтерев[1]), развитие современной психологии обязано в известной мере и опытам над животными с разрушением у них тех или других областей мозговой коры. Правда, психическая сфера животных представляется относительно слабо развитою, но элементарные психические явления и процессы, как-то: выработка ощущений, представлений, обнаруживание чувствований и побуждений у высших животных, как и у человека, одно и то же.

Я не вполне соглашаюсь с многоуважаемым акад. В. М. Бехтеревым относительно сравнения степеней развития психической сферы у животных и у человека, можно ли ее назвать относительно слабо развитой сферой. Я попутно могу указать на значение метода моих эмоциональных рефлексов (ассоциации идей) для опытов над моими подопытными животными, в особенности, приобретающего больщую ценность при условии удаления областей мозговой коры у них. Это несомненно будет служить еще большим успехом в современной психологии и в ее быстротой прогрессивной эволюции, что же касается сравнения степеней развития психической сферы животных и человека, то я позволю себе по этому вопросу высказать следующее.

Таков ли психический мир животных, как наш, или особый, другой?

Изучая поведение животных и анализируя видимые действия их, я составил об этом особое понятие, которым и поделюсь с вами.

Поведение животных, применение символических призывных знаков, мимика попугая, собак, кошек, крыс, обезьян и др. животных, разговор животных с человеком (см. психический контакт),—во всем этом я нахожу сходство в поведении дрессированных животных и людей. А так как каждое физическое движение одновременно проявляется с психическим подобающим переживанием, то, бессомненно, мир внутренних переживаний животного во многом может казаться аналогичным с переживаниями человека. Но так как все переживания суть физиологические явления с химическими изменениями, то они (переживания) должны быть родственны постольку, поскольку совпадают качественно и количественно друг с другом, а потому я думаю, можно ли делать сревнение степеней развития психики.

Изучая чувства у животных, мы видим качественную разницу с нашими чувствами, напр., слух собак отличается своей остротой и т. д.

[1]) Психика и жизнь В. М. Бехтерев, изд. II. С.-Петербург, 1904 г. стр. 13.

Мы с трудом различаем четверть тона музыкальной ноты, а собака различает одну седьмую (опыты Протопопова). Между прочим, моя собака «Марс» под звуки рояля исполняет заранее ассоциированные различные движения, согласуя движения с каждой нотой. Мои опыты показали, что «Марс» обладает звуковыми ощущениями тембра, различает высоту тона. (См. протоколы 36, 63, 66, 61, 34). Соответствующие, рефлексы я устанавливаю в несколько минут; тоже и зрение у некоторых пород птиц, например, у соколинных, остротой далеко оставляет позади зрение людей. Понятно, что от качества чувства зависит и его качественное переживание, а потому мы можем сделать заключение такого рода: поскольку отличаются чувства животных, постольку отличаются и их переживания, т. е. психический мир животных и людей должны быть очень часто не сходны. Но так как отклонения чувств животного в ту или иную сторону дают нам смутное представление о переживании животного, а иное поведение совершенно нам непонятно, то мы и делаем заключение, что у животных есть еще и особые чувства, которых у человека совсем нет, а потому это нам неизвестное и составляет совершенно иной мир животных, неподдающийся сравнению с человеческим.

Не помню, где читал я одно удачное сопоставление, фантазию. Вообразите такой остров или долину, изолированную от всего мира, где живут люди только слепорожденные. Случайно является к ним нормальный человек. Какое было бы удивление и суждение слепорожденных о нем. Они слышали бы от чудо-человека описание находящихся на далеком расстоянии предметов, они поражались бы, так как чудо-человек обходил бы встречающиеся на пути предметы без помощи осязания. Понятно, прежде всего слепорожденные об'яснили бы поведение зрячего, как человека, обладающего высшей чувствительностью слуха, обоняния, осязания, наконец, вкуса, но никак не зрения, ибо они о нем не имели никакого представления.

И навряд ли сразу додумались бы до такого об'яснения, что чудо-человек обладает каким-то особенным неизвестным чувством. Так и мы стоим перед миром животных, стараясь разгадать нам непонятное. Достижением науки нам удалось многое об'яснить, но остается, повидимому, еще многое неизвестное. Мы еще не изучили вполне самого себя, свои некоторые чувства, как напр., чувство веса, чувство времени, пространства и т. д. Но, изучая путем опытов неведомое в животном, мы тем ближе подходим к пониманию самих себя. Чувство времени мы между прочим встречаем и у животных.

И вот те непонятные явления, встречающиеся в поведении животного, вызванные опытами наружу, как-то: актами внушения на расстоянии за экранами и др., наводят на мысль, что не играет ли здесь роль неизвестное нам особое чувство животного. Предугадка, о которой я уже писал, родственная предчувствию, она должна иметь какую-то связь с поведением животного при .некоторых внушениях. Мои внушенно-эмоциональные рефлексы дают нам возможность, вызывая у животных, как уже известные нам чувства, вызывать также еще и неизвестные. Все неизвестное нам, я предполагаю, и есть тот иной психический мир животных.

Если у животных, кроме схожего с нашим, есть и еще свой иной духовный мир, то каков он?

На этот вопрос, ответ мы, люди, дадим мне кажется только тогда, когда изучим досконально причину нарождения всех особых чувств и раздражителей, вызывающих их, т.-е. узнаем работу мозга и его энергетическую силу у животных и те отличительные особенности, которые мы уже отчасти видели у моих дрессированных животных.

Уже ранее мы сделали попытку осветить работу мозга и всей нервной системы с точки срения физики слабых токов и натолкнулись на возможность сделать это более или менее удовлетворительно, основываясь на природе электромагнитных герцевских волн. При этом невольно пришлось привести аналогию с деталями радиотелеграфных аппаратов, каковое сравнение мы используем и здесь, независимо от результатов опытов, ведущихся сейчас и еще незаконченных в этом направлении. Первые опыты (см. прот. № 73), конечно, не учитываются, как решающие этот вопрос, и ресультаты могут быть достигнуты лишь после большого количества этих опытов, но эта работа у нас впереди.

Что, если предположить, что организация нервной системы у животных, на подобие слуха и зрения, построена так, что они легче, чем человек, могут воспринимать проникающие к ним из других источников электромагнитные колебания и, таким образом, преположить, что их телепатографические способности выше, чем у человека. Не есть ли это также одна из сторон психического мира животных, отличающаяся от такового же у человека? А может быть психические организации у человека и у животных одинаковы. Тогда не обуславливается ли разница в воспринимании электромагнитных излучений тем, что воля человека более сильна, более сконцентрирована и более сложна и развита, чем у животных, и следовательно, более спо-

собна вмешиваться в психическую жизнь человека, чем воля у животного.

Вывод этот мною делается только потому, что я уверился, на основании многих примеров и опытов, в более легкой податливости внушению животного, чем человека, который часто и непроизвольно противодействует внушению, торгуясь и сомневаясь про себя: „поддаться ли внушению, или нет“, и т. д.

Однако, хочется сказать, что каковое бы ни было различие между психикой человека и психикой животного, она существует и у того и другого. Повторю —что человек умен, как и глуп по своему а животное по своему.

Изучению многогранных проявлений психической жизни мы будем обязаны пониманием всяких неясностей, остающихся еще неразгаданными.

Ссылаясь на Гаше-Супле[1], я тоже сказал бы его словами: „можно было бы притти к решению целого ряда психологических проблем, если бы была основана своего рода школа научной дрессировки“.

В свою очередь уже тогда, четверь века тому назад, Гаше-Супле между прочим указывающий в своем сочинении и на мои работы в области дрессировки животных, первый дал эту идею школы научной дрессирввки. Ныне идея французского зоопсихолога начинает осуществляться.

Путем исследования явлений психической жизни животных в научном и культурно-просветительном уголке Наркомпроса моего имени в Москве, который существует благодаря поддержке Наркома по просвещению А. В. Луначарского и Московского Совета Р. К. и К. Д. Такое изучение в тоже время есть косвенное изучение функций нервной системы, функций центров мозговой коры, и надо полагать работа эта при содействии Наркомпроса и Моссовета получит свое дальнейшее развитие и „Уголок“ преобразуется в будущем в Институт Научной Дрессировки.

Практическое применение результатов научной дрессировки будет направлено и на другую пользу человека. Я беру на себя смелость утверждать, что только с помощью моих сложных эмоциональных рефлексов можно установить у различных животных такие действия, которые принесут пользу промышленным, культурным, и военно-тех-

---

[1]) Pierre Hachet—Souplet „Die Dressur der Tiere“. Aus dem Französischen übertragen. Leipzig 1898.

ническим заданиям. Подробнее об этом я излагаю во второй части моей книги, не вышедшей еще в печать. Из целой группы различных животных, могущих исполнять вышеупомянутые задания, беру как один пример из семейства ластоногих—морских львов, с которыми я уже делал пробные удачные опыты, описанные раньше (см. рис. 44, 45, относящийся к стр. 185). Для характеристики прилагаю нижеследующий документ, выданный мне в августе 1917 года:

М. М.
Морской Генеральный
ШТАБ.
Орг. Так. Отдел.
20 августа 1917 г.
№ 378.

Морской Генеральный Штаб рассмотрел предложение г-на Дурова о дрессировке им морских животных: морских львов и тюленей, для целей морской войны, и находит это предложение весьма интересным, осуществимым и полезным, вследствие чего в случае осуществления г-ном Дуровым его проекта Штаб мог бы оказать всевозможное содействие при организации дела.

Начальник Штаба,
Контр адмирал (*подпись*).
Начальник Тактического Отделения,
Капитан 2-го ранга (*подпись*).

Мой метод дрессировки, т.-е. искуственное установление эмоциональных рефлексов, я думаю, впоследствии будет иметь большое значение и в социальной жизни человека.

Аналитический разбор „загадочных процессов“ внушения при дрессировке.

Мысленно проходя через всю мою долголетнюю работу с животными, и стараясь как можно осторожнее подходить к какому-либо выводу, я заранее, не предрешая вопроса о «загадочных» явлениях, делаю следующий разбор: считая, что чудес в общепринятом смысле этого слова на свете не существует, никогда не существовало и не будет существовать, я утверждаю, что то, чего мы не знаем—мы

иногда называем чудом. В данном случае «загадочные» явления— это пока неизвестные нам явления природы. К этим интересующим нас „загадочным" явлениям из области психологии животных я и подхожу.

Мои дрессированные животные, в особенности собаки (обезволенные воспитанием, с установившимся у них со мною контактом), обладающие особенно развитой способностью, подмечают и понимают часто по не заметным для меня самого моим движениям (которые, однако, связаны с моими мысленными желаниями), угадывают, преду-

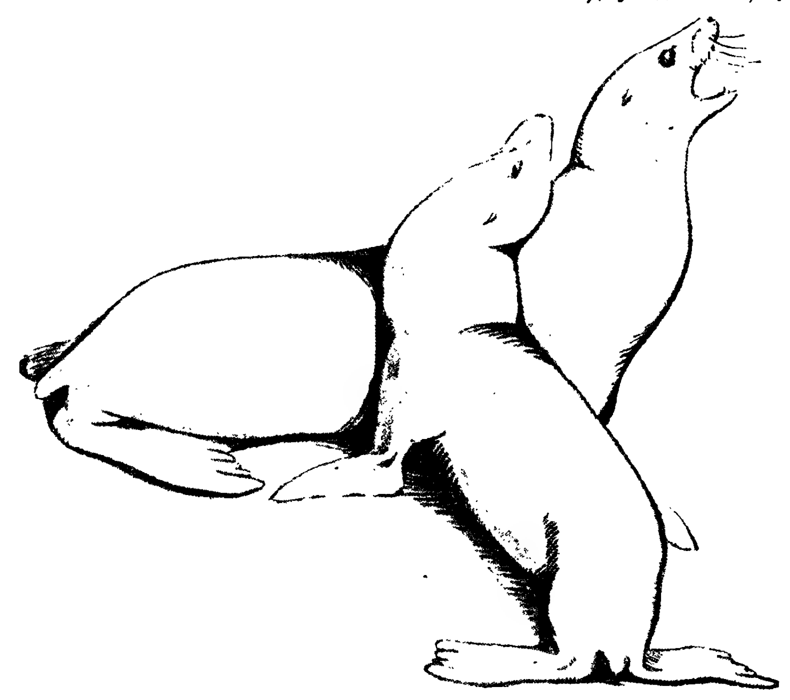

Рис. 44 и 45. Морской лев „Лео" останавливает своей шеей „Ваську", пытающегося бежать. (Рис. этот относится к стр. 185).

гадывают, как бы предчувствуют эти мои желания и в свою очередь, зачастую, желая скорей освободиться от требуемых навязанных им действий, исполняют их. Острое зрение, необыкновенный слух, и тонкое обоняние и вкус, а может быть и особенно развитое осязание (они чувствуют даже влияние атмосферных явлений на кожу) и своеобразная память, все эти особые чувства, в некоторых случаях, надо полагать, помогают предугадке. Предугадка есть сложный психологический процесс—процесс мышления. Предугадывая и угадывая, собака должна соображать, вспоминать, запоминать чуть заметные произвольные

и непроизвольные мои движения, сопоставлять их и т. д. Эти, особо обостренные чувства ее наталкивают, как бы подсказывают предугадку ею задания. Вот это наталкивание, подсказывание со стороны человека и есть по моему то действие, которое называют внушением. Проявление последствий предугадки, т,-е. исполнение заданий может быть и на далекое расстояние [1]). Отсюда надо предполагать у людей зародилось понятие о внушении на расстоянии, т.-е. о так называемой телепатии. Практика мне показала, что при дрессуре сознательные наталкивания на предугадку постепенно переходят как бы в бессознательные, т.-е. с моей стороны задание без сознательно подсказывается какими-либо знаками (вследствии чего происходит установление сочетательных рефлексов). С течением времени знаки эти переходят в совершенно для меня самого незаметные—бессознательные. В настоящее время в свой лаборатории я изучаю эти действия, наталкивающие животных на предугадку. Самый процесс предугадки—как может животное предугадывать—поставлен в опытах с экранами и изоляциями, которые исключают зрительные, слуховые и т. п. восприятия. Все эти вопросы особенно занимают меня—но, к сожалению, до сих пор для меня они остаются открытыми.

Когда я стал заниматься изучением рефлексологии, часть загадочных явлений для меня уже перестала являться загадочной. Строго анализируя факты—я делаю следующие предположения, например, я возьму один менее сложный опыт с мало обезвеленной (сравнительно с прежними уже погибшими моими собаками), молодой немецкой овчаркой—Марсом. Допустим задание такое: собака должна соскочить с кресла, пойти в другую комнату и взять один блокнот с телефонного столика, где постоянно стоит телефонный аппарат и лежат еще два блокнота и алфавитная книжка. Обычным порядком, фиксируя взглядом, я представляю в своем воображении полуоткрытую дверь, в которую он должен войти; весь путь, по которому он должен пойти, всю обстановку комнаты, особо закрепляю, в памяти телефонный столик с лежащими там книжками и усиленно думаю о том блокноте, который указал мне, задавая это задание, профессор Г. А. Кожевников. „Марс,“ сидя на своем кресле, не хочет смотреть в глаза, развлекается, т.-е. он поворачивает голову в разные стороны. Тогда я беру его голову в руки, фиксирую, пред-

[1]) Один из многих примеров: в Карлсбаде с покойным проф. Ковалевским я внушил фокстерьеру Пики взять из рук дамы, сидящей на лавочке, в 500 шагах от нас, зонтик, что она, собока, в течение нескольких минут исполнила.

ставляю в своем уме картину со всеми деталями и выпускаю „Марса", который быстро соскакивает с кресла. Благодаря большому прыжку, он автоматически удаляется от мысленно намеченного мною пути. Я вновь сажаю собаку и более энергично думаю о двери. Пускаю „Марса". Марс спокойнее сходит с кресла, берет правильное направление, делает нужный полукруг и подходит к двери. Я вижу, что он намеревается ее закрыть (собака выдрессирована закрывать дверь). Я предполагаю, что мое последовательное мысленное представление прервалось усиленным напряжением представления о двери. Я вновь внушаю „Марсу" более последовательно, напирая главным образом на представление о другой комнате и о книжке в ней, тогда „Марс" исполняет задание. (См. прот. 68).

Теперь попробуем разобраться в этом акте. Предположим, что установившийся сочетательный рефлекс, часто повторяемый (посадка в кресло, фиксация), заставляет собаку соскочить с кресла и желать что-то сделать. Предположим, что я непроизвольным движением дал ей нужное направление. Предугадкой собака догадалась (видя полуоткрытую дверь и будучи возвращенной назад при желании ее закрыть), что надо через нее войти в другую комнату, но что касается дальнейшего поведения „Марса" я никаких предположений делать не могу. Здесь начинается загадочная часть. В смежной комнате никого не было. Видеть нас собака не могла. Проф. Кожевников следил в открытую щель двери и видел, как „Марс" проходил мимо подзеркальника, с лежащими на нем вещами, мимо ледника, другого ледника с вещами и, наконец, видел, как „Марс" подошел к телефонному столику, взял из трех книг задуманную. Задаю себе вопрос: может ли в этом случае играть какую-нибудь роль предугадка. Не мог ли Марс догадаться исполнить задание по предыдущим каким-либо аналогичным действиям? Этот опыт с Марсом ведь был произведен в первый раз и опытов похожих на этот не было никогда. Это был первый раз, когда собаке внушалось войти в другую комнату и выполнять там задание. Книги, лежащие на телефонном столике, она могла видеть каждый день, но брать именно их в зубы ей не приходилось никогда. На все эти вопросы я не могу дать ответа. Никак не могу допустить совпадения, так как задания не были однородны, разве только установленный рефлекс аппортировать, т.-е. брать и приносить, но и это привычное зазубренное действие в некоторых опытах по заданию видоизменялось. Например одному из моих сотрудников пришла мысль сделать такое задание: Марс должен подойти к дивану, на котором лежали как попало разной величины и оттенков несколько

подушек. Он должен был ткнуть носом в одну именно задуманную подушку, но не беря ее по обыкновению в зубы. Не смотря на неблагоприятные обстоятельства, собака задание исполнила. (См, прот. № 39 и приложенные к протоколу выписки из дневника). Приведу еще пример: Марсу внушается, что бы он, сидя на своем кресле, снял зубами со спинки этого кресла суконную покрышку для клавишей рояля, которая цветом мало отличалась от зеленой обивки кресла. Несмотря на то, что всегда при исполнении заданий „Марс" соскакивал с кресла, он остается теперь на своем месте и исполняет задание, при чем неестественно загибает голову назад. (См. прот. № 37). Большею частью внушалось собаке брать вещи, постоянно находившиеся в комнате и лежавшие на своих обычных местах, что считалось моими сотрудниками более сложным для исполнения заданием, но приходилось собаке аппортировать по внушению и незнакомые ей предметы, например: Г. А. Кожевников пришел на заседание с портфелем, который небрежно положил на стул. „Марс" находился все время в той же комнате и не раз проходил мимо портфеля. В конце заседания, когда приступили к опытам, собаке внушено было подойти к портфелю и дотронуться до него. Когда собака, согласно заданию, подошла к нему, она испуганно вытянула шею, напрягла уши, попятилась назад, как будто она увидела что-то живое, чужое, но все-таки медленно подошла к портфелю и дотронулась носом до него, т. обр. и это задание было исполнено. В 1923 году летом я играл в Ленинграде. Меня пригласили в институт по изучению мозга и психической деятельности для совместной работы в комиссии психических исследований, где мною были поставлены опыты, напр. с обезьяной (см. рис. 58), а также по мысленному внушению и усыплению собаки „Марса". В конце одного заседания перед началом опытов с „Марсом", который находился все время в другой комнате, комиссией было заранее намечено несколько заданий, между прочим собаке должно было быть внушено пройти всю комнату и взять из рук одного из присутствовавших какую-то пружину. Собака была введена в помещение заседания и посажена на стул у дверей. „Марс" никогда не был в этой комнате и всех присутствовавших, а также обстановку и предметы окружающие его, видел в первый раз, тем не менее внушенное задание было им исполнено. Между тем я с „Марсом" заданный предмет—пружину видели первый раз. Я много бы мог привести вам примеров, которые исключают предположения об аналогичных опытах, похожих друг на друга, которые могли бы облегчать предугадывание. Предугадка безусловно

помогает собаке в некоторых опытах, кроме тех, которые отделяют собаку экранами. Выше описанные данные заставляют ум человеческий доискиваться сути в таких психологических процессах. Невольно является предположение другого порядка—не играют ли здесь роль особые неизвестные нам чувства, на которые мы часто наталкиваемся в жизни. Мне приходилось видеть и феноменальных людей. Недавно нами был приглашен на заседание известный математик Арраго. Он любезно демонстрировал перед нами свою феноменальную мозговую работу. Описывать ее не буду (прошу прочитать прот. № 61).

Рис. 58. Опыт с обезьяной в Ленинграде.
Усыпление обезьяны фиксацией взгляда.

Затем укажу на одно загадочное явление из жизни ластоногих. Плодясь на льду моря, в своем логовище близ проруби, ластоногие оставляют своих детенышей в логовище и отправляются через прорубь в воду на охоту за рыбой. Если принять во внимание, что лед толщиною в полтора аршина, плюс к нему громадный слой снега, то в воде подо льдом в бездонной глубине должна быть непроницаемая тьма. Ластоногие, гоняясь за рыбой, плывут на далекое расстояние в различных направлениях и, насытившись, возвращаются во мгле обратно. Тут, предполагаю, мы наталкиваемся на неизвестное нам чувство ориентировки у животных. Перелетные птицы, пчелы, бабочки и др. обладают особыми способностями ориентироваться. Возможно, что и при внушении участвуют еще нам неизвестные качества и чувства животных и людей.

Что касается остановки—торможения лая или дутья в рожок (внушенное торможение на расстоянии), то оно имеет сходство с внушениями двигательных сложных действий животных только в первоначальной стадии установления этих сложных эмоциональных рефлексов.

Так, в начале тормозится лай пантомимой, интонировкой и вкусопоощрением. Дрессировщик, движением своего тела, или резким опусканием, или подниманием руки с мясом, прерывает ее лай и закрепляет этот момент вкусопоощрением. Впоследствии, в период известного времени, во время опытов, собака лает и останавливается уже без всякого сознательного подсказывания и лает очень часто безошибочно, верно заданное число раз. Получается впечатление, что только благодаря мысленному напряжению экспериментатора останавливается лай. При этом я должен заметить, что ошибки происходят чаще всего у меня тогда, когда я либо потороплюсь сделать мысленное напряжение во время лая, либо опоздаю в этом. Цифры, отмечающие, сколько раз лает, или дует в рожок собака, показывают ошибки так: например, задание—лаять восемь раз. Собака лает девять или десять. Значит я, не успел сделать мысленного напряжения. Получается, по моему предположению, развитие автоматизма в лае. Другое задание—лаять пять раз. Исполнено четыре, значит, недолай, т.-е. я поторопился сделать очередное мое нервное напряжение. Это часто происходит с моей стороны непроизвольно. Эти опыты лая и дутья в рожок за экранами, т.-е. внушение из другой или третьей комнаты при закрытых плотно дверях еще раз подтверждают, что мимика, пантомима и т. д. здесь не при чем. Что касается участия при торможении слухового чувства собаки, то оно исключается после особых изоляций звуковых. В начале экспириментов с лаем мы прибегали к следующему приему: собака помещалась на стуле близ рояля, на котором сотрудник играл бравурный марш. Я находился за закрытыми дверями на расстоянии 12—15 шагов от собаки в другой комнате со стоящим рядом со мной ассистентом и мысленно тормозил лай. Опыты были удачны [1]). Впоследствии опыты с лаем были произве-

---

[1]) Собака Марс находится на своем обычном месте в гостиной, дверь гостиной плотно закрыта. Пройдя через вестибюль в лабораторный зал-зверинец, заполненный клетками с обезьянами, попугаями и др. животными, производящими шум, я прохожу туда через вторую дверь вместе с свидетелем моих работ—ученым сотрудником проф. А. В. Леонтовичем.

Двери из гостиной в вестибюль и из вестибюля в зал плотно закрываются, мы оба находимся в шумном зале и не можем слышать лая Марса,

дены в присутствии проф. Н. К. Кольцова (который, к сожалению, посетил нас только два, три раза). Он предложил нам углубить опыты и строго контролировать их и тщательно изолировать экспериментатора от перципиента. Тоже самое посоветовал нам, сделав некоторые указания, приехавший из Петрограда и присутствовавший у нас на заседании проф. Г. И. Зеленый.

В начале мы ставили опыты сопровождая их шумами, заглушавшими всякие другие нам неизвестные звуки, но могущие наталкивать животное, а затем ставили опыты с звуковой изоляцией. Я или В. М. Бехтерев помещались в особо устроенной деревянной будке, обитой железом. Впоследствии будка накрывалась ватным чехлом, а позднее обертывалась еще и толстым ковром. Из третьей комнаты, разделенный от первой двумя плотно закрытыми дверями, внушалось Марсу лаять известное количество раз. Мне было вполне ясно и доказательно, что слухового рефлекса тут не могло быть. Биение моего сердца или шум моего дыхания ни в каком случае не могли достигнуть слуха собаки. Понятно, что обоняние, осязание и остальные известные нам чувства тут не при чем, остается предугадка, но и от нее приходится отказаться.

Является мысль, не имеют ли здесь место случайные совпадения, а потому мы решели сделать точный подсчет лая и дутья покойной «Дэзи» и передать проф. Лахтину этот материал для анализа при помощи статистической обработки с точки зрения теории вероятности (см. пр. № 47).

Имея все эти данные я вновь возвращаюсь к психике животных. Имеет ли какое-либо отношение во время внушения моя психика к психике животного? Неоднократно я замечал, углугляясь в самого себя, что держа все время животное, так сказать, в нематериальных руках, я замечал, что оно, то уходило духовно от моего „я“, то вновь сливалось со мной в полном контакте, т.-е. по всем движениям—выражениям животного я вижу сам, что эмоциональный рефлекс то тормозится и гаснет, то вновь устанавливается и проявляется в прежней мере. Допускаю предположение, что моя мысль может в этом факте играть какую-нибудь роль [1]). Я пробовал, следя

оставшегося в гостиной. Поэтому из гостиной провели в лабораторию электрический звонок, по которому сигнализировал нам о каждом случае лая Марса, оставшийся при нем проф. Кожевников, третий сотрудник инж. Б. Б. Кажинский находится также в гостиной и протоколирует результаты опытов.

[1]) Например: Роль возбудителя рефлекса.

за самим собой, следующим образом поступить: замечаю по наружному виду собаки, что она свежа, бодра и возбуждена, сидит по обыкновению на своем кресле с поднятой кверху головой и торчащими ушами, виляя умеренно хвостом и чуть сгибая голову вкось (выражение особого сосредоточивания), и не сводит взора с моих глаз, которыми я ее фиксирую.

Ярко, до малейших оттенков я представляю в уме задуманный предмет и последовательно рисую путь, которым она должна пройти к задуманному предмету. Собака чуть-чуть больше склоняет голову, как будто спрашивает: «повтори, не поняла», я вновь рисую ту же картину, собака вильнула чуть хвостом, или же нетерпеливо двигается вперед, а я ее глазами не пускаю, затем мысленно приказываю: «алле», и отодвигаюсь от нее, давая ей дорогу. Собака моментально соскакивает, чтобы исполнить задание, но силой прыжка по инерции она попадает на путь, не соответствующий заданию. Я приказываю ей вновь садиться на ее место, опять, фиксирую, внушаю и отпускаю.

Собака в этот раз спокойно сходит с места и прямо направляется к задуманному предмету, просто и уверенно подходя к нему.

Задание исполнено. Теперь проследим дальше. Марс получил вкусопоощрение, сел и сидя на кресле облизывается. Я делюсь впечатлениями с сотрудниками. Завязывается дискуссия. Собака сходит с кресла, подходит к необращающим на нее внимания присутствующим и, постояв в нерешительности на одном месте, идет под стол и ложится на пол. Поводив носом в направлении к мясу, облизывается и, подождав немного, кладет голову на вытянутые передние лапки. Уши все еще напряжены и чуть заметно поворачиваются в стороны, особенно когда она слышит повышенную интонацию моего голоса.

Подождав немного, собака вздыхает и опускает уши. Намечено новое задание. Я зову «Марса» и приказываю сесть на место. Собака не спеша встает, вяло садится в кресло и уже не машет хвостом, как прежде, уши то опускаются, то поднимаются. При фиксации моих глаз «Марс» смотрит в сторону. Я беру голову собаки в руки и вновь фиксирую. Приказываю: „алле“, собака на минуту останавливает глаза на моих глазах, но, помимо моей воли, в мои мысли врывается отголосок продолжающегося спора. Я заставляю себя вновь сосредоточиться на задании. Собака основанием хвоста прижимает свой зад, уши поставлены в стороны. Я выпускаю голову ее из рук, глажу и вновь фиксирую. Марс дольше останавливает свой взор на моих глазах. Я улавливаю его взор и уже не мысленно, а громко,

вслух приказываю: «алле»; собака вяло, нерешительно слезает с кресла. Я угадываю желание «Марса» уйти под стол. Вторично громко приказываю: «алле»; собака делает движение и сначала идет по нужному направлению, но недоходит до цели и сворачивает в сторону, поджав хвост, уходит под стол, видимо избегая моего взгляда. Контакт нарушен, и все последующие задания получают неудачное исполнение (см. прот. № 41).

Итак, варьируя в различных случаях различно, я замечаю, что состояние моего перципиента и мое одинаково действуют на результаты опыта, или положительно, или отрицательно. Одно время я усиленно проверял, действуют ли на предугадку только моя мимика, без участия в этом моих мыслей, и сам действовал при этом следующим образом. Я делал все движения, соответственно мимике моего лица, но сам при этом думал о постороннем—и получались такие явления в этих случаях: собака большей частью подбегала к двери и просилась с визгом из комнаты, или если она при этом была возбуждена, то хватала тогда первую попавшуюся ей на глаза вещь, чтобы только аппортировать. Без сомнения мысль моя, как возбудитель, так или иначе участвовала во всех этих экспериментах.

После того, как с моими обезволенными собаками стали производить опыты внушения и другие лица, как-то: акад. В. М. Бехтерев, доктор Флексор и др., и должен сказать с довольно удачными результатами, я больше не сомневался в наличии в этих явлениях внушения, тем более, что мыслительный процесс был у нас у всех почти одинаковый, т.-е. и другие, внушая, также последовательно представляли в своем воображении весь ход и картину исполнения заданий, как и я.

Что касается непроизвольных мыслей, проходящих в мозгу экспериментатора во время внушения в то время, когда первоначальное задание отменяется, отпечаток от прежней мысли остается в подсознании экспериментатора, и это отражается на ходе действий перципиента, проходящем вполне соответственно протеканию мыслительного процесса в мозгу экспериментатора. Эти часто встречающиеся, якобы, ошибки перципиента, показывают, что моя мысль, мысль экспериментатора, руководит действиями перципиента, как возбудитель последующих эмоциональных рефлексов.

В этих случаях предугадывание не имеет места.

Даже если допустить, что собака, при постановке задания, понимает человеческий разговор, то и тогда невозможно было бы ей выполнить задание только на этом одном основании, ибо задания

часто решались в отсутствии перципиента. Здесь надо искать другое начало.

Если мысль есть сложный рефлекс, то он должен иметь свой возбудитель, и когда мы найдем этот возбудитель, тогда в наших руках будет ключ к об'яснению загадочных явлений телепатии. Очень и очень затрудняют отыскание возбудителей эмоциональных рефлексов следующие обстоятельства.

Прочная дрессировка ярко подчеркивает, что раз установленный сложный эмоциональный рефлекс с течением времени уже не нуждается в первоначальном возбудителе, создавшем его.

Получается такое впечатление, что сначала упрощение возбудителей, а потом и полное прекращение их не мешали установленному сложному рефлексу продолжать проявляться в жизнь.

Много лет тому назад я установил у собаки сложный рефлекс на аппортировку листков из картона, обозначенных цифрами, со звуком бывшей в то время в моде игрушки «кри-кри». При звуках «кри-кри» собака брала эти цыфры, лежащие в виде круга на арене. Постепенные переходы от «кри-кри» к простому щелканью пальцами и впоследствии прекращение всяких звуков, не помещали собаке исполнять заданий. От воспитанных у собаки сложных эмоциональных рефлексов, мне кажется, след долго остается в нервной системе ее, после того как причина следа удалена.

Характерный случай, но понятый иначе, произошел три года тому назад в цирке. С репетиции, не заходя обедать, пришел ко мне артист Том Белинг. Он тоже выдресировал свою собаку аппортировать цифры под звук.

С ним случилось по его словам «чудо», собака вдруг стала решать задачи, т. е. складывать, якобы, в уме цифры—без его подсказывания.

Я, шутя, посоветывал ему во время заданий собаке, не думать о той цифре, которую она должна подать, а думать о буфете, в котором он любил сидеть, или о трубке, которую он любил сосать, и собака сама не будет решать задачи, т. е. я дал ему понять, что это не арифметические способности собаки, а его бессознательная передача мысли. Еще укажу на профессора А. Циглера, готорый по глубокому моему убеждению тоже ошибался, приписывая способность своей собаке складывать в уме цифры, или буквы посредством которых она выражала свои мысли. Мне вполне ясно, что дрессируя свою собаку, профессор, сам того не замечая, усиленно думал о той последующей цифре или букве, которую по смыслу задания собака

должна указывать и тем самым он внушал, т.-е. сам наталкивал ее на нужное ему, Циглеру действие.

Сначала (как сам пишет профессор Циглер), он помогал знаками, но скоро и в этом не стало нужды... Понятно, со знаками у собаки прочно установился условный рефлекс, а затем животное и без знаков исполняло задуманное (см. прот. № 45).

В подобных случаях я несколько раз проверял сам себя, думая о чем-нибудь отвлеченном и собака подавала первую попавшуюся ей на глаза цифру. Аналогичные явления я нахожу и у автора большого труда, о дрессировке, у Руэт, который, как он пишет, внушал лошади апортировать платок, энергично концентрируя свои мысли на платке. (Прот. № 44).

Не буду долго останавливаться на пресловутых эльберфельдских лошадях, наделавших так много шуму в Германии, но скажу только: если там не было внушения, то-есть непроизвольнаго наталкивания, то остается только сознательное наталкивание, что всего вероятнее [1]).

После этих нашумевших тогда лошадей «умных Гансов» артисты в цирке стали дрессировать также своих лошадей, при чем некоторые из этих артистов довели подсказывание этим лошадям до минимума своих движений.

Особенно прекрасно были выдресированы для этого номера лошади известными у нас в России дрессировщиками В. Труцци, Девинье и Шумиловым. Я предполагаю, что со временем им удалось бы довести свой номер до полного установления условнаго рефлекса без наталкивания [2]).

Вызывать нужные действия у подготовленных животных внушением по моему очень легко, гораздо легче чем у человека, но вызвать нужные действия у совершенно диких, только что пойманных животных, это гораздо трудней. Например, в последнюю мою поездку

---

[1]) Во время моего давнишнего пребывания в Берлине, я, интересуясь этими лошадьми математиками, обратился к директору цирка Шуману за справками, он был одно время участником в комиссии по исследованию умственных способностей эльберфельдских лошадей. Я вынес впечатление о сознательной профанации науки. К сожалению, справки были мной получены со слов неспециалистов, а самому лично убедиться не пришлось—так как я был тогда выслан из Германии в двухмесячный срок за мою политическую сатиру.

[2]) Если бы мои товарищи артисты, хотя бы постепенно переходили от стараго заграничнаго общепринятого метода механической дрессировки к моему эмоциональному методу, то какие бы богатые интересные и полезные для общественной экономической цели результаты могли бы получиться у них от этого.

за границу в 1923 г. я приобрел между прочими животными совершенно диких зверей Коипу—бобровую крысу (болотного бобра) и оцелота—американскую дикую кошку.

Последние мои опыты со внушением совершенно необезволенной бобровой водяной крысы, были четвертым опытом в моей жизни этого рода I—ланинская собачка, II—медведь и III—лев. (Первоначальные результаты опытов с Коипу смотреть в протоколе № 86 рис. № 59).

Относительно установления эмоционального рефлекса на переживание мне удалось установить таковой у оцелота, довольно, скоро.

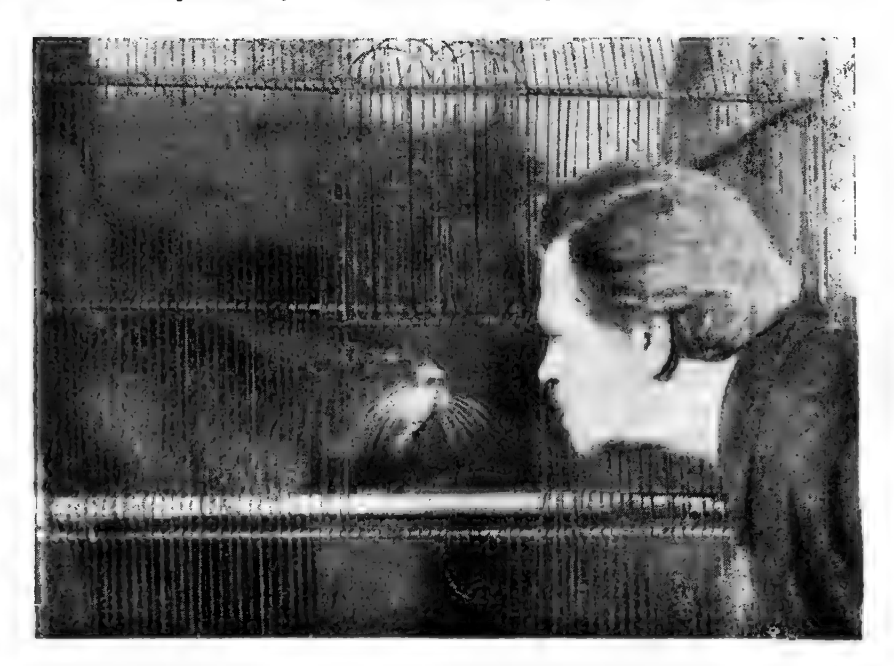

Рис. 59. Опыт внушения дикой необезволенной бобровой крысе—Коипу.

Поясню. Красавица американская дикая кошка находилась в маленькой тесной клетке, довольно долго. Принимая во внимание то длительное время, которое оцелоту пришлось просидеть в тесной клетке за всю дорогу из Штелингена, через Штетин по морю в Ленинград и железной дорогой в Москву со всеми остановками, станет понятным, что, конечно, она жаждала скорее выбраться из клетки на свободу. Естественно, потребность расправить свои члены, первым долгом после выпуска из тесной тюрьмы, заставила ее броситься на меня, так как я стоял напротив клетки. Вцепившись в мою грудь всеми четырьми лапами и, повиснув на острых когтях, вонзившихся в мою

одежду, оцелот схватил зубами мою руку выше локтя, и оставался висеть в таком положении несколько секунд. Не видя ни малейшаго с моей стороны сопротивления, и будучи очень сыт, он вытащил свои кривые когти и спустился на землю к моим ногам. Ноги мои не двигались, оцелот, обнюхав мои сапоги и брюки, царапнул два раза по ним передними лапами, оттягивая при этом туловище назад (как делают кошки, посаженные на канат). Он, дикарь, уже привыкший к моему запаху[1]), что играло очень важную роль при последующем первом знакомстве со мной на свободе, не видя от меня никаких защитительных движений, первым долгом пожелал исполнения необходимых потребностей, делая свои движения. Он начал на цепи бегать кругом меня, завертывая и путая мои ноги до боли цепью. Гранциозно изгибая позвоночник и делая прыжки, он все больше и больше желал играть.

Не видя ни откуда подозрительных движений, нападений, оцелот разыгрался до такой степени, что даже не обращал никакого внимания на поставленную у моих ног пищу. В таком игривом настроении оцелот осторожно был посажен в клетку, где и стал с аппетитом лакать молоко. Через пять дней сиденья в клетке он снова был выпущен при соблюдении старых обстоятельств и в прежней окружающей обстановке. Повторилась таже самая игра, но кроме того оцелот играл с бумажкой, привязанной к веревке. Я дергал, за шнурок, бумажка взлетала на верх, за нею оцелот так легко и грациозно подпрыгивал,как не могла бы этого сделать ни одна из домашних кошек.

Снова в таком игривом настроении оцелот был посажен в свою клетку. Третий раз, будучи выпущен через два дня, он повторил тоже самое. Так продолжалось почти каждые два три дня, в течение месяца, с некоторыми вариациями, т.-е. я уже под конец месяца пускал оцелота ходить на шнуре дальше от клетки.

Таким образом, закрепился эмоциональный рефлекс свободы, связанной с игрой. Частое совпадение этих чувств есть причина образования этого рефлекса.

Впоследствии я выпускал уже на длинной бичевке оцелота на арену цирка, где он бегал и прыгал кругом по барьеру играя с привязанной к концу шамбарьера бабочкой, сделанной из каркаса обтянутого марлей. Чтобы сохранить этот установившийся эмоциональный

---

[1]) Собака Марс в течение недели обнюхивался через клетку с оцелотом, на себе переносил и мой запах к оцелоту, а затем и я до выпуска из клетки часто подходил вплотную к решетке, давая тем оцелоту знакомиться с моей одеждой и запахом моего тела.

рефлекс на игру и чтобы продолжать дрессировать, научая чему-нибудь дальше, я должен был из боязни затормозить рефлекс, переносить терпеливо укусы и ласки дикаря. Ослабляя постепенно шнурок я дал возможность оцелоту влезать в саду на дерево, сначала по толстому стволу, а затем, приманивая игрою с бабачкой, я приучил его лазить по тонкому шесту, обкрученному плотно бичевой, в конце шеста я устроил площадку, на которую ставил маленькую пушку. Привязанный к курку кусок мяса служил ему после игры ужином. Благодаря длительному закреплению эмоциональнаго рефлекса на игру, я добился того, что оцелот безбоязненно стрелял из пушки и, слезая с шеста, продолжал играть. После нескольких репетиций я вставлял нижний конец шеста себе в пояс, или ставил шест на плечо и когда оцелот быстро карабкался на него, я, балансируя для большаго эффекта, вертел шест вокруг оси. Игры животных помогают мне создавать интересные номера для пополнения моего репертуара и служат для выработки нужнаго мне характера у животных. Впоследствии я пробовал фиксировать взглядом оцелота и должен признаться, что очень выразительные глаза кошки и какая-то зловещая глубина ее взгляда действовали на меня самого угнетающе. Поразительная дикая красота его глаз и фосфорический свет их действовали на мою психику как-то особо (см. глаза оцелота на рисунке обложки, воспроизведенном с натуры худож. Ватагиным).

Укажу еще на вызванное мной почесывание у собаки „Марса", как и у других моих собак, настолько со временем этот эмоциональный рефлекс укреплялся, что переходил буквально в привычку. Сначала на зевоту, на чиханье и потягиванье собаки действовали как возбудители интонировка и вкусопоощрение, затем оставалось одно вкусопоощрение, которое теперь мною прекращено и „Марс" например при малейшем моем секундном мысленном напряжении потягивается и почесывается в любое время. Считаю долгом еще раз утверждать, что собака при этих своих видимых действиях переживает и чувство неги и раздражение кожи и т. д. Точно так же, как околевший Пики переживал чувство чистоплотности при отбрасывании задними ногами воображаемой[1]) земли (исполнение номера с географической картой).

---

[1]) Воображение у животных считаю в этих случаях как работу памяти. Ассоциация чувственных восприятий, восстанавливаясь, оживляет прежний след в мозгу. Такое воображение считаю как высший род фантазии. Этот высший род фантазий я понимаю как комбинирующий. Создание например новых оригинальных образов или комбинация звуков, слышанных когда-то. Примером может служить мой попугай со своей музыкальной фантазией.

Точно так же как у оцелота я установил рефлекс игры, также у Пики устанавливались мною посредством вкусопоощрения и интонировки злоба, выражающаяся рычением и кусанием камня, страдание с особым воем и слезами и т. д. Напоминаю мою картину «И мы как люди».

Чесательный рефлекс у „Марса", перешедший в привычку, заставляет собаку нервно, постоянно искать у себя и у других животных блох. Один раз я заставил „Марса", внушая ему, искать блох и у меня в голове. Собака, при первой встрече с выпущенным мною из клетки барсуком, тотчас же начинает искать в его длинной щетине блох и делает это так заразительно, что барсук охотно ему отвечает тем же. (Смотреть рисунки с натуры художника Ватагина. №№ 77 и 78). При последних моих проверочных опытах, т. е. когда я упорно доискивался тайного возбудителя чесательного эмоционального рефлекса у собаки, я невольно предполагал, что этим возбудителем могла быть секундная тишина, обыкновенно наступающая перед тем, как Марсу надо было чесаться, но это пока мое предположение.

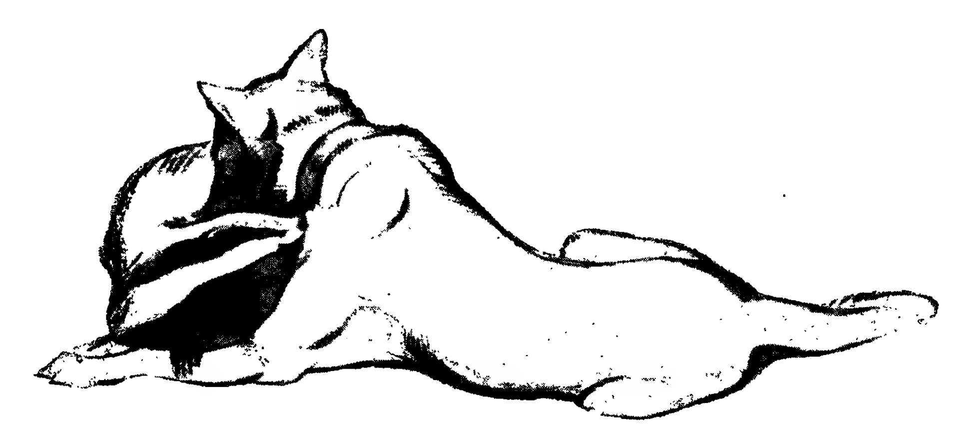

Рис. 60. Собака „Марс" и Барсук „Борька" ищут друг у друга блох. Рисунок сделан с натуры худ. Ватагиным.

Последнее время неотступно преследует меня мысль, что происходит при многочисленных установлениях вновь заданных эмоций, не действуют ли на проявление их какие-либо тайные мне неизвестные возбудители, которые при установлении вышеупомянутых рефлексов ассоциативно присоединялись бы к моим известным мне возбудителям. В этом случае можно было бы поставить такую гипотезу: условные движения, или звуки экспериментатора, как возбудители при установлении эмоцио-

нальных рефлексов, могут помимо сознания экспериментатора ассоциироваться между собою, образуя таким образом новые возбудители, По удалении известных, остаются неизвестные возбудители, которые и продолжают вызывать эмоциональный рефлекс в жизнь. Эту гипотезу можно допустить только до опытов с экранами и изоляциями. Все больше и больше я убеждаюсь в правоте моих предположений, что видимые нами, как будто непроизвольные выражения ощущений

Рис. 61. „Марс" и „Борька" взаимно оказывают друг другу услуги. Рисунок с натуры худ. Ватагина.

у животных, имеют аналогию с приведенными мною выше примерами. (Смотри ассоциацию зевоты с тиканием часов, описанную дальше).

Отсюда, понятно, вытекает уверенность в том, что все наши эмоциональные переживания, связанные с соответствующими нашими поступками—есть сложные эмоциональные рефлексы, возбудители которых неизвестны нашему верхнему сознанию и если бы, мы люди, могли найти эти тайные возбудители, то тогда проникли бы в новые области человеческих знаний и достижений.

Послесловие.

Кроме наших мечтаний о возможности улавливания мысли физическим прибором, мне представляется вполне возможным вызывать мысль у животных и людей, искусственно, как рефлекс. Основываясь на этом, я и делаю следующее гипотетическое предположение: мысль есть сложный эмоциональный рефлекс—продукт, родившийся от

внешней окружающей обстановки и внутреннего мира. Воспитание окружающей обстановки предлагаю понимать, как восприятие сумм различных ощущений, получаемых при посредстве всех чувств. (Химизм крови, скелетное и мускульное движение, атмосферное и космическое влияние, вплоть до влияния солнечных пятен, согласно неопубликованных пока предположений и исследований А. Л. Чижевского). О значении сложных эмоциональных рефлексов в социальной жизни людей говорить нечего. Создать новую социалистическую культуру возможно лишь тогда, когда люди смогут «искусственно» и искусно управлять работой и деятельностью серой коры головного мозга и всей нервной системы, управлять так, как захотят, т.-е. сумеют *устанавливать, воспитывать нужные сложные эмоциональные рефлексы у людей*, как это *мне удается установить, воспитать и тормозить у животных*. Когда люди смогут искусственно вызывать у себя и у других хотение, желание, а вследствие желания, вызывать и стремление достигнуть желаемого, то, разумеется, социальные вопросы будут, вследствие этого, решены сами собой. Конечно, в первую очередь это касается вопроса устранения человеческого зла в самом человеке. Устранить его можно лишь одним путем—уничтожением причин, производящих зло, например: совершенное уничтожение экономических взаимоотношений, что может быть достигнуто, конечно, соответствующим особым перевоспитанием самих себя и воспитанием подрастающего поколения. Одной из главных причин зла, беру как наиболее яркий пример, является мясная пища. Она, как известно, влечет за собой образование крови особого химического состава, который влияет на образование определенных мыслей и желаний. Человек, как известно, по устройству своих зубов, животное всеядное, но мясо, как возбуждающее средство, действует на желание все большего и частого употребления его[1]). Устанавливается на долго очень прочный вкусовой рефлекс, переходящий в привычку, как у морфинистов к морфию, он влечет за собой особую энергию преодолевать все препятствия для получения удовлетворения. Отсюда стремление, вплоть до преступления, к приобретению денег, как средства к удовлетворению. Впоследствии это неизбежно влечет к желанию наживы и переходит в привычку и к поклонению золотому тельцу.

---

[1]) Аналогичное явление мы видим в животном мире: медведи, питающиеся большею частью растительной пищей, только за неимением ее, пожирают мясо, но раз попробовавши его, они стремятся к мясу и делаются кровожадными.

Таким образом, подбором пищи можно влиять в нужном направлении на мысли и на известные представления в мозгу. Вы, наверное, читатель, зададите мне вопрос: как можно управлять своими представлениями, когда их вызывает бессознательная энергетика жизни?

Вместо ответа я вам предложу следовать за мной в моем учреждении из приемной в лабораторию и из лаборатории в сад и в загон. Вас встретят на лестнице «Уголка» много громко лающих, но при этом виляющих хвостами собак, что означает у них приветствие. По этому не бойтесь их. Вы в приемной... Некоторые собаки играют друг с другом, другие из них кто под столом, кто на ковре ложатся дремать. Я указываю вам на одну из лежащих в отдаленном углу комнаты собаку и заранее говорю вам, что будет делать эта собака при одном малейшем моем мысленном напряжении [1]. Вы увидите, как собака, лежащая ко мне спиной, встанет, повернется и подойдет ко мне, потянется, аппетитно расправляя мускулы передних и задних лап; затем начнет чесать задней ногой сначаласвой правый бок, а затем левой ногой левую сторону своей шеи. При этом я прошу, чтобы вы обратили особое внимание на все ее движения, которые будут вполне естественными (не деланными), это все у нее как бы мимолетные, бессознательные движения. Затем, я уже вас самих прошу назначить и указать любой предмет, к которому собака должна подойти и взять его. Все это вы буквально увидите тотчас же своими глазами. Целый ряд действий, не обращая ни на кого внимания, собака исполнит и опять ляжет на свое место, как ни в чем не бывало. Это и есть бессознательная энергетика жизни (у собаки). Это есть вызванные мною заранее представления в мозгу собаки. Это и есть установление сложных эмоциональных рефлексов. Однородные явления наблюдаем мы и на себе. Почему бы не предположить, что и человек в обыденных условиях жизни не делает бессознательно тоже самое: напр. потягивается и зевает под влиянием чего-то для него неизвестного, находящегося вне его я. Процесс оживления следа в мозгу на потягивание происходит помимо его сознания установившимся заранее сложным рефлексом. Я наблюдал у себя такого рода явление: днем, ни с того ни с сего, вдруг начинаю зевать. Доискиваюсь причины и нахожу возможным следующее объяснение. Обычно, я, ложась спать, всегда смотрю на постель, смотрю на часы и слышу их тиканье. Этот звук,

---

[1]) Мысленное напряжение, сопровождаемое секундной тишиной, которая в данном случае, мне кажется, может служить как начало рефлекса, как первое сочетание с остальными действиями собаки.

вид постели впоследствии ассоцировались с желанием спать, и поэтому вызывают зевоту. Получился эмоциональный рефлекс. Днем же в бодрственном состоянии мы хотя и слышим звук тикания часов, но этот звук не всегда достигает до нашего сознания. Слуховой орган, хотя и воспринимает этот звук, но верхним сознанием мы его без напряжения воли не слышим. Но вот, случайно, звук достигнул до моего сознания и тотчас же вызывается уже установленный раньше сложный эмоциональный рефлекс зевоты. Такая аналогичность невольно наводит на мысль, что наше повседневное поведение, т.-е. движения, желания и т. д., суть также условные сочетательные эмоциональные рефлексы, имеющие между собою целый ряд сцеплений, ассоциаций и начальную (для нас неизвестную) причину, вызывающую их. Подобное объяснение взаимоотношений между целым рядом явлений представляется мне очень важным, ибо таким только толкованием я могу объяснить мои достижения в области вызывания у животных необходимых мне движений и чувств. Эти достижения всякому постороннему кажутся невероятными.

Некоторые посетители моего «Уголка» и даже мои уважаемые ученые сотрудники неоднократно говорили мне: «Если бы три века тому назад вы показали ваши опыты, то вас, наверное, сочли бы за колдуна и сожгли на костре».

Мой маленький садик представляет летом, если хотите, уголок рая. На свободе по деревьям прыгают и лазят разные породы обезьян, привлекая к себе внимание диких птиц, воробьев, галок и ворон, которые слетаются к ним и коллективно заявляют свои права на вершины деревьев. Попугаи спорят с обезьянами в лазании по веткам, при чем разговаривают и поют человеческим голосом. Медведь лезет на дерево, туда же к попугаям и обезьянам, спугивая своим видом ворон и галок. Спустившись с дерева, мишка играет с волчьей собакой, борется с ней, как заправский цирковой борец и подконец добродушно поддается собаке, ложась на обе лопатки. А тут и другая собака играет с козлом, при чем козел бывает часто победителем (см. рис. 62). К лежащей и отдыхающей после борьбы собаке, немецкой овчарке, подходит барсук и начинает своим длинным носом искать (в сущности говоря, у самого злейшего своего врага на воле) блох [1]). Лисы с собаками и волчатами в загоне, греясь на солнышке, играя, ссорятся и мирятся, как дети в школе. На террассе кошка, растянувшись на горячем от солнца полу, мурлычит и жмурит глаза от удовольствия

---

[1]) См. наброски с натуры сделанные худ. В. А. Ватагиным, (рис. 60 и 61).

и приятного ощущения от копошащихся в ее шерсти десятка серых крыс — пасюков. На сцене в нижней зале «Уголка» происходит обед зверей, где за одним столом мирно пируют, сидя рядком, французский бульдог с ангорским котом, лиса-белодушка с зайцем беляком и т. д.

Я беру ружье и стреляю в пустельгу. Птица тотчас же на выстрел летит с дерева и садится на дымящееся дуло ружья (см. прот. № 17). Для меня (с позволения сказать, своего рода

Рис. 62. Игра собаки с козлом.

«чудотворца») ясно, что все описанное выше—дело моих рук. Знание психики животных и умение вызывать, устанавливать, тормозить и растормаживать эмоциональные рефлексы у них, это и есть «чудо».

Наступает время, когда люди смогут заставлять разнообразными описанными мною выше приемами по своему желанию вызывать у животных представления в мозгу, заставляя вспоминать животных об этих представлениях и заставляя желать переживать связанные с этими представлениями чувства в любое, заранее установленное людьми время.

Я говорю специально о животных, но почему бы не перевести все это и на нас - на людей.

В этом отношении говорить можно пока только, делая смелые гипотетические предположения, пророчества, граничащие с фантазией.

Моя „научная фантазия“.

В конце своего послесловия я не могу удержаться от желания обрисовать те перспективы, которые мне кажутся возможными, хотя бы в отдаленном будущем, если признать правильным тот путь, по которому идут наши работы с животными.

Значение этих работ, мне кажется, важным не только в вопросах, касающихся виаимоотношений между человеком и животным, но, что еще важнее, работы эти дают обильный материал самой науке и именно не только зоопсихологии, но и психологии вообще, этой одной из самых важнейших отраслей человеческого знания. Прибавлю, что не только знание двигает прогресс, но и научная фантазия помогает ему, а фантазия есть лучшая человеческая способность.

Как Жюль-Верн своим гениальным предвидением сумел предсказать большинство из завоеваний техники, задолго до их осуществления, так и я осмеливаюсь предугадывать тот прогресс человеческой мысли и знаний, который должен осуществиться в силу законов эволюционирования. Например, тов. Кажинский, предугадывает открытие приборов не только дающих возможность регистрировать мысль людей, но даже приборов, могущих повторять, создавать колебания, сопровождающие образование мысли, т.-е. приборов, создающих „искусственную“ мысль. Понятно что эти приборы будут тогда могучим средством для того, чтобы, создавая лучшие мысли и идеи для человечества, в будущем не оставляли бы места для идей и мыслей вредных, идущих в разрез с интересами масс, больших коллективов, наконец, всего мира трудящихся.

По моему глубоко ошибаются те ученые, которые ставят себе и другим за правило только наблюдать и правильно рассуждать. Воображение давно служило человечеству, как светоч науки. Например, физика держится на не подтвержденных все еще до сих пор экспериментальным путем предположениях и гипотезах об эфире. Сама гипотеза уже есть правдоподобная фантазия, а раз творческая фантазия занимала и занимает до сих пор определенное положение в науке, то позвольте и мне, не раз проводившему свои фантазии в области различных трюков с животными и некоторых механических

изобретений в действительность, описать в конце этой книги мою фантазию, которая вытекает из результатов наших работ в области зоопсихологии.

Я только что, между прочим и вскользь, высказал мысль о возможности осуществлении нашего предположения, по которому физический прибор будет влиять на мысли людей. Насколько эта фантазия имеет шансы на осуществление покажет будущее; в заключение же хотелось бы еще раз подчеркнуть то главное предположение, которое одно дало бы возможность осуществить все многочисленные раньше описанные наши стремления. Разумею то, что такой механизм для управления мыслями уже и сейчас существует и состоит он из тех высших рефлексов, которые мы называем эмоциональными, так как считаем, что они образуются только тогда, когда создается обстановка одновременной эмоции: раньше до нас пользовались «механическими» способами образования рефлексов, или дрессировкой по обычному обозначению. Мы же под нашими, повторю, эмоциональными рефлексами разумеем такие, которые связаны с одновременным вызыванием приятных для животного эмоций (эмоций дружелюбного, любовно почтительного внимания к дрессировщику у обезволенного этим животного, эмоций утоления голода у полусытого животного, эмоций получения самкой чего-либо нужного ее детенышам и т. д., и т. д.). Область, где такие рефлексы применимы, охватывает всю деятельность животного и человека, и вся деятельность ума представляет собою область проявления этих рефлексов. Мне здесь хотелось бы еще раз поговорить о применении их в той одной части, где это кажется важнее всего. Так как эмоциональные рефлексы тесно связаны с внушением животным, одинаковым с гипнозом людей, то нам, может быть, больше, чем кому-либо другому, ясна вся та поразительная сила, которая присуща внушению в жизни человека. Весь ужас заключается в том, что разум бессилен противиться гипнозу— бессилен противиться внушению. А так как внушение, как действие, оживляющее следы в коре мозга, есть в то же время возбудитель на сложный рефлекс, т.-е. представляет из себя эмоциональный рефлекс с своим началом—с возбудителем, то и он, рефлекс, может не только тормозиться, но и исчезнуть навсегда, вследствие устранений своего образователя—своего возбудителя, другим раздражителем.

Такой механизм с различными комбинациями у нас существует, и сила внушения в жизни человека таким механизмом, управляющим мыслью человека, может быть парализована.

Вот какие перспективы рисуются мне в будущем:

Мы должны добиться того, чтобы путем воспитания определенных рефлексов, направленных на лучшие человеческие достижения, постепенно приблизиться к полному преобразованию мира.

Главным фактором, этапом к такому преобразованию мира будет прежде всего отказ от мирового черного гипноза-войны.

Мы давно отлично знаем, что трудящиеся всего мира стонут под тяжестью налогов, идущих главным образом на вечные вооружения государств. Как часто мы слышим голоса отдельных политических и общественных деятелей, ратующих против войн.

Я уверен, что во всех слоях общества, во всех государствах, громадное большинство людей мыслит одинаково: против войн. Но под великим черным гипнозом—все продолжают воевать. Когда-же мы избавимся от этого векового самоистребления?

Но только тогда, когда это желание сделается настоящим желанием как потребность натуры каждого человека всеобщим и могучим. Когда-нибудь настанет тот момент, что «мир всего мира» будет лозунгом всех и эти мгновения будут историческими. Хотелось-бы думать, что в Москве будет тот первый толчек, который создаст эру мира на земле.

Советская Россия первая из всех стран за время своего сравнительно недавнего существования, сумела с небывалой силой вступить в жестокую и решительную борьбу с предрассудками.

Она, великая, продолжает стремиться к правде—к защите трудящихся всего мира. Она еще недавно израненная, голодная, изолированная от всего остального мира, сама еще не совсем оправившаяся от последствий черного гипноза, в борьбе против рабства трудящихся и за их освобождение, уже самоотверженно помогает трудящимся других стран, делясь последними крохами.

Советская Россия в свое время первая сделала смелый почин в деле разоружения и досих пор открыто призывает всех: брать с нее пример, ради великой идеи освобождения человечества от черного гипноза.

Но народы, кажется, как будто спят, вершители их судеб глухи к этим призывам, а между тем каждый человек внутри себя слышит голос разума и сам в душе против войн.

Во время моего последнего пребывания в Берлине мне снился великий пророческий сон... Сердце Советских Республик, Москва, взволнована. Представители войск, рабочих и крестьян собрались в грандиозном здании цирка. На здании цирка, снаружи, огненными буквами написан лозунг: «Долой черный мировой гипноз—войну».

От здания цирка во все стороны распространяются электромагнитные волны, несущие с собой, со скоростью света, по всей поверхности земного шара и за его пределы сигналы-слова. На площадях Москвы и других городов установлены гигантские, мощные радиотелефоны, их тысячи по всей России и еще больше по всемусвету.

В известный всем условленный час будут слышны из мощных аппаратов живые слова. Все, все, все у этих аппаратов, ждут назначенного часа.

Переполненное лучшими избранными представителями народа здание цирка гудит. Но вот стрелка больших часов указывает начало. Грянул многозвучный оркестр, полились медные звуки труб и к ним присоединился не менее могучий хор всех присутствующих. В тот же самый момент радиотелефоны всем, всем, всем передают бодрящие звуки интернационала.

В цирке, при последних звуках песни освобождения, на возвышение входит великий оратор. Его твердые, продуманные слова оставляют глубокие следы в умах людей. Каждое слово его запоминается навсегда. Его речь, это клич к последней бескровной борьбе с кровавой войной, он зажигает все сердца надеждой и стремлением к новой человеческой жизни людей.

И слышится этот призыв во всех уголках. Будит он у многих мысли о тех путях, которыми можно было бы осуществить «мир всего мира».

Какие-же это пути? Великий оратор упоминает о четырех возможных путях:

I.—Завоевать все государства оружием и войной-же установить мир на земле, но этот путь не подсилу каждому отдельному государству.

II.—Ждать, когда сравнительно ничтожное меньшинство людей-богачей всех стран, живущих праздно, сами наконец и одновременно станут самоотверженно честными и откажутся добровольно от всех своих благ на общую пользу человечества.

Этот второй путь длительнее всех и потому наиболее утопичен, так как трудно надеяться на скорое, добровольное и даже самоотверженное отношение богачей к этой проблеме.

Прав ведь был К. Каутский [1]), называя утопичной попытку Платона (еще за 380 лет до Р. Х. Автор) склонить в пользу

[1]) Карл Каутский, „Предшественники новейшего социализма“. Ч. I Перевод с нем. бр. Леонтьевых. Госиздат. Москва, 1919 г. Стр. 14 и 15.

своих идей тирана. Вспоминаются мне слова К. Каутского: «Мы уже знаем, что испытал Платон, когда сделал попытку склонить в пользу своих идей тирана. Судьба его была судьбой всех утопистов, т.-е. всех, кто стремился к обновлению государства и общества, не находя в них самых необходимых для этого факторов. Они должны были надеяться на акт великодушного произвола политического или финансового самодержца, царя-философа, или миллионера-философа». И вот, рассуждаю я. С тех пор прошло 2300 лет, а мы все на том-же месте.

III.—Служить примером и помогать всевозможными способами всем трудящимся земного шара, вырвать свободу своих действий, для установления мира на земле, объединившись впоследствии все в одну общую семью народов.

Я слышу во сне, как оратор описывает последний путь освобождения от черного гипноза, путь, который указывают открытия в науке безкровный путь.

IV.—Особым способом заставить каждого человека раз навсегда ж е л а т ь мира. Горячими, убедительными словами оратор доказывает возможность этого пути: Каким-же образом можно было-бы достигнуть этого? А вот, каким. Ученые пришли к тому определенному выводу, что вся жизнь человека состоит из рефлексов. Таким образом бесчисленное количество рефлексов, самого различного свойства, составляют один общий рефлекс, называемый жизнью.

Все чувства человека—это результат и одновременно причина сложных рефлексов. Возбудителем эмоциональных рефлексов служит чаще всего мысль. В то же время мыслительный процесс есть явление, неотделимое от сложного рефлекса.

Мысль, ассоциирующаяся с чувством, желанием, есть эмоциональный рефлекс. Значит всякое желание есть сложный эмоциональный рефлекс. А так как каждый рефлекс имеет свое начало, своего возбудителя, то, как доказывает положительная наука, найдя раздражитель рефлекса, возбудитель желания, можно искусственно воспитать в человеке соответствующее этому возбудителю ж е л а н и е. А раз это так, то задачей современной науки, если она не хочет отставать от всеобщего желания мира, найти, исследовать различные способы воздействия на психику людей, чтобы каждый человек, бессознательно для самого себя, стал ж е л а т ь хорошей м и р н о й жизни.

В этом-то и заключается все громадное значение новейших научных открытий, указывающих на новые пути к прогрессу человечества.

Затаенное желание жить хорошо, а не дурно, заложено было в живых существах, с самого первобытного начала их бытья, и потому все начинания в этом направлении, легче осуществимы, особенно теперь.

Сознательное желание жить хорошей мирной жизнью ныне можно считать определившимся? Путь к осуществлению этого стремления теперь в руках человека, и этот путь найден. Оратор говорит, что Советская Россия первая пойдет по этому пути и покажет всему миру пример и, начиная хотя-бы с особых приемов воспитания нового юношеского поколения, впоследствии бесповоротно заразит своей бодростью и счастьем остальные страны. И мыслится мне во сне! У нас в СССР вопросы рефлексологии должны и будут иметь важное специфическое значение, и главной ея задачей будет на первых порах отыскание и классифицирование начал, раздражателей-возбудителей рефлексов, чем будет получен богатейший материал для построения новой жизни.

Искусственное воспитание новых поколений будет достигнуто искусственной передачей им соответствующих ж е л а н и й. Провозвестником последнего все же можно считать Платона, который, еще до 380 лет до Р. Х., считал возможным достигнуть господства своих идей, путем внушения их (см. Платон: «Πολιτεία» «Политейа»- книга о государстве, кн. VI 14).

Постановка первых лабораторных опытов с молодежью имела-бы мировое значение, и вот эту лабораторию я вижу во сне, во время речи оратора, когда он демонстрирует на грандиозном экране цирка следующую картину: После сладкого, крепкого и здорового сна, юноши и девушки в легких туниках, полуобнаженные, собираются в залы лаборатории с зеркальными стенами, где производят по указанию ученых лаборантов, мускульныя движения-гимнастику всего тела следя за ними в отражениях.

Эти движения подбираются так, чтобы с ними были связаны подъем духа и переживания высокого нравственного наслаждения, поэтому эти движения воспитывают у них все лучшие рефлексы.

Жизнерадостная молодежь, после гимнастики отправляется на работу, например в поле, или огороды, для возделывания нужной им растительной пищи. Все поле усеяно тысячами молодых, сильных и жизнерадостных людей, работа их кипит, работа не нудная, не трафаретная, не подневольная, а радостная и творческая.

Затем вновь следует отдых и подкрепление пищей, в которой не участвует ни на одну иоту, мясо. Каждый кусок пищи, во время

еды, принимается, сопровождаясь особыми телодвижениями, способствующими сохранению наилучшего расположения духа.

После отдыха следует умственный труд. Соответствуя дарованиям каждого из них, труд этот превращается в радостное творчество, доставляя молодежи минуты высшего удовлетворения, а для лаборатории—результаты и выводы наблюдений ученых руководителей.

Таковой должна быть лаборатория будущего, но таковой должно быть когда-нибудь и само будущее. Мой сон кончился. Я проснулся. Наскоро умывшись, я выхожу из своего номера Берлинского отеля, иду по мягким коврам коридора и встречаю неожиданно старого знакомого артиста Гагеншмидта. Неожиданная встреча на чужой далекой стороне много лет невиданного друга необычайно обрадовала меня; в особенности поразило меня выражение его лица.

Я увидел творческий огонь в его глазах, бодрость и радость во всей фигуре, как будто он только что сошел с виденной мною во сне картины лаборатории.

Мы тут же в коридоре спешим друг другу сообщить, какие ведем сейчас работы, чем заняты наши мысли.

К великому нашему удивлению, оказалось большое сходство в наших стремлениях и в последних работах. Он, славившийся когда-то во всех городах Европы физическою своею силою (борец чемпион мира), бывший студиец Юрьевского университета, скопивший солидное состояние борьбой на призы, бросил в самый разгар своей славы артистическую карьеру, отдавшись с головой науке.

— Скажи мне, друг, как началось твое преломление?

И он тут же рассказал.

— Тренируясь в горах в одном из модных курортов Америки, для предстоящей серьезной борьбы с X, я шагал несколько верст полуголый, взбираясь на вершины гор и вдыхая всею грудью чистый воздух, развивал при этом разными движениями мускулы своего тела. И вдруг при повторении несколько раз определенного движения мускулов моей руки, я почувствовал какое-то небывалое наслаждение и особые радостные мысли. Это было начало, которое заставило меня сильно призадуматься над тайными явлениями природы. И вот я бросил славу и стал работать, наблюдать, искать и писать. Гагеншмидт показал мне толстую рукопись, плод его ежедневной работы. Как много сходного по идее я увидел у него со своею работою.

«Друг, сказал он мне», незадолго до моего отъезда на родину, «я люблю Россию, мою родину и, если ты можешь, помоги

мне принести ей пользу. Я безвозмездно отдам свой труд Советскому Правительству».

В последующие дни я поехал к нашему представителю от Наркомпроса т. Г., которому и рассказал о работах и предложении Георгия Гагеншмидта. Тов. Г., заинтересовавшись, в свою очередь для проверки вызвал телеграфом из Лейпцигского университета сочувствующего нам русским всеми уважаемого проф. Брауна.

Профессор Браун также очень заинтересовался работами Гагеншмидта, находя их ценными. Предполагалось пригласить ученых на особое совещание по этому поводу. Но я в силу обстоятельств принужден был экстренно выехать в Россию, и не знаю, чем это закончилось.

Виденная мною во сне в Берлине картина мировой лаборатории и прекрасного будущего не выходит у меня из головы. Конечно, все это дело более или менее отдаленного будущего, хотя признаки его мы уже видим и теперь. Все чаще и чаще вопросы психологии и рефлексологии становятся темой не только научных лекций и бесед, но и обыкновенных разговоров, и выдвигаются всюду на первый план. Еще не так давно (Научная Конференция в Москве—декабрь 1923 г.), мы были свидетелями небывалого единения труда и науки—факт в высшей степени знаменательный.

Без умственного труда мускульный труд существовать не может — это закон природы.

И у меня, ничтожной капельки людского океана, в настоящее время теплится в душе надежда, что, несмотря на мои 61 год, я доживу до того времени, когда у нас в СССР к серпу и молоту будет присоединена также и эмблема умственного труда, в виде изображения мозговых полушарий человека.

Самоучка В. Дуров.

КОНЕЦ.

Авторы „Предисловия“, профессора Г. А. Кожевников и А. В. Леонтович, считают необходимым пояснить, что последняя глава книги „Моя научная фантазия“ написана была автором после того, как предисловие было уже отпечатано.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Моя недавняя поездка в Германию.

(Мой доклад членам Русского Общества Акклиматизации животных и растений в Москве 31 окт. 1923 г.).

Как только наша республика стала иметь возможность сноситься с западом и мы, простые смертные, могли, несмотря на общую бюрократическую проволочку всех стран, переезжать границы, я тотчас телеграфно запросил Гагенбека об условиях покупки у него морских львов. Получив далеко неудовлетворительный ответ, что львов случайно имеется только 3 экземпляра, самец и две самки и что цена им очень высокая, я должен был без выбора, не в пример прежним временам, и без всякого торга, на риск послать задаток и тотчас же хлопотать о поездке за границу. Следовательно, целью моей поездки за границу было приобретение животных для моих лабораторных работ, а главным образом я поехал за ластоногими, морскими львами, потому что в процессе моей долголетней работы в области дрессировки животных, являющейся признанным наукой методом изучения сложных вопросов зоопсихологии, я пришел к выводу, что морские львы являются по развитию своего мозга совершенно незаменимыми объектами экспериментов, подтверждающих основы учения об условных рефлексах, ассоциациях по смежности и сходству, об инстинктах и поведении высших животных, о выражении ощущений и проч. Также ученые Рихард Овен и Шалер свидетельствуют об исключительных способностях ластоногих.

Морские львы, как богатый ценный материал для экспериментов, кроме того, представляют из себя еще выгодный материал для публичных выступлений, сиречь для представлений, которые окупали бы успешно как самое содержание этих животных, так дали бы возможность уделять время и для научных работ с ними. Вот главная цель моей поездки.

В связи с этой целью, понятно, возник вопрос об ознакомлении с работами заграничных ученых по зоопсихологии. По предложению нашего уважаемого председателя Г. А. Кожевникова, и как член Об-ва Акклиматизации животных, к которому я имею честь принадлежать давно, я считал своей обязанностью по силе возможности удовлетворить желание председателя: собрать сведения на поставленные им мне вопросы, стараясь на них ответить как можно полнее, тем более, что вопросы зоопсихологии тесно связываются с зоологией, я и решил посвятить большую часть моего времени для этой вто-

рой цели моей поездки. Прошу извинения у о-ва, что я невольно буду должен отклоняться в область психики животных так как и для зоологов, мне кажется, они будут интересны по своей связи. Вот 9 вопросов, предложенных мне председателем:

1) Подробные и полные сведения о всемирной торговле животными.

2) Зоологические сады Европы (и Америки).

3) Какие фирмы существуют, которые теперь торгуют животными.

4) Какой состав животных имеется теперь у Гагенбека.

5) Какие животные России представляют теперь интерес для торговли животными.

6) В каком состоянии находятся теперь зоологические сады.

7) Существует ли журнал «Зоологический сад».

8) Какая имеется литература—цены.

9) Существует ли в Германии «Общество Акклиматизации животных».

Позвольте не следовать тому порядку, как они написаны, ибо он не соответствует с действиями, развертывавшимися передо мною в моем путешествии по городам Германии, и поделиться с вами моими впечатлениями согласно месту и времени их течения. Я должен был бы прибыть раньше в Гамбург, остановившись только день в Берлине для получения денег в научном отделе, но судьба решила иначе: денег я не получил и поэтому невольно пришлось задержаться довольно долго в Берлине.

Отложив главную цель моей поездки в Гамбург, я посвятил время второму заданию и отправился в Берлинский Зоологический сад. Каково же было мое удивление, когда, подъехав к главным слоновым воротам, я увидел надпись: сад временно закрыт. В другое время я, понятно, повернул бы назад, но, имея определенную цель, я все-таки другим ходом проник в сад, заплатив экстра, как говорят немцы, 10.000 марок.

До всемирной войны, ежегодно лечась в Карлсбаде, Мариенбаде или в Вильдунгене, я временно каждый раз останавливался в Берлине и ежегодно аккуратно по нескольку раз посещал Берлинский знаменитый Зоологический сад, и имел возможность довольно подробно знакомиться с его содержимым. Сад, можно сказать, был единственный в мире по богатству своих живых коллекций. Это был в полном смысле живой учебник, как я называю зоологические сады, и привлекал к себе ежедневно десятки тысяч людей, стекающихся со всех концов мира. В настоящее время моим глазам представилась печальная картина:

пустые дорожки, окаймленные пустующими загонами; заколоченные красивые, стильные здания для животных и большие, наружу выходящие клетки с тоскующими в них в одиночестве животными, произвели на меня удручающие впечатление. Война—бич человеческой культуры—сделала свое ужасающее дело и здесь, в центре Германии, в знаменитом когда-то Зоологическом саду.

Получив с большим трудом каталог сада, опять за экстра, обходя животных с провожатыми, служащими сада, я отмечал в нем погибших и наблюдаемых мною живых животных. Я должен сказать подробнее о громадном проценте потери драгоценных экземпляров. Подробный список имеется у меня. Его пришлось составлять, посещая сад почти ежедневно в течение 14 дней. В последующие мои посещения сада, благодаря любезности директора сада, тайного советника д-ра Гека, и его помощника проф. Хайнрот, специалиста по изучению утиных, я получил подробные сведения о положении Зоологических садов в Германии и пополнил кроме входящих в программу моих работ и вопросов по зоопсихологии еще сведения о погибших редкостных животных Берлинского Зоологического сада. Таким образом—постепенно мой материал пополнялся. Вот список некоторых более ценных животных, погибших во время войны:

Канадийский бобер—ближайший родич нашего речного бобра.

Африканский Гепард, синий Гну; 2 экземпляра белобородистого Гну. 2 экземпляра Оленей-антилоп: самая большая антилопа. Похожа на корову. Молодой самец особенно яркой окраски из немецкой Восточной Африки. Самка выросла в России. Подарок нашего покойного Фальц-Фейна.

Сенегальский водяной козел; эллипсный водяной козел; жираффа; черноспинный дукер; 2 экземпляра дикой кошки; тигровая кошка; драгоценная кошка. Экземпляр из Туркестана (Тиан-Шан). Редкость! Первый раз в Европе.

2 тигра бенгальских; 2 леопарда; барс; Европейская рысь и родственная ей Канадийская рысь; 2 ягуара; выдра; морской лев; тюлень; конусный тюлень—водится в прибалтийский морях. Он получил свое название от своих конусообразных коренных зубов. Встречается и в Северной части Антлантического океана на берегах Англии и Шотландии. Характерное различие от обыкновенного короткоголового тюленя—это его длинная собачья морда.

Бразилианская выдра; молодой камерунский слон; Абиссинский двурогий носорог; Мускусный овцебык.

Сей список далеко неполный; а остальных погибших четвероногих и птицах во время войны я не имею времени и физической возможности даже вкратце перечислить всех.

Считаю нужным остановиться более подробно хотя бы на некоторых животных, живущих в настоящее время, и поделиться с вами воспоминаниями о них, которые остались у меня и поныне. Благодаря любезности директора Гека, который выдал мне почетный билет для дальнейших посещений сада, я имел возможность чаще посещать и больше отдавать времени Зоологическому саду. И вот в один из февральских дней 1923 года я с женой и дочерью делал очередной обзор зверей. Подойдя к каменному обезьяннику, обнесенному железной сетчатой решеткой, мы увидели, что дверцы в каменной стене открылись и появились на свежий воздух в свою летнию резиденцию несколько обезьян. Два дриля—один из них довольно крупный; два гамадриля; павиан и одна мартышка. Старый павиан с коротким, мало подвижным хвостом и с как бы вытертой ощипанной шкурой, злобно посмотрел на нас. Его длинная собачья морда с сильно развитой челюстью и с глубоко вдавленным сверкающими глазами, выражала что-то хищническое, злое. Он вздрогнул всем телом и увидя наши пустые руки, порывисто отвернулся от нас. Все обезьяны смотрели на нас, вернее, на наши карманы, ожидая привычных подачек. Необычайная тишина и одиночество последних годов успели, видимо, наложить печать на их поведение. Вялые в движениях, обезьяны тоскливо смотрели вдаль. Я подметил злые огоньки в их круглых глазах. Дриль, старый и сильный, с мохнатой головой, видимо был недоволен нами, ничего ему не дающими, и злился также на своих собратий, как будто они были в чем-то виноваты. Как только мы отошли от клетки, дриль бросился вымещать досаду на ни в чем неповинном мандриле. Он вцепился в него зубами. Подвернувшейся мартышке тоже попало. Уходя мы долго слышали как она визжала больше от бессильной злости, чем от боли, а между тем я должен заметить, что мандриль и дриль, имеющие сходство с павианом, собственно говоря, по своей природе добродушные животные, скоро привязываются к человеку, в особенности к женщинам. Смею сделать заключение: одиночное тюремное заключение и в последнее время лишение привычного свидания с посетителями, повидимому, наложило отпечаток на психику обезьян.

Подходим к слоновнику. Здание, изображающее индийский храм, окружено снаружи железными рельсовыми балками и вдобавок еще деревянной решеткой. Двойная баррикада вполне обеспечивала посетителей от слоновой опасности. Вернее, правдивее сказать частая деревянная решетка, наоборот, защищала слонов от навязчивых протягиваний рук многочисленных посетителей, но в настоящее время ни посетителей, ни слонов в загоне на открытом воздухе не было, несмотря на то, что по Реомюру было 5 градусов тепла. Сокращение штатов служащих и тут отразилось на благополучии ценных великанов. Войдя в здание, первого у входа мы увидели в мутно-грязном бассейне гиппопотама; вернее увидели его верхнюю плоскую часть головы с торчащими кверху как бы обрубленными поросячьими ушами. Гиппопотам медленно опускал свою тупую морду в грязную воду. При этом глаза и уши закрывались вплотную складками тела. Он пускал из воды пузыри. Служащий просунул через редкую решетку охапку сена, и живая гора поднялась из воды, с обозначившейся на шее широкой складкой. Гиппопотам разинул свою страшную пасть, и перед нами как будто открылся громадный дорожный кожанный чемодан, куда моментально провалилось сено. Рев слона отвлек наше внимание от гиппопотама. В длину всего здания тянулись пустые денники. Один денник-слоновник, где в былые времена находился молодой камерунский слон, которого я указал в списке погибших, был завален прессованным сеном. Другой, где когда-то, как мне помнится, стоял абиссинский носорог, доверху был загроможден пустыми ящиками. В остальных свободных денниках, почему-то бродили на свободе два обыкновенных белых козла. По краям здания за толстыми железными брусьями визави помещались два старых слона: индийский и африканский. Африканский слон болтал хоботом, который висел, касаясь пола. Только самый кончик его шевелился, как червяк, вправо и влево. Я бросил кусок хлеба. Слон, не спеша, ощупал его и, захватив хлеб, не положил по обыкновению в рот, а только концом хобота подбросил вверх, ловко поймав ртом. Слон это сделал так искусно, как хороший жонглер. Оказалось, что это искусство он развил поневоле: его хобот был почти совсем парализован. Поднять его наверх слон не мог. Для того, чтобы положить хобот на перила, приходилось ему раскачивать его и, нагнув голову на бок, перекинуть как плеть на перекладину. Бедный старик! Его единственная рука висела беспомощно, безжизненно.

Мы подошли к индийскому слону. Первое, что бросилось мне в глаза это изуродаванная левая часть верхней губы. Серая бесформен-

ная масса, как комок разорванной тряпки, торчала изо рта. Сломанные бивни производили неприятное впечатление. Провожатый рассказал, что 3 месяца тому назад слон бунтовал и убил ухаживавшего за ним служителя, сломав бивни и повредив десна о железную решетку. Мы увидели погнутую рельсу. Причиной, как я узнал позднее, было грубое обращение с животным. Мы снаружи. Шествуем дальше. Вот двери львятника. Только что переступили порог, как наткнулись на труп благородного оленя, который своими ветвистыми рогами загородил нам путь. Сегодня ночью олень пал и теперь предназначен на корм хищникам. Мы отворили дверь. Гордо подняв голову, окаймленную густою гривою, стоял старый лев. Он смотрел через наши головы на входную дверь, не видя, но чуя запах оленя. Художница, сидящая напротив с палитрою ловила моменты и клала кистью краски на полотно. Львица, отсаженная отдельно, лежала на паркетном полу клетки и лениво зевала. Рядом в тройной разгороженной клетке (выдвинутые перегородки стояли тут-же), ритмично ходил взад и вперед прекрасный экземпляр—тигр.

Вот он на секунду остановился; посмотрел на нас как-то вскользь и снова зашагал, неся бесшумно свое гибкое полосатое тело. Мы, скользя своими подошвами по гладкой решетке пола, откуда подымался теплый воздух парового отопления, отправились дальше. Прошли ряд пустых клеток и подошли к пуме. Ее, несоразмерная с длиною туловища, маленькая голова, покоилась на передних лапах. Она лежала вытянувшись во всю длину клетки и как будто дремала полузажмурив глаза, но темные подошвы задних лап чуть заметно судорожно сжимались и разжимались. Кончик хвоста извивался как придавленный ногой земляной червяк. Отворившаяся дверь заставила пуму моментально вскочить на ноги, все внимание ее было направлено туда, где лежал труп благородного оленя. Мы вышли из зверинца. Опять потянулся ряд пустых загонов и фольер. Вот деревянное здание грызунов. У входа поперек висела цепь. Ход закрыт. В здании грызунов пусто, даже обыкновенных морских свинок и крыс альбиносок и тех нет. Наверное все они ушли во время войны на вивисекцию. Туда же пошли кролики и может быть часть и обезьян, которых так мало осталось в саду. Все с'ела война. Проходя вдоль загона, мы остановились около зебу. Он с своим горбом на загривке и растопыренными в сторону ушами, помахивая тонким гладкошерстным хвостом, заканчивающимся большой волосяной кистью, стоит понуря голову. При нашем приблежении его добрая коровья голова с мешками под шеей и под грудью медленно поворачивается вслед за

нами, уходящими к соседним загонам. Мы подошли к бизону. Из стильного домика показалась мохнатая широкая голова с короткими загнутыми внутрь рогами и с большой густой остро заканчивающейся, как у козла бородой. Маленькие глазки массивного бизона только на момент остановились на нас и бык равнодушно отвернулся.

Несколько шагов по длинной кривой дороге, теряющейся в зелени—и мы у тура. На каменной глыбе, как на скале, стоял в дремоте бородатый дикий козел. Из под груды наваленных друг на друга камней как из пещеры, появилась самка.

Моя дочь протянула к ней руку с хлебом. А туриха и не подумала подойти. Козел тоже не двигался с места. Дочь моя долго тянулась к ним с протянутой рукой. «Почему тур не берет у меня хлеб?» спросила у меня дочь. «Надо хотя бы немного понимать психологию данного животного и манеру кормления его. Наша публика бессознательно портит своими подачками характер животных. Количество предлагаемого корма играет тоже большую роль», рассказывал я, идя по дороге к зданию жираффов. «Вообрази, что ты, сидя в заперти, смертельно хочешь есть. Тебе в это время будут показывать издали крошку хлеба и, когда ты бросишься к хлебу, люди боясь твоего движения, будут отдергивать назад руку с хлебом, ты к нему, а хлеб—от тебя. Ты в безсильной досаде отвернешься, а хлеб снова приближается к тебе и так почти ежедневно и ежеминутно. Воображаю какой выработается у тебя характер. Представь себя на месте тура. Один из посетителей сует к носу хлеб. Тур подымает голову и вытягивает верхнию губу, стараясь достать его. Не тут-то было! Благотворитель боится, что с кусочком хлеба, тур захватит и его пальцы. Понятно, поднимает хлеб выше. Тур тянется, стараясь тоже загнуть голову как можно выше, при этом упирается рогами в свою спину, делает себе неприятно. Посетитель бросает кусочек за решетку на землю и отходит. Козел не замечает брошенного хлеба. Подходит другой благодетель. Та же самая история. Животному уже надоело. Прежде он сердится, фыркает, потом уже совсем не реагирует на протянутые руки, как не реагирует на отражение в воде ветки дерева, как бы ни хотел он есть, но в воду не лезет. Вот почему тур не взял у тебя из рук хлеба». «Но как же надо давать, спросила моя дочь.—„Лучше не давать, а если нужно обязательно дать, то положи себе на ладонь и опусти руку ниже головы тура и ни в коем случае не отодвигай и не обманывай. Животное сердится и страдает когда его обманывают». Мы подошли к кораблю пустыни—двугорбому верблюду. Но где же его горбы? Два почти

пустых мешка свесились набок. Грустные и слезливые глаза верблюда посылали нам как бы немой упрек.

Мы подошли к зданию жираффов, мысли мои перенеслись в прошлое и воскресили в памяти знакомую картину: в довоенное время я долго любовался жираффами, этими оригинальными творениями природы. Эти редкостные животные в количестве трех были привезены в Берлинский сад из восточного Судана в 1900 году, а в 1904 году самка родила детеныша. Мечтал я тогда привести это редкостное животное к нам в Россию, выдрессировать его и показать русскому народу. Мечта осталась мечтой. Его высокий рост, около двух сажень, не позволил бы везти по железной дороге. Одни приморские города могли видеть это чудо. Только водным путем жираффы доставлены из Африки в Берлин.

Но довольно думать о невозможном. Идем к огороженному проволочной сеткой пруду. Тишь и гладь на воде. Изредка бесшумно проплывет мимо нас семейство уток да пара розовых пеликанов с пустыми растягивающимися мешками под клювом. Белый пеликан с с роговой шишкой на переносице. Вот плывут они к островку, где стоят домики для водяных птиц. Медленно двигаются к ним, изогнув вопросительным знаком свои шеи—белые лебеди. Где же фламинго, на своих длинных ногах? Куда они делись? Где та масса водяных птиц, которые бывало так весело полоскались, чистя свои перышки на солнце. Тишина, простор и покой...

Зато, когда мы вошли в здание попугаев, нас сразу поразил шум, свист, говор и пение. Только, как видно, птичник не с'едобных, хищных, уцелел полностью. Ни одной клетки пустой! Однородные и разнокалиберные клетки тесно прижавшись друг к другу занимали сверху и донизу все большое помещение. И не было ни одного местечка, куда можно было бы протиснуть еще хоть одну клетку. Разноцветные попугаи, начиная с нежно-серого жако и кончая желто-синим и желто-красным ара, пестрели как гигантские полевые цветы. Только резким диссонансом на этом светло-пестром фоне черным пятном выделялся наш российский попугай—черный ворон. Он прыгал с жердочки на жердочку и, просовывая острый клюв между прутьев, басом приветствовал нас, земляков, своим карр..... Мы спешили... Бегло осмотрев попугаев и бросив прощальный взгляд на ворона, мы вышли на свежий воздух. В небольшом здании водяных птиц, где в каждой клетке устроены бассейны, наполненные общей проточной водой, стоял у дверей на одной ноге одинокий марабу. Он спрятал шею в воротник из перьев и не двигался. Эту оригиналь-

ную птицу мы оставим ожидать у дверей и отправимся дальше. Проходя мимо медвежатника, мы и тут заметили большой пробел в количестве зверей. Только один экземпляр — белый полярный медведь стоял на своих высоких широких могучих лапах, низко опустив длинную шею и мотая головой, как маятник. На чистом каменном полу бассейна не было видно остатков пищи. Когда и какой рыбой вы кормите медведя?, спросил я у служащего. Рыбой не кормим, только кониной—отвечал он. Бедный житель северных морей! подумал я. При таком обилии в Берлине морской рыбы, ты не видишь твою природную пищу. А вот и наш родич мишка таптыгин. Жалобно стонет, просунув сухой нос между прутьев холодной решетки. Проходя быстро ряд пустых клеток, мы вскользь видели гималайского медведя с белым нагрудником. Он стоял на задних лапах и ноздрями с храпением втягивал в себя воздух. При приближении служащего, медведь попятился назад, вглубь клетки. В прежние времена я часами наблюдал за игрою этих ловких животных, видимо, ему сейчас не до игры.

За неимением времени, быстро обходя, я увидел зебра, мельком несколько пар различных антилоп, лани и наших кавказских джейранов, черных и белых осликов. Лошадь Пржевальского я не видел и не успел навести о ней справку. В заднем конце у забора—целый ряд фольер с птицами, которых довольно много. Между прочим я запомнил, что между фазанами я не встретил серебрянного. Записывать подробно всех животных и птиц я не имел возможности... Понятно, я обратил свое внимание на самый ценный и интересный как для зоопсихологов, так и для зоологов, находящийся в здании, аквариума, экземпляр шимпанзе, куда я и направился.

Мы подошли к громадному зданию—аквариуму. Широкая каменная лестница вела в этот совсем иной мир—мир водяного царства. У входа на каменной глыбе сидит, работы скульптора, каменный игуанадос. Колоссальная фигура сделана в натуральную величину и мы люди под этой махиной кажемся ничтожными. Бросив прощальный взгляд на этот дрогоценный, хотя ныне и с вырванными листами, живой учебник, зоологический сад, мы вошли в аквариум и поднялись в верхний этаж. Цель наша—поскорей увидеть самое редкостное, в настоящее время, животное—человекоподобное шимпанзе. Аквариум сохранился до мелочи. Быстро шагаем по полутемным залам с освещенными в ряд вделанными в стены аквариумами. Мелькают перед глазами застекленные гроты. Камни, песок, водяные растения искусно освещены изнутри. Рыбы различной величины и

окраски, громадные черепахи, плавающие как подводные лодки, ракушки, морские звезды—все перепуталось в памяти. Наконец, мы у цели. В верхнем этаже в застекленной комнате сидит шимпанзе. Какая досада, что сквозь большие окна ударяет свет нам прямо в глаза, мешая рассмотреть животное. Темный силуэт существа волосатого в рост ниже средняго человека, виден сидящим на перекладине в довольно большой комнате с деревянным столом и табуреткой. Я сбоку из под света стараюсь разглядеть обезьяну, которая смотрит в окно, выходящее на улицу. Султан, так звали обезьяну, сидит на одном месте не поворачиваясь. Затем лениво привстал, упершись наружной стороной кисти руки на перекладину, не отрывая глаз от окна, чуть повернулся в нашу сторону. Низко опущенная бровь, плоский нос и удлиненная часть морды ясно вырисовывались на светлом фоне окна. Я зачертил профиль себе в книжку. Султан немного подвинулся, не отрывая глаз от окна. Он смотрел на небо, на крыши домов и видимо остальной мир для него не существовал. Кто то из публики, чтобы привлечь к себе внимание, стучал в стекло, но султан даже не пошевелился. Наконец, мы дождались, когда он переменил позу и медленно пошел по перекладине на своих на четырех. Сделав, несколько шагов, он остановился как бы в раздумьи, подошел к двери и снова устремил свой взор в окно. Животное, несомненно, тосковало. Обезьяны слезами не плачут, но грусть их выражется в перекашивании бровей и особом смарщивании лба. Мне удалось, привыкнув к свету, уловить это выражение у султана. Да и вся его фигура и движение подтверждали мое предположение. Девочка, стоявшая у стекла клетки сказала «мама, ему скучно; дай обезьянке конфекту». Детское сердечко инстинктивно разгадало душевное состояние обезьяны. А Султан все сидел неподвижно и смотрел в окно. Выходя на улицу, я узнал кое что от провожатого. Обезьян привезли к ним из Тенерифа. Семейство шимпанзе состояло из пяти персон—4 самки и самец Султан. Одна из жен Султана родила маленького. Это был первый случай в Германии. Одна за другой гибли обезьяны. Детеныш играя сломал руку и находился на излечении, после операции в больнице, где ему ампутировали руку. Остался Султан один, одинешенек. И смотрит он теперь часами в окно и на дверь и все ждет кого-то...

С тяжелым чувством я покинул сад.

В следующие дни, под тяжелым впечатлением долго невыходившей у меня из памяти, тоскующей, согнутой фигуры вечно сидящего у окна «Султана», я решил собрать как можно больше материала о нем.

Кроме подробных расспросов у директора Гека и служащих, ухаживающих за ним, я достал литературный материал с большим трудом. Передо мной лежат: протоколы заседаний Прусской Академии Наук — совместное заседание от 28 июля 1921 года. Сообщение от 14 того же июля, сообщение о трех первых месяцах жизни шимпанзе—доктора С. И. фон-Аллеш. Журнальные и газетные вырезки и толстый труд, посвященный специально этому семейству шимпанзе, труд д-ра Келлера под заглавием: «Испытание интеллекта человекоподобных обезьян, Вольфганга Келлера». 2-е просмотренное издание «Испытания интеллекта антропоидов»—из бюллетеней Прусской Академии Наук, год издания 1917. Физико-математическая секция № 1. К моему несчастию, все эти книги были распроданы в Берлине, и мне пришлось достать с большим трудом только по одному экземпляру. Из журнальных и газетных статей я увидел, как интересуется широкая публика и в особенности ученые человекоподобными, озаглавливая статьи о шимпанзе так: «Редкое явление! Открытие столько нового и изумительного» и, наконец, «Зоологическое событие» и т. д... Понятно, я должен был бы поделиться с вами этим зоопсихологическим материалом, тем более, что он тесно связан с зоологическими событиями настоящего времени, но для этого потребовался бы не один доклад.

Мои предположения сбылись. «Султан» от тоски реже стал принимать пищу и перед моим от’ездом в Россию погиб. Столбцы газет были посвящены «Султану». Читатели, в том числе и я, глядя на крупный шрифт отпечатанного заголовка: Смерть «Султана», были введены невольно в обман, приписывая смерть турецкому султану. Вот что пишет одна из газет:

Смерть «Султана».

Несколько дней тому назад открылся после долгого перерыва берлинский зоологический сад. Но в настоящее время в нем уже нет той достопримечательности, которая привлекала тысячи любопытных. Нет группы человекообразных обезьян, состоявшей из 5 шимпанзе, привезенных с острова Тенериффа, после того как германские учреждения принуждены были покинуть бывшие германские колонии. Последняя из 5 обезьян «Султан» умерла за несколько дней до открытия Зоологического сада. Четыре самки умерли еще до осени 1922 г. Султан—единственный самец,—был переведен в специальное помещение в берлинском аквариуме. Часами он смотрел через

стекло вниз на улицу и медленно передвигался по клетке. От его смышленности осталось очень мало следа, а ведь в свое время над ним удалось проделать целый ряд опытов, которые давали ясное представление о присутствии у обезьяны творческой инициативы. Удалось наблюдать, напр., как создавалось первобытное орудие. В клетку к Султану было положено несколько бамбуковых палок, а перед клеткой был положен банан, но на таком расстоянии, что одной только палкой обезьяна ни в коем случае не могла бы его достать, и вот действительно после целого ряда попыток достать банан одной палкой Султан вставил в толстую бамбуковую палку более тонкую и таким образом создал примитивное орудие, которым он мог уже достать в клетку банан. Надо было видеть радость обезьяны и ее ликующие прыжки после этой удачи.

Особенно интересовала наблюдателей душевная жизнь этих человекоподобных. Руководивший зоологической станцией на острове Тенериффе д-р Келлер в своей книге «К психологии шимпанзе» приводит целый ряд примеров и результатов своих наблюдений над этими обезьянами. Две из них были оставлены в клетке на дворе и попали под сильный дождь. Услышав их жалобный крик, Келлер отворил дверцу клетки, которая вела в закрытое теплое помещение. Но прежде чем вскочить туда, обезьяны, несмотря на то, что дрожали от холода и дождя, бросились благодарно обнимать Келлера. Надо было видеть чисто человеческую радость, которую проявили обезьяны после длительного путешествия, когда они по прибытии в берлинский зоологический сад, были освобождены из ящиков, в которых сидели порознь в течение всей дороги. С криками радости бросились обнимать они друг друга. Радость у этих обезьян часто выражалась в танцах. Наблюдатель застал их раз танцующих ритмически вокруг столба, держась за руки, при чем они притоптывали, отбивая определенный такт. Одновременно с этим, они помахивали головами, выдерживая во всем определенный ритм, напоминая примитивные танцы дикарей. Шимпанзе украшали себя часто во время танцев сучьями, цветами, веревками и всевозможными другими предметами, накручивая их обыкновенно на шею. Во время танцев они нередко испускали характерные протяжные крики в роде пения дикарей-индейцев или негров во время танцев.

1 апреля прошлого года произошло редкое явление в жизни человекоподобных обезьян, живущих в неволе. Шимпанзе Лока родила ребенка, которого все время таскала у себя на спине. Появление этого ребенка было встречено весьма недружелюбно остальными

самками, несомненно боявшимися, что единственный самец Султан будет уделять слишком много внимания матери ребенка. Была даже попытка со стороны одной из самок украсть этого ребенка. Но попытка эта была в корне пресечена подоспевшими родителями. Во время одной из драк маленькому шимпанзе повредили руку и его пришлось отправить в детскую клинику в Берлине, где хирург ампутировал ему руку. Ни одному из лежащих в клинике детей посетителями не приносилось столько лакомств, сколько этому оригинальному пациенту детской клиники.

Неблагоприятная погода, изменившиеся условия жизни, непривычная пища, сделали жизнь обезьян настолько тяжелой, что одна за другой они стали умирать. Берлинский зоологический сад, который мог гордиться тем, что имел единственную в мире по количеству коллекцию человекоподобных обезьян в своих стенах, лишился лучшего своего украшения.

Сведения, которые я получил от торговцев мелкими животными и в адресах, которые вывешены здесь, следующие:

1. Фирма Шольц и Печке. В настоящее время запросы на покупателей зверей гораздо больше, чем даже в довоенное мирное время, но удовлетворить их не могут за неимением товара, так как доставка имеет большие политические и экономические затруднения. Рейсы пароходов очень неправильны и имеют случайный характер... Фирма интересуется приобретением различных мелких животных из России, если это будет возможно в будущем.

2. Дидаковский, у которого я купил двух самок резус, сообщил мне следующее: во все время войны, он, понятно, ничего не получил. После мирного договора началась постепенно торговля. Он покупал у матросов кораблей мелких животных, преимущественно птиц. В прежнее время он имел дело только с Америкой, где оптовая торговля животными имеет свои отделения в разных странах. Агенты доставляют животных из Африки, Индии, Бразилии, Мексики, Австралии и Германии. Большую часть из Германии покупает Америка, а именно старых выдержанных попугаев, канареек и собак.

3. Экзотические животные. Зоологическая торговля Брунштрассе 52 имеет дело с заграницей. В настоящее время транспортирует с Голландией. Я у него купил японских танцующих мышей.

В Берлине имеются несколько мелких лавченок, торгующих чучелами птиц и случайно приобретенными животными. Между про-

чим в маленьком магазинчике Путцке. (Инвалиден штрассе 102) я купил 2-х хорьков альбиносов. Самку я уже выдрессировал. Вот все, что могу сказать о сведениях, полученных от мелких торговцев Берлина.

От Директора Лейпцигского Зоологического Сада мною получены следующие сведения:

1. К животным Российской фауны имеется большой интерес, в особенности желательно возможно скорое получение крупных животных, в первую очередь верблюдов (дромедаров); их прием и продажу директор сада д-р Геббинг охотно возьмет на себя и гарантирует их успешный сбыт. Кроме того имеется интерес к медведям и сибирским тиграм.

2. Общества Акклиматизации в собственном смысле слова в Германии нет, но имеется ряд обществ с подобными же целями. За более подробными сведениями директор Геббинг просит обращаться непосредственно к нему самому.

3. Журнал «Der Zoologische Garten» издается еще.

4. Положение зоологических садов в Германии крайне различно, в зависимости от местных и иных условий, большинство садов перешло за последнее время в городское управление. Что же касается в частности Лейпцигского сада, то положение его, несмотря на тяжелые хозяйственные условия, вполне удовлетворительно. Содержание сада вполне оплачивается его собственными доходами, дающими даже некоторый излишек. Звериный материал сравнительно также удовлетворителен, за исключением означенных выше верблюдов. Ощущается также недостаток в кормовом зерне (пшеница).

Директор Геббинг готов оказывать всякое содействие Российскому Обществу Акклиматизации во всех вопросах, касающихся зоологических садов, и просит в каждом случае обращаться непосредственно к нему. (Лейпциг, Зоологический сад, Директор д-р Геббинг).

Беглый обзор Гамбурского зоологического сада.

Все зоологические сады похожи друг на друга. Никак нельзя избежать той монотонности, которая невольно получается при описании их. Но каждый сад имеет кое что и свое оригинальное, а поэтому я упомяну о тех особенностях, которые мне пришлось видеть только в Гамбурском зоологическом саду.

Начинаю свой обзор всегда следующим образом. Входя в главный вход, я держусь левой стороны и обойдя кругом, возвращаюсь

к главному входу. Затем суживаю кольцо, дохожу и до центра сада. Но здесь пришлось сделать иначе и вот почему. Первое, что мне бросилось в глаза у самого входа—это справа и слева огороженные искуственные пруды, но в них кроме плавающей на воде зеленой тины и плесени ничего не было видно. Я помню раньше здесь были морские львы, от коих осталась только одна надпись. Дальше, вдоль забора—пустой огороженный сеткой домик. Затем к забору прилепился длинный ряд однородных, пустующих клеток. Дальше, глаза видели загоны но в них, увы! Посажена грядами картошка. Понятно, пришлось, чтобы не терять время, возвратиться и итти по направлению к центру, где уже толпилась публика. Вот дом на деревянных подставках с надписью: «Крысиный дом». В наружных клетках и в самом доме, куда мы заглянули в разбитое окно, ни одной живой души. Я поспешил свернуть в центр. Увидя каменное круглое здание—слоновник, я вошел в него. Тут-то я и увидел гвоздь программы сада—2 больших бегемота и чудный экземпляр индийского тапира. Полюбовавшись, вышел наружу. Опять загоны с грядками огорода. Направляюсь к первому попавшемуся зданию. По дороге видел казуара. Остался в памяти розовый ибис, кажется, из средней Америки. Между хищниками в длинной клетке расхаживал прекрасный экземпляр—черный короткошерстный малайский медведь с желтовато-грязной мордой от глаз до носа, как будто он окунул морду в борщ с помидорами. Пошел дождь и пришлось спрятаться в одном из зданий. Длинное, прекрасно оборудованное здание было предназначено для обезьян. В центре зала все стены застеклены и масса различных пород обезьян прекрасно себя там чувствуют. Отопление оборудовано великолепно. Благодаря застеклению, обезьяны недоступны публике и ведут себя весело. Я наблюдал довольно долго за капуцинами, которых было 7 штук. В одной клетк было посажено, кажется, 10 малюсеньких уистити. Обезьянник образцовый. Жаль, что в это большое здание по концам его были помещены клетки с кроликами и белыми крысами. Грызунов было мало и они портили цельность впечатления. Вот все, что можно было отметить выдающегося в этом саду.

Рядом с Гамбургом находится, как известно, зоопарк Гагенбека, помещающийся в предместье Штеллинген.

Штеллинген.

Быстро катили мы на автомобиле с Гагенбеком с вокзала по улицам Гамбурга в Штеллинген. Генрих Гагенбек по дороге показывал землю, которую его фирма предоставила в полное распоряже-

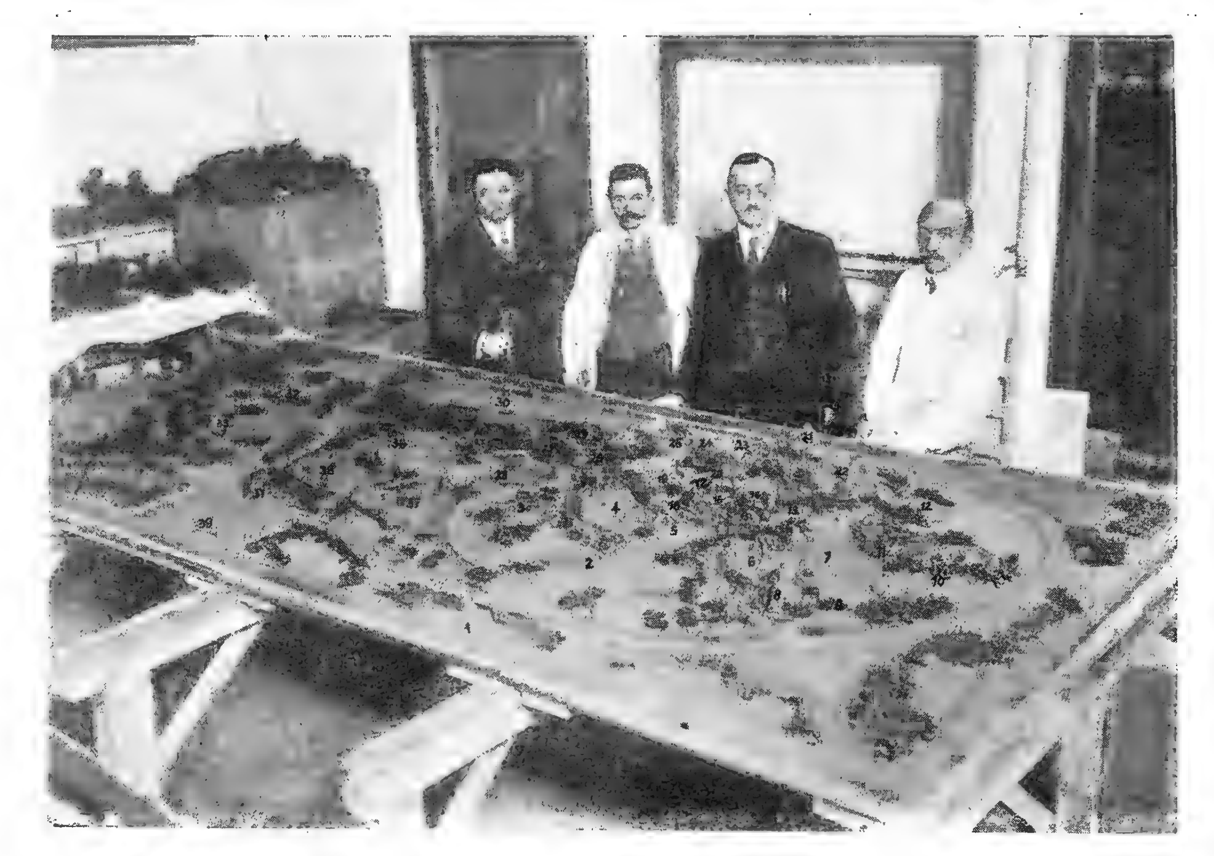
ние рабочих и домики, где живут и поныне его старые служащие. Вот проезжаем главные ворота парка. Внутри виден бюст деда—Генриха Гагенбека. Объехав владения, мы через задние ворота вошли в парк. Тут кипела работа: служащие снимали с грузовых автомобилей ящики-клетки. Пришел транспорт зверей. Мы распрощались и отправились в отель в отведенные нам комнаты. На следующий день утром я впервые познакомился с моими морскими львами. Они были помещены в цинковом бассейне. Не буду останавливаться на их описании, надеюсь что многоуважаемые члены нашего общества посетят мое учреждение и увидят их воочию. Опишу первое впечатление мое о парке. Понятно, я не увидел тот переполненный всевозможными зверями парк, каким я его видел раньше. Бутафорские горы, как могильные памятники, стоят безмолвные, только изредка показывались на них поодиночке то олень, то каменный баран, силуэты которых ясно обрисовывались на фоне голубого неба.

Я стою на концертной площадке у главного ресторана один одинешенек и смотрю на этот особый мир, прежде кишевший разнообразными живыми существами. Где те африканские степные животные, которые у подножии горы толпой ходили за посетителями? Где степные антилопы, сайга? Где оленья антилопа? Нет и двугорбых, одногорбых желтых и белых верблюдов, которых было так много. Я помню, как десятки разных пород баранов гуляли совместно с ламами и другими однокопытными и двукопытными. Утро было ясное и тихое. Изредка доносился до меня крик павлинов да голос моего самца морского льва, который протяжно ревел в ожидании своей порции рыбы. Я пошел бродить по парку, куда глаза глядят. Проходя по китайскому мостику через пруд, заметил на берегу ширму из циновки. Заглянув за нее, я увидел сидящую в гнезде на яйцах белую лебедь. Заботливая рука огородила ее ширмой от любопытных. На выступе горы появился старый гривистый баран. Он был мне знаком. Я помню его хорошо. Каждый год подряд, приезжая к Гагенбеку, я любовался его важной походкой. Старик еще больше оброс шерстью, которая спускалась чуть не до земли с его шеи, груди и передних ног. Гагенбек видимо умышленно не продал барана, как ветерана парка.

Прохожу мимо загона павлинов. Белые павлины, которые отделены от обыкновенных сеткой, расхаживали по земле, распуская свой хвост и дрожа перьями. Вот кто своим криком нарушал покой парка! Подхожу к каменному зданию зверинца. В наружной стене за решетками вижу несколько шакалов, два африканских дикообраза.

Одного из них молодого я впоследствии купил. Вхожу в теплое здание. На меня пахнуло конюшней. По обеим сторонам в отдельных денниках находились недавно прибывшие и уже проданные 2 зебра; маленький двурогий носорог, который послужил мне моделью для лепки из глины. Его два нароста едва были видны. Животное имело около двух аршин длины. Рядом с ним находился дикий кабан, самка с поросятами. В следующем стойле тер свою шею об стенку молодой безрогий олень-самка. Напротив в деннике первая у входа и особо огороженная железной решеткой лежала антилопа с винтообразными рогами. Служащий назвал ее шраубен-бок. Рядом сидел довольно большой кенгуру и мыл передними короткими лапами свою морду. В этом отделении животных больше не было и я вошел в другое. Тут меня настиг сторож служащий, который несколько лет ухаживал за моржом. Они были, т.-е. служащий старик и морж так похожи друг на друга, что публика это часто замечала и смеялась. У старика щетинистые усы торчали книзу, как и у моржа. Толстый и жирный сторож был любимец покойного старика Гагенбека и служил у него, кажется, 25 лет. Старик проводил меня, открыв большие тяжелые ворота в другое отделение к хищникам. Сибирский тигр, молодой леопард да ягуар находились в этом просторном зверинце. На другой стороне—ряд пустых ремонтирующихся клеток, да общая просторная клетка, где 11 штук маленьких медвежат лакали молоко. Они больше разливали, чем пили и кусали друг друга, ревя на весь зверинец.

Мы встретили Гагенбека, который и повел меня в общее круглое здание, где когда то стояли центральные клетки с группой различных дрессированных животных. Теперь клетки были уничтожены, здание занимали автомобили. Гагенбек предложил мне это здание для моих занятий с морскими львами, обещая убрать к следующему дню машины. Затем мы прошли в слоновник, где подряд стояли молоденькие три слоненка—один другого меньше. Животные недавно только были привезены и уже проданы. У одного левая задняя нога была до крови стерта видимо от приковывания в дороге к полу цепью. По словам Гагенбека, слоны перетерпели большую качку и теперь стоят на поправлении. Я отправился домой обедать. Вечером снова в парке и, побыв с час у морских львов, пошел к большему птичьему озеру. Но там не видя ничего, кроме нескольких плавающих уток, я полез в львиные пещеры, где когда то, якобы на свободе, ходили кровожадные животные. Железные массивные двери, забутафоренные снаружи, были полуоткрыты и ржавые петли почти

63. Модель Зоологического сада в Чикаго, исполненная по проекту Гагенбека. За столом автор проекта

не сгибались, видимо давно не вступала во внутрь пещеры человеческая нога. Я пролез в низкий коридор и в первый раз в жизни мне удалось рассмотреть внутреннее устройство этих эффектных для глаз посетителей, свободных клеток-скал. Изучение замысловатой архитектуры этих, в сущности говоря, колоссальных зданий, изображавших скалы, их постройку и скрепление внутренностей горы с переходами и выходами железным каркасом, отняли у меня много времени. Я очутился снаружи в одном из пещерных углублений, где когда то спал царь зверей и моим глазам представилась новая живописная панорама этого богатого растительностью, водой и рельефами почвы, знаменитого парка. Все это было дело рук человеческих. Неужели все это должно погибнуть? Под моими ногами внизу я увидел белобородого гну. Я сел на срезанное дерево, на котором когда то точили свои острые когти львы и стал вспоминать былые времена.. .. Вот на этом месте совсем ручных львов мыли служащие и сам старик присутствовал при этом. Старика нет, нет и любимцев его.

Рис. 64. Модель пещеры для тигров.

В конторе, после моей работы с морскими львами, я, отдыхая беседовал с Гагенбеком. Он был любезен, как всегда и отвечал охотно, на предложенные мною вопросы. Только два вопроса видимо ему были не по душе и он деликатно уклонился от ответа на них. Это — адреса фирм, с которыми он имеет дело и, больной вопрос, о будущности его парка, который по словам одной гамбургской газеты, уже куплен для промышленных целей. На мой вопрос—правда ли пишут наши русские газеты в Берлине, что он приглашен в Америку для

организации Зоологического сада в Чикаго? Гагенбек, со свойственной ему живостью, ответил утвердительно и обещал меня познакомить подробно с его планами и тотчас же повел показывать мне лепную модель для Чикаго. Мы вошли в особое здание, которое служило раньше, кажется, выставкой яиц. Там почти во всю длину светлой комнаты стояла модель на тяжелых деревянных козлах.

Рис. 65. Модель скал для обезьян.

Тут же находились ящики с глиной и куски пластелина, из которых сам Гагенбек лепил первые проекции гротов. Объясняя мне план и расположение каждого грота, он тут-же подарил мне фотографические снимки модели. Я попросил его, чтобы он занумеровал каждое местечко на модели и дал мне описание их. (Здесь вы их видите обозначенными см. рис. 58). Он дал мне один отдельный снимок модели пещеры для тигров и другой для обезьян см. рис. 59 и 60. Причем на мое замечание, что скалы для обезьян, мне кажется, не безопасны от побега, так как некоторые породы обезьян могут делать невероятные прыжки, Гагенбек, хитро улыбаясь, ответил:—Мы это имели в виду и скалы предназначены больше для павианов, которые по своей природе не могут делать больших прыжков. Разговаривая на эту тему, я напомнил ему о купленной мною несколько лет тому назад у его отца лемура полуобезьяну Варрикатта, которая впоследствии была мною выдрессирована и делала замечательные прыжки и полеты на трапециях под куполом цирка. Вот список обозначений отдельных мест на рисунке

Зоологический сад Чикаго.

1) Главный вход.
2) Большой птичий пруд.

3) Пруд для гиппонотамов, фламинго и пеликан.
4) Помещение для жвачных (жираффы, антилопы, зебры).
5) Африканские слоны.
6) Индийские слоны.
7) Носороги (пещера).
8) Скалы для бурых медведей.
9) Полянка для антилоп.
10) Полянка для оленей.
11) Обезьяньи скалы.
12) Степь для кенгуру.
13) Сибирские тигры.
14) Леопарды.
15) Гиены.
16) Индийские тигры.
17) Черная пантера.
18) Шакалы.
19) Львиная пещера.
20) Овцебык.
21) Башня для обозрения окрестностей.
22) Каменные туры.
23) Козули.
24) Панорама крайнего севера (белые медвеци, олени северные и др.).
25) Ластоногия северной панорамы.
26) Малые обезьяньи скалы.
27) Скалы для малых животных.
28) Пруд и лужайка голенастых птиц.
29) Скалы для енотов.
30) Американские прерии (бизоны).
31) Шоссе для автомобилей.
32) Пейзаж с гигантскими ископаемыми ящерами.
33) Японские острова.
34) Бобры и бобровые крысы (болотные бобры, коипу).
35) Скалы для резусов (обезьян малых).
36) Пальмариум. (Аквариум террариум, инсектарий).
37) Ресторан, площадка для концертов.
38) Здание управления.
39) Стоянка автомобилей.

На мои обычные всем вопросы, Гагенбек ответил следующее: —получаю зверей через посредство моих агентов из Индии, с

островов Суматра и Ява, из Африки и Австралии.... Продаю в Америку, в Англию и во Францию, но понятно, не теперь (с рурскими событиями установились враждебные отношения).

Недавно наладилась торговля с Польшей, с городом Познань—(бывший немецкий город). Продаю обществам и частным лицам, а также в зоологические сады. Животные постоянно меняются. Остаются в парке надолго только те, которые подлежат испытанию, а как только акклиматизируются, то тотчас же идут в продажу. Зоологические сады Германии очень мало покупают за неимением денег и корма, но сравнительно чаще меняются с ним. Родившихся в садах молодых животных, Гагенбек берет себе на воспитание, а взамен дает другие виды, не имеющиеся в садах. Германские Зоологические сады находятся в плачевном состоянии—без денег, а потому на получение из России животных, виды у Гагенбека неопределенные, но он надеется на улучшение положения дел и рассчитывает получить из России следующих животных: сибирских тигров, верблюдов, молодых медвежат, соболей, куниц, филинов, а журавлей хотя бы 500 экземпляров, крымских и кавказских туров. На вопрос о литературе он указал на журнал, издающийся во Франкфурте на Майне, где перечисляются все животные, перебывавшие во всех зоологических садах мира. Есть две книги на английском языке: «Животные зоологических садов, существующих на свете». Один том он подарил мне. Затем, отобрав открытки, он также снабдил меня и каталогом и альбомами, касающимися специально его парка.

На вопрос, существуют ли общество акклиматизации животных в Германии, он указал на похожее по заданиям—Институт Агрикультуры, находящийся в небольшом городе Германии Галле. Я описал вам первые впечатления о парке, и мои беседы с Гагенбеком, надеюсь, удовлетворил вашу любознательность, но описывать дальнейшее мое пребывание у него и ход моей дрессировки я не имею времени. Перечислить имеющихся у него животных нет никакой цели, ибо они, за малым исключением, есть временный, меняющийся живой товар. Приведу список купленных мною животных у Гагенбека: 3 морских льва—(2 самки и 1 самец), 2 обезьяны-сфинкс павианы, 1 длиннорукий павиан, 1 американская дикая тигровая кошка-оцеллот, 1 африканский дикобраз, 1 серебряная лисица и 1 бобровая крыса. 2 обезьяны резусы куплены у Дидуковского, а индийская кошка куплена у Фокельмана, в Гамбурге фирма, числящаяся большой, но в настоящее время имеет небольшой запас

мелких животных. Между прочим я видел в первый раз в жизни у него черную птицу так называемого рогатого ворона (Bûcorvus), привезенную из Африки (Занзибар). За 2 павиана он спросил не дорого. Обезьяны, по моему, были не выдержаны, я их не купил, ибо слышал хрипы в легких. Приобретенная у Фокельмана индийская кошка в дороге пала. В Берлине приобретена была немецкая овчарка собака-Герта.

Забрав всех купленных животных, я через Штетин на пароходе прибыл в Петроград.

В заключение моего доклада привожу общую сводку.

В начале всемирной войны зоологические сады не только Германии, но и всего мира были поставлены в очень тажелые условия своего существования. Главный поставщик всех зоологических садов Гагенбек войною был отрезан от всего мира. Благодаря этому и прекратилась его всемирная торговля животными. И только по окончании войны началась торговля, но в очень скромных размерах и притом часто без участия каких либо специальных фирм. Во время войны зоологические сады как бы вымерли. Сторожа и опытные служащие по уходу за животными были взяты на войну и заменены лицами, не умеющими надлежащим образом следить за благом своих питомцев. Второй причиной большой смертности среди животных были: недостаток в съестных припасах и в конце концов недостаточное отопление помещений для животных. Состав животных сократился во время войны под влиянием вышеприведенных причин больше чем на половину, так что сады казались совершенно пустыми. Так например, Берлинский Зоологичсский сад, самый богатый животными в мире, содержал раньше круглым числом 1.700 разных пород четвероногих и птиц. Из них после войны остались в живых около 800, а в настоящее время их числится, кажется около 1.200. В общем нужно сказать, что положение зоологических садов теперь очень скверное—они еле еле держатся. Понятно, с возрастающей дороговизной возрастают и затруднения для существования садов. Эти строчки я писал приблизительно до мая 1923 года. Воображаю, каково положение в настоящее время, когда по газетным сведениям экономическое положение Германии регрессировало в худшую сторону с поразительной быстротой. Никакие доходы от билетов для входа не могут покрыть тех громадных расходов, с которыми приходится считаться. Содержание служащих возросло до сказочных сумм; вместес ним

возросли и расходы на корм и на отопление помещений. Вследствие сего из 32 садов Германии—три теперь совсем закрыты, а именно: в Мюнхене, в Ганновере и в Бреславле. В Ганновере теперь только остался тот парк, в котором в мирное время содержались 200 оленей. Это есть городской парк в лесу, часть леса Эйленридзее, в котором имеется большой ресторан. Олени гуляют на свободе между столами ресторана, где и получают булки и сахар от посетителей. Благодаря этому они наверное и сохранились. Для того, чтобы содержать зоологические сады, пришлось увеличить доходы. Это делалось таким образом, кроме акционеров были приняты так называемые пайщики. Эти пайщики платят определенную сумму—менее стоимости одной акции—приобретают таким образом право участия в собраниях акционеров—большею частию без права голоса—и получают для себя и для членов своего семейства право бесплатного входа в сад. Последнее право получают и подписчики (члены соревнователи)—абоненты. Абонементная плата зависит от числа членов семейства. В последний год принимались в Правление и единовременные взносы; в конце концов, когда и это не дало достаточно средств, была открыта некоторыми газетами подписка на пожертвования и стали собирать деньги при помощи высших и средних учебных заведений. Но все это не помогло и, когда вопрос о закрытии зоологических садов стал выясняться, дирекции принуждены были обратиться к правительству и, недавно правительство согласилось помогать зоологическим садам. Первый взнос от правительства уже получен. Не смотря на это берлинскому саду пришлось на зимнее время закрыть его для публики. Животные собраны были вместе в некоторые помещения, которые легче отапливаются. Несколько из низших служащих уволены. Таким образом получилось сбережение, которое позволяет дальше работать. Но все таки можно уже теперь сказать, что кроме названных выше садов придется прекратить свое действие и некоторым другим, так как состав животных возобновить в настоящее время почти невозможно. Из всех фирм, торгующих животными, остались, главным образом, три: Гагенбек в Гамбурге, Фокельман в Гамбурге и Руге в Альфельд на Лайне. Но Гагенбек уже прекратил свое существование как зверинец -как зрелище для публики. Он больше не считается поставщиком зоологических садов, он почти исключительно работает для цирков, т.-е. торгует дрессированными животными. И, если верить газетным сведениям, и эту часть остатка своей деятельности он скоро прекратит. По крайней мере одна большая Гамбургская газета недавно сообщила, будто бы земля, на

которой находится парк Штеллинген, уже продана для промышленных целей.

Более подробные сведения о положении зоологических садов получить не удалось, в виду того, что годовые отчеты, вследствие дороговизны, не печатаются. Таким образом и нельзя указать какой состав животных в.настоящее время имеется в том или другом саду и у Гагенбека, ведь Гагенбек теперь держит, на что только что было указано, только таких животных, которые интересны для своего собственного и для других цирков. На вопрос, какие животные России представляют интерес для торговли животными, директор берлинского Зоологического сада тайный советник, профессор Гек ответил: «при теперешнем составе животных в садах—все».

Журнал «Зологический Сад» еще существует. Он переименован в «Сообщения из области естествоведения» (Naturwissenschaftliche Berichte), но появляется он только изредка, очень неправильно, за недостатком средств.

Сведений о положении зоологических садов в Америке получить не удалось по крайней мере ни в Правлении Берлинского Зоологического Сада, ни в Прусской государственной библиотеке., где я в продолжение недели работал над составлением каталога по зоопсихологии. Вообще, связанный с этим вопрос о литературе, касающейся зоологических садов, отпадает, так как в последние годы почти ничего не печаталось.

Вот собственно говоря беглое сжатое описание моих работ в Германии. Собранные сведения, касающиеся интересов нашего общества, я предоставляю сегодня на ваш суд, при чем не могу не прибавить, что наши Петроградский и Московский зоологические сады, не смотря на тогдашнее более ужасное трагическое положение страны, сохранились и поныне. Спасены, понятно, благодаря энергии и сознания долга перед родиной некоторых лиц, которые и сумели их сохранить до настоящего времени. Жаль, что великие заслуги этих лиц перед народом и ученым обществом проходят незамеченными.

Кино-экспедиция Оскара Ольсона.

В поисках зоопсихологических материалов я, благодаря проф. Брауну, отыскал фильму шведской фирмы Свеца (биографтеатерн), снятую Оскаром Ольсеном с чисто научной целью и воспроизводящую с натуры животный мир Африки в его естественном природном состоянии, без всяких трюков и фокусов обычных кино-съемок.

Фотограф оператор Оскар Ольсен по поручению названной фирмы предпринял экспедицию в Восточную Африку, чтобы там зафиксировать на кинофильме жизнь диких зверей и африканских дикарей. Экспедиция эта была успешно выполнена Оскаром Ольсеном в 1919 г. Британская Восточная Африка отличается большим разнообразием фауны. Англичане смотрят на эту свою колонию, как на большой охотничий участок, тщательно охраняя его, не позволяя охотиться в нем без разрешения и давая такие разрешения только на определенных ограниченных условиях. Так, например, охотнику запрещается убить более 4-х львов и т. п. Разрешение охотиться стоит 5 фунтов стерлингов. Во время войны вообще не охотились, вследствие чего животный мир теперь в этой английской колонии многочисленнее, чем когда-либо. Экспедиция, сопровождавшаяся многими приключениями, сопряженными с опасностью для жизни ее участников, дала богатейшую коллекцию снимков животных в их естественном природном состоянии. Всего снято было около 11.000 метров кинофильмы. Кайби был исходным пунктом всех экспедиций Оскара Ольсона. Первая из них длилась 20 дней и потребовала 100 носильщиков. Для съемок устраивался род хаты на верху в листьях какой-нибудь пальмы, где фотограф по целым часам иногда и дням ожидал зверей, будучи всегда на готове. Шум работающего аппарата и вид человека не пугал животных. Но как только звери чуяли человека, они обращались в бегство, или нападали на него. В общем на ожидание объектов съемки было затрачено около 400 часов. На расстоянии 50 метров от камеры клалась приманка. Когда животные привыкали кормиться на определенном месте, клали приманку и ближе. В конце концов удавалось приманивать животное на расстояние 2-х метров от аппарата. Замечательны приключения с разъярившимся носорогом, который опрокинул оба съемочных аппарата и фотограф был спасен от неминуемой смерти, только благодаря ловкости и самообладанию одного из участников экспедиции Бликс-Финнека, который меткой пулей убил животное.

Описывая свою встречу с тремя львицами, Оскар Ольсен замечает, как опасно обращать тыл перед дикими зверями и убегать. Только мужество спасло отважного фотографа в этом случае от смерти. Отступая, он не спускал глаз с зверей и таким только образом спас свою жизнь. Записки Оскара Ольсена изобилуют приключениями подобного рода. Немыслимо все их описать здесь. Попутно Оскар Ольсен описывает нравы негров, быт, способности и т. п. Только в 1921 году осенью Оскар Ольсен

возвратился из экспедиции с богатейшим материалом и охотничьими трофеями.

Обращая внимание нашего Общества на то, что письмо Ольсена, копия с которого находится у меня, интересно тем, что оно описывает экспедицию в такое особенно исключительное время, которое может быть, второй раз никогда не повторится.

Вследствие всемирной войны, животные на свободе не тревожимые людьми, сильно размножились. Они, не видя долго людей, отвыкли от их преследования

Не буду вдаватся в подробности тех впечатлений, которые произвела на меня необычайная кино-фильма но, отмечу только некоторый момент ею зафиксированный в имеющихся у меня фотографиях, добытых мною с большими затруднениями:

1) Вот перед нами маскировка кино-фотографических аппаратов и фотографа оператора, спрятанного в куче пальмовых листьев (см. рис. 66).

2) Вот спокойно спящая лиророгая—антилопа (см. рис. 67).

3) На третьем снимке мы видим зебру на водопое и вдали стадо антилоп (см. рис. 68).

4) Далее снимок со спящей дикой бородавчатой свиньи (см. рис. 69).

5) На пятом снимке стадо павианов на свободе. На переднем плане в русле высохшей реки—яма, вырытая дикими животными с целью добыть воду (см. рис. 70).

6) А вот мирная картина социальной жизни животных различных пород—зебры и гну пасутся под тенью деревьев, а птицы ищут в их шерсти насекомых. Они же подают своим четвероногим друзьям сигнал об опасности. Я видел на фильме, как птица, видимо испуганная шумом работающего съемочного аппарата, полетела по направлению к стаду, которое моментально обратилось в безумное бегство (см. рис. 71).

7) Седьмая картина рисует нам, убитого зебра, которого стая диких хищных птиц в течение пятнадцати минут обратила в скелет (см. рис. 72).

8) На последнем снимке мы видим продолжение предыдущей сцены. После сытого обеда птицы занялись чисткой перьев и клювов. На первом плане шакал пожирает заднюю ногу зебра—остаток от пира хищных птиц (см. рис. 73).

Между прочим не могу не поделиться с вами теми новостями в области использования труда животных, что мне удалось видеть в Берлине и что поразило и тронуло меня до глубины души. Война

Рис. 66. Замаскированные кино и фотооператоры экспедиции Оскара Ольсена в Африку в 1919 г.

Рис. 67. Лиророгая антилопа.

Рис. 68. Зебра у водопоя. Вдали стадо антилоп.

Рис. 69. Спящая бородавчатая дикая свинья.

Рис. 70. Группа павианов на водопое у вырытых ими углублений на дне высохшей реки.

Рис. 71. Группа зебр на водопое.

Рис. 72. Хищные птицы поедают труп зебры.

Рис. 73. Хищные птицы после завтрака. Шакал доедает остатки.

с ее ядовитыми газами многих ее участников лишила зрения. Я видел на улицах Берлина собак, которые водят за собой этих несчастных, проявляя свою инициативу в деле руководства ими. На фотографиях ясно видно, как собаки предупреждают и отводят слепого от препятствий, попадающихся на пути (см. рис. 74—79). На последней фотографии вы можете видеть картину, как слепой инвалид, опуская письмо в почтовый ящик, не попал в его отверстие и как собака

Рис. 74. Собака отводит слепого в сторону от детей на тротуар.

подает ему упавшее на тротуар письмо (см. рис. 79). Собаки для указанной цели дрессируются одной частной фирмой, состоящей под покровительством Красного Креста, эмблему которого эти четвероногие друзья человека носят на своей груди. Эта дрессура порадовало меня, как более родственная мо́ей—эмоциональной дрессировке.

В последнем пребывании за границей я имел случай в Берлине навести справки об имеющейся литературе, касающейся психологии животных. К моему разочарованию, в последние годы вопросами зоопсихологии в Германии занималось очень небольшое число ученых. Из книг популярных, написанных для широкой публики надо отметить появившуюся в 1921 году в пополярной серии Гешен (Sammlung Goeschen) книжку Циглера «Зоопсихология» (Ziegler, Tierpsychologie) В качестве более подробной книги учебно-справочного ха-

Рис. 75. Собака останавливает слепого перед препятствием.

рактера надо указать «Сравнительную психологию» Даля (Dahl F. Vergleichende Psychologie. 1923). Как выяснилось из беседы с директором Берлинского Зоологического сада Геком, специально по зоопсихологии в Германии в настоящее время работают мало. Из работ, стоящих на границе зоопсихологии и физиологии, он отметил работы Вюрцбургского профессора Гесса о способностях животных различать цвета. Другие названные им работы (Кралля, Мадая,

Бона, Соколовского и др.) не являются новинками литературы [1]). Относительно проф. Циглера и его школы, которые утверждают, что путем «выстукивания» азбуки животные (лошади и собаки) могут

Рис. 76. Собака останавливает слепого перед ступенями лестницы.

передавать свои мысли Гек и Гейнрот, заведующий аквариумом Берлинского Зоологического сада, высказались вполне отрицательно.

[1]) Большинство названных книг были предметом рефератов и обмена мнений на научных собраниях сотрудников „Практической Зоопсихологической лаборатории".

Рис. 77. Собака останавливает слепого перед проезжающим велосипедистом.

Рис. 78. Собака отводит слепого в сторону от детей, играющих на его дороге.

На мой вопрос относительно известных Краллевских лошадей, о которых имеется обширная литература, полная самых резких противоречий, не может ли здесь играть роль внушение? Он ответил, что он считает передачу мыслей в данном случае невозможной, так как она обусловлена, по его мнению, обладанием слова. Он уверен в том, что тут мы имеем дело с самообманом. На мои вопросы, чем в настоящее время заинтересованы ученые, он мне указал на тенерифского человекоподобного шимпанзе, который в настоящее время находится у него в аквариуме.

Рис. 79. Собака поднимает письмо, оброненное слепым.

Профессор Келлер, директор психологического института, писал некоторые статьи о психологии этих шимпанзе. Его главная работа появилась в изданиях Академии Наук: «Aus der Anthropoidenstation auf Teneriffs» (Год издания 1918).

Доктор фон Аллеш в Берлине, работавший много совместно с профессором Келлером, тоже писал о развитии и психологии шимпанзе—в тех же сообщениях Академии Наук (1922 г.) в отделе: общие сообщения № 2 «Исследование интеллигентности шимпанзе»;

ему посчастливилось наблюдать первые три месяца жизни обезьян. Я, с любезного разрешения директора Гека и доктора Гейнрота, имел возможность наблюдать каждый день бывшего тогда в живых Султана и, после короткого с ним знакомства, предсказал его скорую кончину. Он околел, как я уже писал, от тоски по своим сородичам, погибшим один за другим.

Добавлю, за время своего последнего пребывания в Германии мне удалось с большим трудом собрать перечень специальной литературы, касающейся психики животных, имеющейся в Прусской Государственной библиотеке в Берлине.

По моей настоятельной просьбе эта Библиотека пошла мне в этом на встречу и предоставила мне возможность собрать интересующий меня материал.

Этот перечень я привожу в конце моей книги (приложение № 3).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

Протоколы Зоопсихологической лаборатории.

Печатаемые ниже протоколы представляют собою точные копии с подлинников, хранящихся в архиве лаборатории. Отличие от подлинников заключается в том, что некоторые опыты, как, например, с цветными мячами и со «внушением» были зарегистрированы в виде диаграмм и чертежей, неудобопередаваемых в печатном тексте. в виду чего сотрудником лаборатории, проф. Г. А. Кожевниковым эти графические записи были переведены на словесные, при чем было приложено полное внимание к тому, чтобы словесное изложение наиболее точно передавало сущность чертежа (при опытах «внушения»). Протоколы, содержащие опыты «внушения» людям и некоторые другие, не имеющие отношения к опытам с животными, пропущены, равно, как из некоторых протоколов сокращены места, не имеющие отношения к опытам. Подлинники протоколов составлены научным сотрудником лаборатории И. А. Левом и подписаны участниками научных собраний после прочтения.

ПРОТОКОЛ № 1

заседания 5 марта 1920 года.

Присутствуют: В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник лаборатории И. А. Лев.

Поставлен опыт над морской свинкой (Cavia cobaya.).

Экспериментатор Г. А. Кожевников. Ассистируют: В. Л. Дуров и И. А. Лев.

Опыт начался в 10 ч. 50 мин. вечера и продолжался около часа. Объект—морская свинка (кличка «Муаровая»), над которой В. Л. Дуров производил неоднократные наблюдения и дрессировал не только для публичной демонстрации, но и для лабораторного изучения. Экземпляр в достаточной мере уже побывавший «в работе». По свидетельству В. Л. Дурова (см. его очерк в рукописи: «Способность к логическому мышлению у животных»), задавшегося целью научить «Муаровую» дергать веревку, соединенную с дощечкой, — это научение сопровождалось первноначальными повадко-приманками в количестве около 30 раз, считая недельный срок дрессировки по 4 урока в день, во время которых свинке приходилось в среднем делать около 20 усилий. В дальнейшем В. Л. Дуров, решивший научить свинку еще чему-нибудь, помещал ее на игрушечный столик, где отсутствовала привычная веревка, и, заметив в ее поведении. некоторые странности, задумал их использовать. Странности со-

стояли в следующем: свинка, не находя веревки и не получая вкусопоощрения. выходила из своего оцепенения, начинала почесывать брюшко зубами и удаляла из заднепроходного отверстия своими длинными резцами экскременты, имеющие вид кедровых орешков, и клала их перед собой. Получив вкусопоощрение, свинка повторяла манипуляцию и в продолжении 17 минут дала почти подряд 38 орешков. Вторая странность состояла в том, что, по прекращении появления экскрементов и неполучения в виде вкусопоощрения листка капусты, свинка, без каких-либо побуждений со стороны В. Л. Дурова, взяла заднюю лапку зубами и подняла ее, затем потянулась за капустой и, получив награду, проделала вторично с лапкой то же самое.

Таково было поведение «Муаровой», по утверждению В. Л. Дурова до записанного в настоящем протоколе опыта.

Проф. Г. А. Кожевников задался целью проверки опытов В. Л. Дурова над «Муаровой».

Из соседней полуосвещенной комнаты, где в клетках с сеном помещаются морские свинки, принесена «Муаровая». Помещена на игрушечный столик, опрокинутый ножками вверх, к которым приклеплено стекло с зеркалом, с целью возможности наблюдения брюшка свинки.

В. Л. Дуров находился в таком же отдалении от свинки, как и Г. А. Кожевников и И. А. Лев.

«Муаровая» обходит стеклянную плиту несколько раз, садится, переходит в неподвижное состояние, как бы оцепенения, на одну и полторы минуты, Затем начинает беспокоиться, крутиться по стеклу. Кусает стекло. Овощей не получает. Подымается несколько кверху: по объяснению В. Л. Дурова, ищет привычный шнур, снова кусает стекло. Садится. Дергает зубами заднюю лапку: раз, другой раз. Овощей не получает. Садится. Тужится. Почесывает брюшко. Вынимает зубами из ануса орешек кала и помещает перед собой. Овощей не получает. Беспокоится. Кусает стекло. Садится. Выбрасывает второй орешек. Проф. Г. А. Кожевников настаивает не применять вкусопоощрения. Свинка выбрасывает третий, четвертый. В промежутках дергает зубами лапку. Сильно беспокоится. Затем начинает катать мордочкой по стеклу орешек, дает толчок и сбрасывает его на пол. За первым орешком последовали остальные. Насчитано до 12 орешков. Все сталкиваются мордочкой на землю. Проф. Г. А. Кожевников ставит следующий опыт: на стекло кладется спичка. «Муаровая» подходит, прикасается усиками к спичке, но не сбрасывает ее. При прикосновении «Муаровой» к спичке, профессор впервые дает вкусопоощреине (листик капусты, жадно съедаемый), желая вызвать повторение прикосновения и сбрасывание спички. Вкусопоощрение эффекта не вызывает: свинка в дальнейшем поведении не обращает на спичку никакого внимания. Снова выделение орешков, подхватывание их зубами и сбрасывание на пол. Дергает заднюю лапку зубами, сильно беспокоится. При быстром повороте, сбрасывает спичку. Профессор помещает на стекло второй предмет: деревяшку, прикрывающую клетки лото. Свинка водит усиками по направлении деревяшки. Немедленно поощряется листиком капусты. Несмотря на вкусопоощрение, в дальнейшем не обращает на деревяшку никакого внимания. Садится. Почесывает брюшко. Вынимает зубами орешек, кладет перед собой, сталкивает. Свинка продолжает беспокоиться. Выделяет орешек, но, вместо того, чтобы его

столкнуть, хватает в рот, жует и проглатывает. Снова выделяется орешек и проглатывается. Подергивание зубами задней лапки. После того, как съедаются подряд четыре каловых орешка, опыт пришлось закончить с целью прекращения противоестественного акта «Муаровой».

По окончании опыта происходит обмен мнений. В. Л. Дуров свидетельствует, что никогда до сих пор не примечал за «Муаровой» стремления сбрасывать на пол орешки.

Все трое наблюдателей приходят к заключению, что сбрасывание орешков на пол не непроизвольное движение свинки, а намеренное действие с ее стороны. Наоборот, сбрасывание спички обусловлено было случайным быстрым поворотом свинки и не носило характера намеренного акта.

Констатируется, что сбрасываются только орешки, а не любой предмет (как спичка, деревяшка), помещающийся на стекле.

По поводу съедания «Муаровой» собственного кала В. Л. Дуров делает замечание, что о сильном голоде не может итти речь, ибо в клетке, откуда взята «Муаровая», сена достаточно.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 2

заседания 12 марта 1920 года.

Присутствовали: В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Ф. Е. Рыбаков и научный сотрудник И. А. Лев.

Происходит обмен мнений по поводу опытов: 1) простого гипнотизирования и 2) мысленного внушения животным.

Проф. Г. А. Кожевников представляет нижеследующий план регистрации опытных животных:

1. Кличка.
2. Вид или порода (если это не обычное животное, то точное определение с латинским названием; если это чистая порода или помесь, то, по возможности, вполне точное обозначение породы).
3. Пол.
4. Возраст.
5. Оценка экземпляра с точки зрения развития (крупный или мелкий экземпляр, хорошо сложенный или урод, карлик, заморыш и т. п.).
6. Состояние здоровья.
7. Справка о прежнем состоянии здоровья.
8. Если самка, то сведения о родах и вообще половой жизни.
9. Если самец, то данные о половой жизни.
10. Предшествующая биография (если животное приобретено взрослым).
11. Не было ли животное раньше комнатным или в дрессировке.
12. Оценка экземпляра с точки зрения его поведения и специально отношения к человеку.

План принимается к исполнению. Регистрации подлежит пока только ныне живущие животные; хотя желательно было бы заполнить регистрационные карточки для замечательных экземпляров дуровских животных, которых уже нет в живых и которые представляют значительный интерес, как объекты для научных аналогий.

По предложению проф. Г. А. Кожевникова признано целесообразным для проверки и углубления опытов над морской свинкой «Муаровой», чтобы В. Л. Дуров выдрессировал в ближайшее время другой экземпляр морской свинки дергать веревку, соединенную с дощечкой. Научение должно происходит в тех же условиях, в которых находилась «Муаровая» (тот же постамент, та же обстановка комнаты и проч.). Никакие наклонности свинки, которые могут быть ее проявлены в процессе дрессировки, ни в коем случае не должны В. Л. Дуровым поощряться.

Заслушан доклад В. Л. Дурова о деятельности «Уголка», представленный Научному Отделу 10 с. м. Единогласно признана самая настоятельная необходимость создания для «Уголка» подходящих условий для спокойной научной работы в лабораторной обстановки.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 3

заседания 30 марта 1920 года.

Присутствуют: В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Ф. Е. Рыбаков, препод. унив. М. Н. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

Проф. Г. А. Кожевников прочитывает прилагаемую записку об изучении мозга собак. «Все собаки, которые будут подвергаться дрессировке в «Научном и культурно-просветительном уголке В. Л. Дурова», должны быть отпрепарированы, и их мозги должны быть помещены в коллекцию». Мозг «Пикки» уже имеется в коллекции.

И. А. Лев возбуждает вопрос, может ли иметь решающее значение микроскопическое исследование мозга.

Проф. Ф. Е. Рыбаков полагает, что большое значение имеет развитие головного мозга, еще важнее развитие невронов и, может быть, неуловимое количество клеток, пока, при современном состоянии микроскопической техники, еще не поддающееся исследованию, в виду чего коллектирование мозгов собак может иметь громадное значение лишь для будущих исследователей.

Далее, проф. Г. А. Кожевников докладывает о научном изучении движений животных (записка прилагается).

Обе записки проф. Г. А. Кожевникова принимаются к сведению и исполнению.

В. Л. Дуров делает сообщение о своей работе «Ассоциации и сны у животных». Тезисы работы таковы. При частом повторении одних и тех же ассоциативных актов, животное настолько к ним привыкает, что в связи с известными действиями являются в мозгу известные представления. При слове

«гулять», собака радостно бежит к двери, представляя себе двор, сад, улицу. При слове «чихни» собаке передается нервное раздражение носоглотки. Ассоциативные акты постепенно накопляются и, соединяясь между собой, образуют целую цепь переживаний. Кинематографическая картина «И мы, как люди», исполняемая одними лишь животными В. Л. Дурова (собаки, морской лев, слон, барсук, пеликан и проч.), говорит за то, что животные могут даже «играть», как актеры; понятно, не сознавая, кого они изображают, и смысла пьесы.

Проф. М. П. Садовникова предостерегает против излишнего увлечения антропоморфизмом.

Проф. Ф. Е. Рыбаков, считая наблюдения В. Л. Дурова весьма ценными, подвергает критике положения докладчика о переживаниях и представлениях у животных. Чихание, напр., акт чисто рефлекторный.

Проф. Г. А. Кожевников полагает, что о «переживаниях» у животных речи быть не может. Даже и люди актеры и те не все переживают. У животных мы имеем дело с заученными жестами.

Научный сотрудник И. А. Лев, присоединяясь к предыдущим оппонентам, высказывает, однако, предположение, что животные могут действительно чувствовать и переживать в состоянии гипноза, когда В. Л. Дуров, путем мысленного внушения, вызывает у животных подлинные «переживания» (чувство злобы у «Пикки», когда собака, по заданию, набрасывается на известный объект).

Для проверки движений «Пикки» и других животных, на которых ссылается В. Л. Дуров в своем докладе, признано желательным на следующем заседании продемонстрировать ленту «И мы, как люди».

Г. Кожевников.
М. Садовникова.
В. Дуров.
И. Лев.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДВИЖЕНИЙ ЖИВОТНЫХ.

Всякое животное обладает специально ему свойственными характерными движениями. Эти движения обусловливаются особенностями анатомического строения, и животное во многих случаях не может видоизменять своих движений только потому, что строение его тела не дает простора для таких изменений. По движениям мы судим о всех переживаниях животного и часто придаем определенным движениям определенное внутреннее содержание, считая их выражением ощущений, проявлением психики. В виду такого важного значения движений для понимания поведения животного, необходимо тщательно анализировать эти движения и отмечать те из них, которые являются, так сказать, обязательными для данного животного. Для этой цели необходимо собирать коллекцию моментальных снимков и кинематографических лент с животных в разные моменты их жизни. Важно запечатлеть такие движения, которые не представляют чего-либо особенного, а являются самыми обычными, простыми движениями данного животного в самой обыденной обстановке. Затем можно

зарегистрировать движения под влиянием определенных впечатлений. Конечно, снимки должны делаться при такой обстановке, чтобы животное не подвергалось одновременно воздействию разнообразных впечатлений. Обстановка снимков должна быть строго продумана. Каждый снимок должен сопровождаться подробной объяснительной запиской относительно условий снимания. Такой фотографический и кинематографический архив составит ценный материал для суждения о поведении животных—материал, важный для зоопсихологии.

Проф. **Г. Кожевников.**

ОБ ИЗУЧЕНИИ МОЗГА СОБАК.

Хорошо известно, что черепа собак различных пород сильно отличаются друг от друга. По этому вопросу имеются специальные исследования, хотя, конечно, многое еще предстоит сделать в этом отношении. Вопрос относительно различий в умственных способностях различных пород собак менее разработан с научной точки зрения и мы тут имеем по большей части любительскую популярную и охотничью литературу.

Но еще слабее разработан вопрос относительно различий в строении мозга различных пород. Несомненно существует прямая связь между размерами и формой черепа и размерами мозга, но далее возникает вопрос относительно развития различных частей мозга у разных пород, специально относительно величины полушарий большого мозга, а также относительно величины и формы мозговых извилин. Здесь предстоит большая и интересная работа, для которой необходимо собрать материал. Надо добывать мозги породистых собак возможно большего числа пород и составлять коллекцию. Весьма важно, чтобы собаки были типичными для данной породы экземплярами, происхождение которых в точности известно. Одновременно с собиранием такого анатомического материала весьма интересно производить сравнительные зоопсихологические исследования над представителями различных пород собак. Быть может, удастся установить какие-нибудь отличия в умственных способностях различных пород и даже связать эти отличия с отличиями в строении мозга. Конечно, все собаки, которые будут подвергаться дрессировке в «Научном и культурно-просветительном Уголке В. Л. Дурова», должны быть тоже отпрепарированы и их мозги должны быть помещены в коллекцию, но нельзя расчитывать, чтобы дрессировка оставила какие-либо следы на внешнем виде мозга. Если и можно делать предположения о возможности связи между упражнениями мозга и изменением его строения, то речь может итти только о тончайшем гистологическом строении, изучение которого представляет бльшие трудности и не может быть поставлено в ближайшее время в число очередных задач. Это не исключает возможности заняться этим вопросом в будущем, но в данное время желательно ограничиться собиранием материалов по морфологии мозга в связи с породой. Для этого надо иметь запас посуды спирта, формалина и инструменты для вскрытий. Необходимо также, чтобы имелся под рукой ледник на случай необходимости продержать труп некоторое время в свежем состоянии в летнее время.

Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ № 4.

заседания 23 апреля 1920 года.

Присутствуют: В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, препод. унив. М. П. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает о внезапной кончине 18 апреля с. г. проф. Ф. Е. Рыбакова, состоявшего заведывающим Естественно-Исторической и Медицинской секцией Научного отдела Народного Комиссариата по Просвещению и вместе с тем принимавшего участие в работе Научного Уголка В. Л. Дурова. Работать пришлось ему недолго, но и за это короткое время покойный Федор Егорович успел оказать содействие нашему молодому учреждению своими знаниями и опытом. В последний период жизни он интересовался зоопсихологией и животным миром и как член коллегии 1-го Государственного Московского Зоологического сада.

Далее В. Л. Дуров сообщает о принципиальном согласии проф. Г. И. Россолимо вступить в число сотрудников «Уголка». Участие такого специалиста будет весьма ценным и продотворным. Придется консультировать проф. Г. И. Росолимо по вопросам психологии и смежных с ней дисциплин.

Демонстрация кино-картины «И мы как люди». В. Л. Дуров предпосылает доклад, в котором настаивает на участии психики в некоторых якобы рефлекторных движениях животных. Анализируя процесс дрессировки, приводящий к искусственно вызываемому чиханию собаки, докладчик приходит к заключению, что в данном случае решающую роль играет мысленное внушение. Сильное психическое напряжение — главная причина успехов в дрессировке, в особенности, при «чистых» опытах внушений и при вызывании повторных ощущений у животных.

Присутствующие во время демонстрации кино-картины отмечают прекрасно сфотографированные движения животных, могущие служить научной иллюстрацией выражений ощущений у животных (ленивое вылезание из корзины, потягивание, грусть, радость, длительное угнетенное состояние, злоба).

Признано желательным зафиксировать в дальнейшей работе побольше таких движений и состояний, по плану проф. Г. А. Кожевникова (см. докладную записку, приложенную к протоколу № 3).

М. Садовникова.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 5

заседания 13 мая 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Г. И. Россолимо, препод. унив. М. П. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров дополняет и расширяет свой доклад об участии психики в некоторых якобы рефлекторных движениях животных, основные положения которого были им изложены на заседании 25 апреля с. г.

Доклад иллюстрируется следующими опытами В. Л. Дурова:

1) Той-терьер «Малыш», по заданию экспериментатора, чихает несколько раз (полный законченный акт чихания).

2) Французский бульдог «Дэзи» дует в музыкальный рожок, прижатый к ноздрям. По объяснению В. Л. Дурова, этот выдых является одной из первоначальных частей слежного акта чихания, прерванного экспериментатором в нужный для опыта момент.

3) Тот же бульдог потягивается, по заданию, при чем экспериментатор прерывает это движение, выделяя тем самым первый момент сложного акта ленивого потягивания.

4) Бульдог, исполняя приказания В. Л. Дурова, делает дугообразное движение лапой вокруг головы. Проф. Г. И. Россолимо высказывает предположение, нет ли здесь подражания животного человеку: движению правой рукой экспериментатора соответствует движению левой лапы животного, стоящего против экспериментатора. Не имеет ли в данном случае место зеркальное движение как у детей? В виду отрицания В. Л. Дуровым возможности, в большинстве случаев, подражательных действий со стороны животных, проф. Г. И. Россолимо предлагает научить собаку путем дрессировки проделать некоторые движения, не аналогичные движениям человека: человек, предположим, делает движение рукой вверх, а собаке надлежит одновременно сделать кругообразное движение головой. В. Л. Дуров приступает к выполнению задания путем их вкусопоощрения. Демонстрируется начальная стадия дрессировки: понемногу начинает выявляться кругообразное движение головы животного.

Далее ставится опыт над морской свинкой «Муаровой» (см. протокол № 1). «Муаровая» на постаменте дергает веревочку, к которой прикреплена дощечка. Получает награду. Веревка удаляется. «Муаровая» подымает голову кверху в направлении удаленной веревки. Вытирает мордочку. Дергает зубами заднюю лапку. Выбрасывает каловый орешек. Вытирает мордочку. Дергает лапу. Встряхивается. Выделяет еще три каловых орешка. Сбрасывает один орешек на пол. Всего выделяет девять орешков. Проф. Г. И. Россолимо ставит шнур не вертикально, как при прежних опытах, а горизонтально. «Муаровая» не делает попытки дергать шнур. Присматривается. Затем впадает в минутное как бы каталепсическое состояние. Снова прикрепляется шнур на обычном месте, и «Муаровая» начинает моментально его дергать.

Проф. Г. И. Россолимо полагает, что делать какие-либо выводы относительно поведения «Муаровой» преждевременно: следует поставить еще ряд дополнительных опытов.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
М. Садовникова.
И. Лев.
Г. Россолимо.

ПРОТОКОЛ № 5а

заседания 13 мая 1920 года.

В вечернем заседании присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

Поставлены опыты проверки наблюдений над «Муаровой». Согласно заданию, установленного в заседании 12 марта с. г. (см. протокол № 2), В. Л. Дуро-

вым выдрессированы два других экземпляра морских свинок—самцы «Желтоголовый» и «Чернощекий».

Опыт начался в 8 час. вечера. Морская свинка-самец «Желтоголовый» дергает веревку. Получает морковь—вкусопоощрение. Удаляется веревка. Свинка ищет ее. Вальсирует неоднократно. Ждет вкусопоощрения. Никаких особенностей не проявляет. Опыт продолжался 5 минут и после этого был прекращен, т. к. «Желтоголовый» научился ранее вальсировать, чему «Муаровая» не была обучена. Таким образом, допущено было нарушение прочих равных условий.

На тот же постамент помещен самец «Чернощекий». Дергает веревку. Получает в виде вкусопоощрения морковь. Удаляется шестик с веревкой. Ищет веревку, поднимая головку кверху. Задумывается, обнюхивает постамент. Вытирает носик. Тянется кверху. Третий раз вытирает носик. Задумывается. Оцепенение продолжается две минуты. Выбрасывает без особого натуживания каловый орешек. Затем второй. Свинка задумывается. Несмотря на капель окружающих, неподвижна. Выбрасывается 3-й и 4-й орешек за другим, почти без интервалов. Оцепенение длится 10 минут. Выбрасывается пятый орешек во время оцепенения. Состояние оцепенения длится уже 14 минут. Выходит из этого состояния благодаря движению в комнате. Потирает мордочку. Начинает вновь искать. Затем впадает в оцепенение. Шестой орешек. Это состояние длится 5 минут. Седьмой орешек. Поднимает голову. Подбирает крошки хлеба. Вытирает лапкой мордочку. Ищет веревку. Учащенное вытирание мордочки. Подгибает ее под брюшко и искусственно удаляет из ануса кал. Почесывается. Усиленно щекочет мордочку. Вынимает зубами два каловых орешка. Вытирает носик. В виду резкого крика попугаев опыт прекращен. По поводу почесывания мордочки, как «Муаровой», так и «Чернощеким» проф. Г. А. Кожевников высказывает предположение, не ассоциируется ли это действие с представлением хватания веревки, чтобы пополнить недостающее ощущение. Ведь у людей такого рода ощущения наблюдаются весьма часто. Проф. Г. А. Кожевников, например, вспоминает, что на прошлом Рождестве расшиб себе губу о несгораемый шкаф настолько сильно, что пришлось ее даже сшивать. Не далее, как несколько часов тому назад, идя на заседание в «Уголок», ему привелось увидеть, как провозят несгораемый шкаф, и сразу же появилось явственное ощущение щекотания в губе.

Признается желательным производить дальнейшие наблюдения над морскими свинками и только при накоплении достаточного материала установить рабочие гипотезы и поставить точные контрольные опыты.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 6

заседания 18 мая 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, препод. унив. М. П. Садовникова, и научный сотрудник И. А. Лев.

Заседание посвящено ознакомлению с дрессированными животными В. Л. Дурова, которые в дальнейшей работе должны дать «зоопсихологический» материал для наблюдений и опытов.

Крыса «Финька». Вальсирует. Поднимает веревку, к которой прикреплен флаг. По команде приближает свою мордочку ко рту дрессировщика. Под влиянием крысиного писка, которому подражает В. Л. Дуров, бежит со стола на руку и спину экспериментатора.

Курица. Вальсирует. Машет крыльями. Дергает хвостом. Делает па. По команде вытирает клюв о землю. «Играет» на цитре лапкой и клювом.

«Пушок»—помесь сиамской и ангорской кошек. Вальсирует. По команде приближает лапу ко рту экспериментатора.

Французский бульдог «Дэзи». Лает безошибочно по заданию определенное число раз.

В. Дуров.
М. Садовникова.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 7

заседания 20 мая 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, препод. унив. М. П. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

Произведен осмотр музея, принадлежащего «Уголку».

Проф. Г. А. Кожевников высказал следующие соображения по поводу реорганизации музея.

Надлежит все «редкости», допустимые в старинных кунсткамерах, удалить из этого музея. Здесь не должно быть места также вещам, связанным с личными воспоминаниями основателя музея. Остаются лишь экспонаты, иллюстрирующие зоопсихологию; на первом плане—все, что касается дрессировки животных.

1) В музее должны быть собраны все виды, которые когда-либо были дрессированы или обучены.

2) Способы и приемы дрессировки.

3) Картины дрессировки.

4) Знаменитые экземпляры дрессированных животных.

5) Сцены из жизни животных (произвольные движения) в рисунках, фотографиях, кинолентах, чучелах.

6) История дрессировки и приручения (картины и фотографии, скульптура).

В. Дуров.
Г. Кожевников.
М. Садовникова.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 8.

заседания 8-го июня 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, препод. унив. М. П. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

Проф. Г. А. Кожевников читает прилагаемую записку о задачах и плане музея при «Научном и Культурно-Просветительном Уголке В. Л. Дурова».

Переходя к вопросу о подражании животных человеку (см. протокол № 5), В. Л. Дуров вносит поправку к вышесказанному им положению, отрицающему возможность в большинстве случаев подражательных действий со стороны животных: недавно приобретенный «Уголком» белый австралийский какаду проделывает зеркальные движения. В. Л. Дуров подходит к клетке, и какаду в действительности повторяет движения экспериментатора вправо и влево. При этом В. Л. Дуров высказывает предположение, что способностью подражать, вероятно, обладают животные, одаренные музыкальным слухом, в особенности попугаи.

Для проверки задания, проф. Г. И. Россолимо (см. протокол № 5) предлагает научить животное путем дрессировки проделать некоторые движения, не аналогичные движением человека. В. Л. Дуров демонстрирует специально для этой цели выдрессированного двугорбого верблюда «Чижика», который делает равномерное движение головой вниз (путем интонировки «да») и поворачивает голову в разные стороны (движение переходит в учащенное встряхивание—интонировка «нет»), в то время, как экспериментатор проделывает движения не аналогичные.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
М. Садовникова.
И. Лев.

ЗАПИСКА

о задачах и плане музея при «Научном и культ.-просв. Уголке В. Л. Дурова».

Музей при «Уголке» должен иметь совершенно специальные и вполне определенные задачи, вполне отмежевавшись от других существующих в Москве музеев, не включая в свою программу ничего лишнего, ничего случайного. Только таким путем он сможет в маленьком помещении дать нечто такое, что заслуживало бы внимания.

Задачей музея должно быть — иллюстрировать вопросы дрессировки и приучения животных и вопросы зоопсихологии вообще. Мы ставим на первый план более специальную задачу, более узкую, для того, чтобы на первое время не очутиться перед слишком широким планом, перед слишком сложными, неосуществимыми при данных условиях задачами. Но, наметивши вопросы дрессировки и приучения животных, как специальность музея, мы не исключаем вопросов зоопсихики вообще из его плана. Иначе говоря, если будет случай получить те или иные материалы по зоопсихологии вообще, музей не должен от них отказываться.

В программу музея должно входить следующее:

1) Собрание всех видов животных, которые когда-либо подвергались дрессировка и приучению.

Мы ставим здесь «приручение» рядом с дрессировкой на том основании, что всякое прирученное животное в известной степени дрессировано и всякая дрессировка начинается с «приручения». Вопросы приручения животных должны быть иллюстрированы лишь постольку, поскольку они связаны с

зоопсихологией. Чисто хозяйственная сторона дела, конечно, не может быть разработана в таком маленьком музее, как наш.

В коллекции дрессированных животных должны, конечно, фигурировать все животные, которые были в дрессировке у В. Л. Дурова.

То, что не может быть представлено натуральными объектами (чучелами, скелетами, препаратами), должно быть представлено в виде фотографий, рисунков, скульптуры.

Как особый отдел дрессированных животных должны быть представлены со всеми возможными подробностями **почтовые голуби**, на которых за последнее время совсем мало обращается внимания.

2) Способы дрессировки.

В этом отделе музея должны быть собраны, во-первых, все те механические приспособления, которые употребляются при дрессировке, а во-вторых, все те приборы и вся та обстановка, в которой работают дрессированные и прирученные животные. Ошейники, уздечки, мундштуки, хлысты, шамбарьеры и т. п. должны быть представлены здесь с возможной полнотой, при чем желательно, чтобы рядом с приборами были фотографии или рисунки, поясняющие их применение.

Сами приемы обучения животных как для целей представления перед публикой, так и в целях хозяйственного использования должны быть здесь показаны наглядно. Я полагаю, что даже такие обычные приспособления, как различные способы запряжки лошадей, волов, буйволов, верблюдов и др. животных должны найти себе здесь место, т. к. запряжка есть способ заставить животное проявлять свои действия желательным для человека образом, а это в сущности есть тоже дрессировка. Такие объекты, как способы запряжки и способы обучения, даже при условии наличия помещения, невозможно представить в натуре, но их можно превосходно представить в рисунках, чертежах, фотографиях и моделях.

3) Картины дрессировки и история дрессировки и приручения.

Здесь должны найти себе место изображения животных, которые проявляют свои способности в дрессировке. Так, например, здесь мы увидим работу охотничьих и цирковых собак, работу цирковых лошадей и других животных, военную дрессировку лошадей, работу дрессированных для хозяйственных целей слонов и т. п. Интересно собрать материал по истории дрессировки и приручения: изображения прирученных и дрессированных животных на древних памятниках, вазах и т. п. «Укротители» зверей со всей обстановкой их работы и со всеми пояснениями относительно путей достижения результатов тоже должны занять место в этом отделе музея.

В качестве специального подъотдела в этом отделе должны фигурировать изображения отдельных знаменитых своей дрессировкой животных и сцены из их жизни, а также и литература об них.

4) Сцены из жизни животных.

В этом отделе, который уже не касается специально дрессировки, а затрагивает более широкий вопрос о поведении животных вообще, должны быть

собраны материалы, иллюстрирующие произвольные действия животных, их обычные, привычные движения, проявления, инстинкты и т. п. В этом отделе музей затрагивает более широко область зоопсихологии вообще.

Материал здесь должен быть в виде фотографий, кинолент, рисунков, картин, а, поскольку возможно, и в натуральных объектах.

Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ № 9

заседания 22-го июня 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров демонстрирует прилагаемые зарисовки дрессированного медвежонка, сделанные художником В. Ватагиным.

Медвежонок пойман в Буйском уезде, Костромской губ. и привезен шестинедельным в Москву. В «Уголке» он прожил около двух месяцев и за короткое время, путем доместикации, совершенно освоился с садом «Уголка», где жил среди поросят, козленка, волченка, собак и кур, никого из них не трогая и следуя по пятам В. Л. Дурова. В недельный срок он уже качался на миниатюрных качелях и вертел колесо бутафорского колодца.

Зарисованные художником В. Ватагиным позы медвежонка характерны как движения молодых животных — проявления нарождающегося избытка сил, затрачиваемых без инстинктивного соблюдения экономии. Кроме того, фотографом «Уголка» О. И. Пенчко произведены фотографические снимки с медвежонка в группе животных. На-днях медвежонок пал от неизвестной причины.

Далее В. Л. Дуров докладывает, что им согласован с заведующим Научным Отделом Наркомпроса Д. Н. Артемьевым вопрос об устройстве особых лекционных представлений для развития культурно-просветительной деятельности «Уголка». Театрально-лекционный зал «Уголка» предполагается в близком будущем отремонтировать и создать особый театр, в котором, по проекту В. Л. Дурова должны иметь место научные специальные демонстрации дрессированных животных и пояснительные лекции по зоологии, зоогеографии и зоопсихологии, а также музыкальные выступления, декламация и т. п., имеющие отношение к животному миру.

К участию в культурно-просветительной деятельности «Уголка» привлекаются В. Л. Дуровым: 1) детский подъотдел театрально-музыкальной секции Отдела Народного Образования Московского Совета в лице Н. И. Сац и 2) Красно-Пресненский Отдел Народного Образования, который заинтересован в обслуживании культурно-просветительных нужд района.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 10

заседания «Научного и культурно-просветительного Уголка В. Л. Дурова» 29-го июня 1920 г.

Присутствуют: академик В. М. Бехтерев, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, препод. унив. М. П. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает, что почетный гость, академик В. М. Бехтерев сделает сообщение о работах по зоорефлексологии в Петрограде.

Академик В. М. Бехтерев сообщает о специальных учебных заведениях в Петрограде: Психоневрологическом институте, институте морального воспитания, институте для нервных детей, где идет интенсивная работа по изучению человеческой личности, изучению индивидуальности человека, по отбору дефективных детей, выделению особенно одаренных. Недавно основан еще институт по изучению мозга и психической деятельности. Это центральная лаборатория для всех вышеперечисленных учреждений, лаборатория для всестороннего изучения человеческой личности экспериментальным путем. В институте три отделения: 1) изучение мозга, также биохимия мозга; 2) психологическое; 3) рефлексологическое (школа сочетательных рефлексов). Все проявления человеческой личности следует рассматривать, как высшие рефлексы. Инстинкт рассматривается, как наследственно-органический рефлекс. Рефлексология, в области которой достигнуты очень ценные практические результаты, стоит на строго энергетическом основании и построена на законе эволюции. Специальный отдел рефлексологии—зоорефлексология, включая изучение индивидуальности животных. Устраиваются зоорефлексологическая лаборатория и пользуются зоологическим садом. Применяются методы электрического тока, приманки питанием, дрессировки, американские способы. Исследования института посвящены, главным образом, поведению животных, двигательной сфере и гипнотизму.

С В. Л. Дуровым академик В. М. Бехтерев встретился задолго до великой войны. Академик проделал в свое время опыты над «Лодром» и «Пикки». «Пикки», благодаря мысленному внушению, брал салфетку со стола, ударял по клавишам рояля, вскакивал на стол и прикасался к портрету на стене. Это были первые опыты в присутствии Дурова. Вторичные опыты происходили в Москве. Далее последовал ряд опытов. Из Петрограда были командированы специальные комиссии. Выявилось, что можно достигнуть положительных результатов и не в присутствии Дурова, без его руководящего влияния. Участниками опыта были: акад. Бехтерев, д-ра: Флексор, Карманов, Перпель, Смоленский-Иванов. В общей сложности проделано от 40 до 50 опытов.

Высказано общее пожелание установления связи Петрограда и Москвы, обмена сообщениями и материалами, поддержания переписки.

В. Бехтерев.
Г. Кожевников.
М. Садовникова.
В. Дуров.
И. А. Лев.

ПРОТОКОЛ № 11

заседания 8-го июля 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, препод. унив. М. П. Садовникова, д-р Н. В. Даль и научный сотрудник «Уголка» И. А. Лев.

В. Л. Дуров докладывает, что в конце июня с. г., академик В. М. Бехтерев приехал из Петербурга в Москву на съезд по борьбе с детской дефектив-

ностью, беспризорностью и преступностью. В виду того, что академик в течение целого ряда лет интересуется дрессированными животными В. Л. Дурова, и в последнее время работами «Уголка», то все вечерние часы после заседаний съезда он посвящал «Уголку» и опыты производились до 5—6 часов ночи. Вследствие последнего обстоятельства ученые сотрудники, живущие на далеком расстоянии от «Уголка», к сожалению, лишены были возможности присутствовать на заседаниях.

В. Л. Дуров знакомит присутствующих с содержанием протоколов заседаний с участием академика В. М. Бехтерева и находит целесообразным приобщить к делам «Уголка» прилагаемые протоколы (№ A от 27-го июня, № B от 27-го июня, № C от 28-го июня, № Д от 29-го июня и № E от 29-го июня 1920 г.), ибо для научных работ «Уголка» имеют существенное значение опыты мысленного внушения не только животным, но и людям, в целях сравнения влияния эманации психо-физической энергии мозга на различные объекты.

Далее В. Л. Дуров предлагает в настоящем заседании продолжить опыты над «Дэзи», начатые две недели тому назад академиком В. М. Бехтеревым, для накопления большего количества экспериментов, которые дали бы возможность сделать более или менее определенные выводы.

Объект «Дэзи», которая должна пролаять, по мысленному приказанию экспериментатора, определенное количество раз. Экспериментатор в непосредственной близости к собаке.

Экспериментатор В. Л. Дуров:

Задание:	Исполнение:
4	4

Экспериментатор проф. Г. А. Кожевников:

Задание:	Исполнение:
3	7
3	5

Экспериментатор д-р Н. В. Даль:

Задание:	Исполнение:
6	5
5	5
3	4
7	7
4	6

В дальнейшем экспериментатор помещается в одной комнате, собака— в другой. Между ними—плотно закрытые двери.

Экспериментатор В. Л. Дуров:

Задание:	Исполнение:
5	4 (пятый раз неясно).
5	5
7	7
2	2
8	8
12	15

По предложению проф. Г. А. Кожевникова, В. Л. Дурову надлежит мысленно приказать собаке лаять неопределенное количество раз, много раз.

В. Л. Дуров приказывает из другой комнаты: «Дэзи, начинай!» Но собака волнуется, соскакивает со стула и не лает. В. Л. Дуров свидетельствует, что ему самому это задание не представлялось ясным, и он не мог нарисовать собаке «мысленную картину» такого акта.

Для проверки того, что собака, после неисполнения данного задания, сразу сможет исполнить прежние задания, т.-е. пролаять точно зафиксированное количество раз, В. Л. Дуров продолжает опыт из другой комнаты:

Задание:	**Исполнение:**
5	5
14	14

Количество «14»— до сих пор максимальное для всех поставленных опытов. В. Л. Дуров поясняет, что был бы в состоянии передать, быть может, и большую цифру, но для этого потребовалась бы исключительная способность сосредоточения, как у экспериментатора, так и у объекта. В виду этого, он в процессе внушения мысленно расчленил «14» на 7 и 7. И, действительно, «Дэзи, в соответствии с этим, пролаяла 7 раз, временно приостановилась и, после короткого интервала, отчетливо пролаяла еще 7 раз.

После этого, эксперименты вновь происходят в той же комнате, где помещается собака, в непосредственной близости к ней.

Экспериментатор д-р Н. В. Даль:

Задание:	**Исполнение:**
8	5
9	4

Экспериментатор проф. Г. А. Кожевников:

4	4
5	5
2	6

Признано желательным сделать попытку усыпления «Дэзи». В. Л. Дуров старается ее усыпить, путем пристальной и длительной фиксации взглядом: собака сильно волнуется, пытается уйти от взгляда экспериментатора и не засыпает. Вслед за этим, д-р Н. В. Даль приступает к усыплению собаки, к нему присоединяется В. Л. Дуров, и «Дэзи» постепенно утомляется, пошатывается, закрывает глаза и впадает в гипнотический транс.

Далее происходит обмен мнений по поводу произведенных опытов. Проф. Г. А. Кожевников знакомит присутствующих с опытами счета знаменитой собаки «Рольф» и приобщает к архиву «Уголка» прилагаемые копии с протоколов опытов над «Рольфом» и две фотографии, полученные им от г. Мекель из Мангейма (Германия) в 1913 году. Снимки, по мнению проф. Г. А. Кожевникова, надлежит увеличить и поместить в музее «Уголка».

В. Дуров.
Н. Даль.
И. Лев.
Г. Кожевников.

Примечание: При прочтении протокола, проф. Г. А. Кожевников выразил сомнение, можно ли считать усыпление «Дэзи» «гипнотическим трансом» в специальном смысле этого слова.

Г. Кожевников.

Протокол № 11 А. заседания 27-го июня 1920 года в помещении «Уголка В. Л. Дурова». 11 час. веч.

Присутствуют: академик В. М. Бехтерев, проф. Д. В. Фельдберг, прив.-доц. Н. П. Казаченко-Триродов, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, научный сотрудник «Уголка» И. А. Лев.

В. Л. Дуров демонстрирует дрессированного французского бульдога «Дэзи», который по заданию лает известное количество раз. Академик В. М. Бехтерев мысленно приказывает собаке лаять три раза. Задание выполнено. Академик вторично приказывает лаять семь раз. «Дези» безошибочно лает (экспериментатор акад. Бехтерев).

«Дези» помещается на стуле у дверей. Экспериментатор стоит в соседней комнате за закрытыми дверями. Задание то же самое: известное определенное количество раз лаять.

1) **Задание акад. Бехтерева.**	**Исполнение** (экспериментатор **В. Л. Дуров).**
5	5
3	3 (— один раз неясно)
4	4

2) **Звдание акад. Бехтерева.**	**Исполнение** (экспериментатор **В. Л. Дуров).**
6	6
2	2
4	4 (+ один раз слабо — неясно).

3) **Задание акад. Бехтерева.**	**Исполнение** (экспериментатор акад. **Бехтерев).**
3	5
7	7
5	5

Запрошенный В. Л. Дуров полагает, что здесь имеет место мысленное внушение.

Обстановка опытов: задуманные цифры писались на бумаге, при чем при опытах, лично произведенных академиком Бехтеревым, цифры, написанные им, никому заранее не были известны до окончания опытов.

В. Бехтерев.
Д. Фельдберг.
Докт. **Н. П. Казаченко-Триродов.**
В. Л. Дуров.
И. А. Лев.

Протокол № 11 Б. от 29-го июня 1920 года.

Москва, 29-го июня 1920 года. От 3 до 4 часов ночи. Помещение Научного и Культурно-Просветительного «Уголка В. Л. Дурова». Присутствуют: акад. В. М. Бехтерев, д-р Н. П. Казаченко-Триродов, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, научный сотрудник «Уголка» И. А. Лев.

Д-р Н. П. Казаченко-Триродов держит пульс левой руки В. Л. Дурова, насчитывая 14 ударов в 10 секунд. В. Л. Дуров произвольно останавливает биение сердца, при чем в течение семи секунд д-р Н. П. Казаченко-Триродов констатирует полное отсутствие пульса. По истечении седьмой секунды В. Л. Дуров шатается, вскрикивая, с появлением холодного пота на лбу. По настоятельной просьбе присутствующих немедленно прекратить опыт, постепенно приходит в себя, при чем пульс тотчас же возвращается.

После небольшого перерыва В. Л. Дуров произвольно вызывает у себя на правой руке явление гусиной кожи с поднятием пушковых волосков, при чем акад. В. М. Бехтеревым отмечены изменения в пульсе.

Докт. **Н. П. Казаченко-Триродов.**

В. Дуров.

И. А. Лев.

В. Бехтерев.

ПРОТОКОЛ № 12

заседания 13-го июля 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Н. К. Кольцов, преподав. унив. М. П. Садовникова и научный сотрудник «Уголка» И. А. Лев.

Экспериментатор В. Л. Дуров. Объект—французский бульдог «Дэзи». Собака должна лаять известное количество раз. «Дэзи»—на стуле, экспериментатор в нескольких от нее шагах. Проф. Н. К. Кольцов пишет на бумаге задание (цифру) и передает В. Л. Дурову, который приказывает собаке лаять. В. Л. Дуров сидит спиной к собаке.

Задание:	Исполнение:
[illegible]	4
2	2
5	5

В. Л. Дуров выходит в другую комнату, закрывает двери из другой комнаты, приказывает «Дэзи» лаять.

Задание:	Исполнение:
6	лает 3 раза неправильно.
6	5
6	9

Экспериментатор проф. Н. К. Кольцов. «Дэзи»—в нескольких шагах от экспериментатора.

Задание:	Исполнение:
6	7
9	9
7	6

Проф. Кольцов полагает, что следует поставить ряд контрольных опытов. Чтоб исключить возможное влияние звука, надлежит помещать «Дэзи» в ящик, обложенный ватой.

Ник. Кольцов.
М. Садовникова.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 13.

заседания 15 июля 1920 года.

Присутствуют: д-р Н. В. Даль, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров и научный сотрудник «Уголка» И. А. Лев.

Продолжается обмен мнений по поводу опытов, поставленных на заседании 8-го с./м. (протокол № 11).

Д-р Даль объясняет сравнительную неудачу его опытов мысленного внушения «Дэзи» тем, что он старался применяться к способу В. Л. Дурова. Но способ этот оказался для д-ра индивидуально непригодным, т. к. д-р Даль оперирует слуховыми представлениями, и попытки представить зрительным образом эти цифры вносили некоторую раздвоенность и мешали должному сосредоточению.

Для д-ра Даля особенно интересными и заслуживающими внимания представляются два опыта:

1) Когда задумано было число «14», которое В. Л. Дуров мысленно разделил на два приема (по 7), и «Дэзи» отметила некоторой паузой окончание первой семерки и начало второй.

2) Когда В. Л. Дурову предложено было приказать «Дэзи» лаять неопределенное количество раз. Первая попытка лаять как бы остановилась у нее в горле, она соскочила со стула и бросилась к дверям, по ту сторону которых находился В. Л. Дуров, чего она раньше не делала.

Сравнительную неудачу попытки В. Л. Дурова загипнотизировать «Дэзи» д-р Даль объясняет тем напряжением и суровостью выражения лица, с которой В. Л. Дуров фиксировал собаку и которая, очевидно, приводила ее в какое-то беспокойство. Кроме того, у В. Л. Дурова было предвзятое мнение, что опыт будет неудачен: в этом кроется внутренняя причина неудачи опыта. В виду этого д-р Даль предложил сам попробовать опыт, и когда видно стало, что «Дэзи» начинает засыпать, В. Л. Дуров получил большую уверенность в возможности достигнуть положительных результатов и присоединился к д-ру Далю.

Далее ставится опыт мысленного внушения «Дэзи» при игре на пианоле (исполняются бравурные произведения), для выяснения возможного влияния звука при мысленной передаче лаять определенное количество раз.

Экспериментатор В. Л. Дуров. Внушает в той же комнате, где «Дэзи».

Задание:	Исполнение:
7	7

Затем В. Л. Дуров выходит в соседнюю комнату и, при продолжающейся игре на пианоле, приказывает «Дэзи» лаять.

Задание:	Исполнение:
6	6
8	6
8	8

После этого приступают к попытке усыпить «Дэзи». В течение 6 минут д-р Даль фиксирует «Дэзи» взглядом, но собака развлекается шумом в соседних комнатах. В. Л. Дуров фиксирует «Дэзи», и она засыпает в 5 минут.

Задание: разбудить «Дэзи» в определенный момент (на цифре 45—50). И. А. Лев считает и когда произносит 45, 46, 47, 48, 49, 50; «Дэзи» поднимает уши и раскрывает глаза.

В. Дуров.
Н. Даль.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 14

заседания 20 июля 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Г. И. Россолимо, преподав. универс. М. Н. Садовникова, научн. сотрудник И. А. Лев.

Экспериментатор В. Л. Дуров. Объект—французский бульдог «Дэзи», который должен лаять известное количество раз. Дуров приказывает лаять из другой комнаты, двери которой плотно закрыты. Задание—проф. Г. И. Россолимо, пишущего цифры на бумаге и передающего ее В. Л. Дурову.

Запись результатов ведет И. А. Лев. Собака поощряется кусочками вареного мяса.

Результаты опытов:

1 опыт.

Задание:	Исполнение:	
8	4	
3	3	
1	1	В. Л. Дуров без ассистента.
7	7	
6	6	
4	8	
2	2	В. Л. Дуров в присутствии проф. Г. И. Россолимо, стоявшего в стороне от дверей.
5	5	
9	[illegible]	

Три последних эксперимента проведены без предшествующего поощрения «Дэзи»

2 опыт:

Задание:	Исполнение:
7	6
2	2
7	7
1	1
3	4
1	1

В. Л. Дуров без ассистента.

3 опыт.

Задание:	Исполнение:	
2	2	
2	2	(у экспериментатора мысль была о 4)
2	8	
4	5	(случайно зазвонил телефон, вблизи В. Л. Дурова).
4	11	
1	10	
1	7	
1	3	

экспериментатор В. Л. Дуров, в присутствии проф. Г. И. Россолимо, стоящего спиной к дверному замку.

4 опыт.

Задание:	Исполнение:
6	3
2	2
5	5
1	3
7	1

Соблюдение всех условий предыдущего опыта.

В. Л. Дуров заявил перед заседанием, что сегодня чувствует себя скверно:

5 опыт.

Задание:	Исполнение:
6	4
2	4
5	3
1	2
7	7

6 опыт.

Экспериментатор В. Л. Дуров без ассистента.

Задание:	Исполнение:
6	5
2	2
5	5
1	1

Далее приступают к опыту при игре (бравурной) на пианоле. В. Л. Дуров без ассистентов.

7 опыт.

Задание:	Исполнение:
4	3 (повторение—4).
4	4
2	2
9	3 (повторение—4).
1	1

8 опыт. (Те же условия).

Задание:	Исполнение:
8	3 (повторение—4).
9	8
1	1

9 опыт. (Те же условия при ассистенте проф. Россолимо).

Задание:	Исполнение
7	7
3	4

Г. Россолимо.
М. Садовникова.
Г. Кожевников.
И. Лев.
В. Дуров.

ПРОТОКОЛ № 15

заседания 10 августа 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

Продолжаются опыты усыпления французского бульдога «Дэзи». В. Л. Дуров фиксирует пристальным взглядом собаку «Дэзи», которая засыпает в течение двух минут. Профессором Г. А. Кожевниковым предложено В. Л. Дурову разбудить собаку в определенный момент. Условлено считать 30 раз, и далее между 30 и 35 надлежит мысленно разбудить «Дэзи». И. А. Лев считает 1, 2, 3 . . . . . 32. и при последней цифре «Дэзи» просыпается.

По прошествии двадцати минут «Дэзи» вторично усыпляется в течение одной минуты.

Для проверки того, крепок ли сон «Дэзи», профессор постепенно приближает к ней кусок вареного мяса и, в конце концов, кладет его у самой морды собаки. «Дэзи» храпит, не просыпается: обоняние притупляется до чрезвычайности.

Что касается осязания, то проф. Г. А. Кожевников прикасается пальцем к спящей «Дэзи»: она вздрагивает, но вскоре вновь засыпает.

«Дези» просыпается от лая собак в соседних комнатах, резвится в течение 15 минут, получает несколько порций мяса, после чего В. Л. Дуров в третий раз ее усыпляет в течение двух минут. Проф. Г. А. Кожевников повторяет опыт с мясом, которое придвигается вплотную к «Дези». Сон снова настолько силен, что обоняние совершенно притуплено.

Г. Кожевников.
В. Л. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 16

заседания 24-го августа 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, преподав. универс. М. Н. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

Объект опытов — французский бульдог «Дэзи». В. Л. Дуров предварительно выдрессировал его дуть в рожок, прикрепленный к столу. Задание: мысленно приказать собаке дуть определенное число раз. Экспериментатор В. Л. Дуров—в той же комнате, где «Дези», на расстоянии нескольких шагов от нее.

Задание:	Исполнение:
3	3
7	9
4	1
1	1
5	5
2	2
6	6
2	9
5	5
1	5 (После последней ошибки В. Л. Дуров приказал ей повторить, после того «Дэзи» дула правильно: 1 раз).

Нижеследующий опыт происходит при условии нахождения В. Л. Дурова за дверями, по словам В. Л. Дурова, в первый раз (при условии дутья, а не лая).

Задание:	Исполнение:
2	3
4	8
8	8
1	2

Задание:	Исполнение.
3	3
1	6
6	1
2	2
7	7
5	4

Далее, В. Л. Дуров приступает к усыплению «Дэзи». Собака засыпает в 10 ч. 45 м. веч. Усыпление произошло в течение 3 минут. Опыты продолжаются 35 минут, в течение которых происходит пять усыплений. Во время последнего сеанса она, согласно задания, просыпается при счете между 15 и 20.

В конце заседания В. Л. Дуров демонстрирует серого попугая «Жако» (Psittacus erythacus L.), который воспроизводит с большой правильностью звук, получающийся от удара ложечкой о стеклянный стакан.

Г. Кожевников.
М. Садовникова.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 17

заседания 10-го сентября 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, преподав. универс. М. Н. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает, что им получено от академика В. М. Бехтерева из Петербурга письмо от 29-го августа с. г., которое он цитирует в части, касающейся опытов мысленного внушения над французским бульдогом «Дэзи».

«Не знаю, продолжаете ли вы те опыты, которые мы начали с вами в последний мой приезд в Москву. Если «да», то было бы очень желательно, чтобы они были производимы при соответствующей обстановке, которая помогла бы разобраться в том, каким образом происходит передача мысленного внушения на расстоянии. В этом отношении большую ценность представляло бы устроить у вас в лаборатории будку для экспериментатора, наподобие хотя бы телефонной, внутри и снаружи обитую железом. Мне казалось бы, что такую будку не трудно было бы осуществить в Москве у вас, а она очень бы помогла нам при следующих опытах, которые, надеюсь, продолжать в будущем».

Далее, В. Л. Дуров докладывает о результатах своих наблюдений над различными животными, приводящих его к мысли, что факторы, вызывающие обычно у животных чувство страха (обусловленное боязнью неизвестного), при систематическом многократном повторении не только значительно притупляют это чувство, но даже совершенно перестают его вызывать. Для иллюстрации этого положения В. Л. Дуров демонстрирует следующих животных:

1) Заяц русак (Lepus europaeus Pall.). Взрослый экземпляр. Он помещается у большой игрушечной пушки, заряженной порохом. Заяц движением передних лап производит выстрел, настолько сильный, что он слышен в отдаленных комнатах «Уголка». Выстрел, искры и дым не производят никакого впечатления

на зайца, который не проявляет никаких признаков беспокойства и продолжает спокойно оставаться у пушки.

2) Пустельга обыкновенная—(cerchneis tinnunculus Linn.). Молодой экземпляр, пойманный этим летом в Сокольниках под Москвой. В. Л. Дуров открывает дверцы клетки и на расстоянии десяти шагов от нее производит выстрел из ружья. Дым от выстрела не успевает рассеяться, а пустельга, ровно и медленно взмахивая крыльями, летит из клетки и садится на дуло ружья.

3) Хорек (Putorius foetidus Gray) В. Л. Дуров бросает ему кусок сырого мяса, прикрепленного к веревке, приводимой в движение блоком. Хорек захватывает мясо зубами. В. Л. Дуров приводит в движение аппарат: блок поднимает хорька под острым углом на высоту двух аршин от стола, при чем, хорек повисает на мясе, вертясь и изгибая туловище в разные стороны, и получается впечатление мертвой хватки. Чувство страха и опасение разбиться при возможном падении с высоты у него, очевидно, вполне атрофировано.

М. П. Садовникова обращает внимание, что вышеуказанные опыты относятся к области чистой дрессировки.

В. Дуров.
М. Садовникова.
И. Лев.

Проф. Г. А. Кожевников, выразивший желание явиться сегодня на очередное заседание, не явился. По наведенным справкам, он сегодня днем опасно ранен злоумышленником. Сотрудники «Уголка» постановили выразить глубокоуважаемому Григорию Александровичу чувства живейшего сожаления и пожелания скорейшего выздоровления.

В. Дуров.
М. Садовникова.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 18

заседания 28-го сентября 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. И. Россолимо, проф. Н. К. Кольцов, проф. М. П. Садовникова и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров докладывает, что, согласно задания проф. Г. И. Россолимо, он ставил ряд опытов с французским бульдогом «Дэзи», не будет ли он лаять определенное количество раз под влиянием различных раздражений, но опыты дали отрицательные результаты.

1) Слуховое раздражение. В. Л. Дуров считал: «раз, два, три», но порядковый счет не производил никакого эффекта.

2) Зрительное раздражение. В. Л. Дуров производил равномерные движения рукой: одно, два, три движения, но «Дэзи» не реагирует и на это.

3) Осязание. В. Л. Дуров производит поглаживание «Дэзи» с определенными интервалами, произнося: «1, 2, 3....», но «Дэзи» не лает.

4) Обоняние. В. Л. Дуров подносит через определенные промежутки времени кусок мяса и одновременно произносит: «1, 2, 3...», но «Дэзи» не лает.

На заседании продолжаются опыты над «Дэзи».

По заданию проф. Н. К. Кольцова, «Дэзи» надлежит лаять 6 раз, при чем Дурову следует считать 4 раза вслух, а два раза мысленно приказать. «Дэзи» исполняет задание.

По предложению проф. Г. И. Россолимо, В. Л. Дурову надлежит приказать «Дэзи» лаять неограниченное число раз группами по 5 раз Задание выполняется (лает 3 и 4 раза).

На вопрос проф. Н. К. Кольцова В. Л. Дуров свидетельствует, что с увеличением расстояния «Дэзи» лает менее ясно. Проф. Н. К. Кольцов предполагает, что главное значение в данных опытах имеет звук.

М. Садовникова.
В. Дуров.
Г. Россолимо.
Ник. Кольцов.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 19

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 29-го сентября 1920 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. И. Россолимо, преподав. универс. М. Н. Садовникова, научный секретарь И. А. Лев, в качестве гостей проф. психологии, ректор Самарского Университета А. П. Нечаев и ассистенты Неврологического Института и нервной клиники 1-го Государственного У-та в Москве.

В. Л. Дуров демонстрирует дрессированных животных: кроликов, зайца, хорька, морскую свинку, пустельгу, курицу, попугая «Жако», проделывающих различные движения под влиянием ассоциаций по смежности.

Далее, В. Л. Дуров производит опыты над французским бульдогом «Дэзи», которому надлежит лаять определенное количество раз по мысленному приказанию экспериментатора.

Задание:	Исполнение:
3	3
4	4
2	3

В. Л. Дуров выходит в соседнюю комнату, закрывает двери и приказывает «Дэзи» дуть в музыкальный рожок:

Задание:	Исполнение:
5	5
2	2
7	7 (восьмой раз неясно).
5	5

В. Л. Дуров приступает к опытам усыпления «Дэзи». Опыт начинается в 11 ч. 58 мин. вечера. Экспериментатор фиксирует собаку, и в 12 ч. 5 м. собака засыпает.

Задание: разбудить «Дэзи» в определенный момент (на цифре 15—20). И. А. Лев считает и когда произносит 15, 16, 17, «Дэзи» поднимает уши и раскрывает глаза.

В. Л. Дуров приводит курицу в каталептическое состояние, поместив ее на столе и быстро опрокинув.

В. Дуров, М. Садовникова, д-р (подпись), Г. Россолимо, И. Лев, А. Нечаев, Л. Макаренко, М. Савич, Коган-Бернштейн, (подпись), Е. Осипов, Б. Присман, В. Савич, В. Смирнов, И. Присман, Сухарев.

ПРОТОКОЛ № 20

заседания 12-го октября 1920 года.

Присутствуют: почетный гость, проф. психиатрии Венского Университета Мартин Паппенгейм, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Г. И. Россолимо, преподав. универс. М. Н. Садовникова, научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров приветствует проф. Г. А. Кожевникова по случаю избавления от грозившей ему смертельной опасности и высказывает чувства живейшей радости по поводу выздоровления и возвращения к научной деятельности Григория Александровича и, в частности, к работе в области зоопсихологии «Уголка», в которой профессор принимал горячее участие.

В. Л. Дуров демонстрирует недавно приобретенного филина (Bubo ignavus). Благодаря опыту в обращении с хищными птицами, В. Л. Дурову удалось в краткий срок настолько подготовить данный экземпляр к доместикации, что филин идет на зов, осторожно берет из рук мясо, позволяет себя гладить и уже ассоцирует звук движением головы.

Далее В. Л. Дуров докладывает о своих последних наблюдениях над франц. бульдогом «Дэзи» и опытах предполагаемого внушения, в присутствии сотрудника И. А. Лев, выразившихся в том, что «Дэзи», в связи с мысленным представлением экспериментатора, сначала непроизвольным, а затем и искусственно вызываемым, производит неоднократное почесывание лапкой кожи.

И. А. Лев читает выдержки из ведущегося В. Л. Дуровым дневника «Уголка», касающиеся этих опытов.

В. Л. Дуров приступает к опытам: приказать «Дэзи» считать определенное количество раз. Дуров приказывает из другой комнаты.

Задание:	Исполнение:
3	4
6	6
5	5

Задание:	Исполнение:
5	5
3	3
7	7
4	2
1	1
3	9
4	9

Проф. Паппенгейм выходит вместе с В. Л. Дуровым в другую комнату, и последний, в присутствии проф. Паппенгейма, приказывает «Дэзи» лаять:

Задание:	**Исполнение:**
5	7
[illegible]	6
7	3
[illegible]	6
3	1
7	2

Проф. Паппенгейм полагает, что эти, даже не совсем удачные опыты с незначительным процентом попаданий, доказывают, что здесь не случайность.

Проф. Паппенгейм высказывает предположение, не влияют ли в данном случае непроизвольные движения Дурова, которые он наблюдал во время акта внушения и которые могли передаваться незаметными для окружающих звуками.

Проф. Г. И. Россолимо обращает внимание, что в этих и во всех предшествующих опытах наибольшее число попаданий колеблется между 4 и 6. Это optimum ответов. После этого, по предложению проф. Россолимо, был произведен контрольный опыт, который показал, что собака, предоставленная самой себе, пролаяла 5 раз.

В. Л. Дуров приступает к опыту усыпления «Дэзи». Начало в 9 ч. 41 м. Собака беспокоится, чешется, но не засыпает.

Проф. Г. И. Россолимо предлагает наблюдать, не заснет ли «Дэзи» (и без фиксирующего влияния Дурова) при абсолютной тишине в комнате. Начало в 9 ч. 55 м. «Дэзи» не засыпает.

Далее, переходят в другую комнату, где не слышны крики попугаев. В. Л. Дуров усыпляет собаку в течение двух минут.

Проф. Г. А. Кожевников считает, и между 15—20 (по условиям задания), «Дэзи» просыпается.

В. Л. Дуров вторично усыпляет «Дэзи» в течение двух минут.

Проф. Г. И. Россолимо считает и предлагает Дурову разбудить «Дэзи» в промежуток между 5 и 10, но «Дэзи» не просыпается. В данном случае, ее сон был не глуб...

Далее происходит ряд опытов, доказывающих по мнению Дурова, что «Дэзи» чешется в тот момент, когда экспериментатор об этом думает, но другие полагают, что эти опыты требуют дальнейшего углубления. При этом Г. И. Россолимо полагает, что здесь играет роль чувство неизвестности у собаки в ожидании приказания.

М. Паппенгейм—Вена.
Г. Россолимо.
Г. Кожевников.
М. Садовникова.
В. Дуров.
И. А. Лев.

ПРОТОКОЛ № 22.

заседания 18-го октября 1920 г.

Присутствуют: проф. Д. Н. Артемьев, проф. А. Н. Бернштейн, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, научный сотрудник И. А. Лев и С. М. Киселев.

Объект опыта—франц. бульдог «Дэзи».

В. Л. Дуров обращает внимание, что собака в данный момент совершенно спокойна, под влиянием ассоциаций по смежности лает, согласно заданий, определенное число раз, тушит свечу, звонит в колокол.

Далее, В. Л. Дуров сообщает, что мысленно прикажет «Дэзи» чесаться. Собака приходит в беспокойство и начинает почесываться.

«Дэзи» делает несколько усилий, дует и тушит свечу.

Серый попугай «Жако» с большой точностью воспроизводит звуки, которыми «Дэзи» сопровождает тушение свечи.

«Дэзи» надлежит лаять, по заданиям, определенное количество раз. В. Л. Дуров мысленно приказывает собаке из другой комнаты лаять и дуть в музыкальный рожок.

Результаты опытов:

Задание:	Исполнение:
7	2
5	3
5	4
5	5
4	5
6	5
6	5
6	4
Опыт в той же комнате:	
6	6
3	3

В. Л. Дуров переходит снова в соседнюю комнату. Двери плотно закрыты.

Результаты опытов:

Задание:	Исполнение:
4	4
5	5
6	9
4	4
5	7
5	5
2	2
3	3
6	6
7	6
8	8
9	9

В. Л. Дуров снова обращает внимание на то, что «Дэзи» в течение получаса была совершенно спокойна и не чесалась. Согласно задания, В. Л. Дурову надлежит мысленно приказать ей чесаться, что она и исполняет.

Для отвлечения ее мыслей от чесания, от кожного раздражения, В. Л. Дуров предлагает приказать ей пролаять задачу, по предложению проф. Бернштейна.

Задание: 4. **Исполнение:** 4.

После этого снова происходят опыты, во время которых «Дэзи» почесывается в тот момент, когда В. Л. Дуров фиксирует ее взглядом.

После перерыва поставлены опыты внушения А. В. Дуровой [1]).

Профессор **Д. Артемьев.**
Профессор **Бернштейн.**
В. Дуров.
И. Лев.
Мих. Гребенча.
С. Киселев.

ПРОТОКОЛ № 23.

заседания научного и культ-просв. «Уголка В. Л. Дурова» 23-го ноября 1923 г.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, почетный гость из Петербурга проф. Г. И. Зеленый, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров открывает заседание в 9 час. вечера и констатирует факт месячного перерыва в научных работах «Уголка», обусловленного болезненным его состоянием, выразившимся в припадках грудной жабы, падежом опытных

[1]) Как здесь, так и во многих местах, опыты внушения человеку, имеющиеся в оригинальных протоколах, опущены.

животных (вследствие отсутствия надлежащего корма) и состоянием беременности французского бульдога «Дэзи», одного из самых интересных объектов наблюдений.

Проф. Г. П. Зеленый сообщает, что присутствовал в Петербурге на докладе академика Бехтерева в Вольной философской ассоциации, во время которого академик знакомил слушателей с опытами, произведенными в Научном и культурно-просветительном «Уголке» В. Л. Дурова» в Москве.

Проф. Г. П. Зеленый изъявляет желание присутствовать на опыте с «Дэзи». Самка-бульдог тяжело, с большими усилиями вскакивает на стул.

В. Л. Дуров выходит в соседнюю комнату, плотно закрывает двери, приказывает собаке: «Отвечай!». Собаке надлежит лаять определенное количество раз, при чем Дуров не произносит никаких слов. Собака лает или дует в музыкальный рожок.

Задание:	Исполнение:
6	5
4	4
6	6
8	5
3	3
2	5
4	4

Опыты продолжаются около 20 минут, в течение которых, по замечанию В. Л. Дурова, собака была сравнительно спокойна и не проявляла намерения чесаться.

Присутствующие просят В. Л. Дурова мысленно приказать собаке чесаться. «Дэзи» исполняет задание.

Далее продолжаются опыты с лаем.

Задание:	Исполнение: (Условия опыта те же).
4	4
2	2
3	3

По предложению проф. Г. А. Кожевникова, В. Л. Дурову надлежит мысленно приказать «Дэзи» лаять четыре раза, не произнося начального сигнала «отвечай!». Проходит несколько минут, и задание выполняется, при чем лай был недостаточно резко выражен.

При обмене мнений по поводу опытов с Дэзи, проф. Зеленый затрудняется высказать определенное мнение, но полагает, не влияет ли в данном случае изменение ритма дыхания экспериментатора на воспринимающего субъекта. При этом проф. вспоминает о своих опытах над собакой, когда он вызывал у нее в нужный момент слюноотделение, при чем сидел неподвижно за экраном и не подавал никаких внешних сигналов. Когда приближался

нужный момент, у экспериментатора изменялся ритм дыхания, и это изменение ритма передавалось опытному животному, и у собаки появлялось слюновыделение. Возможно также в опытах с «Дэзи» влияние слуха и звуков, для человека неуловимых. Во время опытов, в лаборатории академика Павлова, собака улавливала различие в $^1/_7$ тона.

Г. Зеленый.
Г. Кожевников.
И. А. Лев.
В. Дуров.

ПРОТОКОЛ № 24

заседания Научного и Культурно-Просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 21-го декабря 1920 г.

Присутствуют: заведывающий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников. научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров докладывает, что им согласован вопрос с ТЕО Наркомпроса о признании нарождающегося при «Уголке» театра экспериментальным, на автономных началах. Секция детских и школьных театров, обследовав всесторонне на месте подготовительные работы, нашла необходимым передать его в непосредственное ведение Подотдела теории и опыта.

В. Л. Дуров читает выдержки из объяснительной записки, поданной им в ТЕО, на которую последовала утвердительная резолюция заведующего театр. отделом Наркомпроса В. Мейерхольда:

«Научные опыты «Уголка» по зоопсихологии будут перенесены в область театра, где синтезируется забава с поучением, где во главу угла поставлены будут два схожих принципа современной педагогики: «поучать забавляя» и «забавлять поучая».

«Благодаря применению на сцене открытого В. Л. Дуровым комбинированного метода дрессировки путем ассоциаций по смежности, сочетальных рефлексов и мысленных внушений, явится возможность постановки специально написанных сказочно-поэтических пьес, где животные будут играть доминирующие роли. В настоящее время идут подготовительные работы к постановке трех пьес с главными персонажами: котом, кроликом, зайцами, козленком и другими домашними и хищными животными. В будущем намечается план постановки пьес, исполняемых одними животными».

По мнению В. Л. Дурова, мы приближаемся к новому виду искусства (преломляющегося чрез призму науки).

Далее В. Л. Дуров читает десять составленных им правил регулирующих поведение посетителей «Уголка» по отношению к опытным животным и написанным на стене при входе в учреждение. Копия означенных правил при сем прилагается.

Проф. Г. А. Кожевников предоставляет в распоряжение «Уголка» две интересных, сравнительно новых, немецких работы по зоопсихологии:

1) **Hempelmann. „Das Problem der Elberfelder denkenden Pferde" (Sammelbericht).**
2) **Greppin. „Naturwissenschaftliche Betrachtungen über die geistigen Fähigkeiten des Menschen und der Tiere".**

Далее, проф. Г. А. Кожевников предлагает ряд мер, могущих значительно улучшить методику опытов над «Дэзи» (драпри из одной комнаты в другую, подача записок экспериментатору и проч.). Обстановка опытов должна быть создана более строгой.

В. Л. Дуров сообщает о циркулярном предложении, полученном из Научного Отдела, представить годовой отчет о характере и результатах научной деятельности «Уголка» за 1920 г.

По поводу данного предложения происходит обмен мнений. Намечаются основные положения доклада.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. А. Лев.

ПРАВИЛА ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ «УГОЛКА».

ВСЕМ:

1) Входящий в «Уголок» не должен прикасаться к опытным животным, гладить и даже протягивать по направлению к ним руку, ибо всякие движения человека по отношению к животным должны быть понятны животному, как объекту наблюдений, опытов и дрессировки, являющейся одним из главных методов к изучению зоопсихологии.
2) Кормить животных ни в коем случае не допускается, ибо их надлежит кормить особым способом и в известное время.
3) Обращение с животными должно быть осторожным и ласковым, далеким от механического воздействия, вредно отражающегося на их психике. К говорящим птицам, в особенности к попугаям, не обращаться с общепринятыми бранными словами («Попка дурак!»).
4) При встрече с животными, находящимися на свободе, по возможности, воздерживаться от всяких проявлений боязни путем резких движений, вскрикиваний, защитительных поз, ибо особенности животного таковы, что едва уловимые вздрагивания возбуждают и поощряют животных к нападению.
5) Длительное пристальное фиксирование животного взглядом крайне нежелательно, т. к. действует на некоторых раздражающим образом и препятствует в процессе научной работы улавливать у них выражения ощущений и устанавливать различные ассоциации по смежности.
6) При осмотре хищников за барьер к клеткам не заходить, палками не махать, резких движений избегать вообще и, в особенности, при их кормлении во избежание нарушения процесса доместикации.
7) При осмотре мелких животных (грызунов и птиц) просят, по возможности, воздерживаться от кашля и чихания.
8) Во время игры животного не прерывать оную.
9) Фотографировать и зарисовывать животных можно лишь с разрешения заведующего.
10) Нарушение перечисленных правил влечет за собою вновь кропотливую и трудную работу для исправления животного.

В. Дуров.

ПРОТОКОЛ № 25

заседания Научного и Культурно-Просвет. «Уголка В. Л. Дурова» 18 янв. 1921 г.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Г. И. Россолимо, проф. М. П. Садовникова, научный сотрудник И. А. Лев.

В 10 ч. 15 мин. начинаются опыты над «Дэзи» со счетом.

В. Л. Дуров сообщает, что ветеринарный врач П. М. Иловайский констатировал заболевание «Дэзи» эмфиземой легких, что отразилось на ее внешнем виде (исхудание). После первых родов и кормления шести щенят, самочувствие «Дэзи» также сильно ухудшилось; отрицательным образом на здоровье «Дэзи» повлияли, по мнению врача Иловайского, многочисленные опыты лая и усиленного частого выдувания в музыкальные аппараты.

В. Л. Дуров полагает, что все эти факторы повлияли на психику «Дэзи» угнетающим образом, что и проявилось в первый раз 16 с. м. на представлении в Наркомпросе, где она, исполняя различные №№, отказалась от лая, выдувания и тушения свечки.

Опыты происходят при новой обстановке. «Дэзи» находится в большой комнате, помещается на стуле за партой в четырех шагах от дверей, ведущих в другую комнату. Экспериментатор выходит в соседнюю комнату. Двери прилегают к косякам плотно. Просвета нет, вследствие того, что края дверей упираются в вырезанные в косяке ложбины. В комнате, где помещается Дэзи, дверные щели и отверстие для ключа прикрываются картонными щитами, обитыми ватой и шелком. С другой стороны дверей, где стоит экспериментатор, к стене прибит плотный тяжелый ковер.

Проф. Г. А. Кожевников предлагает, для исключения предполагаемого постороннего, помимо экспериментатора, влияния на «Дэзи», новый способ передачи записок экспериментатору.

Цифры, составляющие задание, заносятся каждая на особую бумажку. Проф. Кожевников передает бумажки В. Л. Дурову, не читая написанной цифры. Находящиеся в комнате с «Дэзи», записывают количество раз, которое пролаяла «Дэзи».

Дуров вновь напоминает, что, по его мнению, опыты счета с «Дэзи» едва ли являются результатом мысленного внушения, а, скорее всего здесь имеет место какая-нибудь установившаяся между ним и собакой ассоциация, пока еще для него непонятная.

Результаты опытов:

Задание:	Исполнение:
1	3
4	4
6	3
2	2
5	2 (затем 5).
8	1

Задание:	Исполнение:
6	2
1	4
3	3
7	7
2	3
5	4
4	4
8	3

Далее, опыты происходят при той же обстановке, при чем задание известно присутствующим, по предложению проф. Россолимо.

Задание:	Исполнение:
7	3
7	1
7	2
7	4

Проф. Г. И. Россолимо приказывает «Дэзи» лаять произвольно, без задуманной цифры. Спонтанный лай выразился в следующих цифрах:

3, 4, 4, 7, 2, 1, 3, 2, 2, 2, 11.

Далее происходят опыты со счетом без наличия щитов с ватой.

Задание:	Исполнение:
5	5
5	4
5	3
5	2
5	4
5	5
5	4

Нижеследующая группа опытов производится при полном отсутствии изоляции и при произнесении чисел вслух. Начиная с 6-ой строки, «Дэзи» дует в музыкальный рожок.

Задание:	Исполнение:
5	5
5	10
5	5
1	3
1	14
4	4

Задание:		Исполнение:
6	В присутствии В. Л. Дурова.	6
5		6
3		3

Нижеследующая группа опытов производится в присутствии В. Дурова:

Задание:		Исполнение:
2		2
5		4
3		3
3		4
6	числа произносятся вслух	6
1		1
4	всеми присутствующими	4

Предложено В. Л. Дурову, в виду данных последнего испытания, постараться выработать у «Дэзи» отсчитывание звуком чисел, произносимых вслух на русском языке.

В. Л. Дуров сообщает, что когда недавно рыжий ангорский кот загрыз египетского голубя и волнистого попугайчика в той комнате, где находятся попугаи, последние подняли сильный крик. Для проверки того, что попугаи реагируют на появление рыжего кота, производится следующий опыт. Сначала В. Л. Дуров приносит серого ангорского кота. Попугаи совершенно спокойны. Но как только В. Л. Дуров приносит рыжего ангорского кота, попугаи приходят в беспокойное состояние. Ту же реакцию, но в меньшей степени, произвело на попугаев присутствие чучела рыси.

Проф. Г. А. Кожевников сообщает, что преподаватель 1-го Московского Государственного Университета В. В. Бунак, антрополог, занимающийся изучением выражений ощущений у человека и животных, выразил желание работать по этому вопросу в «Уголке». Принимается предложение с условием, что дубликаты фотографий будут переданы «Уголку», и все сообщения о результатах работ будут сопровождаться указанием, что работы производились в «Уголке».

М. Садовникова.
Г. Россолимо.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 26

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 24-го января 1921 года.

Присутствуют: почетный гость академик В. М. Бехтерев, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров и научный сотрудник И. А. Лев.

Опыты над французским бульдогом «Дэзи» начинаются в 12 ч. 45 м. ночи.

По предложению и под личным руководством академика В. М. Бехтерева устроен ящик (наподобие телефонной будки) в человеческий рост, сколоченный из досок и обитый сплошь внутри листовым железом. Экспериментатор В. Л. Дуров входит в будку, плотно прикрывает за собою двери, также обитые железом. Собака помещается на стуле против будки, в двух шагах от нее. Академик В. М. Бехтерев пишет цифры, которые надлежит «Дэзи» пролаять, каждую на особой записке, перетасовывает все записки, которые В. Л. Дуров берет, не показывая написанного присутствующим и побуждая собаку начать лаять словом «отвечай!»

Вопрос:	Ответ:
1	2 (экспериментатор в будке).
2	2 (экспериментатор вне будки, но на одинаковом расстоянии от собаки).
5	? (в будке).
6	6 (вне будки).
2	2 (в будке).
6	5 (вне будки).
5	5 (в будке).
1	3 (вне будки).
2	2 (в будке).
5	3 (вне будки).
3	3 (в будке).
1	2 (вне будки).
6	4 (в будке).
2	5 (вне будки).
5	3 (в будке).
2	2 (вне будки).
6	1 (в будке).

Академик В. М. Бехтерев обращает внимание, что «Дэзи» учащенно чешется и что чесание, быть может, тормозит рефлекс.

Далее продолжаются опыты при тех же условиях, но «Дэзи» отвечает не лаем, а дутьем в музыкальный рожок, с целью получить более определенный результат.

Вопрос:	Ответ:
3	3 (в будке).
8	4 (вне будки).
10	8 (в будке).
7	8 (вне будки).
9	4 (в будке).

Нижеследующая группа опытов происходит без чередования приказа экспериментатора из будки и вне ее: В. Л. Дуров все время находится в будке.

Вопрос.	Ответ.
3	3
2	3
4	4
1	1
5	6

Опыты заканчиваются в 2 ч. 15 мин. ночи.

В. Бехтерев.
В. Дуров.
И. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 27

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 25-го января 1921 года.

Присутствуют: почетный гость академик В. М. Бехтерев, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров и научный сотрудник И. А. Лев.

Продолжаются опыты над французским бульдогом «Дэзи», при тех же условиях, как и 24-го января (см. протокол от 24-го января 1921 года), с тою лишь разницей, что собака помещается на расстоянии 2½ саж. от будки. Экспериментатор В. Л. Дуров. «Дэзи» отвечает лаем.

Вопрос:	Ответ:
5	4
2	2 (Дэзи чешется).
6	5—8 (в числе 8 три лая было неполных).
3	4
1	1—2
4	4

«Дэзи» отвечает дутьем:

Задание:	Ответы:
5	5
1	1
6	5
2	2
4	6

Копия.

ПРОТОКОЛ № 28

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 27-го января 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, почетный гость академик В. М. Бехтерев, проф. Г. А. Кожевников, преподаватель Государственного Университета В. В. Бунак и научный сотрудник И. А. Лев.

По предложению проф. Г. А. Кожевникова, В. В. Бунак полагал бы использовать животный материал «Уголка» для изучения выражения ощущений у животных.

По его мнению, желательно для изучения выразительных движений зафиксировать при помощи фотографии характерные моменты, выражающие проявление некоторых инстинктов у различных домашних животных: собаки, кошки, кролика или морской свинки, если возможно также у копытных—лошади и других. Необходимо привести животное в такое состояние, чтобы переживаемое им психическое состояние можно было установить по объективным признакам, и притом в таких условиях, чтобы это можно было зафиксировать при помощи фотографии. В первую очередь желательно изучить выразительные движения разных органов—положение головы, туловища, конечностей, хвоста, ушей, движения рта и т. п., при проявлении следующих инстинктов (по Дарвину и Мая-Доуголлу): инстинкта бегства от опасности, отталкивания, любопытства, драчливости, покорности, превосходства, родительский, половой, стадности и проч.

Академик В. М. Бехтерев полагает, что в предстоящих исследованиях должен быть исключен Дарвиновский субъективизм.

В. Л. Дуров замечает, что одного фотографирования недостаточно. Для того, чтобы иметь ясное представление о выражении ощущений у животных, надлежит кинематографировать эти движения и использовать кино-ленту для получения снимков целого ряда последовательных движений. Например, для получения выражения нетерпения у верблюда, проявления чувства чистоплотности и ассоциативных движений ног при разрывании курицей земли для отыскания пищи, проявления инстинктов у других животных -без кинематографирования не обойтись. Кинематограф зафиксирует также переход из одного психического состояния в другое и тонкое колебание различных ощущений. С другой стороны, имеется ряд движений, которые достаточно зафиксировать одним моментальным фотографическим снимком. Как пример, **В. Л. Дуров** демонстрирует французского бульдога «Дэзи», у которого моментально вызывается экспериментатором, под влиянием вызванного звукоподражанием испуга, выразительное движение глаз и ушей.

Г. Кожавников.

В. Дуров.

И. А. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 29

заседания «Уголка В. Л. Дурова».

28-го января 1921 г. с собакой «Дэзи» были начаты мною впервые опыты с мысленным внушением в «Уголке Дурова», в присутствии В. Л. Дурова по предварительному обсуждению с теми же приемами и движениями, с которых начаты были опыты с дрессировкой той же собаки и самим В. Л. Дуровым. Для этой цели мною были взяты куски мяса на глазах собаки в карман, затем я отходил на несколько шагов от собаки, задавал ей с одной и той же интонацией голоса задание, первоначально устным сложением однозначных цифр, устанавливая, таким образом, с помощью даваемого мяса вслед за реакцией собаки с помощью лая, а в других опытах с помощью дутья в рожок, сочетательный рефлекс на голос. При этом сделан переход и к мысленным заданиям без произнесения слов, при чем мысленные задания были известны одному мне. Отдельные опыты были произведены и в закрытой будке, обитой сплошь железом внутри.

Результаты опытов оказались следующие:

Мысленное задание:	Ответы:
4	5
5	5
6	6
5	5
3	3—5 (2 слабее).
6	6—8 (3 слабее).
6	3
2	2
4	5
	(В будке).
3	4 (не совсем определенно).
5	3
4	4
3	5

В. Бехтерев.
В. Дуров.

ПРОТОКОЛ № 30

заседания Научного и Культурно-Просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 7-го июня 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

Проф. Г. А. Кожевников сообщает, что на-днях возвратился из научной командировки на Мурман. Профессор сделал попытку получить тюленей для зоопсихологических наблюдений, но, по наведенным справкам, это удастся

сделать зимой, когда происходит бой и лов тюленей. Зимой же тюленей возможно будет получить и на Ладожском озере: петербургский Зоологический сад кормил животных битыми ладожскими тюленями всю прошедшую зиму.

Проф. Кожевников посетил петербургский Зоологический сад. вел там переговоры, из которых выяснилась возможность получения «Уголком» некоторых экземпляров животных—дублетов, которых в саду теперь большое количество: 17 медведей, 6 лам, кабаны трех поколений. Петроградскому саду легче доставать зверей, при содействии местных охотников и при широком развитии агентуры; почему надлежит завязать более тесные сношения с садом.

В. Л. Дуров докладывает, что получил от академика В. М. Бехтерева письмо от 20-го марта с. г., в котором академик, между прочим, пишет относительно новой постановки опытов, так называемого, мысленного внушения животным: «после того, как были проделаны опыты с будкой, обитой железом, будет крайне ценно проделать опыты с будкой. обитой свинцовыми листами, ибо как раз свинец оказывается тем металлом. который не пропускает вовсе герцовские лучи».

Одновременно получен от Бехтерева оттиск его новой статьи «об опытах над мысленным воздействием на поведение животных», где описываются опыты над фокстерьером «Пикки» и другими собаками В. Л. Дурова.

По поводу замечания академика Бехтерева в означенной статье о возможности гипнотизировать кур (стр. 233), В. Л. Дуров, совместно с И. А. Лев произвел ряд опытов над курами, гусями, утками и индюками (зафиксированными в «Дневнике Уголка»), которые, по мнению экспериментаторов, дают основание предполагать, что в отношении домашних птиц, мы имеем дело с каталепсией, «субъективным ощущением», а не гипнозом.

В. Л. Дуров демонстрирует приобретенного «Уголком» медведя—стервятника, пойманного у Красноярска, отличающегося многими не только морфологическими особенностями, но также характером и повадками. Проф. Кожевников указывает на важность классификации видов и разновидностей животных не только по внешним признакам, но и по их психическим свойствам: при чем заявляет, что наблюдения Дурова в этом направлении представляют значительный интерес.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 31

заседания Научного и Культурно-Просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 14-го июля 1921 года.

Присутствуют: заведывающий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров докладывает о своей поездке в Одессу, куда он специально был командирован Наркомом А. В. Луначарским для увеличения живого инвентаря «Уголка» и расширения учреждения. Морское сообщение с иностран-

ными государствами еще не настолько налажено, чтоб расчитывать на более или менее регулярный привоз в наши порты животных, в особенности, экзотических. Несмотря на это, В. Л. Дурову удалось приобрести: двух обезьян (клички «Джипси» и «Гашка»), двух ослов, немецкую овчарку (кличка «Марс»), цесарок. египетских голубей, помесь канарейки и реполова и проч. Породы обезьян и ослов подлежат еще точному научному определению. Между прочим, В. Л. Дуров организовал агентуру на местах (Одесса и Киев), для подыскания и приобретения для нужд «Уголка» животных.

И. А. Лев сообщает о большой потере для «Уголка» и для работ, посвященных влиянию так называемого «мысленного внушения» на животных, о смерти французского бульдога «Дэзи» 25-го июня с. г. Вскрытие установило, что смерть последовала от эмфиземы легких, расширения сердца и перерождения печени. По общему мнению, эмфизема легких явилась следствием научных опытов. состоящих, главным образом, в том, что «Дэзи» усиленно «выдувала» в специально устроенные рожки, свистки и другие духовые инструменты определенное, заранее условленное, количество раз, а также производила тушение свечи длительным выдыхом. От такого постоянного напряжения и чрезмерной работы легких, болезнь обострилась и привела животное к гибели. Без преувеличения можно сказать, что такой ценный и редкий экземпляр, как «Дэзи», явился одной из «жертв науки». Ветеринарным врачем П. М. Иловайским удален весьма удачно мозг собаки и помещен в 4% раствор формалина. К сожалению, пришлось отказаться от мысли установить отношение веса мозга к весу тела «Дэзи», так как в последние 2 недели ее болезни, водянка стала даже подкожной и внешний вид собаки сильно разнился от нормального, что можно усмотреть из двух фотографий, снятых за четыре часа до того, как она пала.

Проф. Г. А. Кожевников высказывает пожелание привести как можно скорее в систему результаты продолжительных экспериментов над «Дэзи» и приступить к статистической обработке материала, представляющего большой научный интерес.

Вместе с тем, профессор полагает, что, в виду намерения В. Л. Дурова продолжать опыты, проделанные с «Дэзи», над вновь приобретенным «Марсом», было бы чрезвычайно интересно вести как можно более полные записи процесса дрессировки «Марса», как свежего материала, для установления точной методологии обучения опытного животного. По общему habitus «Марса», эта немецкая овчарка представит, вероятно, немалый интерес, как объект научных опытов в направлении так называемого «мысленного внушения».

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. А. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 32

заседания Научного и Культурно-Просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 21-го июля 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров. проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает о результатах работ по дрессировке вновь приобретенной собаки «Марс» и подкрепляет свои выводы демонстрациями «Марса».

За короткий десятидневный срок обучения «Марс» прекрасно «апортирует» (чему в течение целого года покойная, столь одаренная в других отношениях «Дэзи» никак не могла научиться); безошибочно различает слова: «садись», «встань», «ложись» (исполняет приказания и в обратном порядке и в разбивку); на команду «лай!» (что необходимо для проверки опытов с лаем над «Дэзи»), начинает отвечать коротким отрывистым, не частым лаем, далеким еще, впрочем, от того совершенства, с каким «Дэзи» реагировала на это приказание; на мысленное приказание В. Л. Дурова (без употребления слов и каких-либо жестов) произвести почесывание лапой или мордой бока,—«Марс» исполняет задание.

После длительного обсуждения последнего опыта, проф. Г. А. Кожевников приходит к заключению, что надлежит произвести большое количество повторных экспериментов, при условии совершенного удаления блох и других насекомых, паразитирующих на «Марсе» и вредящих чистоте опыта; В. Л. Дуров констатирует, что пока еще не уяснил себе в достаточной степени природы данного явления, которое ему удалось вызвать у далеко не обезволенного «Марса» с большой легкостью; И. А. Лев, полагая, что здесь допустима установившаяся ассоциация sui generi, не исключает, однако, возможности наличия мысленного внушения животному, даже мало обезволенному.

Далее производится длительное наблюдение над двумя прибывшими лисичками (3—4 месяцев), которых В. Л. Дуров начинает постепенно «доместицировать». В процессе наблюдения к лисицам, играющим на свободе (в зрительном зале театра) подпускают в разное время взрослых кроликов, петуха и ангорского кота. С кроликом, дрессированным для нападения в пьесе на других кроликов, устанавливается отношение игры; на петуха одна из лисиц набрасывается и моментально выдергивает клок перьев; к коту—отношение полного безразличия.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. А. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 33

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 10-го августа 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров. проф. Г. А. Кожевников.

Предметом занятий были опыты с усыплением немецкой овчарки «Марс». Опыт начался в 10 ч. 10 м. вечера. Собака была посажена на мягкое кресло в гостиной, где она обычно бывает. В. Л. Дуров фиксирует собаку взглядом. Собака отвертывается, царапает лапой по креслу, потом разевает рот. 10 ч. 16 м. голова упала на кресло, собака лежит в неудобной позе, свесивши переднюю ногу с кресла, так как оно мало для ее большого роста. Спит. Внушение—про-

снуться. Через очень короткое время (½ минуты) подымает голову, тотчас же снова как бы засыпает, но через короткое время (½ минуты) самостоятельно поднимает голову, опять опускает, спит 1 минуту. Внушение проснуться—безрезультатно. Шум за дверью прерывает опыт.

10 ч. 20 м. возобновляется усыпление на кресле. Через 1 минуту собака спрыгивает и засыпает на ковре. Мысленное приказание поднять голову безрезультатно в течение двух минут. Лежит с открытыми глазами. 10 час. 25 мин. поднимается, чешется, тянется.

Внушение ложиться. Через 2 минуты закрывает глаза, падает на бок. Внушение встать. Через 1 минуту встает сразу.

Дуров развлекает собаку, заставляя играть, прыгать, лаять. Затем начинается снова внушение уснуть. Собака возбуждена, зевает, отмахивается лапой, соскочила с кресла, легла, зевает. Ловит блох. Прошло 3 минуты с того времени, как соскочила с кресла. Легла. Вздох. Заснула. 10 ч. 40 м. Через 2 минуты внушение встать. Безрезультатно. Дуров заходит сбоку—собака встает. Тянется. Внушение лечь. Катается по ковру, ложится, встает. 10 ч. 45 м. лежит, лижется, опять легла, заснула. Дуров зашел с затылка смотрит на собаку. Она встает. Тянется, чешет глаза, чешется. В сильном возбуждении, кусается. Затем падает, тяжело вздыхает, засыпает.

Дуров заходит сзади—вскакивает.

Еще раз заснула. Захождение сзади—вскакивает.

В. Дуров.
Г. Кожевников.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 34

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 22-го августа 1921 года.

Присутствуют: заведывающий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев и, в качестве гостя, доктор Т. Д. Фаддеев.

Производятся опыты усыпления «Марса». Начало 11 ч. 17 м. вечера. Собака помещается на удобном мягком кресле. В. Л. Дуров фиксирует ее взглядом. По прошествии ½ минуты «Марс» прикрывает глаза и в 11 ч. 19 м. засыпает.

Проф. Г. А. Кожевников просит В. Л. Дурова внушит собаке проснуться. В. Л Дуров пробует в течение двух минут; не удается.

По предложению И. А. Лев, к спящему «Марсу» подносят вплотную кусок мяса: собака продолжает спать.

Д-р Т. Д. Фаддеев предлагает В. Л. Дурову изменить положение конечностей «Марса». В. Л. Дуров приподымает заднюю лапу собаки, и она просыпается.

Решено модифицировать опыт. Собака искусственно приводится в возбужденное состояние: она резвится и скачет. Опыт усыпления вновь начинается в 11 ч. 25 м. Собака ложится, глаз не закрывает. Затем в 11 ч. 27 м. встает, тяжело сопит. Вновь укладывается. Поза для собаки неудобна. 11 ч. 29 м.

вновь подымается и сходит, ложится на полу у дивана в такой позе, когда ее ничто не стесняет. Засыпает в 11 ч. 30 м.

3-й опыт усыпления. 11 ч. 35 м. Собака на ковре. **В. Л. Дуров** усыпляет. стоя пред ней. «Марса», повидимому, сильно беспокоят паразиты. Тяжело дышит. 11 час. 40 мин. засыпает. Проф. Г. А. Кожевников предлагает В. Л. Дурову мысленно разбудить. Не удается.

4-й опыт. 11 час. 44 мин. Собака снова в мягком кресле. В. Л. Дуров находится от нее на расстоянии вдвое большем, чем раньше. «Марс» засыпает 11 ч. 47 м. Последний опыт предложен д-м Т. Д. Фаддеевым для уяснения возможного влияния расстояния на скорость усыпления.

После перерыва приступают к опытам с лаем. В. Л. Дуров произносит: «Отвечай!»—«Марс» отвечает полулаем.

Задание:	Исполнение:
5	5 (шестой раз неясно).
4	отвечает беспорядочно.
2	2
4	3
3	2 (собаку отвлекли из соседней комнаты).

В. Л. Дуров приказывает «Марсу»: «Потянись!». Собака производит потягивание несколько раз.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. А. Лев.

ПРОТОКОЛ № 35

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова», 13-го сентября, 1921 г.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

И. А. Лев докладывает о результатах предварительной обработки им статистических материалов, касающихся опытов лая и дутья в рожок французского бульдога «Дэзи», на основании всех протокольных данных, имеющихся в распоряжении «Уголка».

Всех опытов зафиксировано 268, из них 4 с неопределенным результатом.

При различных экспериментаторах (включая В. Л. Дурова) удачных опытов—54,17%, неудачных—45,83.

При экспериментаторе В. Л. Дурове — удачных опытов—55,79%, неудачных—44,21.

Экспериментаторы—в одном помещении с «Дэзи»: удачных опытов—61,04 неудачных—38,96.

Экспериментаторы—в другом помещении: удачных опытов—51,06%, неудачных—48,94.

Остающиеся с собакой знают задание: удачных опытов—56,22%, не удачных—43,78.

Остающиеся с собакой не знают задания (передача экспериментатору бумажек)—удачных опытов—46,15%, неудачных—53,85.

Опыты при обычной обстановке: удачных—53,23%, неудачных—46,77; при бравурной игре на пианоле (незначительное количество опытов): удачных—68,75%, неудачных—31,25.

Статистика ошибок «Дези» во время опытов при различных условиях выражается в нижеследующем:

Из 59 случаев, когда «Дэзи» «перелаяла», она ошибалась:

на 1	21 раз
2	14
3	9
4	4
5	3
и свыше	7

Из 62 случаев, когда «Дэзи» «недолаяла», она ошиблась:

на 1	22 раза
2	14
3	9
4	6
5	9
и свыше	3

И. А. Лев продолжает разработку статистических данных о результатах лая «Дэзи» и к одному из следующих заседаний доклад по этому поводу.

Далее происходят опыты с далеко не подготовленной собакой «Марс», (как сырым материалом), состоящие в том, что ей надлежит пролаять определенное количество раз. Присутствующие обращают внимание, что «Марс» еще не успел освоиться с самим процессом лая, и часто вместо такового издает неопределенные глухие «свистящие» звуки, но по движениям челюсти можно определить выражение лая без обычного звука. Данное движение принимают считать за лай.

Экспериментатор В. Л. Дуров в той же комнате.

Задание:	Исполнение:
5	4 (совершенно неясный лай).
3	3
6	6 (интервал между 4 и 5).
8	пробует лаять, но неудачно.
8	8
2	2
5	3
9	5
4	4

Задание:	**Исполнение:**
7	7
2	2 (не громко).
6	6

Экспериментатор В. Л. Дуров выходит в соседнюю комнату.

4	2
4	3
4	2

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 36

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 20-го сентября 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. П. Зеленый, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев.

И. А. Лев докладывает о результатах статистической разработки материалов о «Дэзи».

Проф. Г. П. Зеленый предлагает в дальнейших опытах словесное приказание «отвечай»! заменять ударом метронома.

Проф. Г. А. Кожевников полагает, что было бы весьма интересно передать протокольные данные специалистам-математикам для обработки с точки зрения теории вероятности.

В. Л. Дуров предлагает, при обработке материала, самым тщательным образом протоколировать все происходящие обстоятельства при опытах, учитывать состояние экспериментатора и экспериментируемого.

Далее В. Л. Дуров демонстрирует различных животных, дрессированных им путем применения ассоциаций по смежности: поросенок раскатывает ковер, лисица скатывает его, лисицы вальсируют, скачут через барьеры, ангорский кот вальсирует и т. п.

В. Дуров.
Г. Зеленый.
Г. Кожевников.
И. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 37

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 28-го сентября, 1921 г. Начало заседания 10 час. вечера.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

Предметом занятий были опыты с немецкой овчаркой «Марс», которому надлежит пролаять цифры, заранее определенные присутствующими. Экспериментатор—В. Л. Дуров в нескольких шагах от собаки, которая помещается на мягком кресле. Лай все еще недостаточно отчетлив и чист.

Руководствуясь пожеланием проф. Г. И. Зеленого о замене словесного приказания «отвечай»! ударом метронома или чем-либо другим, что совершенно исключило бы теоретическую возможность придания экспериментатором этому слову каждый раз различных нюансов (см. протокол заседания 20-го сент. с. г.), В. Л. Дуров побуждает «Марса» начинать лай путем односложного «ну»! которое заставляет совершенно отбросить мысль о каких-либо возможных вариациях в способе произнесения или в особом ударении словесного приказа. Собака сразу реагирует на однотонное короткое восклицание «ну!».

Результаты опытов таковы:

Задание:	Исполнение:
4	3
2	2
1	1
5	4
3	3
6	5 (6-й раз не ясно).
8	6
1	1
3	3
7	5
После короткого перерыва:	
3	3
6	4
2	1 (2-й раз неясно).
8	8
1	1
6	6
7	5
2	2
4	1
9	9

Далее, по предложению Н. А. Лев, приступают в первый раз к попытке внушения «Марсу» произвести известные действия, заранее определенные присутствующими, принимая во внимание методику аналогичных опытов, проделанных над прежними собаками В. Л. Дуровым, в особенности над «Пикки», которые поддавались мысленному внушению и послужили предметом специальных исследований академика В. М. Бехтерева и его ассистентов. Н. А. Лев полагает, что для начатия опытов с «Марсом» в этом направлении уже имеются достаточные психологические предпосылки: исключительный интеллект данной

собаки, ее способность к сосредоточению, ее внимание, податливость, быстрая «доместикация» и умение «апортировать».

Экспериментатор В. Л. Дуров. Ассистируют проф. Г. А. Кожевников и И. А. Лев, находящиеся в непосредственной близости к экспериментатору. «Марс» достаточно насытился, получив во время предыдущих опытов с лаем большое количество сырого мяса в качестве «вкусопоощрения», и потому несколько инертен и ленив.

Собака пред началом каждого эксперимента отводится в сторону для того, чтобы ею остались незамеченными приготовления к опытам. Опыты происходят один за другим, с короткими интервалами между ними.

1-й опыт. И. А. Лев кладет на мягкое зеленое кресло, стоящее у стены, ярко выделяющийся белый носовой платок В. Л. Дурову надлежит мысленно приказать собаке принести в зубах этот платок. Экспериментатор приказывает «Марсу» вскочить на кресло, отстоявшее от другого кресла с лежащим платком на расстоянии нескольких шагов в прямом направлении; берет голову собаки в руки и в течение очень короткого времени (от 10 до 15 секунд) фиксирует ее пристальным взглядом. Собаке это, видимо, неприятно. Она силится высвободится. Тогда В. Л. Дуров подается назад, произносит громко и властно «алле!». Собака одно мгновение в нерешительности, затем стремительно соскакивает с кресла и сразу направляется, не оборачиваясь к экспериментатору, к носовому платку, который захватывает зубами. Собака в нерешительности: что сделать с платком. В. Л. Дуров принимает его и поощряет «Марса» куском мяса.

2-й опыт. По предложению проф. Г. А. Кожевникова, В. Л. Дурову надлежит мысленно внушить «Марсу» принести тот же белый носовой платок, положенный на круглую белую мягкую табуретку, отстоящую от кресла, на котором сидит «Марс», на вдвое большем расстоянии; чем в 1-м опыте, притом не в прямом направлении, а в более сложном: для того, чтобы найти платок, собаке понадобится пробежать в прямом направлении до угла стола и далее повернуть направо мимо кушетки и столика с лампой.

В. Л. Дуров применяет прежний прием: захватывает голову собаки обеими руками, усиленно фиксирует ее взглядом в течение очень короткого промежутка времени и, отступив несколько назад, выкрикивает «алле!». «Марс» берет верное направление, но не добегает до табуретки с платком, а останавливается против кушетки, на которой лежит круглая подушечка, и впивается зубами в этот предмет.

Проф. Г. А. Кожевников полагает, что данная ошибка «Марса» в высокой степени характерна и показательна, ибо круглая белая подушечка, в силу случайности, подходит до точности на мягкую белую обивку круглой табуретки по форме, очертаниям, величине, цвету и прочим признакам. Вследствие последнего обстоятельства, проф. Г. А. Кожевников делает предположение, к которому безоговорочно присоединяется И. А. Лев, что В. Л. Дуров, вероятно мысленно зафиксировал в мозгу собаки очертания белой табуретки, к которой «Марсу» надлежало направиться: но «Марс», по тождеству признаков, направился не к белой круглой табуретке, а к белой круглой подушечке. Предположение это находит подтверждение в показании В. Л. Дурова, который в процессе внушения мысленно «зарисовывает» собаке весь путь, который ей придется

проделать, все предметы, встречающиеся на этом пути и, в особенности, конечный объект, к которому, согласно задания, следует направиться собаке.

3-й опыт. Условия те же. По предложению проф. Г. А. Кожевникова, собака должна подойти к портфелю, лежащему на табуретке, в направлении обратном, чем в 1-м и 2-м опытах.

После мгновенной фиксации В. Л. Дуровым «Марса» и окрика «алле», последний безошибочно исполняет задание, причем, подходя вплотную к портфелю, собака попятилась назад, не сводя глаз с него, поджав хвост и подняв испуганно уши, и потом осторожно стала приближаться к портфелю и обнюхала его.

4-й опыт. Проф. Г. А. Кожевников предлагает на сей раз видоизменить условия опыта. Надлежит «Марсу» внушить остаться на месте (на мягком зеленом кресле) и взять зубами зеленую покрышку для клавишей рояля, накинутую на спинку этого же кресла.

В. Л. Дуров в течение короткого промежутка времени фиксирует «Марса» пристальным взглядом, но побуждает последнего исполнить задание не обычным восклицанием «алле»!, а окриком: «Марсик»!.

Собака, сохраняя прежнее положение, поворачивает голову и захватывает ткань зубами.

По мнению проф. Г. А. Кожевникова, следует обратить внимание на ось зрения экспериментирующего: голова собаки на той же линии, что и предмет, к которому следует прикоснуться. [1]).

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 38

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 4 октября 1921 г.

Присутствуют: почетный гость академик В. М. Бехтерев, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев.

Начало заседания 9 часов вечера. Предметом занятий были опыты с немецкой овчаркой «Марс» которому надлежит пролаять цифры, заранее определенные присутствующими. Экспериментатор В. Л. Дуров—в нескольких шагах от собаки, которая помещается на мягком кресле. Лай недостаточно отчетлив и чист, ибо опыты в этом направлении начаты лишь недавно.

Результаты опытов таковы:

Задание:	Исполнение:
4	4
3	3
5	5
2	2
6	6

Нижеследующие опыты происходят при новых условиях: В. Л. Дуров заграждается от «Марса» ширмами, покрытыми простыней.

Задание:	Исполнение:
6	6
2	3
5	5
3	(4) 3
4	4
1	результат неопределенный.
5	5
4	5
2	2 (3)
6	(3) 6

Условия опытов прежние, но экспериментирует академик Бехтерев в присутствии В. Л. Дурова, проф. Кожевникова и И. Лев.

3	3
2	2 (3)
4	4
1	1
6	4

Далее происходит опыт усыпления В. Л. Дуровым «Марса» пристальной фиксацией взглядом. По истечении 2-х минут «Марс» засыпает. Проф. Г. А. Кожевников подносит к морде собаки кусок сырого мяса. Она не просыпается. Констатируется потеря чувствительности к запахам.

Дуров предупреждает, что он мысленно заставит «Марса», после пробуждения, потянуться и почесать правый и левый бок. Собака исполняет задание.

Повторение тех же опытов потягивания и почесывания при новых условиях, когда экспериментатор находится за ширмами и за плотно прикрытой дверью, не удаются.

После перерыва происходят опыты внушения «Марсу». Экспериментатор В. Л. Дуров. Присутствующие находятся в непосредственной близости к экспериментатору. «Марс» достаточно насытился, получив во время предыдущих опытов с лаем большое количество сырого мяса в качестве «вкусопоощрения», и потому несколько инертен, ленив.

Собака пред началом каждого эксперимента отводится в сторону для того, чтоб ею остались незамеченными приготовления к опытам. Опыты происходят один за другим с короткими интервалами между ними.

Первый опыт. В. Л. Дурову падлежит мысленно приказать собаке ткнуться мордой в подушку, отороченную красной лентой, лежащую на диване, отстоящем от собаки на расстоянии 7 шагов. На диване лежит рядом пять подушек. Экспериментатор приказывает «Марсу» вскочить на кресло, берет его голову в руки и в течение очень короткого времени (от 10 до 15 секунд) фиксирует его пристальным взглядом. Собака силится высвободиться. Тогда В. Л. Дуров подается назад, произносит громко и властно: «Алле». Собака одно

мгновение к нерешительности, затем стремительно соскакивает с кресла и сразу направляется к подушке с красной оторочкой и пытается схватить ее зубами.

Второй опыт. Проф. Г. А Кожевников помещает футляр от очков на стуле, стоящем в противоположном направлении от собаки. В. Л. Дурову надлежит внушить «Марсу» подойти к футляру. Собака исполняет задание при аналогичных условиях внушения.

Третий опыт. «Марсу» надлежит приблизиться к желтой картонке, лежащей на столике у окна. Опыт не удается. «Марс» ошибочно поворачивается к папке того же цвета, что и картонка. Папка лежит на рояли. После этого собака перестает реагировать на приказания и уходит под стол.

В. Бехтерев.
В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. А. Лев.

ПРОТОКОЛ № 39

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 10-го октября 1921 г. Начало заседания 10½ часов вечера.

Присутствуют: академик В. М. Бехтерев, профессор Саратовского университета П. П. Подъяпольский, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник «Уголка» И. А. Лев.

Предметом занятий были опыты мысленного внушения немецкой овчарке «Марс». Экспериментатор В. Л. Дуров. Присутствующие находятся в непосредственной близости к экспериментатору.

В. Л. Дуров заявляет, что инертность собаки объясняется тем, что вчера, вследствие недосмотра служащего, «Марс» объелся кониной.

1-й опыт. В. Л. Дурову надлежит, по предложению проф. Г. А. Кожевникова, мысленно приказать собаке подойти к дивану (тому же, что при предыдущем опыте, см. протокол от 4-го окт. с. г.) и ткнуться в светло-зеленую подушку, лежащую второй справа на зеленом диване. В. Л. Дуров берет собаку, ее голову в руки, пристально фиксирует ее взглядом и произносит: «Алле!». Марс соскакивает с кресла, берет верное направление, но не добегает к дивану, отстоящему от кресла на расстоянии трех шагов. По прошествии 10 минут. опыт повторяется при тех же условиях. После пристальной фиксации, В. Л. Дурова, «Марс», при выкрике «алле!» срывается с места, направляется к дивану и ткнулся мордой в светло-зеленую подушечку, согласно задания опыта.

В. Л. Дуров делает заявление, что исполнение данного опыта сопровождалось для него, экспериментатора, большой затратой нервной энергии. Проф. П. П. Подъяпольский констатирует, что в данный момент, у В. Л. Дурова—пульс 120 в минуту.

2-й опыт: условия опыта модифицируются: по предложению академика В. М. Бехтерева, задание пишется проф. Г. А. Кожевниковым на записке, которая передается им для прочтения В. Л. Дурову. Задание известно лишь проф. Г. А. Кожевникову, но все остальные ассистирующие

при опыте таковаго задания не знают. В. Л. Дуров читает записку и внушает собаке. Опыт не удается. Задание состояло в том, что «Марсу» надлежало подойти к стулу и ткнуться мордой в лежащую на стуле газету.

Далее, В. Л. Дуров демонстрирует серого попугая «Жака», у которого он вызывает процесс токования на руке.

После перерыва вновь приступает к опытам над «Марсом». В. Л. Дурову надлежит приказать собаке лаять определенное количество раз.

Задание:	Исполнение:
4	4
5	5
5	5
7	7 (6)
2	2

Нижеследующая группа опытов происходит при экспериментаторе В. Л. Дурове, удаляющемся в соседнюю комнату. По заявлению В. Л. Дурова, собака еще не усвоила необходимости лаять, когда экспериментатор за дверью. По заявлению В. Л. Дурова, эти опыты происходят с целью приучения.

5	2 (при повторении—4).
3	3
6	2

В 12 ч. 35 м. В. Л. Дуров делает попытки усыпления внушением «Марса». Собака начинает засыпать, но в 12 ч. 38 мин., «Марс» срывается с места и убегает в дальний угол комнаты. По предложению В. Л. Дурова, собака устремилась в сторону, где появилась мышь.

В. Бехтерев.
П. Подъяпольский.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

В. Л. Дуров просит занести в протокол, что во время 2-го опыта, собака взяла правильное направление, но не доходила до цели.

В. Дуров.

ВЫПИСКА ИЗ ДНЕВНИКА В. Л. ДУРОВА.

9-го октября 1921 года.

Во двор «Уголка» был привезен воз с кониной. По недосмотру служащего находящийся во дворе «Марс» схватил с воза мясо и им объелся. Нос сухой. Вздутие живота. Поминутные газы. Угнетенное состояние, выражаемое в поминутном лежании. Уши отвисают в сторону. Едва заметное движение хвостом. Тяжелые вздохи. На зов, не вставая, слабо реагирует, еле двигая в сторону хвостом и чуть заметно ушами. Нервно-психическая деятельность подавлена. Двигательно-сочетательный рефлекс тормозится.

По предыдущим опытам с «Бишкой», «Запятайкой», «Лордом», «Пикки» и «Дэзи» такое состояние при внушении или не давало никаких реакций, или слабые.

При фиксации взглядом собака отворачивается; при вторичном настойчивом фиксировании сабака видимо пытается соскочить со стула, но вновь ложится, виновато опуская уши. Двигательный сочетательный рефлекс (как то: потягивание, почесывание) при аналогичном состоянии также тормозится. Собака, видимо, желает исполнить акт потягивания и даже делает первоначальное движение телом, но сейчас же или замирает на одном месте, или отходит, как бы виновато приложив уши к затылку и прижав хвост в сторону.

Проф. Бехтерев пишет в книге «Объективная психология», стр. 221: «Нервнопсихическая возбудимость сильно колеблется в зависимости от внутренних условий питания и кровообращения; возбудимость нервно-психической сферы оказывается неодинаковой в различные часы дня, доказательством чему служат экспериментальные исследования, производившиеся в лаборатории Крепелина и нашей (Останоков, Гранд и др.).

Ночь «Марс» провел тревожно, поминутно меняя место.

10-го октября 1921 года.

«Марс» весь день не получал пищи. К вечеру обычное его состояние постепенно восстанавливалось. В 11 часов вечера начались опыты (см. протокол № 59).

Явное торможение всех его движений. Мое психическое состояние возбуждено по следующим причинам: ожидание съезда профессоров на опыты при таком состоянии перципиэнта; сознание, что заседание сопряжено для профессоров с особой затратой времени и материальных средств; проф. Бехтерев экстренно уезжает в Петроград, а проф. Подъяпольский, приехавший из Саратова, посещает «Уголок» в первый раз. Пред началом эксперимента с «Марсом» потухло электричество во всем квартале; при предложении начать опыты, я заметил по внешнему виду собаки ее угнетенное состояние. Силясь развеселить собаку, я видел слабые результаты. Я волновался, досадовал. Холодный пот выступал у меня на лбу. Внушая, заранее предрешал неудачу опыта, и это меня еще более нервировало. Напрягая особенно сильно свою энергию, против обыкновения, я мог все таки заставить собаку желать исполнить внушаемое. «Марс» (как видно из протокола) пошел неохотно по правильному направлению, но остановился близко от цели, почесался и получилось торможение. Следующий опыт, при моем еще более усиленном напряжении энергии, собака неохотно, вяло исполнила. (Пульс мой 120 в минуту). При последующем опыте повторилось то же самое: собака шла по нужному направлению, но на полпути остановилась.

Опыты эти показывают, что нервно-психическая возбудимость как перципиэнта, так и экспериментатора играет большую роль в опытах «внушения». Состояние здоровья обоих, предшествующие факты, могущие оставить след, часы опытов, утомление, раздражение, отвлеченное внимание и сосредоточение играют громадную роль при внушении и вызывании сложных сочетательных рефлексов и ассоциаций идей.

ПРОТОКОЛ № 40

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 14-го октября 1921 года.

Заседание начинается в 11½ ч. вечера.

В. Л. Дуров, ссылаясь на протокольное постановление от 27-го января с. г. (см. протокол № 28), основанное на предложении преподавателя Московского Государственного университета В. В. Бунака об использовании животного материала «Уголка» для изучения выразительных движений животных, зафиксированных фотографическим путем, демонстрирует 30 снимков опытных животных «Уголка», работы В. И. Улитина, моментально сфотографированных специально приспособленной зеркальной камерой, где счастливым образом схвачены характерные моменты, выразительные проявления некоторых рефлексов и инстинктов у животных.

По предложению проф. Г. А. Кожевникова, приступают к опытам так называемого «мысленного» внушения собаке «Марс».

В. Л. Дуров заявляет, что к концу дня он находится в состоянии сильного нервного переутомления, влияющего на него угнетающим образом.

Задание проф. Г. А. Кожевникова состоит в том, что В. Л. Дурову надлежит внушить собаке подойти к креслу, стоящему от нее на расстоянии 5 шагов, и прикоснуться мордой к зеленой подушке, прислоненной к спинке кресла.

В. Л. Дуров фиксирует «Марса» взглядом, но попытка внушения дважды не удается. В третий раз собака берет верное направление, но к цели не доходит.

Далее, В. Л. Дуров предлагает внушить собаке исполнить его, Дурова, задание; направиться к рядом стоящему роялю и взять в зубы край клеенчатой покрышки рояля, окрашенной в черный цвет.

Первая фиксация взглядом не приводит к положительным результатам, но при повторном опыте фиксации, собака исполняет задание; решительно направляется к роялю и хватает зубами покрышку.

Вслед за сим проф. Г. А. Кожевников предлагает В. Л. Дурову снова повторить неудавшийся в начале заседания опыт внушения прикосновения к зеленой подушке.

В. Л. Дуров повторяет опыт, но и на сей раз «Марс» задания не исполняет.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 41

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 23-го октября 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

И. А. Лев докладывает о статистических таблицах с зафиксированными результатами лая «Дэзи», которые профессором Г. А. Кожевниковым будут переданы проф. Л. К. Лахтину для обработки с точки зрения теории

вероятности (вместе с копией протокола за № 14 для ознакомления с методом ведения записей лая во время экспериментов).

В. Л. Дуров читает выдержки из своего «Дневника»: наблюдения над обезьянами, лисицами, «Марсом» и другими животными. Проф. Г. А. Кожевников считает «Дневник» заслуживающим научного внимания, при условии устранения разрозненности записей и систематизации материала[1])

Далее приступают к опытам, так называемого «мысленного внушения» «Марсу».

Первый опыт—12 ч. 15 минут ночи. Экспериментатор В. Л. Дуров.

Задание проф. Г. А. Кожевникова состоит в том, что В. Л. Дурову надлежит внушить собаке прикоснуться к свертку стекляруса, лежащему на диване в 6-ти шагах от кресла, на котором сидит «Марс».

В. Л. Дуров фиксирует собаку взглядом. «Марс» соскакивает с кресла и берет неправильное направление, но после вторичной фиксации (спустя минуту) опыт удается.

Экспериментатор В. Л. Дуров объясняет успех этого опыта тем, что собака свежа, не устала, и ему, Дурову, легко было себе представить такой блестящий предмет, как стеклярус.

Второй опыт—12 ч. 30 м. ночи. Задание проф. Г. А. Кожевникова: собака должна подойти к креслу и прикоснуться мордой к зеленой подушке, прислоненной к спинке кресла (задание такое же, как на заседании от 14-го октября с. г.—протокол № 40).

В. Л. Дуров делает три попытки внушения «Марсу», но опыт не удается.

Третий опыт—12 ч. 30 м. ночи. По заданию проф. Г. А. Кожевникова, «Марс» должен проделать то же самое, что в сегодняшнем первом опыте.

Экспериментатор В. Л. Дуров фиксирует «Марса» взглядом, после чего «Марс» берет верное направление, но, не дойдя до цели, садится на ковер. При вторичной фиксации берет неверное направление и ложится. Затем в третий раз берет верное направление, но проходит мимо цели.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 42

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 3-го ноября 1921 года. Начало в 10½ ч. вечера.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает, что им получено 4-го ноября с. г. письмо от проф. Г. П. Зеленого из Петрограда о согласии академика И. П. Павлова посмотреть животных «Уголка», в случае приезда В. Л. Дурова в Петроград. Проф. Г. П. Зеленый рекомендует сейчас по приезде посетить физиологическую лабораторию Академии Наук (Университетская набережная, 5).

---

[1]) Чтение В. Л. Дуровым записей своих наблюдений над животными из «Дневника» происходило многократно и не всегда заносилось в протокол. Обсуждения этих записей занимали иногда много времени, но не протоколировались.

Присутствующие на заседании полагают, что было бы крайне желательно обменяться мнениями со знаменитым физиологом И. П. Павловым по поводу спорных вопросов зоорефлексологии и, в частности, дрессировки, как зоопсихологического метода.

Далее В. Л. Дуров читает свою докладную записку о расширении научных работ «Уголка» и о предлагаемой им новой системе протоколирования заседаний.

В 11 ч. 45 м. вечера приступают к опытам так называемого «мысленного внушения» собаке «Марс». По общему впечатлению—собака больна.

Проф. Г. А. Кожевников предлагает в дальнейшем иллюстрировать протокольные записи опытов мысленного внушения схематическим планом того пути, который проделывает опытное животное: правильного пути, когда оно удачно исполняет задание, и неправильного, когда делает ошибки.

В. Л. Дуров предлагает нижеследующее задание: «Марс» должен соскочить со своего кресла и направиться (расстояние 7 шагов) к кипе белой бумаги (оборотная сторона плакатов), лежащей на тумбочке.

Экспериментатор В. Л. Дуров фиксирует «Марса» взглядом. Собака соскакивает со стула, но берет неверное направление, подбегая к большому дивану, и ложится возле дивана на ковре.

Вторичная фиксация дает те же результаты: «Марс» идет туда же и вновь ложится.

После третьей фиксации и понукания экспериментатора, собака направляется к тумбе и обнюхивает лежащую на ней бумагу.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В. Л. ДУРОВА.

Цель настоящей моей записки к сегодняшнему заседанию есть предложение коренного изменения составлений всех последующих наших протоколов. Все экспериментальные опыты, фиксируемые нами, не имеют должного всестороннего освещения, а потому и обесцениваются, как производительная работа, могущая нас направить в дальнейшем на правильный путь к точному выводу и заключению. По моему, должно каждое отдельное мнение ученых сотрудников нашего учреждения рассматриваться на заседаниях и заноситься в протокол, чего до сих пор нами не делалось. Каждое заседание должно строго разделяться на заранее определенные, интересующие нас вопросы по зоопсихологии, например: прочтение из дневника моих наблюдений: вопросы о рефлексах и выражении ощущения у животных; внушение и связанные с ним опыты: текущие дела и вопросы, связанные с производительностью работы нашего учреждения. Этот порядок даст возможность мне работать гораздо продуктивнее. Мои доклады и ежедневные наблюдения, занесенные в дневник, как постоянную текущую работу, необходимо тут же дополнять или сокращать по заключению сотрудников, которые могут попутно затрогивать новые вопросы, связанные с ними сомнения, неясность и т. д. Этим можно создать новую струю изменения следующей недельной работы. Вторым очередным

вопросом должно быть уделено наше внимание на разбор простых и сложных рефлексов, вызываемых мною у животных, история их возникновения, нахождение способов их проверок, ссылка на литературные авторитеты, проверка в будущем аппаратами и т. д.

Третья часть заседания: эксперименты с внушением животным, при чем, эксперименты, как недавно пожелал Григорий Александрович, по силе возможности должны быть обставлены как можно тщательней, т.-е., в протоколы непременно будут заноситься в особую рубрику измерения температуры и пульса экспериментатора и перципиэнта.

Сегодняшнее заседание, по моему, должно служить первым официальным нашим общим постановлением изменения ведения протоколов, в связи с расширением нашей работы, тем более, что в расширении заинтересован Наркомпрос, который обещает нам дать возможность проводить ее в лучших условиях.

Большая часть предыдущих наших заседаний была посвящена исключительно опытам внишения, и тем как бы затирались другие вопросы и факты, вытекающие из моей работы. Эти факты, как я неоднократно заявлял на заседании, есть корень тех явлений, которые мы наблюдаем в интересующих нас внушениях. Мне кажется, что, работая, таким образом, мы будем приближаться к выяснению сущности явлений. В настоящее же время, отчасти, игнорируя разборку условных сочетательных рефлексов и ассоциаций по смежности у наших животных, мы или переоцениваем, или недооцениваем эти явления, а потому, может быть, экспериментируем совсем не так, как должно быть.

Позволяю себе уклониться немного в сторону. У нас как бы установилось мнение, что прежде мы должны накопить достаточное количество фактов и опытов, а затем их классифицировать и разбирать по всем статьям. Укажу, например, на нашу работу с «Дэзи». Статистические данные, которые, по нашему предположению, могут подойти к теории вероятности. Но тут я должен напомнить, что до опытов над «Дэзи» и после них были произведены и другие аналогичные работы, и если предположить, что статистические данные опытов «Дэзи» недостаточно выяснят вопрос о внушении, то мы будем еще иметь материалы опытов с другими животными, тем более, что к ним надо причислить все опыты усыпления, внушения, почесывания, зевоты, чихания и т. д. Эти все сочетательные рефлексы, вызванные внушением, также должны подвергаться статистическим исчислениям, тем более, что происхождение их, вызванное мною внишением, как таковое, до сих пор нами не отвергнуто. На этих основаниях, я и прошу в каждом заседании ставить вопрос об условных сочетательных рефлексах, об ассоциации идей у животных рядом с экспериментами внушений лая, дутья и др. По вопросу о выявлении этих ассоциаций внушением я предлагаю сегодня же выслушать мой доклад и ссылку на авторитет Бехтерева и др.

ПРОТОКОЛ № 43

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 20-го ноября 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров читает свой доклад, посвященный вопросу о «мысленном воздействии» на поведение животных.

Тезисы докладчика таковы: Внушать можно животным, как и людям.

Внушение следует определить как акт, наталкивающий на оживление следов в коре головного мозга животного. Животные обладают особой способностью, недооцененной людьми, подмечать и предугадывать различного рода движения и изменения в окружающей обстановке, вплоть до атмосферических изменений. Необъяснимыми для нас являются пока факты успешного внушения на расстоянии и за экранами, исключающими, повидимому, возможность для животных следить за внушающим экспериментатором.

Проф. Г. А. Кожевников полагает, что в нашем распоряжении имеется еще недостаточно опытов «мысленного внушения», чтобы можно было с большей или меньшей определенностью теоретически обосновать природу этого явления. Во сяком случае, проблема «мысленного внушения»—одна из самых интересных в зоопсихологии, и над ней стоит интенсивно продолжать работать.

И. А. Лев, анализируя отдельные положения доклада, приходит к заключению, что главное внимание должно быть обращено в дальнейшем на лабораторную обстановку опытов, так называемого, «мысленного внушения». Только при устранении всевозможных посторонних влияний, могущих отразиться на научной чистоте опытов, возможно будет выдвинуть гипотезу о непосредственной передаче человека животному мыслей на расстоянии. Пока же a priori можно сказать на основании имеющегося материала, что удачные результаты некоторых опытов «мысленного внушения» нельзя объяснять случайным простым совпадением.

Перед нами чрезвычайно сложное явление, мимо которого нельзя проходить равнодушно, как это делают иные скептики: его надо всесторонне исследовать и постараться объяснить.

Далее, проф. Г. А. Кожевников реферирует статью проф. N. F. Ziegler „Das Gedächtniss des Hundes“ напечатанную в „Zoologischer Anzeiger“ за ноябрь 1919 г. Этот журнал лишь недавно получен из Германии и является в России новинкой зоологической литературы.

Проф. Циглер,—после того, как он убедился путем личных многократных наблюдений над эльберфельдскими лошадьми и мангеймской собакой, что животные действительно в состоянии считать и складывать слова из букв,—признает своим научным долгом констатировать правильность новых наблюдений, несмотря на то, что он сознает, с каким трудом вводятся в науку новые открытия, не соответствующие общепринятым мнениям, тем более, когда они сделаны простыми смертными.

Кроме мангеймской собаки, стало известно еще о десяти других собаках, которые научились складывать слова из букв.

Профессор Циглер неохотно решился содержать собаку во время войны, в виду трудности ее прокормления. Но он счел, наконец, для себя необходимым самому обучить животное, чтоб проследить путем личного наблюдения развитие удивительной способности к счету и складыванию букв.

До того, как животному исполнился год, он не мог добиться определенных результатов. Собака, хотя и выстукивала на руке числа, но не проявляла понимания к абстрактному счету. Циглер пытался с самого начала приучить животное выстукивать не на руке, а на дощечке. Это не удавалось. Собака пыталась грызть дощечку, но не стучать по ней.

Все считающие и складывающие буквы животные решают задания лишь вследствие побудительной причины: понравиться хозяину, чтоб получить от него вознаграждение.

Когда собаке исполнилось 14 месяцев, Циглер возобновил обучение, тратя на это около 10 минут ежедневно. Очень скоро он достиг того, что животное спокойно перед ним сидело и внимательно в него всматривалось. Собака выстукивала цифры на его руке, при чем Циглер одновременно с ней громко считал. Спустя несколько дней собака поняла, что от нее требовали, и знала цифры от 1 до 10. Вначале надо был помогать знаками, но скоро в этом не стало нужды. Собака обнаружила в счете такое же удивительное понимание, какое поражало всех наблюдателей других собак-математиков и, в особенности, эльберфельдских лошадей. В особенности Циглеру удавалось разъяснить собаке, как ребенку, путем сложения—вычитание и умножение.

После этого он составил таблицу букв и первым делом принялся за гласные. Спустя несколько дней собака это усвоила, так что он смог присоединить несколько согласных. Вначале собака выстукивала неуверенно, и ему приходилось заставлять ее часто повторять.

В процессе обучения ясно обнаруживается, как животное перестает нуждаться в знаках, вначале применяемых. Это весьма понятно, так как устанавливается непосредственная ассоциация между буквой и числом.

Если он показывал, например, собаке, что буква «А» соответствует четырем ударам, и это повторялось 20 или 30 раз, то связь между звуком «А» и «4» постепенно укрепляется, и тогда не требуется никакого знака и никакой помощи. На этой ассоциации основывается вся тайна складывания букв.

Раз в мозгу животного установился путь, который ведет от слухового восприятия букв к акустически вспоминаемому изображению чисел и к моторному центру движения конечностей, то это надолго сохраняется. Нечего опасаться, что животное забудет заученное.

Противники все еще утверждают, что все действия складывающих буквы животных основываются на какой-либо подаче знаков. Они делают вид, как будто ничего не знают о различных опытах, которыми с определенностью исключается передача знаков. Это совершенно не научное поведение.

Доказательство, что складывание букв собаками не обусловлено знаками, лежит в том, что они делают часто то, что совершенно неизвестно лицу, которое принимает ответ.

Самое интересное доказательство правильности действий собак проявляется часто в совершенно неожиданном и оригинальном способе самостоятельных ответов, вызываемых не волей или мыслями экспериментатора, а мыслями и чувствами животного. В литературе имеется много таких примеров.

Научное значение нового метода складывания букв состоит в том, что он дает возможность удивительным образом проникнуть в мысли животного, как это не удается при каком-либо другом способе. Путем высокомерного отрицания новых наблюдений не дойти к истине, а лишь тем путем, что научные исследователи сами займутся новым методом, который представляет большой и значительный шаг вперед.

Вслед за сим, профессор Кожевников цитирует ряд сообщений Циглера о случаях, так называемых, самостоятельных высказываний собак, когда животные не только отвечают на поставленные вопросы, но и выражают свои

мысли совершенно самостоятельно в виде целых предложений путем выстукивания букв.

При подобном обсуждении статьи проф. Циглера, проф. Кожевников высказал мнение, что с опытами Циглера в области счета и складывания букв собаками следует считаться как с фактами, имеющими высокий научный интерес, но зато случаи самостоятельных высказываний собак трудно объяснимы, и ученым должно подходить к ним с большой осторожностью. Проф. Г. А. Кожевников предполагает обратиться к автору статьи Циглеру с запросом по поводу описанных случаев.

В. Л. Дуров относится совершенно отрицательно к гипотезам о способности каких бы то ни было животных к сознательному счету, складыванию букв, а тем более высказыванию мыслей путем выстукиваний.

И. А. Лев, вспоминая предыдущую немецкую литературу по затронутым на заседании вопросам, находит, что работа проф. Циглера замыкает некоторый круг: опыты с выстукиванием животными цифр и букв поставлены были впервые не специалистами-учеными (фон-Остен, Краллъ, Мекель) и завершены ныне известным зоопсихологом штутгартским профессором Циглером. Имя немецкого ученого и факт напечатания статьи в « Zoologischer Anzeiger » органе «Немецкого Зоологического Общества» является ручательством, большим или меньшим, что эксперименты происходили в научной обстановке, под должным научным контролем и не являются результатом мистификации или шантажа. С другой стороны, случаи самостоятельных высказываний животных требуют самой строгой научной проверки, тем более, что они знаменуют решительный поворот во взглядах на психологию животных.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 44

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 30-го ноября 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев.

В связи с неоднократным обсуждением вопроса о желательности гистологического исследования мозгов собак, профессор Г. А. Кожевников цитирует некоторые места и демонстрирует ряд рисунков двухтомного капитального труда проф. мадридского университета S. Ramon Cajal „Histologie du systeme nerveux de l'homme et des vertebrés“ Edition francaise revue et mise a jour par l'auteur. Traduite de l'espagnol par le Dr. Azoulay—Tome premier (Paris 1909). Tom II (Paris 1911).

Далее, И. А. Лев реферирует труд Dr. Stefan von Maday „Psychologie des Pferdes und der Dressur“ (Berlin 1912).

В части, касающейся проблемы так называемого «мысленного внушения», Мадай (стр. 276), основываясь на монографии О. Пфунгста Das Pferd des Herrn von Osten. „Leipzig 1907 указывает на Rouhet, автора большого труда о дрес-

сировке, который представлял себе, что он добился аппортирования лошади путем внушения („Suggestion“), Свои мысли Rouhet со всей энергией концентрировал на носовом платке, который должна была лошадь аппортировать.

И. А. Лев находит, что научную литературу вопроса крайне трудно исчерпать, в виду оторванности России от мирового книжного рынка, но в библиотеке «Уголка» книга Мадая является первой, где упоминается опыт так называемого мысленного воздействия на поведение животных, опыт, аналогичный экспериментам В. Л. Дурова. Опыты последнего над собаками, в особенности над покойным «Пикки» и ныне живущим «Марсом», сложнее и многочисленнее того, что цитирует Мадай, но во всяком случае надлежит принять в соображение, что В. Л. Дуров не стоит одиноко в области вопроса внушаемости. Работы нескольких лиц, самостоятельно получивших одинаковые результаты, обязывают людей науки не «отмахиваться» от парадоксального на первый взгляд, но отнестись со всей серьезностью к выдвинутым вопросам и подвергнуть их проверке и посильному истолкованию.

В процессе прений по поводу книги Мадая о различии явлений внушения, гипноза и каталепсии—И. А. Лев предложил В. Л. Дурову иллюстрировать состояние каталепсии на опыте, но только не на птицах (ибо над ними проделано в «Уголке» много опытов), а на каком-нибудь грызуне.

В. Л. Дуров берет морскую свинку, кладет ее на подушку, сразу опрокидывает, несколько секунд придерживает в одном и том же положении, и свинка становится неподвижной: ее укалывают иглой, подносят зажженную спичку к лапке животного так близко, что загорается шерсть, но свинка продолжает лежать.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 45

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 14-го декабря 1921 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, профессор Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников и научн. сотрудник И. А. Лев.

Проф. Н. А. Иванцов, как инспектор при Управлении научных учреждений академического центра Наркомпроса, командирован означенным Управлением в «Уголок» для ознакомления с его структурой и определения научно-просветительного значения «Уголка».

Проф. Г. А. Кожевников и И. А. Лев докладывают о состоянии научных работ «Уголка», а В. Л. Дуров знакомит проф. Н. А. Иванцова со своими наблюдениями, заносимыми в «Дневник», и демонстрирует вызванные им и закрепленные ассоциации по смежности у животных.

Проф. Г. А. Кожевников передает заключение профессора 1-го Московского Государственного университета Л. К. Лахтина в письменной форме о доставленных ему, Лахтину, результатах опытов мысленного воздействия над собакой «Дэзи».

Для суждения о том, были ли ответы «Дэзи» (путем лая или дутья в рожок) на вопросы экспериментаторов случайными или нет,—А. К. Лахтин

подвергнул доставленный ему статистический материал математической обработке и, применив особый метод английского математика Пирсона, изложенный им в томе 50 журнала „Philosophical Magazine“, пришел к следующему заключению:

«На основании доставленного мне числового материала и не входя в предположение о сущности явления, могу определенно сказать, что ответы собаки не были делом случая, а зависели от воздействия на нее экспериментаторов. 10/XII—1921 г.». Подлинное заключение пр. Л. К. Лахтина см. в конце протоколов.

В виду необходимости подготовления материалов для составления отчета о деятельности «Уголка» за 1921 год, предложено научному сотруднику И. А. Лев составить к следующему заседанию список животных, у которых в течение отчетного периода установлены были различного рода ассоциации по смежности (условные рефлексы) путем дрессировки.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 46

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 23 декабря 1921 г.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев.

Предметом занятия служат опыты лая «Марса» определенное количество раз, согласно заданий экспериментаторов. Экспериментатор В. Л. Дуров в нескольких шагах от собаки.

Задание:	Исполнение:
5	5
6	6
1	2
4	6

В виду того, что собака перестала громко лаять, предпринято упражнение для вызывания отчетливых ответов.

Задание:	Исполнение:
6	7
3	3
5	5
7	8
4	5
7	7

В. Л. Дуров выходит в смежную комнату и закрывает за собою двери. «Марс»—на том же кресле:

Задание:	Исполнение:
3	3
6	4
2	5
5	[illegible]

Далее происходят опыты так называемого «мысленного внушения» «Марсу». Экспериментатор—В. Л. Дуров фиксирует собаку взглядом. Задания дает проф. Г. А. Кожевников.

1) Задание: подойти к подушечке, лежащей на кресле.

Вначале «Марс» итти не желает; затем подходит к креслу, но подымает голову к окну.

2) Задание: подойти к желтой подушечке, лежащей на диване.

Первый раз приближается к профессору Г. А. Кожевникову, второй подходит к подушечке, тычет в нее мордой.

3) Задание: подойти к сидящему на кресле Г. А. Кожевникову и лизнуть у него руку.

Вначале итти не желает. Затем подходит к профессору, но руки не лижет. Идет к столу и ложится на ковер. Еще раз: подбегает к проф. Кожевникову и хватает свесившуюся руку.

4) Задание: проф. Г. А. Кожевников предлагает внушить собаке подойти к столу, на котором лежит необычная вещь—носовой платок (в противоположность подушке, лежащей обычно на диване). Профессор заранее высказывает предположение, что этот опыт будет удачен, ибо белый носовой платок, вероятно, бросится в глаза собаке, привыкшей к обычному расположению предметов обстановки.

Первый раз «Марс» подходит к столу. Второй раз сразу подбегает к стулу с лежащим на нем носовым платком.

По окончании опытов над «Марсом» по вопросам внушаемости происходит, в связи с этими опытами, обмен мнений по поводу памяти у животных.

И. А. Лев, перелистывая папку с протоколами, предлагает повторить какой-либо опыт, поставленный в «Уголке» год тому назад, и таким образом проверить силу памяти, например, у попугаев. Он читает следующую выдержку из протокола № 25 от 18 января 1921 г.:

«В. Л. Дуров сообщает, что когда недавно рыжий ангорский кот загрыз египетского голубя и волнистого попугайчика в той комнате, где находятся попугаи, последние подняли сильный крик. Для проверки того, что попугаи реагируют на появление рыжего кота, производится следующий опыт. Сначала В. Л. Дуров приносит серого ангорского кота. Попугаи совершенно спокойны. Но как только В. Л. Дуров приносит рыжего ангорского кота, попугаи приходят в беспокойное состояние. Ту же реакцию, но в меньшей степени, произвело на попугая присутствие чучела рыси».

На вопрос проф. Г. А. Кожевникова, где сейчас помещаются в «Уголке» кошки, В. Л. Дуров сообщает, что в верхний этаж здания, греческий

зал, где постоянно сидят попугаи, кошек около уже полугода не приносят (что удостоверяет также научный сотрудник И. А. Лев, наблюдающий животных в «Уголке» почти ежедневно). Кошки сидят в нижнем этаже, вместе с животными, предназначенными для детского театра при «Уголке». В этом единственное различие условий опыта сегодня и 11 месяцев тому назад, когда кошки содержались по близости от попугаев.

Cetaeris paribus (одна и та же обстановка комнаты, одинаковое расположение клеток с попугаями, те же кошки, то же самое чучело рыси и т. п.) начинается опыт сегодня.

Вносят серого ангорского кота («Пушок»). Помещают на стол. Вальсирует. В. Л. Дуров подносит его плотно к белому австралийскому какаду. Последний, а также рядом сидящий розовый и ара не реагируют ничем. Попугаи, помещающиеся у противоположной стены (серый жако и зеленый) совершенно безучастны к появлению «Пушка». Его уносят. Вносят рыжего ангорского кота. Моментальная реакция: белый какаду поднимает хохолок; розовый также поднимает хохолок и начинает передвигаться по своей перекладине с места на место; ара почти не волнуется. Но как только В. Л. Дуров подносит рыжего кота вплотную к ара, попугай мигом взъерошивается и делает несколько поворотов на трапеции. Убирают рыжего кота. Попугаи постепенно успокаиваются. Тогда вносят из смежного музея рыжеватое чучело молодой рыси. Снова реакция, но не столь бурная. Убирают чучело. Вносят вновь «Пушка», подносят вплотную к попугаю. В. Л. Дуров заставляет его вальсировать, прыгать. Какаду и ара уже абсолютно спокойны. Розовый немного волнуется.

Участники эксперимента восстанавливают в памяти по краткой протокольной записи все детали опыта, поставленного почти год тому назад и констатируют, что реакция тогда и ныне протекала совершенно одинаково. У попугаев установилась прочная ассоциация по смежности (появление рыжего кота, 11 месяцев тому назад загрызшего на глазах у попугаев 2-х птиц) в ассоциации по сходству (появление чучела молодой рыси, чрезвычайно похожей на рыжего кота). Эти ассоциации не диссоциировались в течение почти целого года.

Вслед за сим, в исполнение протокольного постановления от 14 дек., с. г. И. А. Лев читает список животных, у которых у «Уголка» В. Л. Дурова в течение отчетного периода установлены были различного года условные рефлексы путем дрессировки:

Пять лисиц бегут на звонок: ассоциируют получение пищи со звонком.

Лисица «Белянка»: балансирование на глобусе; прыжки в обруч; перевертывается («пируэт»).

Лисица «Рахитик»: под звуки дудочки вальсирует (ассоциация звука и действия с «вкусопоощрением»); качается на качели; садится на тумбу и подает лапку. Вертит барабан и таким способом подымает плакат.

Лисица «Вихрь»: саженный прыжок с одной тумбы на другую, зигзагообразное хождение между прутиков. Бросается с тумбы на трапецию, хватает перекладину зубами, повисает на ней и качается.

Лисица «Певунья»: кричит по команде.

Лисица «Желток»: складывает распростертый ковер в кучу. Ходит на задних лапах, делает «восьмерки» и танцует.

Ангорский кот «Пушок» повинуется команде вскочить на голову, плечо или руки. Ходит, балансируя, по вертикально поставленным прутикам. Вальсирует.

Поросенок «Чушка»: раскатывает свернутый ковер. Бежит на звонок. Подвигает цель для стрельбы из бутафорской пушки и стреляет из нее. Выкатывает рыльцем шар; «кланяется».

Медведь «Топтыгин»: вертит барабан, приводящий в движение пианолу. Звонит лапой в колокол. Ходит на задних лапах. Влезает на узкую лестницу, поставленную почти вертикально.

Курица: вальсирует под музыку. Дергает по команде струны на цитре, машет хвостом, вытирает гладкую поверхность стола клювом.

Заяц-беляк: барабанит. Заяц-русак: перелистывает мордочкой книжку. Стреляет из пушки. Поднимает флаг, дергая зубами веревочку.

Кролики (ангорские, фландры, бабочки): звонят в колокольчики, дергая зубами веревочку; везут коляску; утаскивают с коляски мешки; качают люльку; вальсируют; прыгают через один, два и три барьера; подымают и опускают флажки.

Морские свинки: одна опускает плакат, дергая веревочку; другая подымает его; третья подымает и спускает одновременно.

Козел вальсирует. прыгает в обруч; «кланяется».

В означенный список животных не включены дрессированные животные, о которых особо упоминается на протяжении протоколов 1921 года.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 47

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 28-го декабря, 1922 г. Начало в 9 ч. 50 мин. вечера.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, профессор Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников и научн. сотрудник И. А. Лев.

Предметом занятий служат опыты лая «Марса» определенное количество раз, согласно заданий экспериментаторов. Экспериментатор В. Л. Дуров в нескольких шагах от собаки. Цифры произносят профессора Н. А. Иванцов и Г. А. Кожевников.

Задание:	Исполнение:
5	5 (с интервалами).
3	4
7	3
2	2
1	5 (шестой раз неясно).
8	8
3	3 (В. Л. Дуров поворачивается: собака не видит его лица).

Далее, происходит модификация условий опыта: В. Л. Дуров выходит в смежную комнату и закрывает за собой двери. «Марс» на том же кресле.

Задание:	Исполнение:
5	5
2	2
9	6
2	6
2	2
6	5

Профессор Н. А. Иванцов предлагает фиксировать интервалы между одним лаем и другим. Констатируется, что первые цифры собака лает с малыми интервалами, а далее начинает учащенно лаять.

Вслед за сим происходят опыты так называемого мысленного внушения «Марсу». Экспериментатор—В. Дуров фиксирует собаку пристальным взглядом.

1. Задание: Надлежит внушить «Марсу» взять подушку с кресла. Результат положительный.

2. Задание: Взять коробку папирос со стола. Пути собаки зафиксированы на плане. Результат неудовлетворительный.

3. Задание: Подойти к белой салфетке на окне. Пути собаки зафиксированы на плане. Результат неудовлетворительный.

Профессор Н. А. Иванцов предлагает в дальнейшем поставить ряд опытов, из которых можно было бы уяснить, различают ли собаки очертания и формы предметов и различные цвета.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
В. Дуров.

ПРОТОКОЛ № 48

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 21-го января 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

Происходит обсуждение результатов опытов так называемого «мысленного внушения», поставленных на прошлом заседании. Проф. Н. А. Иванцов пытается объяснить неудачу опытов № 2 и 3 заседания 28 декабря п. г. (см. протокол № 47) следующими соображениями. Одно из объяснений (которого придерживается и В. Л. Дуров) сложного процесса мысленной передачи состоит в том, что экспериментатор, фиксируя животное пристальным взглядом, мысленно «рисует» в мозгу животного представление о всей обстановке, окружающей его, о том пути, который предстоит проделать ему для исполнения задания и, главным образом, о том предмете, который, предположим, животное должно «аппортировать». Раз это так, то экспериментатор, начиная опыт, должен представить себе положение собаки, должен учесть, что человек может прекрасно видеть определенный предмет в то время, когда животное такового

точки зрения объяснима неудача вышеуказанных опытов, так как коробка папирос на столе (опыт № 2) и белая салфетка на высоком окне (опыт № 3) лежали, быть-может, выше поля зрения собаки.

Проф. Г. А. Кожевников повторяет высказанную им неоднократно мысль, что слишком рано еще пытаться делать какие-либо заключения по поводу природы так называемого «мысленного» воздействия на поведение животных, ибо запротоколированных экспериментов в нашем распоряжении недостаточное количество. По его предложению, приступают к постановке новых опытов.

1) Задание проф. Н. А. Иванцова состоит в том, что В. Л. Дурову надлежит «мысленно» внушить «Марсу» подойти к круглому столику, стоящему у мольберта с картиной, и прикоснуться к газете, которой покрыт означенный столик.

Пути «Марса» зафиксированы на плане, помещенном в протоколе [1]).

Внушение повторялось 4 раза. В первый раз собака пошла не в ту сторону, где лежал задуманный предмет, а много правее, так что натолкнуться на него не могла, второй раз тоже не в ту сторону, но с меньшим отклонением от прямого пути к предмету (тоже правее), в третий раз взяла верное направление, но не доходя до столика, где лежала газета, легла около упомянутого выше мольберта, в четвертый раз пошла не в направлении задуманного предмета (левее), подошла к сложенным кучею нотам для пьянолы и взяла белую бумагу, лежавшую на нотах. Задание не исполнено.

2. Задание проф. Г. А. Кожевникова: «Марс» должен подойти к подушечке, положенной на кресле.

В. Л. Дуров фиксирует собаку взглядом и четыре раза заставляет ее направиться к подушечке, но безуспешно.

Три пути были не в сторону задуманного предмета, один путь (второй) был в сторону предмета, но быстро оборвался.

Далее, В. Л. Дуров докладывает о результатах опытов, поставленных им совместно с научным сотрудником И. А. Лев, согласно пожелания проф. Н. А. Иванцова, выраженного на заседании 28-го декабря п. г. (см. протокол № 47),—над собакой «Марс» для уяснения вопроса, различают ли собаки цвета.

Всех запротоколированных экспериментов 95 (до 20-го янв. с. г.). Опыты имели целью научить собаку различать белый и черный цвета, для чего ей показывали в руке то белый, то черный мяч одинаковой формы, и она должна была отыскать подобный же мяч среди тех, которые расположены были на ковре и принести в пасти экспериментаторам. Означенный метод «выбора на образец» модифицировался различным образом, что явствует из протоколов опытов.

---

[1]) В дальнейшем описании целого ряда опытов напечатанный текст представляет собою словесное описание чертежа, изображающего схематически план опыта с нанесением условными линиями каждого отдельного пути «Марса». Планы опытов были начерчены сотрудником лаборатории И. А. Левом, описание их в печатном тексте составлено сотрудником лаборатории проф. Г. А. Кожевниковым.

Проф. Н. А. Иванцов и Г. А. Кожевников, обозревая означенные протоколы, пришли к заключению, что для систематизации полученного материала, надлежит условиться в следующем: если собака сразу приносила требуемый шар, то результат положительный; если она ошибочно приносила шар другого цвета—результат отрицательный; если у нее происходили колебания (брала то черный, то белый; в пути роняла шар и заменяла его другим; приносила экспериментатору не тот шар, который требовался, и, заметив в руке В. Л. Дурова шар другого цвета, бросала из пасти шар и возвращалась за другим и т. п. случаи),—то опыты с результатами такого рода надлежит выделить в особые группы.

Вслед за сим ставятся контрольные опыты по методу, который применялся в процессе обучения «Марса» различению цветов. Начало в 11½ ч. веч.

«Марс» на кресле, на котором он обычно сидит во время опытов. Шары показывает В. Л. Дуров. Задания дают профессора Г. А. Кожевников и Н. А. Иванцов. Шары лежат на ковре, но для того, чтоб не раскатывались по ковру, их помещают на поднос. После правильного исполнения задания «Марс» получает вкусопоощрение (вареное мясо). В случае ошибки ничего не получает.

Всех опытов сделано 24, при чем задания одинаковы—взять белый шар.

Результаты занесены в протокол в виде зарисовки расположения шаров по отношению друг к другу (черный передний, белый—задний или наоборот, черный левый, белый правый или наоборот). Первые 8 опытов сделаны в такой обстановке, что «Марс» мог видеть подкладывание шара после его взятия. Из 8 раз собака 5 раз сразу берет верно белый шар, один раз при показании белого берет черный, один раз при показании белого, берет черный, бросает, берет белый, один раз при показании черного, берет белый, бросает, берет черный.

Проф. Н. А. Иванцов далее подкладывает шары на поднос, таким образом, чтоб собака этой манипуляции не замечала.

Из 16 заданий 8 сразу выполняются верно (белый шар), четыре сразу выполняются неверно (черный вместо белого), одно верно с колебанием и предварительной ошибкой (надо белый, берется белый, потом черный, потом белый), два неверно после предварительного верного (надо белый, берется белый, потом черный), одно неверно после нескольких колебаний (то белый, то черный, окончательно черный [1]).

«Марс», видимо, утомился; перестал интересоваться шарами и, заметя, что В. Л. Дуров удаляется от того места, где он до этих пор прикармливал его, хватает зубами пиджак В. Л. Дурова и тащит его обратно к месту.

Делается три опыта, опять с заданием взять белый, первый неудачен—после удачи, два сразу удачно.

---

[1]) Интересно отметить, что из восьми первых по порядку опытов, шесть сразу удачны, один удачен после ошибки и только один совершенно неудачен, а из восьми последних три сразу неудачны, три неудачны после предварительной удачи и только два вполне удачны. Можно предположить, что многократное повторение одного и того же задания утомляет собаку, и она начинает разнообразить выполнение.

Прим. проф. **Г. Кожевникова.**

Научный сотрудник И. А. Лев реферирует одну из недавно полученных книг D-ra A. Sokolovsky, имеющую отношение к зоопсихологии „Affe und Mensch. in ihrer biologischen Eigenart Verlag Th. Thomas, (год не указан; во всяком случае не ранее 1910 г.) Leipzig.

Интересен взгляд Соколовского на новейшую методологию изучения психической жизни животных. Он утверждает (стр. 76 и дальше), что было бы слишком односторонне пытаться решать поставленные себе задачи одним лишь опытным путем. Хотя он не думает умалять значения эксперимента в исследованиях, но зато он знает, что лабораторное направление современности слишком склонно, при решении различных вопросов, односторонне следовать по пути экспериментального исследовательского метода. Следует, прежде, чем приступать к решению проблем путем эксперимента,—произвести основательное обследование жизненных проявлений животных посредством. наблюдения в свободных условиях природы. Мы в слишком сильной степени стали лабораторными исследователями. Итак, и в этой области: назад к природе (Es heist also auch auf diesem Gebiete eine Rückkehr zur Natur) Полученные путем наблюдения результаты следует уяснить путем опыта.

В. Л. Дуров присоединяется ко взглядам Соколовского и находит, что новейшая рефлексология слишком суживает и даже сводит на-нет область наблюдений. Некоторые наши ученые скептически относятся к изучению выразительных движений животных, и стоит только сделать попытку объяснить, например, поведение животного путем наблюдения движений его ушей или хвоста, как неизменно встречаешь возражение: «а откуда вы знаете, что в данный момент переживает животное?» А между тем, внимательное изучение выражений ощущений животных может дать много ценных научных результатов.

Проф. Н. А. Иванцов полагает, что нельзя заменить наблюдение экспериментом или наоборот: это две различных категории. Возможны случаи, когда данное явление доступно изучению только путем опыта или только путем наблюдения. Оба метода тогда равноценны.

Далее проф. Н. А. Иванцов предлагает, для уяснения вопроса о быстроте установления у животного условных рефлексов, произвести, руководствуясь методологией Павловской школы, следующий опыт установления рефлексов на звук у «Марса»: по ноте До собака должна подойти к В. Л. Дурову.

В. Л. Дуров сидит у рояли. «Марс» лежит на кресле у противоположной стены комнаты. В. Л. Дуров подзывает собаку восклицанием: «иси»! Собака соскакивает с кресла и подбегает к Дурову. Получает вареное мясо. По команде «обратно, на место», собака возвращается на кресло. «Иси» произносится около 5 раз и столько же раз «Марс», повинуясь призыву, подбегает к Дурову. Затем В. Л. Дуров начинает брать на рояли ноту До и одновременно произносит «иси». Собака подбегает и, для закрепления рефлекса, всякий раз получает кусочек вареного мяса. Вслед за сим, В. Л. Дуров заменяет призыв «иси» одним только До. Проходит около десяти минут, и собака безошибочно идет на один только звук До, без каких-либо иных сигналов. Условный рефлекс установился прочно в течение короткого срока.

Н. Иванцов.
В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 49

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 28-го января, 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, профессор Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников и научн. сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров докладывает, что в течение истекшей недели он расширил задание проф. Н. А. Иванцова (см. протокол № 48 от 21 января с. г.) об установления у «Марса» условного рефлекса на звук: по ноте До на рояли собака должна была по первоначальному заданию подойти к экспериментатору, каковой рефлекс установился у собаки прочно.

Кроме этого рефлекса: До—«подойти к экспериментатору, сидящему у рояли», В. Л. Дуров учил собаку при ноте Ре—«пойти обратно и сесть на кресло у противоположной стены», а при ноте Ми—«уйти в другую комнату».

Ставятся В. Л. Дуровым контрольные опыты, из которых выясняется, что условный рефлекс на До и Ре установился в общем прочно, что касается рефлекса на Ми, то в данном случае таковой проявляется не всегда: собака редко уходит в другую комнату, чаще же она при ноте Ми хватает экспериментатора за пиджак и тащит его к креслу. Присутствующие тогда предлагают В. Л. Дурову закрепить вкусопоощрением у «Марса» этот последний рефлекс (хватания за пиджак) при звуке Ми. При повторении несколько раз рефлекс проявляется, по непрочно.

Для исключения возможности влияния В. Л. Дурова на собаку, помимо музыкальных тонов, профессор Г. А. Кожевников берет несколько нот на рояли:

До—собака подходит к роялю.

Ре—собака вместо того, чтобы направиться обратно к своему креслу, уходит в соседнюю комнату.

Опыты пришлось на этом прекратить, так как «Марс» стал вяло реагировать на звук.

Далее, приступают к опытам выбора на образец собакой белых или черных шаров. Условия экспериментаторов те же, что и 21 января с. г. (См. протокол № 48).

Сделано 18 опытов. 9 заданий выполнены сразу верно (один раз черный, восемь раз белый), семь заданий сразу неверно (четыре раза белый вместо черного, три раза черный вместо белого), одно задание верно после ошибки (белый, черный, белый), одно задание неверно после верного (надо белый; берется белый, потом черный).

Вслед за сим, по предложению проф. Г. А. Кожевникова, производится наблюдение над двумя обезьянами «Уголка» для предварительного, поверхностного исследования их психики, ибо для длительных систематических опытов данное время года не является благоприятным, при относительно низкой температуре в помещении, когда обезьяны сидят в клетках среди соломы,

закутанные в одеяльца, которые сами на себя набрасывают, с окоченевшими от холода лапками.

В. Л. Дуров предлагает продемонстрировать макака «Джипси» в процессе преодоления обезьяной искусственно поставленных преград, лишающих ее возможности пользоваться свободой передвижения.

Сторож при животных приносит «Джипси». Обезьяна без цепочки, быстро вскакивает на плечо В. Л. Дурову и начинает сосредоточенно перебирать каждый волос на его голове. По поручению В. Л. Дурова, сторож надевает на «Джипси» ошейник с длинной цепочкой. В. Л. Дуров подводит обезьяну к тяжелому креслу и привязывает цепь к ножке кресла одним узлом. «Джипси» спокойно, не торопясь, развязывает цепь, бежит к теплым ребристым трубам центрального отопления и ложится на них, охватывая лапками трубы. После некоторого интервала В. Л. Дуров снова окликает «Джипси» и привязывает цепь тремя узлами. Обезьяна, не проявляя никаких признаков беспокойства или нетерпения, развязывает один за другим все три узла в течение очень короткого промежутка времени.

Затем Дуров привязывает «Джипси» двумя узлами, которые обезьяна развязывает. (Оборот вокруг ножки—одинарный узел; второй оборот вокруг ножки—одинарный узел).

Система узлов, как во втором опыте—третий оборот вокруг ножки и третий одинарный узел; при чем надлежит отметить, что обезьяна, развязав первый узел, не отбегает и развязывает второй; далее, уходит, но, чувствуя, что цепь остается натянутой, возвращается и уверенно развязывает третий узел, откидывая цепь в сторону, и отходит к отоплению.

Уводят «Джипси», вместо которой вбегает «Гашка». В. Л. Дуров докладывает, что путем продолжительного общения, ему удалось изучить многие нюансы «обезьяньего языка» у «Гашки». На звукоподражание и изменение мимической мускулатурой экспериментатора, действительно, обезьяна отвечает тем же.

Ниже перечисленные звуки В. Л. Дуров истолковывает таким образом:

«Вэк-вэк»: удовольствие.

«Öh»: между прочим, призывный звук: перекликание разнообразного характера.

«Э» (октавой выше)—жалоба.

«Хррр» (в роде отрывистого лая), когда что-либо сразу обращает на себя внимание обезьяны.

«Мням, мням, мням»—просьба оставить ее в покое (высовывая язык при каждом «мням»).

Раскрытая пасть (никакой звук не издается)—угроза.

При приближении к закрытой комнате заседаний А. И. Дуровой, к которой «Гашка» очень привыкла, обезьяна громко, протяжно визжит.

В. Л. Дуров сообщает, что он недавно сделал попытку гипнотизации обезьяны, руководствуясь своим опытом в этой области над собаками, капибарой и некоторыми другими животными.

Он подзывает «Гашку», которая усаживается на спинке дивана. Экспериментатор приподнимает ее головку за подбородок, слегка поглаживает. Обезьяна замирает, сидит совершенно неподвижно, наклонив несколько голову и закры-

вая глаза. Но как только В. Л. Дуров фиксирует ее пристальным взглядом, она, спустя несколько мгновений, растягивая щеки, оскаливает зубы и отмахивается лапкой.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 50

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 4-го февраля 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, профессор Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев.

Начало заседания посвящается наблюдениям над попугаями. Профессор Г. А. Кожевников вызывает токование у серого попугая «Жако». Обычно этот попугай, привыкший к В. Л. Дурову, кусает своим сильным клювом всех экспериментаторов, кроме него. Но на сей раз он сразу садится на протянутую в клетку руку проф. Г. А. Кожевникова; проделывает движения, наблюдавшиеся во время прежних опытов, и общим своим habitus напоминает токующих самцов.

Далее, призводится наблюдение над зеленым попугаем, проявлявшим неоднократно, по словам В. Л. Дурова, изумительные музыкальные способности.

А. В. Дурова напевает песенку, аккомпанируя на рояли. Попугай, сидящий в клетке, в углу комнаты, начинает с незначительными интервалами подхватывать мелодию, подпевая в унисон и копируя, при воспроизведении музыкального тона, силу, высоту и оттенок звука.

После этого А. В. Дурова воспроизводит мимику и речь раздраженного человека. Попугай также повышает голос. При сцене радости и веселья, он копирует смех и аффектацию.

Входит А. И. Дурова, к которой попугай более всего привык. Она берет его на руку и начинает с ним разговаривать. Попугай при полном соответствии тона, произносит явственно следующие слова: «Дай лапочку». «Дай головочку». «Аня». «Ха, ха, ха». «Здравствуй, попочка». «Дурак». «Попочка» (шопотом).

Вслед за сим происходят опыты с «Марсом». Состояние В. Л. Дурова спокойное. «Марс» оживлен.

Опыт с лаем. 10 часов вечера. Пишутся записки с цифрой задания.

Проф. Г. А. Кожевников перемешивает их и каждую в отдельности дает В. Л. Дурову, который приказывает собаке лаять, не называя цифры.

Задание:	Исполнение:
4	4
9	4
10	10 (10-й раз неясно).
7	7
1	2
6	6 (1-й раз неясно).
3	4 (4-ый раз неясно).

Опыты с так называемым мысленным воздействием на поведение животного (экспериментатор В. Л. Дуров):

I. Опыты с выбором на образец». На полу на подносе лежат рукавица и белый мяч.

В. Л. Дуров показывает рукавицу, «Марс» приносит рукавицу, В. Л. Дуров дважды показывает мяч, «Марс» оба раза приносит рукавицу.

В. Л. Дуров предлагает заставить «Марса» принести определенный предмет без предварительного показывания, а лишь путем на него мысленного воздействия. Задания профессоров Н. А. Иванцова и Г. А. Кожевникова:

Производится 7 опытов, пять удачных, два неудачных. Четыре раза задуман мяч и принесен мяч, один раз задумана и принесена рукавица; два раза задумана рукавица, принесен мяч.

Опыты с условным рефлексом на звук. У рояля В. Л. Дуров.

Do—„Марс“ подошел к рояли.
Re— „ ушел назад к креслу.
Do— „ подошел к рояли.
Mi— „ смотрит на дверь (реакции неясна).
Re— „ бежит к дверям.
Do— „ подошел к рояли.
Re— „ вместо кресла отходит к столу.
Do— „ подошел к рояли.
— „ на кресло не садится, потягивается.

II. Задание проф. Кожевникова: «Марсу» следует подойти к зеленой ленте, лежащей на скамье у рояля.

Внушение повторяется шесть раз. Первый и третий раз направление берется левее, второй, четвертый и пятый правее, чем нужно. Шестой раз задание выполняется.

II. Задание проф. Кожевникова: «Марсу» следует взять нож из слоновой кости, лежащий на диване.

Внушение повторяется три раза. Первый раз «Марс» подходит к креслу, которое левее дивана, второй раз идет между креслом и диваном, беря путь более близкий к правильному, в третий раз «Марс» тянет В. Л. Дурова за пиджак. Оба подходят к дивану. «Марс» берет нож. (Последняя фраза написана на плане, который нарисован в протоколе, предшествующие являются описанием плана).

IV. В связи с беседой о Кралловских опытах, В. Л. Дуров предлагает сейчас же научить «Марса» ударять по книге лапой для доказательства всей незамысловатости (с точки зрения дрессировки) процесса выстукивания ответов лошадьми Кралля или собакой Рольфом. «Марс» стоит на кресле. Дуров подносит к нему альбом. После троекратных попыток, (три раза собака не реагирует, в четвертый раз после единственной повадки-приманки) собака начинает стучать по крышке альбома лапой несколько раз.

Проф. Г. А. Кожевников сообщает, что в апреле, на Фоминой неделе, предполагается первый с'езд зоологов в Петрограде. Желательно было бы представить доклад и о зоопсихологических работах «Уголка».

Сообщение должно носить характер информационный с самыми осторожными выводами. Лучше сказать немного, строго объективно, чем увлекаться преждевременными заключениями. Личных воспоминаний В. Л. Дурова (как бы они ни были интересны и ценны) о животных, живших у него до организации «Уголка», как научного учреждения, в этот доклад не вводить, а ограничиться лишь протокольным материалом, имеющимся в нашем распоряжении.

Вместе с тем постановлено просить В. Л. Дурова составить доклад о своих личных наблюдениях над животными, с которыми он работал.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
И. Лев.
В. Дуров.

ПРОТОКОЛ № 51

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова 19 февраля 1922 г.

Заседание происходило 19 февраля в 5 час. дня. Присутствовали: заведующий Уголком В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, академик В. М. Бехтерев. Происходили опыты с собакой «Марс», несмотря на нездоровье В Л. Дурова (кашель после бывшего гриппозного воспаления легких и общее недомогание). Опыты начались в спальне В. Л. Дурова, где раньше таких опытов не происходило.

I опыт. Усыпление.

«Марс» помещается на кресло, В. Л. Дуров фиксирует его взглядом. Через весьма короткое время зевание, отворачивание, повторные зевания, принятие лежачей позы, при чем голова остается не опущенной, но застывает неподвижно, обращенная в сторону лица В. Л. Дурова. Довольно длительная фиксация без перемены позы собаки. Усыпление не достигнуто.

II опыт. Внушение.

На том же кресле, как и раньше, помещается «Марс». Задание—взять газету с кресла, находящегося шагах в 4—5 от собаки. Фиксация взглядом. Собака идет сначала влево от цели, обнюхивает разные предметы, потом подходит к креслу, берет газету и несет ее В. Л. Дурову.

III опыт. Внушение.

Задание—подойти к креслу, находящемуся в противоположной стороне от кресла предшествующего опыта. Сначала собака идет к прежнему креслу, потом берет газету с пола. Повторно помещается на свое кресло и, после нескольких движений не к цели, подходит в конце-концов к ней.

IV опыт. Внушение.

Задание—подойти к постели, на которой находится А. И. Дурова и ткнуться мордой в ее туфлю. Сначала собака идет в сторону прежнего опыта (III), В. Л. Дуров дает на нее окрики, снова сажает ее на кресло, снова неверное направление, окрики и собака идет прямо к цели и точно выполняет задание. Окрики состоят из одного слова «Марс!».

После перерыва произведены опыты с реакцией на ноты рояли. Повторно несколько раз верное выполнение задачи при звуке До подойти к В. Л. Дурову, при звуке Ре подойти к креслу и сесть на него, а затем или невыполнение, или неуверенное и не сразу выполнение третьего задания на звук Ми подойти к двери.

Примечание. При чтении протокола В. Л. Дуров заметил, что, по его мнению, в записи опытов III и IV произошла неточность: окрики на «Марса» были, по его мнению не при IV опыте, а при III.

Г. Кожевников.
В. Дуров.

ПРОТОКОЛ № 52

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 26-го февраля 1922 года—в 4 часа дня.

Присутствуют: академик В. М. Бехтерев, заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев, д-р Т. Д. Фаддеев.

Опыты с рефлексом на звук.

По звуку Do—„Марс" должен подойти к рояли.
„ „ Re— „ „ итти обратно к креслу.
„ „ Mi— „ „ уйти в другую комнату.

Нижеследующая группа опытов производится в отсутствие Дурова. В. М. Бехтерев берет на рояли ноту Do—5 раз; „Марс" подходит. Re (10 раз); „Марс" отходит к столу. Снова Do (12 раз)—„Марс" лежит на ковре и не подходит.

Входит В. Л. Дуров, берет ноту Do—(2 раза)—„Марс" подходит.

Re (2 раза)—„Марс" уходит к креслу.
Do -- подходит.
Fa (по предложению д-ра Фадеева)—никакой реакция.
Do (4 раза)—„Марс" подходит.
Re — уходит к креслу.
Mi — направляется к креслу, а затем к дверям.

Опыты с черными и белыми мячами («выбор на образец»):

В. Л. Дуров	показывает	белый	„Марс" берет	белый.
„	„	белый	„ „	черный бросает, берет белый.
„	„	черный	„ „	черный бросает, берет белый.
„	„	белый	„ „	прикасает. к черн., берет белый.
„	„	белый	„ „	берет белый.
„	„	белый	„ „	берет белый.
В. М. Бехтерев	„	черный	„ „	черный, в отсутствии Дурова.
„	„	черный	„ „	берет белый.
„	„	черный	„ „	берет белый, сейчас же бросает, берет черный.

Далее, приступают к опытам, так называемого, мысленного воздействия на поведение животного. Экспериментирует В. Л. Дуров, который предупреждает, что в его представлении сплелись следы различных заданий присутствующих.

1. Задание проф. Н. А. Иванцова: «Марс» должен ткнуться в морду шкуры белого медведя.

Внушение повторяется четыре раза. В первый раз «Марс» подходит к столу, лежащему на пути к задуманному месту, а затем круто поворачивается под углом, подходит к проф. Н. А. Иванцову, давшему задание. Во второй раз проделывает сходный путь, не подходя к проф. Н. А. Иванцову, в третий раз с самого начала берет противоположное направление, в четвертый раз приближается к подушке, лежащей на шкуре медведя, но не к морде медведя.

II. Задание: «Марс» должен подойти к подушечке, лежащей на кресле.

Внушение повторяется пять раз, задание не выполняется. В первый раз «Марс» подходит к большому столу, стоящему посредине комнаты, второй раз к маленькому столику, на котором оказалось мясо, в третий раз, меняя направление пути, лег на ковре, в четвертый раз подошел к проф. Н. А. Иванцову, в пятый раз подошел к окну, недалеко от которого было кресло с задуманным предметом.

В заключение ставится опыт с зеленым попугаем, у которого констатировано наличие музыкального слуха.

А. В. Дурова играет на рояли, подпевая несколько песенок с различными мелодиями. А. И. Дурова подносит попугая ближе к рояли. Птица совершенно правильно попадает в тон. Реакция та же, что и на прошлом заседании (см. протокол от 4-го февраля с. г.).

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
Т. Фаддеев.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 53

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 7-го марта 1922 года. 10 час. вечера.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров докладывает о недавно полученной в Москве книге академика В. М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (в издании Петроградского Издательского Т-ва «Колос», 1921 г.), где в главе VIII «Взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция, как объединяющие факторы» (стр. 123 и далее), сообщается о положительных результатах опытов над собаками «Уголка», как В. М. Бехтерева, так и его ассистентов.

Далее, В. Л. Дуров оглашает особое мнение д-ра Т. Д. Фаддеева следующего содржания: «В воскресение, 26-го февраля 1922 года, я присутствовал в «Уголке» В. Л. Дурова при производстве опытов над «Марсом», когда он по выбору брал то черные, то белые мячики. Полагаю, что эти опыты нельзя

называть опытами с распознаванием цветов, так как белое и черное не являются цветами, а лишь присутствием и отсутствием цвета (восприятие палочками). Цвета вызываются световыми волнами определенной длины (красное, синее и т. д.) и воспринимаются колбочками».

Присутствующие констатируют, что опыты с черными и белыми мячами, конечно, только подход к последующим, более сложным опытам с цветными объектами. В. Л. Дуров предлагает сегодня же ввести в группу мячей один, окрашенный в красный цвет. Методика опытов прежняя. Шары лежат на подносе.

Сделано 7 опытов. Лишь один раз задание выполнено правильно, два раза вместо красного взял белый, два раза вместо белого взял красный, один раз вместо красного сперва белый, потом, верно, красный и один раз, взявши верно белый, бросает, берет красный.

Вслед за сим происходит модификация опыта. Шары кладут на ковер, на расстоянии около двух аршин один от другого.

Сделано 10 опытов. 4 раза задание сразу выполнено верно, из них 3 раза взят красный; 4 раза вместо красного взят белый, один раз вместо белого взят красный и один раз сначала взят верно белый, потом неверно красный.

В. Л. Дуров предлагает заставить «Марса» принести мяч определенного цвета, без предварительного показывания, а лишь путем «мысленного» на него воздействия (шары на подносе, на близком друг от друга расстоянии):

Сделано 5 опытов, из которых два сразу удачно (белый и красный), один сразу белый вместо красного, один раз верно красный, переменено на неверное белый, один раз верно белый, переменено на неверное красный.

Опыты с так называемым мысленным воздействием на поведение животного.

I. Задание: «Марс» должен взять определенное направление: к окну.

Внушение происходит дважды. В первый раз движение начинается приблизительно в нужную сторону, но быстро останавливается; второй раз движение по кривой совершенно в обратную сторону

II. Задание проф. Г. А. Кожевникова. «Марс» должен взять газету, лежащую на диване, на котором она обычно не лежит.

Внушение производится дважды. В первый раз «Марс» берет совершенно неправильное направление, во второй раз выполняет задачу, пройдя прямой путь.

Опыты с развязыванием узлов обезьяной «Джипси». В. Л. Дуров завязывает два узла. Прикрепленная к креслу, обезьяна силится распутать узлы, но это ей не удается. Волнуется. Вновь пробует. Безрезультатно. Вскакивает на проф. Г. А. Кожевникова, сидящего невдалеке. Соскакивает. Вновь пробует,—Дурову приходится самому распутать узлы.

Обезьяна успокаивается. Греется на трубе центрального отопления. В. Л. Дуров снова привязывает ее к ножке кресла двумя узлами. На этот раз, после двух попыток, обезьяне удается распутать узлы и освободиться.

В. Л. Дуров обращает внимание, что ему удалось неоднократно подметить у другой обезьяны «Уголка»—«Гашки» определенную «линию поведения», когда он ежедневно входит в комнату, где стоит клетка обезьяны, запертая на ключ.

Обычно происходит следующее: Дуров входит в комнату. «Гашка» начинает упорно смотреть на ключ от клетки, висящей у дверей. Он берет ключ в руки. «Гашка» тогда моментально переводит взгляд на замок. Он подходит к замку. Обезьяна почему-то стремительно отскакивает к перекладине задней стенки и там ожидает открытия клетки.

После сообщения В. Л. Дурова присутствующие направляются в комнату «Гашки» и, в действительности, становятся очевидцами сцены, подмеченной Дуровым; при чем после того, как Дуров взял ключ, «Гашка» подошла к замку и потрясла его через решетку.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 54

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 2-го апреля 1922 года. Начало в 8 час. вечера.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников, научные сотрудники И. А. Лев и д-р Т. Д. Фаддеев.

В. Л. Дуров сообщает, что им получены на-днях из Батума две крысы—альбиносы. В течение нескольких дней ему удалось твердо установить у них ряд условных рефлексов. Интересно отметить, что у самки, которая только два дня тому назад родила пять детенышей, эти рефлексы не угасают, несмотря на возможное предположение влиния родов, ухода за детенышами и их кормления, как факторов, тормозящих воспитанные рефлексы.

В подтверждение своих слов, В. Л. Дуров демонстрирует обеих крыс.

Самка «вальсирует», делая полный оборот справа налево.

Самец—слева направо. Он же тянет, перебирая лапками, веревку, к которой прикреплен флажок. Далее Дуров вызывает у самца «естественную игру» в отличие от «вальсирования» по заказу.

В. Л. Дуров садится на диван. Выпускает крысу на свободу. Он издает «призывный» звук, который ему, Дурову, удалось подметить у крыс в свободном состоянии,—звук, быть может, тревоги, который ныне имитирует. Крыса стремительно прибегает к нему на этот звук. Посредством «трусообмана» (впечатление, как будто ее боятся), Дуров заставляет крысу бросаться на него, делать прыжки и резвиться. Шуршание пальцами по дивану вызывает у нее длительную игру. Почесывание шейки приводит ее снова в спокойное состояние.

Далее ставятся опыты с двумя зелеными и двумя красными мячами, окрашенными краской одинаковой, приблизительно, насыщенности. Методика обычная для опытов такого рода: экспериментатор имеет в своем распоряжении два мяча для показывания, а два других лежат на ковре.

Сделано 24 опыта, из них 5 сразу удачно: 2 раза взят зеленый, три—красный. 11 раз неудача (9—вместо зеленого красный, 2—вместо красного зеленый), 2 раза вместо зеленого взял красный, бросил, взял зеленый, бросил, взял красный, 2 раза вместо зеленого взял красный, бросил, взял зеленый, один раз верно взял зеленый, бросил, взял красный, один раз верно взял зеленый, бросил, взял красный, бросил, взял зеленый, два раза не взял ничего.

В. Л. Дуров, объясняет возможную неудачу предшествовавших опытов тем, что, как сейчас обнаружилось, служитель при животных поместил ведро с супом в соседней комнате, и собака то и дело направлялась во время опытов к дверям. В виду этого он предлагает продолжать опыты с мячами, давая «Марсу» в качестве «вкусопоощрения» вместо вареного мяса—суп, так как собаку сегодня томит жажда. Вносят суп. Опыты продолжаются.

Сделано 8 опытов, при чем 7 раз показан зеленый шар и один раз красный. Красный подан верно, вместо зеленого один раз подан красный, один раз сразу дал верно зеленый: затем три раза вместо зеленого берет красный, бросает, берет зеленый (один раз после окрика), один раз вместо зеленого дважды берет красный, бросает, потом зеленый, а один раз, взявши вместо зеленого красный, бросает и ничего не берет.

В протоколе сделано примечание, что в двух рядах опытов этого дня красный шар в особенности привлекает внимание собаки.

Вслед за сим проф. Иванцов предлагает следующее: подобно тому, как на «до» «Марс» подходит и на «ре» уходит, нельзя ли установить идентичную двигательную реакцию—при показывании желтого предмета (подойти) и зеленого (уйти).

Для этой цели тут же окрашивается дощечка (приблизительно 2 вершка на 4 вершка): одна сторона в желтый цвет, другая в зеленый.

Производится 12 опытов в этом напревлении, которые не дают пока никакой возможности зафиксировать более или менее определенные результаты. Высказывается предположение, не влияет ли в данном опыте на собаку самый процесс переворачивания дощечки.

В заключение производится опыт так называемого «мысленного» внушения. Задание проф. Кожевникова состоит в том, что собаке надлежит подойти к желтой подушечке, лежащей на кресле.

Внушение производится 7 раз. Два раза «Марс» подходит к двери, два раза к дивану, проходя мимо задуманного кресла, один раз к маленькому столику, один раз к срединному большому столу, один раз останавливается посредине комнаты недалеко от задуманного кресла. Кресло находилось близко от того кресла, на которое садился «Марс» при фиксации.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

Копия.

ПРОТОКОЛ № 55

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 9-го апреля 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев, научный сотрудник д-р Т. Д. Фаддеев.

В. Л. Дуров демонстрирует собаку «Марс», которой он, по его мнению, внушает совершить различные действия (потягиваться, чесаться, зевать и пр.), мысленно воздействуя на психику животного.

«Марс», в действительности, потягивается, чешется и зевает в тот момент, когда В. Л. Дуров предупреждает, что собака это проделает.

Происходит обмен мнений.

Проф. Г. А. Кожевников полагает, что перед нами только рефлексы, поощрением закрепленные естественные жесты.

Проф. Н. А. Иванцов также высказывает мнение, что в данном случае—лишь реакция на определенное возбуждение, вызываемое не внушением, а поощрением. Потягивание естественное состояние животного: в данном случае это лишь закрепление обычного потягивания.

И. А. Лев, не отрицая в принципе возможности индуцирования одного индивида другим, думает, что пока трудно дать удовлетворительное объяснение поведения собаки с точки зрения одного только мысленного воздействия.

По предположению Т. Д. Фаддеева, чихание является, быть может, внушением ложного ощущения.

В. Л. Дуров, возражая оппонентам, снова утверждает, что он вызывает у «Марса» (как и у своих прежних собак) ощущение, желание потянуться, чихнуть или зевнуть.

Далее переходят к опытам над «Марсом» с красными и зелеными шарами. Меняется обстановка.

Шар помещается на горшечек с вареным мясом. В. Л. Дуров указывает пальцем на шар. «Марс» на обычном кресле.

Всего сделано 20 опытов. Из них три сразу удачно (один зеленый, два красных), три сразу неудачно (2 красных вместо зеленого, один зеленый вместо красного), 4 раза верно—зеленый, после предварительной ошибки, 6 раз верно красный после предварительной ошибки; один раз верно зеленый, но сначала зеленый, бросает, красный, бросает, зеленый; один раз верно красный, но сначала красный, бросает, зеленый, бросает, красный; один раз неверно красный, после предварительного верно зеленый; один раз неверно зеленый, после предварительного верно красный; один раз при показании на красный, берет зеленый, бросает, берет красный, бросает, берет зеленый; один раз вместо зеленого берет красный, бросает, зеленый, бросает и ничего не берет; другой раз берет верно зеленый, бросает, берет красный, бросает, ничего не берет.

Нижеследующие опыты ставятся с большими интервалами, по предложению В. Л. Дурова.

Сделано 5 опытов, из них один сразу удачный зеленый, один сразу удачный красный, два удачных зеленых после предварительной ошибки, один раз ничего не взял.

Все предыдущие задания давались профессорами Кожевниковым и Иванцовым; группа последующих заданий—по усмотрению В. Л. Дурова. Вкусопоощрение мясом заменяется супом.

Сделано 5 опытов, из них два сразу удачных красных, один удачно красный, после предварительной ошибки, один удачно зеленый, после предварительной ошибки, один неудачно красный после предварительного верного зеленый.

В. Л. Дуров дает «Марсу» все ведро супа, чтобы он насытился. Шары помещаются на очень близком от собаки расстоянии.

Сделано 4 опыта, из них один сразу удачно красный, другой сразу удачно зеленый, два удачно, зеленый, после предварительной ошибки.

Три последующих опыта модифицируются. Шары остаются на полу в гостиной. Дуров же с «Марсом» выходят в смежную комнату, где экспериментатор показывает собаке шары.

«Марс» бежит их брать в гостиную.

Сделано всего 3 опыта: один сразу удачно—красный, один сразу удачно—зеленый, один удачно зеленый после предварительной ошибки.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.
Т. Фаддеев.

ПРОТОКОЛ № 56

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 25 апреля 1922 г.—в 10 ч. вечера.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников, научные сотрудники: Т Д. Фаддеев и И. А. Лев.

В. Л. Дуров читает прилагаемый при сем доклад «Психический контакт», где делается попытка объяснения влияния экспериментатора на животное, в частности на «Марса», в опытах с шарами. Докладчик предлагает усложнить опыты в том направлении, чтобы каждый из присутствующих постарался войти в «психический контакт» с «Марсом» и лично на опыте убедился, как животное реагирует на приказ принести шар определенного цвета.

Проф. Г. А. Кожевников полагает, что предлагаемое Дуровым усложнение опытов крайне интересно и может дать новый материал.

Проф. Н. А. Иванцов думает, что делать опыты с «Марсом» порознь еще преждевременно: у В. Л. Дурова установился с «Марсом» контакт сильней, у других же экспериментаторов слабей, в виду того, что собака к ним менее привыкла. Проф. Иванцов сообщает, что 17-го апреля он посетил В. Л. Дурова для проверки опытов с «Марсом» не в обстановке официального заседания, когда Дуров часто находится в состоянии нервного возбуждения, и притом—в дневные часы, в то время как заседания обычно начинаются поздно вечером. Судя по подробной записи проф. Иванцова, опыты 17-го апреля в большинстве случаев дали результаты вполне удовлетворительные.

Д-р Фаддеев говорит, что не следует затемнять принципиального вопроса, возбужденного в докладе Дуровым об объективном и субъективном в психологии.

Проф. Г. А. Кожевников: всякий опыт (из области психологии или другой дисциплины) должен быть объективным: комментарий может быть субъективным. С этой точки зрения вполне объективную ценность представляют только протоколы наших научных заседаний.

Проф. Н. А. Иванцов: мы должны записывать то, что мы видим, слышим и т. п. Запись надлежит составить настолько объективно, чтобы мы могли все без оговорок подписаться.

Н. А. Лев находит, что если бы параллельно с ним кто-либо иной вел протоколы наших заседаний, то, при различной редакции и стиле, объективное изложение и описание фактов должно быть идентичным и совпадать в полной мере. Субъективные же толкования вполне допустимы, но только как таковые могут быть зафиксированы в протоколах.

Далее приступают к экспериментированию. Опыт ведет В. Л. Дуров и заставляет «Марса» брать шары только в тот момент, когда он, Дуров, считает собаку сосредоточенной. Обстановка такова: к широкому креслу, на котором сидит собака, тесно приставлены два венских стула вплотную друг к другу. По объяснению экспериментатора, этим устраняется необходимость для «Марса» соскакивать за шаром на ковер (как в прежних опытах, когда внимание собаки, благодаря процессу «соскакивания», могло рассеиваться). К стульям пододвинута электрическая лампа на высоком стативе, прикрытая голубым абажуром. Свет падает с левой стороны. С другой стороны стульев—столик, на который экспериментатор кладет шар—образец. На венских стульях—два разноцветных шара. Вкусопоощрение мясом. Задания диктуются профессорами Кожевниковым и Иванцовым, стоящими невдалеке.

Сделано 9 опытов, из которых 4 сразу удачно зеленый, два сразу удачно красный, один раз удачно красный после неудачного зеленый; один раз удачно красный, но сперва красый, бросает, зеленый, бросает, берет красный; один раз удачно зеленый после двух раз ошибочно красный.

В нижеследующей группе опытов экспериментатор проф. Г. А. Кожевников. Условия опыта—те же.

Сделано 7 опытов, из которых три сразу удачно красный, один сразу удачно зеленый, два раза удачно красный, после предварительной ошибки, один раз удачно зеленый после двух ошибок.

Установлено, что обстановка сегодняшнего заседания, при которой внимание собаки сосредоточенно, сильно повышает качество опытов.

Вслед за сим ставятся опыты так называемого «мысленного воздействия» на поведение животного.

I опыт. Задание проф. Г. А. Кожевникова. «Марсу» надлежит подойти к киче журнальных тетрадок, свисающих со столика.

Внушение производится три раза. В первый раз путь не в сторону задуманного, а к столу посреди комнаты, второй раз в сторону задуманного, но на недалекое разстояние, третий раз сразу бросился к журналам и взял их в зубы.

Замечание проф. Н. А. Иванцова: журналы лежат на необычном месте, но на том же столике.

II опыт. Задание проф. Н. А. Иванцова. «Марсу» взять подушечку, лежащую в левом углу кушетки (на которой всего лежит 6 подушек различной формы и окраски).

Внушение производится 4 раза. Первый путь такой же, как в предыдущем опыте. Во второй раз повторение задания предыдущего опыта (взял журналы со столика), третий раз тоже. В четвертый раз прямо подошел к дивану и взял подушку, лежащую рядом с задуманной.

III опыт. Задание проф. Н. А. Иванцова. «Марсу» взять подушечку на кресле.

Внушение производится 6 раз. 3 первых раза повторение пути к дивану. (предыдущий опыт), при чем во второй раз берет подушку и приносит. Четвертый раз путь мимо срединного стола и лег на ковер. Пятый путь к окна, шестой кругом стола.

IV опыт. Задание д-ра Фаддеева: «Марс» должен остаться сидеть на кресле и прикоснуться к желтой салфеточке, прикрывающей рядом стоящую тумбу. На тумбе фигура бронзового медведя.

В. Л. Дуров фиксирует «Марса» пристальным взглядом. Собака со стула не соскакивает. Поворачивает голову по направлению салфетки, но таковой не берет.

Н. Иванцов.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
Т. Фаддеев.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 57

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 17-го мая 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров. проф. Н. А. Иванцов, проф. Г. А. Кожевников, Т. Д. Фаддев и И. А. Лев.

Задание: В. Л. Дурову надлежит заставить «Марса», не глядя на него, потянуться. «Марс» потягивается. Заставить почесаться. «Марс» почесывается.

Н. А. Иванцов полагает, что в опытах с «Марсом», большею частью за потягиванием следует почесывание.

Г. А. Кожевников подзывает: «Марс» и выкрикивает: «потянись». «Марс» потягивается, отходит. Г. А. Кожевников снова зовет: «Марс» и ничего больше не произносит. «Марс» потягивается. Г. А. Кожевников в третий раз подзывает собаку. «Марс» снова потягивается, а затем почесывается.

Далее, происходят опыты внушения.

I задание проф. Г. А. Кожевникова: «Марс» должен вскочить на кресло и взять белую скатерть, накинутую на спинку кресла (лежащую на необычном месте). Н. А. Иванцов предлагает осложнить опыт: такой же приблизительно белый предмет (платок) положить на диван. В. Л. Дуров фиксирует «Марса» взглядом.

Внушение производится 3 раза. Первый раз «Марс» подошел к проф. Г. А. Кожевникову, бывшему в стороне от задуманного места, второй раз к проф. Н. А. Иванцову, сидевшему около большого стола посредине комнаты, в третий раз «Марс» подбежал к подушке на диване, ткнул в нее, но не взял и направился к платку на диване и взял его.

II задание Г. А. Кожевникова: «Марс» должен взять скатерть, при чем платок с дивана надлежит предварительно удалить.

Внушение сделано 2 раза. В первый раз подходит к столу, второй раз выполняет задание правильно.

Д-р Фаддеев полагает, что мысленное внушение по своей природе производит на собаку слабое действие; случайные обстоятельства могут видоизменить результаты.

III задание: взять нож (слоновой кости), лежащий на кресле.

Внушение производится 4 раза. Первые два раза подходит к столу на средине комнаты [1]) беря путь совершенно не соответствующий заданию. В третий раз подходит к столику, на котором белые крысы, недалеко от места задания, четвертый раз выполняет задание.

IV. В. Л. Дуров предлагает внушить «Марсу» прыгнуть на кресло, придвинутое к рояли, и прикоснуться к фотографии, стоящей на рояли.

Внушение сделано 4 раза. Первый раз подошел к дивану, правее заданного направления, второй раз сильно левее заданного направления, совсем в другую сторону комнаты, третий раз опять к дивану, четвертый раз к задуманному месту, прыгнул на кресло. как было задумано, и взял вещь, но не с рояли, а с соседнего столика (красный футляр).

Далее начали опыты с различением цветов (шары). Но в виду вобужденного состояния и утомления «Марса» решено опыты прекратить. Происходит обмен мнений по вопросу о возможности различения цветов животными.

Для характеристики споров по вопросам такой неразработанной дисциплины, как зоопсихология, проф. Г. А. Кожевников цитирует статью Emery, хотя и не новую, но в достаточной мере показательную и для нашего времени:

„Ein solches Urteil verlangt aber, dass das Tier einen abstrakten Begriff der Elementar—Empfindung „grün" besitze. Beweisen kann ich dieses zwar nicht, aber mein Gegner kann aucht nicht beweisen, dass dem nicht so sei".

(„Bemerkungen zur neuen Schrif E. Wasmann's „Instinkt und Intelligenz im Tierreich" von C. Emery—Biologiches Centralblatt 18 Bd.).

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 58

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 24 мая 1920 года.

Присутствуют: академик В. М. Бехтерев, В. Л. Дуров, и И. А. Лев.

Происходит опыт различения цветов при условиях предшествующих экспериментов.

Показывает шар В. М. Бехтерев. Сделано 5 опытов, 2 удачно сразу красный, один удачно красный после предварительной ошибки, один неверно зеленый после предварительного верно красный, один неверно красный после

---

[1]) Часто повторяемое движение при разных опытах «внушения». Стол находится недалеко от кресла, на которое сажается собака при «фиксации» ее экспериментатором, и занимает значительную площадь. Соскакивая с кресла, собака через немного шагов, как-бы «с разбега», может оказаться уже у стола.

Прим. проф. Г. А. Кожевникова.

предварительного верно красный. Затем показывает шар В. Л. Дуров. Сделано 4 опыта, все 4 раза задание зеленый. Верно только один раз. 3 раза берет зеленый, бросает, берет красный.

Вслед за сим В. Л. Дуров подзывает «Марса», который реагирует на звук следующим образом:

До—«Марс» подходит.
Ре— » удаляется и вскакивает на кресло.
Ми— » убегает к дверям.

Опыты на до и ре удаются несколько раз.

В. Л. Дуров утверждает, что он внушает «Марсу» потянуться—«Марс» потягивается, почесаться—«Марс» почесывается.

Академик В. М. Бехтерев предлагает В. Л. Дурову держать руки на голове и внушать «Марсу» потягивание и почесывание. «Марс» исполняет.

Далее экспериментирует Б. М. Бехтерев. Он пишет на разных записках: «потянуться», «чесаться», «чесать правый бок»; фиксирует «Марса» взглядом. Результаты следующие:

1 записка: «потянуться».—«Марс» потягивается.
2 » «потянуться» —«Марс» чешется.
3 » «чесаться»—«Марс» чешется, снова чешется.
4 » «потянуться» —«Марс» чешется, снова чешется.
5 » «чесать правый бок»—«Марс» чешет правый бок.
6 » «потянуться» —«Марс» чешет левый бок, затем правый бок.

Входит А. В. Дурова, наигрывает на рояли. Попугай в клетке оживляется. Раздаются минорные тона «элегии» Массене; попугай вторит. За элегией следует бравурный марш и вальс, и попугай совершенно правильно вторит мажорным звукам.

Входит А. П. Дурова смеется, попугай немедленно начинает продолжительно смеяться. А. П. Дурова просит дать лапочку. Попугай дает.

В. Дуров.
И. Лев.
Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ № 59

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 1-го июня, 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Н. А. Иванцов, научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает, что на днях был в Москве академик В. М. Бехтерев и посетил «Уголок». По словам В. М. Бехтерева, Петербургский Зоологический сад, в виду роспуска Ученого совета сада, реорганизуется. Он предложил В. Л. Дурову участвовать в работе сада. В. Л. Дуров ответил, что в дальнейшем было бы полезно связаться двум учреждениям: саду и «Уголку».

В. Л. Дуров демонстрирует своих белых крыс. Он делает предварительное замечание, что, по его наблюдениям, крысы—враги мышей: крысы просто уничтожают мышей. Ныне В. Л. Дуров задался целью—попытаться подавить этот инстинкт. На днях «Пеночка» (крыса-альбинос) родила 8 крысят. Служащий случайно нашел двух диких мышат. В. Л. Дуров, выдавив молоко «Пеночки», смазал им мордочки двух диких мышат и положил их в гнездо «Пеночки», смешав в общую массу ее потомства. Прошло уже 3 дня, как, «Пеночка» кормит двух мышей своим молоком.

Далее приступают к следующему опыту. По указанию Н. А. Иванцова, взята маленькая крыса предыдущего помета.

Задание: заставить крысу вертеться против часовой стрелки. Крыса помещается на круглый пьедестал—3 вершка в диаметре. В дрессировке никогда не была. Вкусопоощрение—подсолнухи.

Начало в 11 ч. 15 м. вечера. Крыса оглядывается, делает несколько движений, пытается соскочить.

Г. А. Кожевников делает замечание, что крысе, помещенной на пьедестал, как видно, ничего не остается, как круговое движение.

В. Л. Дуров дает крысе первый подсолнух, чтоб привлечь ее внимание. В дальнейшем В. Л. Дуров дает подсолнух в одном определенном месте пьедестала и говорит «перевернись». По словам экспериментатора, он произнес слог «пе» на близком расстоянии от крысы, своим дыханием производит раздражение на ее коже, так что, в данном случае, на установление определенной двигательной реакции крысы действуют, главным образом, два агента:

1) вкусопоощрение и 2) внешнее раздражение.

Крыса делает 8 движений слева направо. В интервалах (иногда в течение минуты и больше «застывает» в определенной позе, нюхает воздух). К концу опыта, по наблюдению В. Л. Дурова, подсолнух перестает крысу поощрять, и он переходит к новому вкусопоощрению: белому хлебу. К концу эксперимента можно сделать заключение, что рефлекс начинает устанавливаться.

Два дальнейших опыта в данном направлении. Крысу отмечают: выстригают волосы на спинке.

Г. А. Кожевников подходит к роялю. Берет «До». На «До» Марс должен подойти к роялю.—«Марс» подходит к В. Л. Дурову, стоящему возле шкафа.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 60

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 22-го июня 1922 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. Н. А. Иванцов, д-р Т. Д. Фаддеев, научный сотрудник И. А. Лев.

Н. А. Иванцов предлагает В. Л. Дурову научить «Марса» открывать двери (закрывать двери «Марс» уже умеет). Г. А. Кожевников находит, что в данном случае у «Марса» не будет точки приложения силы. В. Л. Дуров дает

«Марсу» вкусопоощрение. кричит: «Алле, алле, открой «Марс»! В результате нескольких попыток, «Марс» приоткрывает двери, но прочной ассоциации, по мнению присутствующих, нет.

По предложению Г. А. Кожевникова, следовало бы возобновить опыты с шарами. В. Л. Дуров замечает. что со времени последнего заседания таких опытов не было.

Опыты ставятся при условиях предшествующих экспериментов. Шары показывает проф. Г. А. Кожевников.

Сделано 11 опытов. Три удачно сразу красный. Четыре раза удачно зеленый, предварительно неудачно красный, два раза удачно красный, предварительно неудачно зеленый, один раз удачно красный после предварительного красный, бросает, зеленый, бросает, берет красный и один раз неудачно зеленый после удачного красный.

В. Л. Дуров демонстрирует исполнение «Марсом» нового словесного приказа: «Катайся!». При слове «Катайся!» «Марс» катается несколько раз по полу.

Проф. Г. А. Кожевников предлагает возобновить опыты с лаем «Марса» для сравнения результатов с опытами над «Дэзи».

Г. А. Кожевников показывает В. Л. Дурову игральные карты. В. Л. Дурову надлежит заставить «Марса» пролаять столько раз, сколько очков в данной карте.

Задание:	**Исполнение:**
2	2
9	5
10	4
1	2
3	3
9	9
4	4
2	2
2	1

Далее переходят к опытам, так называемого, «мысленного внушения».

1) Задание проф. Г. А. Кожевникова: «Марсу» надлежит взять желтую подушку, лежащую на диване (покрытом шкурою белого медведя).

Внушение производится два раза. В первый раз «Марс» проходит мимо срединного стола и останавливается (направление совершенно несоответствующее заданию, см примечание на стр. 439). Второй раз взял верное направление, стал в пути, затем подошел к дивану и взял подушку. согласно заданию.

2) Задание проф. Кожевникова: «Марс» должен взять белые листы, лежащие на столике.

Столик находится совершенно в другой части комнаты, чем диван, упомянутый в предыдущем опыте. Внушение производится дважды. В первый раз собака идет к креслу, находящемуся приблизительно в той же стороне, как и столик с листами, и берет подушечку с кресла. Во второй раз подходит к столику и берет листы, выполняя задание.

3) Задание д-ра Т. Д. Фаддеева: «Марс» должен потянуть веревочку, перекинутую через металлическую фигуру медведя на тумбе, расположенной рядом с креслом «Марса».

1 раз: начинает засыпать, под пристальным взглядом В. Л. Дурова.

2 раз: В. Л. Дуров развлекает «Марса».

3 раз: «Марс» берет веревочку.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 61

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 2-го августа 1922 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, научный сотрудник И. А. Лев, и, в качестве гостя, «Арраго».

В. Л. Дуров сообщает, что он пригласил на сегодняшнее заседание, приехавшего на короткое время в Москву, феноменального счетчика «Арраго».

По поводу многочисленных теорий, пытающихся объяснить наличие математических способностей у Эльберфельдских лошадей Кралля, проф. Ed. Claparede. („Archives de Psychologie“ XII № 47), между прочим, пишет:

...«было бы совершенно бесплодно пускаться в данном случае в преждевременные рассуждения: в настоящее время мы очень мало знаем о внутреннем механизме этих различных процессов; можно лишь сказать, что искусство в выполнении этих действий не находится в прямой зависимости от степени развития практического ума. Укажем, напр., на феноменальных счетчиков, которые в общем далеко не являются хорошими математиками. С другой стороны, великие математики оказываются иногда жалкими счетчиками: «Что касается меня,—говорил известный Пуанкаре, то я должен признаться, что я совершенно неспособен произвести простое сложение без ошибки». Таким образом, мы видим, что искусство элементарного вычисления определяется очень темными условиями: оно в значительной степени независимо от общего умственного уровня, т.-е. от способности мыслить. Этот факт, конечно, нисколько не освещает вышеописанных явлений с лошадьми; но все-таки, он указывает, что исполнение ими некоторых арифметических действий еще не уподобляет их гениальным и даже обыкновенным людям».

С этой точки зрения,—полагает В. Л. Дуров,—весьма важно и нам запротоколировать результат вычислений такого феномена, каким в наше время является «Арраго».

«Арраго» предлагает написать 6 рядов (один под другим) четырехзначных чисел; писать, чтоб он их не видел; затем сразу показать ему написанное, и он эти 6 рядов сложит в уме.

1) Присутствующие пишут:

4834
3781
1812
1928
9673
4181

Лист показывают Аррато. Он приходит в беспокойство. Пристально вглядывается в цифры. Делает какое-то нервное движение рукой по глазам и лбу и моментально произносит (выкрикивая чрезвычайно быстро): 26209, записывая одновременно результат весьма неразборчивым сцеплением цифр, которые удается расшифровать только после длительного наблюдения.

2) Присутствующие пишут:

2863
4917
3264
1498
7642
4655

Лист подают Аррато. И. А. Лев следит за часами. Приблизительно через три секунды Аррато произносит: 24839.

3) Присутствующие пишут:

8686
3380
9999
6787
7898
8499

Аррато произносит: 45043, но затем говорит: «маленькая ошибка» и поправляется: 45243 (вторая сумма верна).

4) Присутствующие предлагают Аррато возвести в квадрат 2719, подавая ему лист с означенным числом.

Аррато быстро подписывает под этим числом еще раз 2719, подводит черту и моментально под ней результат: 7392961.

Аррато производит впечатление человека болезненного, чрезвычайно нервного. Худой. Ходит несколько неуверенно. Говорит иногда невнятно. По общему habitus высоко интеллигентен.

На вопросы присутствующих дает следующие ответы: «Аррато»—псевдоним. Его зовут: Роман Семенович Левитин. Родился недалеко от Киева в еврейской семье. Отец был замечательным бухгалтером. Он, Роман Семенович, до 16 лет изучал библию и Талмуд. Эти древние фолианты он усвоил в совершенстве, но ныне все позабыл, несмотря на свои 38 лет.

Окончил математический факультет Сорбонны в Париже и естественный факультет в Льеже. Владеет девятью языками.

Цифры и числа, которыми ему приходится оперировать во время опытов и публичных сеансов на сцене (этим путем он добывает средства к существованию), он сейчас же забывает. Но если захочет запомнить, то запомнит навеки.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 62

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 22-го августа 1922 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

10 час. вечера. Несмотря на слабое электрическое освещение (в сравнении с освещением при предшествующих опытах), приступают к экспериментам с шарами.

В. Л. Дуров показывает шар шесть раз. Два раза сразу удачно зеленый, один раз сразу удачно красный, два раза удачно зеленый после предварительной неудачи, один раз удачно красный после предварительной неудачи.

Опыты реакции на звук. Условия предшествовавших опытов. Г. А. Кожевников берет на рояли «До»—«Марс» не подходит.

В. Л. Дуров берет «Ре»—«Марс» бежит к креслу.

»	«До»	»	»	к рояли.
»	«Ре»	»	»	к креслу.
»	«До»	»	»	к рояли.

Г. А. Кожевников предлагает В. Л. Дурову взять «Соль». «Марс» бежит к рояли также и на «Соль».

Г. А. Кожевников предлагает снова В. Л. Дурову взять «Соль». «Марс» бежит к рояли, но сейчас же бежит обратно к креслу.

Г. А. Кожевников предлагает взять «Фа». «Марс» совершенно не реагирует.

Далее уславливаются, что на «До-диэз» «Марс» должен сесть. В. Л. Дуров начинает устанавливать ассоциацию. «Марс» дважды садится при звуке «До-диэз».

В. Л. Дуров сообщает, что к нему обратился инженер Б. В. Кажинский с предложением участвовать в работах «Уголка», в виду того, что и его интересуют вопросы непосредственной передачи мыслей.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 63

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 5-го сентября, 1922 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научный сотрудник И. А. Лев.

Производятся опыты реагирования «Марса» на звук, при прежних условиях. Экспериментатор В. Л. Дуров.

«Ре»	—	«Марс»	отходит от рояля.
«Ре»	—	»	отходит дальше.
«До»	—	»	подходит.
«До-диэз»	—	»	садится.
«Ре»	—	»	отходит.

«До диэз»— «Марс» подбегает, садится.
«Ми» — » потягивается и садится на кресло.
«Ми» — » отбегает к дверям.
«До диэз»— » ходит по комнате, затем садится.
«Соль» — » отбегает, садится на кресло.
«Фа» — » чихает.
«Соль» — » чихает, продолжает сидеть.
«Ре» — » отбегает, садится на кресло.

Профессор А. В. Леонтович предлагает В. Л. Дурову взять на рояли «ре» октавой выше. «Марс» не реагирует. В. Л. Дуров берет «ре» прежней октавы. «Марс» реагирует правильно.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 64

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 13 сентября 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научный сотрудник И. А. Лев.

Предметом занятий служат опыты так называемого мысленного внушения. 10 ч. 15 м. вечера.

В. Л. Дуров просит занести в протокол, что «Марс» болен (глисты).

1. Проф. Г. А. Кожевников предлагает внушить «Марсу» взять подушечку с кресла.

Опыт удается сразу.

Проф. А. В. Леонтович констатирует, что у экспериментатора В. Л. Дурова пульс в данный момент—90.

2. Задание проф. А. В. Леонтовича: «Марс» должен подойти к ключам А. В. Леонтовича, положенным на стол.

Внушение производится три раза. Первый раз «Марс», обогнувши стол, стоящий посредине комнаты, подошел к А. В. Леонтовичу, сделав большой обход кругом вместо прямого пути. Второй раз «Марс» пошел совсем иным путем, мимо А. В. Леонтовича. В третий раз прошел так же, как в первый раз, подошел к А. В. Леонтовичу, но к ключам не прикоснулся.

III. Проф. Леонтович продолжает сидеть в том же кресле и держит ключи в руке. «Марс» должен к нему подойти и взять ключи.

Внушение производится 5 раз. Первый и третий раз «Марс» берет сходные пути, огибая стол и к А. В. Леонтовичу не подходя. Остальные 3 раза идет в направлениях приблизительно сходных, но мимо Леонтовича.

Проф. А. В. Леонтович констатирует, что у В. Л. Дурова пульс—90, не менее напряжен, чем прежде.

IV. Проф. Г. А. Кожевников предлагает удалить «Марса» из комнаты и положить на диван свернутую газету—«Марс» должен взять газету.

Опыт с первого раза удается.

Проф. Г. А. Кожевников объясняет удачу последнего (IV) опыта тем, что на диван был положен новый предмет (обычно на диване не лежавший).

Далее приступают к опытам реагирования «Марса» на различные тона: «Марс» лежит в углу комнаты. Проф. Кожевников берет «До»—«Марс» не подходит, В. Л. Дуров берет «До»,—«Марс» подходит. Проф. Кожевников берет «Ре», «Марс» отбегает к креслу. Он же берет «До»,—Марс подходит. Профессор полагает, что два последних задания собака исполнила правильно, отчасти благодаря «вкусопоощрению».

Вслед за сим переходят в «греческий зал» к попугаям. Серый попугай «Жако» вылетает из открытой клетки, садится на руку В. Л. Дурова, проявляет признаки беспокойства. Наблюдается картина «токования» в форме, описанной в прежнем протоколе.

В. Л Дуров демонстрирует дрессированного барсука (кличка «Борька»), который по команде кувыркается и пролезает в ворота (расставленные ноги).

А. Леонтович.
Г. Кожевников.
В. Дуров.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 65

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 19 сентября 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает, что его посетил д-р Каптерев, председатель Гипнологического О-ва, интересовался работами «Уголка» и предложил В. Л. Дурову сделать доклад в о-ве по вопросу о так называемом «мысленном внушении».

Производятся опыты так называемого «мысленного внушения».

I. Задание проф. Кожевникова: «Марс» должен подойти к подушке, лежащей на диване, находящемся у той же стены, где кресло, на котором он сидит.

Внушение производится дважды. В первый раз «Марс», соскочивши с кресла, на которое его всегда сажают при внушении, делает немного шагов и потягивается. Во второй раз выполняет задание.

II. Задание проф. Кожевникова: «Марс» должен взять красную подушку, лежащую среди других на другом диване.

Внушение производится два раза. В первый раз собака идет в сторону дивана, но останавливается. Второй раз подходит сначала к столу, поворачивает под углом к дивану, подходит к нему, чешется, подушки не берет.

III. Задание экспериментатора В. Л. Дурова: «Марс» должен взять коробочку спичек со стола.

Внушение производится три раза. В первый раз собака идет в совершенно неверном направлении и ложится. Второй раз направление тоже неверное, отводящее от задуманного места. В третий раз задание исполнено.

Далее происходят опыты развязывания узлов обезьяной «Джипси». Обезьяну привязывают одним узлом к ножке венского стула. Джипси потащила стул за собой.

После этого ее привязывают одним узлом к тяжелому креслу. «Джипси» сразу развязывает узел. Сейчас же привязывают ее к тому креслу двумя узлами. «Джипси» развязывает оба узла и освобождается.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 66

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка» В. Л. Дурова. 3 октября, 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научный сотрудник И. А. Лев.

Ставятся опыты различения цветов животными при новых условиях. В. Л. Дуровым устроен ящик, к крышке которого проделаны 4 отверстия круглой формы. Против этих отверстий внутри ящика находятся дощечки, подымающиеся и опускающиеся посредством четырех длинных веревок, концы которых держат в руках экспериментаторы. К двум дощечкам прикреплены два мяча: к одной—красный, к другой—зеленый. К двум другим прикреплено «вкусопоощрение»: куски мяса.

«Марс» на своем обычном месте. Против него помещается описанный ящик, находящийся от собаки на таком расстоянии, чтоб та могла, нагнувшись, взять кусок мяса, появляющийся у отверстия. Невдалеке лежат два шара (красный и зеленый), которые «Марс» должен, по заданиям, взять. Экспериментатор находится в 8—10 шагах от «Марса».

Проф. Кожевников выдергивает красный шар, выдвигающийся из отверстия. «Марс» берет красный шар, лежащий возле него. В качестве «вкусопоощрения» проф. Кожевников выдергивает дощечку с мясом, которое «Марс» поедает. После этого проф. выдергивает зеленый шар—«Марс» берет зеленый шар и получает кусок мяса, появляющийся у другого отверстия ящика.

Далее приступают к опытам реакции «Марса» на звук.

«До» —«Марс» подходит.
«Ре» — » убегает к креслу.
«Ре-диэз»— » лег.
«До-диэз»— » сел.
«Ми» — » ошибается, но, в конце, идет к дверям.

Профессор Г. А. Кожевников предлагает научить «Марса» реагировать на новую ноту «Фа» (лаять). В. Л. Дуров сидит у рояля, подзывает «Марса» и пытается установить эту реакцию.

После 12—15 попыток «Марс» начинает при звуке «Фа» лаять, получая каждый раз «вкусопоощрение».

Вслед за сим приступают к опытам так называемого «мысленного внушения».

I. Задание проф. Г. А. Кожевникова: «Марс» должен взять белый костяной нож, лежащий на круглом столике.

Внушение производится четыре раза. В первый раз «Марс» пошел сначала в нужном направлении, затем уклонился влево, второй раз подбежал к столику, но ножа не взял. В третий раз подошел к срединному столу, еще сильнее уклонившись влево, чем в первый раз, а затем, в четвертый раз выполнил задание.

II. Задание проф. Кожевникова: «Марс» должен взять вязаный жилет, который профессор снял (вследствие теплой температуры в комнате) и положил на кресло.

Внушение производилось 6 раз. В первый раз «Марс» взял путь значительно правее, чем нужно, и подошел к Б. Б. Кажинскому. Второй, третий и пятый раз берет приблизительно одинаковое направление к столу, огибая его углом и проходя несколько дальше. Четвертый путь в начале такой же, как первый, быстро прекращается, а в шестой раз задание выполняется.

Б. Б. Кажинский демонстрирует чертеж проектируемой им кабины, изолирующей внушающего экспериментатора от подъопытного животного.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 67

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 10 ноября 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

Предметом занятий служат опыты различения цветов. Условия опытов изложены в предыдущем протоколе.

Экспериментатор—проф. Г. А. Кожевников.

Показывает	зел.—	«Марс»	с минуту не берет, потом взял зеленый и отнес в сторону. Мяса не получает.
»	кр. —	»	берет красный. Получает мясо.
»	кр. —	»	» зеленый, бросает, берет красный. Получ. мясо.
»	зел.—	»	» зелен., потом красн., потом зел. Получает мясо.
»	зел.—	»	» зелен., потом красн., потом зел. Получает мясо.
»	кр. —	»	» зелен., потом красн. Получает мясо.
»	кр. —	»	» красн., потом зел., потом красн. Получает мясо.
»	зел.—	»	» красн., потом зел. Получает мясо.
»	зел.—	»	» зел., потом красн., потом зел. Получает мясо.
»	кр. —	»	» зел., потом красн. Получает мясо.

Далее приступают к опытам реакции на звук (В. Л. Дуров).

«До»	—	«Марс»	подходит. Затем убегает в другую комнату.
«До»	—	»	приходит из другой комнаты.
«Ре-диэз»	—	»	ложится, но не сразу.
«Ре»	—	»	чешется, но затем садится на кресло.
«До»	—	»	не подходит.
«До-диэз»	—	»	сразу не реагирует, потом садится.

Проф. Кожевников подходит к роялю, берет «До». «Марс» лежит и не подходит.

В. Л. Дуров демонстрирует самку-альбиноску крысу «Пеночку», которую он стал поощрять не лакомой пищей, а различными предметами, необходимыми ей в качестве подстилки для гнезда с детенышами.

В. Л. Дуров открывает клетку. Выходит «Пеночка». Вальсирует. В награду получает белую бумажку. Относит ее в клетку и вновь подходит. Вальсирует. Снова получает бумажку и относит ее в гнездо. Так происходит несколько раз. Одинаковый эффект получается, когда ей в виде поощрения дали тряпочку.

В. Л. Дуров высказывает мнение, не имеет ли в данном случае место желание «Пеночки» «заработать», так сказать, подстилку, необходимую ей для гнезда. (Иистинкт материнства).

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 68

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 17-го ноября 1922 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, гость проф. Г. И. Челпанов, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

Проф. Г. И. Челпанов интересуется работами «Уголка». В. Л. Дуров демонстрирует результаты дрессировки, как зоопсихологического метода.

Морская свинка подымает флажек зубами; другая спускает флажек зубами.

Крыса-альбинос подымает флажек лапками.

Другая крыса-альбинос «вальсирует», получая в качестве «вкусопоощрения бумажки, необходимые для подстилки гнезда с детенышами.

Курица «вальсирует» (пируэт, делает па, играет на цитре, клювом и лапкой).

Попугай «Жако» токует.

Барсук кувыркается, пролезает в «ворота».

Свинья развертывает ковер, двигает мордой «цель», стреляет из пушки.

Лисицы: качаются на качелях, ходят на задних лапках, вальсируют, катаются на вертящемся цилиндре, прыгают в обруч, качаются на трапеции, пробегают «зигзагами» между металлических прутиков, делают колоссальные прыжки, собирают и складывают ковер.

Кот «Пушок» вальсирует и балансирует на металлических палочках.

Обезьяна «Гашка» в силу установившегося, по мнению В. Л. Дурова, «психического контакта» между ею и им совокупностью всех своих действий «заставляет» Дурова отпереть замок ее клетки. (Поведение обезьяны описано в предыдущих протоколах).

Далее ставятся опыты реакции «Марса» на звук.

По заданию проф. Г. А. Кожевникова, «Марс» должен в первый раз на «Соль» перескочить через стул. После нескольких попыток В. Л. Дурову путем «вкусопоощрения» удается более или менее установить эту реакцию.

Опыты с лаем. Экспериментатор В. Л. Дуров.

Задание:	Исполнение:
5	5
4	2
	(В. Л. Дуров заставляет «Марса» лаять из другой комнаты).

Проф. Г. А. Кожевников дает В. Л. Дурову задание «внушения» «Марсу» следующих действий: выйти из гостиной в переднюю, подойти к столику с телефонным аппаратом, взять в зубы телефонную книжку и принести ее в гостиную.

Дверь в переднюю открыта. После полуминутной фиксации взглядом, «Марс» устремляется к середине комнаты, В. Л. Дуров усаживает «Марса» вновь на кресло, держит в руках его морду, фиксирует взглядом и отпускает. «Марс» направляется к дверям, ведущим в переднюю, и хочет их закрыть. В третий раз В. Л. Дуров усаживает «Марса» на кресло, фиксирует взглядом и отпускает: «Марс» устремляется в переднюю, поднимается на задние лапы у шкафчика в передней, опускается, подходит к подзеркальному столику, затем подходит к телефонному столику, достает телефонную книжку и приносит ее в гостиную. На телефонном столике. кроме телефонной книжки, еще две алфавитные книжки и телефонный аппарат.

Перед началом опыта В. Л. Дуров находился в сильно возбужденном состоянии, обусловленном предшествующими дебатами.

Г. Кожевников.
А. Леонтович.
В. Дуров.
Б. Кажинский.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 69

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» 23-го ноября 1922 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

Задание проф. Кожевникова: внушить «Марсу» вскочить на диван.

Внушение происходит четыре раза. В первый раз идет к срединному столу, не доходит до него и потягивается. Второй раз подходит к столу и берет клеенку зубами. В третий раз подходит к стулу, стоящему в стороне от дивана, но в той же части комнаты, четвертый раз снова подходит к срединному столу.

Опыты реакции на звук.

«Ре» —«Марс» лежит в углу, подходит к роялю и затем идет к креслу.
«До» — » подбегает.
«Ре» — » идет к креслу.
«Ре-диэз»— » после колебания лег.
«Фа» — » слабо лает.
«Ми» — » садится на стул, но затем идет к дверям.
«До» — » подходит к рояли.

Г. А. Кожевников предлагает вторично В. Л. Дурову внушить «Марсу» вскочить на диван.

Внушение происходит три раза. Первый раз направление к столу (обычное движение), не доходит; второй раз идет к дивану, не доходит, третий раз подходит к столу.

Проф. А. В. Леонтович предлагает для определения скорости установления условных рефлексов научить свежую (не бывшую в дрессировке) крысу перевертываться.

10 час. 2 м. вечера. Приносят круглую тумбочку (в виде колонны), В. Л. Дуров сажает на нее маленькую крысу.

Г. А. Кожевников полагает, что раз поверхность тумбочки круглая, то всякое движение поневоле переходит в верчение.

Крыса часто умывается. Ест подсолнухи неохотно. Крысу убирают и в 10 ч. 5 м. приносят другую, такого же возраста. Приманка—лущенные семячки. Знакомится с поверхностью, обнюхивает воздух, умывается. В. Л. Дуров обводит подсолнухом кругом всего тельца крысы и, после поворота, прикармливает ее. В 10 ч. 15 минут (спустя 10 мин.), после 11 научений, рефлекс установился.

В 10 ч. 23 минуты вновь приносят первую крысу. Нюхает. Умывается. Слабее второй реагирует на движения Дурова. В 10 час. 37 минут (спустя 14 минут), после 12 научений, рефлекс более или менее установился.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 70

1922 г., декабря 5-го дня, в научном и культурно-просветительном «Уголке» В. Л. Дуровым, в присутствии научных сотрудников: проф. Г. А. Кожевникова, проф. А. В. Леонтовича, инж. Б. Б. Кажинского и И. А. Лева, были произведены опыты внушения собаке «Марс». Начало опытов в 9 час. 15 минут вечера.

Собака находится в половом возбуждении, прыгает, шалит.

Задание I: «Марс» должен взять с дивана лежащую там между иными подушками подушку желтого цвета.

Исполнение: После обычной фиксации взглядом собака направляется не в нужную сторону. Первая проба не удалась. Во второй раз собака пытается взять книгу с крышки рояли. В третий раз собака приносит с пола платок. В четвертый раз «Марс» идет к дивану и хочет взять с него подушку, но не желтую, а другую.

Задание II: «Марс» должен отлаять заданное число раз, находясь в одном помещении с экспериментатором.

1)	Задано	5	раз	—	исполнено	2 раза.
2)	»	5	»	—	»	5 »
3)	»	3	»	—	»	1 »
4)	»	4	»	—	»	5 »
5)	»	7	»	—	»	7 »
6)	»	3	»	—	»	4 »
7)	»	6	»	—	»	1 »

Задание III: «Марс» должен отлаять заданное число раз, но при этом экспериментатор находится в другом помещении, за дверью.

1)	Задано	4	раза	—	исполнено	1 раз.
2)	»	4	»	—	»	4 »
3)	»	7	»	—	»	3 »
4)	»	3	»	—	»	3 «
5)	»	5	»	—	»	2 »

Задание IV: То же самое, но экспериментатор перешел вновь в то же помещение, где был «Марс».

1)	Задано	5	раз	—	исполнено	6 раз.
2)	»	3	»	—	»	4 »
3)	»	7	»	—	»	7 »

Задание V: Вновь экспериментатор за дверью, разобщен с «Марсом».

1)	Задано	4	раза	—	исполнено	4 раза.
2)	»	7	»	—	»	0 »

Собака продолжает быть резвой, заметны ее желания уклоняться от исполнения опытов.

Задание VI: Внушение «Марсу» сна.

Исполнение: В. Л. Дуров усаживает «Марса» на кресло. Фиксирует. Из соседнего помещения слышны громкие звуки переговоров по телефону. Через несколько минут, после нескольких попыток «Марса» вырваться из рук экспериментатора, собака делается смирнее, зевает. Пытается усесться поудобнее. Узкое сидение кресла мешает принять удобную ей позу. Экспериментатор переводит собаку на кушетку. Через 3 минуты после начала внушения «Марс» сидит с закрытыми глазами. Голова поднята, уши торчат. На 5-ой минуте голова склоняется, «Марс» принимает лежачую

позу. Порывается заснуть. На 10-й мин. начало сна заметно. Звуки разговора по телефону не прекращаются, развлекают «Марса». Опыт оставлен. После опыта «Марс» заметно смирнее, все время лежит. После опытов ведутся оживленные дебаты и обсуждения термина «эмоциональные рефлексы», введенного В. Л. Дуровым для объяснений достигаемых им явлений и поведения животных.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 71

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова».

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

Проф. Г. А. Кожевников набрасывает конспект своего информационного доклада по поводу работ, ведущихся в «Уголке», на съезде зоологов в середине декабря с. г. в Петрограде.

Далее, приступают к опытам так называемого «мысленного внушения». Задание проф. Г. А. Кожевникова: «Марс» должен вскочить на диван.

Внушение производится два раза. В первый раз «Марс» подходит к дивану и не вскакивает, во второй раз подходит к дивану и вскакивает, выполняя задание.

II. Задание В. Л. Дурова: «Марс» должен вскочить на стул и дернуть звонок, свисающий с люстры.

Внушение производится два раза. В первый раз «Марс» подходит к столу и стаскивает с него пачку протоколов, во второй раз делает то же самое.

По поводу опытов со вскакиванием на диван во время этого сеанса и предыдущего А. И. Дурова сообщает, что перед прошлым заданием она наказала «Марса» за прыгание на диван. Перед сеансом этого дня А. И. Дурова приглашала «Марса» прыгать на диван, что он сначала отказывался делать, но после повторных приглашений и ласканий он это сделал [1]).

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.
И. Лев.

---

[1]) Приведенный факт показывает, насколько осторожным надо быть при оценке поведения животного при опытах «внушения». Предшествующие обстоятельства из жизни животного могут решительно влиять на ход опытов и затемнять выводы.

Прим. Г. Кожевникова.

ПРОТОКОЛ № 72

заседания научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова». 28-го декабря 1922 года.

Присутствовали: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

Профессора Г. А. Кожевников и А. В. Леонтович сообщают о петроградском съезде зоологов, членами которого они состояли. Съезд закончился на-днях.

Профессор Г. А. Кожевников обращает внимание, что на съезде не было особой секции зоопсихологии, нас в данном случае интересующей. Следует отметить доклад В. А. Вагнера (речь на общем собрании): «Психология, как отрасль биологии», и доклад гистолога проф. Заварзина: «О параллелизме в нервной системе различных животных». В секции систематики, экологии и зоогеографии проф. Н. К. Кольцов сделал сообщение об опытах М. П. Садовниковой над чижами и снегирями по методу американской школы зоопсихологов (лабиринты). Ученик академика И. П. Павлова Фролов сделал доклад: «Опыт классификации инстинктов».

Г. А. Кожевников сделал на съезде доклад: «К вопросу о мысленном внушении у животных». В докладе было упомянуто о печатных трудах академика В. М. Бехтерева по этому вопросу, об опытах В. Л. Дурова, о толковании В. Л. Дурова, об его объяснении природы мысленных внушений, установленных им (по терминологии В. Л Дурова), «внушенных эмоциональных рефлексах», о различении цветов «Марсом», о реакциях на звук и проч.

После доклада, целый ряд лиц задавал вопросы. Особенно заинтересовался этими опытами проф. В. В. Станчинский из Смоленска. Л. Васильев сказал, что эти опыты над животными следовало бы продолжать на людях.

Проф. Г. А. Кожевников посетил в Петрограде Бехтеревский институт по изучению мозга и психической деятельности. Он чрезвычайно сложно устроен. Там особенно интересен большой музей мозга (заведующий проф. Е. Н. Павловский). Имеется особая лаборатория для изучения мозга. Отделение гистологии мозга. Отдел строения органов чувств, периферической нервной системы, патологии мозга. Лаборатория рефлексологии (целый ряд схем различных сложных сочетательных рефлексов); в лаборатории опытная будка. Лаборатория бактериологическая, работающая ныне над изготовлением мозговых сывороток.

При институте—комиссия по изучению мысленного внушения и иных загадочных явлений. Председатель комиссии—физиолог Борсук, тов. председателя—Л. Васильев. Комиссия разбивается на ряд секций: изучение медиумов, явления телепатии и ясновидения, изучение автоматизма и раздвоения личности, медиумических явлений и месмеризма. Ныне там производятся опыты, между прочим, автоматического рисования: экспериментатор А. задумывает какой-либо рисунок, смотрит сзади в затылок В., перед которым помещается планшетка на трех ножках, из которых одна—карандаш. В. водит карандашом и автоматически рисует. Г. А. Кожевников получил 2 кальки (приложены к протоколу), где можно сравнить задуманное и исполненное.

Далее проф. Г. А. Кожевников сообщает, что академик В. М. Бехтерев начал обучать собак выстукивать лапой цифры. Собака, по словам Бехтерева, воспринимает очертания цифр. Показывают 6. и она выстукивает—6. Собака также понимает звуковой приказ. Двухзначные цифры выстукиваются ею двумя лапами: единицы—одной и десятки—другой.

Проф. А. В. Леонтович посетил заседание Физиологического О-ва, на котором ученик академика И. П. Павлова, молодой физиолог Кребс, сделал сообщение об изучении явлений торможения условных рефлексов, о продолжительности волны торможения, об опытах, когда известный участок мозга тормозится, а другие участки находятся в состоянии особенной возбудимости. У Павлова начинают сейчас говорить о мозговой индукции.

А. Ф. Леонтович посетил также: 1) Биологическую лабораторию (быв. Лесгафта) и 2) Физиологическую лабораторию (проф. Зеленого).

Второе сообщение касалось влияния течки на образование условных рефлексов. Почти за неделю до наступления течки рефлексы начинают колебаться, колебания продолжаются во время и после этого тормоза. Тут же падают и промежутки нормальные.

Проф. А. В. Леонтович имел также беседы с академиком И. П. Павловым. В институте экспериментальной медицины (Павлова) были показаны белые мыши (в ящиках), над которыми производятся крайне интересные опыты дрессировки на звонок.

Имеются уже 3 поколения. Первое поколение пошло на звонок после 300 сочетаний. Второе—после 100. Третье после 20.

По предложению Г. А. Кожевникова, было постановлено произвести повторение этих опытов на крысах.

Г. Кожевников.
В. Дуров.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 73

заседания научных сотрудников лаборатории при научном и культурно-просветительном «Уголке» имени В. Л. Дурова.

Заседание 5 января.

Присутствуют: проф. Г. А. Кожевников, заведующий В. Л. Дуров, инж. Б. Б. Кажинский.

Опыты с внушением собаке «Марсу» через проволочную клетку, изолирующую (по системе инж. Кажинского) экспериментатора В. Л. Дурова от подопытного «Марса». Заземление изолятора в указанной системе устроено отводом провода к калориферу центрального отопления. В провод включен коммутатор, могущий замыкать и разъединять заземление. Открытый коммутатор разъединяет изолятор от земли, закрытый заземляет.

Опыты начались в 6 ч. 30 м. вечера. Экспериментатор В. Л. Дуров в изоляторе. Проф. Г. А. Кожевников у коммутатора дает задания экспериментатору и переводит ручку коммутатора. «Марс» лежит на полу. Отмечается его

вялое состояние. Подачка происходит хлебом, за отсутствием приготовленного мяса, что имеет существенное значение для опытов, так как «Марс» тогда мало заинтересован исполнением заданного.

Задание:	Исполнение:
1. „Марс“ должен встать.	1. Коммутатор открыт—нет реакции.
	2. „ закрыт— „ „
	3. „ открыт— „ „
	4. „ закрыт— „ „
	5. „ открыт— „ „
	6. В. Л. Дуров открывает дверцу изолятора и закрывает вновь. —„Марс“ поднял голову и опустил вновь.
2. „Марс“ усажен на обычное место—кресло. Должен взять светлую тряпку с дивана.	1. Коммутатор открыт—„Марс“ соскакивает с кресла и берет зубами тряпку.
	2. „ закрыт—нет реакции.
	3. „ открыт—„Марс“ вновь соскакивает с кресла, подходит и берет зубами тряпку.
	4. „ закрыт—„Марс“ проделывает вновь то же самое, т. е. берет тряпку [1]).
3. „Марс“ должен взять с дивана подушку.	1. Коммутатор закрыт—„Марс“ сошел с кресла и улегся равнодушно на пол.
	2. „ „ —нет реакции.
	3. „ открыт—„Марс“ спрыгнул с кресла, но подошел к двери гостиной (за дверью шум), стал слушать.

4. Коммутатор закрыт—„Марс“ сошел и разлегся на полу.
5. „ открыт—„Марс“ спрыгнул с кресла, потянулся, почесался 2 раза и все внимание обратил на дверь гостиной, за которой слышен посторонний шум (в передней).

Опыты прекращены в 7 ч. 15 м. вечера.

[1]) Примечание к заданию 2-му, см. исполнение 4-ое:

Проф. Г. А. Кожевников высказал предположение, к которому присоединились В. Л. Дуров и Б. Б. Кажинский, о том, что исполнение 4-ое «Марс» проделывает, проявляя, повидимому, автоматизм, усвоенный им после исполненного дважды перед тем того же самого задания (дважды подряд).

В. Дуров.
Б. Кажинский.
Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ № 74

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 16-го января 1923 года.

Присутствуют: почетный гость академик В. М. Бехтерев, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, заведующий В. Л. Дуров, научные сотрудники: И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

Происходит обмен мнений по поводу доклада Сотонина на заседании Психологической секции Всероссийского Научного съезда по психоневрологии в Москве 15 января с. г., на тему: «По поводу мнимо-непосредственной передачи мыслей в опытах академика В. М. Бехтерева».

Сотонин считает непосредственную передачу мыслей невероятной и утверждает, что имеющиеся факты передачи могут быть объяснены едва заметными знаками: движением глаз, туловища, хотя бы и бессознательными.

Академик В. М. Бехтерев в ответном слове на съезде указал, что имеется громадное количество фактов и наблюдений непосредственной передачи мыслей и что этот вопрос нельзя отвергать только потому, что он кажется невероятным. Невероятным казалось летание по воздуху, а в области психических явлений—гипноз. Однако гипноз применяется уже в медицине, и люди летают по воздуху. Разрешение вопроса о непосредственной передаче мыслей является

одним из насущных вопросов XX века. В опытах, произведенных им, передача мыслей производилась не только над людьми, но и над собаками. При чем опыты ставились таким образом, что уничтожалась возможность скрытных намеков, подсказываний и т. п. Например, экспериментатор помещался в закрытой будке, или предметы, которые надо было найти, помещались в другой комнате. Подобные же опыты производились в Москве над собаками В. Л. Дурова, также весьма удачные.

В прениях на съезде участвовал проф. Г. А. Кожевников, допускавший также возможность непосредственной передачи мыслей и указавший на давнишние опыты Дурова в этом направлении.

Далее, происходят в лаборатории «Уголка» опыты реакции «Марса» на звук. При предшествующих опытах пользовались звуками рояли, при сегодняшнем рояль заменяет скрипка.

Скрипач берет тем же тоном, что на рояли, три раза Re, «Марс» не реагирует.

В. Л. Дуров, берет на рояли Re, «Марс» реагирует правильно.

Do на скрипке два раза. «Марс» подходит. (Правильно).
Re на скрипке четыре раза. «Марс» уходит. (Правильно).
Mi на рояли. Вместо задания—подойти к двери, «Марс» прыгает.
Fa на рояли. «Марс» лает. (Правильно).
Sol на рояли. «Марс» прыгает. (Правильно).
Fa на скрипке. «Марс» ложится, катается. (Неправильно).
Fa одновременно на рояли и на скрипке. «Марс» лает. (Правильно).
Do на скрипке несколько раз. «Марс» подходит. (Правильно).

Можно констатировать, что «Марс» начинает реагировать на звук скрипки, использованной впервые для опытов в данном направлении над этой собакой.

Скрипач наигрывает мотив: «Оружьем на солнце сверкая» (обычная песенка для зеленого попугая на рояли). Попугай подхватывает в унисон так же верно, как и при звуках рояли во время предшествовавших опытов.

Вслед за сим приступают к опытам так называемого мысленного внушения «Марсу».

I. Задание проф. Г. А. Кожевникова: взять один из номеров журнала с круглого столика.

Внушение произведено пять раз. В первый раз «Марс» подошел к столу и потянулся, во второй раз, соскочивши с кресла, прошел немного вперед, левее первого направления и остановился, в третий и четвертый раз подошел к столу, как в первый раз, в четвертый раз прошел в том же направлении немного дальше стола и сел.

II. Задание проф. Г. А. Кожевникова: взять белый журнал с дивана.

Внушение произведено пять раз. Все пять раз «Марс» подошел к столу, к которому так часто подходит во время производства опытов (см. примечание на стр. 439). В первый раз лег около стола, второй и третий раз стягивает белую скатерть со стола.

В. М. Бехтерев пишет на записке, что «Марс» должен сделать, и передает записку В. Л. Дурову, который внушает собаке.

I. В. Л. Дуров внушает. «Марс» подходит к столу и берет скатерть. На записке же было написано: «влезть на стул около стола».

II. В. М. Бехтерев пишет другую записку: «сесть на кресло около рояли». В. Л. Дуров внушает. «Марс» чешется, берет бумагу.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 75

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 22-го января 1923 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники: И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

Происходят опыты с лаем «Марса». Экспериментатор В. Л. Дуров—в будке не знает, в каких случаях есть заземление и в каких нет. Рядом на кресле «Марс». Г. А. Кожевников передает В. Л. Дурову записку с заданием, сколько раз «Марсу» надлежит лаять. В. Л. Дуров внушает.

	Задание:	Исполнение:	
1. Не земля	3	3	+
2. Не земля	5	4	—
3. Земля	2	2	+
4. Земля	6	9	—
5. Не земля	4	2	—
6. Не земля	3	3	+

Всего: Земля 1 +, 1 —
Не земля 2 +, 2 —

	Задание:	Исполнение:	
1. Земля	5	6	—
2. Не земля	2	2	+
3. Земля	4	4	+
4. Земля	3	3 или 4	?
5. Земля	5	отказ	
6. Не земля	4	4	+
7. Не земля	6	6	+
8. Земля	7	7	+
9. Не земля	3	1	—
10. Не земля	4	отказ	

Всего: Земля 2 +, 2 —, 1 отказ.
Не земля 3 +, 1 —, 1 отказ.

	Задание:	Исполнение:	
1. Не земля	2	2	+
2. Не земля	4	4	+
3. Земля	3	1	—
4. Не земля	6	6	+
5. Земля	4	2	—
6. Земля	5	5	+
7. Земля	3	отказ	+
8. Не земля	4	4	
9. Не земля	5	4	+
10. Земля	3	3	—
11. Земля	5	5	+
12. Не земля	4	4	+
13. Не земля	5	отказ	
14. Земля	4	3	—

Всего: Земля 3 +, 3 —, 1 отказ.
Не земля 5 +, 1 —, 1 отказ.

Далее происходят опыты так наз. «мысленного внушения».

I. Задание проф. Г. А. Кожевникова: «Марс» должен взять толстую красную веревку на столике.

Экспериментатор В. Л. Дуров в будке. Заземления нет.

Внушение производится шесть раз. Первый раз «Марс», соскочивши с кресла, проходит всего несколько шагов вперед, уклоняясь немного влево, второй раз—тоже, уклоняясь вправо, в третий раз проходит несколько дальше, загиная вправо и чешется несколько раз подряд, четвертый раз подходит к столу, берет вату, в пятый раз идет к дивану, стоящему влево от него у той же стены и берет полотенце, в шестой раз подходит к задуманному столику и берет карточку, лежащую рядом с задуманной веревкой.

II. Задание проф. Г. А. Кожевникова: «Марс» должен взять белый журнал на круглом столе.

Экспериментатор В. Л. Дуров в будке. Заземление есть.

Внушение производится шесть раз. Первый раз «Марс» берет правильное направление, но скоро останавливается. Второй раз идет дальше, чем в первый, отклоняясь вправо, к дивану, но, не дойдя до него, круто поворачивает назад, в третий раз идет еще правее, четвертый раз—приблизительно по второму пути, но не так далеко, пятый раз совсем иное направление, резко влево, шестой раз направление к задуманному месту, но не доходит.

В. Л. Дуров сообщает, что им получена новая статья академика В. М. Бехтерева «О зоорефлексологии, как научной дисциплине, и о разговоре попугаев с точки зрения объективного исследования». В означенной работе имеется много ссылок на опыты и наблюдения над животным составом «Уголка».

В. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 76

заседания практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 4 го февраля 1923 года [1])

Присутствуют: проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники: И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

И. А. Лев сообщает, что сегодня, 4 февраля 1923 г., вышел из печати № 5 «Красной Нивы», в котором имеется заметка: «Из области зоопсихологии», посвященная работам «Уголка» и снабженная фотографическими снимками животных.

Вслед затем происходит обсуждение вопроса о мысленном внушении.

Г. А. Кожевников полагает, что в опытах мысленного внушения надлежит делать комбинации, которые можно объективно квалифицировать. При анализе опытов подобного рода следует различать обстановку «подсказывающую» и обстановку «затемняющую». Пример «подсказывающей» обстановки: предмет на необычном месте, бросающийся в глаза; близость расстояния: если взять вещь, от которой пахнет хозяином, и положить в другой комнате, то, конечно, вещь будет найдена животным, обладающим тонким чутьем. Пример, «затемняющей» обстановки: зеленая вещь на зеленом фоне не обращает на себя внимания.

А. В. Леонтович также думает, что при разработке опытов следует принимать во внимание коэффициент трудности.

Руководствуясь означенными положениями, приступают к обозрению протоколов, фиксирующих опыты с «Марсом» с 28-го сентября 1921 г. и устанавливают следующую схему:

28 сент. 1921 г. I опыт. Задание—взять с зеленого кресла белый платок. Форма опыта «подсказывающая», много облегчающих обстоятельств. Легкий. Удача.

II опыт. Задание—взять тот же белый платок с белой табуретки. Средняя трудность. Неудача, но выполнение сходно с заданием: вместо белого платка взята белая подушечка. (Полуудача).

---

[1]) В конце января В. Л. Дуров уехал в командировку в Германию для приобретения морских львов и иных животных от Гагенбека. В виду того, что все опыты, производившиеся до этого времени, были основаны на установлении известного контакта между В. Л. Дуровым и его животными, в его отсутствие сотрудники не сочли возможным ставить опыты, кроме небольших проб, тем более, что поездка предполагалась весьма кратковременной. Она сильно затянулась вследствие непредвиденных обстоятельств. За время отсутствия В. Л. Дурова обязанности заместителя заведующего нес Г. А. Кожевников. За это время было много финансовых и хозяйственных затруднений, по поводу которых происходили обсуждения на собраниях сотрудников, как тех, о которых имеются протоколы, так и незапротоколированных. В протоколы все административно-хозяйственные дела, обсуждавшиеся на собраниях сотрудников, не внесены.

Примечание проф. Г. Кожевникова.

III опыт. Случай «подсказывания». Задание — взять с табуретки портфель, предмет новый, необычный. Удача.

IV опыт. Трудный. Задание—взять суконную покрышку клавишей рояля, лежавшую до начала опыта на спинке того кресла, на которое сажают собаку. Удача [1].

4 окт. 1921 г. I опыт. Трудный. Удача.
II опыт. Средний. Удача.
III опыт. Трудный. Полуудача.

10 окт. 1921 г. I опыт. Трудный. Неудача—удача (повторение).
II опыт. Средний. Неудача.

14 окт. 1921 г. I опыт. Трудный. Неудача.
II опыт. Трудный. Удача.
III опыт. Трудный. Неудача.

22 окт. 1921 г. I опыт. Легкий. Неудача—удача.
II опыт. Трудный Неудача.
III опыт. Легкий. 3 неудачи.

8 нояб. 1921 г. I опыт. Средний. 2 неудачи, 1 удача.

22 дек. 1921 г. I опыт. Средний. Неудача.
II опыт. Трудный. Неудача. Удача.
III опыт. Трудный. 2 полуудачи, 1 удача.
IV опыт. Легкий. Неудача. Удача.

Г. Кожевников.
И. Лев.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 77

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 4 марта 1923 года.

Присутствуют: проф. Г. А. Кожевников и И. А. Лев.

Продолжается анализ протоколов с опытами «мысленного внушения» над «Марсом», (см. предыдущ. протокол).

28 декабря 1921 г. I опыт. Средний. 2 неудачи, 1 удача.
(Прот. № 47) II » Трудный. Неудача.
III » Средний. Неудача.

---

[1] Понятие о легкости или трудности задания весьма трудно определить. Сотрудники лаборатории, приступая к попытке деления опытов на категории, полагали, что в общем обычность вещи и обычность места, где она лежит, есть обстоятельство, затрудняющее выполнение, а необычность вещи (вещь чужая, не из этой комнаты) и необычность места, где она лежит, привлекая внимание, как нечто новое, облегчает выполнение. Полуудачей условлено считать такие случаи, когда взята вещь, похожая на задуманную, или взята вещь, лежащая рядом с задуманной.

Прим. проф. Г. Кожевникова.

21 января 1922 г.	I	»	Легкий. Неудача.
(Прот. № 48).	II	»	Средний. 4 неудачи.
4 февраля 1922 г.	I	»	Средний. 5 неудач.
(Прот. № 50).	II	»	Легкий. 2 неудачи.
19 февраля 1922 г.	II	»	Легкий (с газетой). Удача.
(Прот. № 51).	III	»	Трудный. (С креслом). Удача.
	IV	»	Трудный. 2 неудачи, 1 удача.
28 февраля 1922 г.	I	»	Трудный. 3 неудачи. 1 полуудача.
(Прот. № 52).	II	»	Средний. 5 неудач.

При обозрении живого состава лаборатории обнаружена гибель крысы «Пеночки» и розового попугая.

У «Пеночки» покусана грудь, отсутствует лапка. Обстоятельства увечья неясны. Можно предположить борьбу с сидевшим в той же клетке самцом, или нападение на клетку диких крыс, которые сильно размножились в помещении «Уголка».

По вскрытии розового попугая оказалось внутреннее кровоизлияние. Можно предположить сильный ушиб о металлическую клетку, вследствие испуга, обусловленного появлением диких крыс.

Г. Кожевников.
И. Лев.
А. Леонтович.

ПРОТОКОЛ № 78

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова».
15 марта 1923 года.

Присутствуют: проф. Г А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники: И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

Г. А. Кожевников сообщает о своей беседе с акад. П. П. Лазаревым в конце февраля с. г., по поводу его воззрений на природу мысленных передач.

П. П. Лазарев считает, что вопрос пока недостаточно разработан. Самые наблюдения сильно затрудняются тем, что в Москве, например, где ставятся опыты, постоянно взвешены в воздухе волны различного порядка и колебаний. В данный момент в лаборатории П. П. Лазарева улавливаются волны, существующие в коже, в теле человека. П. П. Лазарев допускает существование означенных волн и вне тела человека,—волн, являющихся результатом химико-физического процесса. Он также допускает возможность индукции человека человеку.

Заслушав об опытах с «Марсом», П. П. Лазарев сказал, что эти опыты заслуживают продолжения.

Относительно опытов с будкой (поставленных в «Уголке») П. П. Лазарев высказал мнение, что едва ли такими простыми приемами можно что-либо сделать, тем более, что с помощью гораздо более тонких приемов физикам пока не удаются подобные опыты.

А. В. Леонтович констатирует, что на последнем съезде невропатологов в Москве П. П. Лазарев высказал более определенное мнение, что «мысленные» волны найдены и даже измеряются 30 тыс. километрами.

Далее, продолжается анализ протоколов с опытами «мысленного» внушения» над «Марсом» (смотри предыдущий протокол).

2 апреля 1922 г.	I	опыт.	Средн. 5 неудач, 2 полуудачи.
25 » » »	I	»	Средн. 2 неудачи, 1 удача.
	II	»	Трудн. 3 неудачи, 1 полуудача.
	III	»	Средн. 5 неудач, 1 полуудача.
	IV	»	Трудн. 1 полуудача.
1 мая » »	I	»	Легкий. 2 неудачи, 1 полуудача.
	II	»	Легкий. 1 неудача, 1 удача.
	III	»	Легкий. 3 неудачи, 1 удача.
	IV	»	Трудн. 1 полуудача.
22 июня 1922 г.	I	»	Трудный. 1 неудача, 1 удача.
	II	»	Трудный. 1 неудача, 1 удача.
	III	»	Трудный. 1 неудача, 1 удача.
13 сент. 1922 г.	I	»	Легкий. Удача.
	II	»	Трудный. 2 неудачи, 1 полуудача.
	III	»	Трудный. 5 неудач.
	IV	»	Легкий. Удача.
19 сент. 1922 г.	I	»	Трудный. 1 неудача, 1 удача.
	II	»	Трудный. 2 неудачи.
	III	»	Трудный. 2 неудачи, 1 удача.
3 октября 1922 г.	I	»	Трудный. 2 неудачи, 1 удача, 1 полуудача.
	II	»	Средний. 5 неудач, 1 удача.
23 ноября 1922 г.	I	»	Трудный. 4 неудачи.
	II	»	Трудный. (Повторение). 3 неудачи.
5 декабря 1922 г.	I	»	Трудный. 3 неудачи, 1 полуудача.
11 декабря 1922 г.	I	»	Трудный. 1 неудача, 1 удача.
	II	»	Трудный. 2 полуудачи.

Б. Кажинский.
И. Лев.
А. Леонтович.
Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ 79

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке имени В. Л. Дурова» 30 марта 1923 года.

Присутствуют: проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники: И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

Проф. Г. А. Кожевников предлагает проделать несколько опытов с животными не в присутствии В. Л. Дурова.

Проф. Г. А. Кожевников берет на рояли «До»—«Марс» не реагирует, лежит на ковре и не подходит.

Г. А. Кожевников произносит «потянись»—«Марс» потягивается.

Попугай «Жако» повторяет те же движения «токования», что и при В. Л. Дурове.

Г. А. Кожевников произносит барсуку: «перевернись», «кувыркайся»—реакции нет.

Далее занимались обсуждением методики предстоящих опытов «мысленного внушения» с «Марсом». Желательно: 1) опыты делить на категории, одинаковые по степени трудности, но каждый раз с незначительными вариантами; 2) задание по запискам, чтобы оно было известно заранее только экспериментатору, но не всем присутствующим.

Б. Кажинский.
И. Лев.
А. Леонтович.
Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ № 80

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при неучном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова». 4-го мая 1923 года.

Присутствуют: проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники: И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

Б. Б. Кажинский сообщает, что он принимал участие в заседании Гипнологического О-ва 28 апреля с. г. и сделал доклад: «Передача мыслей». Докладчик познакомил присутствующих с работами, ведущимися в «Уголке», и развивал мысль, что животные в психологических реакциях—материал более благодарный, чем человек, и более объективный. Доклад вызвал ряд вопросов. Один из членов О-ва спросил, нельзя ли было бы в «Уголке» производить опыты и над людьми.

И. А. Лев реферирует доклад академика В. М. Бехтерева в Политехническом музее 2-го мая с. г. на тему «Гипноз и внушение».

Отметив, что к этим явлениям до сих пор относились скептически, В. М. Бехтерев констатирует, что ныне вопрос разработан научно, и в нашем распоряжении имеется большое количество экспериментальных данных. У животных те же явления гипноза, что и у людей. В. М. Бехтерев ссылался на работы «Уголка», главным образом, на опыты с «мысленным внушением» отыскивания предметов. Он считает эти опыты поразительными, так как во многих случаях нельзя ничего предложить, кроме наличиости мысленной передачи, кроме передачи энергии через пространство. Кропотливая наука движется медленно, но докладчик глубоко верит, что новое энергетическое воззрение на личность даст возможность объяснить эти кажущиеся необъяснимыми явления.

Г. Кожевников.
Б. Кажинский.
А. Леонтович.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 81

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова». 18-го мая 1923 года.

Присутствуют: проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

Г. А. Кожевников сообщает о своем посещении 14-го мая с. г. первого Государственного цирка, где происходила демонстрация учебной работы собак-ищеек (породы—немецкая овчарка и доберман пинчер), принадлежащих Управлению Уголовного розыска.

Была показана гимнастика: прыжки через препятствие, лазание через забор и по лестницам—стремянкам. Собака в строю—выучка дисциплины. Розыск по запаху вещей своего хозяина из общей кучи. Переноска собаками пакетов—донесений. Охрана собакой человека, или оставленной им вещи. Поимка преступника по его следу и задержание, борьба с вооруженным преступником. Были также инсценированы сцены уголовных происшествий: ограбление и убийство.

Общее впечатление—это отсутствие чего-либо нового и примечательного, по сравнению с тем, что уже достигнуто в области дрессировки собак. Некоторые задания были настолько элементарны по своей обстановке, что они не соответствовали представлению о высоких качествах полицейских ищеек и об их замечательном чутье [1]).

Далее, Г. А. Кожевников сообщил, что 18—25 августа с. г. предполагается в Петрограде съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии с отделами зоопсихологии и зоорефлексологии. В. М. Бехтерев пригласил Григория Александровича принять участие в работах съезда.

Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 82

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова». 13-го июня 1923 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники: И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

---

[1]) Например, перед разыскиванием собакой спрятанной на цирковом манеже вещи служителя выравнивали граблями все следы на тырсе (опилки, которыми покрыт манеж) и затем по выровненной поверхности шел человек, оставляя ясные глубокие следы, закапывая в дырку вещь, а затем по свежему и единственному следу пускали собаку, которая, конечно, моментально находила вещь.

Примечание проф. Г. А. Кожевникова.

В. Л. Дуров докладывает, что он на-днях вернулся из заграничной командировки. У Гагенбека в Штеллингене (близ Гамбурга), им приобретены нижеперечисленные животные:

3 морских льва (Zalophus kalifornicus) Сев. Америка.
1 оцелот (Felis pardalis) Южн. Америка.
1 „Biberratte (Myopotamus coypus) „ „
1 Дикобраз (Hystrix cristata) Африка.
2 Павиан сфинкс (Choiropethecus sphinx Зап. Африка.
1 Длиннорукий павиан (Chr. Rhodesiae) Юж. Африка.
2 Резуса.
1 Серебрян. лисица (Lycalopex thous) Южн. Америка.
2 Хорька.
1 Немецкая овчарка „Герда".
Танцующие мыши.

Все животные доставлены морем из Штетина на Петроград. Большинство перенесло путь вполне благополучно.

Далее В. Л. Дуров сообщает, что находился в переписке с знаменитым химиком В. Оствальдом (через проф. Ф. Брауна) по поводу окраски шаров, необходимых для продолжения опытов с «Марсом», направленных к выяснению вопроса, различают ли животные цвета или не различают.

В результате переписки, германский институт изучения цветов и красочных веществ в Дрездене (Deutsche Werkstelle für Farbkunde) произвел окраску 8 различных мячей.

Окраска производилась при посредстве одного и того же растворителя; таким образом обонянием мячи неразличимы. Из общего числа 8 мячей 4 окрашены в красный цвет, 4 в зеленый. Эти два тона цвета представляют собой точно противоположные (дополнительные) цвета и соответствуют: красный тону цвета 31 и зеленый тону 81 по Оствальдовскому цветному кругу. Красные мячи, как и зеленые, образуют ряд в четыре ступени световой чувствительности (для человеческого глаза), одинаково отстоящие друг от друга. Ступени эти установлены и измерены в соответствии с законом Вебера-Фрехнера по логарифмическому ряду, а именно, таким образом, что светлость красных и зеленых мячей попарно равны между собой. Ступени светлости характеризуются содержанием белого и черного в цвете. Одинаковое содержание белого и черного дает одинаковую светлость, в соответствии с этим красные и зеленые ряды мячей установлены на одинаковую светлость, т. к. для них были получены одинаковые цифровые величины для белого и черного.

Во время пребывания в Берлине, В. Л. Дуров получил специально для него составленную выписку из каталога книг прусской государственной библиотеки (Preussische Staatsbliothek), обнимающую литературу по зоопсихологии на всех европейских языках. Источники классифицированы по рубрикам: 1) Instinkt und Intelligenz и 2) Seelenleben der Tiere. Список очень полон, в нем указана даже литература XVII века и представляет большой интерес.

Вслед за сим производятся опыты различения цветов «Марсом», при чем для опытов берутся шары, окрашенные в Германии.

«Марс» на кресле. Рядом венский стул с двумя шарами.

Задание:		Исполнение:
Показан зеленый	—	«Марс» взял зеленый.
» красный	—	» » красный.
» зеленый светлый	—	» » кр. бросил, взял зел.
» красный светлый	—	» » красный темный.
» зеленый	—	» » зеленый.
» красный	—	» » кр. бросил. взял зел., бросил, взял красный.

В. Л. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 83

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 27-го июня 1923 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники: И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

В. Л. Дуров сообщает, что его посетил художник Е. Лансере, заинтересованный морскими львами и сделавший моментальные зарисовки их движений, характерные для изучения выражения ощущений у животных.

Б. Б. Кажинский реферирует доклад Казаченко-Триродова «За гранью таинственного» (19 мая с. г.) и проф. Челпанова и д-ра Кантерева «Природа гипноза и внушения» (4 июня с. г.).

В. Л. Дуров сообщает, что им получен отпуск от Главнауки для поездки в ближайшем будущем в Петроград.

Затем, В. Л. Дуров делает сообщение о состоянии зоологических садов в Германии до войны и после войны. Им лично были осмотрены сады в Штеллингене, Гамбурге и Берлине, кроме сего, им получены сведения о Лейпцигском и других садах. Осмотрены были также несколько крупных фирм, торгующих животными, в Гамбурге и Берлине.

В. Л. Дуров сообщает о специальной дрессировке собак сотрудниками О-ва Красного Креста помощи слепым в Германии, при чем В. Л. Дуровым привезены материалы (письма слепых, снимки—охрана слепых собаками и проч.).

В. Л. Дуров демонстрирует снимки африканских животных, являющихся частями ряда кино-лент, снятых во время специальной кинематографической научной экспедиции.

В. Л. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.
А. Леонтович.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 84

заседания 24-го октября 1923 года в Зоопсихологической лабоpатоpии Наркомпроса при «Уголке В. Л. Дурова».

Присутствовали: В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

I. Заслушали текущие дела «Уголка»:

а) Подготовка отчета за первое полугодие 1923 года.

б) Запрос Главнауки о положении «Уголка».

II. Сообщение Б. Б. Кажинского о научной работе А. Л. Чижевского об «электромагнитном влиянии солнечных пятен на живую природу земли вообще, и на людские коллективы в особенности».

III. Сообщение В. Л. Дурова о пребывании его в Петрограде.

а) Впечатления Дурова об опытах с ищейками на ипподроме.

б) Доклад о комиссии психических исследований института по изучению мозга и психической деятельности, члены которой: зам. пред. А. К. Борсук, секр. В. А. Подерни, В. Н. Финке, посетили Госцирк с целью пригласить В. Л. Дурова в Институт для научных работ на одну неделю, при чем было написано и послано в Москву ходатайство о продлении отпуска В. Л. Дурову.

В. Л. Дуров был приглашен на заседания комиссии 4, 11, 12, 14 сентября, на которых он делал сообщения о работах его по эмоциональным рефлексам и внушении животным и о деятельности Зоопсихологической лаборатории.

Комиссией было поставлено несколько опытов по мысленному внушению и усыплению собаки «Марс».

Протоколы этих заседаний будут присланы дополнительно. На этих заседаниях присутствовали: академик В. М. Бехтерев, проф. А. К. Барсук—психолог, проф. В. П. Кашкадамов—гигиенист, проф. П. Г. Бельский—дефектолог, врач В. Н. Финке—психиатр, В. М. Красин, В. Шарапов, Л. Л. Васильев, В. А. Подерни, В. М. Мясищев и др.

На первом заседании комиссии состоялся доклад о парижских опытах спиритизма со связыванием рук, появлением шума и проч. с последующим объяснением В. Л. Дурова о возможности наличия обмана, который может пройти незаметно для ученых, привыкших к сосредоточенному вниманию, и которых иногда легче обмануть, чем детей, так как у детей внимание рассеяно и их труднее обмануть.

На втором заседании была зачитана часть книги В. Л. Дурова, после чего состоялись опыты с «Марсом», при чем было установлено у «Марса» сочетание нового рефлекса на звук.

После доклада В. Л. Дурова о петроградской поездке обсуждался план работ на 23/24 г. с принятием во внимание систематизации будущих опытов для наибольшей объективности результатов их.

Главнейшими опытами являются следующие:

а) Клетка Кажинского с усиленным заземлением.

б) Увеличить число опытов с усыплением.

в) Произвести опыты с новыми животными.

г) Опыты с мячами Оствальда.

д) Произвести статистическое обследование опытов с лаем собаки.

е) Расширить расчленение рефлекса в новых опытах, в том числе с морскими львами.

ж) Систематические опыты с «Марсом», с подразделением по степени трудности на категории.

В. Дуров.
А. Леонтович.
Г. Кожевников.
И. Лев.
Б. Кажинский.

К протоколу № 84.

ОТЧЕТ

В. Л. ДУРОВА О ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ ЕГО В ПЕТРОГРАДЕ (август, сентябрь) 1923 г.

Представители комиссии психических исследований, в составе зам. председателя ее, проф. А. К. Борсука, секретаря В. А. Подерни и члена врача В. Н. Финке, 10 августа посетили цирк с целью пригласить В. Л. Дурова к совместной работе в комиссии психических исследований и ознакомления с работами В. Л. Дурова по дрессировке животных в связи с установлением им эмоциональных рефлексов.

Исходя из желания В. Л. Дурова, Институтом изучения мозга было послано ходатайство в Акцентр о командировании его в институт для научной работы сроком на одну неделю. Хотя ответ на это ходатайство, последовавший из Москвы, и не мог удовлетворить В. Л. Дурова,—комиссии удалось, пользуясь немногими свободными минутами, которыми располагал В. Л. Дуров, поставить несколько опытов по мысленному внушению и чтению закрытого письма, перципиентом в которых была дочь В. Л. Дурова—А. В. Дурова.

Член комиссии В. Н. Финке, ознакомившись с первой половиной книги В. Л. Дурова (рукопись), в заседании комиссии 12/IX сделал сообщение о ней, огласив предисловие, вступление и несколько глав из книги. В. Л. Дуров был приглашен на заседания комиссии 4 сентября, 2 сентября, 12 сентября и 14 сентября, на которых он делал сообщение о своих работах по эмоциональным рефлексам и внушению и о деятельности лаборатории в научном и культурно-просветительном «Уголке» его имени.

На заседаниях были поставлены опыты по мысленному внушению и усыплению собаки «Марс», а также установлению эмоциональных рефлексов на звук.

На этих заседаниях присутствовали: Академик В. М. Бехтерев; Профессора А. К. Борсук (психолог), П. Г. Бельский (дефектолог); Врачи: В. Н. Финке (психиатр), В. П. Кашкадамов (гигиенист), В. М. Красин (психиатр), В. Шаранов; члены комиссии: Л. Л. Васильев (физиолог), В. А. Подерни (физик), В. П. Мясищев (невропатолог) и другие.

ПРОТОКОЛ 85

заседания зоопсихологической лаборатории Наркомпроса при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова».

2-го октября, 1923 года.

Присутствуют: заведующий «Уголком» В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, И. А. Лев, Б. В. **Кажинский**.

I. Обсуждалось положение научного и культурно-просветительного «Уголка В. Л. Дурова» в связи с отклонением Моссоветом сметы «Уголка» на 1923/24 г. в размере 22.000 руб. зол.

Постановлено: просить В. Л. Дурова обратиться лично в Моссовет с ходатайством о субсидии в виду того, что имеется постановление Моссовета о поддержке «Уголка».

II. Заслушан протокол заседания членов Гипнологического общества от 25/IX с. г. с постановлением о посещении ими 24/IX «Уголка», для ознакомления с работами, ведущимися в нем.

В. Л. Дуров информирует о высказанном членами Гипнологического О-ва желании установить контакт между работой обоих учреждений.

Постановлено считать желательным взаимное ознакомление с работами обоих учреждений, о чем довести до сведения Г. о-ва.

III. В. Л. Дуровым демонстрировались некоторые опыты с обезьянами, а также первая стадия приручения американского болотного бобра (коипу) и дикобраза.

В. Дуров.
А. Леонтович.
Г. Кожевников.
И. Лев.
Б. Кажинский.

Приложение к № 85.

ПРОТОКОЛ

1923 г., 23 сентября, в помещении Политехнического музея на заседании экспериментальной секции Гипнологического о-ва, под председательством д-ра В. Каптерева, вновь вступивший член вышеназванного о-ва В. Л. Дуров согласился на предложение членов этого о-ва познакомиться с его работами по внушению животным в научном и культурно-просветительном «Уголке» имени Дурова, Наркомпроса

В. Л. Дуров назначил день, т. е. 24 сентября с. г., когда и состоялось собрание нижеподписавшихся лиц.

В. Л. Дуров знакомил посетителей с его опытными животными, был осмотрен зверинец, музей и лаборатория и поверхностно познакомил со своим научным трудом, готовым к печати, демонстрировал художественные фотографии, затем было приступлено к опытам с собакой «Марсом».

1) Внушены эмоциональные рефлексы.

2) Усыпление собаки «Марс».

3) Внушение лая по заданию желаемое количество раз. через экран, из соседней комнаты.

4) Опыт с музыкальным слухом собаки.

В заключение собрания члены Гипнологического общества присутствовали на репетиции с морскими львами.

Заведующий научным и культурно-просветительным «Уголком»

В. Л. Дуров.

Подписи присутствующих членов Гипнологического о-ва:

Вольтман. **Сергеев.** **Вайсфельд.**
Дубровский. **Горчаков.** **Риз.**
Антоненко. **Скрипникова.** **Билев.**
Милославская. **Крамская.** **Моздрикова.**
Вечеславов. Врач **Никольский.** **Вавулин.**
М. Вечеславов. **Шалый.**

ПРОТОКОЛ № 86

научного заседания зоопсихологической лаборатории Наркомпроса при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова».

Присутствовали: В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович.

I. Произведен гипноз заики Б. Н. Г. Владимиром Леонидовичем Дуровым (приложение к протоколу записки Г. от 9 октября 1923 г. с автобиографическими сведениями и данными о болезни и 2 письмами Забрежнева). Г. не поддавался гипнозу врачей, и вот в Гипнологическом обществе предложили Владимиру Леонидовичу подвергнуть его гипнозу. 2 прежних сеанса дали некоторую удачу, сегодня 3-й.

В 9 часов 30 минут вечера начат сеанс. Владимир Леонидович усадил Г. на диван полулежа рядом с собакою. Г. заявляет, что он чувствовал сильное беспокойство. Дуров стал говорить ему успокоительные слова: «Вы станете спокойны, ваша речь будет покойна, она будет литься свободно, беззаботно, без дум, подсознательно. Я внушаю вам также, как своим животным. Вы уснете спокойно. Вы еще смотрите, смотрите в одну точку. Вы уснете и будете слушать каждое мое слово».

9 часов 37 минут. Г. спит. По соседству кричит попугай. Г. спит.

9 часов 40 минут. Владимир Леонидович говорит: «Когда проснетесь, чувствуйте себя легко и здорово, не думайте о вашей речи и пусть она будет свободна». 9 часов 41 минута «открыть глаза». Г. открывает глаза и встает. При распросе говорит, слегка заикаясь. На вопрос, когда он спал лучше—теперь или в прошлые разы—сказал, что теперь. Говорит, что во сне слышал разговоры присутствующих (проф. Кожевникова и Леонтовича), хотя разговора и не было. В 9 часов 46 минут он ушел.

II. Владимир Леонидович читал дневник дрессировки болотного бобра, (Muopotamus coypu) из Америки, совершенно дикого животного, недавно привезенного из Германии В. Л. Дуровым. 2 октября 1923 года была первая дрессировка с полным протестом при попытке дрессировки. При шестой даче репы в этот день коипу взял ее без рычания.

3 октября при открытии клетки коипу взял свеклу два раза. Потом В. Л. Дуров внушал животному почесывание. Оно стало пятиться назад и вдруг через несколько секунд стало чесать правой ногой правый бок, а потом и почесываться. Весь сеанс продолжался ¾ часа.

4 октября утром. Коипу сидел в воде. При приближении В. Л. коипу вышел из воды. В. Л. внушал животному мочиться. Без результата. Тогда стал внушать чесание. Оно удавалось. Затем после внушения помочилось.

В следующие дни проделывались два подобных сеанса с переменным успехом.

8 сентября. В присутствии проф. Кожевникова внушалось почесывание при вкусопоощрении. Иногда дело шло, иногда нет. После этого Владимир Леонидович продемонстрировал опыты внушения, почесывание задней ногой с успехом. Опыт внушения умывания лапкой удался лишь один раз. Внушение помочиться не удалось. После внушения, при удаче его, давалось вкусопоощрение.

III. Были продемонстрированы новые достижения с морскими львами.

«Паша» говорит несколько протяжнее, правда, чем хотелось бы, «мама», а «Беби» трубил в новую трубку. «Томми», аплодируя, подражал хохоту. Аппортировка из воды делалась с грузом, весившим до 14 фунтов в сухом виде.

IV. Владимир Леонидович продемонстрировал полученных им палочников Dixippus morosus.

В. Дуров.
В. Леонтович.
Г. Кожевников.

Приложение к № 86. **23/IX—23 г.**

Многоуважаемый Владимир Леонидович,

Есть у меня просьба к Вам. Как мне передавали, вчера Вам легко удалось установить рапорт с присланным мною в общество юношей. Этот юноша очень мучается своим заиканием и, узнав, что два года назад я освободил от еще более сильного заикания его родственников, не остановился перед тем, чтобы забросить временно свое учение, приехав из Кинешмы в Москву со специальной целью избавиться от этого недостатка.

К сожалению, с ним у меня рапорт устанавливается не особенно быстро. Из 4 сеансов 2 сопровождались лишь легким оцепенением, во время двух других сон наступил, но неравномерный. Внушения выполняются им довольно капризно, некоторые быстро и легко, на другие почти не реагирует. Впрочем, некоторое улучшение речи уже заметно. А тут я еще вынужден был прервать сеансы вследствие болезни. Вы сделали бы доброе дело, если бы позволили направить его к Вам для получения им от Вас соответственного внушения, или для внушения более легкого вхождения в рапорт со мной. Это, кстати, было бы любопытным опытом передачи рапорта.

Уважающий Вас

В. Забрежнев

Приложение к № 86. **9 октября, 1923 г.**

Я—сын крестьянина села Вичуги, Кинешемского уезда, Иваново-Вознесенской губ., 19 лет, страдаю горловыми спазмами, которые ужасно затрудняют речь.

Болезнь эта началась (как рассказывали родители) с 7 лет, произошла она (по их же словам) от подражания моему старшему брату, который страдает такой же болезнью, но в гораздо меньшей форме.

Ученье для меня было сплошной мукой, я не мог отвечать на задаваемые вопросы только потому, что не мог быстро (когда это необходимо) отвечать.

И чем дальше, тем ученье для меня становилось все труднее и труднее, и в конце-концов, я был вынужден его оставить.

Доктора, к которым я обращался, говорят, что эту болезнь можно вылечить лишь только гипнозом.

И вот полтора месяца тому назад я приехал в Москву к знакомому гипнотизеру В. И. Забрежневу и начал лечение.

Но, к великому моему сожалению, дело на лад не пошло,—я не поддавался гипнозу; тогда я направился к другому, к третьему, к четвертому,—результаты (я был у доктора Вошенина, Вечеснова и др.) были те же.

Моей последней надеждой был Владимир Леонидович Д у р о в, с которым я встретился в гипнологическом о-ве, и который на меня сразу подействовал, когда ему Общество предложило попробовать сделать мне внушение.

Владимир Леонидович начал лечение совершенно по иному методу, чем все предыдущие, т.-е. он начал усыплять постепенно.

В первый сеанс я только дремал, во второй я уже находился в полузабытьи, так что веки мог поднять с большим трудом; я мог открыть глаза только по приказанию В. Л.

Придя в себя, я чувствовал себя очень хорошо, т.-е. спокойно и уверенно, говорить я стал сразу гораздо лучше, несмотря на то, что в комнате были совершенно незнакомые мне лица, дочь В. Л., артист П. М. Садовский и прислуга, которых я при усыплении не видал, находясь вдвоем с В. Л.

Дома этот день я также чувствовал себя хорошо.

9, т.-е. сегодня, я пришел на 3-й сеанс.

ПРОТОКОЛ № 87

заседания психологической лаборатории Н. К. П. при «Уголке В. Л. Дурова» 19 октября 1923 г.

Присутствовали: В. Л. Д у р о в, проф. Г. А. К о ж е в н и к о в, проф. А. В. Л е о н т о в и ч, Б. Б. К а ж и н с к и й.

I. Проф. Г. А. К о ж е в н и к о в зачитывает письмо Е. И. С в е ш н и к о в о й с описанием токования у попугаев, некоторые признаки которого ей приходилось наблюдать на серых, зеленых, амазонских и молукком Какаду.

В. Л. Д у р о в утверждает, что, судя по описанию, полного токования в наблюдавшихся Е. И. С в е ш н и к о в о й случаях не было.

II. Зачитываются наблюдения Н. С. Ефимова за ходом внушения В. Л. Дурова заике Г. (от 12/X 1923 г.).

III. Проф. Г. А. Кожевников информирует из беседы с Н. Н. Котс об опытах ее с собаками по различению цветов и форм, основанных на условных рефлексах акад. Павлова. Работа ее сделана по способу, когда животное находится на свободе, в одной команте с экспериментатором.

Проф. А. В. Леонтович сообщил об одной из работ школы Павлова, работе Шенгор-Крестовниковой. Собаке одновременно показывают круг и дают пищу. После ряда опытов, когда устанавливается достаточно прочная ассоциация, собаке показывают эллипсисы различных эксцентриситетов, и при отношении 9 : 8 реакции не происходит.

В. Л. Дуров предлагает повторить эти опыты по методу Дурова (эмоциональные рефлексы), когда ассоциация достигается легче и без затормаживающего действия станка, и просит внести это также в программу работ 1923—1924 г.

IV. В. Л. Дуров зачитывает начало своего доклада под названием «Загадочные явления, именуемые гипнотизмом, с точки зрения рефлексологии».

V. Б. Б. Кажинский сообщает о заметке в журнале „Swiat" № 36, от 8/IX—1923 г., стр. 13, и о фотографиях, касающихся 2 международного метапсихического конгресса в Варшаве в сентябре 1923 года [1].

VI. **В. Л. Дуров** признает необходимым принять во внимание все обстоятельства, сопровождающие опыты с «Марсом» и, в частности, демонстрирует звонок, проведенный из столовой в греческий зал для того, чтобы можно было из столовой, где будет находиться подопытное животное («Марс»), подавать сигналы В. Л. Дурову в греческий зал, отмечающие лай «Марса» во время опытов внушения через 2 комнаты.

VII. В 10 час. 42 мин. начинаются опыты внушения «Марсу» лая. Проф. Г. А. Кожевников у звонка в столовой, Б. Б. Кажинский там же ведет запись протокола опытов. «Марс» в столовой усажен в кресло, проф. А. В. Леонтович в греческом зале контролирует количество звонков и записывает задания по запискам, передаваемым В. Л. Дурову, при чем проф. Кожевников выбирает записки с заданиями, не глядя на число, написанное на них, так что задание становится известным к моменту опыта одному лишь Дурову.

I	опыт,	задано	4	исполнено	5
II	»	»	5	»	1
III	»	»	5	»	4
IV	»	»	1	»	1
V	»	»	8	»	5
VI	»	»	2	»	2
VII	»	»	—	»	2
VIII	»	»	3	»	3

---

[1]) В виду того, что вопросы зоопсихологии не были в программе Съезда, мы не приводим здесь принятых им резолюций, занесенных в протокол.

Прим. Г. Кожевникова.

IX	опыт,	задано	4	исполнено	4	
X	»	»	3	»	3	
XI	»	»	1	»	9	(«Марс» смотрит на проф.
XII	»	»	5	»	2	Кожевникова).
						перерыв.
I	»	»	3	»	3	
II	»	»	5	»	3	(Ошибка В. Л. Дурова,
III	»	»	2	»	2	так как думал 3 вместо 5).
IV	»	»	4	»	4	
V	»	»	1	»	1	(«Марс» отвечает, сойдя с кресла).
VI	»	»	3	1, пауза и	2	(после вторичного понукания первый лай глухо).
						перерыв, 11 час.
I	»	»	2	»	3	
II	»	»	3	»	3	
III	»	»	5	»	2	(далее, «Марс» отказался. Конец опытов—11 ч. 20 м.).

Подсчет опытов:
Удачных — 10.
Неудачных — 8.
Сомнительных — 3.

Итого: 21.

В. Дуров.
Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ № 88

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова». 23-го октября 1923 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров сообщает, что председатель Русского Общества Акклиматизации животных и растений, проф. Г. А. Кожевников, предложил ему прочесть в заседании о-ва 31-го окт. с. г. в помещении 1-го Московского Госуд. Университета доклад на тему о зоологических садах современной Германии (Берлин, Гамбург, Штеллинген) по личным впечатлениям.

Вслед за сим приступают к опытам над «Марсом» с лаем определенное количество раз.

«Марс» в гостиной на кресле (на обычном месте). В гостиной—Г. А. Кожевников и И. А. Лев; В. Л. Дуров и А. В. Леонтович—в соседней комнате (в вестибюле).

Г. А. Кожевников пишет на записочке цифры, которые надлежит «Марсу» пролаять. А. В. Леонтовичу и И. А. Леву цифры остаются неизвестными. Проф. Кожевников передает в гостиной Дурову записку. Последний выходит в вестибюль, закрывает за собой двери и оттуда выкрики-

Задание:	Исполнение:	Задание:	Исполнение:
1	2		(после некоторого перерыва).
2	3	4	4
3	3	3	3
5	4	6	6
6	2	2	2
4	3	5	5

В. Л. Дуров просит занести в протокол, что во время первой группы опытов отмечено нервное состояние В. Л. Дурова, обусловленное, быть может, слишком оживленной беседой между экспериментатором и Г. А. Кожевниковым об условиях опыта.

В. Л. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 89

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 2-го ноября 1923 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников и научный сотрудник И. А. Лев.

В. Л. Дуров информирует о новой зоопсихологической литературе в Германии и останавливается на работах ученых Гесса (о реакциях животных на цвета), Келлера и Аллеша (о психологии «тенерифских» шимпанзе), а также сообщает о своей беседе с директором Берлинского Зоологического Сада д-ром Геком по вопросам зоопсихологии, при чем изложил мнение Гека о некоторых работах в этой области.

Далее, В. Л. Дуров докладывает, что по инициативе председателя русского общества акклиматизации животных и растений, проф. Г. А. Кожевникова, в «Уголке» 4/XI состоится экскурсия членов о-ва со вступительным словом Г. А. Кожевникова об истории, работах и задачах практической лаборатории по зоопсихологии и демонстрацией В. Л. Дуровым опытов, наиболее характерных для деятельности лаборатории, над дрессированными морскими львами, лисицами, «Марсом», крысами, обезьянами и проч.

Вслед за сим ставится опыт так называемого «мысленного» внушения «Марсу». Экспериментатор В. Л. Дуров.

Задание проф. Г. А. Кожевникова: надлежит внушить «Марсу» прикоснуться к бахроме, свисающей с кресла. Внушение производится не с обычного места (с кресла), а от стола. «Марс» четыре раза отходит от места внушения на недалекое расстояние, пути его расходятся под небольшими углами, к задуманному месту не подходит.

Г. А. Кожевников намечает конспект полугодового отчета (с 1-го апреля по 1-е октября 1923 г.) о работах лаборатории, который надлежит подать в Главнауку.

В. Л. Дуров просит занести в протокол, что перед опытом с «Марсом» он сообщил, что «Марс» находится в состоянии полового возбуждения.

В. Л. Дуров.
Г. Кожевников.
И. Лев.

ПРОТОКОЛ № 90

заседания научных сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 6 ноября 1923 г.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

Предметом занятий служат опыты над «Марсом»: внушение лая определенное количество раз из другой комнаты.

«Марс» на обычном месте в гостиной, в которой находятся проф. А. В. Леонтович, Б. Б. Кажинский и И. А. Лев.

В. Л. Дуров получает записку с цифрой задания, выходит вместе с проф. Г. А. Кожевниковым в вестибюль и закрывает двери. Из вестибюля кричит: «Марс! Ответай! Ну!»

Задание:	Исполнение:
4	2
5	3
3	2
1	0

В. Л. Дуров просит занести в протокол, что у «Марса» нет позывов на еду, что заставляет предполагать, что собака очень сыта (состояние неблагоприятное для успехов экспериментов) или же больна. Болезненное состояние, быть может, обусловлено близостью самки (с течкой), ибо «Марс» сильно возбужден.

В виду сего опыты с «Марсом» прекращаются и переходят к наблюдениям над другими животными лаборатории.

1) В результате дрессировки коипу (болотный бобр) звонит, перелистывает книгу, перебирает лапами канат. В. Л. Дуров фиксирует коипу длительным взглядом, и животное начинает впадать в полусонливое состояние и настолько успокаивается, что позволяет себя гладить, между тем как в состоянии бодрствования чрезвычайно пугливо и недоверчиво.

2) В. Л. Дуров приоткрывает клетку с двумя павианами-сфинксами, матерью с детенышем, и слегка поглаживает последнего. Самка подымает неистовый крик, оттаскивает детеныша и принимается его колотить. Та же самая реакция наблюдается, когда выпущенный из клетки длиннорукий павиан «Макарка» подбегает к клетке сфинксов, к нему навстречу сфинксдетеныш протягивает лапку. В. Л. Дуров, в течение четырех месяцев производящий наблюдения над семьей сфинксов, полагает, что в данном случае, проявляется «материнский» инстинкт: мать научает детеныша быть осторожным по отношению к человеку и более сильному животному.

3) Дрессировка морских львов развивается с изумительной быстротой, ибо львы научаются новым «трюкам» после нескольких приемов: самец «Паша» ловит мяч на лету своей мордой и баллансирует, ловит мяч зубами с пола и бросает его В. Л. Дурову, с мячом на морде перевертывается всем своим корпусом несколько раз, начинает произносит «мама». «Томи» становится на задние ласты, а «Беби» дует в рожок по команде.

Далее, Б. В. Кажинский реферирует труд академика П. П. Лазарева «Ионная теория возбуждения» в последнем издании Государственного Издательства 1923 г. («Современные проблемы естествознания», книга 7).

Выводы академика П. П. Лазарева сводятся к следующему (ст. 129): «так как периодическая электродвижущая сила, возникающая в определенном месте пространства, должна непременно создавать в окружающей воздушной среде переменное электромагнитное поле, распространяющееся со скоростью света, то мы должны, следовательно, ожидать, что всякий наш двигательный или чувствующий акт, рождающийся в мозгу, должен передаваться и в окружающую среду в виде электромагнитной волны... Как бы то ни было, изложенные воззрения позволяют до некоторой степени понять механизм внушения, который должен состоять в том, что приходящая от деятельного центра одного человека электромагнитная волна вызывает в центрах другого импульс, являющийся началом периодической реакции в центрах и создающий возбуждение.

Волна является, таким образом, толчком для начала пульсаций, и мы имеем здесь дело с хорошо понятным физико-химическим процессом».

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ 91.

Посещение сотрудниками практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» В. Л. Дуровым, проф. Г. А. Кожевниковым, проф. А. В. Леонтовичем, И. А. Лев и Б. В. Кажинским 9-го ноября 1923 г. Первого Гос. Цирка с целью наблюдения дрессированной лошади гр. Лапиадо.

В виду участившихся в последние годы случаев демонстрирования в цирках лошадей-«математиков», сотрудники лаборатории посетили Первый Государственный Цирк в Москве, где в этом сезоне демонстрируется одна из таких лошадей.

На обычном цирковом представлении гр. Лапиадо вывел, среди других своих дрессированных лошадей, лошадь-«математика», которую квалифицировал пред публикой: «Ты у меня мыслящая лошадь».

По барьеру арены расставлены на расстоянии полутора приблизительно аршин друг от друга девять белых кубиков (величиною с пудовую гирю), с начертанными на них черными цифрами от единицы до девяти включительно.

Лошадь обходит арену, в центре которой находится дрессировщик с шамбарьером в левой руке. Гр. Лапиадо просит публику загадать какую-либо цифру, которую лошадь «отгадает».

Произносится цифра. Дрессировщик неподвижен. Лошадь обходит кубики. При приближении ее к загаданному кубику, дрессировщик (поведение которого служит предметом внимания сотрудников лаборатории) делает легкое движение рукой вверх по шамбарьеру, и лошадь останавливается, беря фиксированный кубик.

Загадывалось несколько цифр, и каждый раз имело место иногда более, иногда менее заметное движение рукой по шамбарьеру.

Наличие произвольных знаков дрессировщика не оставляет сомнения.

В. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ № 92

заседания сотрудников практической лаборатории по зоопсихологии при научном и культурно-просветительном «Уголке В. Л. Дурова» 13-го ноября 1923 года.

Присутствуют: заведующий В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, научные сотрудники И. А. Лев и Б. Б. Кажинский.

В. Л. Дуров и Б. Б. Кажинский сообщают о докладах В. Л. Дурова, читанных им на заседании Гипнологического О-ва 10-го ноября с.г. на тему: «Ассоциация и сны у животных» и «Гипнотизм с точки зрения рефлексологии».

Доклады сопровождались опытами В. Л. Дурова над «Марсом» (внушение).

Один из опытов состоял в том, что (по предложению одного из членов Гипнологического О-ва) надлежало усыпить «Марса», который после пробужде-

пия должен был взять зеленую фуражку, лежавшую на коленях одного из участников заседания. По прошествии нескольких минут собака уснула. Дуров отошел от нее и сказал: «дайте знак, когда пробудить». Собаку не сразу удалось пробудить. После пробуждения «Марс» сидел несколько времени, затем сразу исполнил задание.

Следующий опыт: «Марсу» надлежало взять лист бумаги со стола, что он и исполнил. «Марс» перед опытом был посажен на стол и усыплен.

Г. А. Кожевников предлагает сегодня усыпить «Марса» и внушить ему после пробуждения исполнить задание, известное лишь В. Л. Дурову и проф. Г. А. Кожевникову.

I. «Марс»—на обычном кресле. Дуров сидит против «Марса». Г. А. Кожевников стоит у открытых дверей в вестибюль.

10 час. 22 мин. вечера. В. Л. Дуров начинает усыплять. Глаза «Марса» моргают, смыкаются. Он сидит неподвижно. Звонит телефон. Опыт прерывается в 10 час. 26 мин. в., возобновляется в 10 час. 29 мин. «Марс» моргает.

В. Л. Дуров все время говорит, квалифицируя состояние собаки: «Закрытые глаза, голова качается. Клонится голова».

В 10 час. 35 мин. Дуров произносит: «Алле». Собака подходит к Г. А. Кожевникову, стоящему у дверей. Затем выходит в вестибюль, подбегает к подзеркальнику, берет телефонную книжку со столика, бросает ее, ложится в вестибюле.

Задание не исполнено: надлежало взять галошу.

II. Без усыпления «Марсу» надлежит внушить взять пальто, лежащее на кресле.

Внушение производится дважды. В первый раз «Марс», как обычно, подходит к срединному столу. Во второй раз выполняет задание.

III. Без усыпления: взять подушку на диване.

Внушение производится три раза. Первый раз—подход к столу. Второй раз пошел к двери, третий раз прошел мимо дивана, в сторону, взял бумагу.

Задание не исполнено.

В. Л. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

Протокол № 93

заседания 25 ноября 1923 года в зоопсихологической лаборатории В. Л. Дурова.

Заседание открылось в 5 часов дня.

Присутствуют В. Л. Дуров, акад. В. М. Бехтерев, проф. Г. А. Кожевников, Б. Б. Кажинский.

I. Академик В. М. Бехтерев, указывая на свое знакомство с многолетними работами В. Л. Дурова, делает сообщение о том, что имеется предложение об использовании живой дрессированной силы животных в первую голову

для разных культурных целей, а в случае надобности, может быть, и для военных, путем устройства специальной зоорефлексологической станции, для которой могло бы найтись подходящее место в Петрограде.

II. В. Л. Дуров считает, что работа такой станции не будет продуктивна без предварительного устройства специальной школы научной дрессировки, с использованием его методов эмоциональных рефлексов, ибо до сих пор В. Л. Дуров последователей и учеников не имеет. Если же В. Л. Дуров будет работать один, то выработанный им ценный подопытный материал, в случае гибели его, Дурова, представлял бы невознаградимую потерю. Гораздо рациональнее было бы, если бы под руководством В. Л. Дурова и по его указаниям работала более или менее значительная группа людей. При условии, если будет подобран кадр подходящих по своим способностям учеников и если между ними будет соблюдаться военная дисциплина. через один год уже могут быть достигнуты значительные результаты. Но этой школе необходимо придать известные права, а также должны быть налицо достаточные средства как для существования самой школы, так и для ее питомцев. Легче всего это было бы осуществить, если бы кадр курсантов формировать из лиц военного состава и расходы по их обучению и содержанию курсов покрывать из военных кредитов.

III. Проф. Г. А. Кожевников считает нужным в срочном порядке составить проект, план работ и смету курсов по научной дрессировке животных с тем, чтобы курсы эти существовали в Москве, объединяясь с «Уголком» В. Л. Дурова, а в Петрограде производились лишь полевые опыты с готовым материалом.

Постановлено к следующему заседанию, во вторник 27/XI, подготовить материал по данному вопросу на предмет дальнейшего продвижения этого дела к практическому осуществлению.

В. Л. Дуров.
Б. Кажинский.
Г. Кожевников.

ПРОТОКОЛ № 94

заседания 27 ноября 1923 г., зоопсихологической лаборатории при «Уголке В. Л. Дурова».

Присутствуют: В. Л. Дуров, проф. Г. А. Кожевников, проф. А. В. Леонтович, И. А. Лев, Б. Б. Кажинский.

I. По вопросу об организации курсов научной дрессировки животных, с применением результатов ее для культурных целей, а также и для военных, В. Л. Дуров высказывает свой принципиальный взгляд: учитывая, что вся прежняя его деятельность в отношении научной дрессировки была направлена в сторону достижения только культурных целей, В. Л. Дуров желал бы, чтобы и впредь его работа была посвящена для тех же целей преимущественно, но, принимая во внимание правильное соображение тов. Троцкого, что мы можем творить, только защитившись от нападений, В. Л. Дуров присоединяется к не-

обходимости применения дрессированной силы животиых и для защитных целей.

II. Проф. Г. А. Кожевников видит две возможности организации курсов: либо курсы организуются при участии акад. В. М. Бехтерева, либо «Уголок В. Л. Дурова» организует курсы самостоятельно.

III. И. А. Лев считает не рациональным организацию подобной школы, ибо дрессированные животные при современной прогрессирующей военной технике едва ли могут иметь серьезное значение в военном деле.

IV. Проф. А. В. Леонтович высказывается положительно, указывая, что и при теперешней технике применение дрессированных животных возможно. а кроме того, в таком случае и лаборатория может получить максимальную возможность для развития своих научных работ.

V. Б. Б. Кажинский всецело присоединяется к положительной точке зрения, предлагает теперь же сделать выбор из 2-х вариантов, предложенных проф. Г. А. Кожевниковым, чтобы можно было приступить к составлению проекта и сметы курсов, назначив для этого специальное заседание в ближайшие дни.

Постановлено: Создать специальное заседание в пятницу 30 ноября.

В. Л. Дуров.
Г. Кожевников.
А. Леонтович.
И. Лев.
Б. Кажинский.

ПРОТОКОЛ ОПЫТОВ.

14 октября 1923 года.

I. Опыт с диким болотным бобром.

Оператор В. Л. Дуров. Присутствует д-р М. Г. Вечеслов. В. Л. Дуров подходит к клетке животного около 10 ч. вечера. Животное лежит спящим в отдаленном углу клетки. По предложению В. Л., будет внушаться, чтобы животное правой задней ногой почесало себе бок. Отворив дверь клетки, находящуюся на высоте около ½ аршина, В. Л. начал внимательно смотреть на животное. Спустя несколько секунд, оно зашевелилось, подняло голову и стало пристально смотреть на В. Л. Потом животное поднялось и направилось к дверце клетки, поднимая по мере приближения голову. Когда животное достигло стенки клетки, поднялось на задние лапы и, опираясь на стенку, стало смотреть через открытую дверцу в глаза В. Л. Спустя некоторое время, животное опустилось на передние лапы, повернулось назад и, сделав несколько шагов, почесалось правой задней лапой. После этого оно опять повернулось и стало снова смотреть в глаза В. Л. Дурова. Для доказательства, что животное почесалось не случайно, В. Л. Дуров решил еще раз повторить опыт и, спустя несколько секунд, животное снова повернулось к В. Л. задом и опять почесало правый бок той же лапой.

После окончания опыта животное снова ушло на прежнее место, и когда В. Л. Дуров протянул руку, животное зарычало и оскалило зубы. То же произошло, когда то же самое было произведено самим М. Г. Вечесловым.

II. **Опыты с собакой «Марс».**

Оператор—В. Л. Дуров. Присутствуют: проф. Г. А. Кожевников и д-р М. Г. Вечеслов.

а) Решено было, чтобы без ведома В. Л. Дурова присутствующими писались на отдельных записках цифры, сколько раз должна пролаять собака, и сам В. Л. Дуров должен производить собаке внушение из другой комнаты.

б) Проф. Г. А. Кожевников, попросив В. Л. Дурова выйти, передает ему записку в соседней комнате. На записке было написано, чтобы собака пролаяла 4 раза. В. Л. Дуров, находясь в соседней комнате, произносит: «Марс, отвечай». Собака, сидя на стуле, лает 4 раза, после чего совершенно спокойно сидит, как будто чего-то ожидая. После выполнения задачи В. Л. Дуров входит в кабинет и дает собаке мяса.

в) При тех же условиях, по записке, но уже через комнату, В. Л. Дуров делает собаке внушение, чтобы собака пролаяла 3 раза. Собака выполняет в точности.

Тоже из зала и тоже по записке В. Л. Дуров делет внушение, чтобы собака лаяла 5 раз, и собака выполняет это.

После опыта пульс В. Л. Дурова достиг до 110 (сто десять) ударов в минуту.

III. Опыт с собакой «Марс».

Оператор В. Л. Дуров.

Присутствовали: проф. Г. А. Кожевников и д-р М. Г. Вечеслов.

Предлагается В. Л. Дурову внушить собаке, чтобы она взяла с табуретки лежащую на ней подушку и принесла В. Л. Дурову.

Собака, дойдя до середины комнаты, сначала повернулась вправо, но, сделав несколько шагов, вернулась назад и определенно пошла к подушке, которую взяла в зубы и понесла В. Л. Дурову.

IV. Опыт с собакой «Марс».

Оператор: В. Л. Дуров.

Присутствовали: проф. Г. А. Кожевников и д-р М. Г. Вечеслов.

Предложено, чтобы собака взяла с колен д-ра М. Г. Вечеслова ту же самую подушку, которая была взята собакой в прошлом опыте, и отнесла бы ее на ее прежнее место. В. Л. Дуров заявил, что это трудно внушить, так как предложенный опыт состоит из 2-х задач: 1) взять подушку и 2) отнести ее на прежнее место. После выполнения первой задачи, собака, ожидая мяса, спутает вторую часть опыта. Все же было решено поставить опыт. Собака сначала быстро взяла подушку с колен д-ра М. Г. Вячеслова и направилась как будто к табуретке, но затем остановилась в нерешительности, и когда к ней подошел В. Л. Дуров, она выпустила изо рта подушку.

Протокол составлял д-р **М. Г. Вечеслов.**

Подписали: **В. Дуров.**

Г. Кожевников

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

профессора Л. К. Лахтина о доставленных профессором Г. А. Кожевниковым результатах опытов мысленного воздействия над собакой.

Доставленный мне материал распадается на 3 категории:

I) Таблицы 1—5 дают подсчет числа удачных и неудачных ответов собаки.

II) Таблица 6 дает статистику размера ошибок в ту или другую сторону в опытах, данных собакой; при чем в материале не указаны числа, которые были внушаемы.

III) Дополнительная таблица, доставленная по моему указанию, дает точные сведения об ответах, полученных при внушении чисел: 1) пять, 2) семь.

I. Материал первой категории дает суммарную оценку удачных и неудачных ответов. Эти ответы можно на основании такого материала только сравнить с результатами опытов над бросанием монеты.

Материал можно свести в следующую таблицу:

Число опытов			Средняя величина	Уклонение от среднего	Вероятная ошибка
Всего	Удачных	Неудачных			
264	143	121	132	+11	5.5
233	130	103	116,5	+13,5	5,1
77	47	30	38,5	+ 8,5	3,0
187	96	91	93,5	+ 2,5	4,6
201	113	88	105,5	+ 7,5	4,8
52	24	28	26	+ 2	2,4
248	132	116	124	+ 8	5,3
16	11	8	8	+ 3	1,3

Хотя числа удачных ответов превышают среднюю величину во всех случаях, кроме одного (где экспериментаторы не знают задания), это превышение не столь значительно, чтобы на нем можно было обосновать твердое заключение. Обычно полагают, что уклонение от среднего не случайно, если оно превосходит вероятную ошибку в 3 раза или более. Вероятные ошибки мною вычислены и помещены в последнем столбце рядом с величинами действительных уклонений от среднего. Эти уклонения нигде не превышают вероятных ошибок в 3 раза.

II. Материал второй категории не позволяет сделать какое-либо заключение о результатах опытов вследствие своей неполноты: из него не видно, какие числа были предметом испытания; если бы, например, собаке было внушаемо число 1, то сделать ошибку в отрицательную сторону она бы не могла.

III. Материал третьей категории наиболее пригоден для суждения.

Остановлюсь, прежде всего, на разборе результатов опытов с числом 7.

Результаты можно расположить в следующую таблицу:

Было внушаемо число 7.

Какой получился ответ.	Сколько раз получился такой ответ.
1	1
2	3
3	3
4	2
5	0
6	3
7	13
8	1
9	1
10	0
	Всего: 27.

Ответы были все в пределах первого десятка.

Если бы они были случайные, то каждое число в пределах десятка встретилось бы в ответах приблизительно одинаковое число раз, т.-е. в среднем 2,7 раза.

Следующая таблица содержит уклонения действительных чисел от среднего 2,7, а также квадраты этих уклонений.

1	1	—1,7	2,89
2	3	+0,3	0,09
3	3	+0,3	0,09
4	2	—0,7	0,49
5	0	—2,7	7,29
6	3	+0,3	0,09
7	13	+10,3	106,09
8	1	— 1,7	2,89
9	1	—1,7	2,89
10	0	—2,7	7,29
		Сумма. . .	130,10

Для суждения о том, можно ли объяснить случаем уклонения полученного опытного ряда чисел от ряда теоретического, английский математик П и р с о н предложил особый метод, изложенный им в томе 50 журнала «Philosophica Magazine», где приведена формула, решающая подобные вопросы, а также таблица для вычисления по этой формуле.

Прием Пирсона я прилагаю к данному случаю.

Следуя этому приему, складываем вычисленные выше квадраты уклонений и полученную сумму 130,10 делим на среднюю величину 2,7; получится число 48,18. По этому числу подыскиваем в таблице Пирсона величину в том столбце, который озаглавлен вверху числом 10, соответствующим числу всех возможных ответов. Величина, даваемая таблицей Пирсона, оказывается равною: 0000016. Смысл этого ответа таков: предположение, что ответы собаки были случайные так же мало вероятно, как предположение, что нам удалось наудачу вынуть белый шар из урны, в которую на 10.000.000 шаров положено 16 белых, а остальные черные. Практически надо считать такое предположение совершенно невероятным.

Такой же расчет, примененный к опытам с числом 5, дает результат еще более категорический.

Поэтому, на основании поставленного мне числового материала и не входя в предположения о сущности явления, могу определенно сказать, что ответы собаки не были делом случая, а зависели от воздействия на нее экспериментаторов.

Л. Лахтин.

Суждение о деятельности «Практической Зоопсихологической Лаборатории (Уголок В. Л. Дурова) в заседании Научно-Технической Секции Государственного Ученого Совета.

29 февраля 1924 года заведующий «Практической Зоопсихологической лабораторией» В. Л. Дуров был вызван на заседание Научно-Технической Секции Государственного Ученого Совета для доклада о деятельности лаборатории. Вместе с заведующим, по его приглашению, явились на заседание сотрудники лаборатории, профессора: Г. А. Кожевников и А. В. Леонтович. В. Л. Дуровым был прочитан доклад, который здесь полностью помещен. После доклада происходили прения, в которых участвовали В. Л. Дуров, Н. А. Иванцов, Г. А. Кожевников, А. В. Леонтович, С. А. Новиков, К. А. Тимирязев и председательствовавший на заседании Шмидт. В результате прений вынесена приводимая ниже резолюция.

О научной деятельности Практической Лаборатории по Зоопсихологии.

Лаборатория начала свою деятельность в ноябре 1919 г., когда она была учреждена постановлением Научного Отдела Наркомпроса, утвержденного Наркомом по Просвещению А. В. Луначарским.

За все время существования лаборатории ею заведывал и ныне заведует В. Л. Дуров. Научными сотрудниками в настоящее время состоят профессора Г. А. Кожевников и А. В. Леонтович, инженер электрик Б. Б. Кажинский и И. А. Лев, бессменно несущий обязанности секретаря, ведущего протоколы опытов. Во время существования лаборатории в числе

ее сотрудников состояли профессора Ф. Е. Рыбаков (ныне умерший), А. Н. Бернштейн (ныне умерший), Г. И. Россолимо и Н. А. Иванцов, а также д-р Т. Д. Фадеев и М. П. Садовникова. Эпизодическое, но довольно детальное, участие в работах лаборатории принимал академик В. М. Бехтерев, лично ставивший по принятому в лаборатории методу некоторые опыты над животными лаборатории и напечатавший в своих работах «Коллективная рефлексология» (Петроград, 1921 г.) и «Об опытах мысленного воздействия на животных» (Вопросы изучения и воспитания личности, № 2, за 1920 г.) подробные данные о результатах некоторых опытов В. Л. Дурова и опытах своих с животными В. Л. Дурова.

Кроме того, эпизодическое участие в работах лаборатории, скрепленное подписями под протоколами, принимали следующие 14 человек: проф. А. П. Нечаев, проф. Д. Я. Фельдберг, проф. Н. К. Кольцов, проф. Д. Н. Артемьев, проф. Г. П. Зеленый, проф. В. В. Бунак, проф. Г. И. Челпанов, проф. П. П. Подъяпольский, проф. М. Паппенгейм из Вены, прив.-доц. П. П. Казаченко-Трирodoв, д-р П. Я. Даль, д-р П. Флексор, д-р Д. О. Эйнгорн и д-р Смоленский-Иванов.

Задачей лаборатории является изучение поведения разнообразных животных в целях выяснения ряда вопросов зоопсихологии и рефлексологии. Одной из своеобразных особенностей лаборатории является большое количество видов животных, которые находились в ее распоряжении, а именно: пять видов обезьян (мартышка, два вида макак, павиан-сфинкс и павиан длиннорукий), медведи, барсуки, волки, собаки шести пород (фокс-террьер, той-террьер, бульдог, русская овчарка, немецкая овчарка и шпиц), лисицы, хорек, оцелот, кошки, коипу, или болотный бобр, дикобраз, морские свинки, заяц-беляк, заяц-русак, кролики, крысы серые и альбиносы, мыши, верблюды, ослы, овца, козел, свинья, теленок, морские львы—всего 28 видов млекопитающих. Из птиц: филин, полярная сова, пустельга, беркут, сип белоголовый, шесть видов попугаев (белый какаду, ара, розовый попугай, серый попугай, зеленый попугай и волнистые попугаи), египетские голуби, куры, журавль, гуси—всего 14 видов птиц, а в общей сложности 42 вида животных.

Сообразно величине животных, их природным свойствам, продолжительности жизни и степени привычки к человеку, а также тому времени, которое было в распоряжении лаборатории, животные использовывались лабораторией различным образом. Над некоторыми произведены лишь немногие наблюдения, другие подвергались непрерывному подробному наблюдению в течение нескольких лет, иные подвергались опытному изучению с различной подробностью сообразно разным обстоятельствам и интенсивному влиянию человека в форме так называемой дрессировки.

Лаборатория ставит одной из своих задач—научно проанализировать те сложные и трудно уловимые взаимоотношения, которые устанавливаются между человеком и животным, которое он дрессирует не механической дрессировкой с помощью болевых рефлексов, а дрессировкой при помощи вкусопоощрения путем вызывания ассоциаций по смежности и эмоциональных рефлексов.

Вся суть дрессировки В. Л. Дурова заключается в том, чтобы правильно подойти к животному, поставить его в такие условия, чтобы вызвать

у него побуждение на какое-либо нужное действие. Необходимо подробно изучить индивидуальные особенности животного, чтобы ими воспользоваться как для дрессировки, так и для зоопсихологических опытов. Сама дрессировка по методу В. Л. **Дурова** есть не что иное, как большой зоопсихологический опыт. Необходимо указать, что еще в начале деятельности лаборатории проф. Д. Н. Кашкаров в публичном заседании Общества Испытателей Природы, происходившем под председательством проф. М. А. **Мензбира**, подробно ознакомившись с работами В. Л. **Дурова**, в том числе с первоначальным текстом ныне печатающегося труда «Дрессированные животные. Новое в зоопсихологии», сделал доклад под заглавием «Дрессировка, как метод в зоопсихологии». Если не ошибаемся, этот доклад является первым сообщением в научном обществе о значении дрессированных животных при зоопсихологических исследованиях.

Постоянное общение с животным, изучение всех его повадок и привычек обыденной повседневной жизни является для В. Л. Дурова основой его дальнейшей работы над животным. Это непрерывное наблюдение над животными, составляющее длительную повседневную работу лаборатории, дает богатый материал для записей в зоопсихологический дневник, в котором имеется весьма много разнообразных наблюдений. В результате постоянного общения с животным и детального его изучения является возможность улавливать его естественные, нормальные движения или даже зачатки движений, которые должны быть подхвачены умелым, во время данным вкусопоощрением и затем закреплены как привычное действие, выполняемое потом животным с легкостью, без всякого насилия со стороны человека.

Исходя из движений обычных и привычных, дрессировщик зоопсихолог постепенно все более и более подчиняет себе животное, обезволивает его, и оно становится послушным орудием в его руках, повинующимся его малейшему знаку, иногда даже намеку на знак, как бы предугадывая его желания.

По установлении такого прочного контакта между животными и человеком является невольно желание испробовать, не поддается ли животное мысленному внушению. Вопрос этот еще совершенно не разработан в зоопсихологической литературе, как это видно из новейшей методологической работы Шиманского «Общая Методика сравнительной психологии», напечатанной в издаваемом Абдергальденом сборнике «Руководство к биологическим методам работы» [1]. Опыты мысленного внушения животным, производившиеся и производящиеся в лаборатории без усыпления животного и без произнесения каких-либо указующих на задание слов, являются совершенно новой, неразработанной еще областью зоопсихологии, на которую обращено особое внимание лаборатории и которая является одной из центральных ее задач.

Конкретно работа лаборатории выражалась в следующем:

I. Повседневное детальное наблюдение В. Л. Дурова за поведением некоторых животных как в их обычной обстановке, так и при условиях работы над ними. При этом следует заметить, что в летнее время наблюдаемые животные выпускаются в сад на полную свободу для изучения их поведения в возможно естественных условиях. Такому детальному наблюдению с подробными записями в дневник подвергались следующие животные: немецкая овчарка

---

[1]) Handbuch der biologischen Arbeitsmethoden.

«Марс», бульдог «Дэзи», лисицы, кот, крысы, морские свинки, зайцы, мартышки, макак, морские львы, курица с цыплятами, гуси, попугаи.

В зоопсихологическом дневнике В. Л. Дурова подробно с последовательностью записаны не только обычные движения и повседневное поведение животных, но и весь ход постепенной установки разнообразных рефлексов у свежих животных, а также торможение и растормаживание рефлексов. Изложение сопровождается зарисовками некоторых из животных. Часть этого чернового материала попала в печатаемую книгу В. Л. Дурова, но большая часть остается пока в черновом виде и ждет детальной обработки, что потребует большого труда и много времени.

II. Производство наблюдений и опытов в присутствии сотрудников лаборатории с занесением в протоколы, подписанные присутствовавшими. Таких протоколов имеется 98.

Перечисляем различные занесенные в протоколы опыты и выводы, которые можно сделать из некоторых из них.

1. Лай собак задуманное число раз. Опыты с бульдогом «Дэзи» и немецкой овчаркой «Марс». С «Дэзи», которого теперь уже нет в живых, было сделано всего 264 опыта. Результаты были переданы на обработку проф. математики Московск. Университета Л. К. Лахтину, дабы выяснить, нельзя ли объяснить результаты опытов случайностью. В письменном заключении Л. К. Лахтина по этому вопросу значится: «Предположение, что ответы собаки были случайны, так же мало вероятны, как предположение, что нам удалось наудачу вынуть белый шар из урны, в которую на 10.000.000 шаров положено 16 белых, а остальные черные.

Ответы собаки не были делом случая и зависели от воздействия на нее экспериментатора».

Сущность явления, поскольку она поддается анализу, заключается, по мнению лаборатории, в следующем: стремление собаки лаять вызывается желанием получить подачку в виде куска мяса. Остановка в определенный момент производится экспериментатором путем торможения лая. Сущность торможения при грубой форме опыта может заключаться в еле заметном сигнале, даже неумышленном.

В работе лаборатории умышленная сигнализация, разумеется, исключается, а к устранению непроизвольной принимаются меры вплоть до опытов через закрытую дверь и иных способов изоляции животного от экспериментатора. Окончательные разъяснения наблюдавшихся явлений еще впереди.

2. Опыты отыскивания собакой задуманных предметов. Опыты делались с фокстерьером «Пики», ныне умершим, и немецкой овчаркой «Марс».

Опыты такого рода подходят под категорию опытов, так называемого, «мысленного внушения», самый вопрос о котором является спорным в области психологии. Лично В. Л. Дурову принадлежит приоритет о постановке этих опытов над животными.

Опыты В. Л. Дурова были повторены академиком В. М. Бехтеревым, докторами Н. Флексором и Д. О. Эйнгорном, И. Кармановым и Н. Перепелем, о чем напечатано в журнале «Вопросы изучения и воспитания личности» (№ 2, за 1920 г.). Несмотря на всю неясность и неразработанность этого вопроса, некоторые полученные пока в этом напра-

вл.нии достижения дают основание предполагать, что так называемое «мысленное внушение» возможно. Что касается сущности этого явления, то она остается пока неразъясненной, хотя нельзя не указать, что столь авторитетный ученый, как академик П. П. Лазарев, печатно высказал предположение о возможности существования мысленных волн, к чему присоединяется академик В. М. Бехтерев. Лаборатория консультировала с П. П. Лазаревым по этому вопросу через своего сотрудника проф. Г. А. Кожевникова, при чем П. П. Лазарев высказал мнение о желательности продолжения опытов над животными.

3) Опыты с различением собакою цветов.

Опыты различения цветов производились раньше путем показывания мяча, окрашенного в один из цветов, в которые окрашены два другие мяча, лежащие перед собакой. В последнее время обстановка опыта видоизменена в сторону большей точности путем изготовления в Германии в лаборатории известного ученого Оствальда (Дрезден, Германский Институт изучения цветов и красящих веществ) четырех пар мячей, из которых половина окрашена в разные оттенки красного, другая половина в разные оттенки зеленого цвета, при чем эти оттенки представляют собою разные степени насыщенности одной и той же краски. При опыте перед собакой лежат мячи не той насыщенности, как показываемый, и тем не менее она различает.

4. Опыты с установлением у собаки рефлексов на звуки рояля, при чем на определенную ноту производится определенное действие. Установлена быстрота установки ассоциаций.

5. Музыкальная импровизация попугаев.

Производятся опыты их реакции на музыку в форме самостоятельной импровизации и варьирования играемого мотива.

6. Опыты с искусственно вызываемым токованием серого попугая.

7. Опыты над установкой новых рефлексов у крыс с выяснением быстроты закрепления рефлекса.

8. Опыты с зеркальными подражательными движениями у попугаев и верблюдов.

9. Опыты с проверкой памяти у животных. Установлено вспоминание попугаями через 8 и 11 месяцев собакой через 6 месяцев.

10. Опыты с заменой животным выученных движений произвольными в целях получения подачки.

11. Наблюдения над материнским инстинктом обезьян и крыс.

12. Опыты с каталепсией кур, индюшек, гусей, морских свинок.

13. Наблюдения над начальными стадиями приручения дикобраза, оцелота и коннy и постепенным подчинением их человеку.

14. Опыты усыпления собаки внушением.

15. Опыты с развязыванием сложных узлов обезьянами.

16. Наблюдения над установлением тесных контактов обезьян с В. Л. Дуровым.

17. Наблюдения над различием поведения крыс серых диких и альбиносов.

18. Наблюдения над проявлением различий во врожденных способностях и темпераментом у лисиц.

19. Наблюдения над выражением ощущений у животных.

20. Наблюдения над поведением морских львов.

Морские львы выдрессированы В. Л. Дуровым в 1923 году за границей, где ему по обстоятельствам пришлось долго задержаться. Выдрессированы они с целью выступления перед публикой на арене для добывания денег для поддержания существования лаборатории, все хозяйственные расходы по которой падают на личный счет заведующего. При этой показной работе удается, однако, заметить некоторые весьма интересные в зоопсихологическом отношении факты. Во-первых, можно убедиться в чрезвычайно высокой понятливости морских львов и их способности весьма быстро улавливать требования, к ним предъявляемые. Затем, что еще интереснее, можно наблюдать некоторые факты, несомненно показывающие на способность к самостоятельным действиям и к умозаключениям. Так, например, лев самец, более сообразительный, чем две самки, видя, что самка не поймала брошенную ей им палку, с которой производится жонглирование, подходит к ней вплотную и раздраженно рычит на нее по собственной инициативе. Кроме того, после неудачного бросания, когда самка не поймала палку, он, собираясь бросить вторично, иногда делает предварительно пробное движение шеей, жест, сопутствующий бросанию, но не бросает. Этим он возбуждает внимание и настороженность самки и потом уже бросает. Такие проявления сообразительности и самостоятельности поведения вполне согласуются с имеющимися в научной литературе данными относительно высокого развития головного мозга у морских львов.

III. Фотографирование поз животных в процессе воздействия на них экспериментатора, а также выражений ощущений у животных. Часть этих фотографий войдет в печатаемый труд В. Л. Дурова. Такова бывшая и текущая работа лаборатории.

В чем же программа ее дальнейшей работы?

Прежде всего необходимы многочисленные повторения некоторых опытов в целях выяснения результатов с применением методики статистики. Необходимо повторить.

1. Опыты лая «Марса» задуманное число раз для сравнения с опытами, которые были с «Дэзи». Необходимо выяснить влияние на успех опытов различных побочных обстоятельств, как состояние собаки и экспериментатора.

2. Опыты с так называемым мысленным внушением.

В виду крайней сложности проблемы и ее новизны приходится производить в этом направлении новые изыскания. Приходится выявлять, какие сопутствующие опытам обстоятельства и какие условия постановки самого опыта облегчают или затрудняют задачу. Лаборатория занята в настоящее время разработкой методики решения этого сложного вопроса путем выработки заданий, квалифицированных по степени трудности.

В виду того, что вопрос о мысленном внушении тесно связан с гипотезой академика П. П. Лазарева о возможности существования мысленных волн, решение этого вопроса получает особое важное значение и требует, помимо обычной до сего времени простой обстановки опытов, применения более сложной методики с применением приборов, которыми можно было бы попытаться задерживать предполагаемые мысленные волны. Попытка конструкции такого прибора осуществлена научным сотрудником лаборатории инженером электриком Б. Б. Кажинским, но требует дальнейшей разработки.

В программу будущего расширения лаборатории необходимо включить устройство комнаты, совершенно изолированной от всяких шумов, которые мешают постановке некоторых опытов по рефлексологии. Устройство такой комнаты давно признано необходимым лабораторией, но это устройство требует весьма больших затрат, которые недоступны лаборатории при ее нищенском бюджете.

В настоящее время, за неимением средств, все опыты производятся в обыкновенной комнатной обстановке, с соблюдением только таких предосторожностей, которые при этих условиях возможны.

3. Продолжение изучения способностей морских львов.

Весьма интересной темой для научного анализа является проявляемая морскими львами замечательная способность к соблюдению равновесия, к жонглированию. Принимая во внимание то обстоятельство, что В. Л. Дуровым были уже давно не только высказаны предположения о возможности использования морских львов для практических целей, как, например, ловля рыбы, спасение утопающих, срезывание мин и взрывание кораблей и подводных лодок, предположены упражнения с ними в теплое время года на одном из московских прудов. В настоящее время в бассейне лаборатории они обучены доставлению из воды затонувших предметов, тяжесть которых постепенно искусственно увеличивается.

4. С вывезенной из Германии немецкой овчаркой «Гертой», однопородной с «Марсом», предположено производить такие же опыты, как с ним, для выяснения вопроса об индувидуальной способности у собак.

5. В виду того, что в новейшей зоопсихологической литературе, как это видно из сношений лаборатории с немецким профессором Циглером, продолжает существовать то своеобразное направление, которое было создано нашумевшими «думающими лошадьми» Кралля, а затем манпгеймской собакой «Рольф» и несколькими другими появившимися за новейшее время животными,—проф. Циглер пишет, что собаки не только понимают человеческий язык, но и пользуются им для передачи своих мыслей человеку с помощью выстукивания азбуки.

Существует специальное общество, издающее свой журнал, который приводит такие странные взгляды. В. Л. Дуров, имеющий сорокалетнюю практику тесного общения с животными и их обучения, твердо убежден, что описанные факты не имеют ни какого отношения к предполагаемому существованию неизвестных до сего времени умственных способностей животных.

Подвергнувши вопрос предварительному обсуждению, лаборатория высказывает предположение, что явления выстукивания азбуки имеют большое сходство с явлениями лая собак задуманное количество раз, составлявшее предмет многочисленных опытов в лаборатории. Это явление сводится к торможению начатого лая, сущность которого надлежит окончательно выяснить.

Лаборатория решила возможно подробно проанализировать этот вопрос о «думающих лошадях» и «говорящих собаках» и дать свое заключение в заграничной научной печати, так как лаборатория имеет возможность подойти к этому вопросу не только путем рассуждений, но и экспериментально. Наиболее радикальным средством для решения этого вопроса была бы поездка сотрудников лаборатории заграницу при непременном участии В. Л. Дурова,

который, несомненно, уловил бы те приемы, которыми достигаются описываемые эффекты. Необходимо рассеять тот туман, который стоит вокруг этого вопроса в зоологической литературе.

6. В числе входящих в план лаборатории работ надо отметить фотографирование животных во время опытов. Это уже сделано в небольшом масштабе. Расширение этой работы, а также необходимое кинематографирование требует средств, которых не имеется.

7. За последнее время лаборатория занята разработкой плана практического преподавания зоопсихологии и дрессировки в целях создания в республике научно образованных дрессировщиков, которые могли бы широко применить дрессировку к заданиям практической жизни мирного и в особенности военного времени. Лаборатория мыслит осуществление этого дела в форме создания научно-практического института с достаточным кадром ученых и технических сотрудников.

По поводу значения изучения дрессированных животных в интересах зоопсихологии, не лишнее привести мнение известного зоопсихолога Гаше Супле, который в своей книге «Дрессировка животных» (стр. 183) пишет следующее: «Мы думаем определенно, что целый ряд психологических проблем мог бы быть разъяснен, если бы устроили в Зоологических садах своего рода «Школу Научной Дрессировки». Мы, основываясь на нашем опыте, поместили относящийся к этому вопросу проект в журнале Illustration (№ от 18 апр. 1896 года). Проект этот нашел одобрение в Америке. В Нью-Йорке тотчас же был учрежден комитет в целях основания школы, соответствующей нашему проекту». Так пишет Гаше Супле. Из этого проекта, насколько известно, ничего на вышло и школы дрессировки мы до сего времени не имеем. Основание такой школы лаборатория считает весьма важным делом и занята в настоящее время разработкой ее плана.

В заключение считаем нужным добавить, что научная работа лаборатории, кроме производства опытов и наблюдений, выявляется в ознакомлении с текущей зоопсихологической литературой и дискуссиями по поводу нее. В самое последнее время заведующим лабораторией сделан значительный заказ на иностранную зоопсихологическую литературу.

Заведующий.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 72

заседения Научно-Технической Секции Государствеиного Ученого Совета от 29/11—1924 года.

Слушали:

1. Доклад Практической Зоопсихологической Лаборатории («уголок В. Л. Дурова»).

(Докладчики: В. Л. Дуров и Г. А. Кожевников).

Постановили:

1. Признать опытную часть работы, проделанной «Уголком В. Л. Дурова», исключительно ценной и безусловно своеобразной Практической Зоопсихологической Лабораторией, заслуживающей полного внимания.

Считать необходимым отметить достижения В. Л. Дурова в области применения новых методов дрессировки животных.

Установить недостаточное научное использование лаборатории, выразившееся в ограниченном количестве научных сотрудников и отсутствии печатных работ.

Признать желательным пополнение личного состава лаборатории научными работниками и установление обмена мнений и связи между различными Зоопсихологическими учреждениями.

Верно:

Секретарь Научно-Технической Секции Г. У. С. **А. М. Ногаллер.**

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.

Помещаемый ниже библиографический список книг по зоопсихологии составлен по моему заказу Прусской Королевской библиотекой на основании каталога библиотеки.

В. Л. Дуров.

PHILOSOPHIE.

Buchstabe Nn.

Seelenleben der Tiere.

Des Herrn de la Chambre Betrachtungen über der Thiere. Erkenntnis Naturtrieb und Abscheu, aus dem Französischen..., Leipzig 1751.8⁰.

Hieronymi Rorarii Exlegati Pontificii, Quod animalia bruta ratione utantur melius homine. Libri duo. Amstelaedami 1654 kl.8⁰. Dasselbe: ib. 1666.8⁰.

Dasselbe: Quos recensuit Dissertatione...de anima brutorum adnotationibusque auxit Gev. Heinr. Ribovius. Helmstadii 1728.8⁰.

Martini Schoockii. Tractatus de anima belluarum...Groningae. 1658.4⁰.

Dasselbe: (c. adnexo).

Ignace Gaston Pardies, P. de la comp. de Jésus, Discours de la connaissance des bestes. Troisiéme édition. Suivant la copie de Paris. La Haye. 1690 kl. 8⁰.

Dasselbe: (c. 2 adnexis).

Dasselbe: Quatriéme édition. Amsterdam 1724.8⁰.

Dasselbe: 2 éd. 1778.8⁰.

Antonii Le Grand. Dissertatio de carentia sensus et cognitionis in brutis, Lug. Batav. 1675.8⁰.

Dasselbe: Norimbergae 1679.8⁰.

Dilly, De l'âme des bêtes... par A. D...., Lyon, 1680.8⁰.

Traité de l'âme et de la connaissauce des bêtes...par A. D... Amsterdam 1691 kl. 8⁰.

Joh. Sartorius praes., Jo. Benjamin Micuci, resp. De anima brutorum Diss. phys. I u. 2, Wittenbergae 1680.4⁰.

Darmanson, La beste transformée en machine, divisée en deux dissertations prononcées à Amsterdam..., s. l. Suivant la copie imprimée 1684. kl. 8⁰.

Dasselbe: (M. 3 Adnex.).

I. U. Darmanson Prof...., La beste degradée en machine, divisée en deux discours. Amsterdam 1691.8⁰.

Caspari Langenhert, Brutum Cartesianum sive Rationes, quibus sensu bruta carere demonstrare nititur Renatus Cartesius, methodo geometricâ propositae, Franequerae 1688.8⁰.

Joh. Christoph. Sturmius praes., Dav. Allgöwer resp., De brutorum actionibus diss., Altdorfi 1700.4.

Jo. Friedemannus Schneider praes., Mart. Christ. Weyherus resp De brutorum religione diss., Halae Magd. 1702.4⁰.

Henr. Ludov. Wernherus praes., Chrstn. Aug. Freybergk resp. De bruto ex lege disp., Lipsiae 1703.4⁰.

Joh. Sperlette praes, Car. Wilh. Salmuth resp., An bruta sentiant Problema philosophicum..., Halae Magdeb. 1703.4⁰.

Geo. Cunr. Fromman praes., Christ Aug. Pfundius resp., De ideis brutorum insitis disput, Lipsiae 1703.4⁰.

Jo. Gottlob Dietericus praes, Godorf. Klemmius resp., De anima brutorum diss., Vitembergae 1704.4⁰.

Jenkin Thomas Philipps, Tractatus philos,—apologeticus de anima brutorum...eam non esse materialem, contra Cartesianam imprimis et vulgarem quoque Theologorum atque Philosophorum opinionem (Altdorfi Noricorum) 1713.8⁰.

Thierseelenkunde—auf Thatsachen begründet. Mit drei Kupfern, Berlin Th. 1. 2. 1804—0.58⁰.

Epistola de anima brutorum, quam scripsit... insanus Sycophanta se vocans magistrum et doktorem Makarium cum notis apologeticis Philalethae realis in acad. Gothorum Carolina studiosi, s. a. 4⁰ (1725).

Joan. Hieron. Sbaragli, Entelechia seu Anima sensitiva brutorum demonstrata contra Cartesium, Bononiae 1716.4⁰.

Boullier, Essai philosophique sur l'âme des bêtes. Ou l'on traite de son existence et de sa nature..., Amsterdam 1728.8⁰.

Joh. Heinr. Winkler, Die verschiedenen Meinungen einiger Weltweisen von der Existenz der Seelen der Tiere... untersucht, Leipzig 3. Aufl. s. a. 8⁰.

Joh. Heinr. Winkler, Philosophische Untersuchung der Frage, ob die Seelen einiger Thiere einen gewissen Grad der Vernunft haben..., Leipzig 1742.8⁰

Joh. Heinr. Winkler Prof., Die Frage „ob die Seelen der Tiere Verstand haben"?... untersucht, Leipzig 1742.8⁰.

Joh. Heinr. Winkler, Philosophische Untersuchung der Frage, ob die Seelen der Tiere mit ihren Leibern sterben? Leipzig 1743.8⁰.

Joh. Heinr. Winkler, Das Wunderbare in den Seelen der Thiere..., Leipzig 1744.8⁰.

Joh. Heinr. Winkler, Einige Fragen über das Wunderbare in den Seelen der Thiere... beantwortet, Leipzig 1745.8⁰.

Ant. Guil. Plaz, de brutorum imaginatione... Programm, Lipsiae 1749.4⁰.

Geo. Friedr. Meiers, Versuch eines Neuen Lehrgebäudes von den Seelen der Thiere, Halle 1749.8⁰.

Geo. Fred. Meier, Prof. a Halle, Essais sur un nouveau système des âmes de bêtes. Traduit del'Allemand par C. F. Helwing, Halle s. a. 8⁰.

Lodovico Barbieri, Nuovo sistema intorno l'anima della bestie con la rigazione degli altri sistemi sin'ora proposti, in Vicenza 1750.8⁰.

Franc. Garcia Hernandez, Discurso de la alma brutal, que establece, no son los brutas puras maguinas naturales, sino que tienen alma realmente sensitiva Madrid 1750.4⁰.

La Mettrie, Reflexions philosophiques sur l'origine des animaux, Londres 1750.4⁰.

De la Mettrie, Les animaux plus que machines, s. l. 1750.8⁰

Critique d'un médecin du parti des spiritualistes sur la pièce intitulée: Les animaux plus que machines, dans laquelle l'auteur Badin prend la peine de soutenir le contraire. La Haye 1751.8⁰.

M o n t i, Anima brutorum secundum sanioris philosophiae canones vindicata Altere ed. cum additionibus et notis, quae illud omne complectantur quod hactenus hac in re scitu dignum a philosophis excogitatum est, Lucae 1761.8⁰.

Antonio M o n t a n a r i conte..., Trattenimento metafisiko intorno ai principali sistemi dell'anima della bestie conalcuna osservazioni sopra l'anima umana Verona 1761.4⁰.

De C o n d i l l a c abbé, Traité des animaux..., Amsterdam. Et se vend à Paris. 1766.8⁰.

Charl. Geo. L e r o y. Lettres philosophiques sur l'intelligence et la perfectibilité des animaux, avec quelques sur l'homme, Nouv. édit. Paris an X (1802) 8⁰.

Karl Geo. L e r o y, Philosophische Briefe über die Verstandes—und Vervol lkommnungsfähigkeit der Thiere, samt einigen Breifen über den Menschen. Aus d. Französ. von Joh. Ant. Müller, Nürnberg 1807.8⁰.

Giovanni C a d o n i c i, Dissertaziona epistolare. Se l'anima delle bestie possa dirsi spirituale, e per legge ordinaria non capace di distruggimento..., in fine Venezia 1768.8⁰.

Joannet A b b é, Les bêtes mieux connues. Entretiens, Paris T. 1. 2. 1770.8⁰

Carlo P a r o n i, Anima delle bestie impugnata spirituale coi principi della metafisika, e provata materiale con quelli della fisica, Udini 1774.8⁰.

Franciscus M. S o l d i n i, De anima Brutorum Commentaria (Cum 8 tabl. Florentiae 1776.8⁰.

Christ. Ludwig v. R e b e u r, vorm. Preuss. Kammerger. Präsid., Ueber die Seelen der Thiere oder Darstellung einer Jesuitischen Spekulation, Prenzlov 1791.8⁰.

S c h e i t l i n, Prof., Versuch einer vollständigen Thierseelenkunde, Stuttgart und Tübingen Bd. 1. 2. 1840.8⁰.

A. H e r r, Geistesthätigkeit in der Thierwelt. Ein Beitrag zur Psychologie der Thiere, (Programm d. Gymnasium), Wetzlar 1841.4⁰.

Ludv. K. S c h m a r d a, Andeutnngen aus dem Seelenleben der Thiere, Wie 1846.8⁰. Eduard Wilh.

P o s n e r, Das Seelenleben der Thiere mit Berücksichtigung der Menschenseele nnd des Menschengeistes. Durch Erzälungen, Görlitz 1851.8⁰.

Julius H e b e n s t r e i t, Allgemeinfassliche Thierseelenknnde, Leipzig 1852.8⁰.

Christian Joseph F u c h s, Das Seelenleben der Thiere, insbesondere der Hausäugethiere im Vergleich mit dem Seelenleben des Menschen. Vorträge, Erlangen 1854.8⁰

F. U. T r o e g a l, Causeries sur ia psychologie des animaux, Leipzig 1856.8⁰.

Ferd. H ö l z e l, Ueber Thierseele nnd Menschengeist. (Programm d. Gymnasiums), Böhm. Leipa. 1859.8⁰.

Edward R o b i n s o n, An essay on Matter and Spirit with special application to the lower animals. Inaug. Dissertation, Rostock 1869.8⁰.

Ludwig S c h ü t z, Das Thier hat keine Vernunft, Münster 1871.8⁰.

Aug. L a s k o w s k i, De animalium qnibusdam animae facnltatibus Commutatio Zoologica. (Gymn. Programm), Culm 1871.4⁰.

Friedrich K ö r n e r, Thierseele und Menschengeist. Ein Versuch zum Ausgleich der materialistischen und idealistischen Weltanschauung, Leipzig 1872.8⁰.

I. C. H o u z e a u, Etudes sur les facultés mentales des animaux comparées. à celle de l'homme par un voyageur naturaliste, Mons. Tome 1,2.1872.8⁰.

W. Lauder L i n d s a y, Mind in the lower animals in health and disease Vol. 1. Mind in health. Vol. 2. Mind in disease, London 1879.8⁰.

L. Hoffmann, Thierpsychologie, Stuttgart 1881.8⁰.

O. Flügel. Das Seelenleben der Thiere, Langensalza 1884.8⁰.
Dasselbe: ib. 3 verm. Aufl. 1897.8⁰.

C. A. L. von Binzer, Instinkt, Verstand und Geist bei Menschen u. Thieren Heilbronn 1884.8⁰.

F. Roepcke, Für und wieder in der Seelenfrage nebst Betrachtungen über die Seelenkräfte der Thiere. Eine Studie, Osterwiek (Harz) 1887.8⁰.

A. von Biegeleben, Betrachtungen über das Verhältniss der menschlichen Seele zu der Thierseele, Frankfurt a. M. und Luzern 1892.8⁰.

W. Wurm, Thier—und Menschen—Seele. Eine neue Realdefinition derselben auf Grund eigener Beobachtungen, Frankfurt a. M. 1896,8⁰.

Hermann Provo, Mensch und Hund. Ein Beitrag zur Thierseelenfrage (Ent gegnung), Karlsruhe 1898.8⁰.

Martin Gander, Die Tierseele, Hamm i. W. 1905.8⁰.

Haben die Tiere Seelen? Philosphische Abhandlung von H. P Blawatsky (Elene Petrowna Blawatskaya). Aus d. Englischen, Berlin 1906.8⁰.

Kurt Graeser, Die Vorstelluugen der Thiere. Philosophie und Entwicklungsgeschichte, Berlin 1906.8⁰.

Otto zur Strassen, Die neuere Tierpsycholcgie. Vortrag in der allgem. Sitzung der 79 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte zu Dresden 1907, Leipzig 1908.8⁰.

Margaret Floy Washburn, The animal mind. A Text—book of Comparat. Psychology, New York 1908.8⁰.

Odo Morannal Reuter, Die Seele der Tiere im Lichte der Forschung unserer Tage, Aus dem Schwed. übers. von Max Buch, Leipzig 1908.8⁰.

Ueber Tierpsychologie. 2 Vorträge von Ludwig Edinger und Eduard Claparéde. Mit 16 Abbildungen. Inhalt: Edinger, Die Beziehungen der vergleichengen Anatomie zur vergleichenden Psychologie. Neue Aufgaben. Claparède, Die Methoden der tierpsychologischen Beobachtungen und Versuche, Leipzig 1909.8⁰

Karl Kamillo Schneider, Vorlesungen über Tierpsychologie, Leipzig 1909.8⁰.

Eduard Claparède, La Psychologie animale de Charles Bonnet, Genève 1909.8⁰.

Karl Kamillo Schneider, Tierpsychologisches Praktikum in Dialogform Mit 139 Figuren, Leipzig 1912.8⁰.

Hans Volkelt, Ueber die Vorstellunen der Tiere. Ein Beitrag zur Entwicklungspsychologie, Leipzig und Berlin 1914.8⁰.

Joseph Heckmanns, Die Aeusserungen des Desiderius Erasmus v. Roterdam zur Tierpsychologie, Bonn 1916.8⁰.

Magnus Schwantje, Schopenhauer's Ansichten von der Tierseele und vom Tierchutz. Kritisch dargestellt und ergänzt, Berlin 1919.8⁰.

Buchstabe Lb.

Instinkt und Intelligenz.

Mitteilungen der Gesselischaft für Tierpsychologie. Im Auftr. d. Gesellsch. hrsg. v. geschäftsf. Ausschuss unter d. Red. von Prof. Dr. Heinrich Ernst Ziegler zu Stuttgart, Elberfeld. Jg. 1—3. 1913—15.8⁰.

Tierseele, Zeitschr. f. vergl. Seelenkunde, Bonn. Bd 1. 1913—14.8⁰.

Herm. Sam. Reimarus, Allgemeine Betrachtungen über die Triebe der Thiere, hauptsächlich über ihre Kunsttriebe. Zur Erkenntnis des Zusammenhangs der Welt, des Schöpfers und unser sellbst. 3-te Ausgabe (Th. 1) Hamburg 1773 (Th. 2) m. d. Tit: Herm. Sam. Reimarus... angefangene Betrachtungen über die besondern Arten der thierischen Kunstriebe. Aus seiner hinterlassenen Handsschrift hrsg. mit Anmerkungen und einem kurzen Anhange ...durch Joh. Alb. Hinr. Reimarus. ibid. (Ausg. 1 erschien 1760)/=1 Vol.8⁰.

Herm. Sam. Reimar, Observations physiques et morales sur l'instinct des animaux, leur industrie et leurs moeurs. Ouvrage trad. de l'Allemand... par M. Réneaume de Latache... Amsterdam. Tome 1. 2. 1770.8⁰.

Pons, Aug. Alletz, Histoire des Singes, et autres animaux curieux dont l'instinct et l'industrie excitent l'admiration des hommes, comme les Eléphants, les Castors... Francfort 1769.8⁰.

Foucher d'Obsonville, Essais philosophiques sur les moeurs de divers animaux étrangers, avec des observations relatives aux principes et usages de plusieurs peuples. Ou Extraits des voyages de M...en Asie. Paris 1783.8⁰.

Friedr. Ludw. Segnitz, Ueber Naturtrieb und Denkkraft der Thiere, Leipzig 1790.8⁰.

I. G. Essig, Rührende Erzählungen aus der Thierwelt, Nördlingen 1796.8⁰.

Carol. Wilhelm Maizier, De instinctu. Dissertation, Halae 1796.4⁰.

Jacob Sönnerberg, et Carl Peter Rossander, Cogitata de instinctu animalium, Lundae 1767.4⁰.

Gottfr. Imman. Wenzel, Die neusten Beobachtungen und Erfahrungen über die Verstandes—und Körperkräfte der Thiere, in unterhaltenden Geschichten, Wien 1801.8⁰.

* I. I. Virey, Histoire des moeurs et de l'instinct des animaux... Paris Tom. 1. Animaux vertébrés, 2. Animaux sans vertébres 1822.8⁰.

Constantinus Dabell, Dissertatio physiologica inaug. de instinctu. Gandae 1823.4⁰.

Charles Pougens, Jocko, anecdote détaché des lettres inédites sur l'instinct des animaux, Paris 1824.8⁰.

Luigi Ferrarese, Ricerche intorno all'origine dell'istinta alle parte che esso prende nell'esercizio e sviluppo delle facoltà intellettuali, delle passioni... Napoli 1834.8⁰.

P. Flourens, Résumé analytique des observations de Fréd. Cuvier sur l'instinct et l'intelligence des animaux. Paris 1841.8°.

Steinheim, Vom Instincte, Hamburg 1842.8°.

Anton Benedict Reichenbach, Die Künstler unter den Thieren, Leipzig 1853.8°.

H. Léitgeb, Thiervereine, Programm, Görz 1860 8°.

Victor Rendu, L'intélligence des bêtes, Paris 1863.8°.

G. F. Schuberth, Allgemeine Thierseelenkunde. Psychologische Betrachtungen über das Thierrreich. Ein Unterhaltungsbuch (Mit 2 Abbildungen) Leipzig 1863.8°.

L. E. Méret, De l'instinct et de l'intellingence des animaux, Paris 1864.8°.

Maxim. Perty, Ueber das Seelenleben der Thiere. Thatsachen und Betrachtungen, Leipzig u. Heidelberg 1865.8°.

Dasselbe: 2 umgearb.. sehr bereicherte Aufl. ib. 1876.8°

F. Niwill-Webster, On instinct. (Diss. inaug. phil. Gotting.) London 1868.8°.

Augustus Laskowski, De animalium quibusdam animae facultatibus. Programm, Culm 1871.4°.

Henry Joly, L'instinct, ses rapports avec la vie et avec l'intelligence. Essai de psychologie comparée. Ouvrage couronné, Paris 2 e. Edit. 1873.8°.

Friedr. Körner, Instinkt und freier Wille. Beiträge zur Thier- und Menschenpsychologie, Leipzig 1875.8°.

Ludwig Buechner, Aus dem Geistesleben der Thiere oder Staaten und Thaten der kleinen, Berlin 1876.8°.

Dasselbe: 3. vermehrte Auf., Leipzig 1880.8°.

Dasselbe: 4: Aufl. 1880.8°.

Alfred Espinas, Des sociétés animales. Etude de psychologie comparée, Paris 1877.8°.

Alfred Espinas, Die thierischen Gesellschaften. Eine vergleichendpsychologische Untersuchung. Nach der vielfach erweiterten zweiten Auflage... deutsch hrsg. von W. Schloesser, Braunschweig 1879.8.°.

Tito Vignoli, Ueber das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreiche. Versuch einer vergleichenden Psychologie, Leipzig 1879.8°.

Ludwig Schütz, Der sogenannte Verstand der Thiere oder der animalische Instinct. Eine populär—naturwissenschaftliche Studie, Paderborn 1880.8°.

Georg Heinrich Schneider. Der thierische Wille. Systematische Darstellung und Erklärung der thierischen Triebe und deren Entstehung, Entwicklung und Verbreitung im Thierreiche als Grundlage zu einer vergleichenden Willenslehre, Leipzig 1880.8°.

P. A. Chadbourne, Instinct: its office in the animal kingdom, and its relation to the higher powers in man... 1871, New York 1883.8°.

Georg John Romanes, Mental evolution in animals. With a posthumous essay on instinct. By Charles Darvin (With a tab.) London 1883.8°.

G. John Romanes, Die geistige Entwickelung im Thierreich. Nebst einer nachgelassenen Arbeit: Ueber den Instinkt von Charles Darwin. Autor. deutsche Ausgabe. Mit Tafel, Leipzig 1887.8°.

E. Alex, L'esprit de nos bêtes, Paris 1890.8°.

C. Lloyd Morgan, Habit and instinct, London 1896.8°.

C. Lloyd Morgan, Instinkt und Gewohnheit (Habit and instinkt). Autoris. deutsche Uebersetz. von Maria Semon, Leipzig u. Berlin 1909.8⁰.

Erich Wasmann, Instinkt und Intelligenz im Thierreich. Ein kritischer Beitrag z. modern. Thierpsychologie, Freiburg i. B. 1897.8⁰.

Dasselbe: 3. Auf.. ib. 1905.8⁰.

Erich Wasmann, Vergleichende Studien über das Seelenleben der Ameisen und der höheren Thiere, Freiburg i. B. 1897.8⁰.

Edward Lee Thorndike, Animal Intelligence. An Experimental Study of the associative Processes in Animals, New York 1898.8⁰.

Pierre Hachet—Souplet Examen psychologique des animaux. Nouvelle méthode expériment. de classification des espèces au point de vue psychol., Paris 1900.8⁰.

Untersuchungen über die Psychologie der Thiere (Examen psychologique des animaux). Neue experimentelle Methode z. Klssifikation der Arten nach psychologischen Gesichtspunkten von Pierre Hachet—Souplet. Autor., von vom Verfasser auf d. neusten Stand erg. deutsche Ausg. Friedr. Streissler, Leipzig 1909.8⁰.

Ist das Tier unvernünftig? Neue Einblicke in die Tierseele. Von Dr. Th. Zell (d. i. Leopold Bauke), Stuttgart 7. Auf... 1904.8⁰.

Dasselbe: 23. Aufl. 1908.8⁰.

Heinrich Ernst Ziegler, Der Begriff des Instinktes einst und jetzt. Eine Studie über d. Geschichte u. d. Grundlagen der Thierpsychologie. Mit e. Anhang. Die Gehirne der Bienen u. Ameisen. Mit 10 Abbildungen u. 1. Taf., Jena 2. verb. verm. Aufl. 1910 8⁰.

Dasselbe: 3 Aufl. 1920.8⁰.

Franz Lukas, Psychologie der niedersten Tiere. Eine Untersuchung über die ersten Spuren psychischen Lebens im Tierreiche, Wien u. Leipzig 1905.8⁰.

Fedor Freund, Der kluge Hans, Berlin 1904.8⁰.

Leopold Bauke, Das rechnende Pferd. Ein Gutachten. Berlin 1904.8⁰.

Oskar-Pfungst, Das Pferd des Herrn von Osten (der Kluge Hans), Leipzig 1907.8⁰.

Emil Lobedank, Der Stammbaum der Seele. Mit 9 Abbildungen, Halle a. S. 1907.8⁰.

Unterscheidet das Tier Mann und Frau? Von Th. Zell (d. i. Leopold Bauke), Berlin 1—5. Taus. 1908.8⁰.

Jacques Loeb, Die Bedeutung der Tropismen für die Psychologie, Leipzig 1909.8⁰.

Conrad M. v. Unruh, Leben mit Tieren. Tierpsychologische Plaudereien und Errinnerungen, Stuttgart 2. Aufl. 1909.8⁰.

Georges Bohn, Zur Entstehungn des Denkvermögens (Naissance de l'intelligence). Eine Eiführung in die Tierpsychologie. Autor. Uebersetzg. von Rose Thesing, Leipzig 1910.8⁰.

Josef Mc. Cabe, The Evolution of mind, London 1910.8⁰.

Alexander Sokolowski, Aus dem Seelenleben höherer Tiere. Mit 10 Kunstbeilagen, Leipzig 1910.8⁰.

Samuel Jackson Holmes, The Evolution of animal intelligence, New York 1911.8⁰.

Otto Korchelt, Denkvermögen der Tiere, Dresden 1911.8⁰.

A. Baranski, Die Zahmung unserer Hausthiere, Leipzig 1884.8⁰.

Fritz Kleinsorgen, Zum Denkproblem der Tiere. Nebst Anh. Aphorismen und Gedanken über Denken u. Verwandtes, Elberfeld 1912.

Stefan v. Maday, Psychologie des Pferdes und der Dressur, Berlin 1912.

Karl Krall, Denkende Tiere. Beiträge zur Tierseelenkunde auf Grund eigener Versuche. Der kluge Hans und meine Pferde Muhamed und Zarif. Mit abbildung. Leipzig 1912.8⁰.

Geoges Bohn, Die neue Tierpsychologie. Autoris. deutsche Uebersetzg von Dr. Thesing. Preisgekrönt..., Leipzig 1912.8⁰.

Otto te Kloot, Die denkenden Pferde, Hans, Muhamed und Zarif, Berlin 1912.8⁰.

Carl Wiegge, Das Problem der Krall'schen Pferde. (Kritische Beobachtungen), Vortrag, Düsseldorf 1913.8⁰.

Hugo v. Buttel-Reepen, Meine Erfahrungen mit denkenden Pferden. Mit 5 Abbild., Jena 1913.8⁰.

Max Ettlinger, Der Streit um die rechnenden Pferde. Vortrag geh. 1913 in München. München 1913.8⁰.

Gustaf Kafka, Einfürung in die Tierpsychologie auf exsperimenteller u. ethologischer Grundlage, Leipzig Bd. 1. 1914.8⁰.

Stefan v. Maday, Gibt es denkende Tiere? Eine Entgegnung auf Kralls „Denkende Tiere", mit 6 Figuren, Leipzig u. Berlin 1914.8⁰.

Gustaf Harter, Das Rätsel der denkenden Tiere. Wien u. Leipzig 1914.8⁰.

Die Seele des Tieres. Berichte über die neuen Beobachtungen an Pferden u. Hunden. Hrsg. von d. Gesellsch. f. Tierpsychologie. Mit e. Vorwort von H. Ziegler 2. Aufl. 1916.8⁰.

Dziwy instinktu u owadówi pająków. Pisma wybrane z Souvenirs entomologiques (Ausz. poln.) Napisal Jean Henri Fabre..., Warszawa 1918.8⁰. (Die Wunder des Instinktes bei Insekten u. Spinnen).

Paula Moekel, Mein Hund Rolf. Ein rechnender u. Buchstabierender Airedale Terrier, Mit 11 Abbildgn., Stuttgart 2. Aufl. 1919.8⁰.

Leopold Bauke, Th. Zell (Pseud.), Das Gemütsleben in der Tierwelt Beobachtungen und Erlebnisse, Dresden 1921.8⁰.

(Früher u. d. T.: Zall, Zärtliche Verwandte in d. Tierwelt).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Главлит № 18168. Тираж 3000 экз.

Мосполиграф. 27 тип. „Красная Печать". Москва, Остоженка, 10.

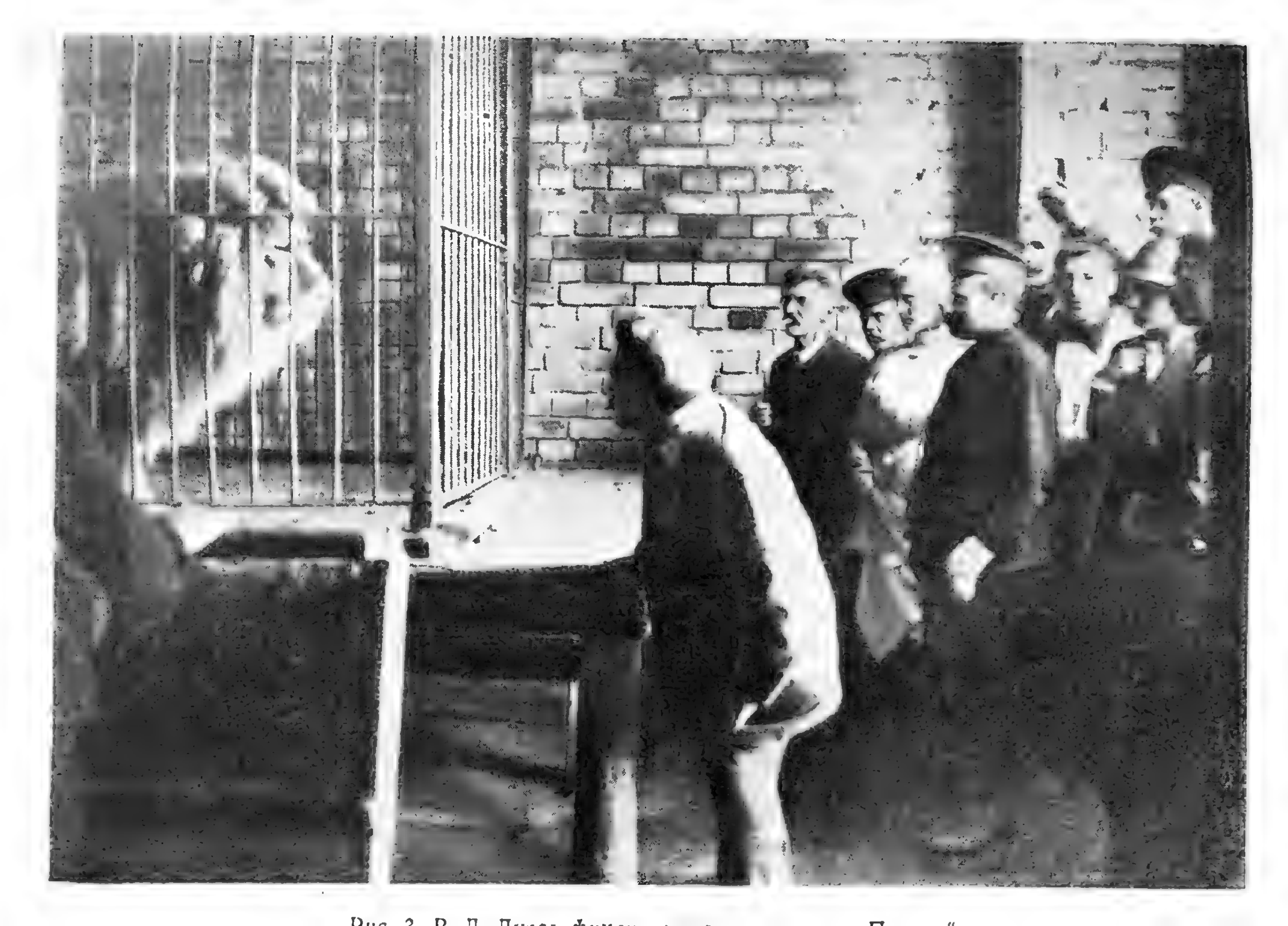

Рис. 3. В. Л. Дуров [illegible]

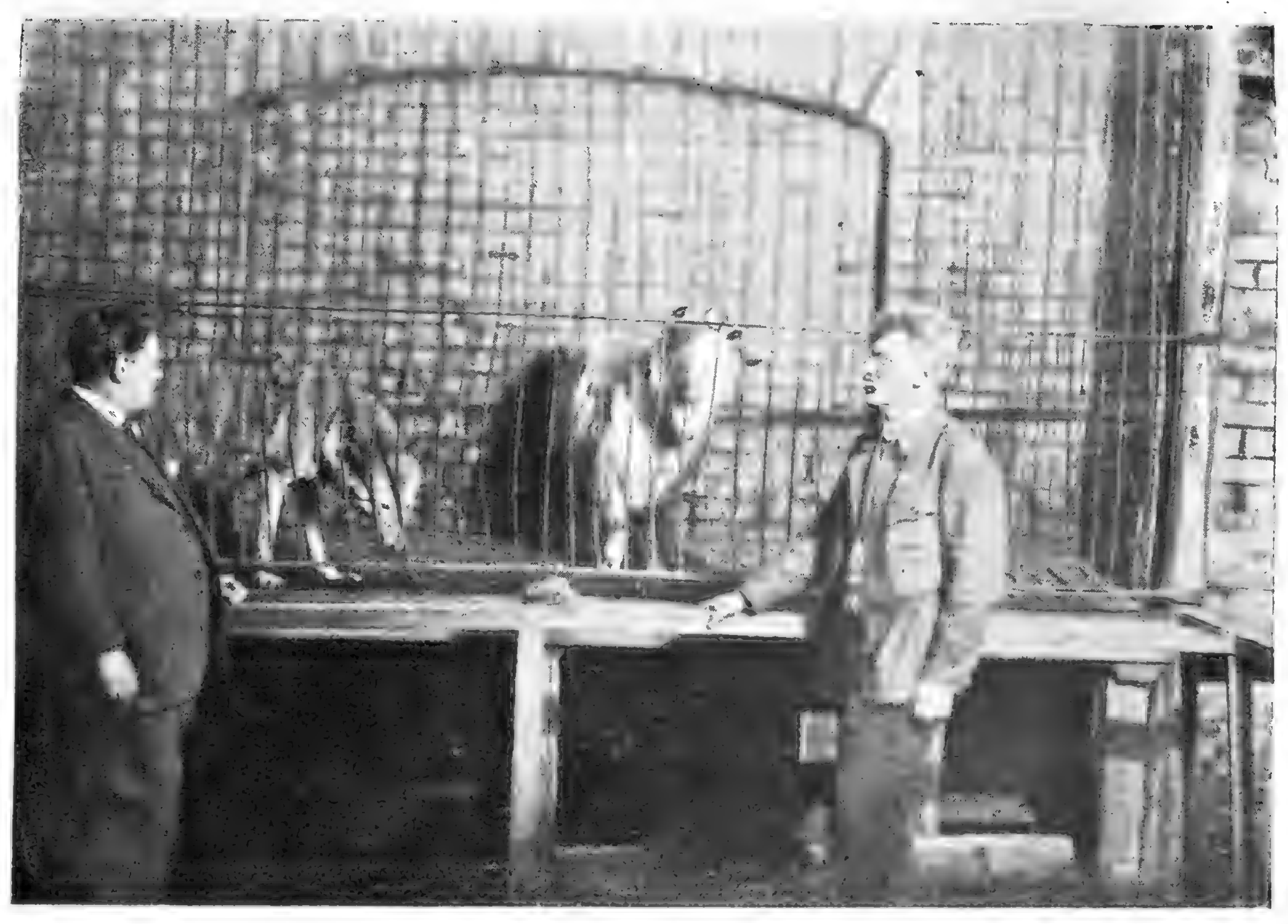

Рис. 14. Подавление инстинкта. Волк и козел в одной клетке, живут дни и ночи вместе—не ссорясь.

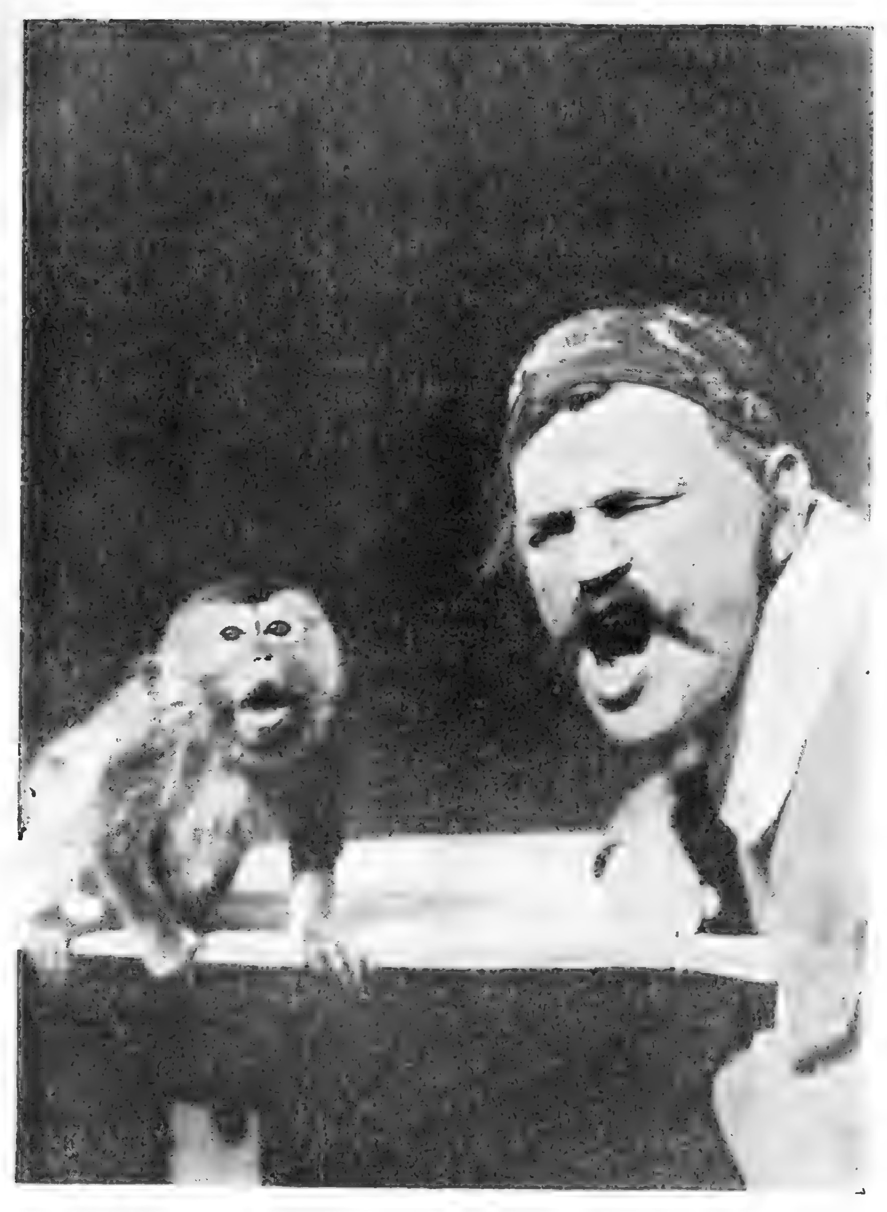

Рис. 16. Обезьяна „Гашка". Рефлекс „звукозой угрозы".

Рис. 17. Макак „Джипси“. Удивленье и испуг.

Рис. 18. Обезьяна „Джипси“. Меланхолическое состояние безразличия.

Рис. 19. Обезьяна „Джинси". Ласка и сосредоточенное внимание.

Рис. 20. Обезьяна „Джипси“. Ласка и сосредоточенное внимание

Рис. 28. Слуховая ассоциация по смежности у лисицы, звук с действием.

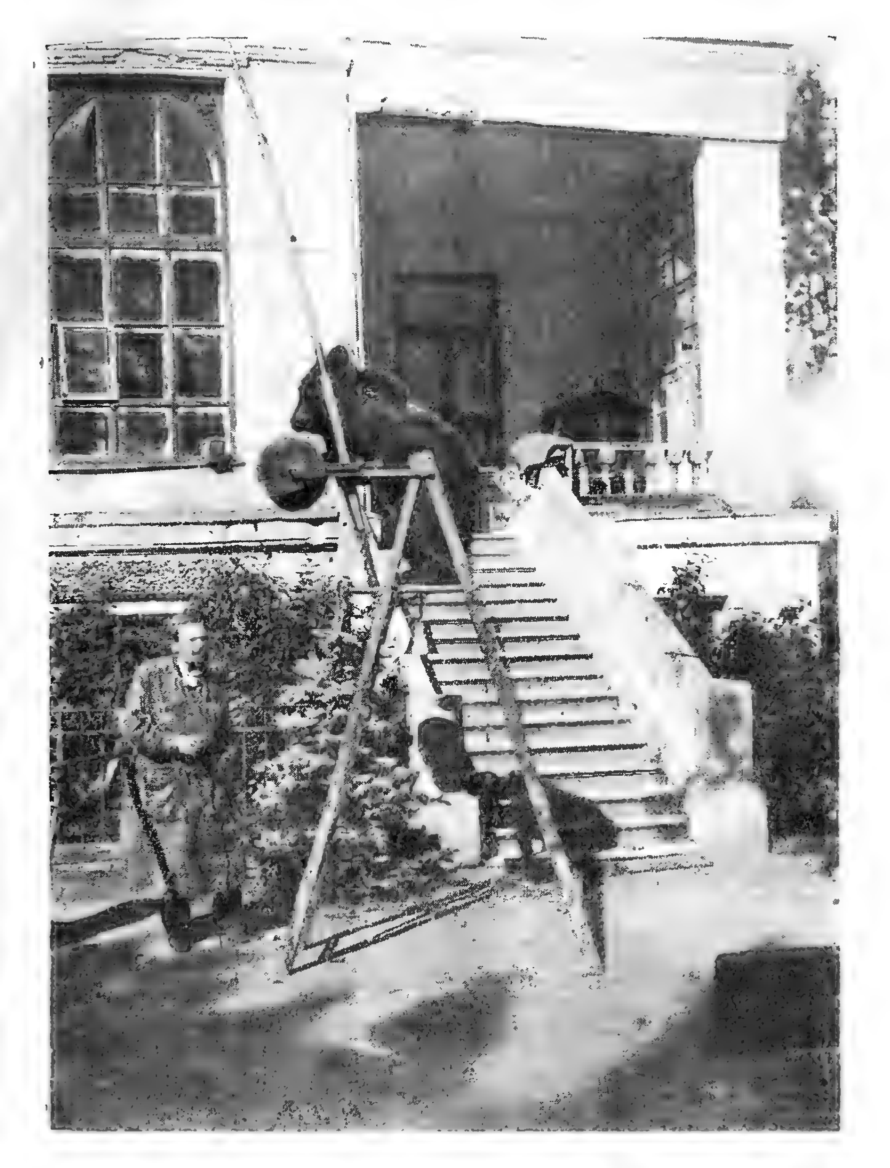

Рис. 30. Ассоциация по смежности у медведя. Вкус с действием. Медведь-муравейник вертит деревянный барабан, наматывая тем веревку, поднимающую плакат. После подъема плаката медведь получает вкусопоощрение.

Рис. 31. Ассоциация по смежности у медведя. Вкус с действием, плюс звук. Медведь-муравейник звонит в колокол и за это получает вкусопоощрение.

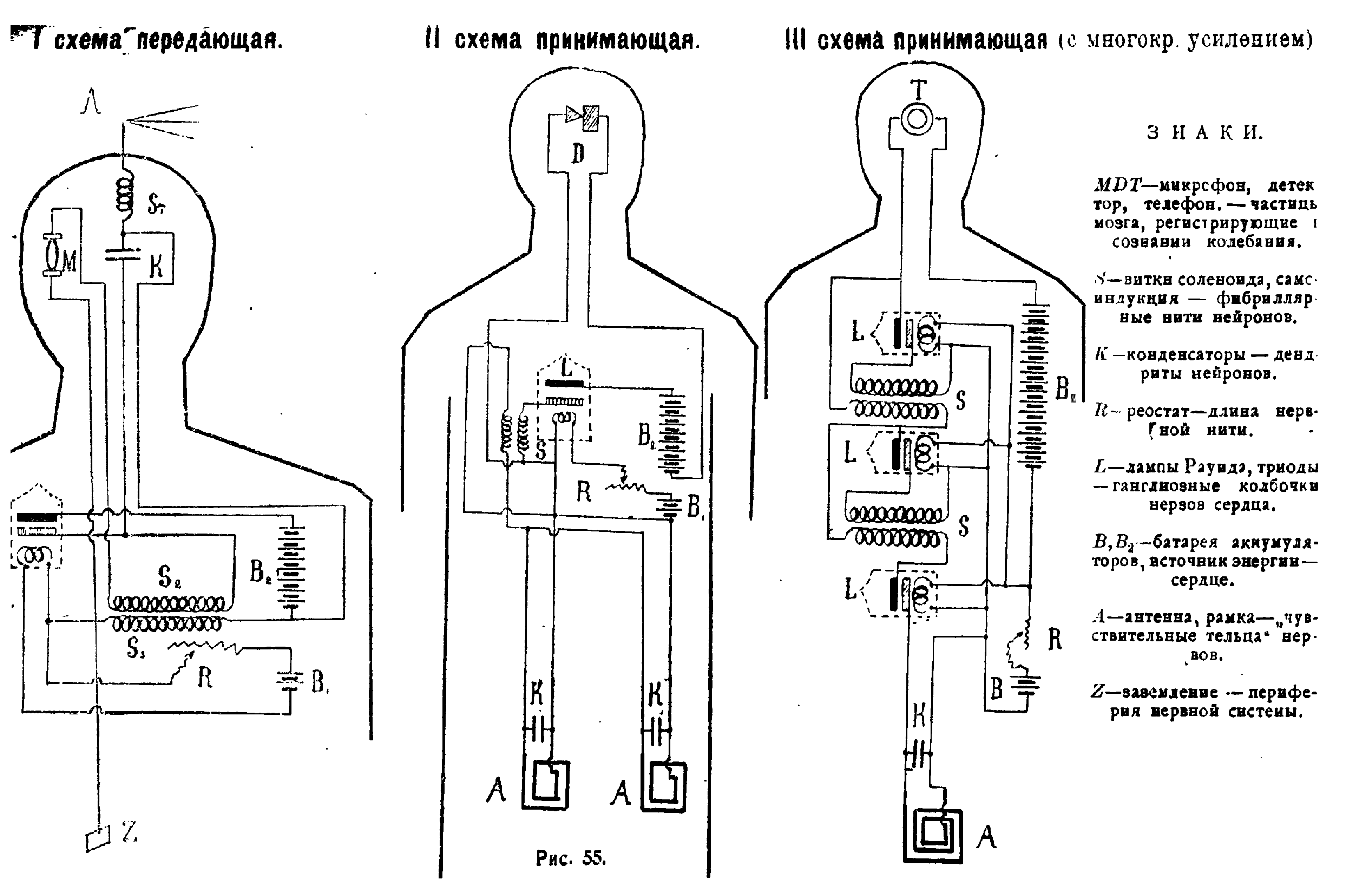
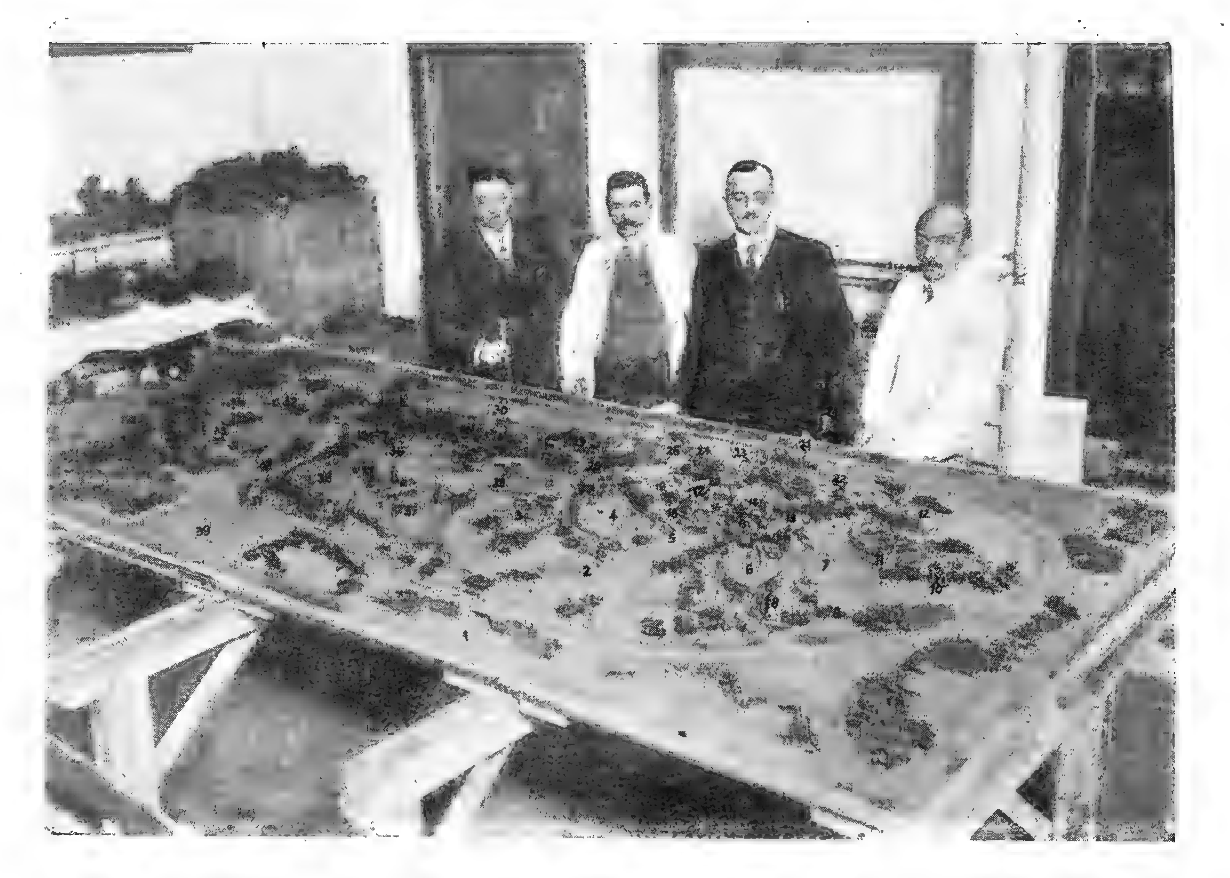

I схема передающая.
II схема принимающая.
III схема принимающая (с многокр. усилением)
Л
S1
K
M
S2
S3
B2
R
B1
Z
D
L
S
A
T
ЗНАКИ.
MDT—микрофон, детектор, телефон. — частиц мозга, регистрирующие в сознании колебания.
S—витки соленоида, самоиндукция — фибриллярные нити нейронов.
K—конденсаторы — дендриты нейронов.
R—реостат—длина нервной нити.
L—лампы Раунда, триоды —ганглиозные колбочки нервов сердца.
B, B2—батарея аккумуляторов, источник энергии—сердце.
A—антенна, рамка—„чувствительные тельца“ нервов.
Z—заземление — периферия нервной системы.

Рис. 55.

63. Модель Зоологического сада в Чикаго, исполненная по проекту Гагенбека. За столом автор проекта X)

Рис. 66. Замаскированные кино и фотооператоры экспедиции Оскара Ольсена в Африку в 1919 г.

Рис. 67. Лиророгая антилопа.

Рис. 68. Зебра у водопоя. Вдали стадо антилоп.

Рис. 69. Спящая бородавчатая дикая свинья.

Рис. 70. Группа павианов на водопое у вырытых ими углублений на дне высохшей реки.

Рис. 71. Группа зебр на водопое.

Рис. 72. Хищные птицы поедают труп зебры.

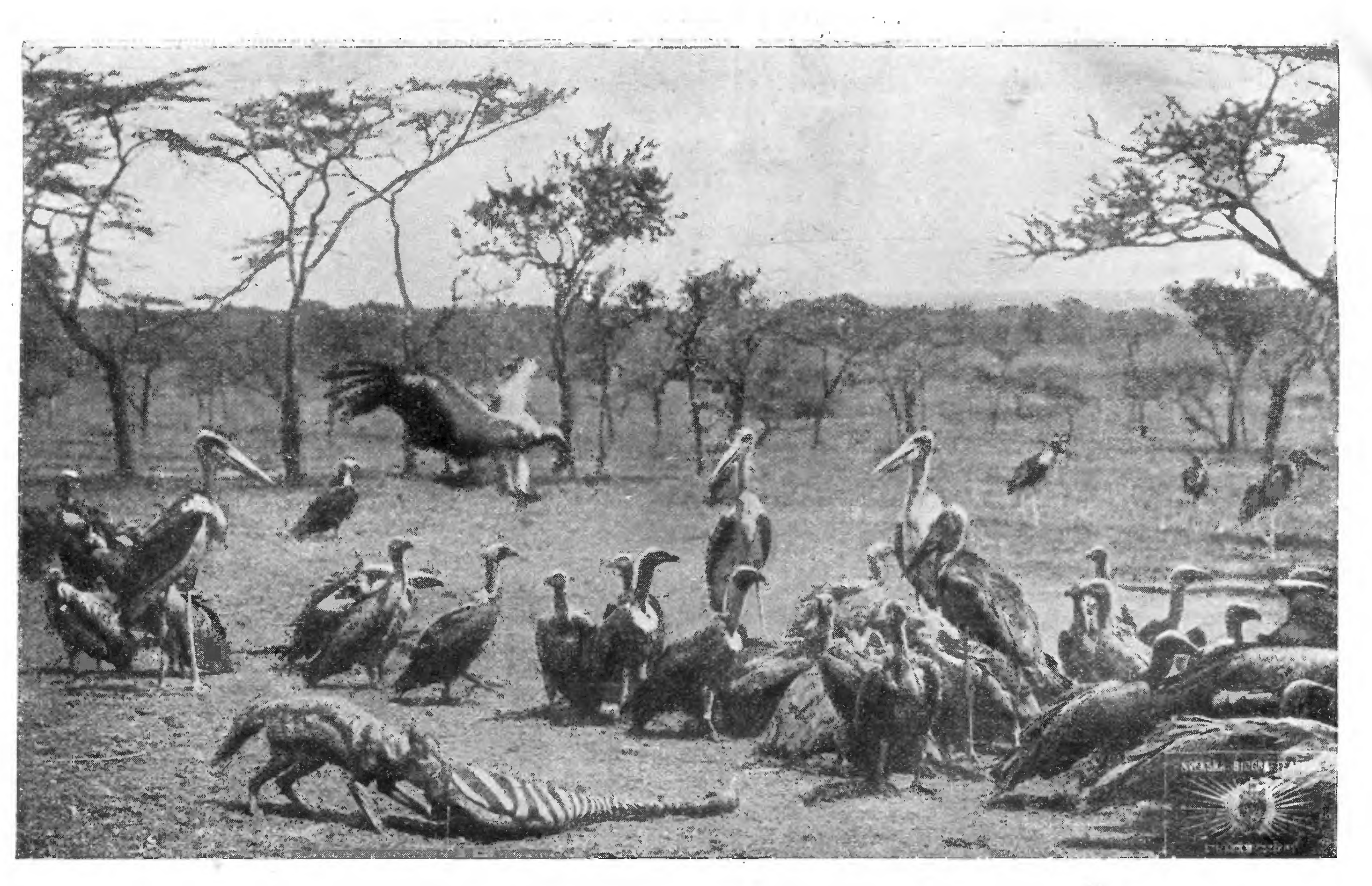

Рис. 73. Хищные птицы после завтрака. Шакал доедает остатки.

